ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

REVUE D'HISTOIRE ANCIENNE

3 (4)

ОГИЗ СОЦЭКТИЗ 1938

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

REVUE D'HISTOIRE ANCIENNE

3(4)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ☆ 1938

И. О. ОТВЕТСТВЕННОГО РЕДАКТОРА
А. В. МИШУЛИН

✧

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
Москва, Красная площадь, здание Совнаркома СССР, 3-й этаж

✧

Тираж 16 000 экз. 22,5 печ. л. 70×108/16. В 1 печ. л. 57,024 знака. Сдано в наб. 23/VI 1938 г. Подписано к печати 14/XII 1938 г.
Соцэкгиз № 68
Заказ типографии № 989

✧

ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕДАКТОР
С. Топаз

✧

Заставки и концовки *худ. Люминарского—Столярова*

✧

Уполномоченный Главлита Б-54188. Отпечатано в 16-й типографии Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига», Москва, Трехпрудный пер., д. 9

✧

Henker

О ПОСТАНОВКЕ ПАРТИЙНОЙ ПРОПАГАНДЫ В СВЯЗИ С ВЫПУСКОМ «КРАТКОГО КУРСА ИСТОРИИ ВКП(б)»

Постановление ЦК ВКП(б)

I.

Выход в свет «Краткого курса истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)» является крупнейшим событием в идейной жизни большевистской партии. С появлением «Краткого курса истории ВКП(б)», партия получила новое могучее идейное оружие большевизма, энциклопедию основных знаний в области марксизма-ленинизма. Курс истории партии—научная история большевизма. В ней изложен и обобщен гигантский опыт коммунистической партии, равного которому не имела и не имеет ни одна партия в мире.

«Краткий курс истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)» является важнейшим средством в деле разрешения задачи овладения большевизмом, вооружения членов партии марксистско-ленинской теорией, т. е. знанием законов общественного развития и политической борьбы, средством повышения политической бдительности партийных и непартийных большевиков, средством поднятия дела пропаганды марксизма-ленинизма на надлежащую теоретическую высоту.

Создавая «Краткий курс истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)», ЦК ВКП(б) исходил из следующих задач:

1. Необходимо было дать партии единое руководство по истории партии, руководство, представляющее официальное, проверенное ЦК ВКП(б) толкование основных вопросов истории ВКП(б) и марксизма-ленинизма, не допускающее никаких произвольных толкований. Изданием «Курса истории ВКП(б)», одобренного ЦК ВКП(б), кладется конец произволу и неразберихе в изложении истории партии, обилию различных точек зрения и произвольных толкований важнейших вопросов партийной теории и истории партии, которые имели место в ряде ранее изданных учебников по истории партии.

2. Создавая «Краткий курс истории ВКП(б)», ЦК ВКП(б) ставил своей задачей ликвидировать вредный разрыв в области пропаганды между марксизмом и ленинизмом, который образовался за последние годы и который привел к тому, что ленинизм стали преподавать как самостоятельное учение в отрыве от марксизма, в отрыве от диалектического и исторического материализма, в отрыве от истории партии, забывая, что ленинизм вырос и развился на основе марксизма, что марксизм есть основа ленинизма, что, не зная этой основы ленинизма, нельзя понять ленинизм.

Создавая «Курс истории ВКП(б)», ЦК ВКП(б) ставил своей задачей дать такое руководство по теории и истории ВКП(б), в котором были бы воссоединены в одно целое искусственно расщепленные составные части единого марксистско-ленинского учения—диалектический и исторический материализм и ленинизм, а исторический материализм был бы связан с политикой партии,—руководство, в котором было бы показано неразрывное единство, целостность и преемственность учения Маркса и Ленина, единство марксизма-ленинизма, и изложено то новое, что внесено Лениным и его учениками в марксистскую теорию на основе обобщения нового опыта классовой борьбы пролетариата в эпоху империализма и пролетарских революций.

3. В противоположность некоторым старым учебникам, излагавшим историю ВКП(б) прежде всего вокруг исторических лиц и имевшим в виду воспитание кадров на лицах и их биографиях,—«Краткий курс» излагает историю партии на базе развертывания основных идей марксизма-ленинизма и имеет в виду воспитание партийных кадров, в первую очередь, на идеях марксизма-ленинизма.

Создавая «Краткий курс истории ВКП(б)», ЦК ВКП(б) исходил из задачи преподать учение марксизма-ленинизма на основе исторических фактов. ЦК ВКП(б) имел в виду, что такое изложение марксистско-ленинской теории наиболее отвечает интересам дела, так как на исторических фактах лучше, естественнее и понятнее демонстрировать основные идеи марксизма-ленинизма, так как сама история ВКП(б) есть марксизм-ленинизм в действии, так как правильность и жизненность марксистско-ленинской теории проверены практикой, на опыте классовой борьбы пролетариата, и сама марксистско-ленинская теория развивалась и обогащалась в теснейшей связи с практикой, на основе обобщения практического опыта революционной борьбы пролетариата.

4. Создавая «Краткий курс истории ВКП(б)», ЦК ВКП(б) ставил задачу освободить марксистскую литературу от упрощенчества и вульгаризации в толковании ряда вопросов теории марксизма-ленинизма и истории партии.

Такого рода вульгаризация и упрощенчество нашли выражение, например, в распространенных до последнего времени, явно антимарксистских и давно осужденных партией, взглядах о роли личности в истории, когда вопрос о роли личности в истории излагался некоторыми лже-теоретиками и пропагандистами с полу-эсеровских позиций.

К такого рода вульгаризаторству и упрощенчеству марксизма-ленинизма относится неправильное толкование вопроса о победе социализма в нашей стране.

Широкое распространение приобрели извращения марксистско-ленинских взглядов по вопросу о характере войн в современную эпоху, непонимание различия между войнами справедливыми и несправедливыми, неправильный взгляд на большевиков как на своего рода «пацифистов».

В исторической науке до последнего времени антимарксистские извращения и вульгаризаторство были связаны с так называемой «школой» Покровского, которая толковала исторические факты извращенно, вопреки историческому материализму освещала их с точки зрения сегодняшнего дня, а не с точки зрения тех условий, в обстановке которых протекали исторические события, и, тем самым, искажала действительную историю.

Антиисторическая фальсификация действительной истории, антиисторические попытки приукрасить историю, вместо правдивого ее изложе-

ния, приводили, например, к тому, что в нашей пропаганде история партии изображалась иногда, как сплошной путь побед, без каких бы то ни было временных поражений и отступлений, что явно противоречит исторической правде и, тем самым, мешает правильному воспитанию кадров.

Антимарксистская вульгаризаторская путаница сказалась также в распространении неправильных взглядов на советское государство, в принижении роли и значения социалистического государства как главного оружия в руках рабочих и крестьян для победы социализма и для защиты социалистических завоеваний трудящихся от капиталистического окружения.

«Краткий курс истории ВКП(б)» кладет конец этой и тому подобной вульгаризации и опошлению марксизма-ленинизма, восстанавливая установки марксизма-ленинизма.

5. Создавая «Краткий курс истории ВКП(б)», ЦК ВКП(б) ставил своей задачей наглядно продемонстрировать силу и значение марксистско-ленинской теории, научно раскрывающей законы развития общества,—теории, которая учит применять эти законы для руководства революционной деятельностью пролетариата,—теории, которая, как и всякая наука, непрерывно развивается и совершенствуется и которая не боится заменять отдельные устарелые положения и выводы новыми выводами и положениями, соответствующими новым историческим условиям.

ЦК ВКП(б) исходил из того, что без знания теории марксизма-ленинизма, без овладения большевизмом, без преодоления своей теоретической отсталости наши кадры будут хромать на обе ноги, ибо задача правильного руководства всеми отраслями социалистического строительства требует овладения со стороны практиков основами марксистско-ленинской теории, требует умения руководствоваться теорией при разрешении вопросов практической деятельности.

Ошибочно думать, будто задача овладения теорией посильна лишь небольшому кругу работников. Овладение марксистско-ленинской теорией—дело наживное. Именно теперь, при Советской власти и победе социализма в СССР, созданы неограниченные возможности для того, чтобы наши руководящие кадры успешно овладевали марксистско-ленинской теорией, изучили историю партии, труды Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Для того, чтобы овладеть теорией марксизма-ленинизма, надо лишь проявить желание, настойчивость и твердость характера в достижении этой цели. Если можно успешно овладеть такими науками, как, например, физика, химия, биология, то тем более нет оснований сомневаться, что можно полностью овладеть наукой марксизма-ленинизма.

6. Создавая «Курс истории ВКП(б)», ЦК ВКП(б) ставил задачу помочь кадрам, ведущим теоретическую и пропагандистскую работу, перестроиться, улучшить качество работы, начать ликвидировать свою теоретическую отсталость, устранить недостатки и пробелы в своей идеологической подготовке и поднять пропагандистскую работу на должную высоту.

Все эти задачи, поставленные ЦК ВКП(б), нашли свое разрешение в «Кратком курсе истории ВКП(б)».

II.

Каковы основные недостатки пропагандистской работы?

В каком направлении необходимо перестроить пропагандистскую и теоретическую работу партии?

1. Основным недостатком постановки партийной пропаганды является отсутствие необходимой централизации руководства партийной пропагандой и вытекающие отсюда кустарщина, неорганизованность в деле пропаганды.

Кустарничество и неорганизованность в области партийной пропаганды выразились прежде всего в том, что партийные организации основной формой пропаганды избрали устную пропаганду через кружки, забывая, что кружковый метод пропаганды был свойственен преимущественно нелегальному периоду партии, в силу условий работы партии в то время, и что в условиях Советской власти и при наличии в руках большевистской партии такого мощного орудия пропаганды, как печать, созданы совершенно новые условия и возможности для неограниченного размаха пропаганды и для централизованного руководства ею.

Вместо того, чтобы использовать эти возможности, партийные организации продолжают цепляться за старые формы пропаганды, не учитывая того, что кружки в нынешних условиях уже не могут являться главным методом обучения наших кадров большевизму, что основным методом обучения кадров марксизму-ленинизму должен являться испытанный на опыте старшего поколения большевиков метод самостоятельного изучения истории и теории большевистской партии, а партия должна притти на помощь кадрам в этом отношении через печать и централизованную высококвалифицированную консультацию по возникающим у них в процессе изучения вопросам, через лекции, доклады и т. п.

Избрав основным методом пропаганды устную пропаганду через кружки, партийные организации увлеклись ошибочной затеей объединить в кружки всех коммунистов, поставив ставку на количественное расширение сети партийных кружков, на погоню за огульным «охватом» и притом в обязательном порядке всех без исключения коммунистов партийными кружками.

В погоне за количеством кружков, партийные организации выпустили из рук главное звено—качество пропаганды.

Обилие кружков, лишив партийные организации возможности контролировать пропагандистскую работу по существу, привело к тому, что партийные организации выпустили из своих рук руководство пропагандой, сведя свою деятельность главным образом к собиранию канцелярско-статистических сведений об «охвате» коммунистов учебой в кружках, их численности и посещаемости. В результате кружки превратились в автономные и бесконтрольные организации, ведущие работу на свой риск и страх.

Обилие кружков привело, далее, к тому, что кадры пропагандистов оказались переполненными малоподготовленными теоретически, а зачастую политически неграмотными и непроверенными людьми, которые не только не могут помочь членам партии и беспартийным овладеть большевизмом, но способны лишь подменить изложение марксистско-ленинской теории вредным упрощенчеством и запутать своих слушателей.

В погоне за количеством пропагандистов партийные организации выпустили из своих рук теоретическое руководство подготовкой и переподготовкой пропагандистских кадров и контроль за работой пропагандистов в кружках. Вместо того, чтобы централизовать руководство пропагандистами и обеспечить тем самым подъем качества работы с пропагандистами, парторганизации и в этом деле ошибочно взяли курс на количество, распылив дело помощи пропагандистским кадрам путем

создания большого количества парткабинетов при предприятиях, семинаров пропагандистов, краткосрочных курсов пропагандистов и т. д. Погоня за количеством этих учреждений в ущерб качеству привела к тому, что парткабинеты и семинары пропагандистов оказались лишенными необходимого партийного руководства, а недостаток квалифицированных кадров руководителей пропсеминаров и парткабинетов привел к снижению качества их работы, к неудовлетворенности пропагандистов постановкой дела в них, превращая посещение семинаров и кабинетов в формальную повинность.

Превратив посещение кружков в обязанность для членов партии, рассматривая партийцев как вечных школьников начальных классов, неспособных к самостоятельному изучению марксизма-ленинизма, парторганизации прибегли к целому ряду административных ухищрений для вовлечения и удержания членов партии в кружках, встали на путь мелочной опеки и регламентации работы коммунистов в кружках.

В работе кружков укоренились неправильные и тормозящие идейно-политический рост членов партии школярские методы, выразившиеся в насаждении «единых дней» учебы для всех кружков, единых регламентов их работы, в изгнании из кружков метода беседы и живой товарищеской дискуссии.

Не ограничиваясь этим, парторганизации задались бюрократической и вредной затеей «контролировать» каждого читающего марксистско-ленинскую книгу и заставлять отчитываться в прочитанном.

В результате этих неправильных установок в пропагандистской работе, у коммунистов, обязанных в течение ряда лет заниматься в одних и тех же кружках и лишенных надлежащей помощи в изучении марксистско-ленинской литературы у себя дома, теряется интерес к теоретической подготовке, а посещение занятий кружков зачастую превращается в тягостную обузу.

Нарушение принципа добровольности при вступлении в кружки, бюрократически-административная практика механического, принудительного зачисления членов партии в кружки, неправильный взгляд на кружки как на единственную форму партийного просвещения, подорвали у партийцев веру в то, что они могут успешно изучать марксизм-ленинизм путем самостоятельного чтения. Тем самым нанесен ущерб делу глубокого, самостоятельного усвоения коммунистами основ марксизма-ленинизма, идейному росту партийных кадров.

Необходимо восстановить коммунистам веру в свои силы и способности к овладению марксистско-ленинской теорией.

Необходимо разбить вредный предрассудок, будто учиться марксизму-ленинизму можно только в кружке, тогда как в действительности главным и основным способом изучения марксизма-ленинизма является самостоятельное чтение.

2. Одной из основных причин непомерного раздувания кружковой работы и устной пропаганды вообще, в ущерб пропаганде через печать, явился вредный разрыв в организации печатной и устной пропаганды, нашедший свое выражение в раздельном существовании отделов пропаганды и отделов печати как в обкомах, крайкомах и ЦК нацкомпартий, так и в аппарате ЦК ВКП(б).

В пропаганде марксизма-ленинизма главным, решающим оружием должна являться печать—журналы, газеты, брошюры, а устная пропаганда должна занимать подсобное, вспомогательное место. Печать дает

возможность ту или иную истину сразу сделать достоянием всех, она поэтому сильнее устной пропаганды. Расщепление же руководства пропагандой между двумя отделами привело к принижению роли печати в пропаганде марксизма-ленинизма и, тем самым, к сужению размаха большевистской пропаганды, к кустарничеству и неорганизованности.

Отделы партийной пропаганды и агитации, ограничив свою деятельность устной пропагандой, погнавшись за количеством кружков, не использовали для дела пропаганды партийную печать, и в результате лишили себя возможности руководить пропагандой по существу.

В свою очередь отделы печати, будучи лишены необходимых квалифицированных кадров пропагандистов, которые почти целиком ушли в устную пропаганду, оказались неспособными вести пропаганду марксизма-ленинизма через печать.

3. Важнейшим недостатком в деле партийной пропаганды является пренебрежение со стороны партийных организаций к делу политической подготовки, к делу марксистско-ленинской закалки наших кадров, нашей советской интеллигенции,—кадров партийных, комсомольских, советских, хозяйственных, кооперативных, торговых, профсоюзных, сельскохозяйственных, просвещенских, военных, то-есть кадров партийного, государственного и колхозного аппарата, при помощи которых управляют рабочий класс и крестьянство Советской страной. Практика нашей партийной пропаганды, сосредоточившись на охвате, главным образом, рабочих от станка, упустила из виду командные кадры—нашу советскую, партийную и непартийную интеллигенцию, состоящую из вчерашних рабочих и крестьян.

«Краткий курс истории ВКП(б)» ставит одной из своих задач положить конец этому дикому, антиленинскому, пренебрежительному отношению к нашей, советской интеллигенции и к нуждам ее политического, ленинского воспитания.

«Краткий курс истории ВКП(б)» обращен, в первую очередь, к руководящим кадрам партийных, комсомольских, хозяйственных и иных работников, ко всей нашей партийной и непартийной интеллигенции как в городе, так и в деревне.

Наши партийные, советские, хозяйственные и другие руководящие ленинские кадры, занятые практической работой, сильно отстали в области теории. Создавая курс истории партии, ЦК ВКП(б) ставил задачу начать ликвидацию этой теоретической и политической отсталости наших кадров.

ЦК ВКП(б) исходил из того, что «...если бы мы смогли, если бы сумели наши партийные кадры, снизу доверху, подготовить идеологически и закалить их политически таким образом, чтобы они могли свободно ориентироваться во внутренней и международной обстановке, если бы мы сумели сделать их вполне зрелыми ленинцами, марксистами, способными решать без серьезных ошибок вопросы руководства страной, то мы разрешили бы этим девять десятых всех наших задач» (Сталин).

ЦК ВКП(б) исходил из того, что искусство большевистского руководства требует знания теории, т. е. законов развития общества, законов развития рабочего движения, развития пролетарской революции, развития социалистического строительства и умения пользоваться этими законами в практической работе по руководству социалистическим строительством.

Все наши кадры составляют огромную армию советской интеллигенции. Советская интеллигенция всеми своими корнями связана с рабочим

классом и крестьянством. Это совершенно новая интеллигенция, подобной которой нет ни в одной стране мира.

Ни одно государство не могло и не может обойтись без своей интеллигенции, тем более не может обойтись без своей интеллигенции социалистическое государство рабочих и крестьян. Нашу интеллигенцию, выросшую за годы Советской власти, составляют кадры государственного аппарата, при помощи которых рабочий класс ведет свою внутреннюю и внешнюю политику. Это—вчерашние рабочие и крестьяне и сыновья рабочих и крестьян, выдвинувшиеся на командные посты. Особое значение имеет интеллигенция в такой стране, как наша, где государство направляет все отрасли хозяйства и культуры, в том числе и сельское хозяйство, и где каждый государственный работник, чтобы сознательно и с успехом выполнять свою работу, должен понимать политику государства, его задачи во вне и внутри страны.

Следовательно, задача марксистско-ленинского воспитания советской интеллигенции является одной из самых первоочередных и важнейших задач партии большевиков.

ЦК ВКП(б) констатирует, что несмотря на столь важную роль интеллигенции в советском государстве, до настоящего времени еще не преодолено пренебрежительное отношение к нашей интеллигенции, представляющее из себя вреднейшее перенесение на нашу советскую интеллигенцию тех взглядов и отношений к интеллигенции, которые были распространены в дореволюционный период, когда интеллигенция находилась на службе у помещиков и капиталистов.

Это пренебрежительное отношение к интеллигенции находит свое выражение в запущенности идейно-воспитательной работы с кадрами, в забросе политической работы среди интеллигенции, служащих, учителей, врачей, студенчества, колхозной интеллигенции и т. д., в пренебрежительно-высокомерном отношении к партийному и непартийному интеллигенту, как к человеку второго сорта, хотя бы это был вчерашний стахановец, выдвинутый в силу своих заслуг на руководящий пост советского государства.

Такое антибольшевистское отношение к советской интеллигенции является диким, хулиганским и опасным для советского государства. Необходимо понять, что именно заброшенность политической работы среди интеллигенции, среди наших кадров, привела к тому, что часть наших кадров, оказавшаяся вне политического влияния партии и лишенная идейной закалки, политически свихнулась, запуталась и стала добычей иностранных разведок и их троцкистско-бухаринской и буржуазно-националистической агентуры.

ЦК ВКП(б) считает, что этому «махаевскому», антиленинскому отношению к интеллигенции необходимо положить конец.

Необходимо воспитать советскую интеллигенцию в духе марксизма-ленинизма.

Без такой интеллигенции советское государство не может с успехом руководить страной.

«Краткий курс истории ВКП(б)» является средством такого воспитания советской интеллигенции.

III.

ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Считать неправильной практику погони за количественным охватом коммунистов кружками сети партпросвещения в ущерб качеству пропа-

ганды, приводящую к дроблению сил и принижению уровня пропагандистской работы.

2. Обязать партийные организации ликвидировать организационное кустарничество в деле партийной пропаганды, установить необходимую централизацию в руководстве ею и перестроить организацию партийной пропаганды таким образом, чтобы обеспечить подъем ее качества, ее идейного уровня.

3. В основу пропаганды марксизма-ленинизма положить «Краткий курс истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)».

Диференцировать изучение истории ВКП(б) следующим образом:

Для **низового** звена кадров, в числе которых имеется значительная часть недостаточно подготовленных товарищей, целесообразно изучать курс в сокращенном объеме по трем основным этапам истории партии: 1) борьба за создание большевистской партии (I—IV главы), 2) партия большевиков в борьбе за диктатуру пролетариата (V—VII главы), 3) партия большевиков у власти (VIII—XII главы).

Для **среднего** звена, состоящего из сравнительно более подготовленных товарищей и являющегося наиболее многочисленным звеном наших кадров, ЦК ВКП(б) рекомендует изучение «Курса истории ВКП(б)» полностью, по 12 содержащимся в нем главам.

Для **высшего** звена, т. е. для наиболее подготовленных товарищей целесообразно изучать «Краткий курс истории ВКП(б)» по подразделам каждой главы, одновременно с изучением соответствующих произведений Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина по первоисточникам.

4. Исходя из того, что главным методом изучения марксизма-ленинизма должен стать метод самостоятельного изучения, предложить обкомам, крайкомам и ЦК нацкомпартий сократить количество кружков партийного просвещения.

Вместо существующих ныне на каждом крупном предприятии, в учреждении, в вузе многих десятков, а иногда и сотен кружков, при правильном подходе к делу окажется целесообразным иметь на крупном предприятии, в крупном учреждении, примерно, 2—3 кружка для низовых кадров, 2—3 кружка среднего уровня и 1 повышенный кружок для самых развитых и подготовленных людей, а в вузах несколько кружков среднего и повышенного типа.

В сельских районах при наличии желающих изучать «Краткий курс истории ВКП(б)» в кружках и при наличии квалифицированных пропагандистов можно иметь несколько кружков для сельской интеллигенции: партийного и советского актива, учителей, торгово-кооперативных работников, колхозного актива и т. д.

При сокращении количества кружков необходимо исходить из задачи обеспечить их действительно квалифицированными пропагандистами.

5. Ликвидировать административно-бюрократическую практику принудительного зачисления коммунистов в кружки партийного просвещения.

Разъяснить каждому коммунисту, что участие в кружках является делом исключительно добровольным.

6. Работа кружков должна быть построена на основе живой беседы и товарищеской дискуссии. Из кружков должны быть решительно изгнаны вредные школярско-административные методы, казенщина и схематизм, тормозящие идейное воспитание партийных и непартийных большевиков. Пропагандисты должны давать товарищеское разъяснение по интересующим членов кружка вопросам.

Необходимо покончить с формально-бюрократической регламентацией работы кружков (единый день партийной учебы, двухчасовые занятия сразу же после работы, отказ от постановки практических вопросов, интересующих участников кружка и т. п.). Расписание занятий каждого кружка должно устанавливаться его участниками вместе с пропагандистом, исходя из местных условий. Каждое занятие должно продолжаться столько, сколько участники кружка сочтут необходимым для основательного обсуждения поставленных вопросов.

Работа кружков должна быть организована так, чтобы не растягивать занятия на слишком долгий период времени. Необходимо избежать одного из коренных недостатков теперешних кружков, когда неограниченное количество времени уделяется первым темам, а послеоктябрьский период, имеющий важнейшее значение в истории партии, остается неизученным.

Кружки по изучению истории партии должны формироваться так, чтобы обеспечить более или менее однородный уровень общеобразовательной и политической подготовки их участников. По уровню подготовки целесообразно иметь три типа кружков в соответствии с диференцированным характером изучения «Краткого курса истории ВКП(б)»:

а) кружки для низового звена наших кадров, изучающие «Краткий курс истории ВКП(б)» в сокращенном объеме и с более доступным изложением вопросов теории;

б) кружки для среднего звена, изучающие полностью «Краткий курс истории ВКП(б)» по отдельным главам;

в) кружки для наиболее подготовленных товарищей, изучающие «Краткий курс истории ВКП(б)» по подразделам каждой главы с одновременным чтением первоисточников.

7. Ввести в практику **лекции**, являющиеся важным методом пропаганды марксизма-ленинизма. Хорошо подготовленная, содержательная лекция должна явиться серьезной помощью товарищам, самостоятельно изучающим «Краткий курс истории ВКП(б)» и произведения классиков марксизма-ленинизма. Необходимо также ставить лекции по вопросам международного положения и по отдельным теоретическим и политическим вопросам. Считать целесообразным, чтобы после лекции лектор отвечал на заданные вопросы. Ввести в практику организацию открытых лекций с небольшой платой за посещение.

8. Ликвидировать кустарщину и бесконтрольность в работе с пропагандистами, выразившиеся в погоне за огульным насаждением партКабинетов и семинаров пропагандистов. Обязать парторганизации в двухмесячный срок изучить и пересмотреть сеть партКабинетов, сократив их количество, оставив партКабинеты для помощи пропагандистам и консультации для занимающихся политическим самообразованием, как правило, при горкомах и райкомах партии. Не обеспеченные квалифицированными консультантами, партийные кабинеты на предприятиях и в учреждениях должны быть сокращены, или использованы в качестве читален и библиотек для занимающихся самообразованием. Обязать парторгнизации сократить количество пропагандистских семинаров, сосредоточив работу семинаров пропагандистов при крупных городских райкомах, при горкомах, обкомах и крайкомах ВКП(б).

Партийные организации при создании семинаров пропагандистов должны обеспечить их марксистски-образованными, политически проверенными руководителями. Горкомы, обкомы и крайкомы ВКП(б) должны

осуществлять постоянный контроль за содержанием работы семинаров пропагандистов.

Работа семинаров пропагандистов по истории ВКП(б) должна быть построена применительно к трем основным формам изучения истории ВКП(б) и при этом с таким расчетом, чтобы семинары пропагандистов при изучении «Краткого курса истории ВКП(б)» шли значительно раньше кружков.

Семинар не может быть местом для «накачивания» пропагандистов. Занятия в семинарах пропагандистов надо поставить таким образом, чтобы была обеспечена творческая работа каждого участника семинара, велось живое обсуждение теоретических вопросов, чтобы была обеспечена товарищеская дискуссия по теоретическим и методическим вопросам.

9. Обязать Отдел агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) объединить наиболее квалифицированных пропагандистов нашей партии, лекторов, докладчиков, консультантов, которые должны сотрудничать в теоретических журналах, в центральных газетах, выступать с лекциями и докладами на местах, оказывать действенную помощь местным партийным организациям в пропаганде марксизма-ленинизма.

Считать необходимым собирать и систематически публиковать на страницах печати опыт лучших пропагандистов, их занятия, консультации, лекции.

Рекомендовать горкомам, обкомам, крайкомам и ЦК нацкомпартий практиковать регулярный созыв пропагандистов и работников печати для обсуждения основных вопросов пропаганды.

10. Ликвидировать недооценку значения печати как важнейшего орудия марксизма-ленинизма и всесоюзной трибуны пропаганды.

Поднять роль печати в деле пропаганды марксизма-ленинизма. С этой целью обязать редакции «Правды», «Красной Звезды», «Комсомольской Правды», а также республиканских, краевых и областных партийных и комсомольских газет систематически помещать на страницах газет статьи по теоретическим вопросам марксизма-ленинизма, консультации, лекции лучших пропагандистов, «ответы» на «вопросы» читателей. Организовать в составе редакций «Правды», «Красной Звезды», «Комсомольской Правды», а также республиканских, краевых и областных партийных и комсомольских газет, отделы пропаганды, поставив во главе их теоретически подготовленных товарищей, и привлечь к работе в отделах пропаганды редакций лучших пропагандистов.

Считать необходимым перестроить журнал «Большевик» с тем, чтобы он являлся теоретическим органом партии и всесоюзной консультацией по вопросам марксизма-ленинизма, давая на своих страницах ответы и разъяснения по интересующим членов партии и беспартийных теоретическим и политическим вопросам.

Обязать Отдел партийной пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и Госполитиздат обеспечить издание популярных брошюр в помощь пропагандистам и особенно низовому активу, изучающему историю партии, а также разработать план издания пособий по истории партии.

11. Осудить как дикость и хулиганство пренебрежительное отношение к советской интеллигенции и к задачам ее идейно-политического воспитания в духе марксизма-ленинизма. Обязать партийные организации восстановить правильное большевистское отношение к советской интеллигенции и развернуть идейно-политическую работу среди интеллигенции, среди служащих, студенчества и колхозной интеллигенции. Считать

первоочередной и главной задачей парторганизаций в области пропаганды ликвидацию теоретической и политической отсталости кадров партийной и непартийной интеллигенции, обеспечив всяческую помощь советской интеллигенции в овладении большевизмом, в изучении истории ВКП(б) и произведений классиков марксизма-ленинизма.

12. Отметить серьезное отставание работников теоретического фронта, проявляющееся в их теоретической слабости, в их боязни смело ставить актуальные теоретические вопросы, в распространении начетчичества и буквоедства, в вульгаризации и опошлении отдельных положений марксизма-ленинизма, в отставании теоретической мысли, в недостатке теоретического обобщения громадного практического опыта, накопленного партией на всех участках социалистического строительства. Призвать всех работников теоретического фронта решительно и быстро выправить нетерпимое отставание теоретического фронта, покончив с боязнью смелой постановки теоретических вопросов, двигающих марксистско-ленинскую теорию вперед, покончив с буквоедством, начетничеством, схоластикой, вульгаризацией и опошлением отдельных положений марксистско-ленинской теории.

13. Ликвидировать запущенность идеологического хозяйства, которая нашла, в частности, свое выражение в неудовлетворительной работе Института Маркса—Энгельса—Ленина, допустившего ряд искажений и неточностей при переводах на русский язык сочинений Маркса и Энгельса, а также грубейшие политические ошибки вредительского характера в приложениях, примечаниях и комментариях к некоторым томам сочинений Ленина.

14. Обязать Институт Маркса—Энгельса—Ленина в кратчайший срок исправить искажения, допущенные в переводах сочинений Маркса—Энгельса на русский язык, а также грубейшие политические ошибки, содержавшиеся в приложениях и примечаниях к сочинениям В. И. Ленина, например, к XIII тому.

Обязать Институт Маркса—Энгельса—Ленина ускорить переиздание сочинений Маркса—Энгельса и В. И. Ленина.

15. Отметить оторванность наших теоретических журналов от насущных вопросов жизни и борьбы нашей партии, их самозамыкание и тенденции к академизму.

Обязать редакции теоретических журналов перестроить свою работу, обеспечив на своих страницах постановку актуальных теоретических вопросов, обобщение опыта социалистического строительства, обслуживание теоретических запросов наших кадров, разработку новых теоретических проблем и творческую дискуссию по вопросам теории.

16. В дополнение к системе политической переподготовки руководящих партийных кадров, установленной февральско-мартовским пленумом ЦК ВКП(б), провести следующие мероприятия по переподготовке и подготовке квалифицированных пропагандистских кадров партии:

а) Организовать годичные курсы переподготовки пропагандистов и газетных работников в следующих центрах: 1) Москва, 2) Ленинград, 3) Киев, 4) Минск, 5) Ростов, 6) Тбилиси, 7) Баку, 8) Ташкент, 9) Алма-Ата, 10) Новосибирск. Годичные курсы переподготовки пропагандистов, организованные в этих центрах, должны обслуживать не только данную область, край, но и смежные области, края, республики. Программа годичных курсов пропагандистов должна быть составлена применительно к программе «Ленинских курсов», а занятия должны быть построены

так, чтобы развивать навыки пропагандистской работы и самостоятельного глубокого изучения произведений Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина.

Общий контингент слушателей всех годичных курсов переподготовки пропагандистов установить в количестве 1500—2000 человек, с тем, чтобы в этом составе, примерно, половину составляли газетные работники.

б) Организовать Высшую школу марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б) с трехгодичным курсом для подготовки высококвалифицированных теоретических кадров партии.

17. Построить преподавание марксистско-ленинской теории в высших учебных заведениях на основе глубокого изучения «Краткого курса истории ВКП(б)». В связи с этим:

а) Взамен самостоятельных курсов ленинизма, диалектического и исторического материализма ввести в вузах единый курс «Основы марксизма-ленинизма», сохранив в учебном плане общее количество часов, отводившееся ранее на социально-экономические дисциплины. Преподавание основ марксистско-ленинской теории в вузах должно начинаться с изучения «Краткого курса истории ВКП(б)», с одновременным изучением первоисточников марксизма-ленинизма. Преподавание политической экономии должно проводиться после изучения «Истории ВКП(б)».

б) Вместо ныне существующих отдельных кафедр диалектического и исторического материализма, ленинизма и истории ВКП(б) создать в вузах единую кафедру марксизма-ленинизма.

в) В университетах и институтах, где имеются факультеты философские, исторические, литературные, сохранить на этих факультетах преподавание курса диалектического и исторического материализма.

г) Поручить Отделу пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и Всесоюзному Комитету по делам высшей школы отобрать к началу учебного 1939—40 года руководителей кафедр марксизма-ленинизма и представить их на утверждение ЦК ВКП(б). Предложить ЦК нацкомпартий, крайкомам, обкомам и горкомам ВКП(б) отобрать теоретически подготовленных и политически проверенных преподавателей основ марксизма-ленинизма.

д) Организовать при Высшей школе марксизма-ленинизма шестимесячные курсы переподготовки преподавателей марксизма-ленинизма для вузов.

IV.

В целях коренного улучшения партийного руководства пропагандой марксизма-ленинизма ЦК ВКП(б) постановляет:

18. Объединить отделы партийной пропаганды и агитации и отделы печати и издательств ЦК ВКП(б), ЦК нацкомпартий, крайкомов и обкомов ВКП(б), создав единые отделы пропаганды и агитации.

19. Сосредоточить в отделах пропаганды и агитации всю работу по печатной и устной пропаганде марксизма-ленинизма и массовой политической агитации (партийная пресса; издание пропагандистской и агитационной литературы; организация печатной и устной пропаганды марксизма-ленинизма; контроль за идейным содержанием пропагандистской работы; подбор и распределение пропагандистских кадров, политическая переподготовка и подготовка партийных кадров; организация массовой политической агитации).

В основу работы отделов пропаганды и агитации положить практическое проведение в жизнь настоящего решения ЦК ВКП(б).

20. Для поднятия качества пропаганды марксизма-ленинизма считать необходимым, чтобы в деле пропаганды парторганизации опирались впредь, как правило, на кадры освобожденных от всякой другой работы товарищей, могущих полностью посвятить себя этой работе и неустанно повышать свою теоретическую и пропагандистскую квалификацию.

В связи с этим поручить обкомам и крайкомам ВКП(б) отобрать лучших пропагандистов на постоянную пропагандистскую работу.

21. Работники отделов пропаганды и агитации должны подбираться парторганами из числа наиболее квалифицированных пропагандистов-профессионалов и партийных литераторов.

В составе отделов пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), ЦК нацкомпартий, обкомов, крайкомов и горкомов ВКП(б) должны быть организованы лекторские группы.

22. В связи с тем, что сокращение количества кружков, а также партийных кабинетов на предприятиях и в учреждениях высвободит часть пропагандистских работников в городах, предложить обкомам, крайкомам и ЦК нацкомпартий передвинуть наиболее подготовленных из числа этих работников для усиления пропагандистской работы в сельские районы.

23. Реорганизовать существующие культпропы горкомов и райкомов партии в отделы пропаганды и агитации. Считать необходимым создание отделов пропаганды и агитации также и в тех райкомах, где в настоящее время не имеется культпропов. Установить, что создание отделов пропаганды и агитации в райкомах партии разрешается ЦК ВКП(б) для каждого района в отдельности по мере подбора квалифицированных работников, по представлению обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий.

Включить в состав отделов пропаганды и агитации горкомов, райкомов партии городские и районные партийные кабинеты с тем, чтобы заведующие парткабинетами одновременно являлись заместителями заведующих отделов пропаганды и агитации.

24. Установить, что заведующие отделами пропаганды и агитации обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, окружкомов, горкомов и райкомов партии утверждаются ЦК ВКП(б), а все остальные ответственные работники отделов пропаганды и агитации этих комитетов утверждаются бюро обкомов, крайкомов и ЦК нацкомпартий.

Обязать обкомы, крайкомы, ЦК нацкомпартий в двухмесячный срок полностью подобрать и утвердить работников отделов пропаганды и агитации.

25. Ввиду тесной связи работы Института Маркса—Энгельса—Ленина с пропагандой марксизма-ленинизма считать необходимым передать Институт Маркса—Энгельса—Ленина в ведение Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б).

26. ЦК ВКП(б) обязывает все партийные комитеты серьезно заняться пропагандой марксизма-ленинизма—кровным делом большевистской партии. Комитеты партии обязаны руководить делом пропаганды по существу, глубоко вникая в ее содержание. Обкомы, крайкомы и ЦК нацкомпартий должны взять в свои руки руководство перестройкой всего дела организации пропаганды марксизма-ленинизма в соответствии с настоящим постановлением.

Указывая всем партийным организациям, что перестройка всего дела партийной пропаганды в духе настоящего решения ЦК потребует от партийных органов особого внимания и заботы, ЦК предупреждает парторганизации от опасности механически-формального подхода к перестройке

пропаганды, от каких бы то ни было попыток огульного охаивания всего прошлого опыта пропагандистской работы.

В целях улучшения руководства делом партийной пропаганды установить, что в каждом горкоме, обкоме, крайкоме и ЦК нацкомпартии должен быть специальный секретарь, занимающийся исключительно вопросами организации и содержания пропаганды и агитации.

*

ЦК ВКП(б) предлагает райкомам, горкомам, обкомам, крайкомам и ЦК нацкомпартий разъяснить настоящее решение партийному активу и всем членам партии.

ЦК ВКП(б) подчеркивает, что выход в свет «Истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)» должен стать началом поворота наших кадров—партийных, комсомольских, советских, профсоюзных, хозяйственных, культурных работников, кадров всей советской интеллигенции,—к ликвидации своей теоретической отсталости.

«Краткий курс истории ВКП(б)» кладет начало новому мощному идейно-политическому подъему в жизни нашей партии и советского народа.

Овладевая теорией марксизма-ленинизма, вооружающей знанием законов общественного развития, наши кадры станут действительно непобедимыми и еще успешнее поведут под знаменем этой теории, под руководством партии Ленина—Сталина весь советский народ к победе коммунизма.

14 ноября 1938 г.

НЕОЦЕНИМЫЙ ВКЛАД В МАРКСИСТСКУЮ ИСТОРИЧЕСКУЮ НАУКУ

Издание «Краткого курса истории ВКП(б)» под редакцией комиссии ЦК ВКП(б) является крупнейшим событием в жизни партии и триумфом марксистско-ленинской науки. Большевистская партия получила могучее идейное оружие большевизма, энциклопедию основных знаний в области марксизма-ленинизма, глубоко научный труд, в создании которого принимал активное участие учитель партии товарищ Сталин.

«Краткий курс истории ВКП(б)» не является учебником обычного типа. В этой замечательной книге сконцентрирован и дан в обобщенном виде весь гигантский исторический опыт большевистской партии, это—ленинизм в действии. Все исключительное значение этой книги прекрасно сформулировано в постановлении о постановке пропаганды в связи с выпуском «Истории ВКП(б)». «Краткий курс истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)»,—читаем мы в постановлении,—является важнейшим средством в деле разрешения задачи овладения большевизмом, вооружения членов партии марксистско-ленинской теорией, т. е. знанием законов общественного развития и политической борьбы, средством повышения политической бдительности партийных и непартийных большевиков, средством поднятия дела пропаганды марксизма-ленинизма на надлежащую теоретическую высоту» («Правда» от 15 ноября 1938 г.).

Вся наша партия, все партийные и непартийные большевики, наша советская интеллигенция, вся страна встретили появление «Краткого курса» с огромнейшим вниманием, с новым подъемом идейной жизни, с радостным чувством желания упорного изучения боевого опыта большевистской партии, основных положений марксистско-ленинской теории, революционного и творческого метода в практической работе. Это радостное чувство нашей советской интеллигенции хорошо сумела выразить в статье по поводу «Краткого курса» московская учительница В. В. Сказкина, которая писала в «Правде»: «Для нас история ВКП(б) не только учебник. Это научный труд, который запечатлел боевой исторический путь и опыт партии Ленина—Сталина... хочется засесть за стол, обложиться книгами и читать, читать, вдумываться в каждую строку и пересмотреть под новым углом зрения все, что знаю и знала до сих пор» («Правда» от 24 сентября 1938 г.).

«Краткий курс» прежде всего обращен к нашей советской интелли-

генции. Огромная армия советской интеллигенции всеми своими корнями связана с рабочим классом и крестьянством. Эта совершенно новая интеллигенция служит делу социализма и подобной интеллигенции нет ни в одной стране мира. И естественно, что задача марксистско-ленинского воспитания советской интеллигенции является одной из самых первоочередных и важнейших задач большевиков.

Изучение «Истории ВКП(б)» дает единое руководство по истории партии, кладет конец произволу и неразберихе в изложении и толковании истории большевизма, ликвидирует вредный разрыв в области пропаганды между марксизмом и ленинизмом, воссоединяет в одно целое искусственно расщепленные составные части марксистско-ленинского учения— диалектический и исторический материализм и ленинизм. Таким образом достигается целостность и преемственность учения Маркса и Ленина, единство марксизма-ленинизма и четкость в изложении того нового, что было внесено Лениным и его учениками, прежде всего товарищем Сталиным, в марксистскую теорию.

Значение издания «Краткого курса» заключается также и в том, что изложение истории партии дается в противоположность старым учебникам не вокруг лиц и отдельных их биографий, а на базе развития основных идей марксизма-ленинизма, что имеет своей задачей воспитание наших кадров, прежде всего, на идеях марксистско-ленинской теории. При этом курс построен на привлечении богатого материала исторических фактов, обильного количества примеров из революционной практики, в теснейшей зависимости от которой стоит развитие и обогащение идей самой марксистско-ленинской теории.

Исключительное значение создания «Краткого курса» для развития марксистской теоретической и, в частности, исторической мысли в стране заключается еще в том, что он освобождает марксистскую литературу от упрощенчества и вульгаризации в толковании ряда вопросов теории марксизма-ленинизма и истории партии. К такого рода вульгаризации и упрощенчеству относятся явно немарксистские и давно осужденные партией, но распространявшиеся до последнего времени взгляды о роли личности в истории, по вопросу о характере войн, непонимание различия войн справедливых и несправедливых, неправильное толкование о победе социализма в одной стране, принижение роли и значения социалистического государства, как главного оружия для победы социализма и для защиты социалистических завоеваний трудящихся от капиталистического окружения.

В постановлении ЦК ВКП(б) «О постановке пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)» ряд пунктов являются прямым указанием не только для перестройки всей системы пропаганды, но и, в частности, всей работы в области исторической науки.

«В исторической науке до последнего времени антимарксистские извращения и вульгаризаторство были связаны с так называемой «школой» Покровского, которая толковала исторические факты извращенно, вопреки историческому материализму освещала их с точки зрения сегодняшнего дня, а не с точки зрения тех условий, в обстановке которых протекали исторические события, и, тем самым, искажала действительную историю.

Антиисторическая фальсификация действительной истории, антиисторические попытки приукрасить историю вместо правдивого ее изложения приводили, например, к тому, что в нашей пропаганде история партии изображалась иногда, как сплошной путь побед, без каких бы то

ни было временных поражений и отступлений, что явно противоречит исторической правде и, тем самым, мешает правильному воспитанию кадров».

Это, несомненно, имеет прямое отношение к фронту исторической науки, к задачам перестройки ее работы в связи с выходом «Краткого курса».

Советский историк пропагандирует марксизм на примерах изучения прошлого человечества на самых различных ступенях его развития. Исследуя в своих трудах самое отдаленное прошлое, первобытно-общинный строй, рабовладельческое общество или феодализм, он должен стремиться правдиво изложить ход событий, уловить и формулировать путем самого внимательного изучения исторических фактов закономерность исследуемой эпохи и, таким образом, углубляя познания в области прошлого, подвести к лучшему пониманию настоящего, его необходимости и закономерности. Поэтому всякое прикрашивание прошлого, будь это идеализация или, наоборот, принижение его, влечет за собою фальсификацию истории, мешает вскрытию ее истинных закономерностей, приводит к субъективизму, к расцениванию событий прошлого с точки зрения «предвзятой идеи, как это делают нередко историки» еще до сих пор («Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 104). В особенности недопустимо рассматривание исторических событий, как это делала пресловутая «школа» Покровского, т. е. с точки зрения сегодняшнего дня, ибо это вело не только к открытой фальсификации истории, но и к прямой ликвидации истории, как науки.

С точки зрения ликвидаторов истории важно было лишь установить субъективное соотношение настоящего с прошлым в некоей общей социологической формуле, причем формулы эти можно было выводить без какой-либо попытки конкретного исследования, априорно или путем схоластической комбинации и подтасовки цитат.

Необходимость же изучения живой, конкретной истории с целью установления закономерностей развития различных обществ в прошлом подменялась в «школе» Покровского или привнесением в прошлое закономерностей настоящего или голым осуждением исторических явлений, как «политики, опрокинутой в прошлое». И тем и другим приемом создавалась ложная «социологическая» система рассуждений, прямо фальсифицировавшая историю. Известно, что «рабовладельческий строй для современных условий есть бессмыслица, противоестественная глупость» («Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 104). Для современных условий, для века социализма такой же глупостью является феодальный строй. Но «Краткий курс» при этом указывает на главное, что является сущностью *исторического* подхода к прошлому. Ведь то, что является глупостью для современных условий, было исторически закономерным в свое время и могло являться даже прогрессивным. «Все зависит от условий, места и времени» («Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 105). Как раз изучение такой закономерности и того, что являлось прогрессивным в развитии общества, и становится главным в работе историка-марксиста.

Ликвидаторы же исторической науки рассмотрение общественных явлений прошлого ограничивали только оценкой их для современных условий. Понятно, что при таком антиисторическом подходе история превращалась в «политику, опрокинутую в прошлое», а явления прошлого могли лишь осуждаться, как «глупости» для настоящего. А раз все это «глупости», то спрашивалось, зачем все это надо изучать? С точки зрения «школы» Покровского, при подходе к истории исключительно только «с точки зрения сегодняшнего дня», от истории ничего не остава-

лось бы, кроме «глупостей», т. е. это означало бы полную ликвидацию исторической науки. Насколько навредил такой подход к истории в наших, особенно средних, школах, известно в связи с тем вмешательством, которое партия и правительство вынуждены были предпринять, в особенности в 1934 г., своим постановлением об учебниках по истории для средней школы и о восстановлении исторических факультетов университетов.

«Краткий курс истории ВКП(б)» призывает историков-марксистов дать отпор лженауке, фальсификаторам истории и разоблачить до конца последышей «школы» Покровского. В четвертой главе «Краткого курса» с предельной ясностью в противоположность субъективному подходу сформулирована задача **исторического**, т. е. подлинно-научного, марксистского подхода при изучении общественных явлений.

«Каждый общественный строй и каждое общественное движение в истории надо расценивать не с точки зрения «вечной справедливости» или другой какой-либо предвзятой идеи, как это делают нередко историки, а с точки зрения тех условий, которые породили этот строй и это общественное движение и с которыми они связаны» (там же, стр. 104).

Если для современных условий рабовладельческий строй и феодализм являются глупостью, бессмыслицей, то в соответствующие исторические эпохи они являлись прогрессивными общественно-экономическими формациями. При историческом подходе к последним оказывается, что рабовладельческий строй «означает шаг вперед в сравнении с первобытно-общинным строем», феодализм—дальнейший прогресс в сравнении с рабовладельческим миром, капитализм—следующий шаг вперед по отношению к феодализму. «Требование буржуазно-демократической республики в условиях существования царизма и буржуазного общества, скажем, в 1905 году в России было вполне понятным, правильным и революционным требованием, ибо буржуазная революция означала тогда шаг вперед. Требование буржуазно-демократической республики для наших нынешних условий в СССР есть бессмысленное и контрреволюционное требование, ибо буржуазная республика в сравнении с Советской республикой есть шаг назад. Все зависит от условий, места и времени» (там же, стр. 104—105).

Столь же четко и ясно сформулирована задача исторического подхода к изучению различных общественных идей, их роли и значения в истории. И в этой области имели место вульгаризация и упрощенчество. И идеи, возникавшие в различные эпохи и с ними связанные, пытались рассматривать «с точки зрения сегодняшнего дня» и осудить их, как ненаучные, немарксистские, контрреволюционные. Такой субъективистский, антинаучный подход к различным идеям, и отчасти и к религиозным, поскольку до возникновения научной философии многие идеи выступали в той или иной религиозной оболочке,—ликвидировал возможность изучения закономерности возникновения той или иной идеи, ее необходимости в условиях данного общества, ее исторической роли и значения для развития вперед этого общества.

«...В различные периоды истории общества наблюдаются различные общественные идеи, теории, взгляды, политические учреждения», «при рабовладельческом строе встречаем одни общественные идеи, теории, взгляды, политические учреждения,при феодализме—другие, при капитализме—третьи...» (там же, стр.110). «Общественные идеи и теории бывают различные. Есть старые идеи и теории, отжившие свой век и служащие интересам отживающих сил общества. Их значение состоит в том, что они тормозят развитие общества, его продвижение вперед. Бывают

новые, передовые идеи и теории, служащие интересам передовых сил общества. Их значение состоит в том, что они облегчают развитие общества, его продвижение вперед, причем они приобретают тем большее значение, чем точнее они отражают потребности развития материальной жизни общества.

Новые общественные идеи и теории возникают лишь после того, как развитие материальной жизни общества поставило перед обществом новые задачи» (т а м ж е, стр. 111).

Эти положения в «Кратком курсе» для развития исторического исследования дают прекрасные и весьма ценные установки. Это целая программа для изучения специфики идей в различные исторические эпохи, их роли и значения в материальных условиях данного конкретного общества.

Советские историки не поставили еще на должную высоту изучение истории культуры, истории идеологий, философии, религий. Свою исследовательскую работу советские историки строили, главным образом, на изучении материала экономической истории. Безусловно, материальние условия развития общества должны, по праву, стоять в центре марксистского изучения истории. Но исторический процесс раскрывается не только в экономическом и социальном развитии общества, но и в развитии культуры, правовых норм, философских систем, научных идей и т. п. И историк-марксист не имеет права уйти от исследования полного своеобразия самых различных проявлений исторического процесса.

И то обстоятельство, что в работе историков-марксистов недостаточно еще проявлено уменье опосредствовать при изучении той или иной эпохи весь многогранный комплекс исторических явлений, указывает, в частности, на то теоретическое отставание, о котором говорится в постановлении ЦК ВКП(б) о постановке пропаганды.

Вопросы истории культуры, роли идей в общественном развитии, истории науки и техники, все это—те вопросы культурного наследства прошлого, овладение которым является актуальной задачей на фронте культурного строительства социалистического общества в СССР.

Историк-марксист и к идеям должен подойти исторически, а не «с точки зрения сегодняшнего дня». Если, «с точки зрения сегодняшнего дня», для современных условий рабовладельчество или феодализм является глупостью, то одинаково для современных условий, скажем, буддизм или ислам являются реакционной религиозной идеей или философией. При наличии научной философии диалектического материализма пропаганда буддизма, ислама или каких-либо других религиозных идей принципиально недопустима, несовместима с советским государством и равносильна контрреволюционному действию. Но в условиях тех обществ, в которых возникли в прошлом эти массовые религиозные идеи, они могут выглядеть совсем иначе, в особенности в сравнении с теми идеями, на смену которым они пришли. Следует только к этому подойти не с позиций антиленинской «школы» Покровского, а исторически, с позиций исторического материализма.

Положения марксизма-ленинизма об историческом подходе и к идеям, как это сформулировано в «Кратком курсе», лучше всего подтверждаются самими историческими фактами.

Вся история науки показывает, что наивные с современной точки зрения теории древних, иной раз и неправильные, были в свое время серьезным шагом вперед. Анаксагор представлял себе солнце раскаленным камнем, который «несколько больше Пелопоннеса». Но эта наивная гипотеза

была великим научным достижением в развитии древнегреческих представлений о мире.

История античной философии показывает, что и идеалистические системы древности были пустоцветом, но пустоцветом, растущим, по выражению Ленина, «на живом дереве живого, плодотворного, истинного, могучего, всесильного, объективного, абсолютного человеческого познания» (Соч., т. XIII, стр. 304). Античный «первобытный естественный материализм» не смог выяснить отношения мысли к материи. Эту задачу попытался разрешить идеализм, который оказался несостоятельным, но был все же исторически необходимым звеном в развитии философии к современному материализму. «Последний—отрицание отрицания—не представляет собой простого воскрешения старого материализма, но к прочным основам последнего присоединяет ещё все идейное содержание двухтысячелетнего развития философии и естествознания, равно как и самой этой двухтысячелетней истории» (Энгельс—Анти-Дюринг, 1934, стр. 98).

Не мало еще путаницы у нас в вопросе о роли религиозных идей, возникавших в определенных материальных условиях, особенно о характере первоначального христианства. Оно, как и всякая религия, было опиумом народа. Оно оправдывало античное рабство, оно переносило на небо «вознаграждение за все перенесенные на земле мерзости и тем самым оправдывало продолжение этих мерзостей на земле». Оно отвлекало трудящихся от борьбы против эксплоататоров, учило их мириться с гнетом. Вместе с тем, необходимо отметить специфику раннего христианства, как нового этапа в истории религий в конкретных исторических условиях. Отражая в религиозной форме новую стадию в движении рабовладельческого общества—возникновение империи и ее нивелирующую силу,—христианство выдвинуло идею равенства людей, в том числе и рабов, в первородном грехе. Эта идея, несмотря на ее ограниченную форму, идея космополитизма, т.е. человечества, как единого целого, культ абстрактного человека, хотя и в зачаточной форме, отмена жертвоприношений, ставших ненужными благодаря искупительной жертве бога Иисуса, упразднение разделяющих людей обрядностей,—все это делало христианство в начальную его пору «одним из самых революционных элементов в области человеческого духа» (Энгельс). Оно стало массовой религией, первой возможной мировой религией, так как соответствовало экономическому, политическому и духовному развитию империи.

Другой пример можно было бы привести с исламом в VII—VIII вв. н. э. Историки «школы» Покровского принижали роль ислама, как исторического фактора, в период происхождения этой религиозной идеи. Другие историки стыдливо замалчивали значение ислама, как будто марксизму или этим самым «историкам» стало бы хуже, если бы правдиво была указана действительная роль исламистской теории в образовании арабских халифатов. Ведь кому не известно, что ислам исторически явился фактором объединения арабов, что их фанатическая теория сыграла большую роль в арабских завоеваниях, что, наконец, само происхождение государственности и формирование древней арабской культуры неотделимы от исламистской религиозной идеи, ибо ею были пронизаны все устои социальной и культурной жизни формировавшегося арабского общества и государства.

Но задачей историков является изучение идей не только периода, когда они, возникнув из определенных материальных условий, были историческим фактором развития последних, но и того времени, когда идеи эти,

законсервировавшись, явились оплотом всего отживавшего, тормозом развития, символом реакции.

Правильный исторический подход к явлениям идеологии позволит советской исторической науке освоить все ценное, что собрано гениями человечества, и вести беспощадную борьбу со всеми видами идеализма и поповщины.

Мы здесь вовсе не пытались в какой-либо степени исчерпать вопрос о роли идей в общественном развитии. Об этом следовало сказать в связи с актуализацией этого вопроса в «Кратком курсе истории ВКП(б)». В связи с этим стоит задача добиться четкости в работе «Союза безбожников», где подобные проблемы о роли идей в общественном развитии не только не выяснялись, но нередко запутывались. Не изучал этих вопросов и Институт философии Академии наук СССР. Историкам-марксистам пора покончить «с боязнью смелой постановки теоретических вопросов, двигающих марксистско-ленинскую теорию вперед, покончив с буквоедством, начетчичеством, схоластикой, вульгаризацией и опошлением отдельных положений марксистско-ленинской теории» (постановление ЦК ВКП(б) о постановке пропаганды, «Правда» от 15 ноября 1938 г.).

Всем вышесказанным мы хотели только подчеркнуть, что в свете положений «Краткого курса истории ВКП(б)» перед историком-марксистом ставятся во весь свой рост задачи большой исследовательской работы по изучению происхождения, развития и разложения общественного строя, социальных движений и общественных идей той или иной исторической эпохи, определения значимости всех этих явлений общественной жизни в поступательном развитии человечества. Значение вышедшего исключительно ценного труда по истории ВКП(б) в том, что он учит нас, как надо научно-правильно, по-марксистски подходить к изучению исторических явлений. Историк справится со своей задачей и обогатит нашу героическую эпоху социалистического строительства подлинно-научными трудами первоклассной значимости, если в процессе исследования общественного строя или какого-либо его явления будет подходить к ним не с точки зрения сегодняшнего дня, а с точки зрения тех условий, которые породили этот строй и это общественное движение и с которыми они связаны.

«Все зависит от условий, места и времени.

Понятно, что без такого **исторического** подхода к общественным явлениям невозможно существование и развитие науки об истории, ибо только такой подход избавляет историческую науку от превращения ее в хаос случайностей и в груду нелепейших ошибок» (т а м ж е, стр. 104—105).

Таковы основные теоретические положения, которые являются вкладом в сокровищницу марксизма-ленинизма. Эти положения «Краткого курса истории ВКП(б)» являются дальнейшим развитием диалектического и исторического материализма.

Не приходится говорить о том, что разработке этих положений историками-марксистами должно быть уделено исключительное внимание. В наших журналах еще недостаточно ставятся актуальные теоретические вопросы исторического исследования. Об этом говорит и постановление ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1938 г. о постановке пропаганды: «Отметить оторванность наших теоретических журналов от насущных вопросов жизни и борьбы нашей партии и их самозамыкание и тенденции к академизму».

Много теоретических вопросов существует и в области древней истории. Такие вопросы, как о видах рабства в древности, о характере античного государства, о первой демократии в истории—рабовладель-

ческом обществе Афин, о революции рабов,—все это ждет своего теоретического изучения в свете тех указаний, которые даны историкам-марксистам в «Кратком курсе истории ВКП(б)».

Теоретическая смелость в постановке вопросов, дерзание в марксистской исторической науке будут способствовать развитию марксистско-ленинской теории. При этом историк-марксист не должен останавливаться перед тем, чтобы «заменить ее положения и выводы, ставшие уже устаревшими, новыми положениями и выводами, соответствующими новой исторической обстановке» («Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 340).

Так, в области древней истории стоит задача пересмотра теории «прародины» европейских народов или теории происхождения индоевропейских языков. Маркс и Энгельс пользовались этими теориями, когда эти теории многое делали для изучения сравнительного языкознания, составления сравнительно-исторических грамматик различных народов.

Но теперь эти теории отстали от науки. Советский ученый, покойный акад. Н. Я. Марр, первым смело поставил вопрос о пересмотре их, критиковал эти теории, ныне устаревшие, и двинул вперед марксистско-ленинскую теорию о развитии языка.

Таким образом перед историками-марксистами ставятся теперь ряд новых ответственных задач в деле дальнейшего развития марксистско-ленинской теории.

Это накладывает и на наш журнал «Вестник древней истории» большое и ответственное обязательство, в разработке реализации которого помог своими указаниями и авторский актив, созванный редакцией журнала 25 ноября сего года.

Неисчерпаемо теоретическое богатство, содержащееся в «Истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)». Сила и жизненность марксизма-ленинизма в том, что он опирается на передовую теорию, правильно отражающую потребности развития материальной жизни общества, и тем самым раскрывает свою роль могучего творческого фактора. Только партия, овладевшая марксистско-ленинской теорией, может двигаться уверенно и вести рабочий класс вперед. Величайшая теоретическая ценность «Истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)» состоит в том, что здесь на большом историческом материале, на примере боевого опыта нашей партии дается обоснование всех основных теоретических положений марксизма-ленинизма. И поэтому изучение «Краткого курса» есть дело каждого партийного и непартийного большевика, каждого советского интеллигента, каждого активиста нашей страны.

В ответ на выход «Истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)» и постановление о постановке ее изучения весь актив нашей страны, от академиков и профессоров до сельских учителей и рабочего и колхозного актива, с живым, радостным чувством включится в углубленное индивидуальное изучение боевого опыта нашей партии и его обобщения в марксистско-ленинской теории.

В кружках, на лекциях, в печати, в теоретических журналах, в исторических исследованиях ключом забьется мысль и не только по овладению, но наряду с этим и дальнейшему развитию вперед теории марксизма-ленинизма.

«История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)»— неоценимый вклад в сокровищницу марксистско-ленинского знания, неоценимый подарок марксистской исторической науке.

А. Мишулин

О НАСЛЕДСТВЕ РУССКОЙ НАУКИ ПО ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

Проф. А. Мишулин

Великий русский народ в прошлом, как и в настоящем,—является созидателем замечательной культуры, творцом величайших достижений человечества. Русский народ выдвинул ряд великих ученых. Он дал мировой культуре в области различных наук, литературы и искусства имена, которые навсегда вошли в пантеон бессмертных, благородных борцов за науку, за силу и мощь человеческого знания.

«Есть две нации в каждой современной нации,—писал Ленин в своих «Критических заметках по национальному вопросу».—Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре. Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве,—но есть также великорусская культура, характеризуемая именами Чернышевского и Плеханова» (В. И. Ленин, Собр. соч., т. XVII, стр. 143).

Русский народ по праву может гордиться своим прошлым, своей «великорусской культурой Чернышевского и Плеханова». Крестьянский сын Ломоносов—великий преобразователь русского языка, знаменитый математик Лобачевский, поднявшийся к вершинам своей науки, изобретатель радио Попов, возвестивший миру первым об этом интересном открытии, гениальный физиолог Павлов, знаменитый химик Менделеев, патриарх русской агрономии—ученый и революционер Тимирязев и много других блестящих русских ученых—плоть от плоти и кость от кости великого русского народа.

Русский народ сумел показать еще в самом отдаленном прошлом примеры преданной любви к свободе, любви к своей родине, ее независимости. Русскому народу приходилось бороться с многочисленными врагами, посягавшими на целостность и независимость его родины, и в этой борьбе выдвинулась целая плеяда замечательных борцов, искусных полководцев, прекрасных мастеров военного дела. Деятельность Александра Невского, Минина и Пожарского, Суворова, Кутузова—навсегда вошла в историю русского народа, как славные страницы борьбы за независимость своей родины.

Русская классическая литература может гордиться тем, что она в результате долгого исторического развития завоевала первое место среди образцов мировой литературы. Шедевры произведений Пушкина, Гоголя, Толстого и Горького оказали безусловное влияние на мировую литературу.

Русский народный гений давно начал проявлять себя в различных областях искусства. Только теперь, после свержения самодержавия, капитали-

стического гнета, народы Советского Союза получили возможность оценить великих мастеров русской музыки—Глинку, Чайковского, Мусоргского и др. Только теперь, в социалистическом строительстве СССР, в развитии культурной революции во всех республиках Советского Союза, в подлинном блеске и неувядаемой славе встают перед народами нашей страны великие русские мастера живописи, архитектуры и т. д. Живописцы Васнецов, Суриков незабываемо отобразили народные картины русской жизни. Первый русский архитектор Баженов основал кремлевскую школу архитекторов, создал целое поколение мастеров архитектуры, увековечивших себя в лучших памятниках русского зодчества, первым перевел на русский язык классический канон античной архитектуры, трактат Витрувия.

«Радостно, до безумной гордости,—писал Горький,—волнует не только обилие талантов, рожденных Россией в XIX веке, но и поражающее разнообразие их... Но мы имеем право гордиться разнообразием фактически прекрасного горения русской души»...

Высокие достижения русской культуры в прошлом, героические революционные традиции русского народа сумел сохранить рабочий класс, победоносно выступивший в октябре 1917 г. и ныне приумножающий завоевания русского народа в социалистическом строительстве СССР.

Ленин в своей статье «О национальной гордости великороссов» писал: «Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной городости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы ее трудящиеся массы (т. е. 9/10 ее населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов... Мы полны чувства национальной гордости, ибо великорусская нация тоже создала революционный класс, тоже доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм»... (В. И. Ленин, Собр. соч., т. XVIII, стр. 81). Ленин прекрасно знал свой народ, его культуру, революционные традиции русского пролетариата и высоко их ценил. Ленин гордился великими русскими учеными, революционными общественными деятелями прошлого, боровшимися против насилий царизма. «Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великоруссов, что эта среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 г. могучую революционную партию»... (В. И. Ленин, Собр. соч., т. XVIII, стр. 81).

Вершиной развития русской культуры, славных революционных традиций русского народа явилась Октябрьская социалистическая революция, совершенная трудящимися нашей страны во главе с гениальным сыном русского народа—Владимиром Ильичом Лениным. Вместе со своим соратником и учеником Иосифом Виссарионовичем Сталиным Ленин повел беспощадную борьбу с русским самодержавием, создал партию большевиков и организовал под знаменем Маркса и Энгельса борьбу народов нашей страны за диктатуру пролетариата. Воспитанные на лучших, революционных традициях русского народа и его культуры Ленин и Сталин открыли великую социалистическую эпоху, стали знаменем мирового пролетариата и обеспечили гению русского народа свободное и радостное творчество.

Поистине сбылись пророческие слова Ленина о том, что «великой будет социалистическая роль великорусского пролетариата, как главного двигателя коммунистической революции» (В. И. Ленин, Собр. соч., т. XVIII, стр. 83).

*

Русская наука, литература, искусство дали блестящие образцы для творческой деятельности всех народов нашей страны. Этим объясняется величайшая тяга народов СССР к изучению русского языка, всех достижений русской культуры в ее прошлом и настоящем. И, с другой стороны, сам русский народ развивает свою творческую деятельность, пользуясь теми богатыми источниками, которые скрыты в национальных по форме, социалистических по содержанию культурах советских народов.

Передовая роль культуры первого среди равных русского народа обязывает все народы нашей страны изучать ее историю, достижения ее культуры в области науки, искусства и т. д. В изучении достижений русской культуры в прошлом особое место занимает русская историческая наука XIX в. Изучение прошлого нашей страны, исследования по всеобщей истории выдвинули ряд таких ученых в русской науке, которые дали весьма много интересного и ценного для развития исторического знания в России XIX и начала XX в. И советский историк, разрабатывающий ныне прошлое своей родины, историю человечества в древности, в эпоху средневековья и новое время с подлинно-научной, марксистской точки зрения, должен знать своих предшественников, весь подготовительный период русской исторической науки, прежде чем она встала на путь марксистского исследования. Маркс придавал большое значение изучению предшествующей историографии и в своей научной полемике часто ссылался на труды известных буржуазных историков, а иногда прямо указывал своим критикам на необходимость «познакомиться с буржуазной литературой». В особенности это указание Маркса относилось к изучению французских историков конца XVIII и начала XIX в., поскольку таким историкам, как Тьерри, Гизо и др., удалось еще до Маркса «выяснить себе прошлую историю классов». «Что касается меня,—говорит Маркс,—то мне не принадлежит ни заслуга открытия классов в современном обществе, ни заслуга открытия их борьбы между собою. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы, а буржуазные экономисты—экономическую анатомию классов» (письмо к Вейдемайеру от 5 марта 1852 г., см. Маркс и Энгельс, «Письма», под ред. В. В. Адоратского). О том, что Маркс стоял на «прочном фундаменте человеческих знаний, завоеванных при капитализме», писал также Ленин, обращая внимание молодежи на изучение всех достижений капиталистической культуры, которые используются и должны быть использованы в социалистическом строительстве СССР.

Не приходится говорить, что вышеприведенные указания Маркса и Ленина имеют большое значение в применении к буржуазной историографии, давшей для гениальной аналитической и синтетической работы основоположников марксизма-ленинизма большой систематизированный фактический материал.

Русская наука с начала XIX в. находилась под большим воздействием передовых идей Запада, в частности французских историков. Несмотря на отсталость исторического знания в царской России, формирование буржуазной исторической науки проходило быстрым темпом, и рано выдвинулся ряд таких историков, которые приобрели известность не только в России, но и за ее пределами. Имена Татищева, Карамзина, Грановского, Соловьева, Ключевского знает каждый советский интеллигент, как имена ученых, положивших немало труда, энергии и знания для систематизации

материала, разработки и публикации его в своих многотомных трудах по истории нашей страны. Какое значение имеют эти ученые в деле создания русской исторической науки, хорошо говорит их место в русской историографии, в развитии которой они явились в известной степени даже вехами.

Наша страна недавно отмечала 125-летие со дня рождения известного, вошедшего в русскую историографию, профессора истории Московского университета Т. Н. Грановского. Научная общественность и советская печать отметили память этого представителя русской исторической науки половины XIX в., потому что передовые идеи этого ученого историка немало способствовали сдвигу науки в отсталой царской России.

Т. Н. Грановский, как историк, формировался под воздействием идей французских историков, труды которых он столь усердно штудировал и использовал в своих широких по построению работах. Особенно сильно на Грановском сказывается влияние О. Тьерри, который, как уже было замечено Марксом, ставил для исторического исследования проблемы социальной борьбы, развития классов.

Для Грановского было понятно развитие Запада, он не находил ничего особенного и в том, что в России начал развиваться пролетариат. Аналогиями древности и современности Грановский хотел показать закономерность этого явления, что для России 50-х годов звучало даже революционно. «В пролетариате—говорил Грановский,—защитники старины видят нечто доселе небывалое», «однако они находятся,—продолжал Грановский,—в странном, может быть, в добровольном заблуждении. На тех путях развития, которыми шли все исторические общества, за исключением патриархальных государств Востока, нельзя было избежать пролетариата». «А теперь,—писал Грановский в другом месте,—через две тысячи лет, за пределами древнего мира поднялись вопросы, над решением которых потратили столько сил Фламинии, Сципионы, Катоны и Гракхи».

Свежестью постановки вопросов, формулировкой новых проблем для исторического исследования Грановский толкал русскую науку вперед, приближал ее к передовым общественным запросам. «Цеховая, гордая своею исключительностью наука не вправе рассчитывать на сочувствие». «Сухое, не приложенное к пользе общества знание в наше время не высоко ценится». Передовые идеи Грановского, подобно передовым идеям французских историков, возбуждали историческое знание, формировали интерес к истории и создавали постепенно научные основы для исторического исследования в области древней, средней и новой истории. Недаром сам Грановский писал по всем разделам всеобщей истории. Россия, вступавшая на путь капиталистического развития, создавала и свою, передовую для того времени, историческую науку.

Остановимся кратко на процессе формирования русской науки по древней истории, на достижениях буржуазной науки XIX в. в области древней истории России, античных колоний Причерноморья, истории Востока и греко-римского мира.

Изучение древней истории в России было связано, главным образом, с о с л а в я н о в е д е н и е м и в и з а н т и н о в е д е н и е м. Начало изучению истории славян—в связи с русской историей—и русско-византийских отношений было положено еще со времени Петра; оно было усилено с момента учреждения Академии наук и дало уже положительные результаты в XIX в.

Так как исследование древней истории России нельзя было оторвать от общей истории славян, а также Византии, культура которой создавалась в значительной степени в результате синтеза славянского и греческого миров,—то и все первые работы в интересующей нас области были посвящены славяноведению и византиноведению. Первые академики, немцы по происхождению, Байер, Миллер, Шлецер и Штриттер занимались проблемами «Происхождения народа и имени Российского» (Миллер в 1749 г.), варягов и их роли в образовании Руси (Байер в 1725 г.), о русских летописях (Шлецер в 1809—1815 гг.), об исторических сведениях о древних славянах и других народах России по данным византийских историков (Штриттер в 1779 г.). С этими именами было связано начало собирания материала, критической его проверки, подготовки для исторического исследования древностей российских. В этот детский период русской исторической науки нельзя было, конечно, ожидать широко продуманных исторических построений, установления правильной исторической перспективы в деле изучения древней истории России. Те немногие выводы, которые делались этими приглашенными в Академию наук из Германии учеными, были неправильными и вызвали позднее целую научную полемику со стороны русских ученых. Немецкие академики создали норманскую теорию происхождения Русского государства от варягов, оказавшую влияние на Карамзина и на более поздних историков. Однако еще во времена Ломоносова норманская теория была встречена в штыки и с тех пор подвергалась критике со стороны виднейших русских ученых. Ломоносов прямо говорил о норманской теории происхождения Русского государства, что она не только является плодом поспешного умозаключения, но и «предосудительной и оскорблением российской славы». Великий русский энциклопедист, занимавшийся самыми различными науками, обратился и к области истории, чтобы выступить против варяжской теории происхождения своей родины, против придания отдельному эпизоду варяжского завоевания столь большого значения в исторических судьбах нашей страны.

Известно, что норманская точка зрения господствовала в царской России, но та сила, с которой против этой теории выступили известные русские ученые—Татищев, Венелин, Каченовский, Максимович, вплоть до Иловайского,—заставила, в конце концов, норманистов ограничиться в своих выводах. Научная полемика, которая происходила в 60-х годах прошлого столетия по данной проблеме, должна быть в известной степени учтена в трудах столпов русской историографии—С. М. Соловьева и В. О. Ключевского.

Необходимо отметить положительную роль и тех русских ученых, которые много энергии и знаний положили на изучение славянских древностей, памятников письменности древней Руси, археологических данных по русской истории. В 1804 г. основывается «Московское Общество Истории и Древностей Российских», председателем которого становится профессор Московского университета Х. А. Чеботарев. В 1811 г. при Московском университете впервые учреждается кафедра славянского языка, которая кладет основу научного славяноведения и исследования литератур—русской, украинской, чешской, сербской и т. д. На этой основе изучения древней письменности создается славянская палеография (М. Т. Каченовский, 1816 г.), издается ряд исследований: о славянской мифологии (А. С. Кайсаров, 1810 г.), о быте и общественном строе древних славян, болгар в особенности (Ю. И. Венелин,

1829, 1841 гг.), о славянской поэзии (О. М. Бодянский, 1837 г.) и литературе (И. И. Срезневский, 1834—1844 гг.), о народах юга России в древности и о русско-византийских отношениях (В. Г. Васильевский, см. собр. соч.) и ряд других исследований, которые здесь нет места перечислять. Славяноведение было молодой, тогда передовой наукой. Изучение славяноведения было неотделимо от древнерусской истории и выражало собою симпатии передовой интеллигенции того времени к изучению «славянского мира», славянского общинного быта, который противопоставлялся разлагающему влиянию капитализма Запада. В изучении славяноведения были сделаны такие успехи, что в 1821 г. декабрист Кюхельбекер мог читать в Париже лекции о славянских литературах и языке. Декабрист А. И. Одоевский также отдал себя изучению славяноведения. Первые уже достижения русской науки становились достоянием исторического знания в науке Запада.

Достижения по славяноведению являются блестящей страницей русской науки, несмотря на некоторые попытки представителей «квасного патриотизма» превратить эту дисциплину в оплот реакционных идей и националистической пропаганды.

Русская наука о древних славянах и по древней истории России обогатилась исключительным собранием различных письменных, археологических и других памятников, приемами научной критики источников, созданием новых вспомогательных дисциплин (палеография, геральдика, филология и т. д.).

Заслуга этого периода развития русской науки по славянским и византийским древностям заключалась в том, что поднимались роль и значение славянских народов в развитии народов Европы, в судьбе Восточноримской империи, в деле образования византийской культуры. Русские ученые изучением древностей российских поднимали и значение Русского государства в общеисторическом развитии.

Итоги этого изучения видели, по словам проф. Московского университета Х. А. Чеботарева, в том, что оно устанавливало принадлежность славян «к тому великому древу народов, от которого, как ветви, произошли германцы, римляне, греки».

Не приходится говорить, что в настоящее время большого размаха исследовательской работы по истории народов СССР советская наука не пройдет мимо этих достижений русских ученых по древней истории России, по изучению различных славянских народов и их культуры. Для развития марксистской исторической науки, для подлинно-научного изучения древней истории СССР, в особенности Великороссии, русскими учеными в прошлом собран большой материал, разработана техника его исследования, проделана колоссальная предварительная работа, которая ждет освещения ее светом марксистско-ленинской методологии.

Славян фашисты всячески принижают. Они выставляют их «неполноценной расой». Фашистский «фюрер» Гитлер заявил: «Не государственные дарования славянства дали силу и крепость Русскому государству. Всем этим Россия обязана германским элементам». Лучшим отпором этой клевете на великий русский народ и разоблачением этой исторической фальсификации фашистов должны стать разработка древней истории СССР и показ той большой исторической роли народов нашей страны, в том числе и славян, которая во многом уже установлена великими русскими учеными от Ломоносова до Соловьева и Ключевского.

Немало сделано русской наукой и в области археологии. На юге СССР

в глубокой древности находились античные колонии, города-государства, через которые античная цивилизация Греции и Рима влияла на отсталое туземное население Скифии. Ольвия, Херсонес, Танаис, Пантикапей,— вот те основные города-государства античности, которые в наследство историкам нашей страны оставили ряд интереснейших памятников. Русские ученые с конца XVIII и начала XIX в. обратили внимание на эти исторические памятники Причерноморья и приступили к археологическим раскопкам, открытию и собиранию памятников, их исследованию и публикации. Создается ряд археологических учреждений, обществ, а позднее и институтов, где концентрируется работа по исследованию античных колоний Причерноморья.

В условиях царской России археология представляла собою аристократическое занятие. Иметь досуг, доступ, средства для археологических экспедиций могли люди, главным образом, из привилегированных классов, преимущественно из дворянства, причем археологические экспедиции проводились нередко лицами, не имевшими какой-либо археологической подготовки (например градоначальник Керчи Стемпковский). «В начале XIX в. раскопки велись без системы,—говорит В. П. Бузескул,—на первом плане стояли не научные интересы, а погоня за золотыми вещами», которые отсылались тогда в Петербург (в Эрмитаж), а частично оставлялись в местных музеях.

В таких условиях передовым представителям русской исторической науки стоило большого труда создать из археологии самостоятельную дисциплину, способную дать материал для историка, и подняться над кладоискательством и крохоборчеством—к широким историческим выводам.

Поэтому, говоря о прошлом исторической науки, о виднейших представителях ее в XIX в., следует упомянуть и о тех русских ученых, которые создавали археологическую науку, систематизировали археологические памятники, литературу по археологии и включали археологические знания в общую историю России.

Сюда относятся М. П. Погодин, к которому за справками обращались такие археологи, как Уваров; современниками М. П. Погодина были немало способствовавшие развитию русской археологии И. Е. Забелин и Ф. И. Буслаев. Эти ученые и как историки и как археологи создали интерес к изучению вещественных памятников и дали направление в изучении древностей российских, на включение этого материала в общеисторическое построение. Хотя эти ученые и интересовались, главным образом (как, например, Буслаев), периодом более поздним, чем история античных колоний Причерноморья, но их работы никак не могут быть обойдены или не учтены в нашей дальнейшей работе, в настоящей марксистской разработке древнего периода истории СССР.

Что же касается самих археологических работ и публикаций по античным колониям Причерноморья в особенности, то тут выделились работы А. С. Уварова, Ашика, Бертье-Делагарда, Латышева, И. И. Толстого и, в особенности, Штерна и Фармаковского, которые хотя уже и выходят за рамки науки XIX в., но должны быть упомянуты, как создатели целой школы археологов, ныне работающих в деле развития советской археологии.

От археологии колоний Причерноморья, от изучения русских древностей археологическое знание углублялось в сторону изучения периодов палеолита и неолита в нашей стране. Пионером такого археологического обследования в царской России выступил выдающийся русский

ученый проф. В. А. Городцов, 50-летие научной деятельности которого недавно отмечали археологи Москвы и Ленинграда.

Таким образом, в итоге развития этой области исторического знания в XIX в. в русской науке создавалась археология, как самостоятельная дисциплина, от кладоискательства ступившая на научные рельсы развития и давшая ряд ученых, сумевших от крохоборчества и собирательства памятников подняться в рамках изучения русской и даже мировой истории до исторических выводов и обобщений.

К началу XX в. русская археология была уже известна мировой науке. На международных археологических конгрессах в Афинах (1905 г.) и Лондоне (1913 г.) мировая наука должна была отметить достижения нашей археологии постановкой серии докладов, освещавших культуру Северного Причерноморья «при помощи богатого и по большей части недавно открытого материала».

Русские ученые оставили нам большой материал не только по русским древностям и по археологии Причерноморья. Большой материал, исключительные по интересу исследования были опубликованы по классическому Востоку, по истории древней Греции и Рима.

В то время, как на Западе Шамполион, Гротефенд и Раулинсон работали над расшифровкой иероглифов и клинописи, некоторые пытливые умы в России также обратили свой интерес в сторону истории древнего Востока и расшифровки его письменности (Гульянов, Клапрот). Зарождавшаяся наука по древнему Востоку уже к семидесятым годам смогла дать некоторые работы в этой области (Коссович, Гаркави), хотя специальных разделов по изучению Востока, египтологии, ассириологии, арабистики еще не было, и это относится к более позднему времени. В отношении востоковедения Россия шла на поводу западноевропейской науки и все время должна была поспевать за теми научными открытиями, которые после Шамполиона и Раулинсона обогатили мировую науку по классическому Востоку.

Интенсивная работа русской науки создает ассириологию, работа в области которой в значительной степени связывается в XIX в. и в начале XX в. с именем проф. М. В. Никольского. Его публикации «Документов хозяйственной отчетности древнейшей эпохи Халдеи» с транскрипцией табличек, переводы и комментарии к ним значительно подняли в России науку ассириологии. Дальнейшие исследования и публикации работ по Востоку в XX в. (Марр, Орбели, Шилейко) ставили востоковедение у нас на уровень мировой науки.

Что касается египтологии, то возникновение этой науки также относится ко второй половине XIX в. и связано с именами ученых В. С. Голенищева и Б. А. Тураева. Исключительно упорная работа по собиранию и публикации произведений древнеегипетской литературы, неутомимое исследование их, обогащение Эрмитажа уникальными памятниками древнего Востока создали В. С. Голенищеву славу выдающегося русского ученого. Работа по египтологии была продолжена в самостоятельном плане исследованиями акад. Б. А. Тураева, который уже позднее, в начале XX в., вместе со своими учениками—В. В. Струве, Франк-Каменецким, Волковым и др.—поднял египтологическую науку в нашей стране на уровень, при котором русская египтология стала известной далеко за пределами России.

Наряду с изучением так наз. классического Востока создавалась наука и о народах Восточной Азии. В этой области русская наука

в середине XIX в. дала ряд таких работ, которые выдвинули русских ученых в науке Запада. В области синологии очень много сделано Бичуриным и Васильевым, переводы трудов которых на европейские языки и до сего времени пользуются вниманием мировой науки.

Немало ученых выдвинула русская наука в XIX в. и по античной истории. Если в XVIII в. и в начале XIX в. работы по античной истории проходят, главным образом, в плане переводов греко-римских классиков, то к половине XIX в. издаются специальные исследования и по Греции и по Риму. Первым самостоятельным русским исследователем древнегреческой истории был М. С. Куторга. Этого русского ученого по праву можно назвать родоначальником у нас науки об эллинстве.

Он издал ряд интересных работ о классах и сословиях, о рабстве и его видах в Аттике, по хронологии и истории Афинской республики и создал целую школу специалистов, которые закрепляли дело создания в России науки по эллинству (В а с и л ь е в с к и й и др.).

Другой вехой развития науки по древней Греции является работа Ф. Ф. Соколова и его школы. Ф. Ф. Соколов напечатал немного, но, может быть, это говорит как раз о том, что весь свой 40-летний труд по древней Греции он направлял, главным образом, на подготовку кадров своих учеников, ставших также видными учеными академиками. Именно школа Ф. Ф. Соколова, его влияние создали русскую науку по эпиграфике. Ернштедт, Латышев, Никитский, Жебелев, Новосадский и др. явились первыми русскими эпиграфистами, дали ряд интереснейших исследований и все почти вошли в состав Академии наук в качестве членов ее или корреспондентов.

Филологическая и эпиграфическая работа русских ученых была связана и с изучением папирусов (В. П. Б у з е с к у л, Ш е ф ф е р, М. М. Х в о с т о в), материал которых разрабатывался учеными и для исторических построений. Вместе с этим колоссально много было сделано по переводу греческих классиков, благодаря чему последние стали доступны весьма широкому кругу читателей. Особо неутомимой была работа Ф. Г. Мищенки, чьи переводы Геродота, Фукидида, Полибия, Страбона и критические статьи приобрели европейскую известность.

Менее солидно в русской науке XIX в. было поставлено изучение древнеримской истории. Филологическая работа здесь (по языку и литературе римлян), как ни странно, не так была поставлена на службу историческим исследованиям, как это было в отношении Греции. Однако к концу XIX в. в России была создана и наука по древнеримской истории. К числу видных русских ученых в этой области относятся В. И. Модестов, И. В. Помяловский и И. В. Цветаев. «Введение в римскую историю» В. И. Модестова (два тома и незаконченный третий), написанное по археологическим материалам, сразу же обратило на себя внимание за границей и было переведено. Труды И. В. Помяловского заложили в России основы науки римской эпиграфики. И. В. Цветаев работал по эпиграфике параллельно и с неменьшим успехом. Его издания осских, италийских надписей и надписей внутрииталийских диалектов были включены в лучшие заграничные своды римских надписей. Следует особо отметить, что, несмотря на последующее развитие исследований по римской истории, вопросы социальной борьбы в Риме не получали освещения и почти совершенно не привлекали внимания старой русской буржуазной науки (ни у Драгоманова, ни у Кулаковского, ни у Нетушила, по нескольку десятилетий

работавших по римской истории). Отдельные работы по истории социальной борьбы в Риме печатались только позднее (например о Гракхах Фельсберга) уже в XX в., поэтому обзор их выходит за наши рамки.

Царская Россия была отсталой страной. Работа ученых протекала в крайне тяжелых условиях. Развитие исторической науки контролировалось царизмом и ставилось на службу монархии. Душилось всякое самостоятельное исследование, которое не встречало сочувствия официальных властей. Целый ряд наук в области истории долго не создавались. Командировки за границу, к хранилищам античных памятников, рукописей, научной литературы были очень затруднены, в особенности в эпоху Николая I. Все это, конечно, не могло не наложить своего следа на развитие исторической науки в России на протяжении XIX в.

Несмотря, однако, на это, благодаря самоотверженной работе ряда русских ученых, в России создавалась наука истории, возбуждался и разнообразился интерес к ней, создавались и оформлялись различные вспомогательные дисциплины (палеография, эпиграфика и т. д.), диференцировалось историческое знание и появились и русская египтология, и русская ассириология, и русское антиковедение. Не приходится говорить, что в XIX в. наука древней истории находилась еще на уровне, довольно далеком, скажем, от уровня исторической мысли французских историков, которых так высоко ставил Маркс. Если европейская буржуазная наука в половине XIX в. уже консолидировалась, то у нас она только создавалась. Но путь развития, который прошла буржуазная историческая наука у нас, и особенно во второй половине XIX в., говорит о том, насколько интенсивна была работа русских ученых, насколько напряжена была работа исторической мысли в России этого периода. Именно это обстоятельство позволило русским ученым поднять за довольно короткий срок отечественную науку до уровня западноевропейской буржуазной истории. По словам покойного акад. В. П. Бузескула, «к концу прошлого столетия русская наука в области всеобщей истории достигает уровня западноевропейской, внося по некоторым ее отделам и свой крупный вклад».

Историческая мысль в России поднималась, и европейская наука не могла пройти мимо этого факта. Не только одно собирание материала, но обобщение его и философские выводы характеризовали сдвиг русской исторической мысли на передовые рельсы. В этой связи интересно отметить, что К. Маркс внимательно следил за русской литературой по общественным наукам, в частности за русской периодической печатью. Известно, что Маркс не пропускал ни одного номера «Вестника Европы», читал работы проф. Киевского университета Н. Зибера и особенно восхищался исследованиями Н. Чернышевского, которого автор «Капитала» в своем предисловии называл «великим русским ученым и критиком». Интерес к русской науке приводил Маркса и к прямому знакомству с русскими учеными. Например, Маркс хорошо знал М. М. Ковалевского, был знаком с ним, часто вел с ним дискуссии на научно-исторические темы.

Говоря о великих русских ученых XIX в. в области науки по древней истории, нам, естественно, приходилось указывать лишь на процесс образования научных дисциплин, формирования интереса и его закрепления этими новыми сложившимися дисциплинами, на кропотливое собирание материала по древностям русским и античным и на предварительную публикацию его для научного обихода. Что же касается исторической разработки материалов, притом не только по древней истории, на подлинно-

научной основе, то это относится уже к более позднему периоду, к самому концу XIX и началу XX в., и связано с применением марксистского метода, с первыми историческими работами Плеханова, Ленина и Сталина.

Развитие марксистского исторического исследования в настоящее время, получившее такой невиданный размах в стране, не может проходить без учета того, что в той или иной области истории сделано до сих пор. «Нужно взять всю культуру,—говорил Ленин,—которую капитализм оставил, и из нее построить социализм. Нужно взять всю науку, технику, все знания, искусство. Без этого мы жизнь коммунистического общества построить не можем» (цит. из речи В. М. Молотова на совещании по высшей школе).

Подлинный патриот нашей советской родины гордится учеными, создававшими в прошлом русскую науку. Советский гражданин может и должен гордиться не только настоящими достижениями в социалистическом строительстве, но и славными именами ученых в прошлом русской науки.

Исследователь-марксист в своей работе, несомненно, учтет как все, накопленное русской наукой, так и те положительные достижения буржуазной науки Запада, которые он должен знать и обязан критически преодолевать. Об этом не раз писали классики марксизма-ленинизма.

Русской наукой и в области истории создано немало того, что может быть использовано в нашем строительстве марксистской исторической науки. Как в области литературы, искусства и музыки, так и здесь великий русский народ дает «обилие талантов, рожденных Россией в XIX веке» (М. Горький). Поэтому изучение прошлого русской науки и ее достижений, умелое использование их в марксистском исследовании—такова задача советского историка по древней истории.

«Ленин,—говорит товарищ В. М. Молотов,—указал путь, каким создать новое из старого, как использовать старый материал в интересах нового общества. Мы шли по этому пути, по пути ленинизма и вы видите: социализм победил» (из речи на совещании по высшей школе).

Испытанное оружие, учение Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина дает в руки советских историков все средства для умелого использования старого в строительстве нового, для создания великой исторической науки в нашей стране.

О ДРЕВНЕАРАБСКОЙ КУЛЬТУРЕ И РЕЛИГИИ

Проф. Дитлеф Нильсен

(Копенгаген)

Каждому известно что-нибудь о древней египетской культуре на Ниле и о древней вавилоно-ассирийской культуре на берегах Тигра и Евфрата. Но лишь немногие знают, что задолго до Мухаммеда в I и, быть может, уже во II тысячелетии до н. э. в Аравии процветала еще одна, третья культура. От нее остались многочисленные развалины и несколько тысяч надписей.

До открытия судоходства по Черному морю торговые караваны из Индии в Европу направлялись через Аравию, тянулись золотой нитью через эту бедную страну. В южной и западной частях Аравийского полуострова, где проходили эти торговые пути, возникли друг подле друга отдельные царства. Каждое из них обладало монополией на определенный отрезок караванных путей. В этих государствах накоплялись большие богатства, которые описываются уже у античных писателей.

Датская «экспедиция Нибура» (1761—1767 гг.) обратила внимание науки нового времени на интересные развалины, оставшиеся от этих государств в различных местах Южной Аравии. По следам этой экспедиции направились другие исследователи. Французский ориенталист проф. Жозеф Галеви предпринял (1870—1871 гг.) полную опасностей поездку в Южную Аравию и привез оттуда первую крупную коллекцию надписей. Австриец Эдуард Глазер (ум. в 1908 г.) привез столь обширное собрание текстов (около 1800), что они до сих пор не все еще опубликованы и истолкованы.

В настоящее время в Дании на средства фондов Карльсберга и Раск-Орстед и с участием иностранных специалистов ведётся работа над изданием большого труда—«Handbuch der altarabischen Altertumskunde». Этот труд должен сделать доступным широкой публике важный материал, известный до сих пор лишь некоторым исследователям-специалистам.

Первый том—«Древнеарабская культура»—вышел в Копенгагене в 1927 г.

Второй и третий томы подготовляются к печати. Они содержат основную массу надписей со словарем, переводом и комментариями.

Прежде Аравию, этот громадный бесплодный полуостров с обширными степями и непроходимыми пустынями, считали страной без культуры. Еще несколько десятилетий назад считалось бесспорным, что здесь исключена всякая возможность более или менее высокой культуры: считали, что

народ, населяющий Аравию, на веки-вечные осужден оставаться без культуры, неизменным, как сама природа этой страны, природа пустыни.

Мы должны изменить это суждение. Если в Северной Аравии и Палестине, в Трансиордании и Месопотамии находят в непроходимых и необитаемых пустынях поразительные монументальные следы былой высокой культуры, то точно так же и в Южной Аравии в отдаленные времена использовали воду с помощью запруд, каналов и террас; это давало возможность орошать и делать плодородной землю в засушливое время, тогда как теперь в период дождей вода без пользы уходит в песок. К этому надо прибавить большие богатства, оседавшие в стране в результате прибыльной торговли.

Уже писатели классической древности сообщают о больших царствах в Аравии. Эти государства, — рассказывает Эратосфен, — управляются царями, находятся в цветущем состоянии и украшены прекрасными храмами и замками. Дома здесь подобны домам в Египте, а по своей территории каждое из этих царств превосходит дельту Нила. Агатархид восхваляет культуру ладана в царстве Савском и благосостояние жителей; последние—утверждает он — являются самым многочисленным народом во всей Аравии. Их страна, так называемая счастливая Аравия, богата всякого рода ископаемыми, а также скотом. Благовонные растения издают столь сильный запах, что его ощущают даже моряки, проезжающие мимо берега на своих парусных судах. Однако среди благоухающих растений водятся небольшие красные змеи, укус которых смертелен. Вечное благоухание так интенсивно, что жители часто заболевают от него. Если этот народ отличается своим богатством, то причиной этого является также торговля, приносящая несметные доходы. Кроме того, эта страна богата золотом и серебром. Благодаря своему отдаленному положению, она ни разу не подвергалась иностранному завоеванию. В г. Саба, где находится царский дворец, можно встретить все виды художественных произведений высокой ценности.

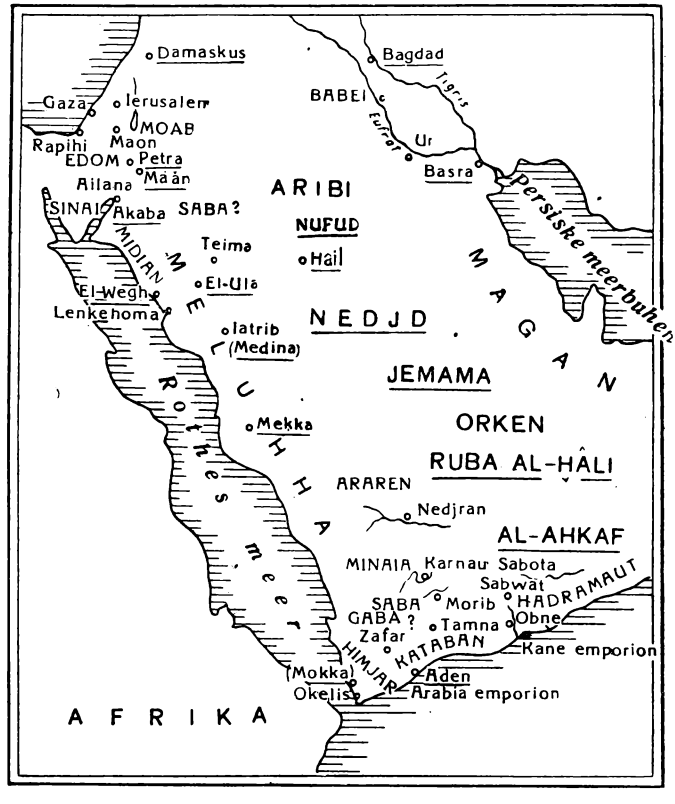


Рис. 1. Древняя Аравия (современные названия городов подчеркнуты)

Среди них Агатархид называет золотые и серебряные кубки художественной работы, затем залы с многочисленными колоннами, либо позоло-

ченными, либо украшенными на капителях изображениями из серебра. Потолки и двери украшены золотыми фиалами. При постройке своих домов жители тоже с великой расточительностью употребляют золото, серебро, слоновую кость и драгоценные камни. «Жители долгое время безмятежно пользовались этим счастьем, так как не приходили в соприкосновение с людьми, алчными до чужого богатства». Это описание совпадает с рассказом о посещении царя Соломона царицей Савской в книге Царей (I, 10): «И пришла она в Иерусалим с большим богатством: верблюды навьючены были благовониями и великим множеством золота и драгоценными камнями».

Эти древние описания напоминают рассказы писателей-классиков о Вавилоне и Египте, рассказы, носящие чуть ли не сказочный характер.

Рис. 2. Древнеарабский могильный камень

Новейшая критическая наука не придавала им веры, пока эти древние культуры не были раскрыты, благодаря путешественникам, раскопкам, находкам и исследованиям.

Конечно, надписи не подтверждают всех деталей дошедших до нас описаний: так, например, царицы не упоминаются в перечнях южноаравийских царей. Однако содержание надписей делает для нас понятным, почему древние рассказчики так распространялись о богатстве и высокой культуре Южной Аравии.

Из песка пустыни встают перед нами дорожные и оросительные сооружения, обширные храмы, дворцы, замки и крепости, построенные из больших тесаных камней. Отверстия между последними заполнены расплавленным свинцом, что позволило этим сооружениям тысячи лет противостоять разрушительному действию времени. Эти свидетели былого

величия—не немые свидетели. О новой, неизвестной дотоле, культуре в Аравии говорят свыше 2 000 найденных до настоящего времени надписей из одной Южной Аравии (причем одна из них содержит более тысячи слов), затем храмовые таблицы из камня и литой бронзы, надписи на постройках и гробницах, изваяния, золотые и серебряные монеты и т. д.

Главный центр этой культуры находился в Южной, «счастливой», Аравии; но в общем эта культура распространялась вдоль караванных путей и караванных станций на Черном море вплоть до пограничной Палестины, где надписи, начертанные тем же алфавитом, а иногда даже

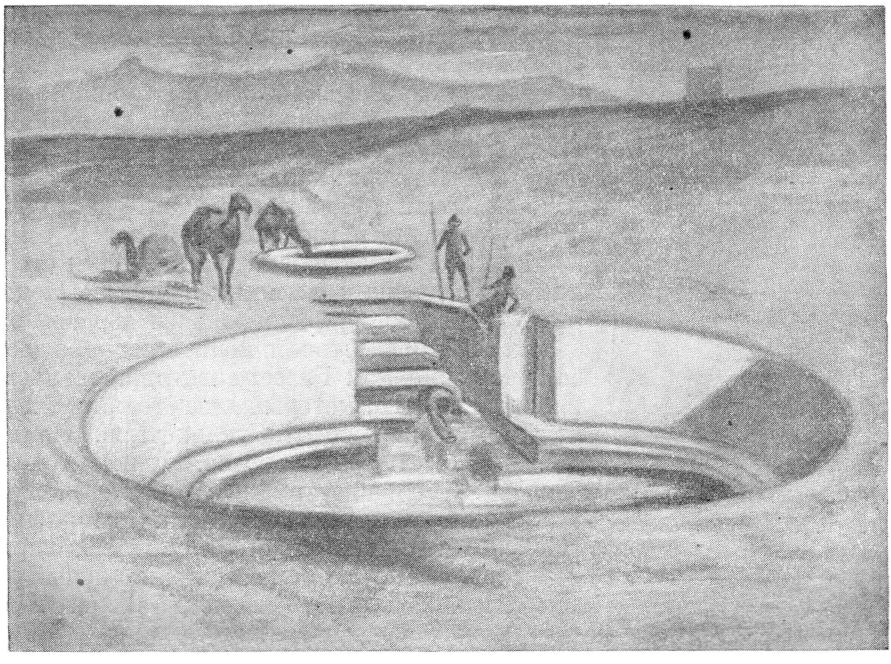


Рис. 3. Остатки древнеарабских колодцев

на южноарабском языке, свидетельствуют о деятельности прилежного торгового народа.

Эти памятники расширили историческую эпоху Аравии более, чем на полторы тысячи лет. Если оперировать круглыми цифрами, то прежде почти ничего не известно было об истории Аравии до времени Мухаммеда. Многие ученые не верили, что до этого времени арабы умели читать и писать. А теперь мы располагаем обширными надписями, относящимися ко времени около 1000 г. до н. э. Столь высокая цивилизация не может возникнуть внезапно, и поэтому начало ее надо безусловно отнести ко II тысячелетию до н. э. Некоторые исследователи полагают, что отдельные группы надписей должны быть отнесены к этому тысячелетию.

С помощью развалин и надписей теперь установлено географическое положение, а отчасти также время существования четырех больших царств в Южной Аравии, о которых упоминают уже древние авторы. Теперь стали известны также более мелкие царства. На юг от большой пустыни Руба Ал-Хали, по своим размерам равной Франции, Бельгии

Рис. 4. Статуя царя из древней Южной Аравии

Рис. 5. Сабейская маска

и Голландии, находилось большое царство Хадрамаут; из всех древних арабских царств оно исследовано меньше всего. За реками, впадавшими в море у старого торгового порта Канэ Эмпорион, лежала в плодородной местности столица Сабват (Сабота); в окрестностях ее до сих пор находят множество массивных, высоких, как башни, зданий в древнем стиле и многочисленные развалины. К сожалению, это— запретная страна для европейцев. Известны лишь немногие надписи из этого царства.

Несколько десятилетий назад о царстве Катабан Вест было известно столь же мало, как и о царстве Хадрамаут. Проникновение в эти края было сопряжено для европейцев с величайшей опасностью для жизни. Однако ученому Эд. Глазеру, прожившему много лет в Южной Аравии, удалось уговорить нескольких бедуинов сделать оттиски (на бумаге) древних надписей. Таким образом он раздобыл сто копий очень древних и ценных надписей. Некоторые из этих копий были изданы автором этих строк. Главная часть копий постепенно издается соотечественником Глазера австрийским ученым Н. Родоконакис, который подготовляет их для печати с образцовой тщательностью. Но дело подвигается вперед медленно. Приходится преодолевать большие трудности лексического, а также исторического характера. Мы располагаем надписями из обоих упомянутых царств, относящимися ко времени как до нашей эры, так и к нашей эре. Точную хронологию еще невозможно установить.

Зато мы располагаем перечнем сабейских царей (с некоторыми пробелами). Он длиннее, чем перечень датских королей, хотя Дания — старейшее королевство в Европе. В царстве Саба с столицей Мариб на север от Катабан цари указаны от IX в. до н. э. приблизительно до 550 г. н. э. После скромного начала в неплодородной области эти сильные цари мало-помалу подчинили своей власти все большие части Южной Аравии, пока, в конце концов, Саба не стала самой могучей державой в Южной Аравии, и имя ее затмило все другие сабейские государства. Последняя значительная надпись из блестящих времен этой державы высечена на стене мощной запруды, которая вскоре после этого рухнула и запечатлела упадок государства. Надпись эта состоит из 136 строк и принадлежит царю Абраха (приблизительно 540 г. н. э.), который изменил вере отцов и перешел в христианство.

С четвертым большим древним царством, так называемым Минейским (Минайя), связано много проблем, которые ждут своего разрешения. Столица этого царства Маин находится на северо-запад от древней Сабы. В языке и письме, а также в культуре и религии имеются местные особенности, несмотря на наличие общего сходства с южными и восточными государствами. Относительно времени существования четвертого царства ученые придерживаются различных взглядов. По мнению Глазера и проф. Гоммеля, расцвет его относится ко II тысячелетию до н. э., другие ученые утверждают, что он совпадает с древней Сабейской эпохой.

Как бы то ни было, караванные станции и колонии минейцев простирались далеко на север: об этом свидетельствуют надписи.

*

— Однако,—спросит читатель,—чем же эти новооткрытые памятники и надписи обогатили наши знания?

Что рассказывают нам древние памятники об этой стране, в настоящее время в большей своей части пустынной и бедной? Они говорят нам то же, что развалины дворцов и городов в Вавилоне и Ассирии, что пирамиды и развалины храмов в Египте. Они свидетельствуют о былом величии страны, ставшей, благодаря трудолюбию и выдающейся энергии населения,— центром высокой культуры; впоследствии, когда узловые пункты торговли и культуры продвинулись дальше, культура эта подверглась разрушению. Перед нами история древней культуры, сиявшей, как светоч, но потом снова погрузившейся во мрак. Ныне страна прозябает во тьме, ибо центры культуры переместились. Сообщения надписей о войнах и местных событиях представляют мало интереса для человека нашего времени, но эти надписи свидетельствуют об уровне культуры, имеющем совершенно особое значение для истории культуры и религии—это единственный материал, вскрывающий одну из основ нынешней религии в Европе. Аравия совершенно правильно считается родиной семитов. Отсюда, очевидно, вышли семитские народы (вавилоняне, ассирийцы, евреи и др.), положившие начало высоким культурам в северных областях. Арабская культура является той первоначальной основой, которая встречается потом во всех высших семитских культурах; точно так же первобытная арабская религия послужила основанием для других семитских религий древности, а через них—для иудаизма, христианства и ислама. В сущности говоря, первобытная арабская доисламская религия оставалась нам прежде неизвестной, так как фанатики-мусульмане беспощадно искореняли пережитки ее, все, что перешло от «джахилийи», «века варварства и невежества».

Рис. 6. Головы статуй

Однажды, будучи в Иерусалиме, я решил измерить и сфотографировать священную скалу, высящуюся на месте древнего храма и составляющую теперь святая святых в мечети Омара. «Гяурам» запрещен доступ сюда, и я сделал попытку добиться разрешения духовного начальства. Я был допущен к аудиенции у великого муфтия и отправился на нее с альбомом иллюстраций к древнеарабской культуре. Великий муфтий был настроен весьма националистически, и я указывал ему, какие великолепные здания и монументы создали его праотцы в древности. Изучение этих остатков старины—добавил я—является моей специальностью.

Великий муфтий очень заинтересовался моим рассказом. Я получил особое рекомендательное письмо и разрешение посетить Хеврон. Высокий духовный сановник без устали расспрашивал меня о всех тех диковинных вещах, которые я показывал ему в альбоме. В конце концов, пришлось затронуть в разговоре вопрос о датировке древнеарабской культуры, и я не мог скрыть от своего собеседника, что это была эпоха древнего язычества.

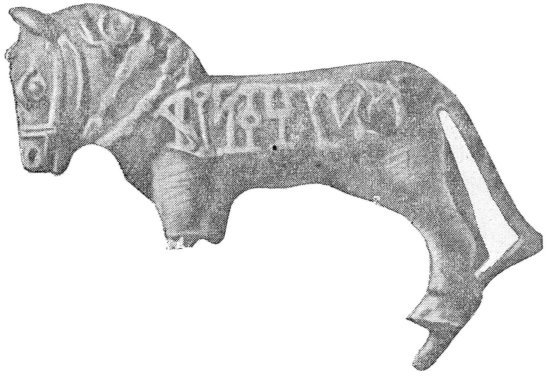


Рис. 7. Обетная статуэтка из сабейского храма (бронзовый конь, посвященной богине солнца)

— «Джахилийя», «язычество»! — в испуге вскричал великий муфтий и с отвращением оттолкнул от себя альбом. Вот в этой установке кроется причина того, что позднейшую культуру ислама не связывают с древней языческой культурой никакие традиционные узы, и что у арабских авторов, в отличие от авторов-классиков, отсутствует традиция. Арабы желали забыть свое прошлое. Пробел, созданный религиозным фанатизмом в древнейшей истории Аравии, прекрасно заполнен теперь новооткрытыми надписями. Смелые пионеры европейской науки спасли их от уничтожения.

При оценке материала этих надписей необходимо учитывать следующие два обстоятельства:

1. Невозможно разграничить надписи религиозного и нерелигиозного характера. Все надписи составлены в религиозном духе. Даже мирские события рассматриваются в надписях с религиозной точки зрения. Так, например, надписи на мирских постройках содержат религиозно-исторический материал, так как крепости и башни, а также дворцы и частные дома воздвигались во имя богов, посвящались им и с помощью определенных формул ставились под их защиту. Религия является здесь не придатком к быту, не культурным элементом наряду со многими другими; нет, это было чувство зависимости, которое господствовало над всем прочим, сопровождало индивидуума от колыбели до гроба и пронизывало всю жизнь и культуру вплоть до мельчайших деталей. Это явствует как из правовых договоров, так и из надписей исторического характера.

2. Народы, создавшие импозантные монументы в Южной Аравии, сами не были бедуинами, но их предки были бедуинами, и, кроме того, эти народы оставались в постоянном контакте с бедуинами посредством

своих торговых путей и караванов. Все южноарабские царства были, как и Израильское царство, построены на племенной основе. Это—единственная социальная структура, известная бедуинам. Вместе с делением на племена, с племенными законами и племенной моралью, сохранилась также первобытная племенная религия, причем отчасти в той форме, в какой она является также в других местностях Аравии в дохристианскую эпоху. Религия здесь была, как и всюду, самым консервативным элементом идеологии. В других областях (письмена, техника, искусство и др.) воспринимались влияния окружающего мира, но религия осталась такой же подлинно-арабской, как и язык, на котором составлены надписи.

Рис. 8. Барельеф из позднейшей Сабейской эпохи

Итак, религия—господствующий элемент в древнеарабской идеологии. Эта религия является фундаментом, недоставшим до сих пор историческим исходным пунктом для позднейших семитских религий.

Ученые уже давно обратили внимание на древнюю Аравию в надежде найти здесь недоставший исторический базис для Ветхого завета. Ряд культовых деталей в древнеарабских надписях обнаруживает поразительное сходство с еврейской религией и со столь характерным для евреев культом без культовых изображений; у других семитов мы встречаем такой культ только в древнеарабской религии.

Идея оказалась правильной, но только в последние годы, по мере обнародования и истолкования надписей, мы начинаем понимать, что сходство имеется не только во внешних моментах, что центральные идеи как иудаизма, так и христианства можно свести к древнеарабской религии, а через нее—к тому примитивному миросозерцанию, которое встречается также в других первобытных религиях. Мы находим у древних арабов ту примитивную картину мира, которая встречается не только у большей части первобытных народов, но также—в качестве доисторического религиозного пережитка—у некоторых культурных народов.

Небо и земля—арена жизни и мира. О происхождении их не задумываются. Размышления на эту тему мы находим лишь позднее, у культурных народов, в их мифах о сотворении мира. Вопрос ставится лишь о происхождении живых существ.

По древнейшим представлениям арабских бедуинов, племя, народ и даже весь род человеческий являются одной большой семьей, происходящей от общего родоначальника. Это относится также к существам, обитающим на небе. По анимистическим представлениям первобытных народов, все, что движется, является живым существом. Путь светил на небе и излучаемые ими влияния показывают, что это живые существа. В древнеарабской религии, как и в прочих первобытных религиях, встреча луны и солнца во время новолуния считается половым соединением. Луна и солнце—небесные Адам и Ева, от которых происходят небесные существа. Звезды—небесные дети.

Венера, которая под тропиками кажется малой луной, занимает по своей величине и яркости особое место среди звезд. Ее включают с луной и солнцем в святую троицу богов, состоящую из отца, матери и сына. Эту троицу мы находим за тысячелетия до нашей эры в развитых семитских религиях, а также еще в христианскую эру. В этой божественной троице сын особенно близок к отцу. Другие звезды—тоже сыновья бога, но Венера занимает среди них особое место, как первенец (бакур) верховного бога.

Между небом и землей нет непроходимой пропасти, они встречаются на горизонте. Поэтому нет также зияющей бездны между небожителями и земными существами.

Сыны человеческие—в то же время сыны божьи, причем, возможно, связующим звеном служат звездные дети. Люди происходят от божественных отца и матери, от небесных Адама и Евы, которым древние арабы поклоняются в лице месяца и солнца, как источникам всякой жизни.

Поэтому у древних вавилонян, вероятно, уже за несколько тысячелетий до нашей эры, лунное божество является милостивым отцом, породившим все живое, «как богов, так и людей», тогда как солнце и здесь было первоначально материнским божеством, судя по имени «шамашуммия» («солнце—моя мать»). Ключом к разгадке тайны жизни является рождение: первобытный человек не знает другого пути для появления жизни. Когда один миссионер пытался убедить арабскую женщину, что все люди происходят от Адама и Евы, она ответила: «Наш отец—месяц, а мать наша—солнце»[1].

В продолжение тысячелетий эта мифология превратила безжизненные, безличные небесные светила, механически совершающие свой путь по небосклону и не вмешивающиеся в людские дела,—в личные существа, в этические божества, милостиво заступающиеся за своих земных детей.

В конце концов, натуралистический фундамент совершенно отпал. Бог-отец уже не живет на луне, а восседает над небесными светилами, как сверхъестественное невидимое божество. Это уже не натуралистическое божество. Наконец, культурные семитские религии, а стало-быть, также и библейские религии, порывают кровную связь, которая перво-

[1] В семитских языках слова *отец*, *сын* и *дочь* употребляются не только применительно к ближайшему поколению, но также применительно к дальнейшим поколениям. Так, например, слово *отец* означает также «родоначальник», слово *сыновья* обозначает также все потомство.

начально связывала человека с богом-отцом. Бог уже не является отцом людей в физическом смысле, но оставалась религиозная сторона этого отцовства, имеющая крайне важное значение уже в древнеарабской религии в ее высших формах.

Небесные светила служили большим подспорьем арабам в их странствиях по бескрайной пустыне: они указывали путь кочевникам. Но если личные существа, жившие на этих светилах, приобрели еще более важное значение в религии арабов, став для последних ангелами-хранителями, оберегавшими их жизнь от колыбели до могилы, то в основе этого процесса лежало представление о родстве между звездами и человеком.

Когда бедный бедуин обращал свой взор к небу,— а так поступают верующие всюду на земле,— он видел только небесные светила и верил, что они милостиво созерцают его жизнь и помогают ему в счастье и несчастье. Вера в родство с этими существами была первоначально примитивным умозаключением, примитивной попыткой объяснить загадку происхождения жизни; но здесь эта религиозная вера была мощным подкреплением надеждам человека на помощь небожителей.

Рис. 9. Бычьи головы с рогами в виде новолуния

У бедуинов помощь может прийти только от семьи или племени, все прочее, естественно, враждебно им. Раз небесные существа являются моими прародителями, они принадлежат к моей семье, поэтому я могу быть уверенным в их помощи. Мифология родства превратила, таким образом, безличные небесные светила в личных друзей человека, связанных с ним самыми священными узами, какие знает первобытная культура.

У древних семитов отцу принадлежит власть над женой, детьми и внуками в такой мере, какой не знают народы Европы. Всесильный глава семьи является, с одной стороны, строгим судьей над жизнью и смертью своих подвластных, с другой стороны—рачительным отцом, заботящимся даже о всех мелочах для своего подрастающего потомства.

Те же отношения мы находим также в семье богов у древних арабов. Здесь тоже бог-отец, первоначально в образе луны, является всемогущим верховным божеством как для семьи богов в тесном смысле, так и для толпы детей человеческих. С просьбами обращаются к нему. Первоначально женское божество и бог-сын играют в религии подчиненную роль. Но уже в высших формах древнеарабской этнической религии высшее божество

совершенно утрачивает свой лунный характер, во всяком случае в официальном культе. Оно называется «бог», в отличие от других божеств, которые называются «богами», но не могут претендовать на имя «бога».

«Бог» прежде всего—отец народа и в качестве официального божества почитается под особым именем и с монотеистическим оттенком. Мы не имеем здесь богатой религиозной литературы, какой являются библия и вавилонско-ассирийская мифология, а имеем лишь скудные указания в надписях. Тем не менее, есть основания предполагать, что поклонение луне являлось здесь низшей ступенью религии, своего рода идолопоклонством, и официально было распространено лишь в широких массах.

Высшее официальное божество, став национальным богом, освобождается от того натуралистического фундамента, на котором оно возникло. Не подлежит сомнению, что даже этот национальный бог был первоначально лунным божеством. Мы находим этого бога в старейших частях Ветхого завета, где он сопровождает свой народ от горы Синая, очевидно, имевшей издревле культовое значение в Северной Аравии, до Ханаана. Утратив связь с луной, божество называется отныне просто «богом»; в еврейских личных теофорных именах оно именуется «богом» и «отцом». Израиль почитает его под особым названием, как бога и отца народа.

Лишь после выступлений пророков этот национальный бог стал универсальным богом, богом и отцом всех людей, причем евреи все же остаются его избранным народом. Многочисленные свидетельства указывают, что бог, которому Израиль поклонялся, первоначально носил тот же характер, что племенные божества у арабов, происходящие все от общего лунного бога—родоначальника всей жизни.

Мы находим в Ветхом завете также населяющих небо детей бога под различными названиями, соответствующими названиям ангелов в Новом завете. Они называются «сынами божьими» («бене элоим») и иногда явно отождествляются со звездами.

Здесь, как и в народной религии арабов, еще сказывается натуралистическая основа, отпавшая уже по отношению к богу-отцу. Однако в одном решающем месте библия разрывает узы крови, связывающие первоначально бога и людей. Человек уже не «рожден» богом, а «сотворен» им. Происхождение человека объясняется, как в культурных религиях Вавилона и Египта: бог берет кусок мокрой глины или земли, лепит из него как бы куклу и затем вдувает в нее жизнь (Быт., 2,7).

Хотя этот рассказ, казалось бы, исключает всякое кровное родство человека с богом, однако и «сотворение» человека тоже сохраняет первоначальное представление о божественной природе человека, о небе, как первоначальной родине человека, и о том, как последующие поколения все более деградируют. Каждое поколение все более удаляется от бога, и с течением времени, когда прошло много поколений, родство с богом становится все отдаленнее.

*

Согласно библейской мифологии, человек не «рожден» богом, а «сотворен» им. Но он сотворен «по образу и подобию божьему», наделен божественными качествами, телесными и духовными.

Он обитал первоначально в «раю». Эта священная небесная родина человека находится далеко «на востоке», очевидно на горизонте, где сходятся небо и земля. Отсюда произошли все небесные и земные существа. Этот «рай»—своего рода преддверие к небу, охраняемое ангелами. Лишь

после грехопадения и изгнания из рая в жизнь человека входят грех и смерть, и он все более отдаляется от бога. Но древнейшие поколения все еще живут чрезвычайно долго, как своего рода полубоги (Мафусаил).

Кроме того, люди являются также детьми бога, хотя уже в переносном значении. На сей раз бог уже не реальный родоначальник их, люди—его приемные дети, о которых он печется, как действительный отец.

Обратимся теперь к вопросу о древнеарабской и древнесемитской божественной троице, играющей столь важную роль как в вавилонском, так и в египетском богословии. В национальных религиях два других божества были оттеснены на второй план главным богом, как национальным богом; тем не менее, в Ветхом завете имеются следы божественной троицы, как это давно уже установило христианское богословие. В языческом христианстве она фигурирует в виде отца, сына и святого духа.

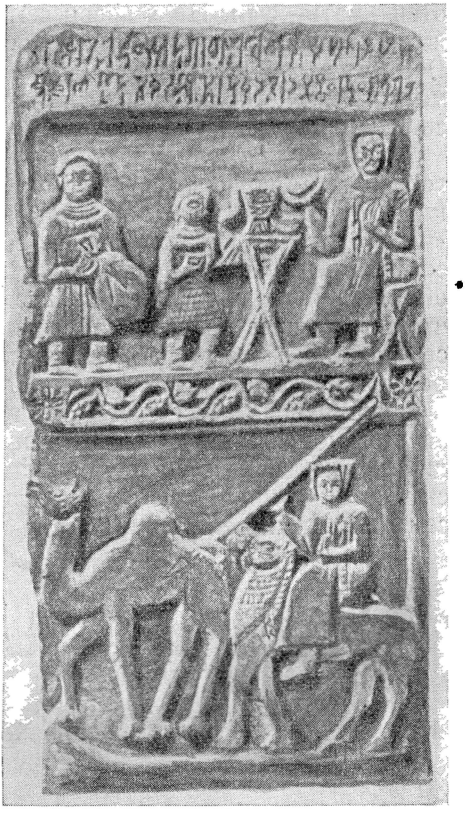


Рис. 10. Древнеарабское надгробие

Как известно, учение о триединстве является позднейшим церковным догматом; в библии нет упоминания о триединстве. Однако по христианскому вероучению, божественная троица, три самостоятельных божественных лица, вечно существовала на небесах.

Здесь еще сохраняется представление о рождении сына: бог-сын «рожден», а не «сотворен» отцом. По отношению к другим небесным и земным существам, как ангелам, так и людям, творец (creator) является отцом лишь в переносном значении. Только бог-сын занимает здесь такое же исключительное положение, как в древнеарабских надписях «перворожденный» (бакур).

Святой дух является, по христианскому вероучению, самостоятельной ипостасью божества наряду с богом-отцом и богом-сыном. Нужно ли, собственно, изучать семитскую мифологию, чтобы прийти к убеждению, что эта ипостась первоначально была матерью бога-сына? Если в божественной троице две ипостаси — отец и сын, причем сын не «сотворен», а «рожден» богом-отцом, то ясно, что третьей ипостасью должна была быть первоначально мать. Иначе, откуда мог взяться этот сын?

Так оно и есть. В семитических языках «святой дух» христиан—женский образ, о нем говорится только в женском роде.

В последние столетия до нашей эры это божество, подобно другим семитским божествам, под влиянием греческой философии было превращено в отвлеченное понятие. Подобно тому, как бог-отец превратился в «духа» (Иоанн, 4,24), а бог-сын—в «слово» (Иоанн, 1), божество-мать

тоже превращается под различными наименованиями в духа, причем «дух святой» тем легче вытеснил мать, что допущение супружеских отношений между богом-отцом и богиней-матерью казалось неприемлемым.

Однако еще в «Евангелии от евреев» святой дух есть мать Иисуса: в Апокалипсисе Иоанна, гл. 12, она, царица небесная, рожает на небесах бога-сына. Можно шаг за шагом проследить исторически и показать, как мать бога-сына превращается в «святого духа». Даже тот порядок, в котором называют одного за другим членов божественной троицы, сохранился в течение тысячелетий. Мы естественно применили бы следующий порядок: отец—мать—сын. Но в древнесемитских надписях и обращениях к богам женщина фигурирует на последнем месте, сообразно семитскому обычаю. Поэтому в этих источниках мы всегда находим такой порядок: отец—сын—мать. Точно так же в христианском вероучении говорится: отец—сын—святой дух.

На практике, однако, католическая церковь заменила почитание «святого духа», слишком абстрактного для верующих, почитанием девы Марии, как матери бога-сына. Как я показал в своей небольшой популярной книге «Исторический Иисус», к деве Марии перешли имя и функции древней семитской богини-матери; даже изображения Марии следуют тому же образцу, что изображения семитской богини. Однако нельзя утверждать, что в настоящее время в христианской церкви почитается древнеарабская семья богов. Для этого расстояние между древнеарабской и христианской религиями слишком велико. Но если искать историческую преемственность в жизни человечества и его религий, нельзя уже ограничиваться Ветхим заветом, как единственным историческим базисом Нового завета. Мы находим переходы и точки соприкосновения, которые связывают как еврейскую, так и христианскую религию с стоящими на более низкой стадии семитическими религиями.

ПОСЛЕДНИЙ ПЕРИСАД И СКИФСКОЕ ВОССТАНИЕ НА БОСПОРЕ[1]

Акад. С. А. Жебелев

Триста с лишним лет (с 438/7 г. до н. э.) правили Спартокиды на Боспоре, когда в последнее десятилетие II в. до н. э. последний представитель династии Перисад—вероятно, пятый в ряду одноименных правителей—добровольно передал свою власть понтийскому царю Мифрадату Евпатору. Так говорит Страбон[2], основывающийся в своих исторических экскурсах о Боспоре на показаниях или Ипсикрата[3] или Посидония[4]. Перисад оказался вынужденным сложить с себя бразды правления потому, что он был не в силах противостоять варварам, требовавшим большей дани, чем прежде (φέρον πραττομένους μείζω τοῦ πρότερον). Так как Боспорское государство не состояло в вассальной зависимости от соседивших с ним скифских и сарматских племен, то употребленное Страбоном выражение φέρος не должно понимать буквально в смысле дани. Это—денежные взносы, которые в ольвийском декрете в честь Протогена[5] евфемистически названы «дарами», δῶρα. Эти дары Ольвия была вынуждена платить наседавшим на нее окрестным скифским царям и царькам, чтобы избежать их набегов и нападений, в качестве «отступного». То, что испытывала Ольвия столетием раньше того времени, к которому относится указание Страбона, приходилось теперь переживать и Боспорскому государству. Его теснят соседившие с ним туземные племена. Чувствуя свое бессилие справиться с ними вооруженною силою, боспорское правительство пробует откупиться от них посулами. Но чем дальше, тем более настойчивыми и требовательными становятся претензии этих племен. Ни государственной, ни личной казны Перисада нехватает на удовлетворение этих претензий, и он, ввиду грозящей Боспору участи стать добычею соседей, отрекается от престола и передает власть в более крепкие и могучие руки понтийского царя.

Мы достаточно хорошо знаем, благодаря имеющемуся у нас запасу лите-

---

[1] Данная работа акад. С. А. Жебелева напечатана в 1933 г. в «Известиях ГАИМК» очень ограниченным тиражом. Ввиду большого интереса, который представляет эта статья, редакция с согласия акад. С. А. Жебелева вновь печатает его статью с изменениями и дополнениями.

[2] Strab., VII, 308—310.

[3] Rostovzew, Skythien und der Bosporus, 128, ср. В. Ф. Смолин, «Изв. Тавр. общ. ист., арх. и этногр.», III, 66 сл.

[4] Jacoby, Frg. Hist., II A, p. 242.

[5] IPE I² 32 =Syll.³ 495 =Michel, Rec., 337, ll. 11, 34, 44, 91.

ратурных, эпиграфических и археологических источников, историю Боспора в IV в. и отчасти в первой половине III в. Тогда Боспор представлял собою сильное, и в экономическом и в политическом отношениях, государство. Опираясь на свою армию, состоявшую, главным образом, из наемных войск, оно не только держало в повиновении и жившее в его пределах туземное население и соседние «варварские» племена, но имело возможность включить в свой состав некоторые из этих племен на азиатской стороне Боспора в качестве подвластных. «Архонты Боспора и Феодосии», боспорские правители титулуются в боспорских документах IV в. и первой половины III в. также и «царями» таких-то и таких-то туземных племен, обитавших по Кубани и ее притокам. Политическая мощь Боспорского государства, опиравшаяся на его военную силу в лице наемной армии, дорого стоившей правительству, являлась своего рода надстройкою его экономической базы, главным ресурсом которой был широкий экспорт, главным образом, хлебного зерна в материковую, островную и, вероятно, также в малоазийскую Грецию, экспорт, приносивший Боспору хорошие барыши. Насколько велик был этот экспорт хотя бы в Афины, бывшие в IV в. главным потребителем боспорского зерна, видно из речи Демосфена против Лептина (31—33). Оказывается, из 1 600 000 медимнов (медимн = ок. 59 л) ежегодно экспортируемого в Афины хлеба около половины его вывозилось из пределов Боспорского государства[1]. При этом не следует упускать из внимания, что добывание зернового, как и прочих видов, сырья обходилось Боспорскому государству дешево, так как оно производилось руками рабского туземного населения самого Боспора[2].

С конца IV в. у Боспора в деле хлебного экспорта появляется сильный конкурент в лице птолемеевского Египта. Для Афин это можно констатировать на основании документальных данных, из которых видно, что на афинском рынке египетский хлеб появляется уже с первого десятилетия III в[3]. В 289/8 г. Спарток IV посылает еще в Афины в дар 15 000 медимнов[4], но уже его преемник Перисад II отправляет посольство к Птолемею II Филадельфу в 254/3 г.[5], имевшее своей целью, несомненно, урегулировать также и вопросы, касающиеся хлебного экспорта, в частности, быть может, специально в Афины, с которыми египетский царь состоял в формальном союзе[6]. Предположение[7] об отсутствии торгового соперничества между Птолемеями и Спартокидами нуждается, во всяком случае, в ограничении,

---

[1] A. Kocevalov, Rh. Mus. XXXI, 1932, 321 сл.

[2] Из указания Страбона (VII, 311) видно, что жившие за пределами Боспорского государства в степной полосе, примыкавшей к Таврическому полуострову и северному побережью Азовского моря, скифские племена, объединяемые Страбоном под общим наименованием номадов, сдавали в аренду за умеренную плату принадлежащую им землю всем желающим ее обрабатывать. В числе этих арендаторов Боспор был, несомненно, одним из главных, если не самым главным. Это следует из указания Страбона, что номады, в случае неуплаты арендаторами условленных взносов (φόροι) арендной платы, начинают с ними войну. Не платят же ее те, продолжает Страбон, кто, опираясь на свою силу, могут или легко отразить нападающих или воспрепятствовать их вторжению. Далее, со слов Ипсикрата, Страбон приводит в пример боспорского царя Асандра, отгородившего стеною перешеек Таврики у Меотиды. Несомненно, однако, что в числе лиц, опирающихся на свою силу, нужно разуметь также и Спартокидов, по крайней мере, IV и первой половины III в.

[3] IG II² 682. 650 = Syll.³ 409. 367 = Michel, Rec., 129, 1480.

[4] IG II² 653 = Syll.³ 370 = Michel, Rec., 124.

[5] Bell, Symbolae Osloenses, V, 1927, 33 сл. = Bilabel, Sammlung gr. Urkunden aus Aegypten, III, 7263.

[6] IG II² 687 = Syll.³ 434—435 = Michel, Rec., 130.

[7] Rostovtzeff, JEA, XIV, 1928, 13 сл.

поскольку дело касается торговли хлебом, в которой боспорское правительство было заинтересовано в высокой степени и которая неизбежно должна была сократиться с поступлением на греческие рынки египетского хлеба. Это должно было отразиться на экономическом благосостоянии Боспора и повлекло за собой ослабление его прежней военной силы, которая, как сказано выше, основывалась на наемной армии. Содержать ее в прежних размерах стало для Боспорского государства тяжело, и это обстоятельство было, конечно, прекрасно учтено окрестными с Боспором туземными племенами, почувствовавшими начинавшийся и постепенно развивавшийся упадок правящей на Боспоре династической власти[1].

Этот упадок, правильнее сказать, медленное увядание после пышного расцвета в IV в., развивался постепенно. Проследить его отдельные этапы невозможно, так как наши источники для истории Боспора после смерти Перисада II и до последнего Перисада более чем скудны и малосодержательны. Мы не можем даже установить с точностью, хотя бы относительною, преемственный порядок Спартокидов во второй половине III и во II вв. по сохранившимся надписям и монетам, называющим царей Левкона, Спартока и, очевидно, нескольких, по меньшей мере трех, Перисадов[2]. Но кроме имен этих царей (из них Левкона и Спартока относят ко второй половине III в., Перисадов помещают во II в.), имеются еще монеты и черепицы с именем архонта Игиенонта[3] и одна монета с именем царя Ака (о ней ниже). Этих Игиенонта и Ака М. И. Ростовцев[4] считает узурпаторами. Насколько это правильно, судить не берусь, равно, как и о том, можно ли заключать из заметки схолиаста к «Ибису» Овидия[5], что среди Спартокидов во вторую половину III в. были династические раздоры (возможно, все дело сводится к обыкновенной бытовой истории). М. И. Ростовцев[6] предполагает, что в первой половине II в. Боспор переживал некоторое возрождение, заключая это из того, что один из боспорских граждан был дельфийским проксеном[7], что Перисад III посвятил в святыню Аполлона Дидимейского золотую чашу[8] и проявил свое благочестие, выразившееся, надо полагать, в денежном вкладе, к дельфийской святыне Аполлона[9]. Если уже говорить о возрождении, то почему не вспомнить и о том, что Перисады продолжают чеканить золотую монету?[10] Все же всего этого материала слишком мало, чтобы заполнить пустые, по выражению Бёка, летописи истории Боспора без малого за полтораста лет. Повторяю, увядание Боспорского государства шло постепенно и вызвано оно было не только внутренними причинами

---

[1] В первой половине II в., как показала работа Heichelheim'a, наблюдается повсеместное в греческом мире падение стоимости денег. Так, в 198, в 119—117 гг. серебряная монета имеет лишь половину, и даже меньше, своей стоимости. Отношение серебра к меди в 160 г. = 1 : 512 1/2, в середине II в. оно колеблется—1 : 400 и 1 : 500. G. Glotz, REG, XLV, 1932, 242.

[2] Предположительная преемственность этих царей у Minns, Scythians and Greeks, 583, и в конце VIII т. CAH (The Spartocid Dynasty).

[3] О них В. В. Шкорпил, Сборник в честь Бобринского, 31 сл., ср. В. Ф. Гайдукевич, Из истории Боспора (=ИГАИМК, вып. 104), 143, 92, 93.

[4] CAH, VIII, 581.

[5] Ст. 309: Левкон, один из понтийских царей, убил своего брата Спартока, имевшего обыкновение прелюбодействовать с его женою Алкафоей; позже тот же Левкон был убит своею женою.

[6] Rostovtzeff, там же.

[7] Syll.[3] 585.

[8] IG XI 287, B 126.

[9] Syll.[3] 439.

[10] А. В. Орешников, «Нум. сборник», II, 1913, 37 сл.

и экономического и политического характера, но и причинами внешними. Так, по крайней мере, выходит из короткой заметки Страбона, что последний Перисад оказался вынужденным уступить свою власть Мифрадату, не будучи в состоянии противостоять напиравшим на Боспор варварам.

Кого под этими «варварами» должно разуметь? Тут придется припомнить то состояние, в каком очутились греческие колонии Северного Причерноморья, когда стали наводнять южнорусские степи, начиная со второй половины III в., одно за другим сарматские племена, когда скифы, обитавшие до того в этих степях и в северной части Балканского полуострова, будучи обессилены сначала Филиппом и Александром Македонскими, Лисимахом, а позже фракийцами и галатами, принуждены были, при продвижении сарматов, после того как они перешли Дон, к западу, оставить свое прежнее местожительство в южнорусских степях[1]. Процесс вытеснения скифов сарматами происходил, конечно, постепенно. Ранее всего и хуже всего пришлось Ольвии, как о том красноречиво свидетельствует декрет в честь Протогена[2], рисующий тревожное положение города, страдавшего от напора на него скифских племен в последнюю треть III в. и вынужденного спасаться от них «дарами» скифским царям и царькам[3]. Но щедрость Протогена, а может быть, и других ольвиополитов, не могла помочь беде, и Ольвия вынуждена была, в конце концов, признать над собою, с конца III в., по меньшей мере, главенство скифских царей, как показывают это ольвийские монеты, на которых имена этих царей стоят наряду с именем города[4].

В первой половине II в. скифы, которых продолжают вытеснять из степной полосы сарматы, сосредоточиваются в Крыму. Это создавало явную угрозу Херсонесу, который должен был подумать о мерах для своей защиты. И вот, опираясь на связи со своею метрополией, Гераклеей, Херсонес ищет поддержки от скифов у понтийского царя Фарнака. В мирный договор 179 г., заключенный между ним и царями вифинским и каппадокийским, наряду с Гераклеей и некоторыми другими греческими городами, включен также и Херсонес[5]. О той опасности, какая грозила Херсонесу от скифов, красноречиво говорят начальные строки клятвенного обязательства Фарнака, сопровождающего специальный договор, заключенный в том же 179 г. между Фарнаком и Херсонесом: «Если соседние варвары пойдут походом на Херсонес или на подвластную Херсонесу территорию, или будут обижать херсонесцев, я буду помогать им, поскольку мне позволит время»[6]. Об одном из таких набегов скифов дошло упоминание в фрагменте херсонесского декрета[7], отнесенного, правда, В. В. Латышевым, на основании исключительно характера письма, к последним десятилетиям III в., но могущего быть датированным с таким же правом и первыми десятилетиями II в. (мы не в состоянии еще вполне точно разграничивать греческое лапидарное письмо второй половины III в. и первой половины II в. по десятилетиям). С другой стороны, по правильному наблюдению В. В. Латышева, письмо этой надписи очень близко напоминает письмо херсонесского декрета

[1] Rostovtzeff, CAH, IX, 227 сл.

[2] IPE I² 32 =Syll.³ 495. В. В. Латышев—Исследования об Ольвии, 66 сл.

[3] Декрет в честь Протогена не позже 213/2 г.; предположение Ф. Слюсаренко («Науковий юбилейний збірник в честь Масарика», Прага, 1925, 268 сл.), относящего декрет к началу II в., требует проверки.

[4] В. В. Латышев, ук. соч., 114 сл., 136 сл.; ср. Minns, Scythians and Greeks, табл. III, 20—23, стр. 487.

[5] Polyb., XXV, 2, 3—15. Büttner—Wobst.

[6] IPE I² 402.

[7] IPE I² 343.

в честь историка Сириска[1]. Сириска херсонесцы чествуют, между прочим, за то, что он в своем историческом труде изложил историю отношений между Херсонесом и боспорскими царями. Ясно, каких вопросов эти отношения в современную Сириску эпоху могли и должны были касаться в первую очередь: прежде всего о том, как обезопасить себя от скифской угрозы, которая нависла над Херсонесом и должна была коснуться, рано или поздно, и Боспора. Однако все эти меры предосторожности оказывались недостаточными, и когда напор скифов на Херсонес стал в конце II в. угрожать его независимости, херсонесцы были вынуждены отдаться под защиту Мифрадата, избрав его своим «предстоятелем»[2], другими словами, отдать свое государство под покровительство и защиту понтийского царя[3].

Важным фактором во всей обстановке середины II в. в Крыму было то, что скифы, жившие и действовавшие до тех пор вразброд, начали постепенно объединяться. В Крыму, в тылу у Херсонеса, образовалось объединенное Скифское государство, во главе которого стал царь Скилур. Это был способный и, во всяком случае, хорошо понимавший свои задачи правитель. Возможно, что уже Скилур заручился союзом с одним из самых сильных сарматских племен, роксоланами, расселившимися по северо-восточному берегу Азовского моря[4]; но во время заключения договора между Херсонесом и Фарнаком в 179 г. сарматы были еще, повидимому, во вражде со скифами и, может быть, даже поддерживали Херсонес в его борьбе с последними[5]. Организовал ли Скилур свое Крымское царство при помощи ольвиополитов, как предполагает М. И. Ростовцев, я утверждать не решаюсь, точно так же, как и то, что свои доходы Скилур увеличил, наладив, при помощи крупных ольвийских купцов, значительный экспорт хлебного зерна через Ольвию (в подтверждение этого М. И. Ростовцев может сослаться на две посвятительные надписи, IPE I² 670, 671, ольвиополита Посидея в честь почитавшихся на Родосе Зевса Атабирия и Афины Линдийской, а также на посвятительную надпись, IPE I² 672=SEG III 608, того же Посидея в честь Ахилла в благодарность за победу над сатархеями, занимавшимися пиратством). Несомненно, однако, что Скилур, став господином Ольвии (неизвестно, оккупировал ли он ее или сделал вассальною), стремился расширить границы своего царства в юго-восточном направлении. Тут взоры Скилура прежде всего должны были быть направлены на Херсонес, как на удобный и хорошо защищенный порт, ближе всего расположенный к его Крымскому царству, средоточие которого было около теперешнего Симферополя. Напасть открыто на Херсонес и на зависевшие от него на западном побережье Крыма городки Скилур, быть может, и не решался до поры до времени, имея в виду, что Херсонес состоял в союзе с Понтийским царством. Но что Скилур делал набеги на херсонесскую территорию, причем и херсонесцы пробовали откупаться от него «дарами», в этом вряд ли можно сомневаться.

Возникновение царства Скилура в пределах Северного Причерноморья,

---

[1] IPE I² 344; М. И. Ростовцев, ЖМНП, 1915, апрель, отд. клас. фил., 151 сл.

[2] προστάτην ἑλέσθαι. Strab., VII, 308.

[3] Несомненно, этому факту предшествовали дипломатические переговоры с Мифрадатом; о них, быть может, сохранилось упоминание в фрагменте херсонесского декрета, IPE I² 349.

[4] Rostovtzeff, CAH, IX, 228.

[5] М. И. Ростовцев, ЗОО, XXXII, 1915, 58 сл.

области колониальной экспансии греков среди чуждого им туземного населения, типично для колониальной политики, связанной с эксплоатацией колонизаторами туземного населения. Царство Скилура совершенно правильно характеризуется не как скифское, а как греко-скифское царство. В этом отношении эллинизация Северного Причерноморья, быть может, могла бы похвастать наибольшим из одержанных ею успехов. Северопричерноморские греческие колонии были наглядным примером превосходства государственного строя над племенным бытом, и они, несомненно, оказали свое влияние на процесс разложения последнего. Страбон (VII, 311), противопоставляя степных скифов,—номадов, по его терминологии,—скифам-земледельцам, обитавшим на Таврическом полуострове, пользуется для характеристики последних удачно выбранным термином, называя их πολιτικώτεροι, очевидно, не только более цивилизованными вообще, но и такими, в быту которых имелись основные элементы того, что связано с понятием греческого πόλις, как государственного целого. И в царстве Скилура прежде всего возникает ряд укрепленных поселений типа πόλεις, главное из которых носит даже чисто греческое имя Νεάπολις, если только это название не является переводом на греческий язык туземного слова, обозначающего «Новгород».

По примеру греческих городов Скилур чеканит монету, на которой не только воспроизводится его имя по-гречески, но которая снабжается такими, между прочим, эмблемами греческими, как голова Гермеса, керикейон[1]. Чеканка монеты предполагает наличие развитого товарообмена. Пример вышеупомянутого Посидея, надписи с именем которого найдены, как предполагают, в пределах царства Скилура, показывает, что в этом царстве проживали не одни скифы, но также и греки, конечно, ради коммерческих дел. На фрагменте одной из надписей, там же найденных, стоит имя самого Скилура[2].

Все эти, пусть мелкие, детали показывают, насколько «обэллинизовались» ко времени Скилура скифы, хотя бы с внешней стороны,—судить о внутренней у нас мало данных. Когда Скилур в старости умер, оставив после себя многочисленное потомство, власть перешла к его старшему сыну Палаку, который должен был, очевидно, продолжать политику Скилура.

А политика эта состояла в том, чтобы вытеснить с приморской полосы греков, занять их место, получить те выгоды, которыми пользовались греки, обладая непосредственным доступом к морю. Скифы поняли значение моря для успехов постепенно организующегося государственного быта. Для греческих колоний Северного Причерноморья, для которых в течение долгого времени окружающее их туземное население было исключительно предметом эксплоатации, результат получился тот, что когда скифы окрепли настолько, что сумели объединиться в государство эллино-скифского типа, они повели борьбу с теми, кто их долго угнетал, причем борьба эта, как мы видим, проводится планомерно и последовательно, идя с запада на восток, от более слабого к более сильному—сначала Ольвия, затем Херсонес, наконец, Боспор.

Боспорское государство было, конечно, во много раз сильнее Херсонеса, было дальше расположено от центра скифской державы, утвердившейся в Таврике. Но и ему, очевидно, стало невмоготу бороться с напором

[1] Regling, RE, III A, 526.
[2] IPE I² 668.

варваров, и тогда оно вынуждено было пойти по тому же пути, что и Херсонес. Так нужно объяснять себе поступок последнего Перисада. Пред ним стояла дилемма: или предоставить событиям итти своим ходом и, в конце концов, по примеру Ольвии признать над Боспором верховенство скифского царя, или предупредить это и передать свою власть и вместе с тем защиту государства в руки более мощные, последовав в данном случае примеру Херсонеса. В одном случае перспектива, рано или поздно, утраты независимости Боспорского государства со всеми экономическими ее последствиями и подчинение его скифам, остававшимся в глазах Перисада и его греческих подданных варварами, в другом—надежда, при содействии понтийского царя, избежать варваризации, хотя бы ценою утраты политической автономии Боспора[1]. Кроме того, если бы в Боспорском государстве утвердилось скифское верховенство, едва ли оказалось бы возможным продолжать оставлять скифских подданных государства в том состоянии эксплоатируемого класса, в каком они находились. А это влекло бы за собой крушение того социального и экономического уклада, на котором покоилось самое существование Боспорского государства в предшествующее время.

Короткая заметка Страбона устанавливает лишь факт добровольной передачи Перисадом своей власти Мифрадату. Выражение παρέδωκε τὴν ἀρχήν должно быть толкуемо буквально. Оно означает, что Перисад передал прерогативы своей царской власти над Боспором Мифрадату, иными словами, что Перисад отрекся от престола, и ничего более. Понимать выражение Страбона так, как его обыкновенно понимают: Перисад, отрекшись от престола, тем самым передал и принадлежавшее ему царство Мифрадату, которое, в силу этого, объединилось с царством последнего, мы не можем на основании слов Страбона. Херсонес, как мы видели, для защиты своей автономии от посягательства на нее скифов, должен был избрать Мифрадата προστάτης, своим защитником от внешнего врага, передать Мифрадату руководство этой защитой. То же самое имел в виду сделать и Перисад, не имевший в своем распоряжении достаточных сил противостоять напору скифов на Боспор. Очевидно, предполагалось, что отныне не Перисад, а Мифрадат будет защищать Боспор, станет его προστάτης, причем остается открытым вопрос, должен ли был Боспор быть включен в состав Понтийского царства, или, оставаясь самостоятельным государством, встать к Мифрадату в определенные, точно установленные отношения, характер которых мы лишены возможности выяснить. Может быть, предполагалось даже, что Перисад сохранит свой царский титул, но именно только титул, так как вся полнота власти, с этим титулом связанная, отныне должна была перейти к Мифрадату, особенно поскольку это касалось обороны государства. Как видно будет дальше, обстоятельства сложились так, что Мифрадат вскоре же стал и юридически царем Боспора, но в первоначальной формулировке передачи власти Перисадом Мифрадату это могло и не заключаться. Другая, также короткая, заметка Страбона[2] как будто подтверждает это. В ней говорится, что Херсонес был ранее автономным, но потом, будучи опустошаем варварами, был вынужден отдать себя под защиту Мифрадата, который намеревался итти походом на варваров, живущих выше перешейка (Перекопского) до Борисфена и далее до Адриатического моря, что должно было служить подготовкою к войне с римлянами. Побуждаемый такими

[1] О филэллинизме Мифрадата ср. Th. Reinach, Mithridate Eupator, 248 сл.
[2] Strab., VII, 309.

надеждами, замечает Страбон, Мифрадат охотно послал войско в Херсонес и одновременно с этим стал воевать со скифами, бывшими под властью Скилура и его сыновей с Палаком во главе. Мифрадат силою подчинил скифов себе и в то же время стал господином Боспора, получив его от тогдашнего его владельца Перисада, добровольно Боспор Мифрадату уступившего. Конечно, к терминологии Страбона нельзя предъявлять строгих требований. Все же следует подчеркнуть, что, на основании слов Страбона, Мифрадат, после того как скифы ему подчинились, стал господином Босфора (κύριος κατέστη), а не его царем (βασιλεύς).

Покойный мой учитель Ф. Ф. Соколов рекомендовал придерживаться двух главных правил исторической критики: «Текст авторов поздних и неточных не должно принимать слишком буквально и точно и слишком много выводить из фраз необдуманных, случайных; наоборот, текст официальных актов, надписей должно толковать самым близким и точным образом». Поэтому не будем слишком настаивать на предлагаемом толковании слов Страбона. Но судьбе угодно было подарить нам надпись, касающуюся боспорских событий, стоявших в непосредственном отношении к отречению Перисада от престола. Эта надпись, открытая еще в 1878 г. в развалинах Херсонеса и с тех пор прочно вошедшая в научный обиход, в своей части, касающейся Боспора, оказалась, по моему мнению, недостаточно полно, а в некоторых случаях и неправильно истолкованной. Между тем, при тщательной ее интерпретации, она открывает много такого, на что до сих пор не было обращаемо внимание.

Надпись[1] содержит декрет, изданный херсонесским «советом и народом» в честь Диофанта, полководца Мифрадата Евпатора. В декрете излагается деятельность Диофанта на Таврическом и Керченском полуостровах в течение последнего десятилетия II в. Эта дата надписи может считаться установленной абсолютно прочно; попытки распределить изложенные в надписи факты по отдельным годам этого десятилетия могут претендовать лишь на относительное значение[2]. Одно нужно иметь в виду: события излагаются в декрете, как это принято обыкновенно в документах, в последовательном порядке их прохождения. Это вытекает и из самого декрета с его ясной и четкой формулировкой. Несколько панегирический тон декрета в отношении Диофанта понятен: декрет имел в виду почтить Диофанта. Понятно

---

[1] IPE I² 352 =Syll.³ 709 =M i c h e l, Rec., 338 =M i n n s, Scythians and Greeks, 647.

[2] Начало деятельности Диофанта относится бесспорно ко времени вскоре после вступления на престол Мифрадата. Когда это вступление имело место, определяется различно: Ed. M e y e r, Gesch. d. Königreichs Pontos, 89 сл., относит это к 115 г.; B r a n d i s, RE, III, 773—после 114/3 г., Th. R e i n a c h, Mithridate Eupator, 55—к 111 г.; R o s t o v t z e f f, CAH, IX, 226, принимает датировку Эд. Мейера, подкрепляя ее ссылкою на OGIS, 369. В прологе Т р о г а П о м п е я к XXXVII книге его истории сказано, что Мифрадат, по вступлении на престол, подчинил себе Понт и Пафлагонию. В кратком изложении Ю с т и н а, XXXVII, 3, 1, говорится, что Мифрадат, вступив на престол, стал немедленно (statim) думать о расширении пределов своей власти, причем прежде всего укротил скифов. Но выражение statim слишком неопределенно, чтобы делать на основании его точные выводы. Другое указание Ю с т и н а, XXXVIII, 7, 4—Мифрадат с большой робостью и неуверенностью приступил к войнам на Понте, так как он был тогда неопытным новичком (rudis ac tiro)—тоже мало помогает; Мифрадат мог считать себя новичком вообще в первые годы после вступления своего на престол. Основываясь на этих указаниях Юстина, Т. Р е й н а к, которому следует Г е й е р, RE, XV, 2164, ставит первую экспедицию Диофанта в Крым на 110 г., вторую—на 109 г., третью—на 107 г., издание самого декрета—на 107/6 г. Может быть, это хронологическое распределение и правильно; может быть, оно должно быть понижено года на два, на три.

также и то, что события, касающиеся непосредственно Херсонеса, излагаются в декрете, исходящем от лица Херсонеса, с особой обстоятельностью, события боспорские—более суммарно, но все же вполне отчетливо.

Прежде чем перейти к интерпретации тех частей надписи, которые имеют непосредственное отношение к Боспору, я приведу значительную часть декрета в переводе, возможно близком. Та обстановка, в которой развивается содержание декрета, совершенно ясна. Над Херсонесом нависла обычная угроза—наступление скифов царства Палака. Херсонесцы, опираясь на свой договор 179 г. с Фарнаком, очевидно, не утративший своего значения и при его преемниках, обращаются за помощью к Мифрадату, который отправляет в Херсонес войско под командою Диофанта. Вступительные строки надписи не сохранились; в них содержалось указание на то, по инициативе кого из херсонесских граждан состоялось издание декрета. Далее, следует его основная часть, начинающаяся с обычного ἐπειδή, которое я оставляю без перевода, чтобы разгрузить и без того несколько громоздкий слог надписи[1].

«Диофант, сын Асклапиодора, гражданин Синопы, наш друг и благодетель, пользуясь доверием и уважением, как никто, со стороны царя Мифрадата Евпатора, постоянно оказывается виновником всего хорошего для нашего города, направляя царя на самое прекрасное и славное. Будучи им привлечен и приняв на себя войну против скифов, Диофант прибыл в наш город и мужественно со всем войском переправился на ту сторону[2]. Когда скифский царь Палак внезапно напал на Диофанта с большим полчищем, он, быв тем самым вынужден выстроить свое войско в боевой порядок, обратил в бегство скифов, считавшихся до тех пор непобедимыми, и таким образом устроил так, что царь Мифрадат Евпатор первый водрузил над ними трофей. Покорив соседних тавров[3] и основав на том месте город[4], Диофант отлучился в боспорские местности и там в короткое время совершил много великих дел. Снова вернувшись в наши места и взяв с собою граждан цветущего возраста, Диофант продвинулся в центр Скифии и, после того, как скифы сдали ему царские укрепленные пункты Хабеи и Неаполь, вышло так, что почти все скифы стали подвластны царю Мифрадату Евпатору. Благодарный народ за все это почтил Диофанта приличествующими почестями, как освобожденный уже от владычества варваров». Таковы были результаты занявшей, по мнению М. И. Ростовцева, два непрерывных года первой экспедиции Диофанта на Таврический полуостров, после чего он вернулся в Синопу.

Херсонесские дела изложены в приведенном отрывке так обстоятельно, что никаких пояснений не требуют. Но что Диофант делал на Боспоре? Какие «многие великие дела в короткое время» совершил он там (πολλὰς καὶ μεγάλας πράξεις ἐν ὀλίγοι χρόνωι ἐπιτελέσας)? В. В. Латышев полагал, что в этой краткой и бесцветной фразе содержится указание на оккупацию Боспора, точнее, его европейской части, занимавшей Керченский полуостров, и в подтверждение этого ссылался на приведенные выше слова Стра-

---

[1] Восстановленных частей надписи, так как они не вызывают каких-либо сомнений, не указываю. Они отмечены в изданиях Латышева и в Sylloge[3]. Там же и комментарий к надписи и относящаяся к ней литература; см. также SEG, III, 600 и Rostovtzeff, CAH, IX, 1932, 230 сл.

[2] То-есть с южного берега Севастопольской бухты, где был расположен Херсонес, на ее северный берег.

[3] На южном берегу Таврического полуострова, между Херсонесом и Феодосией.

[4] Евпаторий. Strab., VII, 312.

бона[1]: подчинив себе скифов, он (Мифрадат) стал господином Боспора, который ему добровольно уступил Перисад. Но эти слова Страбона не могут относиться к первой экспедиции Диофанта. Оккупация Боспора, если бы она имела место, могла бы быть произведена лишь в том случае, если бы Диофант прибыл на Боспор со своей армией и оставил ее там. Из дальнейшего текста надписи мы, однако, увидим, что на Керченском полуострове не только после первой, но и после второй экспедиции Диофанта никакой оккупационной армии не было—иначе там не разыгрались бы те события, о которых речь впереди. По дальнейшему ходу событий выходит, что Диофант и херсонесцы считали задачу покорения скифов выполненной в результате первой экспедиции (иначе херсонесцы и не издавали бы в честь Диофанта декрета «с приличествующими почестями», который, конечно, должен быть отличаем от дошедшего до нас декрета). Поэтому мысль В. В. Латышева об оккупации Боспора должна быть оставлена. Неприемлемо также и то объяснение, какое давал Т. Рейнак[2] «многим великим делам» Диофанта на Боспоре: непродолжительной, но энергичной кампанией, говорит Рейнак, Диофант привел к покорности скифских подданных Перисада и этим обеспечил права наследования Мифрадата. Но о скифских подданных Перисада в надписи будет речь в связи с другой экспедицией Диофанта, и мы скоро увидим, что эти скифские подданные далеко не были склонны к проявлению покорности.

Понимать под «многими великими делами» Диофанта на Боспоре какие бы то ни было военные действия нельзя: 1) повидимому, Диофант отправился на Боспор без войска, 2) но если бы оно ему сопутствовало, с кем оно должно было бы сражаться? Со скифскими подданными Перисада? Но они, в своей массе, как подневольное население, вряд ли были настолько вооружены, чтобы сражаться с армией Диофанта. Думать же о том, что крымские скифы перебросили свои силы на Керченский полуостров, нельзя, так как эти скифы только что были разбиты Диофантом. Или это были тавры? Но и они только что были приведены к покорности. Во фразе о пребывании Диофанта на Боспоре имеется лишь одно достаточно определенное указание: он пробыл там короткое время. Если бы Диофант успел отличиться на Боспоре, как полководец, да еще притом отличиться в короткое время, думается, в декрете, восхваляющем Диофанта исключительно как полководца, нашлись бы более красноречивые слова, чем простое упоминание о «многих великих делах».

Диофант действовал «короткое время» на Боспоре не как полководец Мифрадата, а как его дипломатический агент. Брандис[3] высказывал предположение, что во время первого приезда Диофанта на Боспор Перисад не передал еще своей власти Мифрадату, а через посредство Диофанта просил понтийского царя об оказании ему, Перисаду, помощи против теснивших Боспор варваров. Что же, Диофант эту помощь обещал? Но разве можно было бы об этом сказать: Диофант совершил много великих дел? Конечно, нет. Мне представляется дело в таком виде: одержав победу над скифами в первой же схватке с ними (παρατοξάμενος ἐν χρείαι) и обратив их в бегство, т.е. заставив их отступить от Херсонеса в центр Таврического полуострова, покорив после того тавров, основав в их области поселение, где, может быть, был оставлен гарнизон, Диофант отправляется в Боспор-

[1] Strab, VII, 308.
[2] O. c., 68.
[3] Brandis, RE, III, 773.

ское государство—либо в Пантикапей, либо в Феодосию. Там он вступает в переговоры с Перисадом. В переговорах этих выясняется бессилие Перисада противостоять грозящей Боспору опасности от скифского напора. Диофанту, победившему скифов, важно было, конечно, защитить от них и Боспор, чтобы тем самым не дать скифам возможности тревожить его,— это создавало бы для Мифрадата, поставившего своей задачей утвердиться в Северном Причерноморье, большую помеху. И вот, узнав у Перисада о его бессилии справиться со скифами, Диофант выступает перед Перисадом с предложением передать власть Мифрадату и тем самым вверить ему защиту Боспора, т. е. поступить так же, как поступил Херсонес. Перисад, надо полагать, дал при этих переговорах свое принципиальное согласие, как мы сказали бы теперь, и это был уже большой дипломатический успех. Так как декрет в честь Диофанта составлен уже после того, как первая стадия переговоров Диофанта с Перисадом привела, в дальнейшем, к благоприятным результатам, и так как, в конце концов, Мифрадат стал боспорским царем, то составитель декрета мог выразиться суммарно, указав, что в первое свое пребывание на Боспоре Диофант совершил «много великих дел», да еще в короткое время. В чем эти дела заключались, современникам декрета было хорошо известно. Непосредственного отношения к Херсонесу дела эти не имели, а потому и не к чему было о них распространяться. Обратим еще внимание на то, что везде в декрете имя Диофанта связано с именем Мифрадата. Лишь в разбираемом отрывке имя последнего не упомянуто. Отсюда напрашивается предположение, может быть, и несколько смелое, что сама инициатива о передаче Перисадом власти Мифрадату исходила непосредственно от Диофанта, действовавшего на свой риск и страх, без непосредственных переговоров с Мифрадатом, но в его интересах, а потому и уверенного в том, что его, Диофанта, шаги понтийским царем будут одобрены. Велись ли раньше предварительные переговоры между Перисадом и Мифрадатом на предмет передачи власти, мы сказать не можем.

Итак, после первой экспедиции Диофант со своим войском возвращается в Понт. Но ему вскоре же, вероятно, не более, как через год, пришлось снова отправиться с войском в Херсонес. Вызвана была эта вторая экспедиция следующими обстоятельствами, изложенными так в надписи: «Когда скифы, обнаружив врожденное им вероломство, отложились от царя и изменили (утвердившееся) положение вещей, это заставило царя Мифрадата Евпатора снова отправить Диофанта с войском (в Херсонес). Диофант, хотя время склонялось к зиме, взяв своих воинов и самых сильных из (херсонесских) граждан, двинулся против наиболее укрепленных пунктов скифов, но, быв задержан непогодою, поворотил в приморские местности, захватил Керкинитиду и «укрепления» и приступил к осаде жителей Прекрасной гавани[1]. Когда Палак, полагая, что время ему содействует, собрал всех своих, а сверх того привлек на свою сторону племя ревксиналов...[2], Диофант сделал разумную диспозицию (своих сил). И вышло так, что была победа для царя Мифрадата Евпатора, прекрасная и достопамятная на все времена: из пехоты (вражеской) почти никто не спасся, из конницы же немногие спаслись бегством[3]. Не оставаясь ни минуты в без-

[1] Все эти пункты, принадлежавшие Херсонесу, были захвачены скифами. Керкинитида—теперешняя Евпатория; Прекрасная гавань—Акмечеть; «укрепления» расположены были на западном берегу Крыма.

[2] Роксоланов.

[3] У Страбона (VII, 306) говорится, что армия Диофанта состояла всего из 6 000 человек, одних же роксоланов было почти 50 000. Последняя цифра, разумеется, во много

действии, Диофант с войском, в начале весны, пошел на Хабеи и Неаполь». Далее текст надписи пострадал. Из сохранившихся отдельных слов следует, повидимому, что на этот раз скифам было нанесено окончательное поражение[1].

Связный текст надписи снова ведет нас на Боспор.

«Диофант отправился в боспорские местности и устроил тамошние дела прекрасно и полезно для царя Мифрадата Евпатора». Снова бесцветная фраза, но менее бесцветная, если приглядеться к ней, чем предыдущая, где говорилось о совершении Диофантом на Боспоре «многих великих дел». На этот раз Диофант устраивает боспорские дела «прекрасно и полезно» (καλῶς καὶ συμφερόντως) для Мифрадата. Брандис[2] по этому поводу говорит: во вторичный приезд Диофанта в Пантикапей боспорские дела были предметом заботы уже не Перисада, а Мифрадата (в лице Диофанта), которому Перисад передал свою власть. Но это противоречит точному смыслу приведенного отрывка: Диофант устроил боспорские дела полезно для Мифрадата, т. е. в интересах последнего. Т. Рейнак[3], в соответствии с его пониманием деятельности Диофанта в его первый приезд на Боспор, по поводу вторичного посещения замечает: Диофант появляется на Боспоре, где разразились, без сомнения, беспорядки. Он восстанавливает порядок и открыто провозглашает верховную власть Мифрадата на Боспоре. Но о беспорядках речь в надписи впереди, и подавлять их Диофанту пришлось не с той армией, которая была в его распоряжении во время его второй экспедиции. И во второй раз, как и в первый, Диофант приехал на Боспор без вооруженной силы, при помощи которой он только и мог бы навести порядок. Очевидно, та армия, которая сопровождала Диофанта во время второй экспедиции, после того как скифы и их союзники были разгромлены, вернулась в Понт,—это ясно следует из дальнейшего хода событий, излагаемых в надписи. Наконец, самое выражение: Диофант устроил (κατασταθ[σάμενος—восстановление бесспорно) «прекрасно и полезно» для Мифрадата боспорские дела, исключает, кажется, всякую мысль о том, что деятельность Диофанта во вторичный его приезд на Боспор была соединена с какими-либо военными операциями: термин καθίστημι, καθίσταμαι не употребляется, когда речь идет об операциях военного характера.

То дело, начало которому было положено Диофантом в его первый приезд на Боспор, получило теперь свое завершение и оформление. В бытность свою в Понте между первой и второй экспедициями Диофант поставил Мифрадата в известность о готовности Перисада уступить ему свою власть. Акт большой государственной важности—передача власти одним монархом другому—не мог представлять собою простой полюбовной сделки:

раз преувеличена, с целью тем самым подчеркнуть доблесть греков. О каких-то херсонесцах, храбро сражавшихся под Прекрасной гаванью, говорится в фрагменте херсонесского декрета (IPE I², 353), изданного в один год с надписью в честь Диофанта и, может быть, вырезанного тем же резчиком, что и последняя. Сохранившееся во второй строке декрета Σκύθας καὶ Σα... М. И. Ростовцев предлагает дополнять Σα[υρομάτας]. Вряд ли дополнение удачно: в декрете в честь Диофанта союзниками Палака называются лишь роксоланы. Может быть, скорее следует дополнять Σα[ταρχαίους]. Сатархеи (или сатархи) жили к северу от тавров (Weissbach, RE, II A, 60).

[1] Th. Reinach, 69. Утверждение Гейера, RE, XV, 2165, что Палак, после нанесенного ему Диофантом поражения, бежал в Рим, ни на чем не основано. Сохранившемуся в начале 31-й строки надписи.... φυγεῖν предшествует подлежащее τοὺς μέν; вероятно, речь шла о том, что часть полчищ Палака разбежалась.

[2] RE, III, 774.

[3] O. c., 69.

он требовал для себя юридического оформления в той или иной форме. На каких условиях должна была состояться передача власти, мы не знаем и не будем об этом гадать[1]. Во всяком случае, во вторичный приезд на Боспор Диофанту предстояло вместе с Перисадом оформить то, что в проекте было решено раньше. Диофант успешно выполнил взятую им на себя миссию, ввел, так сказать, Мифрадата в права фактического владения Боспорским царством, и составитель декрета имел полное основание сказать, что это было дело «прекрасное и полезное» для Мифрадата (в короткой фразе надписи логическое ударение лежит, несомненно, на выражении «полезно», подобно тому, как в первой, столь же короткой фразе, оно лежит на выражении «в непродолжительное время»).

Мы уже указывали выше, что греческие подданные Перисада (возможно, что также и эллинизованные скифские верхи), представлявшие привилегированный класс боспорского населения, класс колониальных эксплоататоров, могли только с одобрением встретить происшедшую смену верховной власти, перешедшей из рук бессильного Перисада в руки Мифрадата, полководец которого только что разбил наголову скифов. Но совершенно иначе отнеслось к состоявшейся перемене режима на Боспоре его многочисленное скифское население, население подневольное, бесправное, эксплоатируемое, население, для которого переход власти в руки Мифрадата не мог сулить никаких надежд на изменение его социального и экономического положения. Все должно остаться по-старому, даже ухудшиться: ведь в распоряжении нового господина Боспора была прекрасно организованная армия, военный флот, опираясь на которые всякую попытку неповиновения со стороны боспорских рабов боспорским господам можно было подавить при ее возникновении. Все это должно было быть учтено скифским населением европейской части Боспора. И оно ответило на совершившуюся перемену режима на Боспоре революционным выступлением. Его причины коренились в глубоких социальных противоречиях между господствующим и подневольным классами боспорского населения. Его поводом послужила передача Перисадом власти Мифрадату. Об этом революционном выступлении боспорских скифов ни у одного древнего писателя нет хотя бы и краткого намека. Лишь декрет в честь Диофанта свидетельствует о нем вполне определенно и в сжатых выражениях дает как бы конспект того, что началось, прежде всего, в Пантикапее и что охватило собою весь Керченский полуостров.

Непосредственно вслед за сообщением о том, что Диофант устроил боспорские дела «прекрасно и полезно» для Мифрадата, мы читаем: «Когда скифы, с Савмаком во главе, произвели государственный переворот и убили боспорского царя Перисада, выкормившего Савмака, на Диофанта же составили заговор, последний, избежав опасности, сел на отправленное за ним (херсонесскими) гражданами судно и, прибыв (в Херсонес), призвал на помощь граждан. (Затем), имея ревностного сотрудника в лице посылавшего его царя Мифрадата Евпатора, Диофант, в начале весны (следующего года), прибыл (в Херсонес) с сухопутным и морским войском и, присоединив к нему отборных (херсонесских) воинов (разместившихся) на трех судах, двинулся (морем) из нашего города (Херсонеса), овладел Феодосией

[1] Foucart, BCH, V (1881), 85, замечал по этому поводу: «Перисад принял протекторат Мифрадата и, может быть, назначил его своим наследником. Но до своей смерти он сохранял титул боспорского царя, фактически же власть осуществлялась Мифрадатом и его уполномоченными».

и Пантикапеем, покарал виновников восстания, Савмака же, убийцу царя Перисада, захватив в свои руки, отправил в царство (т. е. в Понт) и снова приобрел власть (над Боспором) для царя Мифрадата Евпатора».

Прежде всего должно выяснить следующие вопросы: 1) кто были скифы, произведшие переворот; 2) кто был Савмак, ставший во главе его; 3) что представлял собою переворот, какого он был характера?

На первый вопрос, после сделанных выше разъяснений, ответить не трудно. Правда, Низе[1] усматривал в скифах, произведших переворот, тех скифов из царства Палака, которые теснили Херсонес и Боспор. Но уже Брандис[2] правильно указывал на то, что немыслимо, чтобы эти скифы дважды, в короткое время, разбитые наголову Диофантом, непосредственно вслед за тем появились в Пантикапее и подняли там восстание. Возможно ли было этим скифам, замечает Брандис, жившим сравнительно далеко от Боспора, с такою быстротою поднять там восстание и оказать ему поддержку, в особенности, если принять в расчет, что восстание сопровождалось вначале несомненным успехом, что сам Диофант лишь с трудом мог избежать грозившей ему опасности? Начальный этап восстания говорит за то, что для него на самом Боспоре нашлось достаточно горючего материала. Таким образом, под скифами, произведшими переворот, должно разуметь не скифов из царства Палака, не тех степных скифов, которых Страбон называет номадами и территория которых, кстати сказать, была в то время, когда переворот произошел, занята роксоланами, а, очевидно, тех скифов, которых Страбон (VII, 311) называет земледельцами и которые жили на всем Керченском полуострове до Феодосии включительно. Все эти соображения Брандиса совершенно правильны. Но выводы, которые он делает из них, не могут быть приняты. Брандис представляет себе характер произведенного скифами-«земледельцами» переворота в таком виде: это была борьба между городом и деревней, борьба на партийной почве. Партия, опиравшаяся преимущественно на сельское население скифских земледельцев, ополчилась против партии, опиравшейся, главным образом, на население греческих городов Боспора. Эти партийные группировки существовали и раньше; при Перисаде каждая из них заняла свою определенную позицию за или против аннексии Боспора Мифрадатом. Таковы соображения Брандиса. Но можно ли говорить о каких-либо партийных группировках в Боспорском государстве, если принять во внимание социальное различие населения боспорских городов и боспорских деревень? Ведь население первых состояло из господ, население вторых—из рабов. Правда, вопрос об аннексии Боспора, в силу указанных выше причин, был далеко не безразличен для боспорских рабов и для боспорских господ, и мы уже упоминали, что если последние должны были сочувствовать передаче Перисадом власти Мифрадату, то боспорские рабы должны были отнестись к нему враждебно. Это и сказалось на первых же шагах восстания: Перисад, добровольно уступивший свою власть Мифрадату, был убит. Та же участь грозила и Диофанту, виновнику передачи власти в руки понтийского царя, если бы заговор, составленный на жизнь Диофанта, увенчался успехом. Но корни государственного переворота, происшедшего на Боспоре, были более глубокие, чем вопрос о том, кто будет править Боспором, Спартокид или Ахеменид. И не «партийная вражда» между городским и сельским насе-

[1] Niese, Rh. Mus., XVII (1887), 567 сл.
[2] Brandis, RE, III, 774.

лением переворот породила. Он возник в результате давным-давно таившейся вражды между классом угнетателей и классом угнетенных, между классом господ и классом рабов. Эта классовая вражда вылилась, в конце концов, в открытую классовую борьбу в виде восстания скифских рабов в европейской части Боспорского государства.

Распространилось ли восстание и на его азиатскую часть, мы сказать не можем. Скорее приходится думать, что восстание на азиатскую часть не перекинулось. Диофанту, как видно из надписи, пришлось отвоевывать от повстанцев Феодосию и Пантикапей, очевидно, находившиеся в их власти и служившие для них укрепленными пунктами. Ни один из городов азиатской части Боспора, очевидно, не попал в руки повстанцев. В надписи определенно сказано, что переворот произвели скифы. Скифов не было в азиатской части Боспора. Населявшие ее туземные племена принадлежали к мэотам (о синдах не говорим: они рано уже обэллинизовались). Скифов же и мэотов древние писатели определенно различают. Тем более мы вправе ожидать этого различения в официальных документах.

Чем должно объяснять пассивное отношение к произведенному скифами европейской части Боспора перевороту со стороны туземного населения его азиатской части? Мы знаем, что Боспорское государство, в пору его процветания, подчинило своей власти туземные племена, обитавшие по течению Кубани и ее притокам[1]. Возможно, однако,что эти племена в ту пору, когда Боспорское государство ослабело, вернули себе прежнюю независимость. Из Страбона (VII, 307; II, 73) мы знаем, что после того, как Мифрадат уже воцарился на Боспоре, его полководцу Неоптолему пришлось воевать с мэотами, жившими на берегу пролива. Что же касается тех мэотов, которые жили к северу до города Танаиса, то они в состав Боспорского государства не входили, а скорее тяготели к Танаису, который боспорскому правительству далеко не всегда удавалось удерживать в своих руках[2]. Более, чем сомнительно, чтобы Танаис входил в состав Боспорского государства в эпоху его слабости, при последних Перисадах. К тому же в то время, когда произошло скифское восстание в европейской части Боспора, его азиатская часть, за исключением Таманского полуострова с его греческими городами, была уже занята сарматами, с которыми мэоты слились. Очевидно, связь между туземным населением обеих частей Боспора в рассматриваемую эпоху была очень слабая.

Теперь о том, кто был руководитель восстания, Савмак. Если бы классовый состав скифов, произведших переворот, был определен правильно, не пришлось бы гадать и о Савмаке и возводить его на тот высокий пьедестал, на котором он оказался стоящим. Да и самый переворот получил бы иную характеристику. Этот переворот обычно рассматривается, как своего рода дворцовый переворот, представляется личным делом Савмака, к которому присоединились скифы. Но уже сама формулировка надписи не позволяет делать таких заключений. В ней определенно сказано: τῶν περὶ Σαύμακον Σκυθῶν νεωτεριζάντων, из чего следует, что переворот произвели скифы, объединившиеся вокруг Савмака. Что Савмак—тоже скиф, об этом свидетельствует его имя. Но классовое происхождение Савмака? Тут среди ученых полное единомыслие, с незначительными лишь оттенками. Некоторые считали Савмака даже одним из скифских царей, потомком

---

[1] См. мои «Боспорские этюды» («Известия ГАИМК», вып. 104), 17.
[2] Strab., XI, 493.

Скилура[1]. Низе[2]: Савмак — приемный сын Перисада; скифы, объединившиеся вокруг него,—те скифы, которые, незадолго до переворота, принудили Перисада платить им дань. Т. Рейнак[3]: Савмак — скифский наследник Перисада. Гольм[4]: Савмак—скифский принц, воспитанник Перисада и его наследник. Брандис[5]: Савмак—воспитанник Перисада, очевидно в родстве с царской фамилией, во всяком случае, кто-то, кто чувствовал себя обиженным воцарением Мифрадата на Боспоре. И. Е. Миннз[6]: Савмак—воспитанник Перисада, опиравшийся на скифскую партию; вполне возможно, что он был законным представителем Спартокидов, стоявшим, очевидно, в оппозиции к интересам Мифрадата и рассчитывавшим на поддержку скифов. М. И. Ростовцев[7]: последний боспорский царь, вероятно, был вынужден усыновить скифского принца (Савмака) и дать ему греческое воспитание, чтобы подготовить для Боспора новую скифско-греческую династию. Позволительно, однако, задать вопрос: что могло побудить Перисада подготовлять в свои наследники скифского принца? Или Перисад рассчитывал усыновлением скифа Савмака Scytharum benevolentiam captare и тем самым избавить Боспор от постоянной скифской угрозы? И если в планы Перисада входило создать на Боспоре новую скифско-греческую династию, то почему последовал поворот в мыслях Перисада и он передал власть Мифрадату? Не Диофант же в данном случае подействовал на Перисада.

В надписи сказано, что, во время восстания скифов, Савмак убил Перисада, ἐκθρέφαντα αὐτόν (Савмака). Ἐκθρέφαντα переводят и понимают в смысле «воспитавшего его», Савмака, что не точно, так как ἐκτρέφειν дословно значит «выкармливать». У Платона[8] Законы говорят Сократу: ἡμεῖς γάρ σε γεννήσαντες, ἐκθρέψαντες, παιδεύσαντες и пр. Здесь ясно отличаются понятия «рождать», «выкармливать» и «воспитывать». С ἐκτρέφειν связано представление о физиологическом акте воспитания, точнее—выкармливания новорожденного, и в таком смысле глагол этот употребляется безразлично в отношении и людей, и животных, и растений. Число примеров из литературных памятников можно было бы привести достаточно, но и без них ясно значение глагола ἐκτρέφειν.

Из доступного мне эпиграфического материала я приведу один пример, но показательный. Это надпись из селения Давлия в Фокиде. Она относится к середине II в. до н. э. и представляет обычный акт об отпущении рабов на волю, так наз. манумиссию[9]. Строки 4—7 надписи читаются так: Καλλων Μ(ν)ασία, Δαμὼ Φίλωνος Δαυλιεῖς νοέοντες καὶ φρονέοντες ἀνέθηκαν Ἀθήναι τᾶι Πολιάδι ἃ ἐξεθρέφαντο σώματα οἷς ὀνόματά ἐστι (имена семи рабов и рабынь) τούτους ἐλευθέρους εἶμεν πάντας τοὺς ἰδίους ὑπερτούς— «Каллон, сын Мнасия, Дамо, дочь Филона, давлийцы, находясь в твердом уме, посвятили Афине Полиаде тела (т. е. рабов), которые они выкормили

[1] Юргевич, ЗОО, XII; Бурачков, Каталог монет, 221; Моммзен, Римская история. II, 279, русск. перевод (изд. Солдатенкова 1887 г.).
[2] Rh. Mus., XLII, 1887, 560.
[3] O. c., 69.
[4] Holm, Gr. Gesch. IV, 677.
[5] RE, III, 774.
[6] Minns, Scythians and Greeks, 520, 582.
[7] CAH, IX, 229.
[8] Plat., Crit., 51 c.
[9] Последнее издание этой считавшейся утраченной, но вновь найденной Louis Robert'ом надписи принадлежит этому светилу греческой эпиграфики: BCH, LIX (1935), 202.

и которым имена (такие-то); быть свободными всем этим принадлежащим им вскормленникам». В приведенной фразе особенно поучительно сопоставление глагола ἐκτρέφειν и прилагательного θρεπτός (подразумевается δοῦλος), которое встречается исключительно в актах об отпущении рабов на волю—примеров можно было бы привести сколько угодно. Θρεπτός, θρεπτή—terminus technicus; он соответствует лат. verna и означает раба, родившегося и выросшего в доме своего господина, доморощенного раба. Поэтому в некоторых манумиссиях к θρεπτός прибавляется еще οἰκογενής[1]. Сопоставление в давлийской надписи θρεπτός и ἐκτρέφειν укрепляет меня в той мысли, что глагол ἐκτρέφειν и в декрете в честь Диофанта употреблен в специальном значении и применен к Савмаку потому, что он был доморощенным рабом, θρεπτὸς οἰκογενής боспорского царя[2].

Теперь, если удачна попытка, деградировав Савмака, поставить его на принадлежащее ему место, характер происшедшего на Боспоре движения представляется в ином свете. Это—не дворцовый переворот, произведенный при помощи скифов раздосадованным на Перисада Савмаком; это и не борьба деревни с городом; это—восстание скифских рабов, объединившихся вокруг доморощенного царского раба. Воспользовавшись создавшимся «междуцарствием», — Перисад отрекся от престола, Мифрадат фактически еще не принял бразды правления,—считаясь с тем, что Диофант не располагал на Боспоре понтийской армией, вооруженных же сил Боспора, очевидно, опасаться не приходилось, скифские рабы подняли восстание в Пантикапее. В декрете в честь Диофанта, там, где говорится о его расправе с повстанцами, движение их называется «восстанием»—ἐπανάστασις; тот же термин употребляет, между прочим, Фукидид, упоминая о восстании спартанских илотов (II, 27, 2). Представляло ли восстание просто бунт рабов против господ или же оно должно быть рассматриваемо, как более серьезное революционное движение? Декрет, говоря о начале движения, пользуется термином νεωτερίζειν. Этот термин (как и стоящий с ним в связи νεωτερισμός) очень часто употребляется в специальном значении «стремиться к государственному перевороту», «производить социально-политическое революционное движение» (например Фукидид, I, 115, 2; VIII, 73, 1). Римляне обвиняли в 171 г. перед дельфийскими амфиктионами царя Персея, между прочим, в том, что он в в греческих городах νεωτερισμοὺς ἐποίει—старался вызывать революционные движения (Syll.[3] 643). Так было и на Боспоре. Внешним выражением произведенного скифскими рабами переворота было то, что поплатился жизнью Перисад, павший от руки своего доморощенного раба. Савмак вырос во дворце, и ему легче, чем кому-либо другому, было добраться до царя, может быть, искавшего спасения в каком-нибудь потайном месте дворца. Та же участь, что и Перисаду, грозила Диофанту, если бы он не успел спастись на присланном за ним судне из Херсонеса (очевидно, и флот, стоявший в Пантикапее, примкнул к повстанцам). С Диофантом повстанцы хотели расправиться потому, что за его спиною стоял Мифрадат, опасный претендент на боспорский престол. Но что же скифы предполагали делать дальше? Перисад был убит, Мифрадат далеко. Но само-то Боспорское царство продолжало

[1] Например Syll.[3] 1207; Michel, Rec., 1417.

[2] Такие рабы вели свое происхождение или от связи рабов с рабынями или же от связи господ с рабынями. В Северной и Средней Греции рабы, родившиеся от связи господина с рабынями, часто получали имя их физического отца. Busolt, Gr. Staatskunde, 275. Савмак носит ярко выраженное скифское (фракийское) имя. Вероятно, отцом его был также раб, а не Перисад.

существовать, и должен же был кто-либо стать во главе его. И боспорским царем сделался Савмак; неизвестно только, сам ли он провозгласил себя царем или был провозглашен повстанцами.

Декрет в честь Диофанта, по вполне понятной причине, царем Савмака не называет. По счастливой случайности до нас дошли две мелких серебряных монеты (диоболы) одного и того же приблизительно веса[1]. На монетах стоит надпись: Βασ[ιλέως] Σαυμ[άκου]—расшифровкой легенды наука обязана Р. Вейлю[2], и она принята всеми. На этих монетах, на лицевой стороне, изображена безбородая голова вправо в лучезарном венце, на оборотной—голова быка. Позднее в Британском музее оказалась монета с надписью: Βασι[λέως] Σαυ[μάκου] с изображением на лицевой стороне безбородой головы в фас, также в лучезарном венце, перуна—на оборотной[3].

Восстание скифских рабов в Пантикапее, быстро распространившееся по всему Керченскому полуострову и привлекшее на сторону Савмака большое число сторонников из туземного населения, создавало в лице нового боспорского царя такого соперника для Мифрадата, с которым прихо-

---

[1] 1,15 и 1,09 г; одна из монет, из собрания Бурачкова, в Историческом музее в Москве, другая—в берлинском Минц-кабинете. Бурачков—Каталог, XXV, 37.

[2] R. Weill, ZfN, VIII, 329.

[3] Sallet, ZfN, XVI, 3; Minns—Scythians and Greeks, VI,22. У меня было большое искушение отнести к Савмаку и тот единственный экземпляр золотого статера «Лисимаховского типа», сходного с такими же статерами последних Перисадов (А. В. Орешников, «Нумизм. сборник», II, 1913, 37 сл., подробно перечислил и разобрал эти статеры), который поступил в Cabinet des Médailles в 1865 г. от продавца-грека; по его словам, статер будто бы был найден в окрестностях Трапезунта. Статер этот, в свое время вызвавший длинное рассуждение A. Chabouillet, Mém. de la Société des Antiquaires de France, IX, 1866, 1—63, имеет надпись Βασιλέως Ἀκου. Шабуйе считал этого Ака (или Аку) фракийским или скифским династом. Imhoof-Blumer, Porträtköpfe auf antiken Münzen, 35 (ср. Head, Hist. Num.[2] 504), правильно усмотрел в изображенной на лицевой стороне статера голове подражание голове Александра Македонского, как и на статерах Лисимаха, и признавал в Аке предшественника или преемника одного из Перисадов II в. А. В. Орешников, о. с., 41 сл., издавший статер Ака по имевшемуся в его распоряжении слепку, усматривал в изображении лицевой стороны не подражание голове Александра, а портрет Ака; однако, Minns, о. с., 585, отмечает правильно, что на голове имеется рог Аммона. Время статера, основываясь на его стиле и фактуре, определяют либо серединою III в. (А. Л. Берт ье-Делагард, «Нумизм. сборник», II, 84), либо второю половиною III в. (Minns), либо концом III в. (А. В. Орешников в письме ко мне); Rostovtzeff, CAH, VIII, 581, видит в Аке узурпатора и находит, что он выглядит на статере скифом или сарматом—последнее могу объяснить только тем, что М. И. Ростовцев видел статер в грубом воспроизведении его при статье Chabouillet. А. Н. Зограф, которого от души благодарю за помощь при разборе нумизматических вопросов, в чем я не могу признать себя достаточно компетентным, относит статер к началу II в. Не знаю, чье определение времени статера ближе к истине—разница в пределах всего 50—60 лет, но смею все-таки высказать свое суждение, что стиль и фактура монет, в пределах, скажем, одного столетия, зависят не только от того времени, когда они чеканены, но и от таланта, умелости и индивидуальности мастеров, изготовлявших штамп. Меня интересует самое имя царя на парижском статере, Ἄκος, или Ἄκης—имя загадочное. В. В. Шкорпил (Сборник в честь Бобринского, 40[1]) пробовал объяснить это явно негреческое имя, сопоставляя его с женским именем Ἀκίς в фрагменте одной из таманских надписей (ИАК, 18, 125), относимой В. В. Латышевым к IV в. до н. э., сочтенным им за имя «особы из царского рода Перисадов» (в надписи стоит Ἀκὶς Παιρι[σάδεος]). Но если Ἀκίς можно было бы возводить к нарицательному ἡ ἀκίς (острие стрелы, копья, в переносном смысле стрела Эрота), то нельзя же было бы его мужской эквивалент Ἄκος или Ἄκης сопоставлять с ἡ ἀκή или τὸ ἄκος (врачебное средство). В надписях Северного Причерноморья засвидетельствовано имя Ἄκκας (IPE, IV, 312; ИАК, 2, 69, 1, 10, 40, 33), но имени Ἄκος или Ἄκης нет, и предполагать его существование трудно. Между тем, из тех же надписей можно было бы привести до 70 собственных имен, и притом явно туземных, в которых ακος или ακης служит конеч-

дилось считаться. Возможно, что к повстанцам присоединились и кое-какие отряды крымских скифов, разбитых, но не уничтоженных Диофантом. Положение последнего, после того как он спасся от грозившей ему в Пантикапее опасности, было затруднительное. Та армия, с которою он прибыл во время второй экспедиции, отбыла из Херсонеса в Понт, и, таким образом, Диофант не имел возможности быстро подавить восстание, всякая же проволочка увеличивала силы повстанцев и придавала им бодрость. Правда, в распоряжении Диофанта было херсонесское ополчение, но оно было недостаточно, чтобы, опираясь на него, можно было рассчитывать на успешное подавление восстания, да и оставлять Херсонес беззащитным было рискованно: уцелевшие силы Палака всегда могли воспользоваться удобным случаем и сделать набег на Херсонес и его территорию. Вот почему в декрете в честь Диофанта помощь последнему, поскольку она могла быть оказана Херсонесом, получила такое бледное отражение: Диофант лишь мог «призвать» (παρακαλέσας) херсонесских граждан прийти к нему на помощь. Он прекрасно понимал, что подавить рабское восстание можно лишь при помощи той армии, с которой он раньше боролся со скифами в Крыму, во время первых двух экспедиций. Поэтому, не теряя времени, Диофант отправился в Синопу, чтобы поставить Мифрадата в известность о всем происшедшем на Боспоре и привести из Понта тамошнее войско. Лишь в начале весны следующего за второй экспедицией года Диофант прибыл в Херсонес с армией и военным флотом, получив и на этот раз от Мифрадата поручение снарядить и провести свою третью экспедицию[1].

ною частью таких имен, как, например, Ὀμφάλακος, Πάλακος, Πήρακος или Βιδάκης, Πουρδάκης, Σπαδάκης и т. п. Все это и побуждало меня предполагать, не стояло ли на парижском статере Βασιλέως [Σαυμ]άκου, монеты которого, как мы видели, засвидетельствованы. Однако на оборотной стороне статера под протянутой рукой фигурки Ники, которую держит сидящая Афина, ясно читается AKOY, и места для ΣAYM на правом боковом поле нет. Пользуясь только воспроизведением статера на рисунке (цинкографическом) при статье А. В. Орешникова, я все же мог убедиться в том, что шлем на голове Афины, приходящийся на верхнее поле статера, стерт, что, следовательно, верхнее поле слегка пострадало. Предполагая, что ΣAYM могло помещаться на верхнем поле над фигурою Ники, между нею и шлемом Афины, я просил Jean Babelon'a сообщить мне сведения о степени сохранности верхнего поля. С величайшей любезностью Babelon отозвался на мою просьбу, за что я и здесь прошу его принять мою большую признательность. Хотя Babelon и не удовлетворил моего любопытства о состоянии верхнего поля, но его категорические слова: «Je suis assuré que le nom du roi ne peut être completé: le graveur dans sa composition n'a ménagé la place que des lettres suivantes, très lisiblies: AKOY»—заставляют меня до того случая, когда мне удалось бы исследовать оригинал статера, воздержаться от увлекшего меня предположения. Как бы то ни было, самое имя Ἄκος или Ἄκης продолжает оставаться для меня неразрешимою загадкой, и к существованию боспорского царя Ака (или Аки) я продолжаю относиться недоверчиво.

[1] Это была третья экспедиция, а не продолжение второй, как полагает М. И. Ростовцев (САН, IX, 231 сл.), неправильно в данном случае толкующий декрет. Вторая экспедиция закончилась разгромом скифов под Хабеями и Неаполем, что имело место «в начале весны», после чего Диофант отправился в Боспор. В свою третью экспедицию Диофант прибыл в Херсонес с сухопутным и морским войском, т. е. с армией и военным флотом—последнего не было у Диофанта ни в первую, ни во вторую экспедицию,— также «в начале весны». Выходило бы таким образом, что Диофант пробыл на Боспоре, после разгрома крымских скифов во вторую экспедицию, чуть ли не целый год, устраивая там дела в интересах Мифрадата, что было бы слишком долго. Думать же, что второе «в начале весны» совпадает с первым, также невозможно, так как не остается времени для восстания скифов на Боспоре. Далее: если бы третья экспедиция последовала непосредственно за второй, если бы Диофант, по окончании второй экспедиции, не ездил в Понт за сухопутным и морским войском, составитель декрета не мог бы сказать: συνέργὸν πρόθυμον ἔχων τὸν ἐξαποστέλλοντα βασιλέα Μιθραδάτην, а должен был бы сказать: ἐξαποστείλαντα. Диофант имел в лице Мифрадата ревностного помощника теперь, когда он посылал его с армией и флотом на борьбу с повстанцами.

Не следует думать, что эта третья экспедиция Диофанта, направленная специально на подавление восстания скифов и для водворения порядка на Боспоре, прошла в таком быстром темпе, как это выражено в надписи. Тут, помимо лапидарности греческого документального стиля, должно было найти свое отражение, на что указывалось уже выше, стремление херсонесцев представить подвиги Диофанта в декрете, в честь его изданном, с особою выпуклостью. Поэтому из сжатого повествования надписи и получается впечатление: venit, vidit, vicit. В действительности, надо полагать, и снаряжение экспедиции в Понте—в ней участвовала не только армия, переправлявшаяся на транспортных судах, но и военный флот,—потребовало некоторого времени. а главное—не так-то легко и просто было справиться с повстанцами, захватившими Феодосию и Пантикапей, которые Диофанту пришлось отвоевывать (παρέλαβε Θεοδοσίαν καὶ Παντικάπαιον). Впрочем, подробности подавления восстания неизвестны, и гадать о них не стоит. Когда восстание было подавлено, началось следствие и суд над виновниками переворота; они получили полагавшееся возмездие от Диофанта на месте же. Но, заполучив в свои руки Савмака, Диофант не расправился с ним тотчас же, а отослал его к Мифрадату. Из надписи выходит, что главная вина Савмака состояла в том, что он убил Перисада. Но, конечно, дело было не в этом: устранение Перисада было, если угодно, даже в интересах Мифрадата, так как тем самым решался вопрос о судьбе последнего Спартокида, что избавляло Мифрадата от необходимости заботиться о создании для него приличествующего его бывшему сану положения; а если в акте о передаче власти Перисадом Мифрадату были оговорены особые условия, на которых эта передача состоялась, то, со смертью Перисада, они сами собою отпадали. Савмак был отправлен непосредственно в руки Мифрадата потому, что он был не простым бунтовщиком и главарем бунтовщиков; он оказался соперником Мифрадата, поскольку Савмак действовал, как человек, облеченный царской властью, как узурпатор власти Мифрадата на Боспоре. Поэтому и решить участь Савмака надлежало понтийскому царю. Заключительные слова декрета о подавлении Диофантом восстания: τὰ δὲ πράγματα ἀνεκτάσατο βασιλεῖ Μιθραδάται Εὐπάτορι — «Диофант снова приобрел[1] (перевод «восстановил» не точен) правление (на Боспоре) для Мифрадата Евпатора»[2], показывают, что переворот, произведенный скифами под предводительством Савмака, был событием, носившим более серьезный характер, чем это может показаться на первый взгляд: Савмак был, хотя бы и короткое время, боспорским царем. И кто знает, как сложились бы дела на Боспоре и вообще в Северном Причерноморье, если бы восстание скифских рабов не было Диофантом подавлено.

На многие напрашивающиеся вопросы краткая реляция декрета в честь Диофанта ответов не дает. Мы не можем сказать, сколько времени Савмак успел поцарствовать на Боспоре—во всяком случае, не менее года. Мы не знаем, предпринял ли Савмак какие-либо реформы в государственном строе Боспора, в его экономическом укладе[3]. Мы не знаем, как урегулированы

---

[1] Для такого значения ἀναχτάομαι ср. хотя бы Herod., I, 61, 3; III, 73, 2.

[2] Термин πράγματα в эллинистическом языке, как указывает Bickermann, «Gnomon», VIII, 1932, 129, означает отсутствующее в классической прозе понятие абстрактного государства, «das Staatswesen, Regime».

[3] Делосская посвятительная надпись (Syll.[3] 1126), относящаяся ко времени около 100 г. до н. э., поставленная нимфейским гражданином Евтихом за себя, за своего сына и за «всех плавающих», т. е., очевидно, судовладельцев-купцов, показывает; что

были социальные отношения за время скифского господства в европейской части Боспора, в частности с его греческим населением. Мы не знаем, наконец, что предприняли скифские рабы, ставшие господами положения на Боспоре при Савмаке, по отношению к своим бывшим господам; едва ли в данном случае все шло и прошло для последних по-хорошему.

Успех, как бы непродолжителен он ни был, скифской революции на Боспоре, объясняется, в значительной мере, не только сложившимися социальными условиями на Боспоре, но, несомненно, и тем, что все его туземное население, может быть, за исключением его верхов, оказалось тесно сплоченным в своей вражде к господствующему и эксплоатирующему скифов классу. Но не одна эта вражда руководила скифами, произведшими переворот. На них должен был подействовать и пример созданного Скилуром и поддержанного Палаком скифского царства в Крыму. Если создание такого царства удалось крымским скифам, то почему оно должно было не удасться скифам Керченского полуострова? Чувство национального, быть может, правильнее сказать, племенного самосознания, которое, разумеется, никогда не умирало в среде туземного населения, но которое было придушено в силу создавшегося положения вещей, длившегося очень долго, должно было пробудиться и окрепнуть с новою силою, когда представился для этого, как казалось скифам, благоприятный момент—смена режима Спартокидов на Боспоре.

Повстанческое движение потерпело крах, потому что керченские скифы были предоставлены исключительно своим силам. Если в количественном отношении они, несомненно, и имели перевес над армией Диофанта, то в качественном отношении они ей, конечно, уступали. «Против сомкнутой и хорошо вооруженной фаланги всякое варварское племя и легко вооруженное войско оказывается бессильным», правильно заметил, хотя и по другому поводу, Страбон[1]. А в распоряжении Диофанта, помимо хорошо вооруженной армии, приобревшей опыт в недавней войне с Палаком, был еще военный флот. Во всяком случае, то военное снаряжение, с которым выступил Диофант на подавление восстания скифов, показывает, что Диофант прекрасно отдавал себе отчет в предстоявшей ему трудной борьбе.

Это восстание скифских рабов на Боспоре, имевшее место в последнее десятилетие II в., было одним из звеньев той длинной цепи рабских восстаний, которые вспыхивали, и иногда были очень грозными, в последней трети II в. (о предшествовавших вспышках рабских восстаний в разных пунктах Италии см. И. В. Нетушил, Обзор римской истории, 148 сл.; о восстании рабов на Хиосе в середине II в. Escher, RE, V, 1708). В 136—132 гг. было первое большое восстание рабов в Сицилии (Hugh Last, CAH, IX, 12 сл.). Одновременно с ним в Малой Азии происходило движение Аристоника, которое опиралось, главным образом, на рабов (Wilcken, RE, II, 962 сл.), также на Делосе, этой ярмарке продаваемых рабов (P. Roussel, Delos, colonie athénienne, Paris, 1916, 18 сл.; 55[5]), первое восстание рабов в Аттике (Жебелев—Из истории Афин, 219). В 104—100 гг. было второе восстание рабов в Сицилии (Hugh Last, o. c., IX, 153 сл.). Одновременно с ним—восстание рабов в Капуе (там же), второе восстание рабов в Аттике, работавших в рудниках Лаврия (Жебелев, там же).

в самом конце II в. напряженное положение на Боспоре улеглось, и торговая жизнь там вошла в свою колею. Нимфей, расположенный по соседству с Пантикапеем, был, разумеется, во власти повстанцев.

[1] Strab., VII, 306.

Происходили, повидимому, также движения рабов и в других местах[1]. Орозий (V, 9, 5) замечает, говоря о первом сицилийском восстании: «От этого первого трута сицилийского бедствия засверкали те искры, которые посеяли различные эти пожары». Причина всех рабских восстаний повсеместно была одна и та же: та система рабовладельческого хозяйства, при которой земельные собственники выжимали из своих рабов все соки[2]. Во всю эту серию рабских восстаний прекрасно входит и восстание скифских рабов на Боспоре. Боспор лежал далеко и от Сицилии и от Италии, ближе к Афинам, Делосу и Малой Азии. Но в боспорские гавани заходили торговые суда из различных мест, и скифские рабы отлично были осведомлены о том, что делается на белом свете среди их собратьев по эксплоатации.

Нам всего лучше известны сицилийские восстания, так как о них дошли, правда, отрывочные, но все же достаточно подробные, сведения у Диодора, источником которого в данном случае был Посидоний[3]. Некоторые штрихи сицилийских восстаний и восстания боспорского поражают своим сходством. Так, например, глава первого сицилийского восстания, сирийский раб Евн, так же, как и Савмак, избран был повстанцами царем и принял имя Антиоха[4], очевидно, потому, что и многие сирийские цари назывались Антиохами. В Энне, главном центре восстания, Евн Антиох чеканил, так же, как и Савмак, монету со своим именем и царским титулом[5]. Руководитель второго сицилийского восстания, римский раб Сальвий, провозгласил себя царем под именем Трифона; его преемник Афинион также титуловал себя царем[6]. Из описания хода сицилийских восстаний видно, с какою быстротою они распространялись, как число повстанцев все увеличивалось и увеличивалось. У Евна сначала число вооруженных рабов не превышало 15 000; под конец общая цифра восставших дошла до 200 000. Если даже эти цифры, по свойственной древним привычке преувеличивать цифры сражающихся противников, и находить слишком большими,—тот факт, что римлянам пришлось бороться с восстанием в течение четырехпяти лет и мобилизовать против него крупные военные силы, свидетельствует, что повстанцы и боролись мужественно и военным снаряжением обладали достаточным. В этом отношении интересно отметить, что Евн, давший распоряжение убивать пленных жителей Энны, приказал не трогать оружейных мастеров, которых он, в оковах, отправлял на их работу. Интересно и то, что тот же Евн, объявив себя царем, постарался организовать управление своим царством: он учредил при себе совет, назначив членами его наиболее способных из окружающих его лиц.

Но, допуская те или иные сходства в рабских движениях последней трети II в., не забудем и того существенного отличия, которое является характерным в восстании скифских рабов на Боспоре. И на сицилийских плантациях, и в Лаврийских рудниках, и в Малой Азии, и в прочих местах восставшие рабы представляли собою разношерстную этническую массу. Не то было на Боспоре. При обилии местной туземной рабской силы, дви-

---

[1] Ср. Diod., XXXIV—XXXV, 2, 19.

[2] Диодор, XXXIV—XXXV, 2, 13, замечает о первом сицилийском восстании: его вызвало не τῶν δούλων ὠμότης φύσεως, ἀλλὰ τῶν προυπηργμένων εἰς αὐτοὺς ἀδικημάτων ἀνταπόδοσις.

[3] Jacoby, Frg. Hist. II A 87 F 103 (Anhang, 286, 294), ср. Carcopino, Hist. romaine, 176 сл., 332 сл.

[4] Diod., XXXIV—XXXV, 2, 14, 16, 21.

[5] Hugh Last, o. c., IX, 13[1].

[6] Diod., XXXVI, 7, 1. 10, 1.

жение скифских рабов, возглавленное скифом же Савмаком, было, по этническому составу повстанцев, вполне однородно: не приходится думать, что на Боспоре пользовались рабами иного, не скифского, происхождения. Это ясно подчеркнуто и в декрете в честь Диофанта, где сказано, что скифы, т. е. скифские рабы, произвели государственный переворот. Таким образом, восстание боспорских рабов отличается от прочих одновременных с ним восстаний тем, что в нем объединилось открытое проявление обостренной классовой борьбы с элементами национально-этнического движения. Если Евн-Антиох и Сальвий-Трифон в Сицилии были утопистами, мечтая о возможности создания там какого-то особого царства, то мечты Савмака и его сторонников лишены были этой черты: существовало же, думали скифские рабы, в Крыму скифское царство сначала Скилура, затем Палака; почему же нельзя осуществить создание скифского царства на Боспоре, коль скоро последний Перисад добровольно отдал свое царство Мифрадату, и Боспор тем самым оказался, хотя бы временно, без царя? Первые успехи восстания должны были вскружить голову восставшим и не дали им ни времени, ни желания предвидеть те последствия, к которым восстание привело.

И еще на одну характерную особенность скифского восстания рабов хотелось бы обратить внимание. Это было единственное, поскольку позволяет судить знание наших источников, восстание рабов, возникшее на периферии античного мира, в одной из его отдаленных колониальных областей. И до сих пор никем и нигде не зарегистрированный факт в истории античного мира—восстание скифских рабов на Боспоре в последнее десятилетие II в. до н. э., каким бы преходящим и незначительным этот факт ни показался,—заслуживал слишком, может быть, длинного и подробного его истолкования, поскольку факт этот является фактом новым. Для нас же восстание скифских рабов на Боспоре представляет особенный интерес, как первое революционное восстание угнетенных против их угнетателей в античных колониях на территории СССР[1].

[1] А. С. Коцевалов в рецензии на первое издание моей работы («Наукові Записки Інституту історії матеріальної культури Академії наук УРСР», кн. 1, 1937), отвергая a limine, мое толкование рабского восстания на Боспоре, предлагает взамен моего толкования такую «рабочую гипотезу»: скифы, поднявшие восстание, могли быть каким-нибудь скифским племенем, которое, отстаивая свою самостоятельность, вело войну со Скилуром и вступило в союз с Перисадом, направленный против Скилура. Предводитель этого племени потерпел неудачу в борьбе со Скилуром или Палаком, и тогда все племя поселилось где-нибудь около Керченского полуострова или на нем самом и помогало Перисаду защищать Боспор от скифов из царства Палака, причем Савмак был воспитанником Перисада. Переход власти от последнего к Мифрадату лишил скифов Савмака их преимуществ. Поэтому они и подняли восстание, когда боспорским царем стал Мифрадат.—Не завидую пылкой фантазии автора этой «рабочей гипотезы». А относительно отрицания моего сопоставления ἐκτρέφειν и θρεπτός сошлюсь на приведенную выше надпись из Давлии.

НЕКОТОРЫЕ НАДПИСИ ХЕРСОНЕССКОГО МУЗЕЯ

М. А. Шангин

После издания Латышевым эпиграфических памятников, найденных на юге нашей страны, накопилось не мало неизданных надписей.

В этой статье издается некоторая часть херсонесских надписей, хранящихся в Херсонесском музее; причем в статью включены и такие уже изданные памятники, которые требуют новой публикации.

1. Заклятие, которым заканчивается херсонесская присяга (Latyschev, IosPE I² № 401), странным образом до сих пор не обработано исследователями.

Между тем, оно заслуживает особого внимания уже своей архаической формой и параллелями к амфиктионийскому заклятию при разрушении Кирры (Aeschin. in Ctesiph. [Reiske, t. III, p. 502]) и пафлагонскому в присяге на верность Августу (надпись из Неоклавдиополя, Studia Pontica, III, p. 75, № 66):

Амфиктионийское заклятие	Херсонесское заклятие	Пафлагонское заклятие
καὶ ἐπεύχεται αὐτοῖς μήτε γῆν καρποὺς φέρειν μήτε γυναῖκας τέκνα τίκτειν γονεῦσιν ἐοικότα, ἀλλὰ τέρατα, μηδὲ βοσκήματα κατὰ φύσιν γονὰς ποιεῖσθαι, ἦτταν δὲ αὐτοῖς εἶναι πολέμου καὶ δικῶν καὶ ἀγορῶν καὶ ἐξώλεις εἶναι καὶ αὐτοὺς καὶ οἰκίας καὶ γένος τὸ ἐκείνων.	Ζεῦ καὶ Γᾶ καὶ ...°Αλιε καὶ Παρθένε καὶ θεοὶ 'Ολύμπιοι ἐμμέν[ον[τι μέμ μοι εὖ εἴη ἐν τούτοις καὶ αῦ[τῶι]καὶ γένει καὶ τοῖς ἐμοῖς, μὴ ἐμμέν[ον]τι δὲ κακῶς καὶ αὐτῶι καὶ γένει καὶ [τοῖς] ἐμοῖς καὶ μήτε γᾶ μοι μήτε θά-[λασ]σα καρπὸν φέροι μήτε γυν[αῖκες εὐτεκ]-νοῖεν μήτε ... θάνα ...	'Εὰν δέ τι ὑπεναντίον τούτωι τ[ῶι ὅρκωι] ποιήσω ἢμὴ στοιχούντως καθὼ[ς ὤμο]σα, ἐπαρῶμαι αὐτός τε κατ' ἐμοῦ καὶ σ[ώμα]τος τοῦ ἐμαυτοῦ καὶ ψυχῆς καὶ βίου κα[ὶ τέ]κνων καὶ παντὸς τοῦ ἐμαυτοῦ γέν[ους] καὶ συνφέροντος ἐξώλειαν καὶ παν[ώλει]αν μέχρι πάσης διαδοχῆς τῆς ἐ[μῆς καὶ]τῶν ἐξ ἐμοῦ πάντων καὶ μήτε σ[ώματα τὰ] τῶν ἐμῶν ἢ ἐξ ἐμοῦ μήτε γῆ μ[ήτε θάλασ]σα δέξαιτο μηδὲ καρποὺς ἐνέγ[κοι αὐτοῖς].

Параллели доказывают, что формула херсонесского заклятия осходит по крайней мере к началу VI в. до н. э. (время разрушения Кирры) и что бытует эта формула еще в I в. н. э. (время Августа).

Возникновение же этой формулы следует определять IX—VIII вв. до н. э.; стихи Гесиода в «Трудах и днях», 242 сл. о беззаконных:

242. Беды великие сводит им с неба владыка Кронион,
Голод совместно с чумой. Исчезают со света народы.
Женщины больше детей не рождают и гибнут дома их,

равно как и о справедливых, ст. 232 и сл.:

232 (234). Еле их овцы бредут, отягченные шерстью густою.
Жены детей им рождают, наружностью схожих с отцами,
... получают плоды они с нив хлебодарных

(перев. Вересаева)

стоят в несомненной связи с формулой заклятия.

Основная мысль и заклятий и отмеченных мест у Гесиода группируется вокруг представлений древних греков о Δίκη, матери земле и преступности.

По Гесиоду, попранная справедливость расторгает связь с землей: земля не приносит плодов и женщины не рождают детей, подобных родителям.

По Эсхилу (Eumenid., 784 и сл.), земля не терпит преступника, его тело покрывается язвами и иссыхает. Проклятие постигает весь род преступника.

Так как наиболее ранние выражения этих идей мы находим у Гесиода, то с наибольшей вероятностью следует предполагать, что идеи справедливости и греха возникают у древних в IX—VIII вв. на почве обострения тогда аграрных отношений и захвата сильными земли у бедных. К такому выводу приводит также этимология терминов παράβασις, ἔρκος—ὅρκος, Δίκη: преступник тот, кто совершает переход (παράβασις) границы соседнего поля; он преступает именно границу поля ἔρκος—ὅρκος. Смысловая связь ὅρκος—*клятва* и ἔρκος—*граница* известна Эсхилу (Agam., 1198); он объясняет ὅρκος, как πῆγμα γενναίως παγέν (кол, забитый крепко). Сама Δίκη, которую попирает преступник,— это межевой столб и вместе дух границы: Δίκη (от δείκνυμι)—показывающая черту поля.

Земля карает нарушителей ее прав, обидчиков земледельца, совершающего в отношении ее культовое действие (colit); она перестает приносить плоды обидчику и женщин лишает дара рождения законных детей («подобие», как синоним «законности» рождения в греческом языке см. «Известия Ленинградского университета», т. I, стр. 92—94): женщины рождают чудовищ, и голод и мор (λιμὸς καὶ λοιμός) постигают и преступника и его род.

В свете таких представлений смысл херсонесского, амфиктионийского и пафлагонского заклятий становится ясным.

Совершив преступление против родной земли, против признанного ею политического порядка, гражданин навлек бы на себя проклятие земли: бесплодие почвы и женщин (εὐτεκεῖν=τίκτειν τέκνα ἐοικότα γονεῦσι=рождать законных детей) и обрек бы себя вместе с своим родом на истребление.

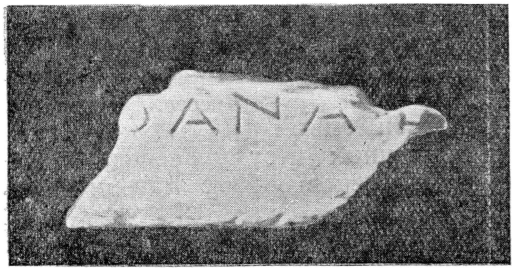
Любопытно, что в фразеологии заклятия сохраняется основное представление о клятве (ὅρκος), как о границе: μὴ ἐμμένοντι—если не

останусь в границах. Ἐπευχά—произнесение клятвы (Latyschev, Ios PE I², p. 356, v. 42)—сопоставляем с ἐπεύχεται амфиктионийского заклятия.

Конец херсонесской присяги предположительно восстанавливает Zingerle («Klio», XXI (1927), p. 63 sqq.): τ[ὰ] π[ρόβατα εὐ]θαναίη.

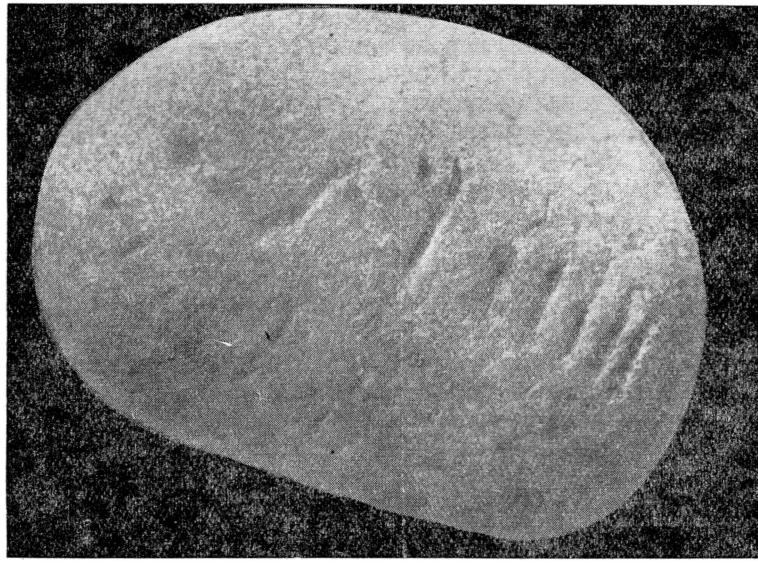
Вполне справедливое возражение против такого дополнения высказал А. Коцевалов в «Грамматике херсонесских надписей», стр. 57.

Исходя из параллелей херсонесского и пафлагонского заклятий, нужно думать, что в конце херсонесское заклятие угрожало при измене клятве злой смертью.



Так как обломок дает чтение . . . θανα[τ]η . . .,
мы предполагаем дополнение:
μήτε . . . . εὐ]θανα[τ]ή[σαιμι].

2. Продолговатый валун, найденный в 1937 г. при раскопках в окрестностях Херсонеса над Стрелецкой бухтой, где в эллинистическое время находился рыбный склад. Длина около 0,28 м, ширина около 0,20 м. Величина знаков около 0,04 м.



Весовой камень с надписью:

ΔΠΙΙΙΙ, т. е. 19.

Во второй строке неясные знаки, может быть, монограмма.

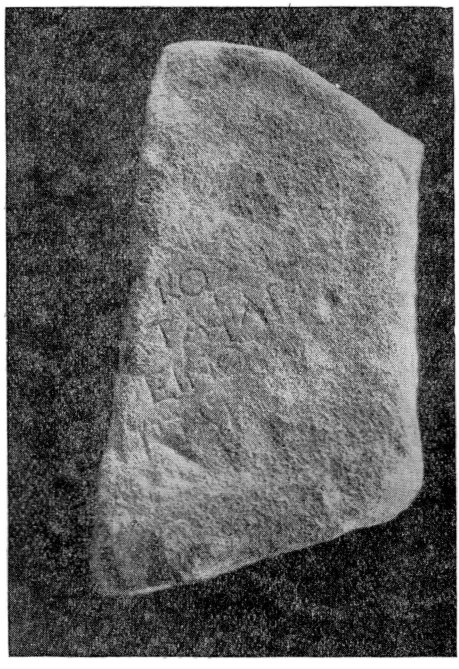
Подобная находка издана Латышевым, IosPE I², № 653 с надписью ΔΔΠΙ, т. е. 26.

Находка 1937 г. имеет несомненное значение для экономики эллинистического Херсонеса.

Так как число 19 не может быть единицей общего весового измерения, то издаваемый весовой камень служил для какой-то специальной цели. Можно предположить с большой степенью вероятия, что это был вес пайка рыбы, отпускаемого государством на одно лицо при нормировке рыбных продуктов, что, несомненно, имело место при всяких экономических затруднениях города.

3. Фрагмент двусторонней надписи (ὀπισθόγραφος), содержащей каталог имен. Серый мрамор. Камень обломан с трех сторон, нижняя часть сохранилась частично. Высота 0,255 м, наибольшая ширина 0,17 м, толщина 0,075 м. Инв. № 35058 (прежний номер 3312(II). Найдена Лопером в 1911 г. Высота букв 0,017 м. Камень служил порогом в византийском здании.

На первой стороне сохранились пять строк, на второй—четыре строки. Камень датируется первой половиной II в. н. э.



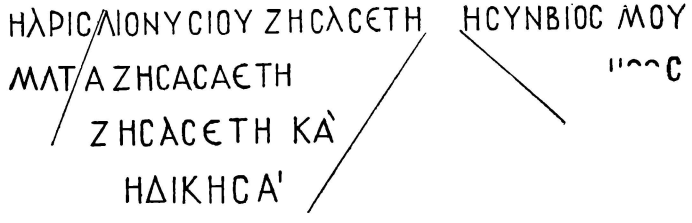
Первая сторона	Перевод:
Ἀ]ρ[ίστωνο]ς (?)	Аристона (?) . . . . .
Θε]ο[γέν]ους	Феогена . . . . .
Θε]άγους Διον[υσίου	Феага Дионисия . . . . .
Ἀλέ]ξανδρος Φ[αρνάκου	Александр Фарнака . . . .
Ἡρακλε]ίδης Ἀθηνο[δώρου . .	Ираклид Афинодора . . . .
Вторая сторона	
Βοΐσ]κος	Воиск . . . . .
κα]τὰ Φαρ[νάκου	против Фарнака . . . . .
Λαγορ]εῖνο[ς	Лагорин . . . . .
. . . . .	. . . . .

4. Фрагмент надгробия (инв. № 35120). Белый мрамор. Найден среди камней около Песочной бухты, в декабре 1936 г. Высота 0,20 м, ширина 0,135 м, толщина 0,03 м. Величина букв 0,02 м. Письмо над изображением и по левую сторону изображения. Камень обломан с трех сторон, кроме верхней. Первая половина II в. н. э.

Перевод:

Ἀλέ]ξανδρ[ος . . .]	Александр,
ζήσ]ας [ἔτη]	проживший лет
λε′ (με′?)	35(45?).

5. Латышев, IosPE I², № 518 и 459. № 518 обнимает куски *a* и *c*, № 459 — кусок *b*. Характеристику камня II — III вв. н. э. см. у Латышева под соответствующими номерами.



По поводу двух кусков *a* и *c* Латышев говорит: чтение букв ΗΔΡΙC не подлежит сомнению, но, так как в греческом языке нельзя найти ни одного слова с таким сочетанием, нужно признать ошибку резчика. Зелинский дополняет надпись так:

...Ἡ (ἀ)ρίσ[τη καὶ πιστοτάτ]η σύνβιός μου
Μ(α)τ[ροδώρα? λίθ]ος?

Чтение Witzinger'a: ἡ (ἀρίσ[τη . . .] νη σύνβιός μου
Μ(α)τ . . . . ηθος

Фрагмент *b* Латышев дополняет следующим образом:

Ὁ δεῖνα Δ]ιονυσίου ζήσας ἔτη[. . .
. . . . .]α ζήσασα ἔτη [. . . . .
. . . . :]ηδίκη Σα [. . . . . .

При сложении фрагментов мы приходим к такому чтению:

...Ἥλ(ρ)ις Διονυσίου ζήσας ἔτη [. . .]η σύνβιός μου
Μάτα ζήσασα ἔτη [. . . . . .Ἀλκίν]οος
. . . . . .ζήσας ἔτη κ!.. Αὐ[ρηλία . . . . .
. . . . . .Εὐθ](υ)δίκη(?)Σα[τύρου(?) . . . . .

Начертание ...ϒΗλρις вместо . . . . . ϒ Ηλις (ср. Латышев, IosPE I², № 542, 582),—ошибка, может быть, объясняемая произношением.

Во второй строке, несомненно, Μάτα (ср. Studia Pontica III, № 1). Имена последней строки восстанавливаются предположительно с допущением смешения Υ и Η. В конце первой строки при σύνβιος можно допустить γλυκυτάτ]η.

Перевод:

Илий, сын Дионисия, проживший лет . . . , сладчайшая (?) супруга моя. Мата, прожившая лет . . . . (Алкиной) . . . . . прожив лет 20. Аврелия . . . . (Евтидика (?), дочь Сатира (?).

6. Латышев, IosPE I², № 622 и 497 (инв. № 34864).

Характеристику обломков II в. н. э. см. у Латышева под отмеченными номерами.

Два обломка составляют почти цельное надгробие:

Ἑρμῆς Ἀρίσ[τω—	Гермес, сын Аристона,
νος + ζήσας	прожив 45 лет.
ἔτη + με′	

Издав отдельно оба обломка, Латышев первую (левую) половину не дополняет, вторая же (правая) дополнена им прекрасно.

7. Свинцовая урна (инв. № 34042) из могилы № 12, раскопанной Лепером в 1913 г. между шоссе и Карантинной бухтой, выше караульного помещения.

В урне среди пепла были найдены: стеклянный бальзамарий, бронзовая пряжка, два обломка железных ножей, серебряный перстень, сильно сгоревший.

Величина букв 0,015 м. Надпись II—III в. н. э. Письмо характерно сохранением дорического диалекта в собственных именах, тогда как в надписи уже господствует диалект κοινή. Следы первичного письма доказывают, что урна была пущена Фарнаком второй раз в дело.

Надпись содержит указание на то, что в этой урне Фарнак, сын Фарнака, похоронил свою кормилицу Конху. τὠναρ (=τὸ ὄναρ) следует понимать так, что Фарнак в ближайшую ночь после смерти Конхи увидел ее во сне и понял, что она требует его внимания к ее памяти.

Κόνχα Ματροδώρου θυγάτηρ, γυνὴ δαὶ Εὐρυδάμου Δαμοκλέως. Φαρνάκης Φαρνάκου τὠναρ αὐτοῦ τρωφῆς χάριν.

Перевод: Конха, дочь Матродора и жена Евридама, сына Дамокла. Фарнак, сын Фарнака, по сновидению его за вскормление.

8. Надгробная плита, выше надписи сохранилась некоторая часть рельефного изображения; наибольшая высота 0,39 м, ширина приблизительно такая же. Величина букв 0,02 м. Из находок последних годов в Херсонесе.

Надпись датируется концом III в., письмо лежит между прочерченными строками.

Οἴμοι ἐγὼ [κ]ότοιο λαχὼν πικρὰ<ν>ήματα μοιρῶ[ν]
ὅν με καὶ οὐκ ἐθέλοντα μολεῖν ἠνάνκασεν ἄτη
λίμνης ἀμῆσαι μαρμαρέων ὑδάτων.
αὐτόσε· ...ημήθην ψυχῆς ὑπὸ κύματι Βάσσος
Πατερίωνος ἐτῶν ἐν τρισὶν ἑ[ν]δεκάσιν.

В первой строке диттография буквы μ: οἴμμοι, в той же строке πικρὰν вм. πικρά, согласуемое с ἤματα. Размер гекзаметра плохо выдержан в стихах 3-м и 5-м. Особенность согласования—ἀμάω с родительным падежом.

Перевод:

Горе мне, по злому року получившему в удел горькие дни Мойр, которого Пагуба против воли принудила погибнуть в пучине блестящих вод. Там под волной скошена моя жизнь. Басс, сын Патериона, лет в три гендекады (=33 лет).

Басс, сын Патериона, погиб в море (ἡμήθην ψυχῆς ὑπὸ κύματι) на 33 году жизни.

Самое имя Басс—латинское, нахождение такого имени в этом херсонесском памятнике объясняется римским влиянием, а, может быть, и кровными связями с римлянами, жившими в Херсонесе (ср. Αὐρηλία Τύχη, Латышев, IosPE I², № 508).

Поздняя надпись Басса, сопоставленная с другими стихотворными надгробиями, близкими к ней по времени, говорит не только о процветании поэзии в Херсонесе, но и об исключительном увлечении Гомером также и в это позднее время (гомеровская фразеология). И если мы знаем из речей Диона Хризостома о преклонении перед Гомером ольвиополитов в I в. н. э., то херсонесские надгробия убеждают нас, что в Херсонесе перед Гомером преклонялись еще и в III в. н. э.

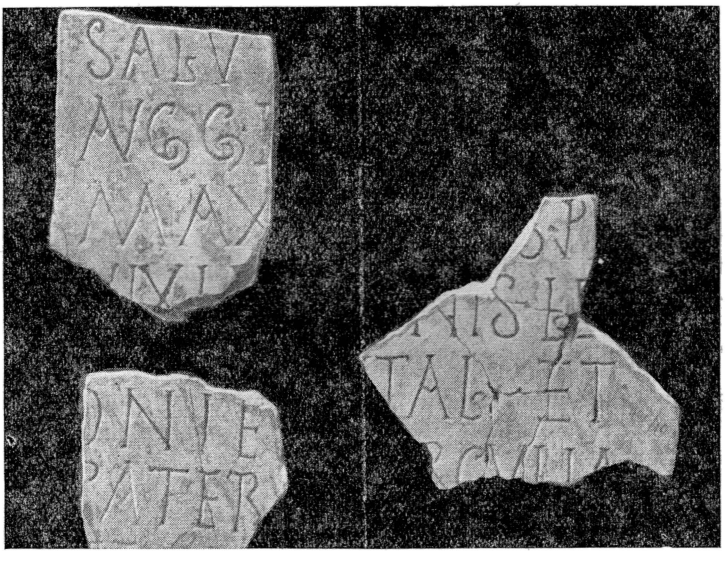
Возвращение к древним мифологическим представлениям: λίμνη μαρμαρέων ὑδάτων (Стикс) разбираемой надписи, Коцит и Лета надгробия Инанфы говорит нам не столько, может быть, о религиозных исканиях, сколько об очаровании романтикой проплого.

Ἀμάω—*пожинать смерть*—мы можем подтвердить только одним эпиграфическим примером CIG, IX, 2, № 657: ἀμείλικτον δαίμονα ἤμησα. Сравнение смерти человека с жнивом колосьев дает возможность понять зарождение образа смерти с орудием смерти—косой.

Родительный падеж при ἁμάω—λίμνης объясняется смысловым вмещением в глагол ἁμάω понятий ἐσθίω (есть) и γεύομαι (вкушать), требующих родительного падежа: в ἁμάω таким образом при сохранении основного значения мыслится и *вкусить смерть*.

В эпиграфическом отношении надпись является образцом вырождающегося ляпидарного письма накануне того времени, когда каменное письмо начнет новую свою эпоху в подражание книжному письму. Графические особенности надписи: тесная сплоченность букв, узкие формы C, ϵ, и др., отвороты верхних линий в буквах Γ, Π, ромбообразные O и Θ: эти новые формы уживаются с прежними, характерными и для II в., M, Δ, A, с выдающимися верхами основных линий.

9. Фрагменты латинского надгробия. Мрамор с синими жилками (Latyschev, IosPE I², № 630, инв. № 28619—25 и 34941). Восемь кусков складываются в три сплошных обломка, левая составная часть третьего обломка издана Латышевым, прочие не изданы. Первый обломок: высота 0,16 м, ширина 0,12 м; второй обломок: высота 0,16 м, ширина 0,12 м; третий обломок: высота 0,11 м, ширина 0,115 м. Толщина плиты 0,022 м. Величина букв 0,03 м. Первый обломок сохранил частично левый борт камня, а второй—правый. Камень был весьма широк и в строке умещалось около 25 букв. Фрагмент, изданный Латышевым, найден в 1900 г. в стене, остальные найдены после 1912 г.



Salv[is dd. nn. imperatoribus
aug(ustis)[beatissimis invictissimis . . Diocletiano et]
Max[imiano . . . . .]s P(f)
vixit [annis . . . . . legi]onis le[gatus]
. . . . . Ital(ie) et
Pann]onie . . . . . civis] R(omanus) cui ia
[m] pater[. . . . . .
. . . . .]et amici[. . . . . .

Перевод:
При здравствующих (государях императорах) августах (счастливейших, непобедимейших...

Диоклетиане и ...)

Максимиане . . . . . сын Публия
прожил лет . . . . . легиона легат
. . . . . в Италии и . . . . . .
Паннонии . . . . . гражданин римский, которому
уже отец . . . . . .
и друзья . . . . . .

Значение надписи в том, что она говорит о римском гарнизоне в Херсонесе при Диоклетиане и Максимиане. Похороненный был легатом, служил в Италии и Паннонии. Надпись дает материал к истории Херсонеса при упомянутых императорах, до сих пор очень скудный для этого периода.

10. Надписи на монументальных плитах, составлявших, вероятно, части саркофагов; найдены среди плит, устилавших пол базилики V—VI вв. (вторичное применение античных мраморов). Базилика раскопана в 1935 г. (подробнее об этих раскопках см. в отчете, составленном Беловым, где приводятся и фотографии с камней. Отчет подготовлен к печати).

I. Под обычным изображением заупокойной трапезы надпись:

Θέμιστο(ς) Στράτωνος	Фемист, сын Стратона
ζήσας καλῶς ἔτη ὁ.	проживший хорошо 70 лет
Βασιλικὴ θυγάτηρ	Василика, дочь
Ἰουλιανοῦ, γυνὴ δὲ	Юлиана и жена
Θεμίστου ζήσασα	Фемиста, прожившая
ἔτη ν'. Χαίρετε.	50 лет. Прощайте.

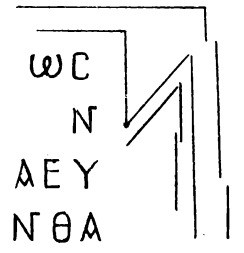
Время надписи—начало III в. н. э.

II. Надгробная надпись на другой плите из той же базилики, открытой в 1935 г. Надпись в рамке. Приблизительно того же времени, что и первая:

Δε[λ]φὸς Στρατονείκου	Дельф, сын Стратоника,
ἀγορανομήσας καὶ ἄρξας τὴ-	бывший агораномом и
ν πρώτη[ν] ἀρχὴν ζήσας κο-	первым архонтом, проживший
σμίως ἔτη. . . . κεῖμαι ἐν-	прекрасно лет... Я лежу тут
θάδε σεμνὸς ἀνὴρ πάσης ἀρ(ε)τ-	чтимый муж, за всякую добродетель
ῆς κὲ δόξης ἐπ(αι)ν[ούμενος].	и славу восхваляемый.
Χαίρετε, παροδεῖτ[αι].	Прощайте, прохожие.

Число лет не обозначено на камне. Дельф—один из ранних протов в Херсонесе.

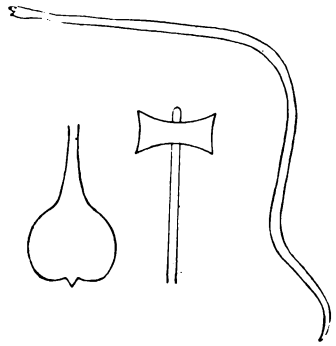
III. Обломок плиты из той же базилики 1935 г. Письмо того же времени.

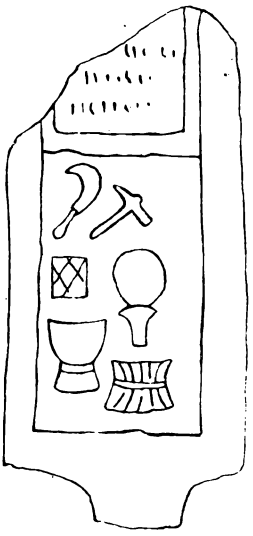


. . . . καλ?]ῶς
. . . . . ν
. . : . ζήσασ?]α εὐ —
[γενῶς? . . . ἐ]νθά —
[δε

IV. Обломок плиты из той же базилики с изображением сосуда, двухстороннего топора (λάβρυς) и змеи.

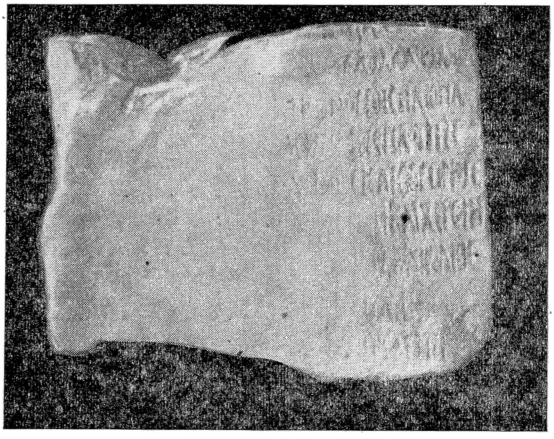
Это апотропаические символы. Ср. символы такого же назначения из могильной плиты из Неоклавдиополя, приблизительно того же времени (Studia Pontica, III, № 35[e]).





11. Фрагмент надписи (инв. № 35065). Найдена Р. Х. Лепером осенью 1914 г. в районе общей крещальни. Плита в византийское время была вторично использована, служила порогом дома.

Надпись отмечена Латышевым в ИАК, XV, стр. 16: «Плита из серовато-белого мрамора, с низким фронтоном, толщина 0,15 м, отбитая с трех сторон, кроме правой, сзади не отполированная. От надписи сохранились части 8 строк с правой стороны, сильно изъеденных морской водой, с левой же стороны буквы совершенно изглажены. Буквы довольно крупные (высота 0,03 м), но узкие и тесно сплоченные. От действия морской воды они настолько пострадали, что, хотя и врезаны довольно глубоко, но читаются с большим трудом. Нам удалось разобрать только в строке 4-й καῖσαρ Ὀνόρ[ιος?] и 5-й καὶ Χερσόνη-[σος?]». К этой заметке, там же, в ИАК XV, присоединен фототипический снимок.



В настоящее время надпись может быть прочитана несколько полнее:

1. . . . . καθ'ἃ καὶ ἐ...
2 ἄνω τόποις οἷς ἥλιον ἀ-
3 [νατέλλοντα . . . . . .]ν ἔσπλουν πρ-
4 [ὸς . . . . . αὐτοκράτωρ] καῖσαρ Ὀνόρι[ος
5]ν καὶ Χερσόνη-
6 [σος . . . . . ὡς] πάλαι καὶ Θε-
7 [οδόσιος

Перевод:

. . . . . , по которым . . . . .
. . . . . вверху лежащим местам, которым солнце (восходящее . . .)
. . . . . право приплывать к . . . . .
. . . . . [император] цезарь Гонорий . . . . .
. . . . . и Херсонес (?) . . .
. . . . . [как] прежде и Феодосий. . . .

Даже и при столь неполном чтении надпись заслуживает пристального внимания. Ценность ее, прежде всего, в том, что она говорит о Херсонесе конца IV—начала V в., а это один из самых темных периодов истории Херсонеса. Надпись содержит регламентацию сношений (ἔσπλους) Херсонеса с восточными областями империи (ἄνω τόποις, οἷς ἥλιον ἀ[νατέλλοντα]). Декрет издан Гонорием (и Аркадием) в подтверждение декрета, изданного ранее Феодосием. Постановление от имени Аркадия и вместе Гонория находит свою параллель в другой херсонесской надписи (Латышев, IosPE I², № 655).

Какого же характера постановление публикуемой надписи и в какой связи говорит оно о сношениях с Херсонесом? Нам известно, что период Феодосия и Аркадия был временем усиления центральной власти в Херсонесе, особенно ясно выразившегося введением в Херсонесе имперского должностного лица—μεγαλοπρεπέστατος κόμης[1].

[1] Латышев, IosPE I², № 450, где дополнение (μ)εγαλο[πρεπεστάτου κόμητος] мы должны принять и на основании параллели к надписи Зенона (Латышев—Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России, СПБ, 1896, № 7, стр. 7 сл.) и на основании самого звания, присвоенного этому лицу: μεγαλοπρεπέστατος также и в надписи № 460.

Это был именно comes commerciorum (см. RE, т. III, стр. 643—44), на обязанности которого лежало следить за сношениями торговых городов с соседними враждебными народами, предупреждать измену со стороны подданных империи. Известно также, что право торговых сношений с соседними народами предоставлялось не всем, а только некоторым городам: Валент в 369 г. дает это право только двум городам на Дунае, Валентиниан в 371 г. основывает для этой цели особый город Commercium. Империя не могла лишить Херсонес многих его вольностей, в том числе и права торговых сношений, признание которого за Херсонесом мы и видим в издаваемой надписи, но под непременным условием введения контроля со стороны комита. Недоверие империи к Херсонесу прекрасно засвидетельствовано Константином Багрянородным (De administrando imperio, ed. Bekker, p. 269, 20 s.) в постановлениях на случай херсонесских восстаний, и мы склонны думать, что издание таких постановлений восходит уже к IV в. (конец III—начало IV в.—период наибольших вольностей, независимости Херсонеса от Восточной империи). Таким образом, рассматриваемый нами эпиграфический памятник говорит о предоставлении херсонесцам при Феодосии права торговли, подтвержденного потом при Аркадии и Гонории, под условием контроля со стороны comes commerciorum.

12. Надписи на двух пифосах, найденных в Северном доке Севастополя в 1930 г.

Письмо надписей нужно датировать VII—VIII в.

Надписи и рисунки принадлежат, несомненно, рабам хозяина винного склада и с этой стороны представляют огромный интерес.

Первый пифос:

Надпись в 3 строки. Величина букв 0,01—0,112 м.

ΠΛΥΑΔΑ ΓΥΝΗ ΤΟΥ ΚΥΛΗΚ

ΠΗΘΑΡΗ

ΡΟΜΟΟΥ

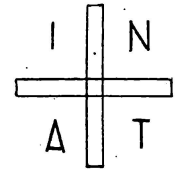
Интересны имена

Ῥομέ[λ]ου- Ῥώμυλος, Πηθάρη (cf. Πειθάρατος)-Πειθάρης, Πλυάδα-Πλειάς.

Особенно любопытна первая строка: Πλυάδα γυνὴ τοῦ κυληκ[ίου]. Шутка раба над рабыней: «Плиада жена килика». Несомненно, что женщина нравилась своему господину, который и дал ей поэтому роскошное имя Плиады. Она, очевидно, принимала участие в господских попойках, откуда и возникло прозвище: «жена килика»[1]. Надпись, следовательно, открывает перед нами картину отношений между рабами и между господином и рабами. Как народная шутка, это прозвище напоминает нам тот вид театральных развлечений, которыми так увлекалась и поздняя античность (мим).

На том же пифосе в окружении линий читаем Θάσος, находим изображение мухи с надписью [M]HIA (размер букв 0,02 м), имя KPHNIA (Κρηνία, cf. Κρηνιᾶς).

[1] Наше толкование надписи подтверждается тем, что Плиада, без сомнения, была рабыней, и тем, что ΚΥΛΗΚ не дает никакого собственного имени.

Почти рядом—изображение креста 

, буквы по сторонам креста означают:

A]NA[C]T[ACIC].

На втором пифосе имя раба

ΚΗΔΙΤΑ (cf. Κηλύτης)

У дна сосуда христианская формула:

Κύριε, βοήθη τῶ δού[λῳ . . .

Надписи на пифосах ценны, как данные живого быта, и особенно рабского быта.

13. Инв. 25 г. 3494. Камень издан Латышевым, ИАК, вып. XXVII, стр. 33 (№ 29): «Целиком сохранившийся параллелепипед из инкерманского камня; вышина 0,31 м, ширина 0,23 м, толщина 0,22 м. На передней поверхности изваян рельефный «крест прозябший» старательной работы (к сожалению, в некоторых частях попорченный). В кружках, заканчивающих собой перекрестья, вырезано по одной букве: в верхнем и левом Ф, в нижнем Х; правый кружок попорчен, но нет сомнения, что в нем была вырезана буква П. По обеим сторонам верхнего перекрестья небрежно нацарапано несколько букв, очень плохо видных на снимке и не дающих определенного смысла. Хранится в монастырском музее (где и когда найден, неизвестно). Фотографический снимок (в $^1/_5$) доставлен Н. И. Репниковым. Три сохранившиеся в кружках буквы ΦΧΦ вместе с пропавшею П составляют инициалы известной формулы: Φ(ῶς) Χ(ριστοῦ) Φ(ωτίζει) π(άντας), т. е. «Свет христов просвещает всех». Ср. о ней в нашем «Сборнике христианских надписей из Южной России», прил. к № 16».

Камень представляет выдающийся интерес по тем письменам, которые по снимку Латышев не прочитал. Эти письмена расположены в верхнем поле камня и разделены верхней вертикальной крестовиной:

	Перевод:
Φεῦγε, ζῆλ[ος],	Беги, зависть,
Χ(ριστό)ς σε διώχν[ει]	Христос тебя гонит.

Ошибочная орфография в слове διώχνει, написано δηόχν[ει] ,не требует особых объяснений: мы здесь имеем обычное для средневизантийского времени смешение долгих и кратких звуков.

По характеру письма надпись должна быть отнесена к исходу X в., на что, по нашему мнению, указывает Υ, выходящая за строку, узкие и прямоугольные С и Ε, но с чертами, в других случаях указывающими на влияние минускульного письма, так, во второй строке надписи Ε уже с петелькой и выдающейся средней линией. Об этом же времени говорит Ζ, слишком вытянутая, с нижней черточкой, спускающейся за строку, а также широкое Η.

Основной интерес надписи—в ее содержании.

Формула такого типа на камне, вообще говоря, явление редкое.

Столь древняя для этой формулы запись дает материалы и для истории формулы, позволяет отодвинуть регистрацию ее с XIV в. (древнейший из известных нам прототипов, сохраненный рук. Публ. библиотеки № 116) к X в.

Приводим текст из рукоп. Публ. библиотеки № 116 по изданию Catal. codd. astr. graec., XII, p. 169: ... καὶ ὁ ἕτερος (scil. ἄγγελος) τὸν στρόφον ἀπολύει· «Φεῦγε, στρόφε» καὶ ὁ ἕτερος· «Ὁ Χριστός σε διώκει».

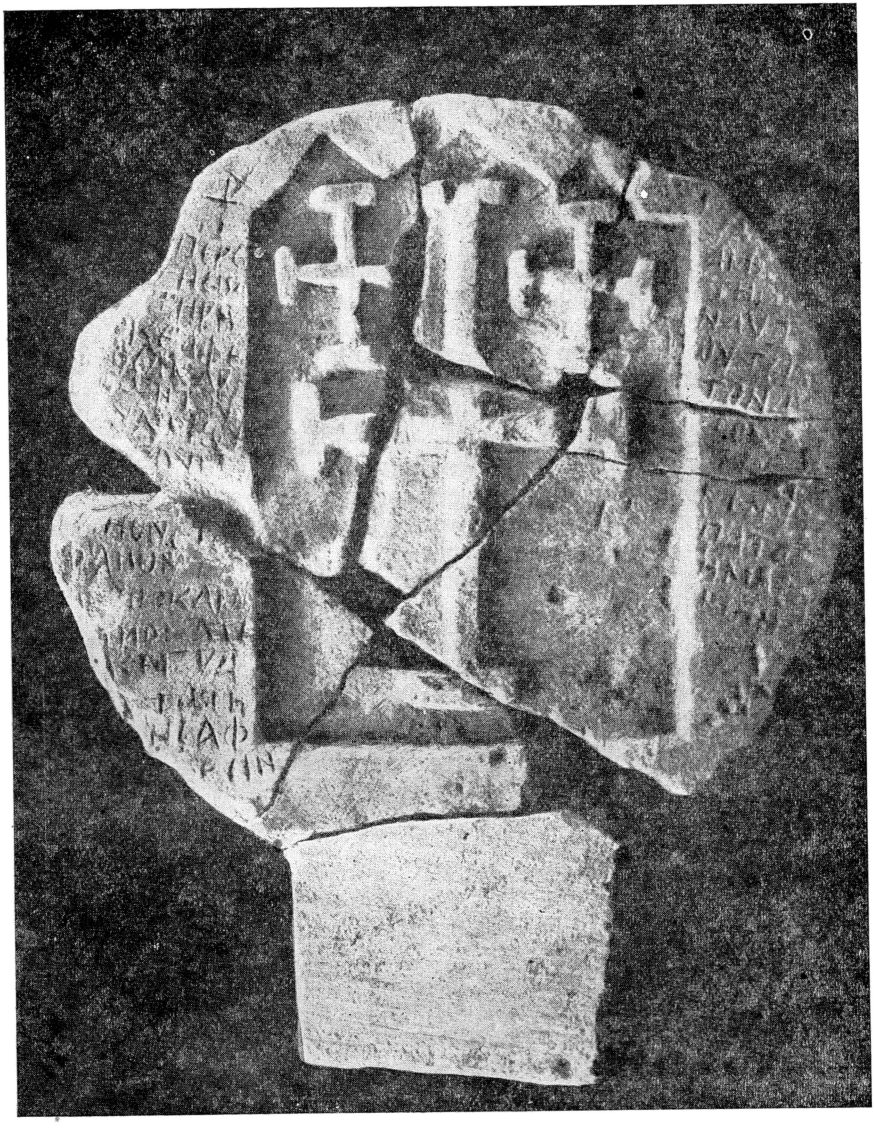
Каким содержанием следует заполнять понятие ζῆλος, ясно из параллели к другому заговору (см. Catal. codd. astr. graec., XII, p. 29, cod. 4 f. 33). Начало заговора: Βάρος, ζῆλος, φθόνος ἔπεσεν: эти βάρος и ζῆλος, порознь каждый, равняются термину φθόνος, и все вместе усиливают это понятие. Зависть, т. е. «дух зависти», изгоняется именем Христа.

Камень мог быть надгробным, заклинание отвращало злые чувства к усопшему и обеспечивало мир праху, по мнению написавшего это заклинание.

14. Надгробие, найденное на Гераклейском полуострове в 1928 г. Известняк, круг на подставке, вышина 0,25 м, ширина 0,21 м, толщина 0,04 м. Центр круга занимает крест, по краям с правой и левой стороны надпись. Величина буквы 0,008 м.

Время памятника определяется с значительной точностью. Родившийся при Никифоре Фоке (963—969) игумен Юлиан, очевидно, умер в первой половине XI в. Памятник ни по способу письма, ни по орфографии (γυά=διά—поздняя черта народного языка) не может быть связан с тем императором Фокой, который жил в VII в. Для XI в. памятник свидетельствует о нахождении монастыря св. Стефана на Гераклейском полуострове и дает имена двух предстоятелей этого монастыря: погребенного игумена Юлиана и священника Геннадия, который и поставил надгробие. К грамматической форме γυά следует возвратиться: судя по надписи, эта форма, обычная для новогреческого языка, в живом языке восходит, по крайней мере, к середине XI в.

На обратной стороне надгробия вырезана восьмиконечная розетка.



Левая сторона	Правая сторона
ὑ]πὲρ ε	ἁμαρ-]
ὐ]χῆς κα[ὶ]	τηῶ
σω]τηρὴ	ναὐτ
ας κὲ ἀφέ	οῦ τέ[κ
σε]ος ἁμαρ-	πον αὐ
[τη]ῶν τοῦ	τοῦ . . .
[...Ἰ]υλι[α]νοῦ	τε . . .

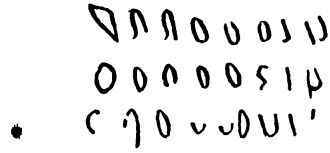
ἡ]γουμ[έ
[νου τοῦ]
ἁγ]ήου Στε-
φάνου. τ[ὰ
ἔτη] Θοκᾶ μή
τηρ μα τέ-
κε γυὰ
τα(ὐ)τη
ν] ἡς ἄφ
εσιν

Γενν[άδιος
πᾶπας.
ἡμ. αὐ
μήν.

Перевод: левая сторона—О молитве и спасении и отпущении грехов Юлиана, игумена (монастыря) св. Стефана. Во время Фоки мать моя (меня) породила, и ради этого в отпущение

Правая сторона:
грехов его строитель его . . . отец наш Геннадий священник в день августа месяца.

15. Наконец, отметим еще одну своеобразную вещь. На четырехреберном византийском браслете, обломок которого найден в Херсонесе в 1936 г., желтоватой краской нанесены знаки, частично сохранившиеся:



В этих знаках мы сейчас же узнаем греческие буквы и притом определенного времени—XI в.

Предположить, что на браслете был простой, подражающий письму орнамент, труднее, чем признать эти знаки когда-то вполне осмысленным письмом, лишь потом искаженным неграмотным мастером. Такие искаженные письмена на византийских памятниках, например светильниках, уже известны.

Первоначальное письмо на браслете, предположительно, восстанавливается следующим образом. Оно представляет, видимо, три слова в одной и той же грамматической форме с окончанием на ουσιν, 3-е лицо мн. числа наст. врем.; графическое уподобление неграмотным мастером начертаний υ и σ знаку ο вполне понятно.

В таком случае первая строка восстанавливается ἀλλοῦσιν (-ἀλλοιοῦσιν). В самом деле, первый знак ∇ происходит из А, второй и третий знаки—две ΛΛ.

Вторая строка, возможно, φοροῦσιν. Первый знак О—из Ф, третий, близкий к О,—из Р.

Третья строка сохранилась плохо и была еще больше искажена, чем первая. Как чистую возможность, предполагаем чтение φιλοῦσιν.

НОВОЕ ПАПИРУСНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО О БОРЬБЕ ЗА СИГЕЙ

Проф. С. Я. Лурье

Отрывок из Алкея, найденный в Оксиринхе[1], представлял собой до сих пор совершенную загадку. Только после того, как Пауль Маас[2] правильно восстановил (в стр. 5) слово ''Αντανδρος, по нашему мнению, появилась возможность сделать попытку восстановления всего фрагмента. Антандр был одним из тех городов на Троянском побережье, из-за которого спорили афиняне с митиленцами как раз во времена Алкея, причем поэт сам с оружием в руках принимал участие в этом споре (см. Herod., V, 94). Как мы видим из этого места Геродота, лесбийцы выступали при этом под своим племенным названием Αἰολεῖς и, так как в отрывке из Алкея, кроме ''Αντανδρος, мы читаем также Αἰολ..., то кажется очень заманчивым видеть в этом упоминание о тех подвигах предков, которые давали митиленянам законное основание на владение Антандром (ср., например, fr. A 6, v. 13: καὶ μὴ καταισχύνωμεν [ἀνανδρίᾳ] ἔσλοις τοκῆας γᾶς ὕπα κ[ειμένοις]).

Постараемся сначала реконструировать этот спор из-за Троады. У Геродота (V, 94) мы читаем: «Долгое время воевали между собою митиленяне и афиняне, причем базисом военных действий служил для одних город Ахилей, а для других Сигей: митиленяне требовали свой город обратно, а афиняне отрицали их право на него, доказывая, что эоляне имеют не больше прав на Троянскую землю, чем афиняне и прочие эллины, все те, которые помогали Менелаю отмстить за похищение Елены».

Таким образом, обе стороны считали, что они нашли доказательство своих прав владения у Гомера[3], причем афиняне довольствовались только тем, что возражали против какого бы то ни было преимущества митиленян и считали, что те имели такие же права на Троянскую область, как афиняне и все прочие участники войны.

Из этого совершенно ясно, что афиняне видели в митиленянах не союзников Трои, а участников греческого войска, хотя из таких свидетельств, как II, IX, 128, 664, скорее можно было бы заключить обратное; но если бы Геродот считал, что митиленяне сражались на стороне троянцев, он, конечно, сказал бы, что митиленяне, в противоположность афинянам, не имели ника-

---

[1] Ox. Pap. XV, 1789,b=E. Lobel—'Αλκαίου μέλη. The fragments of the lyrical poems of Alcaeus. Oxf., 1927, p. 6.

[2] «Rivista di Filologia», V (LV), 1927, стр. 511.

[3] Так H. Stein—Herodotos, комм. к ук. м.; N. Wecklein в его издании «Орестейи» Эсхила, стр. 281.

ких исторических прав на эту область. С другой стороны, у Эсхила[1] право афинян на владение этой областью основывалось на одной из гомеровских поэм, именно на Ἰλίου πέρσις Арктина, в окончательной редакции которой, вероятно, приняли участие афиняне. У Арктина афинским войском предводительствует не один лишь Менесфей, как в «Илиаде», но также и сыновья Тезея, что указывает на писистратидовскую переработку предания. Этим сыновьям Тезея Агамемнон подносит богатые дары[2].

Совпадение этого отрывка Арктина с выражением Θησέως τόκοις у Эсхила, равно как и энергичная полемика против утверждения, содержащегося в этих стихах, которую мы встречаем в литературе того времени, заставляет меня думать, что Эсхил только передает содержание соответствующего места из Ἰλίου πέρσις: противники, возражая против этой концепции, говорили, что рассказ о Тезеидах — вставка в угоду афинянам (ibid., ἔνιοι ταῦτά φασι πρὸς χάριν εἰρῆσθαι μηδὲν[3] γὰρ εἰληφέναι τοὺς περὶ Ἀκάμαντα καὶ Δημοφῶντα ἐκ τῶν λαφύρων[4], ἀλλὰ μόνην τὴν Αἴθραν, δι' ἣν καὶ ἀφίκοντο εἰς Ἴλιον Μενεσθέως ἡγουμένου). То, что эти противники ссылались на Ἰλιὰς μικρά, ясно не только из того, что Ἰλιὰς μικρά была, кроме Ἰλίου πέρσις, единственной киклической поэмой, в которой рассказывалось о разделе троянской добычи: из Paus. X, 95, 8 (=Kinkel, p. 46, № 17) очевидно, что согласно автору этой поэмы Лесху Тезеидам удалось получить даже их мать Этру лишь с большим трудом и как особую χάρις.

Однако, повидимому, сам Геродот не придавал большого значения приводимому у Эсхила доводу в защиту права Афин на владение Троадой, иначе он сам сказал бы, что только афиняне, и никто другой, имели право на эту землю.

Митиленцы, притязаний которых афиняне не признавали (οὐ συνεγιγνώσκοντο), повидимому, выставили «доказательства», сходные с теми, которые мы имеем у Эсхила. Приведенная у Эсхила аргументация афинян была, вероятно, простым перепевом аргументаций митиленцев; совершенно непонятно, почему союзники стали бы дарить эту область афинянам, тогда как было бы вполне естественно, если бы уезжающие в далекие края греки подарили область непосредственным соседям Троады, т. е. лесбийцам.

Остаток аргументации митиленцев сохранился еще у Страбона, XIII, 1, p. 599, § 38—39[5]: «Так как окрестные города, будучи опустошены, не были совершенно разрушены, то все камни Илиона, вырытого из-под земли, перенесены были на восстановление тех городов. Рассказывают, что митиленец Археанакт из тамошних камней возвел укрепления Сигея... Лесбийцы присвоили себе почти всю Троаду. Действительно, большая часть тамошних поселений... были построены лесбийцами». Таким образом, митиленцы ссылались на то, что после Троянской войны, вероятно, не без разрешения победителя, они захватили опустошенную Троянскую землю и вновь застроили ее. В покорении и постройке городов в этой области особенно актив-

[1] Eum, 387. Здесь Афина говорит γῆν (т. е. землю на Скамандре) ἣν δῆτ' Ἀχαιῶν ἄκτορές τε καὶ πρόμοι, τῶν αἰχμαλώτων χρημάτων λάχος μέγα, ἔνειμαν αὐτόπρεμνον ἐς τὸ πᾶν ἐμοί, ἐξαίρετον δώρημα Θησέως τόκοις.

[2] Schol. Vat. et Neap. ad Euripid. Troad. 31 (=Kinkel, p. 51, № 3): Θησείδῃσι δὲ δῶρα πόρε κρείων Ἀγαμέμνων ἠδὲ Μενεσθῆι μεγαλήτορι ποιμένι λαῶν.

[3] μηδέν Cobet; μή codd.

[4] Схолиаст говорит здесь о добыче вообще, но ничего не говорит специально о Троянской области, так как он комментирует в этом месте слова Эврипида (Troad. 31), где по контексту речь могла итти только о военной добыче. Но из Эсхила мы видим, что и земля (γῆ) считалась частью добычи, τῶν αἰχμαλώτων χρημάτων λάχος μέγα.

[5] Ср. Ed. Meyer, G. d. Alt. II[1], § 402 A: «Herodot wird ergänzt durch Strabo».

ную роль играл митиленец Археанакт (преемник или полководец лесбийского царя Макара, сына Эола, см. Il, XXIV, 544; Hymn. in Apoll. Del. 37; Paus., XI, 4, 2). При этом особенно отмечалось, что он отстроил эти города (во всяком случае Сигей) из камней троянской стены; эти святые, нерушимые (ἄρρηκτοι) камни[1], согласно широко распространенному в древности представлению, воспринимались, вероятно, как немые свидетели договора между уезжающими греками и их остающимися лесбийскими союзниками.

Если Алкей говорил в этом отрывке о героических делах предков и о правах митиленян на Троянскую область, то он не мог не упомянуть здесь завоевателя этой страны Археанакта. В соответствии с этим два последних стиха следует дополнить следующим образом:

[ἐπεί] ποτ' ἐξέπερ[σεν αὐτὰν
'Αρχεά]ναξ γλαφυρα[ῖσι ναυσίν.

Как уже было сказано, митиленцы считались союзниками греков в троянском походе[2], поэтому им должна была быть отведена какая-то роль в этой войне. Возможно, что на них, как на островных жителях, лежала обязанность опустошать троянское побережье с моря; если это так, то это и было как раз то, что давало им право на владение областью Трои[3].

В связи с нашим дополнением следует отметить также следующее: то, что выражение ἐπεὶ ἐξέπερσεν означает: «с тех пор, как уничтожил», ясно из «Одиссеи» (Od. I, 2: πλάγχθη, ἐπεὶ Τροίης ἱερὸν πτολίεθρον ἔπερσεν). Вместо ναυσίν следует, пожалуй, писать νάεσσιν, ср. стр. 50,4. 144 Diehl. Для γλαφυρὰ ναῦς в конце стиха ср., например, Od., IV, 356.

Перейдем теперь к первым стихам. Уже Маас заметил, что остаток слова πολ... после 'Αντάνδρος следует дополнять: πόλ[ις]. После πόλις недостает эпитета; я предлагаю εὔκτιτος (или εὐκτίτα?), хотя, быть может, это только одна из многих возможностей. Перед Πελασγῶν также нехватает эпитета, например δίων, постоянный их эпитет у Гомера (Od., XIX, 177; Il., X, 427).

Антандр, согласно представлениям того времени, был раньше поселением пеласгов или лелегов, и только впоследствии, вероятно, после завоевания его Археанактом, он сделался греческим, эолийским. Действительно, как правильно заметил П. Маас, Алкей сам в другом месте говорит (fr. 13 inc.): πρῶτα μὲν 'Αντάνδρος Λελέγων πόλις; ср. Herodot., VII, 42: 'Αντάνδρον τὴν Πελασγίδα и, с другой стороны, Thuc. VIII, 108, 6: 'Αντάνδριοι... εἰσὶ δὲ (praesens!) Αἰολεῖς. Слова Πελασγῶν и Αἰολ... ни коем случае не означают одно и то же и никак не могут быть связаны грамматически; поэтому первое следует рассматривать как эпитет к подлежащему, и второе—как часть

[1] Il., VII, 452, XXI, 441 сл., особенно 447; Schol. ad. Pind. Olymp., VIII, '30 (40). Камни были нерушимы потому, что троянский акрополь был построен богами Аполлоном и Посейдоном. См. Apollodoros Library by J. G. Frazer, London, 1921, B. 1, p. 209 (к II, 5, 9).

[2] Так как в «Илиаде» ничего об этом не говорится, то, вероятно, об этом сообщалось где-нибудь в киклическом эпосе. Вероятнее всего, что источник нужно искать в Ἰλιὰς μικρά (ср. выше стр. 89), которая была составлена неким лесбийцем Лесхом из Митилены или из расположенного в близком соседстве с ней города Пирры (Proc l. Λέσχεω Μιτυληναίου; Paus. X, 25, 5, Λέσχεως... Πυρραῖος). Как в «Илиаде» сохранились неоспоримые следы афинской редакции, так в «Малой Илиаде» должны были быть следы лесбийской.

[3] Ср. Страбон, ук. м.: ἐκπεπορθημένων τῶν κύκλῳ πόλεων... οἱ λίθοι πάντες εἰς τὴν ἐκείνων ἀνάληψιν μετηνέχθησαν.

сказуемого. У Эсхила Троянская область обозначается, как λάχος μέγα, как ἐξαίρετον δῶρον афинян; и так как афиняне наверное только подражали здесь митиленским («эолийским») притязаниям, то будет вполне уместно дополнить ст. 6: Αἰολ[ιδᾶν λάχος. Αἰολ[ήων невозможно по размеру, но Αἰολ[ιδᾶν подходит очень хорошо также и потому, что основатель Митилены Макар был сыном Эола. Теперь недостает только одного слова, означающего «быть, становиться»; по размеру возможно только ἀλλ' ἔπλε]ν:

ἀλλ' ἔπλε]ν Ἀντάνδρος—πόλ[ις εὔκτιτος (?)
δίων] Πελασγῶν—Αἰολ[ιδᾶν λάχος,
ἐπεί] ποτ' ἐξέπερ[σεν αὐτὰν
Ἀρχεά]ναξ γλαφυρα[ῖσι ναυσίν,

т. е. «Но с тех пор, как Археанакт с помощью своих выдолбленных кораблей разрушил Антандр, этот дивно построенный город божественных пеласгов был[1] (постоянно) уделом Эолидов».

В ст. 9 читаем Κίρσα. Это, повидимому, следует сопоставить с тем, что основатель Митилены Макар, сын Эола, происходил из этого города; см. Dionys. Halicarn. 1, 18: τὴν πρώτην ἀποικίαν εἰς αὐτὴν (т. е. τὴν Λέσβον) ἄγοντος Μάκαρος τοῦ Κιρσαίου[2].

[1] Т. е. «стал (и теперь есть)». См. Seiler-Capelle—Vollständiges... Wörterbuch über die Gedichte des Homeros und die Homeriden, S. 502: «πέλω... werden bes. im Impf...» «nun aber wardst du (und bist noch)» u. s. w. Il. I, 418; «wenn du willst u. es dir genehm ward (und noch ist)», Il., 14, 337, Od. 13, 145. Форму ἔπλε см., например, Il., 12, 11.

[2] Κριασίου R; Κιρασίου B; следует читать Κρισαίου или Κιρσαίου.

УТОПИЧЕСКИЙ ПЛАН АГРАРНОЙ МАГНЕЗИИ

(По «Законам» Платона)

Проф. А. В. Мишулин

I

Платон и его творения целиком принадлежат своей эпохе. Только тот социально-экономический кризис древней Греции, который на грани V—IV вв., захватив сначала Афины, постепенно увлекал потом и всю Элладу к драматической развязке, создал канву для того утопического мышления, для того лихорадочного метания социально-философской мысли в поисках общественного идеала, в котором платоновы творения выдвигаются на первый план по своей сложности, богатству зарисовок и художественной экспрессии. Платон, как утопист, целиком был создан этой эпохой. Несомненно также, что Платон в своих творениях отобразил основные черты современной ему действительности, преображенной в его фантазии. В своих творческих домыслах, в идеалистическом полете мысли Платон не мог отвлечься при конструировании своих утопий от животрепещущего вопроса современной ему социальной действительности. Именно это обстоятельство позволяет выделить в утопиях Платона все то, чем болело греческое общество V—IV вв. до н. э., и что получило абстрактное выражение у Платона.

Если мы возьмем для рассмотрения «Политию» и «Законы» Платона, то и там и здесь речь по существу идет об одном и том же практическом и злободневном для интересов массы вопросе, хотя и при различных способах его решения,—вопросе о передвижении земельной собственности, оставившем за бортом жизни огромную массу мелких земельных собственников, а также о том разлагающем влиянии торгового капитала, который не мог не ударить и по классу старой земельной аристократии.

В «Πολιτεία», как известно, вопрос решается так, что в этом идеальном государстве вся земельная собственность передана сословию, или классу, производителей, а остальная, аристократическая часть общества, поставленная в особо привилегированное положение, посажена на оброк народной массы; последняя содержит царственных мудрецов и воинов только за то, чтобы в то время, как они будут созерцать божественные идеи, масса имела возможность безропотно созерцать нищету и убожество своего положения в убеждении того, что именно таким образом в «τὰ ἑαυτῶν πράττειν», т. е. в «делании своего» постигается благополучие государства. Здесь мы имеем последовательное, с точки зрения аристократической, решение Платоном основного вопроса о земельной собственности. Передача земельного фонда

классу производителей должна была освобождать высшие классы не только от житейских забот и хозяйства, но и от классовых нападений со стороны безземельного крестьянства, так как, казалось бы, незачем больше было нападать на аристократию[1].

Если бы когда-либо осуществилось такое государство, землевладельцы, освободившись от собственности, не потеряли бы ничего, кроме обузы, в то время как масса, ничего не имевшая, но получившая собственность, обрела бы одни лишь цепи.

Вопрос о социальных конфликтах, о которых с такой страстью говорит Платон в «Государстве», разрешался таким образом очень просто и незамысловато.

Даже для автора проекта этот план оказался слишком прозрачным, и он перешел к конструированию «второго по совершенству», более реального проекта государства в «Законах».

В «Государстве» Платон в центре внимания ставит высшие классы, вернее—благополучие государства ставит в зависимость от высоты моральных качеств правителей, их индивидуальных способностей и таким именно образом мыслит себе преодоление всех социально-экономических зол своего времени; здесь поэтому производственная деятельность еще не могла привлечь внимание Платона, и практические вопросы хозяйства и роли в нем класса производителей отодвинуты на самый задний план. Вполне понятно, что это очень слабо мирилось с той действительностью, которая внимание каждого политика и мыслителя фиксировала прежде всего на борьбе классов вокруг вопроса о переделе земель и сложении долгов,—вопроса, относительно которого в «Государстве» конкретно не давалось никакого решения[2].

Центр политического внимания в государстве «Законов» перемещается Платоном с вопросов этических, т. е. внешних, к вопросам экономическим, т. е. коренным. Глубокое разочарование, что «моральные, от природы заложенные в человеке свойства еще недостаточны для распознания начал общественной жизни и их осуществления»[3], приводит к признанию недостаточности одних моральных свойств. Платон в дальнейшем даже приходит к выводу и о том, что на мораль большое влияние оказывают, к его огорчению, силы экономического порядка: ἐπὶ πλεονεξίαν καὶ ἰδιοπραγίαν ἡ θνητὴ φύσις αὐτὸν ὁρμήσει ἀεί...[4] А все это вместе заставляет его поставить совершенно иначе в государстве «Законов» и вопрос социальный, проблему организации нового социального порядка, отказавшись целиком от плана, развитого в «Государстве».

В намечении «второго по совершенству» проекта Платон исходит поэтому из того основного принципа, как бы ограничить увлекающий людей на пороки экономический интерес таким образом, чтобы в то же время повысить значение нравственных достоинств людей. Путь разрешения так поставленной проблемы лежал через компромисс «Государства» с действитель-

---

[1] По мнению Платона именно масса нападает на аристократию, а не обратно. Поэтому Платон больше думает об ограждении аристократии от классовых нападений со стороны греческого демоса, чем о самом демосе, выносившем на себе всю тяжесть эксплоатации в древней Греции. См. «Politeia», 551, 417, 464.

[2] Нужно отметить, что вопрос о классе производителей («третье сословие») вообще очень мало освещен в «Государстве». См., например, «Politeia», 371, 434, 476, 552—555.

[3] «Leges» 875a, Platonis Opera recognov. Ioan. Burnet. Oxonii 1905. Далее цит. это издание.

[4] «Leges», 875b.

ностью, в приспособлении идеала к существующим историческим условиям. Но чтобы обеспечить приложение идеала к действительности хотя бы в известной и ограниченной степени, нужно было изучить самое действительность. А так как вся эта современная Платону действительность заострена была на вопросах аграрных по преимуществу, а также и на роли торгового капитала в греческом полисе, то Платон обращает исключительное свое внимание на аграрную проблему, и все другие проблемы подчиняет ей. Уступка действительности заключается в том, что если в «Государстве» автор более занимается изучением высших классов, превознесением благодетельной роли их нравственных качеств, то в «Законах» ударение переносится на производящие классы, на регламентацию практической повседневной деятельности гражданина. Высшие классы—уже не просто носители нравственных идей, а аграрии, которые на практике должны показать, насколько они владеют моральными качествами.

Таков путь Платона от «Государства» к «Законам».

*

В исторической литературе о Платоне и его творениях некоторое время господствовало сомнение в принадлежности «Законов» Платону, а независимо от того или иного разрешения этого вопроса существует и поныне среди некоторых ученых другое, старое убеждение, что как «Законы», так и «Полития» относятся к области только социальных романов, исходные идеи которых, дескать, очень мало увязывались с жизнью древней Эллады и являются творением чистой фантазии или умозрения автора.

Что касается первого вопроса, то в настоящее время нужно считать окончательно отвергнутым сомнение в принадлежности «Законов» Платону, высказанное в свое время Астом и Шлеермахером. Упоминание о «Законах» в некоторых книгах «Политики» Аристотеля[1], а также у Диогена Лаэртского[2], нужно признать достаточно убедительными доказательствами в пользу теперь уже окончательно установившегося мнения об авторстве Платона. А платоновы письма не оставляют на этот счет никаких сомнений. В третьем письме Платона говорится, что он во время своего вторичного пребывания в Сиракузах, т. е. приблизительно в 367/6 г., вместе с тираном Дионисием составлял «вступления» к «Законам». Оставляя в стороне вопрос о подлинности писем, мы должны считать вполне возможным, что Платон после своих двух неудачных сицилийских экспериментов в действительности мог приступить к проекту «второго по совершенству» государства. И вполне вероятно, что те «вступления», о которых Платон говорит в третьем письме, были лишь предварительной зарисовкой «Законов», окончательную разработку которых Платон сделал после третьего своего и столь же, вернее—даже более, неудачного визита к Дионисию Младшему. Сопоставление же некоторых мест седьмого письма Платона с его «Законами» определенно обнаруживает, как это и доказал Raeder[3], не только общность стиля, но и общность в употреблении отдельных терминов. Не только свидетельства Аристотеля и Диогена Лаэртского, но и письма Платона подкрепляют убеждение в том, что «второе по совершенству» государство принадлежит автору «Политии».

---

[1] «Политика», кн. II, VI, XI, перевод С. А. Жебелева.
[2] Диог. Лаэр., III, 37 и др.
[3] Raeder—Platonis philosophische Entwicklung, 1905.

Что же касается мнения о том, что «Законы» принадлежат только к области социальных романов и досужей фантазии, то такое мнение последними исследованиями ученых опровергнуто и его нужно тоже считать устаревшим и неверным. Не случайно, что такое мнение было впервые, пожалуй, и высказано Астом, который и принадлежность-то «Законов» Платону опровергал, т. е. вообще не придавал им большой ценности, как определенному документу. Позднее эта точка зрения была поддержана Kleinwächter'ом, Beloch'ом и Hindelbrand'ом[1]. В настоящее время такое мнение можно считать несостоятельным совершенно. Своими работами Hermann и Schulte показали, что государство «Законов» не только утопия, но и комбинация взятых из афинской и спартанской действительности черт социально-политической жизни, получивших идеализацию у Платона в плане «второго по совершенству» государства, или «государства магнетов», как его неоднократно называет сам Платон. Нужно только указать, что и Hermann и Schulte, подвергая анализу «Законы» и обнаруживая в них установления и понятия, взятые Платоном из современной ему действительности, представляют себе несколько упрощенную картину. Они думают, что Платон просто механически выбирал из действительности отдельные установления и нравившиеся ему черты социальной жизни и так же механически склеивал их в мозаику своего «государства магнетов». Недалеко от этого взгляда стоит и Salin[2], который, считая, что Платон в «Законах» примиряется с действительностью, тем не менее не дает нам совершенно ясной картины того, что же Платон берет из этой действительности и почему для «Законов» одни черты социальной жизни он предпочитает другим. Правда, Salin, несомненно, правильно отмечает, что платонова «Магнезия» идеализирует преимущественно черты афинской и спартанской жизни («der Aufriss trägt wesentlich athenische, der Grundriss spartanische Züge»)[3]. Но при этом автор все же не занимается изучением этого в деталях, предпочитая говорить о некоей «сферичности» («sphärischer Bau») эллинской жизни, якобы отраженной в платоновых утопиях. Совершенно иную постановку вопроса предлагает Bisinger в книге «Agrarstaat in Platos «Gesetzen»[4]. Бизингер проводит ту основную мысль, что платоновы государственные идеи целиком связаны с теми популярными тогда «социалистическими» и «коммунистическими» идеями, которые в той или иной мере пытались разрешить социальный вопрос в древней Греции на пороге V и IV вв. А при конструировании плана «Законов» не только Спарта и Афины, но и Сицилия была материалом для композиции основных его идей. Бизингер считает, что когда Платон брал из жизни этих государств те или иные, получившие идеализацию, черты социальной действительности,—он брал их не механически, а критически, и притом брал только то, что соответствовало смыслу и целям конструируемого им «государства магнетов»[5].

---

[1] Если Kleinwächter считает платоновы утопии просто социальными романами, слишком «малокровными», чтобы отразить собой тогдашнюю действительность, то Beloch и Hindelbrand склонны отрицать только то, что в учении о греческом государстве Платон предшествует Аристотелю. По их мнению только с Аристотеля начинается постановка вопроса о государстве. См. Beloch—Die Staatsromane, Wien, 1891, S. 27; R. Beloch—Griechische Geschichte, I, 1912, S. 40; E. Hindelbrand—Die sociale Frage. «Jahrbuch für Nationalökonomie und Statistik», 12, 1869.

[2] Salin—Plato und die griechische Utopie», 1921, S. 73.

[3] Ibid,, S. 128.

[4] Bisinger—Agrarstaat in Platon »Gesetzen», Leipzig, 1925.

[5] Ibid., S. 2—4.

Материал претерпевал в руках мастера известные изменения. Такая постановка вопроса является исторически более правильной; она подводит нас к изучению как материала, которым оперировал Платон, так и к изучению классового существа его мировоззрения, которое обнаруживается при выборе, критике и обработке материала. Не оставляя в стороне вопрос о влиянии «коммунистических» идей на Платона, Бизингер также указывает на то, что в свое время было хорошо изучено Fr. Dümmler'ом в его «Prolegomena zu Platos «Staat»[1],—именно то, что Платон хорошо знал публицистику своего времени. Это видно из того, что основной лейтмотив Платона об аграрном характере государства, в котором земледелие должно спасти общество от разложения, а класс средних по состоянию граждан является носителем гражданских прав и опорой государства,—был очень популярен в публицистической литературе того времени. Dümmler считает, что ранее всех эту идею развивал Еврипид в своих трагедиях. Особенно это подчеркнуто в стих. 420 и сл. в «Hiketides», а также в стихе 917 сл. «Ореста», где πλεονεξία (излишество, жадность) Еврипид противопоставляет νόμος καὶ δικαιοσύνη (закону и справедливости). В «Финикиянках» Еврипид выступает даже с теорией ἰσονομία (равноправия), как φύσει δίκαιον (естественной справедливости), которую он противопоставлял тирании и другим формам государства; останавливается на преимуществах μέσοι πολῖται, т. е. на лозунге, который Платон заимствует и подвергает разработке в своем, выражаясь языком Salin'a, «номократическом государстве».

Лозунг μέσοι πολῖται—ориентация на средние земледельческие классы—был особо популярным в то время. Тот же Еврипид в «Просительницах», стих 240, рассматривая и оценивая роль богатого, бедного и среднего класса, говорит, что «из трех частей населения та, что в середине, охраняет государство и оберегает установленный порядок». Мы знаем, что после низвержения крайней олигархии 411 г., что было достигнуто, главным образом, благодаря именно участию средних классов, т. е. мелких собственников—землевладельцев, другими словами, после того как наряду с «крайней» демократией Афины попробовали непродолжительное время господства и крайней олигархии,—с обоснованием государства и политики, опирающихся на средние классы мелких земельных собственников, выступают и такие авторитетные представители древности, как Фукидид[2] и Аристотель. И особенно Аристотель[3] в своей «Политике» останавливается на преимуществах государственного строя, опирающегося на средние классы, которым, по его мнению, было чуждо стяжание богатых, так же, как и крайности демократии. Его теория напоминала ту Mittelstandpolitik по отношению к среднему крестьянству, которая практически проводилась в средние века в отношении городских цехов.

Несомненно, что Платон конструировал свое «государство магнетов» под сильным влиянием этой идеи. При изложении аграрных основ этого «второго по совершенству» государства нам не раз придется увидеть, что аграрные симпатии Платона, его стремление построить государство «Законов» на аграрной основе целиком созвучно тому идеалу древнего эллина, который понуждал его стать прежде всего самостоятельным хозяином.

---

[1] Fr. Dümmler—Prolegomena zu Platos «Staat» und Aristoteles «Ideal».

[2] Фукидид, VII, 97.

[3] Аристотель—Политика, IV, 9, 842, также VI, 2, 1, 2 (перевод С. А. Жебелева).

владельцем клера[1]. Владение землей было основой жизни в древней Элладе. Мы сошлемся в этом отношении на авторитетное мнение Wilamowitz'a, который в одной из своих статей говорит следующее по этому поводу: «Der Glaube dass nur diese Grundlage (d. h. agrarische) des Lebens physisch und politisch gesund wäre ist dem delphinischen Gotte, dem Aristophanes und dem Aristoteles gemeinsam»[2].

Автор «Законов» должен был тем более ориентироваться на лозунг о среднем сословии, которым в представлении эллина могло быть только среднее крестьянство,—чем сильнее обострялась классовая борьба между земельной аристократией и мелкими разорявшимися земельными собственниками. Проблема, поставленная классовой борьбой, была по преимуществу аграрной проблемой. Эта проблема в глазах крестьянской массы разрешалась только одним и единственным путем; ее разрешение вмещалось целиком в старый лозунг: γῆς ἀναδασμός καὶ χρεῶν ἀποκοπή (передел земли и кассация долгов). В своем плане аграрного государства Платон дает в сущности ответ на этот поставленный жизнью злободневный вопрос, впервые со времени солонова законодательства так заостренного классовой борьбой на грани V—IV вв. и позже.

Чтобы закончить вопрос о творческом пути Платона от «Политии» к «Законам» и о влиянии на него тогдашней публицистики, нужно еще указать и на влияние Антифонта[3], которого, как замечает Бизингер, Платон знал в своей юности и который был его литературным предшественником. Этот мыслитель-индивидуалист также выступал с пропагандой ὁμόνοια. Его понимание νόμος'а (закона), как правильно понятого личного интереса, во многом сближает его с Платоном, который в это понятие вкладывал примерно то же самое содержание. Хотя нужно заметить, что и тот и другой в понимании νόμος'а, как инструкции, устанавливающей единый порядок личной и общественной деятельности гражданина, не отвлекались от обычного и принятого в Афинах его (νόμος'а) представления.

Автор «Государства магнетов» воспитывался и оформлял свои идеи, положенные в основу «Законов», в кругу тех общих идей, которые представляли собою своеобразную идеологическую атмосферу, где эти идеи были связаны известной последовательностью и взаимозависимостью. Но одной этой связи идей еще недостаточно.

«Последовательность философских систем,—говорит Плеханов,—есть только факт, нечто данное... что требует своего объяснения и чего не может объяснить «имманентная диалектика умозрительных принципов» («Очерки по ист. мат.»). Поэтому мы должны будем поставить своей задачей выяснить, что же увлекало Платона к той системе положений, которые оказываются не новыми и были общи многим политическим деятелям и писателям платонова времени, что являлось движущей силой тех идей, которые в «Государстве магнетов» своеобразно разрешали важнейший из всех вопросов экономической жизни Греции—аграрный вопрос.

---

[1] См. об этом: Adler—Geschichte des Socialismus. Есть русский перевод Сперанского. См. первые главы.

[2] Wilamowitz—Kultur der Gegenwart, II, 4, 1, S. 63.

[3] См. С. Лурье—Анархизм в древней Греции. Антифонт, 1925; см. также его статью в «Известиях Академии наук», 1918. «Новый оксиринхский отрывок», к хронологии Демокрита и Антифонта.

II

В «Законах» Платон не мог подойти к проблеме хозяйства и государства иначе, как с аграрной стороны, т. е. с точки зрения вопроса, который со времени Солона не переставал выступать на первую линию общественного внимания. А как идеолог эпохи упадка, Платон не мог не оказаться созвучным тем исканиям общественного идеала, которые исходили из πάτριος πολιτεία (староотцовское государство—община), старого идеала эллина, идеала солоновых времен, с его земледельческим занятием по преимуществу.

Платон в нескольких местах отмечает исключительно аграрный характер своего государства. В этом отношении очень интересным является место из IV книги, где довольно полно обосновывается, что никакие другие занятия не допускаются в новом государстве, кроме земледелия[1]. Земледелие—основа хозяйственной деятельности граждан. Это обстоятельство также подчеркивается и в другом месте, в VIII книге, где говорится, что так как государство устанавливает законы, главным образом, для земледельцев[2] (γεωργοῖς) то с них-то, собственно, должно быть начато установление и самого государства[3]. Эти аграрные симпатии Платона, стремление его замкнуть хозяйственную деятельность от всего, кроме возделывания земли (πλὴν τὸν ἐκ γῆς χρηματισμὸν—949 c) раскрывает перед нами общегреческое представление о значении земледельческой деятельности, представление, которое особенно выпукло было отмечено Ксенофонтом. В Οἰκονομικός Ксенофонта Сократ произносит настоящую хвалу земледелию, как одному из благороднейших занятий[4]. Причем характерно, что мысль Платона о земле, как о кормилице, которую надо чтить более, чем дети чтут мать[5], почти совершенно аналогична концу речи Сократа у Ксенофонта, где также земля прославляется, как кормилица-мать. Высокое мнение о значении земледелия в хозяйстве и земледельческого класса в политике высказал также и Аристотель в «Политике»[6]. Мысль о земледелии тем более воскрешалась в сознании политиков и публицистов, чем осязательнее становилось разложение его в период кризиса IVв., когда земледелие начинало вытесняться, как главный вид хозяйственно-приобретательской деятельности. Стремление к возврату прошлого, к золотому веку Кроноса[7], когда тучная земля обильно снабжала всех,—было идеологическим выражением этого разложения.

Но как подойти к организации полиса на этой, так резко формулированной в «Законах» земледельческой основе? Основное зло, которое, по мнению Платона, разрушает земледелие и не дает населению спокойно им заниматься—это неправильное распределение земли. Неравномерное распределение земли порождает все общественные недуги в государстве. Поэтому неравномерное распределение земли бичуется Платоном с особой

---

[1] Λέγομεν δὴ μήτε χρυσὸν δεῖν μήτε ἄργυρον ἐν τῇ πόλει, μήτε αὖ χρηματισμὸν τολὺν διὰ βαναυσίας καὶ τόκων μηδὲ βοσκημάτων αἰσχρῶν, ἀλλ' ὅσα γεωργία δίδωσι καὶ φέρει, καὶ τούτων ὁπόσα μὴ χρηματιζόμενον ἀναγκάσειεν ἀμελεῖν ὧν ἕνεκα πέφυκε τὰ χρήματα. Plat.—Leges, 743d.

[2] Plat—Leges, 842 d.

[3] Πρῶτον δὴ νόμοι ἔστωσαν λεγόμενοι τοῦνομα γεωργικοὶ. «Leges», 842e.

[4] Xenoph.—Οἰκονομικός, V, 1.

[5] Plat.—Leges, 740a.

[6] Arist.—Polit. 1, 3, 4, 22; VI, 2, 1.

[7] Plat.—Leges, 743e.

страстью и как основная причина страшного и опасного спора за передел земли и сложение долгов[1].

Чтобы избежать этой болезни (τοῦ νοσήματος πόλεως), Платон предлагает организовать более равномерное распределение земель. Фиксирование внимания Платона на правильном и более равномерном распределении земель должно нам представляться, как противопоставление тому положению в действительности, когда, с фактическим аннулированием солонова законодательства, которое, как будто, по сообщению Диогена Лаэртского[2], запрещало продажу и скупку земельных наделов, аграрный вопрос снова выступил на сцену и с еще большей остротой, чем в эпоху Солона. Достаточно здесь будет только сослаться на то, что залог земли, почти прекратившийся со времени Солона и неизвестный еще в начале Пелопоннесской войны, с конца ее становится обычным явлением. Во всяком случае данные эпиграфики о залоге земель относятся, главным образом, к временам Исея и Демосфена[3]. Неудивительно поэтому, что и для Платона это обстоятельство было исходной точкой в подходе к аграрному вопросу. Отсюда же нам становится понятным, почему автор «Законов» был более всего склонен свои симпатии направить в сторону Спарты и Крита. Ведь там именно не была в такой степени развита земельная дифференциация, застывшие формы общинного землевладения; там, ведь, еще долго сопротивлялись внедрению торгового капитала. Вот почему Платон с особенной похвалой ссылается на опыт с переселением в колонию гераклеотов, где равномерное распределение земли не создавало и социального вопроса с его лозунгами γῆς ἀναδασμός καὶ χρεῶν ἀποκοπή (736 c).

Таким образом, только земледелие, при котором хозяйствующие субъекты более или менее справедливо наделены землей,—вот предпосылка, аграрная основа, с которой Платон начинает конструирование своего государства. В обосновании аграрного характера нового государства автор «Законов» случайно останавливается и на таких привходящих моментах, как месторасположение города, которое, в представлении Платона, является одним из условий, обеспечивающих аграрный строй нового города. Он устанавливает, что новое государство должно быть расположено в 80 стадиях от моря.

Такое место намечается на острове Крите, где раньше была фессалийская колония, называвшаяся Магнезией[4]. Платон далее обосновывает положение, почему именно он располагает свое государство вдали от моря. Близость к морю способствовала бы развитию мореплавания, а это в свою очередь способствовало бы развитию торгового духа и жажды наживы (705 a). Такое месторасположение государства целиком увязывается с основной задачей предупредить вторжение торгового капитала во вновь образуемое аграрное государство. Взгляд Платона на морскую торговлю и мореплавание, вообще связанный с презрительным пред-

---

[1] Изображение спора за передел земель и кассацию долгов см. у Платона—Leges, 736c, 684d, 736a.

[2] Diog. Laert. I, 55; также Arist.—Polit., VII, 2.

[3] Isaeus, II, 2, 8; Dem., XXXI, 12—13; XLI, 5—6; XXV, 69; XLIX, 12, 61.

[4] Σχεδὸν ὦ ξένε ἀπέχει θαλάττης γε ἡ πόλις, ἧς πέρι τὰ νυνδὴ λεχθέντα ἡμῖν, εἴς τινας ὀγδοήκοντα σταδίους, Plat., 704 b.

В 80 стадиях от моря как раз была расположена на Крите некогда заселявшая эту полосу колония магнетов. Что Платон удерживает за своим государством название Магнезии см. «Leges», 848, 860, 916, 969.

ставлением о моряке, и стремление изолировать от этого государство, был созвучен эллинскому идеалу, выраженному в формуле ἐλευθερία, αὐτονομία, αὐτάρκεια. Можно было бы опять провести здесь некоторую аналогию в этих взглядах у Еврипида и Платона. Сошлемся только на мнение Калхрейтера[1], который обстоятельно показал в одной из своих работ, что стремление располагать государства и колонии вдали от моря было свойственно всем грекам и в особенности дорянам.

Итак, расположив государство на Крите, вдали от моря, в полосе реки Магнезии, Платон далее ставит вопрос, каким же порядком и на каких началах будет распределена земля между гражданами «государства магнетов»[2]. И намечая далее конкретно план распределения земли, Платон все время заботится о том, чтобы провести все это как можно лучше и чтобы правильным устроением города создать славу «государству магнетов»[3].

Вся территория Магнезии делится на 5040 наделов, владение которыми является предпосылкой для политических прав гражданства. Только гражданин, владеющий клером, обрабатывающий его и способный к вооружению, может обладать политическими правами и осуществлять свое гражданство. Все другие, как-то: иностранцы, ремесленники, торговцы, рабы,—гражданскими правами пользоваться не могут[4]. Таким образом, соответственно земельным участкам, и граждан в государстве намечается 5040; все они должны быть, как уже отмечалось, способны к вооружению, чтобы защищать свои наделы и государство от внешнего врага[5]. Положение, что только земледелец является полноправным гражданином Магнезии, служит источником дальнейших мероприятий, намеченных в «Законах» для нового государства. Прежде всего из этого следует то, что все не имеющие земли должны быть выселены из государства, как неспокойный элемент. Здесь чувствуется, что в данном случае Платон хотел предупредить такой своеобразной мерой то, что в его глазах в период аграрного кризиса было «болезнью» государства: это борьба за передел земель. Чтобы проделать такое «выселение», не вызвав бунта или восстания со стороны этих неимущих, Платон хочет обмануть их тем, что «выселение» их советует смягчить названием «переселение» из государства для образования новой колонии (δι' εὐφημίας ἀπαλλαγήν, ὄνομα ἀποικίαν τιθέμενος, εὐμενῶς ὅτι μάλιστα ἐξεπέμψατο, 736 a). Что же касается неземледельцев—ремесленников и торговцев,—то таковыми туземцы быть не могут, подобными занятиями разрешается заниматься только иностранцам.

Таким образом, хозяйствующей ячейкой в обществе является семья земледельца—фамилия, которая вместе с участком (κλῆρος у Платона) образует неразрывное единство. Все земельные участки хотя и неодинаковы по размерам, но они равны по производительности,—таким образом, все получают хозяйственно-равноценную землю.

Это нивелирование ценности участков при тщательном учете качества почвы проводится именно тогда, когда намеченный участок планируется

---

[1] Kalchreuter —Die «μεσότης» bei und vor Aristoteles, 1911.
[2] Plat.—Leges, 737c.
[3] Ibid., 969.
[4] Ibid., 846d.
[5] Πεντάκις μὲν χίλιοι ἕστωσαν καὶ τετταράκοντα, ἀριθμοῦ τινος ἕνεκα προσήκοντος, γεωμόροι τε καὶ ἀμυνοῦντες τῇ νομῇ. Plat. 737e.

на две части, т. е. часть, которая должна быть, согласно платонову положению, около города, и другую часть—вдали от него[1].

Там, где почва предполагается хорошая,—участки намечаются меньше, где плохая—больше[2]. После такой подготовки надел мог уже передаваться по жребию.

Таковы первоначальные аграрные мероприятия при основании государства. Здесь уместно будет сделать несколько замечаний о числе 5040, о происхождении этого числа и о строго проводимой Платоном идее совпадения прав владения этими участками с гражданскими правами в государстве. И здесь Платон брал материал из исторической жизни Афин. Еще Виламовиц отклонил объяснение выбора числа 5040 исключительно влиянием пифагорейской школы[3]. Как и Зуземиль[4], он полагает, что в выборе этого числа Платон исходил скорее из практических соображений. Мы же считаем, что непосредственным материалом для Платона в этом были проекты умеренной олигархии, которые после 411 г. становятся особенно популярными. Из свидетельства Фукидида и Аристотеля нам известно, по крайней мере, об исключительной симпатии авторов к конституции Ферамена. Платон тоже вышел из этой среды аристократий (т. е. умеренной или торговой) и в разработке старого идеала πάτριος πολιτεία, несомненно, не выходил далеко из круга идей, которыми жила эта аристократия. Но Платон был слишком оригинален, чтобы прямо копировать планы и конституции умеренных. В проекте Ферамена фигурировало 5000 граждан—это число потом было узаконено по его конституции. Для Афин того времени эта идея 5000, или по крайней мере сокращение числа полноправных граждан и установление для них определенного ценза в духе солонова законодательства (главным образом, землевладельческого ценза),—была самой подходящей. Она по существу отражала желание аристократии опереться на средний земледельческий класс, в противовес демократии. То, что Платон остановился не на числе 5000, а взял 5040, можно объяснить, как это и делает Залин, гибкостью, делимостью этого числа. В этом отношении, пожалуй, Платон отразил на себе влияние —в известной степени—и пифагорейской школы, но в основном он опирался на практические теории своего класса, старавшегося разрешить социальную проблему своего времени,—теории, вращавшейся вокруг числа 5000 граждан, как положительной основы их проектов.

И не только в этом мы можем проследить связь Платона с идеологией умеренной аристократии. Если мы возьмем также положение о том, что предпосылкой гражданства в «государстве магнетов» является владение земельными наделами, то ведь это положение тесно увязывалось с политическими движениями в афинской жизни. Судьба конституции Ферамена показала, что умеренная аристократия может прочнее опереться не на цензовые элементы вообще, а, главным образом, на земледельческие цензовые элементы. Мысль, что только в том случае, когда граждане будут наделены земельными участками, а не денежный ценз будет мерилом политических прав граждан, что только при этом условии можно создать

[1] ... τὰ μὲν ἀγαθῆς γῆς εἶναι σμικρά, τὰ δὲ χείρονος μείζω, 745 c.
Μηχανᾶσθαι δὲ καὶ ἐντοῖς ὅίχα τμήμασι τὸ νυνδὴ λεγόμενον φαυλότητός τε καὶ ἀρετῆς χώρας, ἐπανισουμένους τῷ πλήθει τε καὶ ὀλιγότητι τῆς διανομος 745 d.

[2] «Leges», 745 de.

[3] Wilamowitz—Plato, I, S. 706.

[4] Susemihl—Die Geschichte der Entwicklung d. plat. Philos., II, S. 593.

опору государству, подорванную «властью денег»,—эта мысль становится программным и практическим требованием. Формисий—преемник Ферамена—рисовал себе такой проект конституции, по которому активные политические права предоставлялись лишь землевладельцам[1]. Гражданин должен был владеть хотя бы минимальным наделом, чтобы иметь право принять участие в политике. Эта идея, возвращавшая Афины к «патриархальному строю», как мы видели выше, была целиком воспринята Платоном. Мы здесь не будем останавливаться на том, что также и Сиракузы, столь популярные в Афинах, когда Дионисии проделывали свои эксперименты с наделением землей, и столь видное место занявшие в биографии Платона,—несомненно, оказали свое влияние на последнего. Нам достаточно будет и этих указаний, которые обнаруживают тот непосредственно исторический материал, откуда черпал Платон идеи при конструировании своих первоначальных аграрных мероприятий.

Перейдем теперь к другим вопросам. Какова же структура этого земельного надела, как хозяйственной ячейки, и как она увязывалась с другими в систему аграрного государства. Прежде всего, согласно Платону, каждый надел в целях большего равенства и удобства делится на две части (δύο τμήματα τεμεῖν)[2], как это и было выше отмечено. Одна часть располагается ближе к городу, намеченному в центре государства, другая—вдали от него. Но они соединяются в одну сплошную полосу земли, которая принадлежит отдельному гражданину. В связи с этим каждый гражданин имеет два дома, один—вблизи города, другой же—на окраине. Здесь возникает спорный вопрос, как располагались эти дома около города и как—на окраине. Непонятно это потому, что наряду с этим указанием о домах у Платона есть еще указание на жителей κατὰ κώμας,, т. е. на поселки или посады. Возникает в действительности вопрос, жили ли граждане в «утопии» Платона в домах, разбросанных по стране, по дому на каждом участке, или они жили группами в этих поселках. Этот вопрос еще более запутывается тем обстоятельством, что у Платона есть указания не только на κωμῆται (жителей деревень), но и на δῆμοι (жителей посадов), так что вне зависимости от какого-либо решения первоначального вопроса сюда еще вплетаются демы. Виламовиц решает этот вопрос тем, что вообще ставит под вопрос наличие поселков, не говоря уже о демах. По его мнению, существуют только отдельные дворы—Einzelhöfe—на участках[3]. Но такое решение целиком опровергается текстом «Законов», в VIII книге которых определенно говорится, что в государстве должно быть 12 поселков[4].

Совершенно иначе думает Зуземиль[5], который устанавливает для «Государства магнетов» целых 24 поселка, что опять-таки опровергается вышеприведенной ссылкой на Платона, отчетливо говорящей о 12. Бизингер с внутренним сомнением признает, что граждане жили и в поселках и по участкам. Такое объяснение, конечно, ближе подводит нас к тексту, но окончательно вопроса не решает. Нам придется еще возвратиться к этому вопросу в дальнейшем.

---

[1] ... τὴν πολιτείαν μὴ πᾶσιν, ἀλλὰ τοῖς τὴν γῆν ἔχουσι παραδοῦναι, βουλομένων ταῦτα γενέσθαι καὶ Λακεδαιμονίων. Argum. к Лисию. Цит. по Bisinger'y—Agrarstaat, S. 15.

[2] Plat.—Leges, 745c.

[3] Willamowitz—Kult. d. Gegenw., I, 668: «Das Land ist nicht sowohl mit Dörfern als mit Einzelhöfen bedeckt zu denken».

[4] «Leges», 846 cd.

[5] Susemihl, l. c., S. 549.

Сейчас же займемся пока установлением внешней связи земельных наделов между собою. После раздела страны на 5040 наделов, она в хозяйственно-административном отношении еще делится на двенадцать округов, точно так же и город, расположенный в середине страны, имеет соответственно этому двенадцать частей. Такая двенадцатая часть страны, или округ, вместе с двенадцатой частью города образует собою единство, связанное, по мнению Платона, культом и административными скрепами. Она называется филой (φυλὴν αὐτὴν ἐπονομάσαι)[1].

Государство, таким образом, двенадцатью радиусами, исходящими из центра города, делится на двенадцать равных фил. Несомненно, эти филы выступают у Платона в качестве и хозяйственной организации. Все граждане размещаются по этим филам с учетом их имущества, чтобы не допустить имущественного перевеса одной филы над другой. Сохранение и регулирование такого хозяйственного равновесия ставится и как дальнейшая задача начальников фил—агрономов, которые, ведя запись всех членов фил в особых листах, учитывают доходы гражданина с целью налогового обложения[2]. Не случайно у Платона такое разделение на филы, или общины. В древние времена филы были естественным подразделением каждого основываемого города. Еще Ратцель отметил связь, которая существовала между филой и землей в древности. Указывая на пример дорической филы, он иллюстрирует основное свое положение, что отношение людей к земле в аграрных условиях древности выражалось в политической форме филы (общины). Конечно, когда «вместе с товарным производством появилась обработка земли отдельными лицами за собственный счет, а вскоре затем и земельная собственность отдельных лиц», фила (племя), основанная на кровном родстве, превратилась в «территориальное племя» (Энгельс—Происхождение семьи..., 1934, стр. 102, 106); старые отношения сохранились лишь в виде пережитков—главным образом, в области культа и в виде, может быть, смутного воспоминания об общем владении землей внутри племени. По всей вероятности, это и послужило основанием, по которому Платон обратился к этим филам, как основе для деления своего утопического аграрного государства.

Что касается числа фил, которых Платон проектирует двенадцать, то образцом могли послужить греческие города с подразделением именно на 12 фил. Можно было бы для примера указать на элейцев, также и на Милет, где были подразделения именно на 12 фил. Но возможно также и то,что для Платона его коммерческие поездки в Египет при торговле маслом не прошли даром. Ведь там система двенадцати играла большую роль в хозяйственной жизни. Выяснять это в подробностях лежит за пределами нашей задачи.

В центре каждой такой филы Платоном намечается поселок (κώμη), имеющий значение хозяйственного центра, так как там будет находиться и «рынок и полезный род ремесленников», торговцы и т. д., обслуживающие основное население—граждан-земледельцев[3].

Каждая такая часть страны, или фила, объединяющая собою двенадцатую часть из 5040 крестьянских хозяйств, делится еще внутри себя на фратрии, комы и демы (φρατρίας καὶ δήμους καὶ κώμας)[4].

---

[1] «Leges», 745e.
[2] Ibid., 955d.
[3] Ibid., 848e.
[4] Ibid., 746d.

Непосредственно организующей граждан-земледельцев ячейкой является фратрия. Если семья гражданина-земледельца, т. е. фамилия, рассматривается Платоном, как первичная хозяйствующая единица, то ближайшим объединением над ней стоит эта фратрия. Платон не говорит нам о числе фратрий в каждой филе, нет точных указаний и относительно их функций. Из того немногого, что Платон говорит о фратрии, можно только заключить, что и ее назначение должно быть подчинено аграрному характеру «государства магнетов». Что, по Платону, выполняет фратрия? Она прежде всего ведет фратриальные записи своих членов, т. е. здесь записываются не только владельцы клеров, но и их семьи, отмечаются также рождения новых и смерть старых членов семейств[1]. Таким образом, фратрии выступают перед нами, как небольшой союз семейств, в котором постепенно создаются через внесение их в фратриальные листы отношения родства (ἀγχιστεία). Это, так сказать, расширенная семья.

Как мы выше отмечали, Платон, намечая 5040 наделов и ставя одной из главных предпосылок нормального развития своего государства сохранение этого числа и отрицание права отчуждения надела в случае смерти его владельца и тем более при жизни,—преследует всем этим, главным образом, цель искусственно сохранить статическое положение в государстве и предупредить неравенство в отношении земли. Устанавливая это положение, Платон по существу возвращался ко временам Солона, когда нельзя было даже завещать свою недвижимость. Как известно, такое право предоставлялось, согласно солонову законодательству, только бездетным. Отчуждение земли в силу продажи или завещания запрещалось, согласно свидетельству древних, также и в других городах Греции. Лишь впоследствии, с развитием торгово-денежных отношений, подрывавших аграрную основу греческих городов, исчезло и это установление, стеснявшее обращение недвижимости. И впервые отчуждение земли появилось в виде закона о завещании, который одновременно являлся также законом и об усыновлении, на что показывает связь между словами θετος (усыновленный) и διατίθεσθαι (завещать). Не случайно поэтому, что Солон впервые формулировал это право завещания в виде разрешения завещать только бездетным, т. е. право отчуждать землю давалось только тем бездетным, которые находили себе преемника через усыновление.

Что по существу представляло такое положение? Оно сводилось, главным образом, к тому, чтобы предупредить распадение семьи или рода, которому принадлежала земля. Способом ли διατίθεσθαι (завещания усыновленному) или предоставления прав наследования дочери (ἐπίκληροι) нужно было задержать землю в руках семьи, рода, чтобы не допустить мобилизации земли в немногих руках и вообще свободного обращения земли.

Если мы обратимся к довольно сложной системе наследования у Платона, то увидим, что и она ставит своей основной задачей искусственное продолжение семьи владельца надела и путем ἀγχιστεία, и ἐπίκληροι, и διατίθεσθαι, а также и другими способами, что конкретно рассматривать мы здесь не намереваемся. Нам важно здесь указать только на то, что платонова фратрия, фратриальные записи членов по преимуществу и вводятся именно для того, чтобы регулировать и проверять в каждом отдельном случае переход надела без отчуждения и путем искусственного про-

[1] Βίου μὲν ἀρχὴ τοῦ παντὸς ἑκάστοις ὁ πρῶτος ἐνιαυτόρ ... τῆς δὲ φρατρίας ἀεὶ τοὺς ζῶντας μὲν γεγράφθαι πλησίον, τοὺς δ'ὑπεκχωροῦντας τοῦ βίου ἐξαλείφειν. Plat.—Leg., 785a.

должения рода и вместе с тем не допустить перехода земли к тому, кто уже владеет участком. Только, очевидно, путем фратриальных записей, где вся система родства в роде подробно обозначена, представлялось возможным регулировать сложное право наследования в «государстве магнетов», имеющее основной своей задачей сохранение числа и неотчуждаемость земельных наделов.

Филы, как мы знаем, делятся не только на фратрии, но также и на комы и демы. Было уже замечено, что в центре филы находится поселок, или кома. Если допустить, что население живет в этих комах, перед нами возникает вопрос, кто же живет тогда в демах. По этому поводу мы можем сделать лишь некоторые предположения, так как прямых указаний у Платона на этот счет нет. Но исходя из того положения в «государстве магнетов», что там каждый владелец надела имеет два дома, один—ближе к городу, другой—на окраине, мы можем предполагать, что дома на окраине собственно и образуют тот поселок, который находится в центре филы; все же дома около города, образующие двенадцатую его часть, составляют, на наш взгляд, те самые демы, о которых у Платона отсутствуют точные указания. Возникает вопрос, живут ли таким образом κωμῆται оседло или они живут попеременно в городе и в поселке. У Платона нет точных указаний на этот счет. Поэтому можно допустить, что граждане живут попеременно в комах и в демах. Хозяйственная работа, очевидно, протекала, главным образом, в комах, в демы же граждане выезжали для участия в политической деятельности, которая сосредоточивалась в городе. Здесь у Платона перекрещивались мысли о старогреческих жилищах κατὰ κώμας (в поселках) и κατὰ δήμους (в городе), что знало, например, гортинское право. Бизингер по этому поводу замечает, что это было обычно также и в Аттике, особенно у землевладельческой аристократии[1].

Мы видим, таким образом, что хозяйственная организация «государства магнетов» строилась Платоном на основе старогреческих представлений о роли таких политических образований, как филы, фратрии, комы, демы, все значение которых раскрывалось только в рамках аграрных отношений древней Греции.

Перейдем к рассмотрению внутренней жизни хозяйственных единиц и хозяйственной связи между ними. Проводя равномерное распределение земельных наделов, Платон допускает, однако, неравенство во владении движимым имуществом. Было бы лучше, говорит Платон, и здесь установить равенство, но «в Магнезии ведь одни появятся с одним имуществом, другие с бо́льшим». И для установления равных взаимоотношений между ними нужно, говорит Платон, установить неравный имущественный ценз. В силу этого имущественного неравенства в государстве намечаются четыре основных цензовых класса, каждый с различным хозяйственным значением, что должно приниматься во внимание при установлении важных государственных должностей[2]. Таким образом, чтобы избежать излишней бедности и богатства, что не достигается одним равномерным земельным наделом, «государство магнетов» вторгается и в имущественные отношения граждан, устанавливая пределы богатства и бедности. «Пределом бедности» Платон устанавливает владение имуществом или движимым

[1] Bisinger—Agrarstaat, S. 31.

[2] Τούτων χάριν τέτταρα μεγέθει τῆς οὐσίας τιμήματα ποιεῖσθαι χρεών, πρώτους καὶ δευτέρους καὶ τρίτους καὶ τετάρτους... (744 c).

капиталом в размере стоимости одного надела (ἔστω δὴ πενίας μὲν ὅρος ἡ τοῦ κλήρου τιμή) [1]. Это, так сказать, Existenzminimum, на который никто не имеет прав посягать. Ценность имущества в два раза больше этого минимума образует меру для следующего класса, в три раза—меру богатства для третьего класса, и в четыре—для четвертого. В пределах этих классов допускаются передвижения, в зависимости от роста этого имущества или, наоборот, от обеднения. Но твердо установлено в государстве, что, во-первых, не допускается обеднение ниже имущественных границ первого класса, и, во-вторых, обогащение за пределы четвертого класса. Рост же имущества сверх четырехкратной стоимости надела не допускается под страхом конфискации излишка в пользу государства [2]. Вообще все нарушающие установленные нормы и положения, связанные с использованием земли и имущества, «преследуются законами государства и божескими».

Мы уже указали, что высшие государственные должности замещаются представителями высших классов. Здесь Платон возвращался к порядкам солоновых времен, когда, во-первых, имущественные доходы клались в основу цензового признака класса и когда, во-вторых, участие в политической жизни могли принимать только более материально-обеспеченные классы. Это тем более следует из всего хода платоновых мыслей, что ведь он совершенно отменяет плату чиновникам, отменяет и плату за посещение народных собраний, что установилось в Афинах в его время. Все это, с точки зрения Платона, неприемлемо, ибо означает лишь испорченность демократии. Отсюда очевидно следует, что участие в политической жизни принимают наиболее хозяйственно-сильные классы, имеющие досуг для общественной деятельности. Что Платон фиксирует внимание на политическом значении именно высших классов, следует также из всего того, что Платон говорит о низших классах. О них он указывает в VI книге, что они могут и не принимать политического участия в народных собраниях [3].

В такой политической оценке классов в зависимости от их имущественного ценза у Платона выступал идеал πάτριος πολιτεία с крепким классом землевладельцев, который из плана этого идеала переносился в «государство магнетов», как политическая его основа.

Перед нами встает такой вопрос: заимствовал ли Платон в разработке государственного устройства Магнезии непосредственно материал солонова и драконова законодательства? Вопрос трудно разрешимый, так как ведь сами древние по-различному представляли себе идеал отцов, или πάτριος πολιτεία. Одни, как, например, Исократ, под πάτριος πολιτεία понимали доисторический родовой строй — ἄγραφα νόμιμα, оформившийся еще в драконовом законодательстве, другие основателями πάτριος πολιτεία считали Солона и Клисфена. Не вдаваясь в детали этого вопроса, требующего специального изучения, в особенности в связи со спорным вопросом об историчности драконовой конституции,—мы отметим лишь тот несомненный факт, что πάτριος πολιτεία, как этот идеал рисуется в «государстве магнетов», есть безусловно староаттическое аграрное государство VI столетия. И это совершенно справедливо отмечается рядом исследователей [5].

---

[1] «Leges», 744 d.
[2] Ibid., 745 d.
[3] Ibid., 741 d.
[4] Ibid., 764 a.
[5] Bisinger—Agrarstaat, S. 43.

Это положение для нас станет еще более очевидным, если мы обратимся к выяснению роли других классов в обществе нового государства, которые являются в концепции Платона вспомогательными— это классы не граждан, т. е. рабы и метеки.

Намечая положение рабов в государстве Магнезии, Платон также не выходил из круга обычных и свойственных аристократии представлений о рабах и о физическом труде, как труде прежде всего рабском. Во-первых, как это мы видим в VI книге «Законов», 776 c, рабы относятся к движимому имуществу с той разницей от вещного имущества, что этот живой инвентарь в сельском хозяйстве гражданина мог быть отпущенным иногда на свободу. Платон вводил рабов, как необходимый фактор хозяйственной жизни в «государстве магнетов», и нужно сказать, что в этом он, вопреки мнению Бизингера, не чувствовал никакого неудобства в смысле неравенства. Платон не мыслит себе хозяйственных работ без участия этого живого инвентаря каждого гражданина. Так, он определенно указывает, что возделывание земли целиком передается рабам[1]. И если это противоречит как будто другому положению, где допускается проведение большей части времени граждан в заботах о личном хозяйстве (758 b), то противоречие только видимое. Указание Платона о личных заботах в хозяйстве нужно понимать не как непосредственное участие гражданина в сельскохозяйственном труде, а как участие лишь в установлении хозяйственного порядка, организации и руководстве этим хозяйством. Для обратного заключения нет опоры в тексте «Законов». Здесь уместно подчеркнуть, что даже руководство и организация хозяйства отнимали, несомненно, немало времени у гражданина, а это обстоятельство не дает нам оснований согласиться со слишком упрощенной трактовкой этого вопроса Пельманом, который утверждал, что граждане в «государстве магнетов» целиком освобождены от хозяйственной деятельности[2]. При таком положении нужно было бы допустить наличие громадной массы рабов—столь опасной по взглядам Платона социальной силы. К такому парадоксальному выводу в отношении рабской массы тем не менее приходит В. Онкен[3].

Мы полагаем, что поскольку рабы относились к имуществу, учет которого наряду с другим имуществом определял цензовую принадлежность гражданина, это обстоятельство ставило все-таки определенные рамки для самого пользования рабами. Пределы ценза в известной части препятствовали пользованию неограниченным числом рабов. Pfleiderer допускает даже, что низший класс в «государстве магнетов» не владел, пожалуй, никаким движимым имуществом[4]. У Платона нет опоры в тексте для такого положения, однако, во всяком случае, совершенно очевидно, что если этот класс, располагавший, как мы выше говорили, только Existenzminimum'ом, и владел рабами, то в ничтожном количестве, и работу производил преимущественно сам гражданин силами своей семьи. В итоге мы должны сделать вывод, что граждане, используя рабов непосредственно в сельскохозяйственном производстве, вопреки Пельману и Виламовицу, сами тоже должны были, по мысли Платона, участвовать в хозяйстве, как его непосредственные управители и организаторы. И в этом отношении

---

[1] ... γεωργίαι δὲ ἐκδεδομέναι δούλοις ἀπαρχὴν τῶν ἐκ τῆς γῆς ἀποτελοῦσιν ἱκανὴν ἀνθρώποις ζῶσι κοσμίως. «Leges», 806 de.

[2] Пельман—История ант. соц. и ком. Изд. Брокгауза, 1912, стр. 232.

[3] W. Oncken—Die Staatslehre... 1870, S. 204.

[4] Pfleiderer—Sokrates und Plato, S. 571.

Платон воскрешал старую аграрную общину VI в., когда роль раба была преимущественно только ролью главного технического инструмента в сельском хозяйстве, а роль гражданина сводилась в основном к управлению этим хозяйством и к участию в политической жизни своего государства. При этом нужно еще отметить, что не случайно Платон, говоря о рабах, обозначает их термином δοῦλοι,, указывая таким образом на рабов, занятых в земледелии, которых иначе греки еще обозначали ἀνδράποδα в противоположность οἰκῆται, рабам, занятым в качестве домашней прислуги. Что иначе себе Платон не представлял назначения раба, как технического средства производства в хозяйстве гражданина, служит доказательством то место в «Законах» где эти работы сравниваются с фессалийскими пенестами (τὸ Θετταλῶν πενεστικὸν ἔθνος, 776 d) или даже характеризуются знаменитыми словами из «Одиссеи», Гомера, начинающимися: «тягостный жребий печального рабства избрав человеку» и т. д. Место раба и господина в земельном наделе каждого гражданина, как и их взаимоотношения, данные Платоном в сложной системе норм, раскрывают нам картину до и после солоновых времен и комплекс взглядов и понятий, свойственных землевладельческой аристократии того периода. Рабство в «государстве магнетов» дополняло весьма существенным признаком идеал, который так приятно мерещился олигарху и землевладельцу, выступавшему в 411 г. с проектами реакционной конституции. Связь между Платоном и идеями этих конституций 411 г. безусловна, и в особенности, по мнению некоторых ученых (Бизингер), с так наз. Драконтидовской конституцией, которая фигурировала, как известно из Аристотеля, в 411 г. и к которой мы еще вернемся.

Сейчас нам нужно обратиться к вопросу о том, является ли земля—наделы—общей государственной собственностью, в противоположность тому, как она представлена в «Политии», или же, наоборот, она является частной собственностью гражданина, и, значит, Платон не отступил от плана своей «Политии». Решение этого вопроса должно пролить свет на то, в какой мере Платон примиряется с действительностью или, наоборот, отходит от нее в глубь патриархального строя старой аграрной общины.

Этот вопрос остается спорным. В основном же здесь имеются две точки зрения. Господствующей точкой зрения на этот вопрос является взгляд Пельмана, что в «государстве магнетов» земельные наделы граждан являются общей собственностью всего государства. Частной собственности на землю не существует. Пельман указывает, что распределяемая по жребию для 5040 граждан земля в сущности отдается им только для пользования ею, и как бы временно, поэтому-то запрещается продажа и покупка земли в «государстве магнетов»[1]. Пельман ссылается только на общеизвестное место из V книги «Законов», где указывается, что получаемые гражданами наделы считаются собственностью государства, в силу чего запрещается и отчуждение земли в форме ли покупки или продажи ее[2]. Это положение Платона как будто совершенно недвусмысленно разрешает вопрос о собственности на земельные наделы, тем более, что аналогичная мысль еще раз высказывается в другом месте. Платон эту общность наделов подчеркивает в XI книге, когда он переходит к во-

[1] Пельман, цит. соч., стр. 232.

[2] ... νεμέσθων δ'οὖν τοιᾷδε διανοίᾳ πως, ὡς ἄρα δεῖ τὸν λαχόντα τὴν λῆξιν ταύτην νομίζειν μὲν κοινὴν αὐτὴν τῆς πόλεως συμπάσης, πατρίδος δὲ οὔσης τῆς χώρας θεραπεύειν αὐτὴν δεῖ

просу о праве завещания[1]. Основываясь на этих положениях, и Salin утверждает, что в государстве Магнезия участки переходят во временное пользование отдельных граждан, в то время как собственность на нее принадлежит только государству («Der Besitz gehet an den einzelnen Bürger über, während die Polis das Eigentum behält»)[2].

Против данной точки зрения, притом с детальной аргументацией, выступил Бизингер, который в результате, главным образом, исторической критики, а не анализа и критики самого текста, приходит к совершенно обратному выводу и полагает, что раздаваемые путем жребия наделы используются гражданами на правах частной собственности, и они суть просто частная собственность граждан («Die Einzelfamilie ist das wirtschaftliche Subjekt, ihr Objekt ist die Familie als Privateigentum gehörige Hufe»)[3]. Если Пельман в подтверждение своего взгляда ссылается на текст, то Бизингер, как мы увидим, идет, главным образом, путем чистой исторической критики.

Мы поэтому попытаемся изложить кратко обоснование точки зрения Бизингера, тем более, что в некоторых частях она заслуживает внимания и должна быть учтена при установлении нашей точки зрения на этот спорный вопрос.

Бизингер прежде всего утверждает, что если бы наделы были общей собственностью, то, несомненно, что в распределении урожая полей мы имели бы примерно такой же порядок, как в критских сисситиях, где все члены общины имели право на общий урожай. У Платона же урожаем распоряжается лишь владелец клера (надела)[4]. При всем этом, однако, остается еще неясным, по мнению Бизингера, вопрос о том, вводит ли Платон сисситии для граждан или нет, так как неизвестно, к чему относится употребляющийся в VIII книге термин παρεσκευασμένοι[5]. Вопрос об общности питания, по мнению Бизингера, надо оставить еще под сомнением.

Вместе с тем, говорит Бизингер, совершенно очевидно, что каждый гражданин, содержа и владея наделом, имеет на нем дом, дворовые постройки и все движимое имущество на земле. Владение же домом и оседлое в нем проживание подчеркивают органическую связь владельца с землей, связь, которую нельзя иначе себе представить, как владение ею на правах частной собственности. Не находя опоры для своего вывода в тексте «Законов», Бизингер[6] ссылается на Аристотеля, который в «Политике» говорит, что дом, владение им, предполагает собственность на землю (ἡ κτῆσις μέρος τῆς οἰκίας ἐστίν)[7].

Наконец, в виде последнего аргумента Бизингер выставляет то, что если бы в «государстве магнетов» земельные участки были собственностью общественной, то клер вымирающей семьи возвращался бы назад

μειζόνως ἢ μητέρα παῖδας. «Leges», 740 a; см. подтверждение этого в 922, 933 d, особенно 741b. ... ὃ τὸ πρῶτον ἐνείμασθε μέτριον, μὴ ἀτιμάσητε τῷ τε ὠνεῖσθαι καὶ τῷ πολεῖν πρὸς ἀλλήλους.

[1] Ἔγωγ' οὖν νομοθέτης ὢν οὐθ'ὑμᾶς ὑμῶν αὐτῶν εἶναι τίθημι οὔτε τὴν οὐσίαν ταύτην, σύμπαντος δὲ τοῦ γένους ὑμῶν τοῦ τε ἔμπροσθεν καὶ τοῦ ἔπειτα ἐσομένου, καὶ ἔτι μᾶλλον τῆς πόλεως εἶναι τό τε γένος πᾶν καὶ τὴν οὐσίαν; «Leges», 923a.

[2] Ed. Salin—Platon und die Gr. Utopie, S. 145.

[3] Bisinger, Agrarstaat, S. 59.

[4] Ibid., S. 60.

[5] «Leges», 842. См. об этом у Bisinger'a.

[6] «Argarstaat», S. 61.

[7] Arist.—Polit., I, 2, 4, 125.

государству, что, например, мы и имеем в Гортинском праве[1]. Однако этого у Платона мы не видим. Земля передается у Платона дальним родственникам или же, если таковых не оказывается, то усыновленному гражданину, который призван продолжать данный, прервавшийся род. Что же касается неотчуждаемости и неделимости наделов, которая якобы обоснована государственными и, главным образом, религиозными соображениями, то это обстоятельство, по мнению Бизингера, как раз должно говорить за то, что эти наделы выступают перед нами, как наделы частных собственников. Дело в том, говорит Бизингер, что земледелие на собственной земле стало возможным только тогда, когда эта собственность находила своего творца и гаранта в такой силе, которая бы через свое проявление обеспечивала осуществление ее (собственности). Этой силой у Платона является религия и государство, их проявлением—законодательство, их результатом—частная собственность на земельные участки. Таким образом, через акт раздачи по жребию государство творит у Платона частную собственность[2]. Что же касается того, что у Платона религия обосновывает право собственности богов на землю, то Бизингер здесь, цитируя Поля Гиро, соглашается со следующим его положением: «Люди так мало терпят от права собственности богов, что они в них, наоборот, находят гарантии для своих собственных прав»[3].

Таковы две точки зрения на интересующий нас вопрос—о правах собственности граждан на земельные участки. Эти точки зрения нас не удовлетворяют по той причине, что они не дают собственно генезиса платоновых взглядов,—представлять ли их в пельмановском виде или же в форме бизингеровской точки зрения. В том и другом случае кажется совершенно неясным, каковы же были собственно платоновы взгляды в действительности; непонятно—на какой исторической основе строил Платон свои взгляды и в какой мере он думал согласовать их с действительностью.

Ведь пельмановская трактовка вопроса хотя и опирается на текст, но она слишком обща, чтобы не сказать—беспредметна. Его теория полного коммунизма в «государстве магнетов» ставит нам большой вопрос: а что же собственно за «коммунизм» конкретно выступает у Платона? Из каких конкретно-исторических корней он произрастает? Ни генезиса, ни конкретно-исторической характеристики того, как в условиях «государства магнетов» осуществляется этот «коммунизм», у Пельмана не дано.

То ли это пугающий Пельмана, хотя и в высшей степени сомнительный «коммунизм» социал-демократии, или же это первобытный коммунизм греческих народов, который, ведь, вообще-то, как таковой, решительно отвергается Пельманом.

Этот мнимый «коммунизм» Платона может рассматриваться, как плод фантазии и интерпретаторской способности самого Пельмана.

Более удовлетворяющей нас является точка зрения Бизингера, в деталях правильно намечающая действительные отношения собственности у Платона и, главное, пытающаяся хоть кое-как связать взгляды Платона на земельную собственность с исторической действительностью, чем дает возможность наметить генетическую нить платоновых построений, своими

---

[1] «Agrarstaat», S. 64.
[2] Ibid., S. 61.
[3] «Les hommes soufraient si peu du droit de propriété des dieux, que'ils y trouvaient au contraire une garantie de plus pour le leur». Цит. по Bisinger'y.

корнями уходящих в отношения древней Эллады. Но при всем этом основной, генеральный вывод Бизингера нельзя признать правильным, так как для него нет опоры в тексте источника. Процитированные выше положения из текста «Законов» говорят нам недвусмысленно, что земельные наделы все-таки формально рассматриваются, как собственность государства.

В итоге у нас как будто получается, что Платон устанавливает государственную собственность на землю с ее неделимостью и неотчуждаемостью и, с другой стороны, каждый земельный участок в отдельности используется, как частная собственность, право распоряжения которой ограничено только запрещением покупки и продажи ее. Таково противоречивое состояние проблемы.

Перед нами встает поэтому вопрос, как же конкретно мыслилось Платоном это право земельной собственности? Этот вопрос можно исследовать до конца только в том случае, если мы подойдем к нему в направлении изучения тех путей, которыми шел Платон, прежде чем дать свое утопическое разрешение вопроса.

К этой задаче мы не можем подойти иначе, как с точки зрения своеобразия греческой экономики во времена Платона. Рост торгово-денежных отношений и разлагающее влияние этих отношений на старинные аграрные условия быта приводили в основном к тому, что размывался основной земледельческий класс—крестьянство, эта прочная опора предсолоновых и солоновых времен. Солоновы реформы пытались, но не могли предотвратить дальнейший рост торгово-ростовщического капитала, который поляризовал общество в платонову эпоху на два противоположных по своим интересам класса—малоземельного и обезземеленного демоса и класса торговой аристократии, связанной с землей. В такой обстановке политическая борьба двух классов достигала своего апогея. Но не этим была характерна классовая борьба в эпоху платоновой Греции. Переживавшийся платоновой Грецией и позднее кризис характеризовался, главным образом, тем, что ни один из двух не на жизнь, а на смерть боровшихся классов не способен был победить и стать на продолжительное время руководителем и организатором социально-политической жизни общества. Отсюда нам понятны печальные финалы революционных восстаний на Коркире, Самосе, в Сиракузах, в Спарте и других городах древней Греции. На сцену, с другой стороны, не показывался и новый класс, который бы выступил провозвестником нового общества, а это и определило собою в дальнейшем затяжной и мучительный процесс поисков выхода из кризиса. Только отсюда нам может быть понятно, почему все те идеалы и проекты общественного порядка, которые строились в период этого напряженного кризиса, исходили от старых классов и строились на политических симпатиях именно к старому землевладельческому классу. Отсутствие нового дееспособного и жизнеспособного класса естественно направляло взоры реакционно настроенных идеологов не вперед, а назад, к «золотому веку Кроноса» с его воспетым в эпосе отсутствием острой политической борьбы. Теория обрабатывающего землю единого класса при строе *старой родовой общины* давалась самой жизнью.

У Платона дана та же теория, только более разработанная в деталях. В разработке земельных отношений Платон целиком почти реставрирует старый аграрный порядок сельской общины.

Какие конкретно аграрные отношения пытался Платон восстановить

в «Законах»? По существу он пытался восстановить те отношения собственности на землю, остатки которых были еще живы в Спарте и на Крите. Симпатии Платона не случайны к этим греческим государствам. Какие же порядке господствовали в этих государствах?

Прежде всего там было устойчиво еще и живуче общинное землевладение. И такой аграрный порядок, например, в Спарте, установленный в законах Ликурга, долгое время поддерживался и сохранялся. А в основном он заключался в том, что государство имело верховное право на землю, право на периодический передел земли, причем каждая фамилия или большая семья, обрабатывающая земельный надел, хотя и пользуется им на основе как бы частной собственности, однако продукция распределяется на общинных началах и потребляется в сисситиях. Такая картина не могла не быть идеализированной Платоном, тем более, что такие законы одинаково ограничивали не только свободное распоряжение землей, но и ненавистные Платону торговые отношения, для которых в законах Ликурга, как это мы знаем из плутарховой биографии, были установлены жесткие нормы, вплоть до изгнания ремесленников и торговцев предметами роскоши, как агентов торгового капитала[1].

Однако взоры Платона устремлялись и на Крит. Из текста «Законов» видно, что Платон был знаком с Гортинским правом[2].

По Гортинскому праву собственником земли был род, и, чтобы обеспечить неотчуждаемость и неделимость недвижимого имущества, была установлена сложная система наследования, которая ставила своей задачей сохранение земли за родом. При таком порядке естественно затруднено было стягивание богатства в одних руках или в руках немногих, а также и обезземеление массы. Согласно Гортинскому праву, как это подчеркивает Бизингер, клер вымиравшей семьи возвращался назад государству[3]. Таким образом, и здесь наряду с частным пользованием землей налицо было верховное право на нее со стороны государства. Было бы неправильно сказать, что такой аграрный порядок, в котором сочетались верховное право государства и право частного пользования землей, был характерен только для Спарты и Крита. Можно сказать определенно, что он был этапом в развитии аграрного строя всех древнегреческих городов. Так, по сообщению Диодора, такой общинный строй был свойственен городам на Липарских островах[4]; по сообщению Аристотеля, неотчуждаемость и нераздельность недвижимого имущества также строго проводились у елевсинцев, в Левкадии и в Локрах—правда, у последних в случае крайней нужды разрешалось продавать землю [5]. Солоново законодательство в Афинах также по существу стремилось установить, хотя и в более искусственной и неудачной форме, такое же соотношение между верховной властью общины и личным пользователем участка. Будучи направлена против торгового капитала, эта реформа быстро аннулировалась именно потому, что торговый капитал слишком глубоко вторгся в социальные отношения Афин и победил попытки сопротивления ему.

То же самое мы наблюдаем и в аграрном плане Платона. Чего хотел Платон, подчеркивая государственную собственность на землю, с одной

---

[1] Плутарх—Ликург.
[2] «Leges», 708 a.
[3] «Argarstaat», S. 64.
[4] Diodor—Hist. Bibl., V, 9.
[5] Arist.—Polit., II, 44, 1266; VII, 2, 5, 1319;

стороны, и частное пользование наделом—с другой? Нам думается, что Платон не столько выступал здесь против частной собственности, как таковой, сколько против безграничного пользования ею, которое на глазах Платона приводило к резкой диференциации земледельцев. Поэтому он предлагает вовсе не «коммунизм», что хочет у него найти Пельман, а такое право частной собственности, которое бы ограничивалось как жестким числом ее объектов, так и неотчуждаемостью и неделимостью ее. Формально это удается сделать путем провозглашения земли собственностью государства и богов.

Движимый желанием предотвратить возможное расслоение граждан, обезземеление одних и концентрацию наделов в руках других, Платон предлагает свой план искусственного воскрешения старой общины. Как бы механически, т. е. только жестким числом наделов земли и формальной неотчуждаемостью последней, Платон ограничивал право собственности на землю.

Государство и боги выступают у Платона скорее, как некий авторитет, который только гарантирует индивидуальное распоряжение земельным наделом, т. е. именно право собственности гражданина на полученный им надел. Это можно выразить словами Гиро, что «государство, несомненно, имеет некоторые права на нее (т. е. земельную собственность), но эти права легко согласовывались с индивидуальной собственностью»[1].

И действительно, наделы и постройки на них выступают у Платона, как частная имущественная собственность гражданина; земельный надел передается в наследство без вмешательства в это со стороны государства, или, вернее, вмешательство государства ставит своей задачей именно сохранение надела внутри фамилии собственника. Даже в том случае, когда семья собственника вымирает или остается бездетной, на сцену выступает род по принципу ἀγχιστεία, или адоптации. Семья и род гражданина имеют больше прав на землю, чем государство, за которым декларировано верховное право. Спрашивается в таком случае, можно ли все-таки намеченные в «государстве магнетов» 5040 земельных участков рассматривать только как частную собственность их граждан? На это мы все же ответим отрицанием, так как ведь право частной собственности есть всегда право безусловно свободного ею распоряжения, или, по образному выражению В. Зомбарта, «собственность не терпит никаких обязательств»[2]; такого безграничного обращения частной собственности, т. е. в капиталистическом смысле, у Платона, конечно, не дается.

У Платона, напротив, мы видим, что собственность все-таки связана в своем обращении. Она обращается только внутри рода и притом отнюдь не в форме купли или продажи. По существу мы здесь имеем механическое воссоздание, или реставрацию, того аграрного порядка, остатки которого еще можно было наблюдать в Спарте и на Крите. Это *фамильно-родовая собственность* на наделы, путем возврата к которой Платон пытался найти компромисс с действительностью. Несомненно, что у Платона эта фамильно-родовая собственность выступает в иной и своеобразной форме.

Чтобы обосновать возврат к общинному землевладению общества, которое уже не могло находить себе место на тогдашнем этапе эко-

[1] P. Guiraud—La propriété foncière en Grèce. Paris, 1893, p. 3.
[2] W. Sombart—Geschichte d. Wirt. Entw., 1925.

номического развития древней Греции,—для Платона потребовалась некоторая спекулятивная идея, которая и была им потом развита в целую религиозную систему. Из истории утопического социализма мы знаем не один пример того, как возврат к отжившим общественным формам мотивируется религиозными идеями. Да почти каждая утопия надевала на себя венок теодицеи, иногда спрятанной просто в метафизическую систему какой-нибудь философемы. Так и у Платона священная собственность государства и богов должна была играть роль «достаточного основания» для возврата к общинному строю в рамках конструированного им утопического плана «государства магнетов». В этом стремлении не вперед, а к возврату назад—вся суть реакционности платоновой утопии.

В результате анализа хозяйственной организации «второго по совершенству» платонова проекта мы старались показать, что это конструируемое новое государство на материале, главным образом, афинской действительности есть старый и типичный идеал афинской аристократии. В противоположность рационализму «Политии» Платон в «Законах» с большим чутьем реальности подошел к пониманию кризиса своего времени, заостренного на аграрно-крестьянской проблеме IV в. И при таком подходе тем резче и отчетливее должны были сказаться как аристократические взгляды Платона, так и реакционность его аграрного плана в целом.

В решении аграрно-крестьянской проблемы, как нам удалось показать, Платон не вышел из круга свойственных его классу представлений и идей о греческом полисе и о πάτριος πολιτεία, как идеализированной политической его форме. Полис с земледельческим занятием по преимуществу и со средним зажиточным крестьянским классом с тем бо́льшим упорством выступал на поверхность реакционной общественной мысли, как идеал, чем осязательнее становилось понижение роли земледелия в хозяйстве страны и чем заметнее становилось постепенное исчезновение среднего крестьянского класса из сферы политической жизни. Платон не мог пройти мимо этого факта, тем более, что именно в Афинах этот процесс получил наиболее острое выражение.

Над земледелием вырастал определенно теперь уже превалировавший в хозяйстве торговый капитал с его рабовладельческими мастерскими и денежным ростовщичеством. В политике же над средним крестьянством, или как в Афинах называлось—μέσοι πολῖται, вырастала торговая аристократия. Базируясь лишь на посреднической роли торговых городов, существуя на монопольном преимуществе их торговых и денежных операций на внешнем рынке, торговый капитал производил только разрушительную работу, подрывая основы старинного общинного быта эллинов, аграрные основы их древних общин. Апогей такого развития торгового капитала в древности был одновременно и моментом наивысшего разложения сельского хозяйства и падения политической роли среднего класса.

При таком социальном положении в Греции симпатии ораторов и публицистов, пытавшихся найти выход из кризиса, не направлялись ни в сторону демоса, от которого аристократу нечего было ждать, ни в сторону торговой аристократии, в которой жажда наживы и стяжания «мешала все сословия». Отсюда—идеализация строя далекого прошлого, в котором ныне обнаружившиеся болезни общества не находили еще себе места.

Практически это мыслилось в форме возврата к аграрному строю в экономике и к среднему зажиточному классу крестьянства в политике. Идеи Еврипида о некоем среднем между тиранией и демократией в госу-

дарстве с опорой последнего на третье сословие, или класс средних граждан, идеи Исократа, Ксенофонта и Аристотеля о земледелии и μέσοι πολῖται пытаются именно путем возврата к прошлому разрешить современный кризис.

У Платона же это было выражено более полно и последовательно. Если Еврипид, Исократ, Ксенофонт, Аристотель и др. дают лишь некоторые мысли, отдельные фрагментарные зарисовки, то в «Законах» Платона мы имели разработанный в деталях план, дающий нам нечто цельное и законченное. Для Платона не представляет сомнения разлагающая роль торгового капитала. Еще в «Политии» он формулирует отрицательное отношение к нему, подчеркивая, что он раздваивает каждый город на два враждебных класса, вооружая жалами ненависти одних и безграничным стяжательством других[1]. В «Законах» он не отступает от такой оценки торгового капитала. И это лучше всего выражено в его отношении к торговле, ремеслу, денежным отношениям и т. д. Критика торгово-капиталистических элементов в хозяйстве служит в плане «Законов» как бы прологом для положительной части, в которой он пытается разрешить проблему, дать ответ на волнующий общество вопрос, где же конкретный выход.

Если только распределить землю равномерно, чтобы не допустить преимущества одних над другими, то при таком занятии исчезает, по мысли Платона, и взаимная борьба классов. В плане же «государства магнетов» такое распределение достигается не только путем равномерного наделения всех землей, но и путем сохранения числа 5040 наделов, не допуская также ни уменьшения, ни увеличения их, каждого в отдельности. Неотчуждаемость и неделимость таких наделов и безусловное запрещение продажи или покупки их должны служить как бы законами, гарантирующими статический, неподвижно-спокойный социальный порядок Магнезии. Как правильно замечает Salin, механической скрепой этого нового государства является именно с т а т и к а, и всякая динамическая область для него означала бы распад этого государства[2].

Проводя строго аграрный порядок в экономике государства, Платон и к политике допускал только владельцев земельных наделов. Только владелец размеренного клера мог выступать в политической жизни, как гражданин. Этот класс земледельцев с равными наделами, средние по богатству граждане или воспетый публицистикой «класс средних граждан» у Платона изображается, как единственно прочная опора политического строя города и защиты его от внешних врагов. Мы, таким образом, видим, что наряду с аграрным строем в хозяйстве и идея среднего класса в политике, идея, столь популярная в тогдашней публицистике, нашла свое воплощение в «государстве магнетов».

Что же касается других классов,—ремесленников и торговцев, то они совершенно не допускались к политической жизни. Возможность проявления торгового капитала предупреждалась не только уничтожением свободной купли-продажи земли и установлением земледелия, как основного занятия граждан, ограниченных цензовыми рамками четырех классов, но и исключением торговли и ремесла из хозяйственной жизни нового города и допущением их лишь в мере, в какой они могли обслуживать земледельческое хозяйство.

---

[1] P l a t.—Politeia, 416, 464, 535.
[2] Ed. S a l i n, цит. соч., стр. 153.

Таким образом, реакционная суть утопического плана Магнезии, так, как он дан в «Законах» Платона, представляет собою попытку примирить идеал «Политии» с исторической действительностью. Как аристократ, Платон в этом шел путями реакционера: не вперед, а назад. Если в «Политии» автор философской утопии отвлекался от исторической действительности и, следовательно, поднимался над узкими интересами своего класса, то в «Законах», приблизившись к этой действительности, он сразу обнажил свои реакционные классовые устремления.

Строй спартанской родовой общины, старые аграрные порядки «Гортинской правды» на Крите, в общем то, что для классической Греции было уже пройденным этапом,—все это манит к себе Платона.

Таким образом, основной идеей аграрного плана утопической Магнезии является дать набросок не нового общества, а план сохранения старого греческого общества, уже распадавшегося на глазах самого Платона после ударов того социального кризиса, который наступил с особой силой после Пелопоннесской войны.

Не приходится говорить, что такой план сохранения гибнущего общества есть реакционная утопия, какой бы силой философской и исторической аргументации она ни мотивировалась.

В заключение остается сказать, что платоновы реакционные построения нередко становились знаменем реакционной политики в различные исторические эпохи.

В частности, не случайно, что в настоящее время фашистская социальная демагогия в Германии так часто обращается к Платону, к архиву прошлого, прибегает в своей аргументации к отрепью старых идей и теорий.

РАЗЛОЖЕНИЕ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ И НАЧАЛО КОЛОНАТА В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Проф. В. С. Сергеев

1. Пекулий и вольноотпущенничество

Рабовладельческая система, составлявшая основу римской экономики классического периода, уже с конца республики начинала обнаруживать симптомы распада.

Рабовладельческий способ производства оправдывает себя только до определенного социально-экономического и технического уровня. По мере роста производительных сил, расширения производства и меновых отношений, разделения труда, усовершенствования методов работы и технического прогресса, рабовладельческое хозяйство в чистом виде становилось нерентабельным и разлагалось в силу внутренних причин. Обострение классовых противоречий вызвало уже в период республики восстания рабов, колебавшие основы рабовладельческого строя, частые побеги, заговоры и покушения рабов на своих хозяев и т. п.

«Сколько рабов—столько врагов»[1]—такова формула классовых отношений между рабовладельцами и рабами. Конкретной иллюстрацией этой общей формулы служит надгробная надпись негоциатора Элия Аспрена, в которой умерший выражает свою радость по поводу смерти, освободившей, наконец, его от рабства его рабов (Aelius Asprenas Commodi Caes. negot... mortem alacrius admisit, quod ab servorum suorum servitute tandem liber evaderet...)[2].

Одним из симптомов разложения рабовладельческого строя было развитие пекулия. Рабовладельцу он давал возможность в широком масштабе заниматься торговлей, расширять производство, улучшать методы работы и извлекать больше выгоды из обработки земли. Рабу же пекулий обеспечивал минимум юридический свободы, позволял делать накопления, иметь собственных рабов, а в перспективе открывал надежду на вступление в состав гражданства (Dig., XXIX, 1).

В составе пекулия могли находиться всякие вещи, движимое и недвижимое имущество, в пекулий могли входить также и рабы (Dig., VII, 4; XV, 1, 29).

Из высказываний юристов по этому предмету видно, что одним из наиболее распространенных видов пекулия служили земля, скот и инвентарь, которыми господин снабжал своего раба, предоставляя ему под собственную ответственность совершать юридические акты. Кроме того, при импе-

[1] Sen.—Epist., 47,5.
[2] Fabretti—Inscr. ant., X, 238.

рии особенно часто практиковалась отдача рабам в пекулий денег (sors) с предоставлением им права под юридической ответственностью господина заниматься торговлей, вести денежные дела, открывать мастерские и т. д. (Dig., XV, 1). Ответственность за заключенные им сделки и договоры в силу особого иска о пекулии (actio de in rem verso) нес его патрон-доверитель, т. е. рабовладелец; отчуждение или передача пекулиев запрещались законом. «Ни раб, ни колон не может отчуждать свой пекулий».

По букве закона господин отвечает за все сделки держателя пекулия, даже в том случае, если таковые заключены без его ведома (G a i—Instit., IV, VII, 4).

На практике права держателя пекулия были значительно шире, чем это может показаться на первый взгляд. Уже в силу самого факта пекулия, отрывавшего раба от рабовладельца, раб становился в известном смысле свободным, имел собственную инициативу, действуя в качестве доверенного лица своего хозяина—управляющего имением, содержателя мастерской, торгового приказчика, шкипера (magister navis) и т. д. Существенно важно было то, что ответственность господина признавалась только в размере пекулия, в остальном же раб и кредитор, заключавший с ним сделку, предоставлялись самим себе. На практике формальное бесправие раба обходили при помощи фиктивных формул с прибавлением слов si liber esset (если бы он был свободным) или специальных исков о пекулиях с перестановкой субъектов[1].

Таким путем для раба открывалась возможность делать известные сбережения, экономически освобождаться от зависимости от своего господина и тем самым как бы переходить в разряд свободных. На повышение социально-экономического положения рабов, имевших пекулий, указывают встречающиеся в Дигестах характерные выражения вроде того, что раб может иметь собственное имущество (proprium patrimonium), делать накопления и т. п. Самый пекулий определяется как «как бы собственность свободного человека», «quasi patrimonium liberi hominis» (Dig., XV, 1, 47, 6).

Развитие различных видов пекулиев с естественной необходимостью приводило к образованию новых имущественных категорий и освобождению из-под власти отца и господина сыновей и рабов. Таким путем разлагались главные устои древнего Рима—патриархальная семья и рабовладение.

С экономической точки зрения, практика пекулиев предоставляла существенные выгоды, делая хозяйство более гибким и многообразным, соответственно потребностям развитого обмена и денежного обращения. Раб освобождался от казарменного режима и, отрываясь от своего господина, превращался в крепостного, т. е. подымался на более высокую ступень социальной лестницы.

Вторым показателем разложения рабовладельческого строя, не отделимым от пекулия, было вольноотпущенничество, принявшее в первом столетии нашей эры чрезвычайно широкие размеры. По мнению авторитетных ученых, число вольноотпущенников в то время в больших городах доходило до 40, 50 и даже больше процентов всего населения[2].

Институт вольноотпущенничества вызывался экономическим расчетом и политическими соображениями, желанием, с одной стороны,

[1] Dig., XIV, 1, 5. В. М. Хвостов—История римского права, 1919, стр. 264.
[2] A. M. Duff—Freedmen in the early Roman empire, 1928.

максимально выгодно использовать энергию раба, освободиться от его содержания и организационных хлопот, а с другой—приобрести в лице отпущенного (либерта) нового клиента. Отношения между господином и рабом с момента отпуска его на волю не прекращались, но только изменяли свою форму. Рабовладелец, отпускавший раба, помимо денежной платы получал право в качестве патрона требовать от своего клиента различных услуг и работ, выражаемых римскими юрисконсультами формулой—личные услуги (operae officiales) и ремесленные работы (operae fabriles).

На личные услуги клиента мог претендовать только сам патрон, и они не могли быть отчуждаемы. Ремесленные же работы могли быть производимы также и в пользу третьих лиц (Dig., XXXVIII, 1,9).

Права патрона распространялись не только на те знания и мастерства, которыми клиент обладал, будучи рабом, но также на мастерства и знания, приобретенные им уже после отпуска.

Само собой разумеется, что при всех юридических конфликтах (казусах), возникавших между господином и вольноотпущенником, закон, как правило, всегда защищал права господина; в частности, это имело место в отношении передачи либертами своих имуществ по завещанию или каким-либо иным путем. «Некогда,—пишет Гай (Inst., III, 39)—было позволено либерту в завещании обходить патрона. Потом эта юридическая несправедливость была исправлена преторским эдиктом. Впоследствии права патронов были еще более увеличены».

Институт вольноотпущенничества продолжал развиваться в течение всей империи, а права и удельный вес либертов в римской экономике и обществе с каждым столетием возрастали. Большая часть отпускаемых рабов принадлежала к домашнему штату господина, торговым посредникам, ремесленникам и представителям интеллигентных профессий, и сравнительно редко отпускались рабы-чернорабочие, но все же и здесь наблюдалась общая тенденция к разложению рабовладения. Отпускаемые рабы, получавшие по завещанию или приобретавшие каким-либо иным путем средства, становились хозяевами мастерских, лавок, банкирских контор или же поступали на государственную и гражданскую службу. Кроме вышеотмеченных экономических расчетов, росту вольноотпущенничества благоприятствовала также и общеимперская политика. Больше всего вольноотпущенников и рабов имели сами императоры, использовавшие их как в своем личном хозяйстве и обиходе, так и на государственной службе.

Либертам предоставлялись, в особенности при Клавдии и Нероне, ответственные места в различных ведомствах управления, при дворе и в личном хозяйстве императора.

Ограничивая число отпускаемых рабов определенной нормой, императоры исходили из чисто политических соображений. В тех же случаях, где этой политической опасности не ощущалось, они не только не задерживали, но скорее поощряли отпуски рабов.

Многие фашистские и близкие к ним «историки» рост вольноотпущенничества при одновременном сокращении свободного населения считают основной причиной вырождения и разложения античной культуры. Такова, например, точка зрения историка Теннея Франка, проведенная в его работе «Расовое смешение в Римской империи»[1].

[1] T. Frank—Race mixture in the Roman empire, AHR, 1916, v. 21, p. 689.

В опровержение расовой точки зрения надо указать, что в поздней античности вольноотпущенники и колоны представляли наиболее устойчивую и здоровую часть населения. На их плечах держалось все здание Римской империи. В то время как высшие классы утрачивали интерес к общественной и семейной жизни и деградировали, среди вольноотпущенников наблюдались более высокая оценка труда и возрождение семьи. Об этом свидетельствуют многочисленные эпитафии, в которых многие вольноотпущенники, недавние рабы, в трогательных словах выражают свою супружескую верность и преданность, гордятся своей профессией кузнеца, сапожника, маляра, суконщика, ткача, бочара и т. п. В то время как древняя знать истребляла себя во взаимной борьбе и таяла вследствие пороков и излишеств, из недр рабовладельческого общества вырастали новые социальные силы, оттянувшие распад рабовладельческого Рима.

Однако презрение к производительному труду свободных препятствовало тому, чтобы свободный труд стал основной формой общественного производства. Лишь в теории стало намечаться иное отношение к труду. В римском классическом праве различные взгляды на труд нашли отражение в спорах по вопросу о спецификации материи и труда. Представители старого взгляда на труд, сабинианцы, не проводили различия между трудом и материей, из которой сделана вещь. При таком взгляде на труд личность мастера, творца данной вещи, растворялась в материале, мастер полностью принадлежал владельцу материала. Противоположного взгляда держались прокулеянцы, отражавшие новую экономику и новые производственные отношения. По мнению прокулеянцев, труд отделим от материи и тем самым, следовательно, личность мастера отделяется от работодателя, и он становится юридически самостоятельной личностью. Некоторые отождествляют материал (materia) и самую вещь (substantia), полагая, что вещь принадлежит тому, кому принадлежит материя. Такого взгляда держатся Сабин и Кассий. Другие же считают, что вещь (res) принадлежит тому, кто ее сделал. Это утверждают авторитеты другой школы (G a i—Inst., III, 39, 42).

Точка зрения прокулеянцев получала признание по мере вытеснения труда рабов трудом вольноотпущенников и свободных, число которых возрастало как в городском, так и в сельском хозяйстве.

Соответственно изменению взгляда на труд улучшалось также и правовое положение рабов, из «говорящих машин» превращавшихся в людей. В истории римского законодательства о рабах целую эпоху составляют закон Клавдия, освобождавший больных рабов (S u e t.—Claud., 25) и закон Петрония при Нероне, запрещавший без санкции магистрата посылать рабов на борьбу с дикими зверями (D i o C a s s., IX, 29).

Указом императора Адриана господину было запрещено убивать рабов по собственному произволу (SHA, Hadr., 18), при Антонине Пие убийство своего раба было приравнено к убийству чужого, и рабы получили право убежища (Dig., I, 6, 2).

В римском праве все чаще проводится взгляд, по которому свободное состояние является естественным, рабство же, хотя и признается всеобщим социальным институтом, считается противоречащим природе. «С точки зрения гражданского права,—рассуждает Ульпиан,—рабы—ничто (pro nullis habentur), но, с точки зрения естественного права (quod ad ius naturale attinet), все люди равны» (Dig., L, 17, 32).

Но все это были лишь теоретические идеи и морализирующие сентенции. Поскольку римское общество оставалось рабовладельческим, юриди-

ческое положение рабов не изменилось существенно, а эксплоатация рабов при империи в связи с расширением менового хозяйства и повышением уровня жизни не только не уменьшилась, но даже увеличилась. В первой книге «Институций» в титуле о персональных правах разделение общества на свободных и рабов принимается в качестве незыблемого, естественного социального института. «Основное деление прав личности покоится на том, что все люди суть свободные или рабы». Под свободой (libertas), откуда происходит и название свободные (liberi), понимается естественное право (naturalis facultas) делать все, что не ограничивается силой или правом.

Рабство же есть институт международного права, по которому один человек вопреки природе подчиняется воле другого человека. Само название рабы (servi) происходит от того, что полководцы продавали своих пленных, сохраняя им жизни (servant), вместо того, чтобы их убивать. Другое название—mancipia—происходит от того, что они захватывались рукой врагов (ab hostibus manu capiuntur)[1].

В состоянии рабов нет никакого различия (nulla differentia). Между свободными же существуют многие различия.

2. Сельское хозяйство в I—II вв.

Социально-экономические причины, приводившие к разложению рабовладения в городском хозяйстве, оказывали свое влияние также и на сельское хозяйство. При сложившейся в I—II вв. н. э. экономической конъюнктуре в Римской империи оправдывали себя только два вида сельскохозяйственных культур, одинаково плохо совместимые с рабским способом производства в чистом виде: 1) интенсивные садово-огородные плантации (виллы), производившие высокие сорта вин, овощей, фруктов и пр., и 2) экстенсивные барские поместья.

Устроенные по всем правилам тогдашней агрономии и агротехники, рабовладельческие виллы являлись идеалом агрономов ранней империи. Колумелла не советует разбивать больших плантаций, так как опыт показывает, что только виллы среднего размера, но со значительным вложением капитала, рационально поставленные и находящиеся под надзором самого владельца или его доверенного лица (вилика или прокуратора), приносят солидный доход.

Первой заботой хозяина организованной на рациональных основах виллы должна быть, по мнению Колумеллы, забота о рациональном использовании рабочей силы поместья; самое существенное—люди, будь то колоны или рабы, закованные или незакованные. Первое дело—надо хорошо обращаться как с теми, так и с другими. Палка не является единственным воспитательным и организационным средством, необходимы еще и другие, более тонкие средства поощрения (C o l u m., I, 7).

Такую же мысль проводит Плиний Младший, заявляя: «Нет ничего хуже, как поля, обработанные скованными рабами из эргастулов».

Разумные сами по себе советы агрономов-рационализаторов, однако, не совмещались с рабовладельческой системой хозяйства. Пожелания агрономов о рационализации плантаций и более рациональном использовании труда рабов упирались в социально-экономическую природу рабовладельческого хозяйства, не допускавшего ни очень больших размеров, ни большой интенсификациии труда, ни значительных вложений капитала.

[1] Inst. I, III; L. L a n g e—Römische Altertümer, I, 144.

По сравнению с республикой, сельскохозяйственная техника при империи обнаруживает известный прогресс как в отношении методов работы и использования рабочей силы, так и в отношении сельскохозяйственных орудий. Наибольший технический прогресс наблюдался в тех странах, где производилось наибольшее количество продуктов и где труд рабов имел ограниченное приложение. К числу таких стран принадлежали Галлия и Римская Африка. Для иллюстрации технического прогресса в сельском хозяйстве достаточно нескольких примеров. В агрономическом трактате Палладия «О сельском хозяйстве» (IV в.) описан жатвенный прибор, по своей конструкции напоминающий жатвенную машину. Прибор состоял из двухколесной тележки, на квадратной поверхности которой находились направленные во-вне доски. Верхняя часть их была более широкой, чем нижняя, и на передней части повозки они были поставлены ниже, чем на задней. Доски снабжались большим количеством мелких зубьев, загнутых наверху, срезавших попадавшие в них колосья. Сзади в повозку впрягался бык, который толкал ее по полю, обрезанные колосья падали в тележку, а солома оставалась на поле. Экономический эффект описанного прибора был очень велик. Благодаря механизации производственного процесса достигалась огромная экономия рабочей силы: в течение дня бык с одним своим вожатым мог сжать целую пашню (P a l l., De re rust., VII, 2).

Исходной точкой перемен в сельскохозяйственной технике служили перемены в главном орудии труда—плуге. У римских писателей в различных сочетаниях довольно часто упоминаются или описываются сельскохозяйственные орудия, в том числе и плуги.

Богатейший материал по вопросам сельского хозяйства, агротехники, о свойствах и качествах почвы, качествах, весе и цвете семян и о сельскохозяйственных орудиях имеется в «Естественной истории» Плиния, этом замечательном труде античного мира.

«Известны,—говорит Плиний,—многочисленные виды плугов. Резаком зовется кривой нож, которым режут очень плотную землю, прежде чем поднять ее, намечая этими надрезами линии будущих борозд, в которые при пахоте врежется загнутый лемех. Другой вид плуга—это обычный плуг, в виде рычага с клювом. Третий—для легких, у которого лемех надет не на всю подошву, а представляет только маленькое острие на конце. Он шире и острее у четвертого вида, заканчиваясь острием, как у меча, которое одновременно прорезывает землю своими острыми сторонами и корни трав. Недавно в Реции придумали к плугу прибавить пару колесиков. Лемех у него имеет форму лопат. С таким плугом сеют, только предварительно хорошо обработав землю, преимущественно новь. Широкий лемех переворачивает дерн. Сейчас же бросают семена и проходят по ним зубьями бороны» (P l.—NH, XVIII, 171—173).

Из другого источника известно, что в Галлии употреблялся плуг на колесах, глубже пропахивавший землю и вырывавший сорные травы, дававший большую экономию во времени и рабочей силы[1].

В провинции Африке применялась механизированная молотилка (tribula, plaustra punica), тоже род повозки, усеянной зубьями, которыми выбивали из хлебных колосьев зерна (S e r v.—Verg. Georg. 1, 160).

Описанные сельскохозяйственные орудия были известны и в других частях Римской империи, в том числе и в Италии, но они не получили все-

[1] T. M a g e r s t e d t—Bilder aus der römischen Landwirtschaft, V, 238.

общего распространения и не повлекли за собой промышленной революции. В условиях рабовладельческого строя механизации орудий производства, как и вообще техническому прогрессу, был поставлен определенный предел. Механизмы могли употребляться только в крупных хозяйствах с предпринимательским уклоном, работавших на большой рынок, хорошо организованных, с солидным вложением капитала и пр. Этих условий в Римской империи не существовало. Римский магнат освобождал себя от больших хлопот, предпочитая обрабатывать свои владения при помощи рабов или же сдавать их в аренду мелким арендаторам—колонам.

3. Рост латифундий и разорение мелких производителей

В общем масштабе сельского хозяйства Римской империи образцовые садово-огородные плантации занимали не много места. С утверждением принципата садово-огородные культуры расширяются в провинциях и, напротив, постепенно сокращаются в Италии. Место садово-огородных плантаций в Италии заступали экстенсивные луговые, лесные и зерновые хозяйства[1].

Общеэкономическая конъюнктура как в Италии, так и в провинциях в первые столетия нашей эры не была благоприятна для процветания среднего и мелкого землевладения. Вытеснение мелких и средних хозяйств крупными, начавшееся при республике, продолжалось также и при империи. Распыление среднего и мелкого землевладения вызывалось рядом экономических и неэкономических факторов: 1) острой конкуренцией между хозяйствами и малой доходностью сельского хозяйства; 2) ростом городов и политикой раздач и 3) широким развитием клиентелы.

В различной степени земельная концентрация имела место во всех странах Средиземноморского бассейна, но с наибольшей силой она развернулась в Италии, Сицилии, Африке и других провинциях с пастбищным и зерновым хозяйством.

Общая и специальная литература ранней империи, посвященная вопросам сельского хозяйства, полна сообщений и жалоб на катастрофическое разложение сельской демократии и поглощение средних и мелких хозяйств латифундиями.

Данные о росте крупных поместий и о вытеснении ими мелких во множестве рассыпаны в сочинениях Горация, Колумеллы, Плиния, Гигина, Ювенала, Апулея и др.

Поглощение мелких собственников крупными в I в. стало столь частым явлением, что даже сделалось предметом школьных риторических упражнений (декламаций). «Я не всегда был соседом богатого человека,—читаем мы, например, в одной из «Декламаций» псевдо-Квинтилиана (Declam., XIII). Вокруг меня жили по многочисленным дворам одинаково зажиточные собственники, поддерживавшие между собой дружеские отношения и хозяйничавшие на своих небольших участках. Но как изменилось все это теперь. Земля, прежде питавшая всех граждан, представляет собою теперь единую обширную плантацию, принадлежащую одному богатому владельцу. Его имение увеличилось со всех сторон. От поглощенных им крестьянских дворов ничего не осталось, отеческие святыни разрушены. Прежним владельцам пришлось с домашними богами, женами и детьми

[1] М. Сергеенко—Два типа сельских хозяйств в Италии I в. н. э. ИАН, 1935, № 6, июнь.

отправиться на чужбину. Все кругом на далекое расстояние обратилось в однообразную пустыню...

Владения богача со всех сторон окружают меня, как стена: здесь вилла богача, там его поля, здесь его виноградники, там его леса и пастбища. И я охотно переселился бы, но не могу найти такого места, где моим соседом не был бы какой-нибудь магнат.

Повсюду наталкиваешься на владения магнатов. Они не довольствуются расширением своих поместий, доводя их до размеров территорий, некогда принадлежавших целым племенам, границами которых служат реки и горы, но захватывают еще и отдаленные горные пустыни и леса. Эти захваты кончаются лишь там, где один магнат наталкивается на другого».

Земельная концентрация имела место также и в провинциях, хотя и не в одинаковой мере.

Классической страной магнатского землевладения считается римская провинция Африка, где магнатские поместья (сальтусы) занимали территории, на которых прежде жили целые племена. Составитель специального трактата в I в. н. э. «О земельных спорах» Фронтин выделяет Африку, как пример магнатского землевладения. «В Африке,—говорит он (De controv. agr., 53)—частные лица имеют поместья не меньших размеров, чем государственные территории, даже больше того—многие сальтусы далеко превосходят территории».

По словам Плиния Старшего, современника Фронтина, половина Африки принадлежала шести римским магнатам, павшим жертвами нероновского террора (NH, XVIII, 35).

Межевые камни показывают, что имения римских сенаторов в большом количестве имелись в Апулии, Калабрии, Бруттии, Кампании и пр. К той же самой эпохе Нерона относится знаменитая, хотя, конечно, и сильно риторическая сентенция Плиния: «Латифундии уже погубили Италию, а в недалеком будущем грозят погубить также и провинции».

Вытеснение мелких хозяйств крупными продолжалось и во II в., хотя и не с такой силой, как в I в. В виде примера можно сослаться на судьбу двух колоний римских ветеранов, некогда выведенных Суллой: Велейи на севере и Беневента на юге. Колонии ветеранов составляли последний резерв мелкого и среднего землевладения, противостоявший латифундиям. Из 100 земельных собственников, записанных в велейской таблице (земельном кадастре), земли 46 владельцев идут уже под вторую закладную. Из таблицы видно, что крупные из велейских поселенцев владеют поместьями, составленными из многих мелких участков, некогда бывших самостоятельными владениями. Упоминаемый в таблице Антоний Приск владеет, например, поместьем, сложившимся из 30 некогда самостоятельных владений, на что указывают прилагательные, присоединяемые к слову fundus (участок): fundus Vetutianus (участок Ветуция), fundus Acutius (участок Акуция), fundus Meccianus и т. д. Поместье Клавдия Прокула состоит из 10 усадеб, Меммия Приска из 37 поместий, оцененных в 1 180 600 сестерций; братья Луций и Гай Ваннии за свои земли, пущенные под вторую закладную, выручили 1 104 600 сестерций и т. д.

Наглядное представление о земельных изменениях велейской и беневентской колоний приблизительно за 100-летний период дает нижеприводимая таблица числа владений[1].

[1] А. Тюменев—История античных рабовладельческих обществ, 1935, стр. 227.

Размеры владений (в гектарах)	Велейя и Плацен-ция		Беневент	
	В конце республики	В начале II в. н. э	В конце республики	В начале II в. н. э.
До 5	58	6	57	17
6— 10	23	19	27	18
11— 15	7	4	8	9
16— 25	—	7	—	4
26— 50	1	3	—	—
51—100	—	9	—	2
Свыше 100	—	2	—	—
Всего . . .	89	50	92	50

Покидавшие свои бездоходные хозяйства земледельцы продавали или отпускали своих рабов, эмигрировали в провинции, вступали в армию или же уходили в большие города, опускаясь в ряды люмпен-пролетариата. «Посмотри, пожалуйста, эту массу людей, для которой тесны стены даже этого огромного города. Эта, не имеющая отечества, толпа собралась в Рим из муниципий, колоний и, наконец, со всего мира» (S e n.—ad Helv., 6, 2).

Говоря о росте латифундий в императорский период, не следует, однако, как это иногда случается, слишком упрощать и схематизировать действительную картину. Прежде всего надо иметь в виду характер источников. Большую часть сведений о росте латифундий и разорении мелких производителей мы получаем из сочинений философов, риторов, поэтов и сатириков, склонных к обобщениям и преувеличениям. При более внимательном чтении тех же самых писателей картина получается не столь схематичной и трагической. Можно с полным основанием утверждать, что ни в императорский, ни, тем более, в республиканский период никогда не было такого состояния, чтобы латифундии и сальтусы совершенно поглотили среднее и мелкое крестьянство. Средние и мелкие хозяйства существовали в течение всей римской истории, то сокращаясь, то снова возрождаясь. В поэзии, литературе и эпиграфике по разным поводам постоянно упоминаются средние и мелкие землевладельцы, хотя и не всегда возможно установить, идет ли речь о земельных собственниках или же об арендаторах. Между прочим, к разряду и средних и мелких землевладельцев принадлежали почти все известные нам поэты «золотого века»—Вергилий, Гораций, Тибулл, Марциал и др. Марциал, например, поставил себе цель—какими бы то ни было средствами приобрести деньги и землю, и к концу жизни он был уже довольно состоятельным человеком, имевшим поместье средних размеров. Обеспечивая приличное существование в столице, земля доставляла в то же самое время приятный отдых среди сельской тишины, которым также дорожили современники Марциала, утомленные шумом большого города.

Примером мелкого трудового землевладельца-крестьянина может служить Симул в «Похлебке» Вергилия. Богатство Симула невелико: у него имеется некоторый запас хлеба, овощей и рабыня Симбалла, «дочь знойной Африки, с курчавыми волосами и пухлыми губами», одновременно слуга и подруга Симула. Необходимые денежные средства Симул получает от продажи продуктов своего сада и огорода, которые он на собственных плечах носит на ближайший рынок (V e r g.—Moretum, 80).

4. Развитие мелкой аренды и колонатных отношений

В отдельных случаях магнатские поместья достигали, как показывает, например, описание галльских поместий, огромных размеров—до пяти и более тысяч югеров. Магнатские поместья в течение всей истории Рима оставались в значительной своей части натуральными самодовлеющими ойкосами, в которых большая часть производимых в них продуктов потреблялась в самом же поместье владельцем поместья и его многочисленной дворней. Как показывают произведенные французским историком-археологом Альбертом Гренье раскопки большого имения Шираган, на Верхней Гаронне, магнатские поместья представляли целое поселение со множеством самых разнообразных построек[1]. Наряду с роскошными постройками-дворцами—виллами в узком смысле—в поместьях имелись обширные службы с кладовыми, амбарами, погребами, птичниками, огромные парки, сады, огороды, цветники, леса, пастбища, рыбные пруды и реки.

Социальный состав людей, проживавших в магнатских поместьях, был весьма разнообразен. Наряду с рабами и либертами, в них проживали свободные съемщики (колоны), сливавшиеся с рабами и дворовыми слугами в единый «плебейский народ» (populus plebeiius). Число рабов и вольноотпущенников, проживавших в магнатских поместьях, было очень велико. Они, по выражению источников, составляли целую армию и, подобно настоящей армии, делились на сотни (centuriae) и десятки (decuriae), находившиеся под надзором поместных командиров-управляющих (actores vel procuratores), с подведомственным им служебным персоналом—конторщиками, счетоводами, надзирателями, сторожами и пр. Соответственно занимаемому в поместной иерархии месту, члены фамилии получали причитающийся им рацион (menstrua vel diaria cibaria).

В магнатских поместьях рабовладение достигло своей высшей точки и здесь же началось его разложение. Сначала рабовладение и неотделимые от него латифундии поглотили мелкие хозяйства и разорили мелких производителей, а потом, на известном этапе развития, эти последние, превратившись в съемщиков из части продукта, в свою очередь явились «предшественниками средневековых крепостных» и подготовили смену рабовладельческого общества феодальным.

«Основанное на рабском труде хозяйство латифундий перестало приносить доход, но в ту эпоху оно являлось единственно возможной формой крупного земледелия. Мелкое хозяйство снова сделалось единственно окупающей себя формой. Одна вилла за другой подвергались разбивке на мелкие парцеллы, которые передавались наследственным арендаторам, уплачивающим определенную сумму, или дольщикам (partiarii), которые были скорее управителями, чем арендаторами, получая за свой труд одну шестую, а то и всего лишь девятую часть ежегодного продукта»[2].

Прежде всего необходимо установить содержание самого термина колонат.

Под колоном (по-гречески γεωργός) первоначально понимали всякого свободного человека, который сам обрабатывает поле. В дальнейшем содержание термина расширяется и видоизменяется. Приблизительно с Катона Старшего (II в. до н. э.) колоном называют не только владельца участка—

---

[1] A. Grenier—Manuel d'archéologie, VI, 11, 1934, p. 889.

[2] Энгельс—Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., Партиздат, 1932, стр. 105.

крестьянина, но также и арендатора, съемщика общественной или частновладельческой земли. В юридических памятниках, главном нашем источнике по изучению аграрного строя империи, колон в большинстве случаев выступает, как средний и мелкий арендатор, работающий на государственной или частновладельческой земле за уплату определенного оброка (census), обычно выраженного в деньгах, иногда с прибавкой всякого рода натуральных подарков (accessiones, xenia). Арендный договор, как правило, заключался на 5 лет и юридически связывал обе стороны. Заарендованный участок колон обрабатывал собственноручно или с помощью рабов и наемной силы. Наряду с колонами-арендаторами сохраняется также и другая категория колонов-владельцев, земельных собственников, повидимому, игравшая далеко не последнюю роль в общественном строе ранней империи. В некоторых случаях термин колон-собственник идентифицируется с термином кондуктор (conductor). Обычное понимание под кондуктором обязательно крупного арендатора расходится с источниками.

Эксплоатация поместий путем сдачи земли свободным арендаторам за деньги или из части продукта широко практиковалась уже в последнее столетие республики. В «Гражданской войне» Цезаря (I, 34) упоминаются магнаты, снаряжающие из своих колонов целые флотилии.

При Юлии Цезаре и Августе, вследствие массового захвата рабов в галльской, иллирийской, испанской и германской войнах, рабовладельческое хозяйство в Италии на некоторое время оживляется, но затем еще больше обнаруживаются симптомы распада.

В I—II вв. н. э. колоны-арендаторы постоянно упоминаются как у писателей, так и в эпиграфических памятниках.

На основании памятников литературы и эпиграфики можно проследить, как колоны в магнатских и в особенности императорских поместьях постепенно вытесняли рабов и как эти последние в свою очередь перерождались в псевдо-колонов (quasi coloni). Много внимания колонам уделено, например, в трактате Колумеллы. Предпочитая рабов в силу постоянства их труда и лучшей выучки в виллах среднего размера, рационально поставленных, римский агроном советует в больших поместьях, наряду с рабами, применять также и свободных съемщиков—колонов. Замена рабов колонами особенно полезна в отдаленных частях поместий, потому что колоны не так небрежны к посевам, скоту и орудиям труда, как рабы.

Главная трудность при переходе на колонат заключалась в недостатке состоятельных, более или менее надежных съемщиков. Причина этого заключалась в прогрессирующем обеднении средних и мелких производителей.

Сказанное относится прежде всего к Италии, но отчасти приложимо также и к провинции: В общем и целом экономическая эволюция на всем пространстве Римской империи шла в одном и том же направлении. Недостатком рабочей силы объясняются то внимание и заботливость, с которыми агроном-рационализатор рекомендует относиться к колонам.

Недостаток рабочих рук и обеднение населения заставляли землевладельца сокращать денежную аренду и переходить на натуральную аренду из части продукта. Переход на натуральную аренду был единственным выходом из кризиса при тогдашнем положении.

Колонат из части продукта (colonatus partiarius), собственно, и послужил исходной точкой всего последующего развития аграрных отношений

в Римской империи. На основании источников, в частности по «Письмам» Плиния Младшего, можно проследить, как и почему денежная аренда заменялась натуральной арендой.

Из «Писем» Плиния мы узнаем, что в то время в Италии вследствие затяжного аграрного кризиса цены на землю сильно упали. В письме к своему другу Кальвизию Руфу Плиний пишет, что «в настоящее время цены на землю в Италии сильно упали». Имение, раньше стоившее 5 млн. сестерций, теперь продается за 3 млн., да и то с трудом находит покупателя. Причину этого печального факта Плиний усматривает во все углубляющемся разорении средних и мелких владельцев (rusticani coloni). Плиний стоит перед дилеммой: покупать или не покупать новую виллу. С одной стороны, покупка имения обещает ему ряд выгод, с другой стороны— Плиний боится риска. Особенно его смущает невозможность найти подходящих, экономически крепких арендаторов.

«Основной пункт моих колебаний,—пишет Плиний,—земля плодородная, жирная, обильная водой, состоит из полей, виноградников и лесов, которые должны дать хотя умеренный, но верный доход; но эта счастливая земля обрабатывается маломощными землевладельцами. Прежний владелец слишком часто продавал взятые в залог средства производства колонов и, таким путем погашая на время их долги, на будущее совершенно истощал свои силы, ибо за недостатком средств их задолженность вновь возрастала. По этой причине многих добросовестных съемщиков надо снабдить всем необходимым, ибо в нашей местности ни я, ни кто-либо другой не имеет рабов» (Ep., III, 19).

Плиний указывает, что с каждым годом возраставшая задолженность колонов дезорганизует их, вселяя в них пессимизм, отчаяние и небрежное отношение к хозяйству.

«Многие совсем перестали заботиться об уменьшении своих долгов, так как они отчаялись в возможности их выплатить. Они расхищают и расходуют урожаи, полагая, что для себя им беречь нечего. Этим все растущим порокам надо оказать решительное противодействие, надо найти против них средство».

Выход из создавшегося положения Плиний усматривает в отказе от денежной аренды и переходе на аренду из части продукта. «Единственный способ врачевания застарелой болезни заключается в одном—сдавать землю не за плату деньгами, а из части продукта» (IX, 37).

Одно из главных преимуществ парциарного колоната состояло в том, что он давал возможность использовать самые разнородные категории рабочей силы, помимо рабов и состоятельных колонов, а также и малоимущие слои свободного населения. Этим разрешались сразу две первостепенной важности социально-экономические проблемы—проблема рабочей силы для латифундий и проблема воссоздания мелкого производителя (колона). Воссоздание мелкого производителя должно было казаться особенно важным ввиду угрожающего роста латифундий и вымывания средних прослоек римского общества. Таковым представляется в основных чертах процесс образования колоната в Италии и провинциях.

Новейшие исследования показали, что при одинаковости генеральной линии каждая область Римской империи имела свои особенности, обусловленные целым рядом внутренних и внешних причин. Колонатные порядки в Африке, например, складывались иначе, чем в Египте, Греции и Италии, Галлии и Германии.

5. Императорские сальтусы

Колонат существовал и при республике, но господствующее место в римском хозяйстве и юридическое оформление он получил лишь при империи и раньше всего в поместьях (сальтусах) принцепса. Императорские домены (patrimonium) создавались по тем же самым экономическим и внеэкономическим причинам, как и поместья магнатов. Разница состояла в том, что в росте императорского землевладения политический фактор играл значительно бо́льшую роль, чем при создании частновладельческих доменов.

Политика римских императоров I—II вв. в хозяйственной сфере была направлена на расширение императорских доменов, создание обширного фонда императорских земель и введение норм, регулирующих отношения между непосредственными производителями в императорских поместьях и мастерских и императорской администрацией. Процесс поглощения императорскими поместьями частных поместий начался с первых годов принципата и продолжался до конца IV столетия, когда начался обратный процесс роста частных поместий за счет императорского фонда, но уже на другой (феодальной) основе.

Исследования Гиршфельда, Моммзена, Дресселя, Кейля, Пельгама доказали наличие императорских поместий в первые века нашей эры на пространстве всей империи. Патримоний увеличивался разными путями: путем наследования выморочных имуществ, завещаний друзей и клиентов, путем заимки новых земель, покупки и конфискации магнатских поместий, принявшей при последних императорах Клавдиевой династии, Клавдии и Нероне, массовый характер.

При Флавиях и Антонинах императорский патримоний получил уже законченную организацию, вобрав в себя остаток старинного ager publicus.

При современном состоянии материала организацию императорских земель лучше всего проследить на примере Африки, с аграрным строем которой мы более знакомы благодаря надписям и основанным на них специальным монографиям, в особенности монографии А. Шультена—«Die römischen Grundherrschaften». Императорские земли в Африке составляли особый земельный фонд, находившийся в ведении специального земельного управления Африки. Африканский земельный фонд делился на три больших округа—tractus или diocesis provinciae, примыкавших к трем главным городам африканской провинции—Карфагену (tractus Carthaginiensis), Гадрумету (tractus Hadrumetarius) и Гиппону (tractus Hipponensis). Округа делились на районы (regiones), в каждом из которых находились один или несколько сальтусов. Сальтус состоял из вилл, вокруг которых располагались поселки (vici), состоявшие из нескольких изб (casae). Во главе округа стоял императорский управляющий, или прокуратор (procurator tractus), с многочисленным подчиненным ему штатом слуг—архивариусами (tabularii), счетоводами (dispensatores), переписчиками (librarii), стенографистами (notarii), курьерами (cursores), врачами (medici), педагогами (paedagogi), землемерами (agrimensores) и другого персонала, перечисляемого в могильных надписях Римской Африки.

Аналогичным образом императорские поместья были организованы и в других частях Римского государства, в частности в малоазиатских провинциях.

6. Начало закрепощения колонов

Появление императорских сальтусов знаменовало переломный момент в социально-экономическом строе Римской империи—ослабление городского (муниципального) строя и начало поместного (феодального) строя. Особенностью императорских, а в известной мере и частновладельческих сальтусов было то, что они в юридическом отношении были совершенно независимы от соседних муниципиев. Они сами конструировались по типу муниципиев (municipii instar). С каждым столетием приобретавшие все большее значение экзимированные поместья-сальтусы разлагающим образом влияли на городской строй, узурпируя права города.

В конце II в. императорские и государственные земли слились в одно ведомство государственных или императорских земель (ratio), управляемых из одного центра. Сальтусы представляли самостоятельные социально-экономические тела, подобные муниципиям. Все отношения между людьми, проживавшими на территории данного сальтуса, регулировались, согласно уставу данного сальтуса (lex, consuetudo praedii), прокураторами данного сальтуса.

Подобно гражданам муниципия, проживавшие в сальтусах колоны и инквилины формально считались свободными и по окончании, обычно пятилетнего, срока аренды могли оставить поместье. Однако теория не всегда совпадала с практикой.

Зависимость колонов от владельцев поместий, в первую очередь, конечно, от главного помещика—императора, увеличивалась потому, что в большинстве случаев арендаторы не имели собственных орудий труда, инвентаря, рабочего скота, помещений для хранения зерна, вина и масла и пользовались господским инвентарем. Как видно из многочисленных разъяснений римских юрисконсультов, передача имений по завещаниям и сдача в аренду всегда происходила вместе с инвентарем поместья (instrumentum fundi, apparatus); при этом в состав инвентаря зачислялись самые разнообразные вещи, как-то: сельскохозяйственные орудия, прессы, бочки, ведра, кувшины, лопаты и перевозочные средства для вывоза продуктов на продажу, помещения для хранения продуктов, помещения для рабов, мастерские и пр.

Наряду с инвентарем поместья колоны нередко получали также и денежную ссуду.

Таков экономический корень закрепощения римских колонов.

Чем дольше колон оставался на заарендованном им участке, тем он больше прирастал к земле и, как «прилипший к земле» (adhaesus terrae), делался неотъемлемой частью поместья.

Долги и недоимки колонов, а вместе с ними, следовательно, и сами колоны с юридической стороны рассматривались, как составная часть поместного инвентаря, передаваемая другому владельцу вместе с поместьем. Типичная формула передачи поместья по завещанию, например, гласила: «Желаю, чтобы поместье такое-то было передано такому-то с полным оборудованием (ita ut est instructus), со всеми вещами, рабами и долгами колонов» (reliquis colonorum, Dig., XXX, 6, 27).

Процесс закрепощения свободных арендаторов можно проследить в юридических актах, арендных договорах, контрактах и поместных уставах.

По вопросу о происхождении колоната в специальной литературе не существует единого мнения. Различные исследователи подчеркивали

то одну, то другую сторону. По мнению одних (Фюстель де-Куланж, Гревс, Пельгам, Пиганиоль, Пайс) основой колоната служила мелкая свободная аренда, другие (Савиньи, Цумпт, Марквардт и Зэк) на передний план выдвигают варварские поселения на римской почве, третьи (Рудорф, Франк) главным источником колоната считают рабов, посаженных на землю и т. д.

Ни одна из названных теорий не может быть принята полностью, ибо каждая из них, выдвигая на передний план один какой-нибудь источник, игнорирует или, по меньшей мере, недооценивает другой.

Социально-экономическая природа колоната более сложна и многообразна, чем это представлялось старым историкам, юристам и экономистам. Колонат вырос не из одного, а из многих исторических корней, из них некоторые уходят далеко, еще в доримские порядки. Кроме того, при изучении колоната и колонатных отношений, как и при изучении рабства, необходимо еще иметь всегда в виду местные (региональные) особенности и доримские влияния.

Но из каких бы исторических корней ни возрастал колонат, он являлся новой производственной формой, приходившей на смену рабовладельческой формации.

В период кризиса рабовладельческого строя парциарный колонат был единственной производственной формой, которая могла задержать распад Римской империи со всеми ее культурными надстройками и подготовить почву для дальнейшего вызревания феодальных отношений. Взятый в целом, колонат по сравнению с рабством, тоже взятым в целом, является прогрессивной социально-экономической формой, открывавшей возможность перехода к более высокой—феодальной—организации. Этому не противоречит снижение социально-экономического и культурного уровня, имевшее место в последние века Рима в некоторых, по преимуществу центральных, рабовладельческих районах—в Италии, Греции и Сицилии.

Виновником деградации античной культуры был не колонат, а рабовладельческая система в целом. Для перехода на следующую ступень общественного развития необходима была коренная революция.

Как отмечалось выше, огромное преимущество колоната в условиях Римской империи состояло в том, что колонатная форма эксплоатации давала возможность использовать самые различные виды рабочей силы: свободных, рабов и варваров. Исторически колонат вполне оправдал возлагавшиеся на него надежды. На известное время кризис был ослаблен, посевная площадь расширена, опустевшие ряды армии пополнялись колонами, землевладельцы и государство приобрели рабочую силу, масса же людей нашла приложение своему труду. Культурный подъем Средиземноморья при Антонинах не может быть понят вне связи с колонатом.

Наконец, без допущения значительного увеличения числа средних и мелких землевладельцев, римлян и варваров, невозможно объяснить факт существования огромных армий, набиравшихся в III—V вв. не только в провинциях, но и в Италии.

«Перемена формы эксплоатации,—пишет В. И. Ленин,—превращала рабовладельческое государство в крепостническое. Это имело громадное значение. В рабовладельческом обществе—полное бесправие раба, он не признавался за человека; в крепостническом—привязанность крестьянина к земле. Основной признак крепостного права тот, что крестьянство (а тогда крестьяне представляли большинство, городское население

было крайне слабо развито) считалось прикрепленным к земле,—отсюда произошло и самое понятие—крепостное право. Крестьянин мог работать определенное число дней на себя на том участке, который давал ему помещик, другую часть дня крепостной крестьянин работал на барина. Сущность классового общества оставалась: общество держалось на классовой эксплоатации. Полноправными могли быть только помещики, крестьяне считались бесправными. Их положение на практике очень слабо отличалось от положения рабов в рабовладельческом государстве.

Но все же к их освобождению, к освобождению крестьян открывалась дорога более широкая, так как крепостной крестьянин не считался прямой собственностью помещика. Он мог проводить часть времени на своем участке, мог, так сказать, до известной степени принадлежать себе, и крепостное право при более широкой возможности развития обмена, торговых сношений все более и более разлагалось, и все более расширялся круг освобождения крестьянства»[1].

[1] Ленин—О государстве, Соч., т. XXIV, стр. 370—374.

ВЫСТУПЛЕНИЕ МАКСИМИНА И ПОЗИЦИЯ СЕНАТА

З. Мишина

Большинство буржуазных историков склонны рассматривать римские события III в., в частности, связанные с выступлением Максимина, главным образом, как непрерывную цепь выступлений армии, разнузданной, недисциплинированной, избалованной благодаря попустительству целого ряда императоров, которые или получили власть при помощи армии, как Септимий Север, или же правили, исключительно опираясь на армию, как Коммод и Каракалла. Кроме того, по мнению многих историков, причиной политических потрясений в Римской империи являлось отсутствие определенного, установленного законом порядка замещения императорского престола.

Еще Гиббон в своей «Истории упадка и разрушения Римской империи» считал, что распространение Каракаллой римского гражданства на жителей провинции, заменившее «различие рангов» «различием профессий», было низвержением последнего оплота римской конституции и, в конечном счете, повлияло на изменение состава и характера армии. «Военное ремесло... было предоставлено крестьянам и пограничным варварам, которые не знали иного отечества, кроме своего лагеря, не знали никакой науки, кроме военной, не имели понятия о гражданских законах и едва ли были знакомы с правилами военной дисциплины»[1]. «С своими окровавленными руками,—продолжает Гиббон,—с своими дикими нравами и отчаянной смелостью они иногда охраняли императорский престол, но гораздо чаще ниспровергали его». Максимин в изображении Гиббона является типичным детищем такой армии, варваром по происхождению и по духу, с непомерным честолюбием, которое он мог удовлетворить, поскольку отсутствие установленного порядка замещения императорского престола давало возможность самым ничтожным людям, добившись высокого поста в армии, путем преступления заместить своего повелителя[2].

При описании карьеры Максимина до и после его возвышения Гиббон следует, главным образом, Капитолину (SHA), причем некритически принимает на веру все его анекдотические подробности. Отношение Гиббона к низшим классам римского населения таково же, как у его источ-

---

[1] Гиббон—История упадка и разрушения Римской империи, перевод Неведомского, изд. 1883 г., т. I, стр. 224—225.

[2] Там же, т. I, стр. 228.

ников—Капитолина и Геродиана, он так же отводит им мало места, подчеркивает своеволие, суеверие толпы, ее нежелание подчиняться дисциплине и склонность к мятежам.

В противовес этой традиционной точке зрения в работах некоторых новых исследователей делается попытка дать более глубокое объяснение событиям правления Максимина. Домашевский («Geschichte der römischen Kaiser», Leipzig, 1909) рассматривает возвышение и правление Максимина, как господство восточных народов, в частности иллирийцев, над ослабевшей и разлагавшейся империей. Однако он тоже склонен считать главным виновником слабости и разложения государства войско, которое представляло собой разнузданные, одичалые отбросы, неспособные и не желающие охранять границы государства и противостоять врагу, готовые вместе с врагами грабить население империи и делающие невозможным справедливое правительство. Сенат, по мнению Домашевского, заключавший в себе последние остатки культуры, в момент борьбы с Максимином сумел организовать сопротивление, достойное прошлого, некогда мирового положения.

В западноевропейской науке последних лет своеобразным характером отличается точка зрения Ростовцева на исследуемый нами вопрос, которую он развивает в своей работе—«Gesellschaft und Wirtschaft im römischen Kaiserreich».

Точка зрения Ростовцева на события III в., а в частности на Максимина и борьбу, вызванную его выступлением, определяется двумя основными моментами: во-первых, всей его исторической концепцией, модернизирующей отношения античного общества, и, во-вторых, его политическими воззрениями на революционное движение, его ненавистью к Октябрьской революции. По Ростовцеву, античный мир прошел несколько циклов развития. Все эти периоды заключали в себе различные формы капитализма. Кризис III в., по мнению Ростовцева, являющийся не только политическим, но и социальным, означал борьбу масс крестьянства в лице армии против «буржуазии» городов, которая, постепенно заняв место старой аристократии, играла ведущую роль в истории античного мира и была носителем античной культуры. Армия, по его мнению, является представителем народных масс, главным образом крестьянства (des flachen Landes), исключенных из участия в городской культуре. Стремление императоров, особенно Севера, поднять этот класс и сделать из него «деревенскую буржуазию» только пробудило в нем сознание своего низкого положения и чувство зависти и ненависти по отношению к городской буржуазии, как к привилегированному классу. Эти чувства, как думает Ростовцев, и находили выход в армии, состоявшей исключительно из крестьян; войско оказывало свое давление на императоров, возражая против всяких уступок «буржуазии». Максимина Ростовцев считает настоящим солдатским императором, целью которого было раздробление основного ядра римского общества, поскольку оно базировалось на городах. Этим Ростовцев объясняет политику Максимина, его террор против аристократии, вымогательство денег не только у аристократии, но и у «городской буржуазии». Считая Максимина вождем крестьянской массы, Ростовцев движение против него в Африке рассматривает, как восстание городского населения, вождем которого была группа африканских аграриев, и возражает тем историкам, которые считают африканские события восстанием крестьян. Движение в Италии против Максимина тоже представляло собою, по мнению Ростовцева, отчаянную борьбу городов против солдат и их вождя, солдатского импе-

ратора. Сенат же, являясь представителем «городской буржуазии», взял на себя задачу организовать эту борьбу. Ненависть к Максимину тех, кто видел в нем виновника гибели античной культуры, Ростовцев считает вполне оправданной. Победа Пупиена и Бальбина над Максимином для Ростовцева означает победу «буржуазии», победу образованных классов. Результатом же победы крестьянства, по его мнению, оказался общий упадок хозяйственной, политической и интеллектуальной жизни старого мира, на месте которого создалось государство, основанное на всеобщем невежестве, порабощении, продажности и бесчестии. Итак, вытекает из его рассуждений,—движение угнетенных масс действует только разрушающе, не создавая взамен ничего положительного, даже не улучшая положения самих масс. Таков вывод Ростовцева, который в истории прошлого отыскивает аналогии с ненавистной ему Октябрьской революцией в России.

Точка зрения Ростовцева на характер правления Максимина не получила признания даже в буржуазной литературе. Abbott и Johnson («Municipal Administration in the Roman empire», London, 1926) считают недоказанным положение Ростовцева о том, что борьба в III в. велась между армией и богачами, и что Максимин в качестве представителя и покровителя крестьян преследовал привилегированные классы. Фактическая история, по мнению Abbott и Johnson'а,—против Ростовцева, так как те жалобы, на которых Ростовцев основывает свои доказательства, считая их жалобами солдат, являются на самом деле жалобами крестьян на солдат и свидетельствуют о падении крестьянства, а не о возвышении его, как это пытается доказать Ростовцев.

Точку зрения Ростовцева в СССР до последнего времени протаскивал «историк» Ковалев. Так, например, в своей истории античного общества этот «историк» называет правление Максимина «диктатурой армейских низов», направленной против имущих классов. Такая оценка Максимина основана целиком на ростовцевской аргументации, в частности, на его характеристике состава армии, как исключительно крестьянской и потому якобы отражавшей интересы крестьянских низов римского общества, а также на прямой фальсификации источников о терроре Максимина против имущих классов, из-за которого Капитолин сравнивает его правление с правлением Спартака и Афениона. Будучи целиком на поводу у Ростовцева, Ковалев замалчивает, что армия, каков бы ни был ее состав, все же являлась опорой императорской власти, имела свои профессиональные интересы, враждебные интересам крестьян и низших слоев населения империи. Для «историка» Ковалева не существует таких фактов, как участие крестьян в выступлении Гордианов в Африке против Максимина, выступление против него низов римского населения и населения Италии; уже одно это говорит за то, что господство Максимина далеко не отражало интересов крестьянства. Ковалев занимается открытой фальсификацией истории. Он сознательно не учитывает того, что крестьяне были обременены различными повинностями и обязанностями для содержания войска, которое, помимо того, нередко занималось прямым грабежом населения, вызывая этим жалобы его, о чем свидетельствуют некоторые надписи. С другой стороны, террор Максимина по отношению к сенаторам не представлял из себя совершенно необычного в истории императорской власти явления, а являлся логическим развитием политики других императоров.

Переходя к конкретному проявлению различных линий борьбы в событиях, связанных с выступлением Максимина, прежде всего остановимся

на личности самого Максимина, его социальном и политическом облике. Максимин был родом из фракийской деревни и в детстве пас стада, т. е. происходил, очевидно, из крестьян. Источники также говорят о его варварском происхождении. Отличаясь большой физической силой и необыкновенным ростом, Максимин начал свою военную карьеру в конном войске. Основной наш источник, Геродиан, говорил лишь в общих словах о прохождении военной карьеры ἐλθὼν διὰ τάξεως στρατιωτικῆς Максимином (Herod., VI,8). Какие он занимал должности, мы точно не знаем. На основании слов Геродиана, что Максимин занимал должность στρατοπέδων δὲ ἐπιμέλειαν, Bang[1] делает вывод, что это означало всадническую praefectura legionis, а Hohl (статья «Julius» в RE) говорит, что эту должность Максимин должен был занимать в Египте, так как там командовали всаднические префекты вместо сенаторских легатов. Аврелий Виктор (25,1) говорит о Максимине, как о praesidens rei bellicae. На основании одного места в речи Максимина, которую передает Геродиан, можно предполагать, что во время войны с персами, которую вел Александр, Максимин был начальником войска в Месопотамии—στρατοπέδων ἡγούμενος (Herod., VII,8). Как бы ни были отрывочны сведения о военной карьере Максимина, мы можем все же думать, что уже до захвата им императорской власти он занимал высшие военные должности, следовательно, был тесно связан с военной бюрократией, что не дает нам права считать его представителем революционных низов, как это делает белоэмигрант Ростовцев и пропагандист его—«историк» Ковалев. Очевидно, уже после персидской войны Александр назначил Максимина praefectus tironibus (ἐπέστησε πάσῃ τῇ τοῦ στρατοῦ νεολαίᾳ—ibid., VI,8), большинство которых были паннонцы. В качестве способного, сильного и храброго начальника Максимин сумел привлечь к себе симпатии своих подчиненных; Геродиан говорит также, что он привлекал их дарами и отличиями (VI,7). Как раз в это время (234 г.) нарастало недовольство войска и, главным образом, той его части, которая состояла из паннонцев и иллирийцев, Александром Севером. Это недовольство началось еще раньше, во время персидской войны, которую Север вел довольно неудачно.

Когда после проигранного сражения, где погибла большая часть римского войска, Александр возвратился в Антиохию и, воспользовавшись передышкой, вел беспечный образ жизни, с севера пришло известие о нападении германцев, перешедших Рейн и Дунай, на прибрежные римские провинции. Это вызвало большое недовольство иллирийцев и паннонцев, находившихся в войске Александра, которые и до этого страдали от непривычного для них жаркого климата (Herod., VI,7), а теперь еще сердились за то, что Александр медлит итти защищать их родную страну. Придя со всем войском на Рейн, Александр и здесь продолжал медлить, предпочитая заключить с германцами мир ценою любых уступок, нежели вести новую и опасную войну.

В этой обстановке возмущение войска, главным образом, иллирийцев, достигло своего предела и вылилось в открытый бунт против императора. Войско стремилось выдвинуть своего императора. Выбор войска пал на Максимина, как на популярного и способного полководца, к тому же их συστρατιώτην καὶ σύσκηνον, как говорит Геродиан (VI, 8). Максимин был провозглашен императором тою частью войска, которою он командовал, и когда это войско двинулось к лагерю Александра, от последнего

[1] Цит. по Hohl, RE, 10 art. 526.

отпала остальная часть армии и перешла на сторону Максимина. Александр был по приказанию Максимина убит в своей палатке. Это событие произошло в марте 235 г. О вступлении на трон Максимина мы имеем сведения и более поздних писателей. Аврелий Виктор (Caesares, 25,1) говорит: Gaius J. Maximinus primus e militaribus... potentiam cepit suffrago legionum.

В таком же духе об этом факте свидетельствует Орозий (VII, 19, 12): Anno ab urbe condita DCCCCLXXXVIII Maximinus vicensimus secundus ab Augusto nulla senatus voluntate imperator ab exercitu, postquam bellum in Germania prospere gesserat, creatus. Почти то же самое мы находим у Евтропия (IX, 1—3) и Капитолина (с. 8).

У Иеронима, Кассиодора и Иордана в этом пункте также почти полное совпадение с вышеперечисленными авторами[1].

Как мы видим, все писатели подчеркивают, что Максимин был первый, который из простых воинов, не будучи сенатором, по выбору войска был сделан императором. Капитолин, Орозий, Евтропий, Иероним, Кассиодор утверждают, что он сделался императором помимо воли сената. Аврелий Виктор, однако, говорит далее (25,1), quod tamen etiam patres, dum periculosum existimant inermes armato resistere, approbaverunt.

Наш основной источник, Геродиан, ничего не говорит о том, был ли Максимин официально признан сенатом или нет. Обычно на основании тех фактов, что Максимин якобы не был признан сенатом и даже не просил об этом признании, что он никогда за время своего правления не был в Риме, делают вывод, что Максимин совершенно не хотел признавать сената, а сенат в свою очередь не считал его законным императором, и потому его правление является чем-то из ряда вон выходящим, ломающим правовые отношения, революционным. Однако имеются надписи из сенатских постановлений, в которых на Максимина возлагаются обычные почести и титулы[2]. Следовательно, сенат хотя, может быть, и против своей воли, все же признал Максимина, и он является таким же законным императором, как и другие, которые тоже были выбраны войском и только потом выбраны сенатом. Из последующей политики Максимина явствует, что он не совсем не признавал сенат и чувствовал себя законным и полноправным повелителем. Hohl[3] приводит данные, что Максимин сделал обычные при вступлении императоров подарки населению Рима, congiarium в размере 150 денариев на человека.

Основной своей задачей в качестве императора Максимин считал продолжение войны с германцами (Herod., VII, 1). Правда, Геродиан объясняет это тем, что Максимин хотел этим оправдать доверие воинов, выбравших его, но ведь оборона от варваров, война с ними составляла основную заботу Римской империи и была главной задачей каждого императора, а в данном случае здесь также особенную роль играли интересы пограничных провинций, войска которых выдвинули Максимина на престол. Война велась Максимином весьма успешно. Перейдя по наведенному мосту через Рейн, Максимин опустошал земли германцев, сначала не встречая сопротивления, так как германцы отступали. Затем, когда они дошли до лесной и болотистой местности, завязалось сильное, кровопролит-

[1] Hieronymus, Chronica, 2252; Cassiodorus—Chronica Minora, II, 146; Iordan—Romana, 280 f.
[2] CIL, VI, 2001, 2009.
[3] RE, 10 art. 526.

ное сражение (на болоте или озере на месте теперешнего Вюртемберга), в котором римское войско, увлекаемое примером своего вождя, оказалось победителем. В результате этого сражения большие силы германцев были уничтожены, взято много пленных и большая добыча. Об этой победе Максимин сообщил сенату и даже послал в Рим изображение битвы (Herod., VII, 2). После победы Максимин возвратился со своими войсками на зиму в Паннонию и расположился в г. Сирмии с целью вести приготовления к продолжению войны с германцами. То обстоятельство, что Максимин все время своего правления оставался в Паннонии и центром сделал г. Сирмий, особеннно показывает значение Максимина, как провинциального императора. С другой стороны, это же было вызвано интересами всей империи, так как в этом пункте угрожала военная опасность. А опасность угрожала не от одних германцев. Очевидно, уже после войны с германцами Максимину пришлось вести войны с сарматами и даками. Об этих войнах Геродиан не говорит ничего. Капитолин упоминает только (с. 13), что Максимин готовился воевать с сарматами. Но о том, что Максимин воевал с сарматами и даками и одержал победы, говорят его титулы победителя: Germanicus maximus—с 236 г., Sarmaticus maximus и Dacicus maximus в следующем году. К 236 г. относится попытка Максимина основать свою династию по примеру других императоров, выдвинутых войском,—название его сына Максима цезарем. В этом же году сын Максимина был признан сенатом, как princeps iuventutis, и кооптирован в коллегию жрецов (CIL, VI, 1009). Об официальном признании сенатом титулов Максимина и его сына свидетельствуют также монеты с изображением их обоих и с надписью MAXIMINVS PIVS AVG. GERM и на обороте: VICTORIA AVGVSTORVM[1].

Оба наших источника, и Геродиан и Капитолин, подробно повествуют о том терроре, который господствовал во время Максимина и который, главным образом, обрушивался на представителей сенатской аристократии и вообще имущих классов. Капитолин (с. 9) даже сравнивает его правление с правлением Спартака и Афениона. Именно на основании этих известий фальсификаторы истории объявляют Максимина представителем революционных низов, главным образом, крестьянства, целью которого было низвержение господства имущих и образованных классов. Максимин сразу же после вступления на престол начал преследования против членов сенатского сословия, находившихся в войске, но преследованию подвергались, главным образом, приближенные Александра, со стороны которых Максимин опасался заговора или возмущения, и его опасения оправдались, ибо вскоре был обнаружен заговор Магнуса—ἦν τῶν εὐπατριδῶν, в котором участвовали центурионы и сенаторы (Herod., VII,1). Правда, относительно этого заговора в наших источниках имеется некоторое разногласие—Геродиан говорит, что Магнус был оклеветан (διεβλήθη), Капитолин же (с. 10) передает о заговоре, как действительно имевшем место, и лишь потом замечает, что некоторые считают этот заговор выдумкой самого Максимина. Мы не можем сказать с уверенностью, был ли действительно заговор, во всяком случае возможность такого заговора не исключена, тем более, что другое выступление против Максимина действительно имело место. Это мятеж осроенской конницы, той части войска, которую Александр привел с собой с Востока и которая была недовольна сменой императора. В этом последнем случае выступают внутренние разногласия,

[1] O. Schulz, S. 190.

существовавшие в армии, определявшиеся тем, что армия в целом состояла из легионов различных провинций и в ней тоже проявлялся провинциальный антагонизм. Те же политические цели, т. е. предотвращение возможных выступлений сторонников Александра, преследовали гонения на христиан (так как Александр покровительствовал христианам), о которых нам сообщают Орозий (VI, 28) и Евсевий (Ист. цер., VII, 19). Преследованию подверглись не христиане вообще, а только служители церкви. Политика террора продолжалась в течение всего правления Максимина. Широко была развита практика доносов. Клеветники всячески поощрялись. Людей, на которых поступал донос, схватывали и везли, как арестантов, в Паннонию, к Максимину, где их ждали пытки, казнь или ссылка (Herod., VI, 3). Конечно, и личные качества Максимина, усугубленные сознанием его невысокого происхождения, играли роль в его отношениях к представителям сенаторского сословия, но во взаимоотношениях сената и Максимина сказывался антагонизм между старой сенатской бюрократией и новой, поднимающейся из рядов войска. Максимин, как представитель этой новой бюрократии, да еще как ставленник провинциальной армии, был, естественно, очень неприятен сенату и, сознавая это, платил ему тоже враждебным отношением.

Надо также заметить, что политика террора по отношению к сенату и вообще к знати не представляла из себя ничего нового и из ряда вон выходящего. Она была продолжением и логическим развитием политики предыдущих императоров, тоже опиравшихся в своем правлении на войско. Коммод (Herod., I, 8, 17), Каракалла (Herod., IV, 6), Элагабал (Herod., V, 6) практиковали террор против членов сената и отдельных лиц, выдающихся своим происхождением и состоянием. Даже при Александре, этом, казалось бы, идеальном для сената правителе, его мать конфисковала имения богатых (Herod., VI, 1). Методы и приемы были те же — доносы, казни без суда и следствия, конфискация имущества. Следовательно, неправильно считать Максимина представителем революционных низов на основании его отношения к сенаторам и имущим классам. Внутренняя политика Максимина определялась еще одним обстоятельством. Война требовала больших расходов; войско, собранное под командой Максимина, было очень велико, Максимин еще увеличил его численность, заботился об его обучении и снаряжении; часть этого войска, как, например, парфяне,—были вольнонаемными, следовательно, требовали уплаты (Herod., VII, 2). Государственных средств при том финансовом расстройстве, в котором находилась империя, конечно, нехватало, приходилось прибегать к различным источникам пополнения казны и одним из них, тоже не новым, были конфискации имущества осужденных. Поскольку эти меры все же были недостаточны, Максимину пришлось прибегнуть к конфискации средств муниципальных общин, предназначенных для устройства празднеств и для раздач народу. Даже драгоценные статуи и украшения храмов и общественных зданий были конфискованы и переплавлены на деньги (ibid., VII, 3). Эти меры были, очевидно, вызваны крайней необходимостью и явились одним из оснований враждебного отношения большинства населения к Максимину, что послужило основной причиной его гибели.

Протест против политики Максимина, вылившийся в открытое восстание против него, разразился прежде всего в Африке. Африка была одной из провинций, где издавна преобладало крупное землевладение. Являясь страной крупного, по преимуществу императорского, землевла-

дения, Африка одной из первых и сильнее всего ощутила на себе появление и развитие новых форм эксплоатации—колоната, закрепощения ранее свободных мелких земледельцев. О растущей эксплоатации колонов свидетельствует так называемая Бурунитанская надпись, относящаяся ко времени Коммода. На основании этого документа мы можем судить, что крестьяне-колоны должны были работать определенное число дней на барщине, но, кроме того, арендатор поместья, так называемый кондуктор, стремился еще увеличить размер барщины. К непосредственной эксплоатации крестьян, как производителей, прибавлялся гнет бюрократического аппарата империи, выражавшийся в растущих налогах, поборах и поставках для армии и для Италии. Этот гнет ложился не только на крестьянское, но и на городское население и давал себя чувствовать зажиточным классам провинции, вызывая этим их недовольство центральным правительством. Особенно эти настроения, как у низов, так и у верхов населения, обостряются во время правления Максимина, когда финансовый гнет чрезвычайно усилился (мы уже говорили о том, что к этому Максимина вынуждали потребности войны с германцами, в которой африканское население не чувствовало себя заинтересованным). Поведение прокуратора Африки, ревностно проводившего политику Максимина, вызвало вспышку протеста, которая охватила почти все слои населения. Поводом ко всеобщему возмущению послужила угроза разорения прокуратором нескольких членов богатых и знатных фамилий. В г. Тиздре собравшейся под влиянием их агитации толпой, большинство которой составляло сельское население (Herod., VI, 4), прокуратор был убит. Ростовцев утверждает, что африканские события ни в коем случае нельзя считать крестьянским восстанием, основываясь на данных Геродиана о том, что движение начали и возглавляли представители класса землевладельцев, а крестьяне, участвовавшие в возмущении, были колонами или рабами, защищавшими своих господ по их приказанию.

Действительно, Геродиан говорит о том, что молодые люди, которым угрожало разорение от прокуратора, κελεύουσι τοὺς ἐκ τῶν ἀγρῶν νεανίσκους (Herod., VII, 4), и далее, когда собралась толпа, они приказали ей следовать за собой—τὸ μὲν πλῆθος τῶν οἰκετῶν κελεύουσιν αὐτοῖς ἕπεσθαι (ibid., VII, 4). Но из того же текста Геродиана ясно видно, что толпа рабов и колонов, принадлежавших преследуемым землевладельцам, составляла только часть общей массы собравшихся—ὡς ὄντας μέρος τοῦ ὄχλου (Herod., VII, 4). Да и то обстоятельство, что зависимые крестьяне последовали за своими господами и приняли активнейшее участие в возмущении, говорит о том, что крестьянство составляло одну из основных сил движения, что в его среде давно уже назревала готовность к восстанию и нужен был только повод, чтобы оно разразилось. Однако африканские события, конечно, нельзя сводить только к крестьянскому восстанию. В движении большое участие принимало население городов, прежде всего г. Тиздра, где начались события—τὸ λοιπὸν πλῆθος συνδραμόντων ἤδη καὶ πάντων τῶν κατὰ τὴν πόλιν (Herod., VII, 5), затем население Карфагена, которое, как говорит Геродиан, шло поголовно сражатся с Капеллианом, а также население других городов. О том, что города принимали участие в движении, свидетельствуют репрессии Капеллиана против многих городов (Herod., VII, 9).

Таким образом, движение в Африке представляло собою движение широких демократических масс, но оно здесь переплеталось также с сепаратистскими тенденциями провинции, ибо в движении принимали участие

и высшие классы, и в целом оно было направлено против существовавшей в тот момент центральной императорской власти, против особенно вопиющих зол ее бюрократического аппарата и выразилось в стремлении выдвинуть своего императора. Выбор восставших пал на проконсула Гордиана и его сына, бывшего при нем легатом. После их согласия движение приняло очень широкие размеры, вся Африка отпала от Максимина (ibid., VII, 5). Гордиан со своей военной свитой перенес свое местопребывание в Карфаген, который сделался тогда как бы столицей империи. Геродиан говорит, что Карфаген имел вид и величие Рима (VII, 6).

Первыми шагами Гордиана, как правителя, было стремление укрепить и узаконить свое положение; с этой целью он пишет в Рим к народу и сенату, сообщая о своем избрании и обещая уничтожить все злоупотребления максиминова правления—систему доносов, казней, ссылок без суда и т. п. (ibid., VII, 6). Но не ограничиваясь этим, Гордиан прибегает к насильственному устранению представителей власти Максимина; так, он посылает квестора и центурионов с воинами, чтобы убить префекта преторианцев Виталиана, который был другом Максимина и во всем проводил политику последнего, а поэтому мог помешать признанию Гордиана сенатом. Это предприятие увенчалось успехом; Виталиан был убит, убившие его распустили слух, что убит даже Максимин, и сенат, не проверивши правильности слухов, признал Гордианов императорами (ibid., VII, 7).

Дальнейшие события в Африке развиваются следующим образом: Гордиан, продолжая свою политику устранения чиновников Максимина и замены их своими, отрешил от должности легата Нумидии Капеллиана, в распоряжении которого находились значительные военные силы. Последний, не желая подчиниться новому императору, выступил с войском против Карфагена. Гордиан, имевший в своем распоряжении очень мало регулярных войск, и население Карфагена, хотя, как было уже упомянуто, единодушно защищавшее свой город, не могли противостоять войскам Капеллиана, так как не имели оружия и не были знакомы с военным строем. Вооружение карфагенян составляли кинжалы, топоры, охотничьи копья и самодельные щиты. Это нестройное войско было быстро опрокинуто и обращено в бегство нумидийской конницей. В беспорядочном бегстве карфагенского ополчения погиб младший Гордиан, которому было поручено командование; старший Гордиан покончил самоубийством, когда убедился, что его дело проиграно. Ворвавшийся в Карфаген вслед за бегущими Капеллиан начал жестокую расправу с побежденными. Ростовцев фактом поражения в этой борьбе Гордиана хочет подтвердить свое положение, что в движении Гордианов не участвовали широкие массы, что число их защитников было меньше, чем армия Капеллиана. Этому, однако, противоречит указание Геродиана, который ясно говорит, что карфагенцы превосходили численностью—οἱ μὲν Καρχηδόνιοι ὄχλῳ ἦσαν (ibid., VII, 9), но были слабее вооружением и военной организацией. Действия победителя — Капеллиана—еще раз опровергают утверждения Ростовцева и других, считающих Максимина представителем крестьянства. Его репрессии обрушились не только на знать и зажиточное население городов; он изгонял всех жителей города, отпавшего от Максимина, а поля и села предоставлял грабить и жечь своим солдатам (ibid., VII, 9). Отсюда видно, как мало политика Капеллиана выражала собой интересы крестьянства.

Тяжесть бюрократического государства ложилась также на плечи италийского и римского населения, а правление императора, варвара по

происхождению, ставленника провинциальной армии, стало особенно ненавистным после того, как его финансовая политика больно ударила по общественному хозяйству городов (ibid., VII, 3). Это враждебное отношение распространялось также и на армию, в которой угнетенное население видело виновника всяких финансовых тягот и главную опору ненавистной власти. Вот почему убийство Виталиана посланцами Гордиана и слух о падении Максимина послужили сигналом для выступлений римского плебса. Все, что представляло правление Максимина в Риме, было с яростью уничтожено—его статуи, изображения. Доносчики, префекты, судьи, друзья Максимина, находившиеся в Риме, все те люди, которые являлись орудиями его политики террора, подверглись избиению. Движение напоминало картины гражданских войн—ἔργα πολέμου ἐμφυλίου ἐγίνετο (ibid., VIII, 7). Был убит также и префект города Сабин, пытавшийся остановить возмущение. Сенат, который самостоятельно был не в силах, да и не намеревался выступать, воспользовался сложившейся после возвышения Гордианов в Африке ситуацией и признал Гордианов с целью противопоставления их Максимину. Возглавив, таким образом, движение против Максимина в Италии, сенат стремится привлечь на свою сторону население всей Италии и склонить провинции к отпадению от Максимина. С этой целью были посланы представители сената в города Италии и провинций с призывом отложиться от Максимина и стать на сторону сената.

Старания сената в известной мере увенчались успехом; многие провинции отложились от Максимина и присоединились к Риму; италийское население, как это показали дальнейшие события, тоже готово было оказать решительное сопротивление войскам Максимина. Таким образом, временно создалась коалиция всех слоев населения с сенатом, к которой впоследствии также временно примкнули некоторые части войска. Однако такая коалиция не могла быть долговечной, ибо в ее состав входили различные социальные группы, интересы которых были противоречивы. Непрочность этой коалиции очень скоро дала себя знать. Уже в момент первого взрыва ярости римского плебса против Максимина проявилась также вражда низших слоев населения к зажиточным группам. Так, Геродиан (VII, 7) сообщает, что погибло много людей невинных, из тех, которые навлекли на себя ненависть народа ростовщичеством или вообще богатством.

В дальнейшем ходе событий противоречия отдельных элементов, объединившихся в борьбе против Максимина, сказываются еще резче. Когда Гордианы были убиты в Африке, а Максимин, узнав о низложении его сенатом, отправился в поход против Италии, сенату, который мог ожидать только свирепой расправы, ничего не оставалось делать, как продолжать сопротивление. На заседании, собранном в храме Юпитера Капитолийского, из состава сената были избраны два императора—М. Клодий Пупиен Максим и Целий Кальвин Бальбин. Вопрос, почему сенат избрал именно двух императоров, не является решенным до сих пор. Возможно, что к этому вынуждали обстоятельства момента—необходимость одному императору организовать оборону страны от наступающих войск Максимина, а другому—охранять порядок в самом Риме. Именно таким образом и были распределены между ними обязанности. Может быть, здесь также играло роль стремление сената предотвратить возможность тирании императорской власти, когда она сосредоточена в одном лице. Вообще же в ту эпоху мы знаем много примеров одновременного правления двух соправителей: Марк Аврелий и Луций Вер, Каракалла и Гета, Элагабал и Александр Север, два Гордиана, два Максимина.

Выбор сенатом в качестве императора Пупиена Максима, который ранее был префектом города и отличился жестоким отношением к плебсу, вызвал протест последнего. Дело приняло очень опасный оборот для сенаторов. Народ, вооружившись дубинами и камнями, заградил выход из Капитолия, и даже вооруженная свита вновь избранных императоров не была в состоянии его рассеять (ibid., VII, 10). Новым императорам угрожала опасность быть побитыми камнями. Так как народ требовал императора из дома Гордианов, то сенат вынужден был присоединить к двум избранным им императорам, в качестве цезаря, внука Гордиана старшего, в будущем Гордиана III.

Разыгравшиеся вслед за этим события представляют собою момент наибольшего обострения борьбы между народом и армией. Внешне события развертывались следующим образом (ibid., VII, 11): на одном из заседаний сената, посвященном обсуждению создавшегося положения, сенаторы Галликан и Мекинас поразили кинжалами двух безоружных воинов из числа тех, которые были оставлены Максимином в лагере, расположенном около Рима, и вместе с народом пришли послушать заседание сената. Совершив убийство, Галликан выбежал к собравшемуся народу с окровавленным оружием в руках и начал призывать его к преследованию и избиению врагов Рима и сената, т. е. воинов. Последние были вынуждены бежать под градом камней и запереться в своем лагере. Но Галликан продолжал побуждать народ к дальнейшей борьбе. Под влиянием его агитации и благодаря его собственным действиям толпа народа сумела вооружиться (были взломаны общественные хранилища оружия, расхищено оружие из частных домов и мастерских, были привлечены даже гладиаторы). Вооруженная толпа отправилась осаждать лагерь воинов, но, конечно, безуспешно, и с наступлением вечера принуждена была отступить. В момент ее отступления осажденные сделали вылазку, яростно напали на бегущих и перебили большое количество их. После этого отношения народа и воинов приняли форму настоящей войны. К осаде лагеря были привлечены собранные Пупиеном для войны с Максимином отряды; неоднократно делались нападения на стены лагеря. Взаимное озлобление достигло наивысшего предела. Наконец, осаждающие решили оставить лагерь без воды и этим принудить воинов к сдаче. Это привело к открытому ожесточенному сражению, которое, начавшись у стен лагеря, было перенесено затем на улицы города, и во время которого, как говорит Геродиан (VII, 12), была истреблена такая часть города, с которой не может сравниться ни один из величайших городов. Дело в том, что народ, скрываясь от преследования в зданиях и на крышах, поражал воинов кирпичами и обломками, а воины, в ответ на это, поджигали дома.

Таковы были события в Риме, в то время как Максимин со своим войском приближался к Италии. Эта ожесточенная схватка между римским населением и воинами является прежде всего борьбой широких народных масс против угнетающей их императорской власти, олицетворение которой они видели в армии. Но здесь, как нам кажется, необходимо подметить еще один момент. Поскольку поводом для столкновения послужил факт убийства сенаторами безоружных воинов, а со стороны воинов до сих пор никаких выступлений не было, и далее представители сената всячески возбуждают ярость народа против воинов, то возникает вопрос: не было ли это провокацией со стороны сената, стремившегося недовольство плебса, которое во время выборов императоров разразилось против сената, направить против армии и тем самым отвратить его от себя? Кажется не слу-

чайным то обстоятельство, что эти события произошли вскоре за выступлением народа против сената.

Максимин, как только до него дошли известия о низложении его сенатом, собрал все свое войско, в числе которого были мавританские копьеносцы и восточные стрелки, и объявил поход на Италию. К войску были присоединены также и германцы, или покоренные им, или вступившие в союз. Так как поход явился внезапным (Максимин выступил спустя три дня после получения известий, ibid., VII, 8) и достаточных приготовлений к нему не успели сделать, то Максимин разделил войско на две части: вперед были отправлены самые надежные и преданные ему войска—паннонские фаланги, остальное же войско двигалось гораздо медленнее, имея при себе все необходимое для настоящих военных действий (ibid., VII, 8). Несмотря на такую серьезную военную силу, направленную против почти безоружной Италии, Максимину уже в самом начале военных действий пришлось испытать серьезные военные неудачи, которые решили его судьбу. Вопрос о причинах поражения и гибели Максимина упирается в проблему, какие социальные силы были направлены против него. Уже на примере выступления Гордианов в Африке мы убедились, что против Максимина были настроены все слои населения, так как все они, хотя, может быть, и не в одинаковой мере, подвергались тяжкому гнету империи, олицетворенной в данном случае личностью чуждой и по происхождению, и тем, что она являлась креатурой провинциальной армии, выражавшей интересы этой армии. Фракийское происхождение Максимина и то обстоятельство, что он достиг престола при поддержке армий северо-восточных провинций, позволяют поставить вопрос: являлся ли он представителем и защитником интересов населения этих областей и не пользовался ли он в таком случае его поддержкой? Однако, что касается низших слоев населения этих провинций, в частности крестьянства, то мы должны ответить на этот вопрос отрицательно. Фракийская надпись выражает жалобу крестьян деревень Скаптокары и Гресеи императору Гордиану III и ответ последнего—παρὰ κωμητῶν Σκαπτοκαρηνῶν τῶν καὶ Γρησειτῶν[1]. Надпись относится к 238 г., следовательно, те явления, на которые жалуются жители деревень, существовали как раз во время правления Максимина. Жалоба была передана императору Гордиану через посредство Аврелия Пирра, воина преторианской когорты, очевидно, ветерана, жившего в этой деревне. В ответ на эту жалобу Гордиан дал распоряжение провинциальному управителю (πραγματικός) Диогену, который, как предполагают исследователи[2], был управляющим императорских (Максимина) имений во Фракии, а Скаптокара тоже, возможно, являлась таковым. Из надписи видно, что деревня лежит между двумя лагерями и недалеко от нее находятся теплые источники. Крестьяне жалуются на то, что они подвергаются насилиям и злоупотреблениям различных начальников и солдат, которые, поселяясь в деревне или ненадолго останавливаясь, заставляли жителей приносить им подарки, бесплатно доставлять провиант и бесплатно служить. Из надписи видно, что крестьяне жаловались неоднократно. Крестьяне заявляют, что они доведены до нищеты, не в силах уплачивать государственные налоги и повинности, что их деревня опустела, так как многие покинули свои очаги, и что для оставшихся единственным выходом остается последовать их при-

[1] CIL, III, 12, 336, Syll., 418. Надпись в этой связи использована Н. А. Машкиным в «Историческом журнале», 1937 г., № 5, стр. 142.

[2] A b b o t t and J o h n s o n—Municipal Administration in the Roman empire, London, 1926.

меру. Эта надпись лишний раз опровергает утверждения Ростовцева, что якобы Максимин стремился восстановить и улучшить положение крестьянства. Мы видим, что крестьянство нищало, деградировало именно под действием чиновничьего и военного аппарата императорской власти, и, следовательно, крестьянство никак не могло являться социальной опорой Максимина и поддерживать его. Что касается отношения других групп населения северо-восточных провинций к Максимину, то главной его опорой были войска. Избравшие его паннонские легионы остаются ему верными до конца; их, как самых надежных, он посылает в качестве авангарда в Италию; они сожалеют о его смерти (Herod., VIII, 6).

В нашем распоряжении мало данных, чтобы сделать исчерпывающие выводы относительно того, какие еще слои населения и в каких провинциях поддерживали Максимина. Но о том, что Максимин имел кое-где сторонников, даже в то время, когда против него поднялось всеобщее возмущение, свидетельствует одно обстоятельство, о котором вскользь говорит Геродиан (VII, 7), а именно: когда сенат разослал всюду послов с призывом отложиться от Максимина, то некоторые области отказались последовать призыву сената; там или убили послов, или, связавши, отправили их Максимину. Какие это области—Геродиан нам не сообщает. Hohl[1], ссылаясь на исследования Моммзена и Домашевского, считает, что верными Максимину остались Испания, Дакия и Паннония. Во всяком случае вопрос о сторонниках Максимина является очень интересным и должен быть подвергнут дальнейшему исследованию.

Но если Максимин и имел сторонников, то число их весной 238 г. было очень незначительно по сравнению с массой его врагов. В Италии, как уже указывалось выше, все слои населения были охвачены враждой и страхом к Максимину и его войскам. Вот почему Максимину уже при самом вступлении в пределы Италии пришлось столкнуться с единодушным сопротивлением, которое сначала имело пассивные формы. Первый италийский город, стоявший на пути Максимина, Емона—был легко взят его войсками только потому, что он был совершенно покинут своими жителями, которые, кроме того, сожгли двери домов и храмов и уничтожили пищевые припасы (Herod., VIII, 1). Таким образом, войску Максимина уже с самого начала пришлось терпеть голод и как раз перед трудным походом через Альпы. Вторым и последним городом, с которым Максимину пришлось иметь дело, была Аквилея, крупный торговый город на берегу Адриатического моря, узловой пункт для сношений Италии с северными провинциями. Жители города, число которых было умножено скрывшимся в его стенах окрестным населением, приготовились к решительному сопротивлению. Защитой города руководили консулы сената Криспин и Менофил. Были восстановлены крепостные стены, башни и бойницы, завезено достаточное количество продуктов, город был обеспечен водой. Посланный Максимином авангард из паннонцев безуспешно пытался осаждать Аквилею. Послы Максимина, пытавшиеся склонить аквилейцев к мирной сдаче, также не имели успеха.

Между тем, чтобы подойти со всем войском к самому городу, Максимину предстояло еще одно препятствие—переправа через разлившуюся вследствие таяния снегов реку Sontius, мост через которую был сломан аквилейцами. После нескольких дней бездеятельного стояния был наведен временный мост из винных бочек, по которому войско переправилось. Под-

[1] RE, 10 art. 526.

ходя к городу, воины опустошили все поля, вырубили сады и виноградники, уничтожили все предместья города. Окружив со всех сторон город, войско принялось яростно осаждать его, но встретило не менее упорное сопротивление. Все жители принимали активное участие в обороне своего города, так как его падение означало бы их верную гибель. С обеих сторон применялись различные боевые средства: осаждающие пытались сокрушить стены машинами, а осажденные поливали их горящим составом из смолы, серы и селитры (Herod., VIII, 4).

Войско Максимина, рассчитывавшее на быстрый успех, начало разочаровываться и действовать медленнее, репрессии Максимина вызвали только озлобление против него.

Решающим обстоятельством, которое определило исход борьбы, был недостаток продовольствия, от которого начало серьезно страдать максиминово войско. Окружающая местность была оставлена жителями и опустошена солдатами, подвоз продовольствия был отовсюду отрезан, так как сенат разослал консулов с отрядами преградить все дороги, занять все заливы и пристани. Войско, живя под открытым небом, терпело от непогоды, от голода, от недостатка воды и не могло двинуться дальше, не имея средств передвижения.

В такой обстановке в войске началось разложение, особенно усиливаемое слухами о всеобщем возмущении против Максимина. Как и в первые дни после его возвышения, сказались противоречия и разногласия между отдельными частями войска. На этот раз опять, как некогда осроенские стрелки, против Максимина поднялся II парфянский легион; его лагерь находился недалеко от Рима и потому солдаты боялись за своих близких. Воспользовавшись тем, что все войско отдыхало, мятежники подошли к палатке Максимина, уничтожили его изображения на знаменах, а затем убили его самого, вышедшего их уговаривать. Вместе с ним были убиты его сын, префект преторианцев и другие его приближенные. Все остальное войско безмолвно, как говорит Геродиан (VIII, 6), выслушало известие о гибели своего императора; многие, особенно паннонцы и фракийцы, сожалели о нем и, только по необходимости примирившись с случившимся, притворно выказывали свою радость. Осада Аквилеи была снята, войско признало императоров, выбранных сенатом. В Равенну, к Пупиену, а затем в Рим было послано посольство с известием о победе над Максимином.

Поражение Максимина означало временную победу и возвышение сената, сумевшего организовать и возглавить борьбу против императора, ставшего ненавистным всем. Но это возвышение было очень недолгим. Армия, игравшая в государственной жизни большую роль и имевшая большую силу, скоро снова взяла верх, свергла и уничтожила сенатских императоров.

К ИМЕНИ СОГДИЙСКОГО ИХШИДА ГУРЕКА

Проф. А. А. Фрейман

В истории Средний Азии эпохи завоевания ее арабами крупную роль сыграли трагические фигуры согдийских ихшидов Тархуна (Тархвана, طرخون арабских источников) и Гурека—نمورى[1]. Первый из них, воцарившийся в Самарканде около 704 г., был смещен в 710 г. согдийцами за свою уступчивость арабам и на престоле утвердился Гурек (умер в 737 или 738 г.). В согдийских документах с горы Муг[2] встречается имя «согдийского царя самаркандского афшина Диваштича» *sγwδyk MLK' sm'rknδč MR' Yδywštyč*. В цит. статье «Датированные согдийские документы с горы Муг в Таджикистане» была сделана попытка отождествить Диваштича с Тархуном (Тархваном). Было показано, что годы царствования Диваштича совпадают с годами царствования Тархуна (Тархвана), и было подтверждено высказывавшееся ранее мнение, что имя Тархун (Тархван) тождественно с титулом тархан.

Производившиеся летом 1937 г. научным сотрудником Академии истории материальной культуры Г. В. Григорьевым раскопки в местности Тали Барзу (в расстоянии около 6 км к юго-востоку от Самарканда), давшие очень богатые результаты, оказались весьма ценными для исторического освещения Средней Азии эпохи Тархуна—Гурека, а также более раннего времени. В слое, относящемся к I в. до н. э., был найден обломок чаши с надписью согдийскими письменами[3], которая по палеографическим данным является древнейшей согдийской надписью. Палеографические данные надписи, позволившие отнести ее к I в., полностью совпадают с археологическим определением эпохи слоя, в котором была найдена надпись. В верхнем слое раскопанной местности среди разных предметов, характерных для VIII в. н. э., были найдены две монеты с именем Тархуна-Тархвана *trγwn MLK'* и одна монета с легендой *'wγrk MLK'*[4].

Пишущим эти строки, после раскопок на горе Муг, было обращено внимание на необходимость просмотра и издания хранящихся в наших

[1] См. «Согдийский сборник», изд. Академии наук, Л. 1934, стр. 5, 12, 13, 53, 55, 56, 62, 63, 64 и указанную там литературу; также А. А. Фрейман—Датированные согдийские документы с горы Муг в Таджикистане («Труды Института востоковедения», XVII), изд. Академии наук, Л. 1936, стр. 161—165.

[2] См. «Согдийский сборник» passim.

[3] Надпись эта, с разрешения Г. В. Григорьева, будет мною издана в одном из ближайших номеров ВДИ.

[4] Монеты, с разрешения Г. В. Григорьева, будут изданы О. И. Смирновой.

собраниях среднеазиатских монет, относящихся ко времени до окончательного закрепления власти арабов в Средней Азии. Значительная часть этих монет, известных под разными названиями, должна оказаться согдийскими. Легенда *trγwn MLK'*, т. е. «Тархун (Тархван) царь» была известна уже по монете с горы Муг. Эта легенда самим соединением *trγwn* с *MLK'* показывает, что слово *trγwn*—первоначально титул—воспринималось в качестве имени собственного[1]. Здесь имел место процесс изменения значения слова, обратный тому, который засвидетельствован в словах «король» <Karl и царь, цезарь<Caesar. Легенда *'wγrk.MLK'* должна представлять имя следующего за Тархуном-Тархваном согдийского царя. Имя *'wγrk* (действительное его произношение, согласно законам согдийской фонетики, *uγuṛak*) представляет имя, второй вариант которого (в равной мере допустимый согласно согдийской фонетике с отпадением начального гласного, ср. многочисленные примеры: *parēč||aparēč* «оставлять» и т. п.) сохранен арабо-персидскими источниками в виде نمورى, т. е. *γurak*, т. е. имя согдийского царя, известного в нашей научной литературе, как *Гурек*. Подлинный согдийский документ позволяет определить также этимологию этого имени и, таким образом, также его реальное нарицательное значение. Согдийское *'wγrk*, т. е. *uγurak*, восходит к древнеиранскому *uγraka* — «сильный, могущественный». Прилагательное *uγra* — «сильный, могущественный» — хорошо засвидетельствовано в Авесте в приложении к людям и богам. Оно является прекрасным термином в качестве собственного имени. Подобного же происхождения и с такой же этимологией и среднеперсидские имена *Pērōz*, *Parvēz* со значением «победоносный, превосходящий силой»<**pari-aoǰah-*.

[1] Об этом см. в цит. статье «Датированные согдийские документы с горы Муг».

К ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В МЕСОПОТАМИИ VI в.

Н. В. Пигулевская

I. Социальное расслоение

Вопрос о причинах легкого и быстрого завоевания арабами Передней Азии, в частности Междуречья, может быть успешно разрешен только путем детального рассмотрения социальных и экономических отношений, господствовавших в предшествующий завоеванию период. В пестром этническом составе областей, входивших в состав Ирана по одну сторону границы и Византии по другую ее сторону, сирийцы составляли одну из наиболее мощных групп. В VI и VII вв. сирийский был литературным языком, распространенным в качестве дипломатического и торгового языка далеко за пределами Месопотамии. Сирийские источники этого времени сохранили немало ценных сведений, вскрывающих самую сущность социальных отношений и экономических связей. Для отдаленных восточных провинций греческие хронографы, сосредоточенные, главным образом, на интересах столицы, не дают такого материала. Между тем, терминология сирийских источников VI в. сама по себе говорит о господствовавших общественных формах. Дать греческие и латинские эквиваленты сирийским терминам, истолковать их, сопоставить с соответствующими данными—значит определить их действительное значение и поставить их в связь с эпохой.

Говоря о производителях в деревне, хроники называют их akare и palahe[1]. Упоминая одновременно эти две категории лиц, хронист, очевидно, имел в виду какое-то различие между «земледельцами и крестьянами». Термин palaha, в позднейшем арабском произношении феллах, происходит от общесемитического корня plh. Глагол имеет общий смысл «работать», но, в частности, определяет выполнение земледельческой работы[2]. Глагол akr в более узком смысле, применяется только к работе, производимой на земле, иногда обозначает «пахать», имея общий корень с халдейским ikkar. Существительное akara это arator, agricola[3]. Термин palaha—крестьянин—имеет оттенок прикрепленного, ограниченного в правах производителя. В сирийском переводе библии сопоставление «свободные и рабы» передано, как hire ve palahe, хотя для обозначения раба более обычно слово abda от общесемитического корня 'abd. В хронике Иешу Стилита

[1] Иешу Стилит, § 45 (Wright—The chronicle of Ioshua Stilite composed in syriac a. d. 507, Cambridge, 1882).
[2] Payne Smith—Thesaurus Syriacus, t. II, p. 3151.
[3] Ibid., t. I, p. 190.

одновременное упоминание «земледельцев и крестьян» могло иметь в виду различие между прикрепленными и свободными производителями. Хронист середины VI в. Захария Митиленский делает различие между palahe ve abde—крестьянами и рабами, упоминая их одновременно при работах в 503 г. под крепостью Дара. Таким образом, palaha противопоставляются и рабу и свободному земледельцу[1].

Те же особенности терминологии можно найти и в юридических памятках. Сирийский Законник, представляющий собою сборник доюстиниановского права, был переведен с греческого на сирийский в последней четверти V в. Подлинник до настоящего времени не найден, но послесловие в сирийских рукописях сообщает, что перевод сделан с «ромейского», т. е. с греческого, языка и содержит «законы и приказы гражданские», установленные императорами Константином, Феодосием и Львом[2].

Законник, говоря о земледельческом населении, также делает различие в терминах. Крестьянин, живущий в селении, пользующемся самоуправлением, называется просто «муж»—gabra, тогда как приписной крестьянин назван palaha. Одна из статей Законника запрещает принимать беглых приписных. Термин «приписной» ἐναπόγραφος—транскрибирован в старейшем Лондонском списке сирийскими буквами и оставлен без перевода[3]. Парижская рукопись Законника снимает всякое подозрение в том, что смысл этого слова был непонятен сирийцу, так как он толкует его вполне правильно. «Если же кто примет мужа крестьянина (gabra palaha), который ему не принадлежит, который записан за другими и ἐναπόγραφον, и если он примет его, зная, что он крестьянин другого, то..»[4].

Термин ἐναπόγραφος — adscripticius—разъяснен здесь, как приписанный или записанный за владельцем крестьянин; сохранено рядом и греческое слово, которое, однако, успело утерять свою правильную транскрипцию Лондонского списка.

Законник, следовательно, знает «palaha ἐναπόγραφον» — приписного крестьянина, записанного за владельцем, на земле которого он сидит. Это—крепостной, не имеющий права покинуть свой участок. В таком положении, для целей фиска, колон вместе с землей, которую он обрабатывал, учитывался государством и попадал в податной цензовый список, составлявшийся на землевладельца. Участок приписного колона числился, следовательно, за собственником, а сам колон, не имея непосредственной связи с государством, становился в положение, близкое к положению servi rustici. Приписной, оставивший своего владельца, считался беглым, и принимать его было запрещено законом так же, как беглого раба[5].

Хотя закон Анастасия делает различие между положением рабов и приписных, но фактически эти границы стирались. В 530 г. разницы между

---

[1] Zachariae Rhetori—Historia, ed. Brooks; CSCO, s. III, t. VI, p. 36.

[2] «Syrisch-römisches Rechtsbuch aus dem fünften Jahrhundert», ed. Bruns und Sachau. Leipzig, 1880; Codex L., p. 36; «Syrische Rechtsbücher», ed. Sachau, B. I, B., 1907; Codex R_1, p. 4.

[3] Ibid., Cod. L., § 50, p. 15 ἐναπόγραφον. Сириец транскрибирует термин в среднем роде.

[4] Ibid., Cod. P., § 28, p. 48.

[5] «Syrisch-römisches Rechtsbuch», Cod. L., § 49, 50, p. 15; Cod. P., § 28 a, p. 48. Соответствуют Cod. Theod., 5, 9, 1, 2 и Cod. Just., XI, 48, 12. В сирийском тексте имеется ошибка; в наказание за прием беглого раба или приписного закон предлагает укрывателю самому сделаться приписным у владельца беглого. Cod. Theod. и Cod. Just. предлагают дать взамен другого приписного.

рабами и приписными Юстиниан не видит. «Как же понимать разницу между рабами и приписными, когда и те, и другие находятся во власти своего господина, который может раба выгнать со своим скарбом, а приписного прогнать со своей господской земли»[1]. В положение приписных попадали обычно самые неимущие, которые обрабатывали землю орудием и скотом владельца, ютились в помещении, предоставленном собственником. Рента выплачивается ими натурой, а того, что остается, нехватает на пропитание. Создается полная зависимость крепостного от владельца, от domini potestas. Приниженное положение приписного, совпадающее с положением раба, в полной мере сказалось в законах о беглых. Невыносимые условия жизни, задолженность, голод, непосильное бремя налогов заставляли колонов, как и рабов, бежать от господина.

Сирийский Законник содержит большое количество статей, трактующих о рабстве. Нет сомнения, что и в Месопотамии рабы были причастны к земледельческому труду и сидели на земле господина в качестве servi rustici.

Рабство сосуществует колонату, о чем свидетельствуют Законник и сирийская хроника Захарии Митиленского. Эта последняя при постройке стены города Дары упоминает в числе работавших там одновременно рабов и крестьян (abde ve palahe)[2].

Поддерживалось и росло рабство отчасти естественным путем, т. е. дети рабов и рабынь делались рабами, как и свободные женщины, делаясь женами рабов, попадали в рабское положение. Во время войн военнопленных массами обращали в рабство[3]. Немалую роль играли продажа в рабство за долги, самопродажа, рабство вследствие невозможности выплатить заимодавцу долг и т. п. Сирийский Законник знает этого рода экономические факторы, приводившие к рабству; он предусматривает положение, когда продающий себя растрачивает деньги, за которые он себя продает, или ту часть, которая ему выделяется посредником при продаже. Таким образом, рабство бывало следствием экономически безвыходного положения: человек вовлекался в него, гонимый голодом и нуждой. «Проевший» себя человек делался рабом, и закон, стоявший на страже интересов имущего класса, санкционировал это положение и он должен был «оставаться рабом»[4].

Замечательно летописное сирийское свидетельство относительно одной из беднейших групп зависимого сельского населения—париков. Хроника Захарии Митиленского знает на епископской земле париков в крепостном состоянии. Она называет их taut'be—присельники, или насельники, от общесемитического корня itb—сидеть. Термин taut'be соответствует греческому πάροικοι—парики.

Законодательные памятники более позднего времени постоянно упоминают πάροικοι, δουλοπάροικοι, κληρικοπάροικοι[5]. В агиологической литературе и актах они являются крепостными на церковных и монастырских землях. В новелле Юстиниана, регламентирующей эмфитевзис и трактующей о церковной собственности, есть ссылка на παροικικὸν δίκαιον—ius colonarium[6].

---

[1] Cod. Just., ed. Krüger, XI, 48, 21, p. 422.

[2] Zachariae Rhetori—Historia, ed. Brooks; CSCO, s. III, t. VI_2, p. 36.

[3] При взятии Амида Кавадом персы массами уводили население в плен, обращая в рабство.

[4] Cod. L., § 73, p. 19.

[5] Du Cange—Glossarium, t. I, col. 1122.

[6] Novellae, ed. Schoell, 120, c. I, p. 578.

Сирийская хроника сообщает о земле и селении krita, бывших церковной собственностью, где сидели парики в качестве крепостных. Они названы taut'be—присельники, или насельники. После войны с Кавадом, желая отстроить, как крепость, небольшой пограничный городок Дару (503 г.), Анастасий выкупил у Фомы, епископа Амидского, селение под этим городом. Всех насельников (taut'be) церковной земли Анастасий «освободил и утвердил за каждым его землю и двор»[1]. Парики перестали быть крепостными на землях, принадлежавших церкви, перестали быть κληρικοπάροικοι, употребляя выражение, впоследствии применявшееся к такого рода крепостным. Они были «освобождены». Земля, которую они продолжали обрабатывать, принадлежала теперь государству. Каждому был предоставлен надел земли и «двор», т. е. участок для дома и хозяйственных помещений.

Класс землевладельцев сосредоточил в своих руках большие имения, часть которых принадлежала императорскому дому.

Римские и византийские императоры имели в азиатских провинциях собственные земли. Законом 386 г. отмечены «fundi patrimoniales per Mesopotamiam et Osroenam provinciam»[2]. «Fundi patrimoniales»—обычное название императорских земель; здесь они указаны находящимися за Евфратом. Собственные имения эдесских царей после завоевания перешли к римским императорам.

Большие пространства земель находились в руках знати. Верхушка города состоит из людей, которых хроники называют «богатыми», «большими», «именитыми». Raura bane, от общесемитического корня rab —большой, богатый, являются крупными землевладельцами.

Летописец ту часть высшего класса, которая несла административные функции, называет rišane—старшины, «главы» в точном переводе. Это слово могло бы заменять и термин начальник. Один из представителей знати в Амиде, причастный к административным обязанностям, носит звание βουλευτής, транскрибированное по-сирийски. Нет необходимости считать его за столичного сенатора; это был крупный местный архонт[3]—«первенствующий», занимающий одно из первых мест в списке членов городского совета. Составляя городскую курию, члены его были ответственны перед государством за подать с области, тяготевшей к городу. Когда члены совета города Амида потребовали у персидского царя Кавада добавочных денег за потраву и взятые его армией продукты и хлеб в деревнях, они защищали прежде всего свои интересы[4]. В уплате они были заинтересованы как крупные землевладельцы и как члены городского совета, куриалы, которые должны были отвечать за поступление податей.

Во время войны Ирана с Византией области Осроену и Месопотамию наводнило большое войско, высланное на персидскую границу. Расквартирование войск находилось в руках местных старшин—rišane bnai atra. Летописец словом rišane мог обозначить начальствующих, старшин вообще; добавив bnai atra, он определил их, как местных людей, желая избежать неправильного представления о них, как о пришедших с войском или посланных из центра людях[5]. Распоряжались, следовательно, в этом случае

[1] Zachariae Rhetori—Historia, VII, c. 6, p. 36.
[2] Cod. Just., XI, 62, 8. См. также А. Удальцов—Социальная история средневековья, т. I, стр. 19, М., 1927.
[3] Du Cange, t. II, p. 670 (βουλευτής decurio, curialis).
[4] Zachariae Rhetori—Historia, p. 25.
[5] Ioshua, § 86, стр. 81.

местные владельцы, виднейшие, богатейшие представители городской общины, которые ведали и другими административными делами в городе и области.

Вполне понятно, что им удалось тяжелую повинность постоя переложить на городских ремесленников и крестьян ближайших к городу деревень, избавив от нее землевладельцев. Летописец жалуется еще и на их безудержное взяточничество, которым они раззоряли всех. Обещая избавить от постоя, они вымогали взятки, а так как их давали все, то они ставили на постой солдат, несмотря на полученную мзду.

В законе Анастасия о хлебных поставщиках «первенствующие из собственников» участвовали в избрании поставщика, от которого зависело снабжение хлебом беднейших слоев города[1]. В переговорах с центральной властью, с подступавшим врагом они играли решающую роль. Это крупные собственники, интересы которых сосредоточены вокруг земли, но жизнь и деятельность которых протекает преимущественно в городе.

За Евфратом крупными землевладельцами были также епископы и монастыри. Приведенный выше текст сирийца Захарии Митиленского сообщает о селении, принадлежавшем епископу. Уцелевшие развалины говорят о целых крепостях-монастырях, окруженных садами, плодовыми деревьями, оливковыми рощами. Хроника Иешу Стилита называет ряд церквей и монастырей под самой Эдессой, среди виноградников и плодовых насаждений. Агиологическая сирийская литература отмечает работу рядовых монахов на полях и виноградниках, где они в послушание несут крестьянский труд (paaluta)[2].

С IV в. отказы по завещанию в пользу церквей и монастырей и предприимчивость последних в увеличении своей недвижимой собственности приняли неудобные для государства размеры. Навстречу шло движение крестьянства, искавшего патрона для защиты от тягостных требований фиска. Выкуп селения у епископа государством изменил положение париков, сидевших на этой земле. Они остались теперь на земле, принадлежавшей государству, на отведенных им участках.

В хронике Иешу Стилита неоднократно упоминаются «деревенские господа»—mari kurie[3]. Этот социальный слой противопоставляется низшему городскому и сельскому населению, «простым из народа»—kutna de mencata. Средние землевладельцы, на которых лежала ответственность за подати перед государством—«деревенские господа»,—были тем насосом, при помощи которого высасывалась рента из непосредственных производителей. Их, как владельцев земли, касалось облегчение, которое приносилось отменой подати (συντέλεια) в особых случаях, во время войн и стихийных бедствий. Но сами «деревенские господа» выжимали ренту у своих колонов, независимо от подобных уступок государства. Представитель центральной власти—эгемон—с них требовал подати натурой и деньгами и в случаях неисправности прибегал к суровым мерам; он «хватал» «деревенских господ» и «причинял им великие мучения», вымогая подать. Райт[4] сопоставляет «деревенских господ» с дехканами Ирана Сасанидов.

---

[1] Cod. Just., ed. Krüger, X, 27, 3, p. 408.

[2] G. Hoffmann—Auszüge aus syrischen Akten persischer Martyrer. Mar Giwargis, p. 104;«Abhandlung für die Kunde des Morgenlandes». B. VII, 3, Leipzig, 1880.

[3] Chronicle of Ioshua Stylite, § 39, p. 35.

[4] Ibid., Transl., p. 29.

Дехканы, низший дворянский слой, были одной из основ экономической жизни Персидского государства, так как, имея земельную собственность, они несли ответственность за подать. Имея в виду это обстоятельство, правительство стремилось их щадить. Так, Хормизд (579—590) в распоряжении, запрещающем войскам обижать мирное население, упоминает дехкан. Сближение, которое делает Райт, справедливо, так как и в Иране и в Византии вопрос идет о том же слое средних землевладельцев. Но в истории аграрных отношений этому вопросу внимания не уделено. Между тем, несомненно, этот социальный слой имеют в виду новеллы Юстиниана, в которых упоминаются δεσπόται τῶν γεωργῶν или просто δεσπόται в сочетании с приписными колонами[1]. Живые подробности, которыми охарактеризованы эти землевладельцы сирийской хроникой (в вопросе о податях и других повинностях в особенности), в греческих источниках отсутствуют. Характерно, что как термин mari curie, так и функции их как средних землевладельцев пережили арабское завоевание. Акад. И. Ю. Крачковский указывал, что в эпоху халифата встречается термин ruassa rišana, соответствующий по своему смыслу «деревенским господам» сирийской хроники византийской эпохи.

Основное население города хрониками называется umane. Это ассирийское ummanu соответствует латинскому opifex, artifex, fabricator[2]. Так могут быть названы искусные, испытанные в каком-либо производстве мастера, кустари, ремесленники. Но umane в словоупотреблении V в. не представляют собой единого сословия. Ремесленником—umana—источники называют и неквалифицированного, несущего наиболее тяжелый, полурабский труд рабочего, и кустаря, имеющего мастерскую и лавку, где он сбывает свой продукт. Рабочими в первую очередь были все работавшие на постройках и сооружениях: каменотесы, каменщики, кровельщики. Кузнецы и работающие с металлами бывали заняты на таких сложных сооружениях, как шлюзы на Дайсане, которые были обшиты железом и снабжены запорами. Имевшие вьючных животных были заняты всеми видами перевозок. Собственность такого рода рабочих могла заключаться только в примитивном орудии производства и животном—осле, собаке, муле. Многие не имели и этого. Тип заработка рабочих—поденный, они «стоят на торжище», ожидая работы. Условия труда были тяжелыми, заработок задерживался, не выдавался, рабочих обсчитывали[3]. Работодатели всячески злоупотребляли преимуществами своего экономического и привилегиями правового положения. На работах были надсмотрщики, которые оплачивались особенно хорошо, так что «карманы их наполнялись». Они, конечно, применяли те способы понуждения и контроля, которые были приняты в суровых условиях, выработавшихся в обращении с рабами. Вербовались рабочие из свободных людей; среди них были отпущенники, немалый процент составляли беглые рабы, колоны, покинувшие свой надел и тяжкие подати.

Анализ терминологии сирийских исторических источников вскрывает сущность господствовавших социальных отношений. Эксплоатация неимущих классов высшими наглядно обнаруживается в способах взимания податей и во всевозможных повинностях.

---

[1] Novellae, ed. Schoell, 80, c. 2, p. 391.
[2] Payne Smith—Thesaurus syriacus, t. I, p. 237.
[3] Zachariae Mityl., ed. Brooks, l. VII, c. 6, p. 36.

II. Подати и повинности

Финансовое ведомство Восточноримской империи, или, по выражению Маркса, «ведомство по ограблению своего собственного народа», занимало центральное место в системе управления. Хроника Иешу Стилита содержит богатый и красочный материал о том сложном и тяжком грузе податей и повинностей, который возлагало правительство Восточной империи на рубеже V и VI вв. на своих подданных. Сама по себе сложная податная система империи усложнялась еще более тем, что в отдельных провинциях она имела свои особенности.

Сирийские источники неоднократно возвращаются к государственным податям, обременявшим как сельское, так и городское население. Они называют их греческим словом, которое транскрибировано в сирийском тексте συντέλεια.

Системы взимания натуральной подати, аннон, в азиатских провинциях Византии я коснулась в статье о податной реформе в Иране в середине VI в[1]. Можно указать еще на следующие свидетельства сирийских исторических источников о податях и повинностях.

Хроника Иешу Стилита отмечает ответственность землевладельца за уплату податей. В 499—500 гг., стремясь выжать подать из разоренной недородом и саранчой области, эгемон действовал через «деревенских господ», которых он «забрал и мучил великими мучениями и наказывал»[2]. Он поступал так сурово и жестоко, что смог послать «золото» в столицу прежде, чем там успели выпросить снижение подати. Скупой Анастасий поспешил оставить деньги у себя.

Отмена подати императором, которой «радовались деревенские господа», не меняла положения непосредственных производителей. Это следует из сообщений Иешу Стилита за 505—506 гг., когда «простые из народа», тяготясь постоем византийского войска, преимущественно состоявшего из готов, «возмущались, кричали и говорили: «Несправедливо, что у нас расположились готы, а не у деревенских господ, которым о к а з а н а п о м о щ ь этой о т м е н о й п о д а т и»[3]. Такие заявления «простого народа» указывают на то, что облегчения подати касались владельцев и не отражались на тех, кто возделывал землю.

Ответственность за внесение податей крестьянскими общинами селений, не принадлежавших какому-либо владельцу, лежала на них самих. Сдача продукта и выплата денег обычно производилась через старост, sabe, управлявших деревней.

Иешу Стилит, упоминая о податях, оставил свидетельство о надбавке, придаче, ἐπιβολή, одном из способов самого жестокого налогового гнета, имевшем широкое распространение в византийскую эпоху. Сущность этой меры заключалась в том, что землевладелец, неся ответственность за государственные повинности, лежавшие на земле, получал в порядке принуждения отрезки государственной или выморочной земли, за которую он обязывался вносить подать. Подчас это были земли, на которых еще оставались крестьяне, приписные колоны; в таком случае они с землей переходили к соседнему, имущественно более крупному владельцу, который обеспечивал государству поступление податей. Таков общий смысл

[1] «К вопросу о податной системе Хосроя Анушервана», «Вестник древней истории», № 1, стр. 143—153.

[2] I o s h u a, § 39, стр. 35.

[3] Т а м ж е, стр. 85.

ἐπιβολή[1]. В дальнейшем проведение «надбавки» перешло в римскую, а затем в византийскую эпоху. В VI в., для времени Юстиниана, автор «Тайной истории» характеризовал эту принудительную меру как тяжелую для землевладельца. По его словам, Юстиниан не постеснялся к землям, не совершенно опустошенным, присоединить земли, которые были покинуты и помещиками и крестьянами, бежавшими от тягостей[2].

Такие оставленные земли, agri deserti, навязывали по принципу соседства другому владельцу. Принудительно ему давалось право на владение этой землей, а потому он был вынужден отвечать и за подати, лежащие на ней[3]. Эдикт префекта претория Зотика, относящийся к 511—512 гг., т. е. ко времени Анастасия, считается первым четким упоминанием об epibole в Византийской империи[4]. Это не введение нового закона, а некоторые изъятия, сделанные из уже действующего законодательства. Надбавка была распространена повсеместно. Приведенные данные свидетельствуют об этом. Под 811 г. селевкидской эры, соответствующим 499, 500 гг. н. э., хроника сообщает, что епископ эдесский Петр отправился в Константинополь просить о том, чтобы подать Эдессе была облегчена. Тем временем, эгемон принял суровые меры, о которых сообщено выше, и принудил «деревенских господ» выплатить подать, а деньги послал в столицу. «Когда увидал император, что пришло ему золото, он не пожелал его отдать, но чтобы не отсылать отца нашего (т. е. епископа-ходатая) ни с чем, он снял ἐπιβολαί с деревенских и их стоимость, которую они платили, а городских освободил от заготовки воды ромеям (разумеются византийские войска)»[5].

Из этого текста следует, что отмена надбавки была значительным облегчением для землевладельцев, так как они получали возможность не выплачивать стоимость податей с этих добавочно навязанных им земель. Такое указание хроники не оставляет сомнения в том, что навязывание пустующей земли распространялась на азиатские провинции так же, как это было давно известно для африканских. Касалась надбавка землевладельцев и свободных крестьянских общин, но не колонов, прикрепленных к земле[6]. Отмена взносов по надбавке облегчала, однако, положение «деревенских господ», землевладельцев, но не производителей в деревне.

На городское население государство налагало ряд обязанностей. Одни из них носили характер повинности, как, например, поставка воды городскому гарнизону, выпечка хлеба для армии, перевозка зерна и других грузов. Особенно тяжелой была денежная подать, так называемый хрисаргир (χρυσάργυρον), выплачиваемый серебром и золотом, вследствие чего ему и было присвоено самое название. Впервые этой податью обложил городское население Константин в 314 г., с тем, чтобы она выплачивалась каждый пятый, юбилейный, год. Она поступала для удовлетворения денежных нужд государства, из которых первой была оплата войска. Хрисаргир фактически взимался при воцарении каждого нового импера-

[1] Monnier—Etude du droit byzantin. L'épibolé («Revue historique», 1892); Ostrogorsky—Das Steuersystem im byzantinischen Altertum und Mittelalter («Byzantion», 1931, t. 1); Rouillard—L'épibolé au temps d'Alexis I Comnène («Byzantion», 1935).

[2] Procopius—Anecdota 23_5, ed. Kraschenninnikov, p. 107—108.

[3] Б. Панченко—О тайной истории Прокопия, СПБ, 1898, стр. 142 сл. Новелла 521—523 гг. при Демосфене епархе. Novellae, 166, ed. Schoell, p. 753.

[4] Novellae, 168, ed. Schoell, Berlini, 1904, p. 755.

[5] Ioshua, § 39, стр. 35.

[6] Monnier, l. c.

тора, а затем его повторяли, не ожидая ни пятого, ни даже четвертого года. Такие неожиданные и неравномерные требования особенно тяжело ложились на плательщиков[1]. Обложено этой податью было городское население, причем крупные владельцы к ней не привлекались, так как они платили взносы по земле. Но с тем большей жестокостью взимался хрисаргир со всех остальных и особенно тяжело падал на неимущих. Облагались буквально всякое ремесло, всякая поделка, мастерские, лавки. Облагались владельцы и вьючных животных, лошади, мула, так как они могли быть использованы для работы по перевозкам. Даже с осла и собаки надо было выплачивать пол-кератиона (demisiliqua)[2]. Хрисаргир вносили и блудницы и нищие. Зосима подробно рассказывает о том, чем был хрисаргир для городского населения; взыскивался он с большой жестокостью, так что родителям приходилось продавать детей, делать дочерей проститутками, лишь бы выплатить деньги[3]. Для учета составлялись специальные списки плательщиков, negoticatorum matricula. В кодексе Феодосия[4] хрисаргир упоминается неоднократно, но изъятий из него делается очень мало, во всяком случае с конца IV в. (Валентиниан) те крестьяне и колоны, которые торговали в городе своими собственными продуктами, были от него избавлены. Не платили его врачи и учителя. «Врачи и всяких наук учителя, находящиеся в городах и в области (behora), освобождены от всякой подати: именно, они не платят ни подушную подать (kesef riša), ни хрисаргир и не могут быть принуждаемы быть опекунами сирот и попечителями, так как врачи врачуют тела, а ученые—души»[5]. Сирийскому Законнику известна эта подать. Закон с незначительными вариантами повторяется во многих списках Законника; более поздние из них опускают термин хрисаргир, потому что с его отменой смысл слова был утерян и переписчики его пропускали.

Ненавистный хрисаргир был уничтожен Анастасием. Из византийских летописцев об этом кратко упоминает Иоанн Малала, а Евагрий, уделивший этому много места, сообщает, что при этом были сожжены списки, которые имелись у чиновников фиска для взимания налога[6].

Только с помощью сирийских источников может быть установлена точная дата указа. Эдесская хроника говорит: «В год 809 (498) в месяце ияре (май) отменен был хрисаргирон по всей земле»[7]. Источником Эдесской хроники был Иешу Стилит[8].

О том, насколько обременительна была подать, лучше всего говорит описание этой хроники:

«В тот же год (809=497/98 г. н. э.) вышел приказ Анастасия отменить хрисаргир, который давали ремесленники раз в четыре года, и они были освобождены от подати. И не только в Эдессу пришел этот приказ,

---

[1] RE, Collatio lustralis (Seeck), IV, p. 370—376.

[2] Iohannes Malala, ed. Dindorf, p. 394.

[3] Zosimi — Historia nova, ed. Mendelssohn, Lipsiae, 1887, p. 96; lib. II, cap. 38.

[4] Cod. Theod., XIII, I, 6.

[5] Bruns und Sachau—Syrisch-römisches Rechtsbuch, 1. I, 116, S. 32; Sachau—Syrische Rechtsbücher, I, 1907, R I, 67, S. 36.

[6] Iohannes Malala—Chronographia, ed. Dindorfus, lib. 16, S. 398; Evagrius, ed. Bidez et Permantier, 1898, III, 39.

[7] Chronicon Edessenum, Corpus scriptorum Orientalium, script. Syri, Series 3, t. 4, p. 8.

[8] Hallier—Untersuchungen über die Quellen der Edessenischen Chronik, Leipzig, 1892, S. 28, 33.

но и во все города ромейского владычества. Давали же эдесситы раз в четыре года сто сорок литр золота»[1].

Если считать литру равной 273 граммам, то выплачиваемые Эдессой раз в четыре года 140 римских литр составляют 38,3 кг золота—сумма, конечно, немалая.

Хронист сообщает и о том, как приветствовали ремесленники уничтожение налога и как торжественно его отпраздновали: «... Радовался весь город; в белое оделись все от мала до велика; неся горящие восковые свечи, дымящиеся курильницы, они вышли с псалмами и песнопениями»; пробыв у храма мар Саргиса и мар Шемона за городом, «они вернулись в город и на всю неделю устроили праздник радости и веселия и постановили, что будут делать этот праздник из года в год. Возлежали и веселились все ремесленники (umane), омывались и пировали во дворе храма и во всех портиках города»[2]. Помимо выплаты податей и налогов, на городском и сельском населении лежал ряд натуральных повинностей. К числу их относятся, например, обязанности по обслуживанию городского гарнизона обременительной доставкой воды, которая требовала как рабочих рук, так и применения вьючных животных[3].

Во время персидской войны изготовление хлеба в Эдессе стало повинностью всего населения. Для войны с Персией Византия выставила на своей восточной границе большое войско. Дисциплина в этом, преимущественно состоявшем из варваров, войске отсутствовала, оно грабило и обирало мирное население. «Готы», как называют сирийцы эти полки, были грозой в городе и деревне. Прокопий повторяет мнение населения о византийских солдатах, говоря: «издавна у них закон—бояться персов и грабить крестьян»[4]. Армию надо было кормить, и выпечку хлеба пришлось сделать повинностью. Население выпекало солдатский хлеб βουκέλλατον из выдаваемой ему государством пшеницы за свой счет.

В мае 503 г. Аппион епарх прибыл в Эдессу, чтобы заботиться о пропитании войска, которое было с ним. Так как не было достаточно хлеба, выпекаемого хлебопеками, он приказал выдать пшеницу на каждый двор, находящийся в Эдессе, и они делали солдатский хлеб за свой счет[5]. В месяце ияре (май) 504 г. Каллиопа Алеппский стал епархом; он «поселился в Эдессе» и дал пшеницу горожанам, чтобы они выпекали солдатский хлеб. В этот раз они выпекли 850 000 модиев пшеницы. Аппион же был отправлен в Александрию и «там он изготовлял солдатский хлеб и посылал его»[6]. В другом месте Иешу Стилит говорит, что в Эдессе было изготовлено 630 000 модиев, «кроме того, что выпекали деревенские во всей области, булочники-пришельцы (aksenaie) и местные»[7].

Выпечка солдатского хлеба явилась, таким образом, своеобразной принудительной подворной повинностью как для городского, так и для сельского населения. Еще более тяжелой повинностью для населения был постой армии. Расквартированием войск ведала верхушка местной знати—rišane bnai atra. Взятки, которые она брала, не избавляли, однако, никого от постоя. Готские дружины, входившие в состав византийского войска,

[1] Ioshua, стр. 26. Stein—Die Aufhebung der aurilustralis collatio und das ἀερικόν («Hermes», t. 52, 1917, S. 578—583).
[2] Ioshua, стр. 26.
[3] Там же, § 39, стр. 35.
[4] Procopius—De bello persico, ed. Haury, 1905, 1, 9, p. 41.
[5] Ioshua, стр. 52.
[6] Там же, стр. 67.
[7] Там же, стр. 73.

грабили, всячески обижали и мучили население. Об этом подробно рассказывает летописец и в заключение прибавляет, что «ромейские войска пришли под именем спасителей, чтобы помочь нам, а когда приходили и уходили, грабили нас почти так же, как и неприятель»[1].

Вполне понятно, с каким ожесточением должно было население относиться к войску. В свете сообщений сирийской хроники можно по-новому оценить текст Малалы относительно увеличения денежных поступлений с податной земельной единицы (χρυσοτέλεια τῶν ἰούγων). Малала мотивирует это тем, что Анастасий не желал, чтобы войско разграбляло и съедало продукты[2]. Увеличение денежных поступлений устраивало казну, а кормиться войскам совершенно цинично предоставляли за счет населения, которое они обирали. Этим путем государство оберегало свои фискальные интересы, а войско получало продукты питания насильственным путем[3]. В особенно напряженные минуты государство стремилось вознаградить население за потери. В 502—503 гг., в то время как Кавад угрожал Эдессе, стратилат Ареобинд раздал деревенским (kuriaie), которые были в городе, триста динариев[4]. Но такие подарки не могли и временно успокоить население, недовольства которого власть начинала опасаться. В 505—506 гг. массы были доведены до отчаяния. В этом году полководец Роман, носивший звание дукса, расположился со своими войсками в Эдессе и, желая задобрить население, роздал «милостыню бедным». Анастасий, принимая во внимание катастрофическое положение области, освободил от уплаты денежной подати (συντέλεια) всю Месопотамию, и «радовались все деревенские господа и прославляли императора»[5]. Эта мера касалась одного только класса землевладельцев, которым она принесла облегчение, и радовались ей только «деревенские господа». Следствием этого было бурное негодование «простых из народа», требовавших перевода войск на постой к богатым. Возмущение масс было настолько сильно, что префект (епарх) приказал выполнить их требование. Когда начали переводить войска, собрались все богатые и знатные города к Роману дуксу и просили его: «пусть прикажет твоя высота, сколько должен получать каждый из готов в месяц, чтобы, когда они войдут в дома имущих, не грабили, как они ограбили простых». «Он принял их просьбу и приказал им (воинам), чтобы они получали эсподу масла в месяц, двести литр дров, кровать и матрац на двоих»[6].

Возмущение было поднято «простыми из народа»—kutna damen ama, говорит летопись, но никак не диференцирует этого указания. Судя по тому, что подать была снята с «деревенских господ», следует предположить, что это был протест сельского населения, на котором осталась вся тяжесть натуральной повинности, постоя солдат и их грабежей[7]. Причастными были и ремесленники, городские «бедные», «малые», у которых воины располагались прямо в мастерских. Положение было настолько угрожающим, что правительство капитулировало; войско стали переводить на постой к «богатым». Оставаться в этом положении владельцы не захо-

[1] Ioshua, стр. 80.
[2] Iohannes Malala, ed. Dindorfus, 1831, S. 394.
[3] Стремление регулировать снабжение войск сказалось в законодательстве Анастасия. Cod. Just., ed. Krüger, XII, 37, 19, 1, S. 474.
[4] Ioshua, стр. 63. В Государственном Эрмитаже в Ленинграде имеется портретное изображение Ареобинда, раздающего деньги (Византийский отдел).
[5] Там же, стр. 84.
[6] Там же, стр. 85.
[7] Там же, стр. 86.

тели. Не имея возможности добиться изменения приказа епарха Каллиопы[1], они обратились к Роману с тем, чтобы он ограничил претензии своих солдат, на что дукс согласился. Для классового характера государства типично, что, когда дело коснулось владельцев, «богатых», сократить аппетиты войска нашли возможным, в домах же «бедных» им предоставляли бесчинствовать. Но интересно, что в этой попытке правительство проявило жалкое бессилие. Привыкшие к грабежам готы не спустили своему полководцу распоряжения, ограничивавшего их претензии. Они ворвались в дом, где он жил, намереваясь его убить: Роман спасся, убежав по крышам в другой дом. «С тех пор никто не смел им ничего сказать, они жили, где и как хотели»[2]. Положение коренного населения стало еще более тяжелым, так как в апреле (нисан) 506 г. высший византийский военачальник, magister militum, собрал в Эдессе все войска, подготовляя наступление на Иран. Солдаты квартировали не только в городе, но и во всех окрестных селениях и монастырях. В городе они бесчинствовали, пьянствовали, дрались, убивали друг друга, продолжали мучить, оскорблять, издеваться и увечить население[3]. Но терпение истощилось, и благонамеренный летописец с большим смущением сообщает о том, что горожане сделали нечто «недолжное». Зло было так велико, положение до того тягостно, «что те дерзкие, которые были среди эдесситов», осмелились на «нечто совсем неподобающее», так как ропот против магистра они записали в хартиях и «тайно вывесили в людных местах города»[4].

В городе, следовательно, существовала целая группа лиц, которые решились все неудовольствия против военачальника высказать в письменном виде. Они вывесили затем эти хартии, пергаментные свитки, на самых бойких местах, где обычно толпился народ. Это были своего рода прокламации. Некоторое сравнение может быть сделано со стишками на статуе императора, о которых сообщает Иоанн Лидийский.

Содержание хартий неизвестно. Магистр Целер не только «не рассердился» и «не разыскивал того, кто это сделал», но «приложил большое старание, чтобы скорее и короче покинуть Эдессу»[5]. Хроника Иешу Стилита уверяет, что он не сделал ничего по своей «мягкости», но нет сомнения, что он был напуган напряженным настроением города.

Писание и вывешивание грамот можно рассматривать, как действия тех же «простых из народа», под давлением которых епарх стал расквартировывать войска и у «богатых». Протест мог исходить от ремесленников, которых поддерживало сельское население, также затронутое постоем. Во всяком случае следствием всего этого был увод Целером войск из Эдессы. Насколько хорошо он запомнил данный ему урок и как опасался возмущения, говорит то, что, проходя с армией в конце 506 г. (ноябрь или декабрь) мимо Эдессы, он не решился войти в нее, боясь «ропота». Уговоры епископа убедили его смягчить свое настроение. Недовольство Целера, его обида, очевидно, требовали переговоров, которые и повел епископ. Тем не менее, в Эдессе Целер остался только три дня, а войско его прошло дальше, вовсе не заходя в город.

Очевидно магистром Целером и епархом Каллиопой было сделано соответствующее донесение в Константинополь, так как Анастасий прислал

[1] Ioshua, § 77.
[2] Там же, стр. 86.
[3] Там же, стр. 87.
[4] Там же, стр. 88.
[5] Там же, стр. 88.

им письмо, которое было «полно заботы и милости ко всей земле Месопотамской». Оно разрешало им снять подать с Месопотамии по своему усмотрению. Магистр и епарх решили сложить с амидян всю подать, а с эдесситов—половину, о чем сообщили им письменно. Это было тоже попыткой несколько успокоить возбужденный город и прилегавшую область.

«Забота и милость» Анастасия в отношении Месопотамии были в первую очередь вызваны стремлением восстановить платежеспособность области, разоренной войной, недородом и болезнями.

Одновременное существование рабства и колоната, засвидетельствованное Сирийским Законником, хрониками VI в., может служить иллюстрацией к словам Энгельса, что «умирающее рабство оставило свое ядовитое жало в презрении свободных к производительному труду»[1] и низводило его на уровень рабского. Способ отчисления податей и всякого рода повинностей, взимавшихся с сельского и городского населения, показывает метод работы «ведомства по ограблению своего собственного народа». Неудивительно, что в невыносимых условиях жизни, когда систематическое недоедание непосредственных производителей сменялось длительными периодами голода, а выжимание податей—изнурительными и разорительными войнами,—бурный натиск арабов веком позже не встретил сопротивления и был увенчан легкой и быстрой победой.

[1] Энгельс—Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 144, М. 1937.

У-СУНЬСКИЕ МОГИЛЬНИКИ НА ТЕРРИТОРИИ КИРГИЗСКОЙ ССР

К истории у-суней

М. В. Воеводский и М. П. Грязнов

Степи Киргизской ССР сохранили на своей поверхности множество памятников различных эпох. Курганы большие и малые, могилы, сложенные из камня и сырцовых кирпичей, развалины городов, остатки древних оросительных каналов, каменные изваяния и многие другие следы былой деятельности человека встречаются почти на каждом шагу. Еще больше памятников прошлого скрыто в недрах земли. Реки, разрушая крутые берега, обнажают культурные слои городищ и других поселений. Волны прибоя озера Иссык-Куль вымывают из земли древние орудия, потерянные человеком тысячи лет назад. Земляные работы, производимые для прокладки ли дорог, для посадки ли плодовых деревьев или для других надобностей, сопровождаются часто находками разных предметов, зарытых, потерянных или брошенных людьми давно забытых времен.

Между тем, история племен и народов, населявших на протяжении многих тысячелетий степи и горы Киргизской ССР и оставивших эти бесчисленные памятники, в значительной своей части нам совершенно неизвестна. В археологическом отношении эта страна крайне слабо изучена, а потому древнейшие периоды ее истории, о которых не сохранилось письменных источников, остаются белым пятном в истории народов СССР. Подробные сведения о народах, живших на территории современной Киргизской ССР, относятся к концу II в. до н. э., когда по китайским летописям здесь обитал кочевой народ у-сунь. Но и эти сведения чрезвычайно скудны.

В конце II в. до н. э. Китай установил постоянные сношения с у-сунями. В лице у-суней Китай искал союзника в борьбе против гуннов. Для укрепления этого союза Китай неоднократно отправлял в жены у-сунь-ским «царям» знатных китаянок и богатые дары. У-суни отдаривались огромными табунами лошадей. Все свое основное внимание китайские летописцы уделяют краткому описанию этих сношений с у-сунями и не менее краткому рассказу о политической истории у-суней. О хозяйственной и социальный жизни у-суней почти ничего не говорится, если не считать сомнительных цифр о количестве населения и скота и трафаретных фраз об отсутствии у них городов, земледелия и садоводства и о перекочевках с места на место, «смотря по приволью в траве и воде».

Правда, детальное изучение всех имеющихся в китайских летописях мимолетных замечаний о тех или иных особенностях у-суньского быта по-

зволяет составить о нем несколько более подробное представление. Однако полученные таким путем заключения должны быть проверены на вполне достоверном материале и значительно дополнены, так как китайские источники односторонни и во многих случаях дают искаженное представление.

Вот почему чрезвычайно важно иметь археологический материал, относящийся к эпохе у-суней. А памятников этой эпохи сохранилось много.

Раскопанные Ф. В. Поярковым четыре кургана близ с. Лебединки не дали никаких находок, но, судя по устройству могил, могут быть отнесены к первым векам нашей эры[1]. Более обширные раскопки А. М. Фетисова, произведенные им в различных пунктах, в большинстве случаев также не сопровождались находками. Вскрытые курганы относятся, повидимому, к поздним эпохам. Только в двух из исследованных им могильников (Орта-токой и Ак-чат) сделаны находки, дающие интересный материал, но и эти могильники принадлежат к позднему времени—VIII—IX вв. Об этом говорит характер найденных предметов и китайские монеты 707—709 гг.[2].

Наиболее интересны и богаты материалом раскопки Г. Гейкеля (1899—1900 гг.), приуроченные, правда, к несколько более западному району—к долине р. Талас[3]. Курганы в Аиртан (№ 1—7) знакомят нас со временем, предшествующим эпохе у-суней—VI—V вв. до н. э. К этому же времени относятся, повидимому, и курганы в Чик-тюе (№ 23—27). Курганы в Джунг-тепе (№ 15—22) дают материал более поздний, относящийся к III—IV вв. н. э. Курганы в Карбусе (№ 10) и Куян-тугае (№ 11 —14) принадлежат, вероятно, тому же времени. Таким образом, мы имеем памятники и предшествующие интересующей нас эпохе у-суней и последующие за ней. Это интересно в том отношении, что позволяет изучать материальную культуру у-суней в исторической перспективе, но для характеристики собственно у-суньского общества дает пока очень мало.

Перечисленными раскопками исчерпываются исследования древних курганов и могил. Полученные материалы не нашли еще в археологической литературе своего освещения. Не было даже попыток датировать те или иные из раскопанных памятников за исключением одного случая—могильника в Орта-токой. Поэтому всякий раз новые раскопки на территории Киргизской ССР представляют большой интерес. Интересными оказались и раскопки четырех курганных могильников, произведенные авторами в 1928—1929 гг. по поручению Среднеазиатского комитета по охране памятников старины и искусства (Средазкомстариса). Раскопки удачны в том отношении, что все четыре могильника оказались принадлежащими к одному времени—к первым векам до нашей эры, т. е. ко времени, когда в степях Киргизской ССР обитали у-суни.

Первыми были исследованы буранинские курганы, находящиеся в широкой долине р. Чу, в 12 км к югу от города Токмака и в 3—4 км к ССЗ от башни «Бурана». Здесь, в широкой открытой долине, среди распаханных степей, располагалось семь распаханных же, а потому едва заметных, почти сравнявшихся с окружающей поверхностью, курганов. Они вытянулись цепочкой в одну линию по направлению с севера на юг (рис. 7). При диаметре в 17—20 м высота их не превышала 70 см. Только два край-

[1] См. ОАК за 1897 г., стр 56.

[2] То же за 1899 г., стр. 75, и за 1891 г., стр. 56.

[3] H. I. H e i k e l—Altertümer aus dem Tale des Talas im Turkestan. Société Finno-Ougrienne. Travaux éthnographiques, VII, Helsinki, 1918.

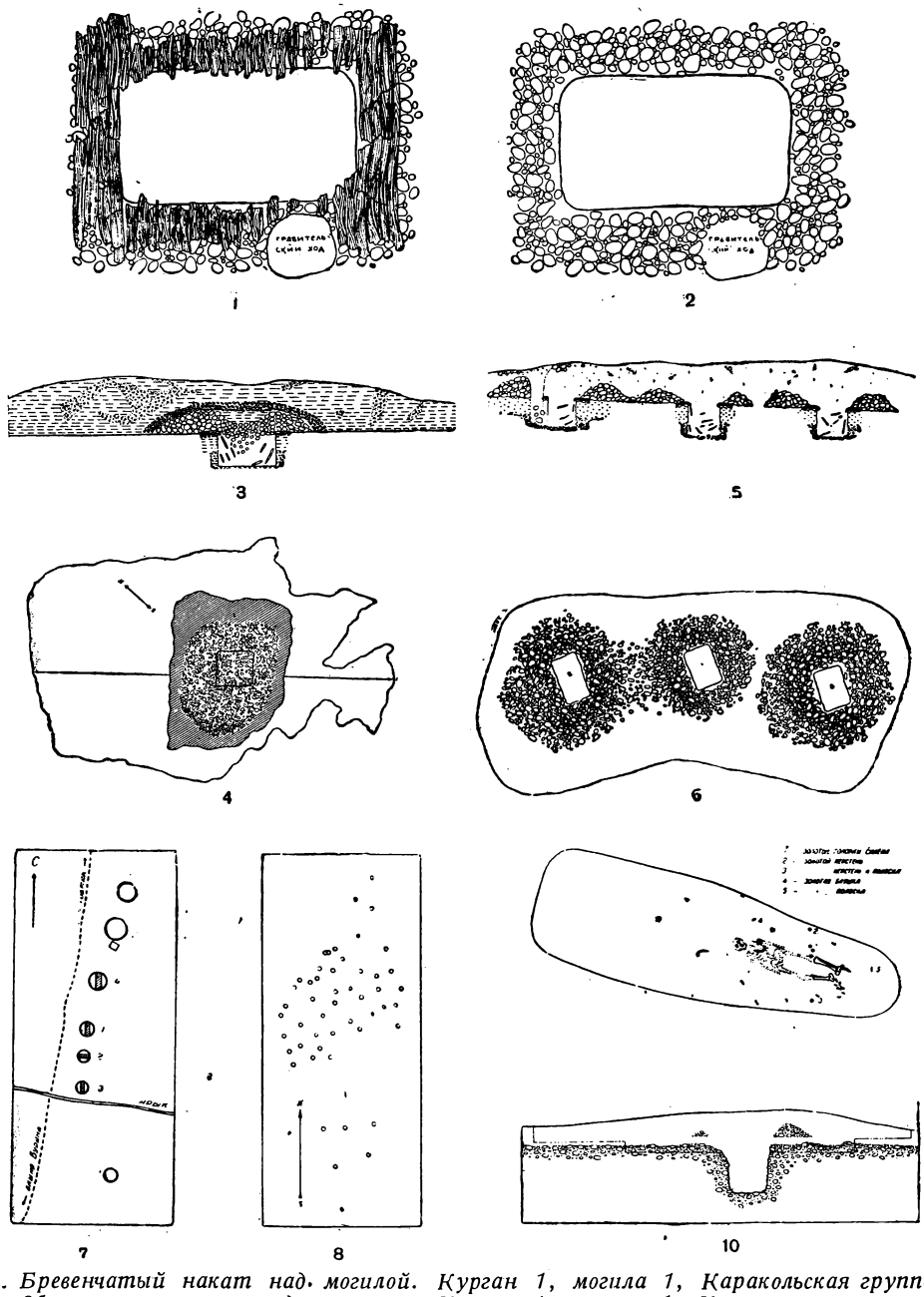
них северных кургана не были распаханы, так как рядом с ними, а частью и на них, расположены могилы современного киргизского кладбища. Насыпи этих курганов достигают 1,5 м высоты и видны на расстоянии.

Раскопанные в 1928 г. четыре кургана одинаковы по своему внутреннему устройству. Насыпи во всех случаях сложены из леса. Под каждой насыпью вырыта грунтовая яма, имеющая в плане форму удлиненного овала. Только в одном кургане (№ 4) были две могильных ямы (рис. 25). Ямы ориентированы по направлению с востока на запад с незначительными отклонениями в обе стороны. Они вырыты в каменистом грунте, сложенном из крупных речных галек. В момент раскопок могильные ямы были заполнены лессом с небольшой примесью речных галек, а выброшенный из ямы при ее рытье грунт лежал по бокам на древней поверхности степи, образуя под насыпью вокруг ямы каменное кольцо. При сооружении курганов могильные ямы засыпались землей. Об этом говорят полное отсутствие каких-либо остатков покрытия поверх могил и наблюдения над способом разграбления могил.

Все могилы были разграблены, повидимому, еще в древности. В кургане № 3 труп к моменту ограбления не успел еще полностью разложиться и был целиком переброшен грабителями на новое место (рис. 11). Так как могильные ямы были заполнены землей, грабителям приходилось перерывать всю могилу. Все, что здесь находилось, было похищено или переломано и разбросано в полном беспорядке. Только в некоторых могилах сохранились на своем первоначальном месте отдельные части скелета и раздавленные глиняные сосуды. Уцелело некоторое количество мелких предметов, случайно ускользнувших от внимания грабителей. Многое, даже не представлявшее для грабителей ценности, было ими выброшено из могилы. То, что найдено при раскопках, представляет собой незначительную часть всех погребенных с покойниками предметов, но и это немногое, сохранившееся после грабителей, дает чрезвычайно интересный и новый материал для изучения одной из эпох в древней истории народов Средней Азии.

В первом кургане, занимавшем центральное место в цепочке (рис. 10), обнаружена большая могильная яма, размерами 5,40 м × 1,70 м и глубиной 2,55 м от древнего горизонта. На дне, поверх комков лесса и немногочисленных камней, залегал слоистый песок, а на нем тонкослоистый, засохший и растрескавшийся ил с гладкой поверхностью. Затем опять комковатый лесс и камни, песок, ил и т. д. Очевидно, заполнение оставленной грабителями пустой могилы происходило в течение нескольких лет.

Найденные в могиле многочисленные мелкие обломки костей принадлежали одному женскому скелету пожилого возраста (40—60 лет). В первоначальном положении сохранились только кости ног ниже колен, по расположению которых можно заключить, что скелет лежал в вытянутом положении, головой на запад (рис. 9). В 10—15 см от левого колена лежали две выпуклых тонких золотых бляшки с горельефным изображением головы сатира (рис. 34). Неподалеку от костей ног найдены, кроме того, два золотых перстня (рис. 12), три вырезанных из листового золота полоски (одна из них с выпуклым орнаментом), золотая фигурная штампованная бляшка (рис. 22) и кусочки красного лака. Несколько выше, в слоях, отложившихся до наступления первой весны после разграбления могилы, обнаружены круглая золотая штампованная бляшка, обломок белой пастовой бусинки, кусочки красного лака и несколько мелких фрагментов желез-



1. Бревенчатый накат над. могилой. Курган 1, могила 1, Каракольская группа. 2. Обрамление могилы под накатом. Курган 1, могила 1, Каракольская группа. 3. Разрез кургана 2, Каракольская группа. 4. План курагана 2, Каракольская группа. 5. Разрез кургана 1, Каракольской курганной группы. 6. План кургана 1, Каракольская группа. 7. План Буранинской курганной группы. 8. План части 1 Чильпекского могильника. 9. План могильной ямы кургана 1, Буранинской группы. 10. Разрез кургана 1, Буранинской группы.

ных предметов. Еще выше, в слоях, отложившихся на второй год после разграбления, еще одна круглая золотая бляшка, белая пастовая бусинка и мелкие фрагменты каких-то железных предметов. Наконец, в слоях третьего, после разграбления, года найдены пять золотых фигурных штампованных бляшек (рис. 20). Кроме того, во всех описанных слоях найдено множество фрагментов глиняной посуды, из которых удалось собрать и склеить шесть сосудов, а также кости барана (поясничные позвонки, крестец и ребро) и коня (зуб и пястная или плюсневая кость).

Во втором кургане, находившемся к югу от первого, могильная яма была значительно меньших размеров (3,3 м × 1,4 м) и не так глубока (1,9 м от поверхности погребенной под насыпью почвы). У края могильной ямы находилась ямка размерами 1,10 м × 0,5 м, заполненная костями человека, выброшенными, вероятно, грабителями из могилы. Глубина ямки 0,20 м от поверхности погребенной почвы. Во всей толще заполнявшей могилу земли находились разрозненные кости человека, фрагменты глиняных сосудов и других предметов. Кости принадлежали не менее чем трем людям: женщине 20—40 лет и двум мужчинам 40—60 лет. На дне могильной ямы, в восточном ее конце, ближе к северному краю, лежали в полном порядке берцовые кости и стопы одного из скелетов. Судя по их расположению, труп должен был лежать на спине, головой на запад.

Около костей ног найдено несколько железных стерженьков (черешки от стрел) и листочки красного лака. Посредине ямы, почти в ее центре, а также на дне, обнаружена раздавленная глиняная чашка, а в западном конце—горло глиняного кувшина. Отдельные фрагменты этого кувшина попадались в разных местах могилы и на разных глубинах (рис. 37). В разных местах, кроме того, найдены 8 медных круглых бляшек с петелькой на оборотной стороне (четыре из них позолочены), 39 трубочек, свернутых из тонких золотых листков, 8 золотых листков, вырезанных в виде несложных фигурок (рис. 13), 4 железных стерженька, обломок неопределенного железного предмета и мелкие обрывки красного лака. Эти предметы, вероятно, случайно пропущены грабителями. Наконец, в могиле найдены также обломки костей барана и коня—остатки пищи, положенной покойнику.

На самом дне могилы, а местами и на бортах ее, сохранились незначительные следы дерева, возможно остатки дощатого пола и стен. Грабители перерыли всю землю в могиле, сначала, повидимому, в восточной половине ее, а затем в западной. При разборке западной части могилы они камней не выбрасывали из могилы наверх, а откидывали их в восточную часть ямы.

Третий курган, расположенный к югу от второго, содержал в себе большую могильную яму размером 5,70 м × 1,70 м. Могила была, как и в предыдущем кургане, вся перерыта грабителями и в той же последовательности. Восточная часть ямы почти доверху была заполнена камнями, переброшенными грабителями (рис. 11). На самом верху этой груды камней был брошен целый глиняный кувшин. В земле, заполнявшей могильную яму, на разных глубинах найдены мелкие обломки костей, повидимому, женского скелета, много фрагментов глиняной посуды (из которых удалось собрать и склеить 9 сосудов), маленькая бусинка, 8 золотых прямоугольных нашивных бляшек с подогнутыми краями (рис. 21), сделанных из листового золота, и 13 золотых листков, нарезанных в виде треугольников, ромбиков, фигурки в виде запятой и др. (рис. 17).

В западной части могилы, на неровной поверхности перерытой грабителями земли и камней, на высоте 30—40 см над дном могилы, лежал целый

11. План могильной ямы кургана 3, Буранинской группы. 12. Два щитка золотых перстней. Курган 1, Буранинской группы. 13. Золотые украшения. Курган 2, Буранинской группы. 14. План могильной ямы. Курган 1, могила 2, Каракольской группы. 15. Погребение в кургане 2, Чильпекской группы. 16. Погребение в кургане 1, Чильпекский могильник. 17. Золотые украшения. Курган 3, Буранинской группы. 18. Золотое украшение. Курган 4, могила 2, Буранинской группы. 19. Золотое украшение. Курган 4, могила 3, Буранинской группы. 20. Золотая бляшка. Курган 1, Буранинской группы. 21. Золотая бляшка. Курган 3, Буранинской группы. 22. Золотая бляшка. Курган 1, Буранинской группы. 23. Золотая бляшка со звериной мордой. Курган 4, могила 3, Буранинская группа. 24. Сосуд с росписью. Буранинская курганная группа. 25. План кургана 4, Буранинской группы. 26. План кургана 3, Чильпекский могильник (рис. 12, 13, 17—23 в $^1/_1$ н. в.)

скелет мужчины 40—60 лет. Скелет лежал на спине, головой на запад, с протянутыми вдоль тела руками. Отдельные части его находились на разных уровнях, но связь между костями не нарушена. Повидимому, в момент разграбления труп еще не успел разложиться и был грабителями целиком переброшен на новое место.

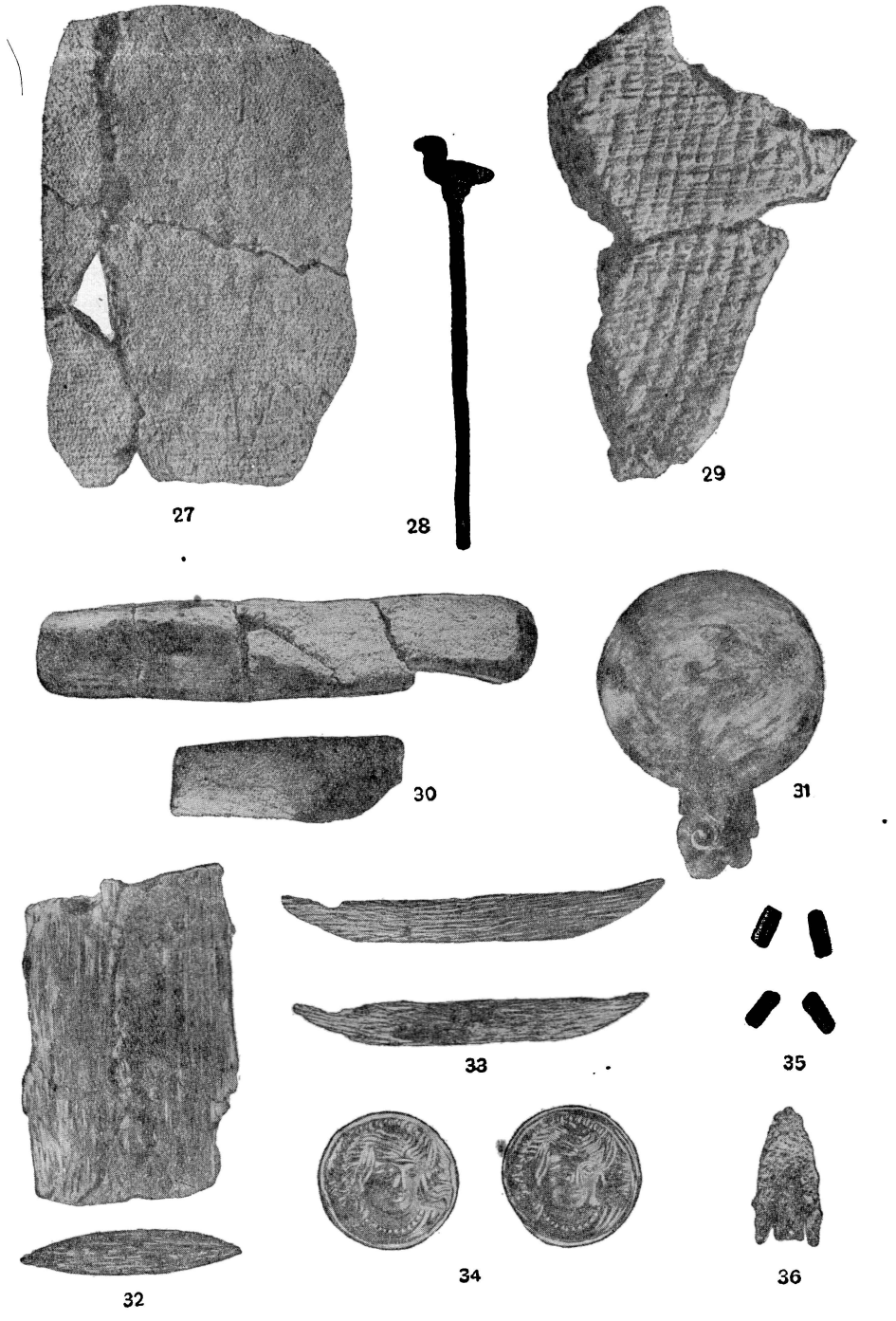
Четвертый курган, расположенный к северу от первого, содержал под своей насыпью две могильных ямы—одну почти в центре, другую в северной части кургана на расстоянии 5 м от первой (рис. 25). Около западного конца центральной могилы в насыпи, на глубине 60 см от ее поверхности, находилось впускное погребение без каких-либо следов могильного ограждения. Скелет лежал на спине с протянутыми вдоль тела руками. Ориентирован по направлению с северо-запада на юго-восток, головой на северо-запад. При скелете не было найдено никаких предметов.

Центральная могила размерами 3,80 м × 1,40 м и глубиной 1,90 м была самой бедной находками из всех исследованных. Она была совершенно опустошена грабителями. Вместе с землей и камнями, смытыми и свалившимися впоследствии в могилу, туда попали обратно выброшенные грабителями наверх предметы. В разных местах и в разных слоях ила, песка и комковатого лесса с камнями, заполнявших, как и в первом кургане, могилу, были собраны немногочисленные обломки костей человека, три мелких обломка костей животных, обломки глиняной посуды, из которых были подобраны и склеены два сосуда, листочек красного лака, мелкий обломок голубой эмали (?) и вырезанная из золотого листка фигурка (рис. 19). Попадались мелкие остатки дерева и угольки.

Лучше сохранилось содержание северной могилы. Здесь, в яме размерами 2,80 м × 1,30 м и глубиной в 1,50 м, в нижних слоях заполнения могильной ямы, лежали разрозненные кости почти полного скелета взрослого мужчины. На дне ямы, в западной ее части, стояли два сосуда: один—целый, другой—раздавленный. Третий сосуд собран из трех фрагментов, лежавших выше, недалеко друг от друга. Среди костей человека найдены также немногочисленные кости барана (крестец) и крупного животного, золотая тисненая бляшка с изображением звериной морды en face (рис. 23), золотой листочек в форме капли, фигурный золотой листочек с подогнутыми краями (рис. 19) и три обрывка листового золота. Всюду попадались следы дерева, являющиеся, повидимому, остатками деревянного сооружения на дне могилы.

Несмотря на разграбление, буранинские курганы дали вполне достаточный материал для их датировки. Крайне слабая изученность древних памятников Киргизской ССР лишает нас какой-либо возможности решать вопрос о датировке буранинских курганов на основании сопоставления их с местными памятниками.

Однако наличие в курганах предметов иноземного происхождения или аналогичных находкам в других районах позволяет установить твердую, хотя и недостаточно точную, хронологическую дату. В первом кургане найдены перстни и золотые головки сатира, повидимому, греко-бактрийской работы. Во всех курганах, кроме третьего, встречены листочки китайского красного лака. Фрагменты лака настолько незначительны, что трудно по ним судить о характере покрытых им предметов и, тем более, о времени этих предметов. Но китайские изделия, в том числе и лаковые, стали широко проникать в Монголию и за ее пределы только со времени образования гуннского племенного союза, т. е. с конца III в. до н. э. или несколько позднее. Наконец, в буранинских курганах найдены разнообраз-



27. Отпечаток ткани на дне сосуда Каракольский группы. 28. Бронзовая булавка из кургана 4, Чильпекской группы. 29. Отпечаток ткани на дне сосуда Каракольской группы. 30. Меловая палочка (косметика?). Курган 2, Чильпекской группы. 31. Зеркало из кургана 2, Чильпекской группы. 32. Обломок меча. Курган 1, могила 2, Каракольской группы. 33. Костяные пластинки из кургана 4. 34. 2 золотые бляшки с изображением головы силена. Курган 1. 35. Бронзовые пронизки от ожерелья. Курган 1, могила 1, Каракольской группы. 36. Наконечник стрелы. Курган 1, могила 2, Каракольской группы (рисунки 31, 33—$^1/_3$ н. в., 27—36—слегка уменьшены)

ные мелкие нашивные бляшки из листового золота, чрезвычайно характерные для сарматских курганов и для курганов II в. до н. э.—I в. н. э. на Алтае (Катанда, Шибе), Караколе и др., и вырезные фигурки из листового золота, также характерные для указанных алтайских курганов. Все это позволяет датировать буранинские курганы временем не ранее III в. до н. э. и не позднее I в. н. э.

К этому же времени, как увидим дальше, следует относить и три курганных могильника, исследованных в 1929 г. в районе города Каракола на восточном берегу озера Иссык-Куль.

Первый из этих могильников находится на окраине самого города Каракола у лесопильного завода, в месте выхода дороги из города на Ак-Су. Он представляет цепочку из шести крупных курганов, расположенных в направлении с севера на юг. Курганы—значительно бо́льших размеров, чем буранинские, достигая до 40—50 м в диаметре и 4—5 м высоты. К моменту исследования описываемые курганы были сильно разрушены ямами для добывания глины, а на одном из них устроена кирпичная обжигальная печь. Для раскопок были выбраны два наиболее угрожаемых кургана, у которых полы были срыты, но центральная часть сохранилась полностью.

Курган № 1. Размеры сохранившейся части насыпи равны 30 м × 25 м, а высота надмогильной насыпи в центре кургана—3 м (рис. 5). Надмогильная насыпь состояла из лессовидного суглинка с гравием и мелкими речными гальками. Земля для кургана бралась, повидимому, частью из могильных ям, а частью из ям близ кургана. Присутствие гравия и гальки в насыпи объясняется тем, что под метровым покровом лессовидного суглинка древней террасы, на которой расположены курганы, залегает толща аллювиальных галечников и гравия, которые выбрасывались вместе с землей при копании могил и попадали затем в насыпь.

Под насыпью обнаружены три могилы, расположенные в одну линию в направлении с севера на юг (рис. 6). Каждая из могил окружена валом из больших речных валунов, среди которых наиболее крупные имели величину до 0,75 м в диаметре. Вал достигал высоты до 1—1,5 м и ширины до 3—4 м. Указанные валуны должны были доставляться специально с долины речки Караколки, протекающей на расстоянии 2—3 км от могильника, так как ближе залежи подобных валунов отсутствуют.

Под валом из валунов оказались остатки наката из толстых бревен тяншаньской ели (по определению проф. А. Ф. Гаммерман), перекрывавших когда-то могилу (рис. 1). Над могильной ямой накат провалился и оказался сильно разрушенным грабительским ходом, но под каменным валом имел прекрасную сохранность. Поверх наката было покрытие из тонкой камышевой цыновки, остатки которой сохранились также хорошо.

Под накатом вокруг всего края могилы шло обрамление шириной 50—60 см, плотно выложенное из небольших плоских галек в один слой (рис. 2). Обрамление это играло роль как бы фундамента для наката. Могильные ямы имели значительные размеры:

№ 1 (центральная)	2,5 × 1,8 м, глубиной	1,8 м
№ 2 (северная)	2,9 × 1,6 м »	1,6 м
№ 3 (южная)	2,5 × 1,8 м »	1,6 м

Все они оказались ограбленными в древнее время, но все же дали много материала как для восстановления картины погребального ритуала, так и для изучения материальной культуры того времени.

37. Сосуд. Буранинская курганная группа. 38. Сосуд. Чильпекская курганная группа. 39. Чаша. Буранинская курганная группа. 40. Сосуд. Чильпекская курганная группа. 41. Сосуд. Каракольская курганная группа. 42. Чаша. Чильпекская курганная группа. 43. Сосуд. Буранинская курганная группа. 44. Сосуд. Буранинская курганная группа. 45. Сосуд. Буранинская курганная группа (рис. 37—45 в 1/4 н. в.)

В могиле № 2 значительная часть предметов была потревожена грабителями и найдена в грабительском ходе и засыпке могилы. Часть сохранилась в непотревоженном виде на дне могилы, рядом с остатками скелета (рис. 14). Около оставшихся на месте костей ног лежали в разбитом виде 11 глиняных чаш и 6 более высоких сосудов (типа рис. 37, 39, 45, 41, 44), крестец и позвонки барана. Кроме того, на дне могилы найдены в перемешанном состоянии 4 железных наконечника стрел (рис. 36) и листочки красного лака от деревянной чашечки, покрытой лаком, а в насыпи (в выбросе из грабительского хода)—обломок железного меча (рис. 32).

Человеческие кости, найденные на дне могилы, а большей частью в грабительском ходе, принадлежали двум скелетам,—взрослому и младенцу.

В могиле № 1 (центральной) на дне были найдены 12 бронзовых пронизок от ожерелья (рис. 35), 2 золотых листочка и одна золотая четковидная пронизка. В засыпке могильной ямы и грабительского хода были найдены кости человеческого скелета, большое количество фрагментов от нескольких глиняных сосудов и позвонки барана.

В могиле № 3 (южной) весь материал оказался перемещенным грабителями и лежал в засыпке хода могилы. Здесь найдены кости одного человеческого скелета, большое количество фрагментов от нескольких глиняных сосудов и часть челюсти барана.

Как видно из приведенного описания, все три могилы были ограблены. В могилы № 1 и 3 грабители проникли прямо сверху, что можно проследить как по следам грабительских ходов, так и по характеру разрушения наката над могилой. В могилу № 2 ход был пробит рядом с могилой. При этом грабитель разбросал камни обрамляющего могилу вала и, пройдя ниже на значительную глубину, проник в могилу, пробив северную боковую стенку (рис. 1, 5). Все ограбления были произведены тогда, когда накат сгнил и провалился, а могильная яма заполнилась землей, т. е. через значительный промежуток времени после захоронения.

Курган № 2 имел несколько иную структуру. Сохранившаяся часть надмогильной насыпи имела размеры 30 м × 20 м и высоту в наивысшей точке 3 м. Насыпь состояла так же, как и в кургане № 1, из лессовидного суглинка с прослойками гравия и мелкой речной гальки (рис. 3).

Под насыпью, в центре кургана, оказалась одна могильная яма размером 2,8 м × 3,0 м и глубиной 1,7 м (рис. 4). Она обрамлена так же, как и в кургане № 1, рамкой из мелких плоских галек и перекрыта накатом из толстых еловых бревен, накрытым сверху камышевой цыновкой. Все это покрыто поверх, округлой в плане, кучей больших речных валунов диаметром 8—9 м и высотой до 1,2 м (рис. 46). Куча валунов покрыта, в свою очередь, слоем глиняных вальков толщиной в 0,5—0,7 м, уложенных по способу среднеазиатской «дувальной» кладки. В плане глинобитное покрытие имеет вид неправильного прямоугольника. Наконец, все это сложное многоярусное сооружение покрыто земляной насыпью.

В центральной части кургана, на его поверхности, имеется заметная западина, накат провалился, и могильная яма оказалась заполненной землей, остатками сгнивших бревен и крупными валунами от каменного покрытия. Из всего этого можно вывести заключение, что первоначально могильная яма не засыпалась землею, а оставалась полой. Каменная же насыпь навалена поверх наката. Стенки и дно могилы, так же, как в кургане № 1, не имели никакой деревянной обкладки, что видно из отсутствия на них остатков древесного тлена.

Могила сильно ограблена. Грабители проникли сбоку, с северо-восточной стороны, прокопав под всем курганом тоннель диаметром около метра, и вышли прямо в могильную яму. Ограбление было совершено в то время, когда накат еще не провалился и яма была полой. Но труп к этому времени уже успел разложиться и оставались лишь несвязанные между собой кости.

На дне могилы в непотревоженном виде не оказалось ни одного предмета. В завале могильной ямы и грабительском ходе были собраны кости одного человеческого скелета, обломки позвонков и костей конечностей,

46. Вид кучи валунов вокруг могилы. Курган 2. Каракольская группа

принадлежавших лошади и барану, и около 50 фрагментов от нескольких глиняных сосудов. Все остальное оказалось унесенным грабителями.

Погребальный инвентарь разграбленных каракольских курганов представлен хотя и немногочисленными, но все же достаточно характерными предметами.

Предметы вооружения, найденные лишь в кургане № 1, могильник 2, состоят из обломка железного меча и четырех наконечников стрел.

Меч—двулезвийный, прямой, шириной 4,5 см и толщиной в средней части 1,0 см. Поперечный разрез клинка имеет вид плоской чечевицы (рис. 32). На обеих поверхностях имеются следы приставшего дерева от ножен.

Наконечники стрел железные, трехгранные, длиной 3—3,5 см, с тремя округлыми в сечении, длинными (1—1,5 см) шипами и длинным черешком для насада в древко стрелы (рис. 36).

Украшения (курган № 1, мог. 1) представлены 12 пронизками от ожерелья, длиной 8—10 мм, свернутыми из тонкой листовой бронзы (рис. 35), одной золотой четковидной пронизкой длиной 3 мм с тремя шаровидными расширениями и двумя листочками золотой фольги. Из них один—прямоугольной формы (размером 7 мм × 10 мм), с двумя небольши-

ми отверстиями для нашивки на одежду, а второй—треугольный, без отверстий, длиной 7 мм.

Глиняная посуда найдена в большом количестве. Объясняется это, прежде всего, тем, что она не представляла ценности для грабителей. Правда, все сосуды в результате ограбления оказались разбитыми, но бóльшую часть из них удалось реставрировать.

Всего в четырех могилах найдено 23 миски и 14 высоких сосудов (типа рис. 41, 44, 45). Из них 4 миски и 2 сосуда в первой могиле кургана № 1; 11 мисок и 6 сосудов во второй могиле; 4 миски и 3 сосуда в третьей могиле и 4 миски и 3 сосуда в кургане № 2.

Часть сосудов, возможно, была поставлена с пищей, а часть—пустой, в качестве запаса посуды, так как некоторые миски стояли стопкой, одна в другой (рис. 14). Глиняные сосуды имеют сравнительно небольшие размеры—вместимость до 2—3 л, а невысокие миски—диаметр 15—18 см.

Кроме пищи в сосудах, в могилы клались еще при каждом погребении куски бараньего и конского мяса, от которого остались хвостовые позвонки и крестцы баранов и кости конечностей лошади.

Сходство погребального обряда, и особенно керамики, каракольских курганов с буранинскими говорит за то, что они относятся к той же эпохе, что и буранинские, т. е. III в. до н. э.—I в. н. э. Такой дате не противоречит находка в первом каракольском кургане железных наконечников стрел, имитирующих форму скифских бронзовых стрел, и бронзовых пронизок, подобных золотым пронизкам второго буранинского кургана, хотя первые нам известны уже с начала IV или даже с конца V в. до н. э.[1], а вторые появляются в Южной Сибири в еще более ранние времена. Находка в том же кургане железного меча и фрагментов китайского красного лака указывает на время, близкое к началу нашего летоисчисления.

Два других могильника, исследованных в 1929 г., находятся у поселка Чильпек, в 4—5 км от города Каракола. Курганы на этих могильниках разбросаны в беспорядке (рис. 8), на пологих склонах отрогов предгорий, господствующих над поселком. Общая площадь, занятая курганным полем, достигает 0,7 кв. км и заключает, повидимому, несколько сотен могил.

Надмогильные насыпи небольшие, диаметром 8—15 м и высотой 0,2—0,8 м. Некоторые курганы едва заметны и их можно обнаружить лишь по двум-трем камням, выступающим на поверхность, или по кустам колючего кустарника, растущего обычно на каменистых местах. Над обоими могильниками, на высоте 50—60 м, господствует цепочка из нескольких больших курганов, аналогичных по внешнему виду и расположению каракольскому и буранинскому могильникам.

Насыпи курганов земляные, в нижней части обложены нешироким кольцом из речных валунов размером до 0,4—0,5 м (рис. 26). Могильная яма обычно расположена в центре кургана, но иногда оказывается несколько смещенной, благодаря оплыванию насыпи вниз по склону. Могильная яма бывает также обрамлена невысоким каменным валом, имеющим иногда вид правильного кольца, с очень правильной выкладкой камней (рис. 26).

Судя по тому, что в завале могильных ям обычно находятся остатки бревен, лежавших в поперечном направлении, и большое количество речных валунов, залегающих на разной высоте, можно предполагать, что

[1] См. P. Rau—Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolga-Gebiet. Pokrowsk, 1929, Taf. VII, VIII, X. XI.

могилы были полыми и поверх покрывались накатом из еловых бревен, заваленным сверху камнями. В некоторых могилах сохранились небольшие остатки цыновок, которыми, повидимому, покрывался сверху накат.

Каждый курган заключает лишь одну могильную яму с одним скелетом покойника. Коллективных захоронений среди вскрытых десяти курганов не встречено вовсе. Для детских погребений также сооружались отдельные могилы с очень небольшими насыпями.

Могильные ямы—длинные и довольно узкие, длиной 2,3—2,9 м, шириной 0,8—1,0 м и глубиной 1,8—2,6 м. Скелеты лежат на дне могилы, на спине, в вытянутом положении, с большим количеством вещей, положенных обычно за головой или по бокам. Судя по остаткам истлевших цыновок и коры дерева, труп лежал на подстилке из древесной коры или на камышевой цыновке и покрывался также цыновкой. Кроме вещей, при каждом погребении лежали хвостовые позвонки баранов и иногда кости конечностей быка, являющиеся остатками пищи, положенной в могилу. Четыре из десяти раскопанных курганов оказались ограбленными. В одном погребении вместе с человеческим скелетом лежал полный скелет коня, но, к сожалению, это погребение оказалось настолько разрушенным норой крупного животного, что картину погребального ритуала восстановить оказалось невозможным.

Устройство насыпи и могилы, погребальный обряд и сопровождающие покойника предметы в общем однообразны во всех курганах. Это дает возможность не загромождать наше изложение описанием всех исследованных курганов, а ознакомиться с их особенностями на примере двух типичных курганов (№ 1 и 2) первого чильпекского могильника.

К у р г а н № 1 имел насыпь высотой 0,6 м (в северной, наиболее высокой точке) диаметром 9,5 м. Вершина насыпи уплощенная, с несколькими едва выступающими на поверхность камнями. В центральной части ее находилась выкладка из валунов, лежащих в виде незамкнутого кольца диаметром 4,5 м. Выкладка имела характер вала шириной до 1,0 м и высотой 0,3—0,4 м, сложенного из небольших речных валунов в один-два слоя. Под насыпью находилась могильная яма, вытянутая с северо-востока на юго-запад, размерами 2,35 м × 0,85 м и глубиной 2,3 м.

В верхней части могилы попадалось много речных валунов, а ниже—крупные обломки полуистлевших бревен, лежавших в разных направлениях, но большей частью поперек могильной ямы. Между бревнами также находились отдельные валуны. На дне могильной ямы лежал скелет. Он покрыт тонким слоем растительного тлена, сохранившего в нескольких местах остатки плетенки из тонких стеблей камыша или чия. Можно предполагать, что труп был покрыт цыновкой.

Скелет лежит на спине, с вытянутыми вдоль тела конечностями, головой на северо-запад (рис. 16). Справа от головы стоят два высоких сосуда с отбитыми ручками (типа рис. 37) и одна глиняная чаша. Рядом с ними—часть позвоночника и крестец барана и сильно разрушенный тонкий железный стержень, похожий на вертел. Около правой же стороны головы лежат остатки какого-то деревянного предмета с воткнутыми в него тонкими медными стерженьками (возможно остатки гребня). Под костяком сохранился тонкий слой древесного тлена, похожий на истлевшую еловую кору.

К у р г а н № 2 высотой 0,7 м и диаметром 10 м, с плоской вершиной. В центре его под насыпью обнаружена выкладка из речных валунов в виде правильного кольца диаметром около 7 м. Кольцо имеет вид вала шириной 1,5 м, выложенного из одного слоя валунов. Основание кургана

также обложено валунами, образующими второе, внешнее кольцо, шириной около 10 м. Особенно хорошо сохранились оба таких же кольца у кургана № 3 (рис. 26). Под насыпью расположена могильная яма, вытянутая с запада на восток, длиной 2,8 м, шириной 0, 95—1,10 м и глубиной 1,9 м. Погребение находилось на дне могильной ямы, причем скелет лежал на подстилке из прямых ветвей толщиной около 1 см и цыновке из чия. Такими же ветвями и цыновкой скелет был покрыт и сверху. Могильная яма, как и в предыдущем кургане, в верхней своей части заполнена землей с валунами, а ниже—землей с обломками бревен и отдельными валунами. Она, повидимому, также была покрыта бревенчатым накатом, заваленным сверху валунами. Скелет лежит на спине, головой на запад, руки вытянуты вдоль туловища, ноги слегка согнуты в коленях (рис. 15). В западной половине могилы, за головой и с правой стороны скелета, разложен погребальный инвентарь, состоящий из двух высоких, более крупных глиняных сосудов (типа рис. 37, 40. 41), одного маленького, 2 низких котелков, из которых один имел своеобразный короткий носик, 2 чаш, одного деревянного овального блюда, размером 0,7 м $\times$ 0,42 м, и небольшой деревянной чашечки. Блюдо служило, повидимому, раньше для резания мяса, так как вся поверхность его покрыта сплошь царапинами и порезами. Блюдо вырезано из тополя (Populus), растущего и в настоящее время в окрестностях Каракола и используемого для выделки посуды. Между сосудами лежало бронзовое зеркало диаметром 9,3 см, с короткой ручкой в виде стилизованной головы грифона (рис. 31), с остатками сильно разрушенного деревянного футляра и короткой деревянной ручкой, приклепанной к бронзовой рукояти. Под зеркалом лежала короткая, сильно потертая меловая палочка размером 10,0 $\times$ 2,0 см и толщиной 1,5 см, являющаяся, повидимому, косметической принадлежностью (рис. 30).

Прочие курганы первого и второго могильников и могильные ямы под ними имели тот же характер, что и описанные выше. Отличия имеются лишь в характере и количестве предметов погребального инвентаря. Следует отметить курган № 4, в котором, как уже отмечалось выше, в одной могиле с человеческим скелетом находился скелет коня. Погребальный инвентарь прочих курганов состоял обычно из глиняных сосудов и чаш в количестве от 3 до 7 экземпляров, деревянного блюда, обломков железных предметов в виде тонких стержней, хвостовых позвонков и крестцов баранов и иногда костей конечностей коровы.

Из других предметов, не типичных для всей массы погребений, можно отметить меловые палочки, аналогичные описанной выше, найденной в кургане № 2, бронзовую головную булавку длиной 18,6 см с массивной головкой в виде птички (рис. 28) и костяные пластинки от лука, найденные в кургане № 4. Пластинки—парные, длиной 16 см, тонкие, со скошенными заостренными концами. Края у пластинок сведены на-нет. Внутренние поверхности покрыты глубокими штрихами для более прочного приклеивания и слегка вогнуты (рис. 34).

Особый интерес представляет находка в кургане № 3 жернова от ручной мельницы из камня кристаллической породы, вроде гранита. Он имеет вид круглого хлеба диаметром 22 см, с выпуклой верхней поверхностью и плоской нижней, зашлифованной в результате употребления.

Чильпекские курганы по характеру керамики и погребального обряда также сходны с буранинскими. Несколько иной состав их погребального инвентаря и некоторые отличия в устройстве могильного сооружения объясняются, как увидим дальше, принадлежностью погребенных в них

лиц к другим слоям общества, а не хронологическими различиями. Очень интересное зеркало из кургана № 2, к сожалению, не может быть пока точно датировано. В Южной Сибири зеркала с боковой ручкой находятся в курганах около начала нашей эры, но встречаются и в курганах ранее III в. до н. э. То же нужно сказать и об украшении этого зеркала в виде сильно стилизованной головы птицы, распространенном, главным образом, на наборах от конской сбруи.

Если мы попробуем дать общую характеристику обоим типам рассмотренных могильников, то получим следующую картину. Могильники, имеющие вид цепочек, состоят из небольшого количества курганов, редко больше десяти. Цепочки обычно вытянуты почти точно с севера на юг. Курганы в цепочках отличаются большими размерами, достигая в отдельных случаях 10—15 м высоты и 80 м в диаметре, т. е. представляют собою сооружения, требующие затраты огромного количества труда. Об этом же свидетельствует и сложное сооружение надмогильных насыпей, особенно заключающих большое количество крупных камней, как, например, в каракольском могильнике.

Такие цепочки представляют собой, повидимому, фамильные кладбища, в которых каждый курган сооружался для захоронения в нем одного из представителей одной семьи. Таким образом, цепочка содержала в себе могилы нескольких поколений. Погребальный ритуал в этих курганах отличался пышностью. В обширные могилы клались ценные вещи в виде золотых предметов художественной работы, одежд, украшенных золотыми нашивными бляшками, китайских лаковых изделий и, вероятно, многих других, не дошедших до нас. Некоторые предметы были иноземного происхождения (китайский лак, греко-бактрийские золотые головки сатиров и др.). Несомненно, золотых и других ценных вещей в могилах было значительно больше того, что удалось нам собрать при раскопках после грабителей. В этих курганах с покойниками погребалось и оружие, найденное нами в виде наконечников боевых стрел в буранинском и каракольском могильниках и обломка меча в каракольском могильнике. В некоторых курганах основное погребение сопровождалось дополнительными могилами или погребениями в той же могиле. Лиц, сопровождавших покойника в предполагаемый загробный мир, также снабжали ценными вещами.

Археологические разведки, произведенные в 1929 г. А. И. Тереножкиным[1] и М. В. Воеводским в долине р. Чу, по берегам озера Иссык-Куль и отрогам Терскей-Алатау, позволили сделать чрезвычайно важные наблюдения. Оказывается, что цепочки курганов каракольского и буранинского типа встречаются почти исключительно на широких долинах рек или террасах Иссык-Куля и у подножия предгорий, т. е. в местах зимовок. Могильники же чильпекского типа расположены как в местах зимовок, так и высоко в горах, на горных пастбищах. В последнем случае они представлены обычно группами из нескольких небольших курганов. Могильники, исследованные у поселка Чильпек, отличаются и другими особенностями. Они занимают обширную площадь и заключают в себе очень большое количество—до многих десятков, а может быть, сотен—курганов, расположенных без какого-либо порядка и представляющих собой небольшие насыпи с одиночными погребениями.

[1] См. «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 5—6, стр. 138—150.

Погребальный инвентарь таких курганов, даже не разграбленных, беден. Он состоит из обычных простых бытовых предметов—небольшого количества довольно грубой деревянной и глиняной посуды, крайне малочисленных украшений, среди которых «предметами роскоши» являются бронзовые зеркало и булавка. В могилах отсутствуют золото, художественные импортные предметы и оружие. Встреченные в двух курганах остатки луков были, возможно, орудием охоты, а не боевым оружием.

Все это говорит о весьма значительной экономической и социальной диференциации общества, оставившего нам исследованные памятники. Такую же, примерно, картину мы наблюдаем в это же время в Северной Монголии, Южной Сибири и Причерноморских степях. Современное состояние изучения археологических памятников на территории Киргизской ССР не дает пока возможности составить точное представление о социальном строе у-суней, известных нам лишь по кратким сообщениям китайских летописей и по четырем рассмотренным могильникам. Все же надо думать, что чильпекские курганы являются могилами беднейшей части основных слоев свободных членов у-суньского общества или, быть может, рабов, а каракольские и буранинские—могилами родовой и племенной знати, обладавшей большими богатствами, занимавшей общественные должности в роде и племени, имевшей крупное хозяйство, обслуживаемое рабами и обедневшими членами племени. Родовая структура общества сохранялась, повидимому, еще полностью, но под внешней оболочкой родового строя скрывались уже сложившиеся формы эксплоатации рабов и обедневших «свободных» членов общества.

Характер расположения могильников и состав инвентаря погребений говорят о том, что основной, ведущей формой хозяйства описываемого народа было скотоводство. Это следует как из погребения коня в одном из курганов, так и из обязательного присутствия при каждом погребении костей барана, лошади и быка. Об этом же говорит и нахождение могильников не только в долинах, но и на высокогорных пастбищах, в местах, не пригодных для земледелия, и, наконец, это подтверждают и китайские источники, сообщая, что «у-суньцы не занимаются ни земледелием, ни садоводством, а со скотом перекочевывают с места на место, смотря по приволью в траве и воде. И в обыкновениях сходствуют с хуннами»[1]. Стада скота, являвшегося основным средством труда, и особенно табуны лошадей, игравших исключительную роль в военном деле и как средство передвижения, были неравномерно распределены в у-суньском обществе. Летописец говорит, что «в их владениях много лошадей и богатые содержат их от 4000 до 5000 голов»[2].

Категорическое утверждение китайских источников о полном отсутствии земледелия у у-суней не вполне подтверждается материалом могильников. Прежде всего этому противоречит нахождение большого количества тяжелой и хрупкой глиняной посуды, мало употребляющейся у народов, ведущих чисто скотоводческое кочевое хозяйство. Кроме того, о наличии земледелия говорят остатки обугленных зерен и шелухи от них, прилипших ко дну одного из сосудов, и находка в одной из могил жернова.

Земледелие это должно было быть достаточно примитивным и иметь, несомненно, подсобное значение, с посевом культур в виде проса или яч-

[1] И а к и н ф—Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии, СПБ, 1851, ч. 3, стр. 64.

[2] Т а м ж е.

меня либо на неполивных землях, либо с использованием для полива небольших потоков, вытекающих с гор. Следы древнего орошения такого типа прослеживаются в нижней части предгорий вдоль восточного берега Иссык-Куля.

Вся глиняная посуда, добытая в описанных могильниках, несомненно, местного производства, изготовлена ручной лепкой, без гончарного круга. Сосуды лепились из четырех поясов путем накладывания глиняных полос. Нижняя часть сосудов и глубокие чаши вылепливались на полушарных болванках, покрытых тканью для удобства снимания их с болванки[1]. Последнее можно установить на основании наличия отпечатков ткани на внутренней поверхности в нижней части сосудов (рис. 27, 29).

Аналогичная техника лепки сосудов широко распространена в древнейшем гончарстве Средней Азии. Сосуды, за исключением двух, без орнамента, но большинство из них имеет лощеную поверхность. Лощение частью зеркальное, покрывающее всю поверхность, а частью полосчатое. Большинство сосудов, кроме того, окрашено в красный цвет. Один сосуд, кроме того, покрыт красной же росписью в виде широких полос (рис. 24), а на обломке второго имеется часть какого-то изображения с лучеобразными отростками. Обжиг посуды примитивный, не горновой. Возможно, что сосуды обжигались напольным способом. Все приведенные выше данные позволяют установить, что изготовление посуды имело домашний, не ремесленный, характер.

Отмеченные выше отпечатки ткани относятся к двум типам: одна—грубая (рис. 29) и вторая—более тонкая (рис. 27). Оба типа ткани, повидимому, шерстяные, несомненно, местного тканья. Ткачество, судя по примитивности тканья, также имело, повидимому, домашний характер.

Что касается антропологического типа у-суней, то в результате изучения добытого скелетного материала из каракольского и чильпекских могильников Т. А. Трофимова[2] определяет его, как памиро-ферганский, характерный для древнего населения Средней Азии и Западного Казахстана.

Дальнейшие раскопки сохранившихся в большом количестве памятников описанного типа позволят со временем не только значительно расширить и уточнить наши сведения об у-сунях—об особенностях их хозяйства, уровне материальной культуры, об их социальном строе, но, вероятно, и исправить некоторые наши предварительные заключения по этим вопросам. Однако и те материалы, которые добыты нашими раскопками за два года, дают возможность составить себе более конкретное представление об обществе у-суней, чем это могло быть сделано до сих пор. Продолжение раскопок курганов в районе Иссык-Куля и р. Чу может дать много нового и интересного материала.

[1] М. В. Воеводский—К истории гончарной техники народов СССР. «Этнография», № 4, 1934, стр. 55—69.

[2] Т. А. Трофимова—Краниологический очерк татар Золотой Орды. «Антропологический журнал», № 2, 1936, стр. 183—185.

Эдикты Августа из Киренаики

В 1927 г. на месте древней рыночной площади в Кирене была найдена мраморная стела, на лицевой стороне которой были записаны на греческом языке пять эдиктов императора Августа. Важность этого памятника для истории принципата неоспорима, и мы считаем необходимым дать перевод этих эдиктов, коснуться ряда вопросов, какие возникли по поводу находки в Кирене, и поставить самостоятельно некоторые новые проблемы, которые если и нельзя еще разрешить, то во всяком случае можно сформулировать отчетливее, чем раньше[1].

Перевод

I

[7—6 г. до н. э.]. Император Цезарь Август, великий понтифик, в семнадцатый год трибунской власти, император четырнадцатый раз, говорит:

«Мне известно, что в провинции Киренаике римлян всех возрастов, имеющих ценз в 2500 денариев или более, проживает (5) всего 215 человек, из каковых и назначаются судьи, и, как пожаловались посольства из городов этой провинции, среди них существуют некоего рода тайные сообщества (συνωμο(η)σίας), угнетающие эллинов при процессах, грозящих смертной казнью, ибо одни и те же лица поочередно выступают то в качестве (10) обвинителей, то свидетелей. Я и сам установил, что некоторые невинные угнетены таким образом и подвергнуты высшей мере наказания (ἐς τὴν ἐσχάτην ἠγμένους τιμορίαν). Поэтому—впредь до того, как сенат вынесет какое-либо постановление по этому вопросу или я сам найду что-либо лучшее, по моему мнению, справедливо и целесообразно поступят те, кто будет управлять провинцией Критом и Киренаикой (οἱ τὴν Κρητικὴν καὶ Κυρηναικὴν ἐπαρχίαν καθέξοντες), если назначат в области (15) Кирены в одинаковом числе судей как из эллинов, обладающих высшим цензом, так и из римлян.

Как римляне, так и эллины должны быть не моложе 25 лет и владеть движимым и недвижимым имуществом (τίμημα καὶ οὐσίαν), если только найдется достаточное количество таких лиц, в 7 500 денариев, или же, если таким образом будет невозможно заполнить число судей, какие должны быть назначены, пусть управители про-

---

[1] Перевод сделан по изданиям: A. Premerstein—Die fünf neugefundenen Edikte des Augustus aus Kyrene в журнале «Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte», Romanistische Abteilung (в дальнейшем обозначается сокращенно ZSSt) B. 48, 1928, S. 419—531; J. Stroux und L. Wenger—Die Augustus Inschrift auf dem Marktplatz von Kyrene в ABAW, philos.-philol. hist. Kl., B. 34, Abh. 2. Обзор статей, появившихся до 1931 г., в статье Premerstein'a—Zu den Kyrenäischen Edikten des Augustus, Literaturberichte und Nachträge, ZSSt. B. 51, 1931, S. 431—459; M. Hammond—The Augustan Principate. Cambridge, Massachusetts, 1933; G. Gajé,—De Caesar à Auguste, RH, 1936.

винций назначат (20) владеющих половиной, но никак не меньше, указанного выше имущества, в суды по разбору тех дел эллинов, которые наказываются смертной казнью. Если эллину-подсудимому за день до того, как обвинитель выступит с речью, дано будет право решать, будут ли судьями только римляне или же половина их будет из эллинов, и он выберет половину эллинов, тогда, выверив шары и (25) написав на них имена, следует из одной урны вынимать жребии с именами римлян, из другой—с именами эллинов, до тех пор, пока тех и других не будет по двадцати пяти. Обвинитель, если он пожелает, пусть отведет по одному из римлян и из эллинов, обвиняемый же—трех из всех, но при том условии, чтобы из отводимых не были все только римляне или же все эллины. Затем (30) все остальные приводятся к подаче голосов и опускают голоса отдельно: в особый ящик—римляне и отдельно, в другой ящик,—эллины. Потом, после того как будет произведен подсчет голосов отдельно тех и других, пусть правитель объявит во всеуслышание то, что решило большинство тех и других вместе. И поскольку незаконную смерть родственники убитых по большей части не оставляют неотомщенной (35), и, естественно, найдутся эллины-обвинители, которые возбудят дело по поводу убитых родственников или сограждан, то справедливо и целесообразно, по моему мнению, поступят те, кто будет управлять Критом и Киреной, если они в области Кирены не допустят римлянина в качестве обвинителя по делу об убийстве эллина или эллинки, за исключением того случая, когда дело по поводу убийства кого-либо из своих родственников (40) или сограждан возбуждает удостоенный римского гражданства эллин.

II

[7—6 г. до н. э.]. Император Цезарь Август, великий понтифик, в семнадцатый год трибунской власти говорит:

Порицания и хулы не заслуживает Публий Секстий Сцева за то, что он Авла Стлакция Максима, сына Луция, Луция Стлакция Македонянина, сына Луция, и Публия Филерота, вольноотпущенника Публия, после того как они сообщили, что знают нечто, касающееся (45) моего благополучия (πρὸς τὴν ἐμὴν σωτηρίαν) и государственных дел, и намереваются об этом сказать, позаботился закованными послать из провинции Киренаики ко мне, ибо Секстий поступил так, как следовало, и с достаточной предусмотрительностью. Впрочем, поскольку они доказали мне совершенно ясно, что ничего касающегося меня и государственных дел они не знают, а то, что они говорили в провинции (50), они выдумали и показали ложно, я их освободил и отпускаю из-под стражи. Авлу же Стлакцию, которого послы киренцев обвинили в том, что он из общественных мест убрал статуи, в том числе ту, на которой город написал мое имя, до тех пор, пока я не разберу этого дела, я запрещаю выезжать без моего разрешения.

III

[7—6 г. до н. э.]. (55) Император Цезарь Август, великий понтифик, в семнадцатый год трибунской власти говорит:

Тем из провинции Киренаики, кто почтен правами гражданства, я приказываю нести повинности в очередь с корпорацией эллинов (ἐμ μέρει τῷ τῶν Ἑλλήνων σώματι)[1], отнюдь не меньше; исключаются те, кому по закону или постановлению сената, по решению моего отца или же моему вместе с гражданством дано освобождение от повинностей (60). Мне угодно также, чтобы и те, кому дано освобождение от повинностей, были свободны от платежей (лишь) по тому имуществу, которое было тогда (когда было даровано право гражданина), а за все приобретенное после им следует платить установленное.

[1] Комментатор (P r e m e r s t e i n, ZSSt, 48, S. 467) считает, что в латинском эдикте стояло: munera praestare per vices corpori Graecorum.

IV

[7—6 г. до н. э.]: Император Цезарь Август, великий понтифик, в семнадцатый год трибунской власти говорит:

По всякого рода процессам, какие возникнут между эллинами, живущими в провинции Киренаике (65), за исключением преступлений, наказуемых смертной казнью, каковые тот, кто управляет провинцией, должен разбирать и выносить по ним решение сам или же назначить суд присяжных,—по всем остальным делам должно давать в качестве судей эллинов, если какой-нибудь обвиняемый или ответчик сам не захочет иметь судьями римских граждан. Если сторонам, в силу моего эдикта, будут даваться судьи эллины (70), не следует давать ни одного из этих судей из того города, из которого происходит обвинитель, или истец, или же обвиняемый, или ответчик.

V

Император Цезарь Август, великий понтифик, в девятнадцатый год трибунской власти говорит:

Сенатское постановление, принятое в консульство Гая Кальвизия и Луция (75) Пассиена в моем присутствии и за моей подписью (συνεπιγραφομένου), касающееся безопасности союзников римского народа, дабы оно было известно всем тем, о ком мы заботимся, решил я послать в провинции и распространить в качестве моего эдикта, из которого будет ясно всем (80) живущим в провинциях, какую заботу прилагаем мы—я и сенат—о том, чтобы никто из наших подданных не потерпел против надлежащего и не заплатил лишнего.

Сенатское постановление

[4 г. до н. э.]. Консулы Гай Кальвизий Сабин и Луций Пассиен (85) Руф сделали доклад о деле, по поводу которого император Цезарь Август, наш принцепс, на основании решения состоящего при нем совета, избранного по жребию из сената, выразил пожелание, чтобы через нас (т. е. через консулов)[1] представлено было сенату о том (о деле), касающемся безопасности союзников римского народа (90); сенат постановил: наши предки установили (особые) суды для разбора дел о востребовании денег, чтобы союзники легче могли выступать с обвинением в причиненном им вреде и требовать обратно отнятые у них деньги. Так как суды эти иногда обременительны и тяжелы для тех, ради кого был написан (95) закон, поскольку из дальних провинций привлекаются в качестве свидетелей люди бедные или же немощные вследствие болезни или старости, сенат постановляет: если кто-нибудь из союзников после вынесения настоящего постановления пожелает от лица общины или же частным путем востребовать обратно взысканные с него деньги, за исключением того случая, когда против вымогателя направлено уголовное преследование, и объявит это (100), явившись к одному из тех магистратов, кому положено созывать сенат, тот магистрат должен как можно скорее привести их в сенат и дать им патрона (συνήγορον), который будет за них говорить перед сенатом, кого они сами захотят. Пусть защитником не будет назначен против воли тот, кому по закону дано освобождение от этой литургии. Чтобы выслушать тех, против кого (105) приносится в сенат обвинение, тот магистрат, который привел их в сенат, в тот же день на заседании сената, на котором должно быть не меньше двухсот сенаторов, избирает по жребию из всех консуляров, находящихся в самом Риме или не более чем в 20 милях от города, четырех; равным образом из преториев, находящихся в Риме или не более чем в 20 милях от города,—трех (110); равным образом из остальных сенаторов или из всех тех, кто находится в Риме или не более чем

[1] δ'ι ἡμῶν—через нас. По мнению Премерштейна (ZSSt, 48, S. 482[1]), или при переводе с латинского, или же при редактировании постановления допущена стилистическая неправильность. Должно было быть δια σφων или δι' ἑαυτῶν—через них.

в двадцати милях от города—двух. Пусть он не выбирает по жребию никого из тех, кому 70 или более лет, кто находится во власти или управлении[1], или кто председательствует в судах, или кто ведает раздачей хлеба (ἐπιμελητὴς σειτομετρίας); или того, кому болезнь воспрепятствует (115) выполнить эту повинность и кто сумеет это в отношении себя сам клятвенно подтвердить и представить трех членов сената, могущих подтвердить это клятвенно перед сенатом; или того, кто находится в родстве или свойстве с ним [с обвинителем], так что его на основании судебного закона Юлия нельзя заставить против воли быть свидетелем в государственном суде[2]; или того, относительно кого обвинитель поклянется, что тот ему враг; но пусть он отведет под присягой не больше, чем трех [сенаторов]. После того, как девять (120) избраны таким образом, магистрат, который производил жеребьевку, пусть позаботится, чтобы те, кто требует возвращения имущества, и тот, с кого требуется возвращение, отводили из них по очереди, пока не останется пять человек. Если кто из этих судей умрет до решения дела или другая какая-либо причина воспрепятствует ему судить, и его просьба будет клятвенно подтверждена пятью членами (125) сената, тогда магистрат в присутствии судей, а также истцов и ответчика, пусть выберет по жребию дополнительно одного из тех сенаторов, которые принадлежат к тому же рангу и несли ту же должность, как и тот, на чье место производится дополнительная жеребьевка, при том условии, что магистрат не будет дополнительно избирать того, кого на основании настоящего постановления сената в деле против обвиняемого не дозволено избирать (130). Избранные судьи пусть выслушивают и выносят постановления только относительно того имущества, относительно которого кто-нибудь в частном порядке или от лица общины обвиняется, как вымогатель, и ту сумму денег, о которой обвинители частно или от лица общины докажут, что она у них отобрана путем вымогательства, пусть судьи прикажут отдать обратно; при этом судьи должны вынести решение в течение тридцати дней. Те, кому должно (135) разобрать дело и вынести по нему решение, до тех пор пока они его не разберут и не вынесут решения, пусть освобождаются от всех общественных обязанностей, за исключением общественных жертвоприношений. Сенат постановляет [также], чтобы магистрат, производивший выборы судей по жребию, или, если он не может, то первприсутствующий из консулов (140) пусть ведет это заседание и дает возможность свидетелям, находящимся в Италии, дать показания, при условии, что за требующего назад свои личные деньги он допустит не более чем пяти, а за требующих деньги от лица общины не более чем десяти свидетелям дать показания. Равным образом сенат постановляет, чтобы судьи, которые будут избраны на основании настоящего сенатского постановления, высказались открыто, как каждый из них думает, и пусть будет так, как решит большинство.

Одним из основных вопросов, какой может быть поставлен на основании наших источников, является вопрос о политике Августа по отношению к провинциям. Четыре первых эдикта имеют в виду только Киренаику, пятый же содержит распоряжение, касающееся всех провинций. Рассмотрим сначала те данные, которые относятся непосредственно к Киренаике.

По завещанию Птолемея Апиона[3] Киренаика была передана Риму; города этой области сохраняли автономию, но были объявлены под римским протекторатом.

---

[1] επ' ἀρχῆς ἢ ἐπ' ἐξουσίας. Этими терминами, очевидно, переведены латинские выражения in imperio и in potestate. Как показывает сравнение латинского и греческого текстов Res gestae divi Augusti, определенной закономерности в передаче этих латинских терминов по-гречески не существовало. По-русски также нет терминов, адэкватных этим понятиям римского государственного права.

[2] ἐπὶ δημοσίου δικαστηρίου—in iudicio publico.

[3] В 1932 г. была найдена надпись, содержащая завещание отца Птолемея Апиона, Птолемея Евергета, по которому Киренаика, в случае если бы после Евергета не оста-

В 74 г. Киренаика была превращена в римскую провинцию, а в 34 г. Марк Антоний объявил ее царством и отдал дочери Клеопатры, Клеопатре Селеке; в 27 г. Киренаика вместе с Критом составила провинцию, управитель которой носил титул проконсула. К проконсулу Киренаики и Крита и обращены разбираемые нами эдикты.

По словам Страбона, приводимым Иосифом Флавием (Ant., XIV, 7, 2, § 115), население Киренаики делилось на граждан, землевладельцев, метеков и иудеев.

Эдикты называют только эллинов. Повидимому, имеется в виду та категория населения, которая у Страбона отнесена к гражданам (πολῖται).

Киренаика делилась на городские округа, города эти пользовались известными правами. Они направляют посольства непосредственно к Августу. Первый эдикт упоминает о посольствах из городов Киренаики (I, 8), о послах — οἱ πρέσβεις — упоминает и второй эдикт (II, 52). Как и в других греческих городах, полноправные граждане несут повинности в пользу города (III), и, очевидно, в этих целях эллины организуют особую корпорацию τὸ τῶν Ἑλλήνων σῶμα—выражение, которым, повидимому, дословно переводилось латинское corpus Graecorum.

Термин Ἕλλην не обозначает грека по рождению. Повидимому, в Киренаике, как и в Египте, так называлось привилегированное эллинизированное население, которое могло воспитываться в гимнасиях и принадлежать к эфебиям. Другие категории населения, упоминаемые Страбоном, не названы в эдиктах. Таким образом, известные преимущества и льготы не распространялись на γεωργοί (aratores), к которым относилось исконное туземное население, большинство которого, если судить по аналогии с Сицилией, арендовало государственные и городские земли. Они не распространялись на метеков, бывших, вероятно, ремесленниками, а также на иудеев, которые, как это видно из других памятников, имели свою организацию с архонтом во главе; привилегированные члены общины могли получать и римское гражданство (I, 39). Наши источники не упоминают рабов, поскольку они не пользовались никакими правами; второй эдикт хотя и упоминает вольноотпущенника, но не дает права сделать какое-либо заключение о положении вольноотпущеников.

Наши надписи бросают свет на взаимоотношения между римлянами и эллинами. В провинции Киренаике проживало всего лишь 215 римлян, имеющих ценз не ниже 2 500 денариев. Они назначались в суды по разбору тех дел эллинов, по которым выносились смертные приговоры: Аналогичные дела в Риме разбирали quaestiones perpetuae, которые по закону Августа состояли из четырех декурий: заседатели от сенаторов, всадников, эрарных трибунов и дуценариев. Таким образом, в эти суды в Риме могли входить граждане, обладавшие цензом не ниже 200 000 сестерциев[1]. В сравнении с этим поражает низкий ценз тех римлян, которым предоставлялось право участвовать в провинциальных судах. Ценз в 2 500 денариев, или 10 000 сестерциев, в 20 раз ниже ценза дуценариев и в 10 раз—декурионов в муниципиях. Нередко круг римских граждан, ведущих торговые и ростовщические операции в провинциях, ограничивают всадническим сословием[2]; эти операции ассоциируются с людьми, подобными другу Цицерона Помпонию Аттику. Наш источник позволяет говорить о весьма и весьма скромном достатке многих римлян и италиков, направившихся самостоятельно или в качестве клиентов римских предпринимателей искать счастья в отдаленные провинции.

лось наследников, должна была перейти к Риму. Но после Птолемея остался его сын, Птолемей Апион, завещавший Киренаику римлянам. Перевод завещания Евергета с комментариями, а также историю захвата римлянами Киренаики см. статью акад. С. А. Жебелева—Манифест Птолемея Киренского («Известия Академии наук СССР. Отд. общ. наук», 1933, № 5, стр. 391—405).

[1] P. Willems—Le droit public Romain, Paris, 1883, p. 472.

[2] Виппер—Очерки истории Римской империи, Гиз, 1923, стр. 402, 403.

Отношения между римлянами и эллинами далеко не дружелюбны. Первые эдикты указывают одну из форм угнетения местного населения римлянами. Последние использовали свое исключительное право заседать в судах. Пользуясь этим, римляне составляли особые тайные сообщества (τινὰς συνωμοσίας); одни и те же лица выступали в качестве то свидетелей, то обвинителей и в результате этого многие ни в чем неповинные эллины приговаривались к смертной казни.

Использование судов в целях вымогательства известно из речей Цицерона против Верреса. В Галикиях личными врагами был обвинен некий Сопатр, которому удалось добиться оправдания у предшественника Верреса и который был осужден Верресом (Cicero, in Verr., II, 2, 28, 68 сл.). Но то, о чем рассказывает Цицерон, отличается от той ситуации, какую имеет в виду первый эдикт из Киренаики. В Сицилии в 70-х годах до н. э. суды стремятся использовать местные жители для того, чтобы причинить ущерб личным врагам. Это возможно тогда, когда на это соглашается наместник провинции. Далее, суд может использовать в своих личных корыстных целях наместник. В Киренаике суд используется римлянами, составляющими для этого тайные сообщества. Каких-либо других источников, напоминающих подобного рода положения, мы до сих пор не имели.

Первый и четвертый эдикты изменяют порядок судопроизводства. Первый эдикт устанавливает новый порядок рассмотрения дел, по которым выносятся смертные приговоры. Если подсудимый—эллин, дела должна разбирать смешанная коллегия судей, которая состоит из римлян и эллинов. Ценз, дающий право участвовать в судах, увеличивается в три раза: с 2 500 денариев он доводится до 7 500 денариев. Однако эдикт предусматривает такое положение, когда не найдется достаточного количества лиц для того, чтобы набрать нужное количество судей; в таком случае ценз может быть снижен до половины. О привлечении к участию в уголовных судах провинциалов до надписи из Киренаики не было известно. В своем «Уголовном праве» Моммзен устанавливал, как правило, что эти дела рассматриваются наместником провинции[1]. Самый принцип создания смешанных коллегий для разбора подобного рода дел восходит к lex Aurelia 70 г. до н. э., когда в списки заседателей, участвующих в quaestiones perpetuae, включались в равном числе сенаторы, всадники и эрарные трибуны. При Августе, как уже указывалось выше, были привлечены также дуценарии.

В Киренаике по первому эдикту Августом был учрежден суд, разбиравший те же дела, что и некоторые секции quaestiones perpetuae, и по тому же принципу, по какому были организованы эти суды. Напомним, однако, что это преимущество касалось только эллинов и не распространялось на прочие категории населения. Кроме того, это распоряжение касалось только Киренаики и не распространилось на другие провинции, так как нам известно, например, что при Августе Валерий Мессала Волез в один день обезглавил триста человека (Seneca, De ira, 2, 5; Tac., Ann., VI, 68) и восхищался тем, что совершил поистине царское дело.

По сравнению с римскими queastiones perpetuae новым было то, что обвиняемому предоставлялось право выбирать, желает ли он, чтобы его дело слушалось в смешанной коллегии из эллинов и римлян или состоящей только из римлян.

Любопытно в этом эдикте также и то, каким образом может возникнуть accusatio. Для римского уголовного процесса характерным является то, что в качестве обвинителя мог выступить любой гражданин. Первый эдикт в случае убийства эллина предоставляет право возбудить дело только эллинам, причем последние должны быть родственниками или согражданами убитого. Римлянам запрещалось возбуждать обвинение по такого рода делам, однако это запрещение не касалось эллинов, получивших

[1] Th. Mommsen—Römisches Strafrecht, Lpz., 1899, S. 95, 239, 348. Ср. Premerstein, op. cit., ZSSt (48, 444).

права римского гражданства; подобно прочим эллинам, они могли возбудить дело, если убитый был их родственник или согражданин. В литературе, посвященной киренским надписям, возбуждался вопрос, какие прецеденты обусловили установление того принципа, что возбуждать обвинение могут только родственники или сограждане убитого. Преимущественное право родственников возбудить обвинение признавалось и римским правом, но эдикт выводит обращение в суд исключительно из желания родственников или сограждан отомстить за убийство (I, 33, 39).

Можно согласиться с мнением комментаторов, что этот принцип заимствован из греческого уголовного процесса[1].

Четвертый эдикт говорит о составе коллегии судей для разбора гражданских дел и уголовных преступлений, не караемых смертью. Август устанавливает, что судьями должны назначаться греки, если только обвиняемый или ответчик (ὁ ἀπαιτούμενος ἢ ὁ εὐθυνόμενος) сам не пожелает иметь судьями римских граждан. Сам по себе принцип этот не является новым. У Цицерона (in Verr., II, 2, 13, 32) указывается, как был организован разбор гражданских дел в Сицилии: два согражданина судятся по законам своего города, для разбора дел сицилийцев из двух разных городов претор избирает судей по жребию; если частное лицо предъявляет иск к городу или город—к частному лицу, судит совет соседнего города; если тяжба ведется между сицилийцами и римлянами, то судьей назначается сицилиец, в том случае, когда ответчик сицилиец, и римлянин, когда ответчик римлянин. В письмах Цицерона к Аттику мы находим указание о предоставлении киликийским городам права вести суд по своим законам (Ad Atticum, VI, 1, 15; VI, 2, 4). Если сравнить сицилийский порядок судопроизводства с тем, какой вводится в Киренаике, то нужно отметить, что последний отличается большей простотой. Установлено общее правило, что судьи не могут назначаться из тех городов, из каких происходят обвинитель, или истец, или же обвиняемый, или ответчик.

Таким образом, Август, возможно, стремился обеспечить местных граждан от произвола наместника. Чем, спрашивается, было вызвано это мероприятие Августа? Первые четыре эдикта Августа находятся, по нашему мнению, в определенной связи, и для того, чтобы понять причину появления первого эдикта, следует принять во внимание то, о чем рассказывается во втором эдикте. Римские граждане Авл Стлакций Максим и Луций Стлакций Македонянин вместе с вольноотпущенником Филеротом закованными были отправлены к Августу в Рим проконсулом Киренаики и Крита Публием Секстием Сцевой, так как они сообщили ему, что знают нечто, касающееся благополучия (σωτηρία) Августа и государства (δημόσια πράγματα, вероятно дословный перевод res publica). Август выяснил, что присланные под стражей в действительности ничего не знают и то, что говорили в провинции, они выдумали и показали ложно. Оставлен был под стражей известный уже нам Авл Стлакций, который, как показали послы из Киренаики, убрал из общественных мест статуи, на одной из которых было написано имя Августа. Неизвестно, что имеется в виду под благополучием Августа и государства. Речь шла о раскрытии какого-нибудь заговора. В провинции Стлакции и Филерот объявили себя, очевидно, причастными к этому заговору, ибо иначе не было оснований посылать их в Рим закованными. Остался в Риме Авл Стлакций. Проступок его был направлен не только против местного городского совета, но и против Августа, имя которого было написано на одной из статуй. Все это говорит о том, что римляне, живущие в Киренаике, не представляли собою людей, которых Август мог бы считать надежными в политическом отношении. Не забудем при этом, что Киренаика издавна была связана с Египтом и входила в ту часть Римской державы, которая управлялась Антонием.

[1] Stroux u. Wenger, op. cit., S. 104, 105. Ср. возражения Premerstein'a, ZSSt, 51, S. 444.

Август прежде всего обратил внимание на недопустимость тайных обществ (συνωμοσίαι). На основании Res gestae divi Augusti (c. 1) мы можем установить, что греческому συνωμοσίαι соответствует по-латыни—factiones. Относительно них при Августе мы имеем замечание Светония (Aug., 32): «Plurimae factiones titulo collegii novi ad nullius non facinoris societatem coibant» («Под названием новых коллегий составлялись тайные общества для совершения всякого рода преступлений»). Далее Светоний говорит, что Август распустил все коллегии, кроме старинных и дозволенных. Сообщества, о которых говорится в первом эдикте, относятся как-раз к той категории, о которой говорит Светоний.

Поведение римлян в Киренаике и вызвало опубликование эдиктов относительно судов. Ненадежным в политическом отношении римлянам Август стремился противопоставить лояльных граждан Киренаики. Римляне, во-первых, должны были поступиться в пользу эллинов половиной мест в судах, с другой стороны, очевидно, число римлян, которые могли принимать участие в судах, выносящих смертные приговоры, уменьшилось, так как ценз был увеличен в три раза. Из жителей Киренаики к участию в такого рода судах допускались эллины, обладавшие цензом в 7 500 денариев, другими словами, в суде могли принимать участие средние слои эллинского городского населения Киренаики. Как мы уже видели, прочие категории населения никаких привилегий не получали. Своими эдиктами Август выделял особый слой населения, не связанный, даже враждующий с римлянами и вместе с тем отличавшийся своими привилегиями от остальных жителей Киренаики.

Присмотримся поближе к этому слою. Мы уже говорили о значении понятия эллин. Однако и это понятие придется разграничить. Из среды всех эллинов, из всей эллинской корпорации (τὸ τῶν Ἑλλήνων σῶμα), выделяются римские граждане (Ср. Ῥωμαιότητι τετειμημένος — 1,39, πολειτήαι τετείμηνται — III, 57). Любопытной чертой является гражданство этих лиц. За исключением особо привилегированных, Август приказывает римским гражданам из эллинов нести повинности наряду, в очередь (ἐμ μέρει), со всеми членами эллинской корпорации. Очевидно, они, несмотря на приобретение римского гражданства, все еще состояли членами этой корпорации. На двойное гражданство указывает и то, что если римлянам запрещалось возбуждать в суде дело по поводу убийства эллинов, то это разрешалось делать римским гражданам из эллинов, поскольку они мстили за своих родственников или сограждан (ὑπέρ... τῶν οἰκήων ἢ πολειτῶν). Из этого вытекает, что эллин, получивший права римского гражданства, оставался все же гражданином родного города.

Но дарование прав римского гражданства не должно было отразиться на благосостоянии города, оно не должно было повести к сокращению повинностей и налогов в пользу государства. Специальный эдикт, как мы уже сказали, предписывает нести эти повинности и тем эллинам, какие получили права римского гражданства. Однако и здесь было сделано исключение: создана новая категория лиц—это эллины, получившие права римского гражданства и вместе с тем освобожденные от литургий. Но полного уравнения с римлянами все же нет, так как это освобождение касалось только того имущества, какое было в момент получения прав гражданства; с того же, какое было приобретено после, следовало платить в обычном для всех эллинов порядке. Итак, среди привилегированного местного населения—эллинов—искусственно созданы три прослойки.

Освобождение от повинностей дается вместе с правами гражданства. Это могло произойти по закону народного собрания, по постановлению сената, по декрету Цезаря или самого Августа. До сих пор не было известно, что права гражданства могли даваться сенатом, но еще более любопытным является то, что Август как бы признает, что в поли-

тике предоставления прав гражданства он идет по пути Цезаря. Это, по нашему мнению, находится в противоречии с тем, что говорит Светоний (Aug., с. 40); Август будто бы чрезвычайно скупо (parcissime) давал права гражданства, чтобы поддержать чистоту римского народа и предохранить его кровь от смешения с кровью рабов и чужестранцев. Это место Светония пользуется большой популярностью в современной буржуазной—даже нефашистской—литературе[1]. Между тем, третий эдикт из Кирены заставляет усомниться в правильности замечания Светония. Это сомнение поддерживается и другими источниками, более надежными, чем Светоний.

Res gestae divi Augusti дают результаты трех переписей и результаты эти таковы: в 28 г. до н. э. насчитывалось 4 063 000 граждан; в 8 г. до н. э—4 233 000 граждан и в 14 г.—4 937 000. Мы наблюдаем увеличение числа римских граждан; при этом, если за двадцатилетие, с 28 г. по 8 г. до н. э., число граждан увеличилось на 4%, то за последующие 22 года увеличение равно 11%. Этот рост числа граждан мы не можем объяснить естественным приростом. Повторение законов против безбрачия и бездетных браков показывает, что и во вторую половину правления Августа рождаемость не возросла. Остается допустить, что прирост новых граждан шел за счет предоставления прав гражданства провинциалам. Косвенным подтверждением этого положения являются некоторые положения в речи императора Клавдия. Выступая в сенате с предложением даровать права римского гражданства выдающимся членам галльских общин, Клавдий проводит мысль, что включение представителей новых племен и народов не было порчей крови (temeratum sanguinem).

В доказательство этой мысли Клавдий ссылается на Августа. «Не было новым обычаем,—говорит он,—когда дед мой, божественный Август, и Тиберий Август хотели, чтобы в этой курии был цвет колоний и муниципиев» (B r u n s—Fontes iur. Rom., 52). Все эти данные заставляют заподозрить достоверность упомянутого выше замечания Светония, тем более, что оно служит обобщением двух анекдотов, которые непосредственно за ним следуют. Мы можем допустить, что Август в даровании прав римского гражданства проявлял бóльшую сдержанность, чем Цезарь, но что его политика в этом отношении не отличалась принципиально от политики Цезаря. Система «двойного гражданства», судя по третьему эдикту, восходит к Цезарю; Август пытается ее регламентировать, впоследствии же она получит в империи широкое распространение.

Характерным для политики Августа является последний, пятый эдикт. В нем от лица принцепса опубликовано постановление сената, касающееся вымогательства денег в провинциях. Устанавливается состав специальных судов, которые должны заниматься разбором этих дел, и порядок судебных заседаний. Подобно законам республиканской эпохи предусматриваются различные случаи, какие могут возникнуть при назначении судей и при проведении заседаний. Этот закон, о котором до открытия надписи ничего не было известно, завершает законодательство о порядке разбора дел о злоупотреблениях в провинциях, законодательство, вокруг которого не раз развертывалась партийная борьба во времена республики. В качестве судей для разбора дел назначаются сенаторы. Разбираются только такие дела, когда речь идет о возвращении средств, полученных путем вымогательства. Постановление сената предусматривает случай, когда возбуждено уголовное преследование; в таком случае дело рассматривается в других судебных коллегиях, согласно предшествующим leges repetundarum (lex Acilia, 123 или 122 г., lex Iulia, 59 г. до н. э.).

Характерным для разбираемого нами сенатского постановления является упрощение самого хода разбирательства. Разбор дела следует начать тотчас же после того, как поступит жалоба; избранные по жребию судьи должны разрешить его в 30 дней, свидетели вызываются только из Италии; когда речь идет о возвращении

[1] Ср. W e s t e r m a n n—Sklaverei, RE, Suppl.; D u f f—The freedmen in the early Roman empire.

общинных денег, должно быть не больше десяти, и когда речь идет о частных деньгах— не более пяти свидетелей.

В статьях, появившихся по поводу эдиктов Августа, были высказаны различные взгляды на разбираемое нами сенатское постановление. Premerstein относил его к категории leges repetundarum[1]. Stroux и Wenger склонны видеть лишь установление особого рода рекуператорного процесса, относящегося к гражданскому судопроизводству[2].

Мы должны присоединиться к мнению Премерштейна. В пользу его мнения говорит мотивировка всего постановления. Во-первых, мы встречаем ссылку, что суды эти были установлены предками, т. е. имеются в виду lex Calpurnia, lex Sempronia, lex Acilia и др.; с другой стороны—дается критика прежнего законодательства. Критика эта весьма любопытна: «Суды эти иногда обременительны и тяжелы для тех, для кого был написан закон, поскольку из дальних провинций привлекаются в качестве свидетелей люди бедные или же немощные вследствие болезни или старости» (V, 93).

Постановление сената от 4 г. до н. э. Август публикует в качестве эдикта, и эта публикация мотивируется желанием показать заботу о провинциях (V,74). Хотя в эдикте и есть ссылки на людей бедных, но в сущности он ориентировался на ту же категорию провинциального населения, как и первые эдикты, поскольку возбудить процесс могли лишь люди, обладавшие во всяком случае такими средствами, какие позволяли совершить путешествие в Рим.

Порядок подачи жалоб на вымогателей и разбора этих дел был определен сенатом, но по существу этот порядок направлен против сенаторского сословия. Республиканские законы против вымогательства отличались строгостью, но, вместе с тем, процесс был необычайно сложен и поэтому процессы подобного рода оказывали недостаточную помощь провинциалам, а были скорее средством политической борьбы. Обогащение за счет провинций было обычным явлением для последних столетий Римской республики. Senatus consultum 4 г. до н. э., создавая условия для быстрого разбора дела, в большей степени, чем законы предшествующей эпохи, гарантировал если не наказание за вымогательство, то возвращение сумм, полученных путем вымогательства.

Политика римского императорского правительства по отношению к провинциям является одним из существенных вопросов истории ранней Римской империи. Если эта политика может быть довольно отчетливо освещена в отношении династии Флавиев и Антонинов, то в отношении системы Августа у нас остается еще целый ряд неясных вопросов. В Res gestae divi Augusti, которые являются программой и в то же время апологией политики Августа, о провинциях идет речь в четырех случаях. Август говорит о том, что в провинциях он платил за те земли, которые отводились ветеранам (с. 16), о том, что им была оказана материальная помощь провинциям в 18 г. до н. э. (с. 18), о том, что были возвращены в храмы провинций Азии украшения, изъятые оттуда его противниками (с. 24), и, наконец, о том, что перед Актийской войной ему присягнули провинции: Галлия, Испания, Африка, Сардиния и Сицилия (с. 25). Однако все эти упоминания не дают еще права сделать те или иные заключения о провинциальной политике Августа. Но значит ли это, что у Августа не было тех или иных принципов в этой политике? Такого заключения мы сделать не можем, так как политическое завещание было обращено к римлянам и говорило только о том, что сделано д л я р и м с к о г о н а р о д а. На это указывает самое заглавие памятника: Res gestae divi Augusti quibus orbis terrarum imperio p o p u l i R o m a n i subiecit et impensarum quas in rem publicam populumque Romanum fecit.

Между тем, политика по отношению к провинциям не всегда могла встретить сочувствие и у привилегированных сословий и у рядовых римлян. Тацит говорит, что установленный Августом порядок не был противен провинциям (neque provinciae illum rerum

[1] P r e m e r s t e i n, op. cit., ZSSt, 48, S. 505—531; ZSSt, 51, S. 444.
[2] S t r o u x u. W e n g e r, op. cit., S. 84, 115 ff.

statum abnuebant—Ann. I, 2). Он отмечает, что соперничество сильных, корыстолюбие должностных лиц подорвали авторитет сената и римского народа, а законы не могли оказать защиты, так как нарушались благодаря насилию, происка и подкупам. Суждение Тацита не может быть отнесено ко всем провинциям. Недавно присоединенные провинции подвергались жестокой эксплоатации, и политика римлян по отношению к покоренным племенам вызвала восстание в Паннонии. Чрезмерное обложение Галлии опять-таки вело к недовольству населения. Но, тем не менее, политика по отношению к провинциям начинает меняться. В Малой Азии и Галлии ежегодно собираются представители городов для жертвоприношений в честь Рима и Августа и для того, чтобы выразить императору свои пожелания. Не ослабляя, но упорядочивая налоговую систему, Август стремился опереться на местную аристократию. Ценность разбираемых нами источников и заключается в том, что они дают возможность конкретизировать это положение. Они дают примеры того, каким образом в замиренных провинциях создавались группы, поддерживающие новое правительство и способствующие эксплоатации этих провинций. «Империя не только не устранила эту эксплоатацию, а, напротив, превратила ее в систему»[1]. Эдикты Августа интересны и в том отношении, что они намечают тот процесс, который приведет в дальнейшем к нивелированию провинций. Мы уже видели, что греки в Киренаике получили право участвовать в суде, но эти суды организуются по римскому образцу, хотя следует заметить, что некоторые правовые нормы изменяются под влиянием греческого права.

Эдикты позволяют внести нечто новое в вопрос о тех правах и полномочиях Августа, какими он пользовался в отношении провинций. Киренаика вместе с Критом составляла сенатскую провинцию, но мы видим, что Август направляет эдикты проконсулу. Самый способ обращения к проконсулам различен: δοκοῦσί μοι καλῶς καὶ προσηκόντως ποιήσειν οἱ τὴν Κρητικὴν καὶ Κυρηναικὴν ἐπαρχίαν καθέξοντες (кажется мне, что хорошо и предусмотрительно поступят те, кто будет управлять Критом и Киренаикой, 1, 13, 14); ἀρέσκει μοι (мне угодно—III, 61; IV, 67). Наконец, когда заходит речь о том, чтобы эллины, получившие права римского гражданства, несли те же повинности, что и их сограждане, употреблено слово κελεύω —приказываю.

Уже на основании способа обращения к проконсулу мы можем заключить, что последний являлся лицом зависимым, исполняющим волю императора. Привилегии, предоставленные городам Киренаики, даются также императором, тогда как во времена республики это делали проконсулы провинций. Императору принадлежит высшая юрисдикция по делам римских граждан, проживающих в провинциях. Об этом говорит эдикт второй. Римские граждане, посланные закованными в Рим, были признаны Августом невиновными, но эдикт подтверждает, что проконсул, направивший их в Рим, не заслуживает порицания и хулы; наоборот, он и впредь в подобных случаях должен поступать так же. Проконсул «поступил так, как следовало, и с достаточной предусмотрительностью».

Несмотря на существовавшее с 27 г. разделение провинций на сенатские и императорские, император полновластно решает дела не только в своих, но и в сенатских провинциях. В силу каких полномочий? Ответ на этот вопрос дает замечание Диона Кассия: ἐν τῷ ὑπηκόῳ τὸ πλεῖον τῶν ἑκασταχόθι ἀρχόντων ἰσχύειν (D i o, 53, 23, 5), на основании которого делается заключение, что в 23 г. до н. э. Август получил imperium maius. Не отрицая достоверности этого свидетельства Диона, как это до открытия надписей из Киренаики делал Mc. Fayden[2], мы склонны думать, что определенного разграничения функций по управлению провинциями между Августом и сенатом не

[1] Энгельс—Происхождение семьи, частной собственности и государства, Соч., т. XVI, ч. I, 1937, стр. 195.

[2] Mc. Fayden—The princeps and the senatorial provinces, «Philology», XVI, Chicago 1921, ср. Premerstein, op. cit., ZSSt, S. 48, 435.

существовало. Постановление 23 г. скорее фиксировало то, что было уже на практике, чем давало новые полномочия.

Пятый эдикт бросает свет и на вопрос о взаимоотношениях между Августом и сенатом, неоднократно дебатировавшийся в исторической литературе. Мы можем во всяком случае проследить, каким образом подготовлялось и как принималось сенатское постановление. Проект сенатского постановления подготовлял consilium principis, избранный по жребию из сената—это, между прочим, первый документ, знакомящий нас с деятельностью императорского совета при Августе. На обсуждение его ставят консулы, причем в докладе указывается, что ставится он по желанию принцепса. В эдикте употребляется термин ἡγεμὼν ἡμέτερος, соответствовавший, очевидно, латинскому princeps noster. Происходит это в присутствии самого императора, который вместе с другими подписывает его (δόγμα συνκλήτου... κυρωθὲν ἐμοῦ παρόντος καὶ συνεπιγραφομένου).

После этого сенатское постановление публикуется Августом в качестве его эдикта и рассылается не только в императорские, но и в сенатские провинции. Август ставит себя как бы наравне с сенатом: «Чтобы было ясно, какую заботу прилагаем мы: я и сенат» (ἐγώκαὶ ἡ σύνκλητος) (V, 79). Любопытно, что в сенатском постановлении о тех, кто берется под защиту, говорится как о союзниках римского народа (σύμμαχοι τοῦ δῆμου 'Ρωμαίων; V, 89), а во вступительной части эдикта, исходящей от самого Августа, они называются подданными (ὑποτασσόμενοι; V, 81).

Сенатское постановление, опубликованное в качестве императорского эдикта, официальное сопоставление в этом эдикте императора с сенатом—все это противоречит тем представлениям о юридических основах принципата, какие под влиянием Моммзена сложились в истории римского государственного права. И в отношениях между сенатом и Августом и в отношениях между Августом и сенатскими наместниками не было установлено вполне определенных границ. Обратим внимание на одно выражение первого эдикта. Август устанавливает определенный порядок производства, который действует до тех пор, «пока,—говорит он,—сенат не вынесет какого-либо решения или я не найду чего-либо лучшего». В литературе, посвященной принципату, вышедшей в последние годы, в связи с новыми эпиграфическими данными указывалось, что власть Августа нельзя вывести из тех магистратур, какие сосредоточились в его руках. Обращено внимание на новый вариант Res gestae divi Augusti, найденный в Антиохии. Этот вариант дал возможность определить точнее, чем прежде, текст одной важной части 34-й главы: post id tempus a u c t o r i t a t e omnibus praestiti potestatis autem nihil amplius habui quam ceteri qui mihi quoque in magistratu conlegae (после этого, превосходя всех своим влиянием, я имел власти не больше, чем те, кто были моими коллегами по магистратуре). Моммзен вместо подчеркнутого слова читал dignitate, и это переводилось неопределенным выражением *достоинством*. В новой исторической литературе было подчеркнуто, что Август пользовался особенным авторитетом, влиянием.

В гражданском праве с древнейших времен термином auctoritas обозначалась ответственность продавца за отчуждаемую вещь. В том случае, если продавец пренебрегал этой обязанностью, он отвечал перед приобретателем по иску actio acutoritatis. Auctoritas опекуна подтверждала сделку опекаемого. В таком же смысле имел auctoritas и сенат: без его одобрения (auctoritas patrum) во времена ранней республики не было действительно постановление народного собрания; опротестованное народным трибуном сенатское постановление записывалось иногда как auctoritas patrum[1].

Подчинение auctoritas основывалось на особом влиянии данного лица или учреждения, его «авторитете». После падения республики auctoritas имел и принцепс. Этот авторитет, влияние и давали Августу основание вмешиваться во все дела управления. Те или иные магистратуры, сосредоточенные в руках Августа, не были истинной основой власти Августа, а скорее ее юридическим оформлением.

[1] H e i n z e—Auctoritas. «Hermes», 60, 1925, S. 348—366.

Авторы, подчеркнувшие значение auctoritas, однако не пошли далее установления этого факта. Между тем, задолго до открытия памятников, проливших новый свет на власть Августа, Энгельс писал: «Материальной основой нового правительства было войско, похожее более на армию ландскнехтов, нежели на старое римское крестьянское ополчение. Моральной же основой было всеобщее убеждение, что не тот или иной император, но эта основанная на военной диктатуре империя является неизбежной необходимостью»[1].

Эдикты Августа позволяют судить и о его системе управления. Попытки найти незыблемые принципы управления, четко определенную программу оказались бы тщетными. В самом деле, жалобы провинциалов на поведение римлян в провинциях, нелойяльное отношение последних к Августу заставляют последнего ввести новую систему уголовного производства. Вводится римский принцип разбора тяжких уголовных преступлений, но, чтобы устранить произвол римлян, допускается греческий принцип подачи жалоб. Но поскольку было затронуто уголовное производство, был введен и новый порядок гражданского судопроизводства, а вместе с тем подчеркнуто, что получение римского гражданства не дает еще оснований для поголовного освобождения от повинностей. Распоряжение это касалось только Киренаики. Итак, нельзя говорить об общих мероприятиях Августа в отношении провинциальных судов. Август руководствовался лишь одним принципом: укрепить свою власть, расширить социальную базу за счет провинциальных рабовладельцев—в этом отношении он был последователен. Наконец, ряд отдельных выражений в тех или иных эдиктах характерен для Августа как политика. «Пока сенат не вынесет какого-нибудь постановления или я сам не найду чего-либо лучшего» (I, 12), «до тех пор, пока я не разберу этого дела» (II, 54). В них выражены осторожность, нерешительность, неопределенность, характерные для последних периодов правления Августа.

Необходимо коснуться также некоторых вопросов, связанных с источниками по истории принципата. Эдикты из Киренаики уже позволили нам показать недостоверность одного суждения Светония. Немало споров в исторической литературе вызвала речь, которую Дион Кассий вкладывает в уста Меценату (Dio, 53, 14—40). Если большинство современных исследователей видят в речи Мецената отражение политических взглядов Диона Кассия, то другие все же считают возможным утверждать, что в этой речи формулирована программа принципата, что Дион Кассий использовал памятники, современные Августу[2]. Отметим только одно место. Меценат у Диона Кассия говорит Августу, что провинциальные города «не должны посылать к тебе никаких депутаций, за исключением тех случаев, если бы имелось какое-либо дело, требующее такого рода разрешения, но пусть докладывают о своих желаниях своему наместнику и через него пусть приносят свои просьбы, какие он одобрит» (Dio, 53, 30). Первый и второй эдикты указывают, какую роль играли провинциальные посольства. Они давали возможность Августу контролировать действия провинциальных наместников и следить за римлянами, живущими в провинции. Пятый эдикт облегчал представителям общин, посольствам подачу жалоб на тех, кто вымогал средства.

Итак, эдикты из Киренаики дают возможность осветить целый ряд вопросов, относящихся к принципату. Главное их значение в том, что они являются источниками, рисующими нам принципат в действии. Среди эпиграфических памятников, относящихся к эпохе Августа, они должны занять второе место после Res gestae divi Augusti.

Н. А. Машкин

[1] Энгельс—О происхождении христианства, Соч., т. XVI, ч. 2.
[2] Hammond, op. cit., p. 23, 197.

Из истории математики в древности

I. Два учебника стереометрии

В течение последних лет были опубликованы один за другим два античных учебника стереометрии, до сих пор еще не использованные в научной литературе: в 1932 г. Герстингер и Фогель опубликовали в «Mitteilungen aus der Papyrussammlung der Nationalbibliothek in Wien» (Papyrus Erzherzog Rainer), N. S., вып. I, стр. 11—77, греческий стереометрический задачник I века до н. э. (филологическая часть принадлежит Герстингеру, математическая—Фогелю); в 1935 г. Ф. Тюро-Данжен опубликовал в «Revue d'Assyriologie», 32, № 1, стр. I—29, древневавилонский учебник по стереометрии, написанный при I вавилонской династии, т. е. примерно за 2000 лет до н. э. Поражает близость между этими учебниками, написанными в столь различные эпохи и у столь различных народов: и здесь и там речь идет об объемах параллелепипедов, призм, цилиндров, пирамид и конусов—полных и усеченных; и здесь и там нам даны лишь голые рецепты решений, без всяких объяснений и доказательств; и здесь и там величина π принята равной 3, и здесь и там применяется теорема Пифагора. Это сходство не случайно: оно (прежде всего приравнивание π трем) показывает, какое огромное влияние не в теоретической, а в практической прикладной математике оказывала вавилонская наука на греческую даже в Египте[1], несмотря на его высокую математическую культуру.

Греческий учебник написан на папирусе. Он найден в Египте, в Файюме, и содержит, кроме ряда практических указаний о переводе одних мер в другие, 38 задач на измерение объемов тел, очень сходных с задачами в «Стереометрии» Герона. Из того факта, что автор этого учебника принимает π за 3, тогда как Герон—за $3\,^1/_7$, нельзя вместе с Фогелем заключать, что этот учебник древнее Герона: мы имеем дело с авторами из различных кругов: один—в курсе евклидовой и архимедовой науки, другой—практический вычислитель, воспитывавшийся на строительной технике египтян и вавилонян. Этот практический характер виден из условий задач: речь постоянно идет о строительных работах: каменных глыбах, столбах, колоннах, плитах и т. д. К задачам приложены чертежи, сравнительно довольно правильные с точки зрения перспективы. Для $\sqrt{3}$ автор пользуется довольно хорошим приближением

$$\left(\frac{\sqrt{3}}{4}=\frac{1}{3}+\frac{1}{10},\ \text{т. е.}\quad \sqrt{3}=\frac{26}{15}\right).$$

Интересно, что в том случае, когда величину $R=\frac{a}{\sqrt{3}}$ в дальнейшем ходе задачи приходится возводить в квадрат, автор не производит приближенного извлечения корня, а сразу находит $R^2=\frac{a^2}{3}$. Для вычисления объема усеченной четырехугольной пирамиды применяется обычная греческая формула

$$V=h\left[\left(\frac{a_1+a_2}{2}\right)^2+\frac{1}{3}\left(\frac{a_1-a_2}{2}\right)^2\right];$$

впрочем, как показал Нейгебауэр, эта формула была уже известна вавилонянам.

Своеобразна терминология учебника для математических действий: «делать» (ποιεῖν) означает «умножать», а вместо «делить на три» говорится «взять $\frac{1}{3}$» $\left(\lambda\alpha\beta\grave{\varepsilon}\ \tau\grave{o}\ \frac{1}{3}\right)$.

Кроме $\sqrt{3}$, мы встречаем и приближенное извлечение

---

[1] См. статью С. Я. Лурье—К вопросу о египетском влиянии на греческую геометрию, «Архив истории науки и техники», 1, стр. 68.

$$\sqrt{200}=14\frac{1}{7},\quad \sqrt{66\frac{2}{3}}=8\frac{1}{6},$$

но нельзя, вместе с Фогелем, утверждать, что здесь применена непременно вавилонская формула

$$\sqrt{A^2+a}\ A\simeq +\frac{a}{2A};$$

тот же результат дает и эквивалентная формула Герона

$$\sqrt{N}\simeq\frac{A+\frac{N}{A}}{2}\ (A^2\simeq N).$$

Наряду с обозначением дробей в виде суммы основных дробей (например $\frac{1}{2}\frac{1}{8}\frac{1}{16}\frac{1}{32}\frac{1}{64}$, вместо $\frac{47}{64}$), встречается уже обозначение, аналогичное нашему, только числитель пишется внизу, а знаменатель вверху.

Основное значение находки, как справедливо указывает Фогель (стр. 73), состоит в том, что она с несомненностью показала, насколько значительным было вавилонское влияние на математику эллинистического Египта. Здесь мы имеем дело с тою же поразительной загадкой, что и в Вавилоне: целый ряд задач на усеченные пирамиды и конусы решен совершенно правильно,—не по приближенной, а по точной формуле; эта процедура была, очевидно, весьмо обычной, и в то же время π принимается за 3 (в Египте, где довольно точная величина для π была уже вычислена в эпоху Среднего Царства!); это сводит на-нет и лишает всякого практического значения сложную процедуру точного вычисления.

К сборнику приложены математическое введение, перевод, комментарий и ряд таблиц и указателей.

Вавилонский задачник начертан на глиняной табличке, хранящейся в Британском музее (к статье Тюро-Данжена приложены фототипия, транскрипция и перевод с кратким комментарием); он содержит 18 задач на нахождение объемов прямоугольного параллелепипеда, треугольной призмы, усеченной треугольной призмы, призмы с трапециями в основаниях, треугольной и четырехугольной пирамиды, цилиндра, усеченных четырехугольных пирамиды и конуса. Для усеченной пирамиды и конуса автор применяет приближенную формулу (произведение среднего сечения на высоту), но нам известно, что вавилоняне знали и точную формулу. Формула для усеченной треугольной призмы не только неверная, но совершенно нелепая, но эту нелепость, очевидно, надо ставить в вину только вычислителю, а не вавилонской математике. Одна из задач (№ 9) показывает прекрасное знакомство с теоремой Пифагора; при гипотенузе 30 и катете 24 другой катет вычисляется по формуле

$$\sqrt{30^2-24^2}=18.$$

II. Вавилонская математика в свете новых клинописных текстов

В последние годы удалось расшифровать большое число вавилонских клинописных текстов математического содержания. Основная заслуга в их расшифровке принадлежит французскому ассириологу Тюро-Данжену[1] и немецкому историку математики Ней-

[1] F. Thureau-Dangin, ряд статей в последних томах RAs и специальная работа—«Esquisse d'une histoire du système sexagésimal», Paris, 1932.

гебауэру[1], покинувшему фашистскую Германию и занявшему кафедру истории математики в Копенгагенском университете. Насколько велико значение расшифрованных вавилонских табличек, как велик тот переворот, который они произвели в представлениях об истории математики, можно видеть хотя бы из того факта, что труд Нейгебауэра «Vorlesungen über Geschichte der antiken mathematischen Wissenschaften», B. I—«Vorgriechische Mathematik», Berlin, 1934, включен в редактируемую Р. Курантом серию «Die Grundlehren der mathematischen Wissenschaften», состоящую до сих пор исключительно из руководств по математике[2]; какое значение придается этим открытиям в Советском Союзе, видно из того, что механико-математический факультет Московского университета в заседании от 10 мая 1938 г. присудил степень доктора физико-математических наук проф. М. Я. Выгодскому за диссертацию «Вавилонская арифметика и алгебра», где автор дал ряд новых толкований и внес ряд исправлений в трактовку Нейгебауэра.

Факты истории Двуречья, на которых подробно останавливается Нейгебауэр, мы можем здесь опустить, так как читателям нашего журнала они должны быть хорошо известны.

Глиняных клинописных дощечек с математическими текстами до нас дошло много сотен. Древнейшие и интереснейшие из них относятся к эпохе Хаммураби (около 2000—1900 гг. до н. э.).

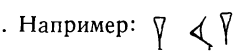
Как известно, аккадяне и вавилоняне заимствовали свою культуру—в том числе письмо и начатки математики—у сумерийцев. Но так как сумерийские и семитические языки совершенно несходны между собой (первые—агглюнативные, вторые—флексивные), то заимствование знаков письма шло двумя путями: либо учитывалось только их смысловое значение—тогда в семитическом языке они сохраняли свой смысл, но произносились совершенно по-иному; либо учитывалось их звуковое значение—тогда они в семитическом языке получали уже новый смысл и обозначали сплошь да рядом не слово, а слог (в сумерийском языке все слова односложные). В области математики знаки сохранили смысловое значение, изменив звуковое; всякого рода приставки и частицы вовсе были отброшены, так как они в новом языке не имели уже смысла. Таким образом, благодаря случайностям истории письма впервые появился ряд специфических знаков-символов не только для чисел (что было и у других народов), но и для математических понятий, как «плюс», «минус», «площадь», даже x («длина») и y («ширина»). Как мы уже видели, грамматические частицы могли при этом отбрасываться, как излишние, и получался такой, например, условный математический текст:

Текст	Смысл
Длина на 3 множительно	$3x$
Ширина на 2 множительно . . .	$2y$
Сложительно	$3x + 2y$
Квадратно	$(3x + 2y)^2$
Площадь длины	x^2
Сложительно	$(3x + 2y)^2 + x^2$
Так 2 800	$= 2\,800$

т. е. $(3x + 2y)^2 + x^2 = 2\,800$

[1] Ряд статей в AO и в серии «Quellen und Studien zur Geschichte der Mathematik», Berlin (начиная с 1929 г.). В этой же серии (A, 3) появилось и изданное Нейгебауэром полное собрание вавилонских математических текстов: «Mathematische Keilschrifttexte», Berlin, 1935, два тома. Здесь даны транскрипция и немецкий перевод текстов; по отзыву М. Я. Выгодского, «научный его аппарат столь разработан и обработка его настолько объективна, что даже не владеющему языком оригинала представляется возможным критически отнестись к материалу».

[2] В 1937 г. эта книга появилась в русском переводе, сделанном С. Я. Лурье,—«Лекции по истории античных математических наук», т. 1—«Догреческая математика».

Кроме языка, исторические судьбы вавилонского народа дали вавилонской математике и другое преимущество—древнейшую позиционную систему числового обозначения. У всех остальных народов древности единицы различных разрядов обозначались различными знаками: например у афинян |||| обозначало четыре единицы, ΔΔΔΔ — четыре десятка (40), ΜΜΜΜ — четыре десятка тысяч (40 000) и т. д. В Вавилоне же (где применялась не десятичная, а шестидесятичная система исчисления) такой способ обозначения применялся только для числа до 60 (знаком ▽ обозначалась единица, знаком ◁ — десяток), а число шестидесяток обозначалось (как у нас десятки) теми же знаками, что и число единиц, но стоящими на втором месте. Знаки же, стоящие на третьем месте от единиц, обозначали, сколько раз в числе содержится 3 600 и т. д. Например:  означает: $1 \times 3600 + 11 \times 60 + 33$, т. е. 4 293.

Равным образом вавилоняне впервые в истории изобрели и шестидесятичные дроби, точно соответствующие нашим десятичным дробям; например, то же, изображенное выше число, если его понять, как дробь, будет означать

$$\frac{1}{60} + \frac{11}{3\,600} + \frac{33}{216\,000} = \frac{4\,293}{216\,000}.$$

Это тем более замечательно, что египтяне, а в раннее время и греки, не знали даже обозначения дробей типа $\frac{m}{n}$ (например $\frac{11}{35}$), а всегда писали дроби в виде суммы дробей с числителем 1 (например вместо $\frac{11}{35}$ писали $\frac{1}{4} + \frac{1}{20} + \frac{1}{70}$), что крайне громоздко и неудобно. Наоборот, вавилонская система фактически сводила действия над дробями к действиям над целыми числами. Единственным ее неудобством было отсутствие в ней нулей—особых знаков для недостающих разрядов; знак для нулей в середине числа был введен вавилонянами в сравнительно позднее время (IV—III вв. до н. э.). Нули в начале шестидесятичных дробей и в конце целых чисел никогда не обозначались; поэтому любое число n, написанное по вавилонскому способу, одновременно означало и $n \cdot 60^{\pm m}$, где m — любое целое число; значность числа определялась по общему контексту и смыслу задачи. Впрочем, этот недостаток имел и свою положительную сторону: благодаря ему вавилоняне уже рано научились, подобно нам, производить действия над числами, независимо от «места запятой» (как выражаемся мы теперь), а также выработали правила для определения значности («места запятой») в результате.

Нейгебауэру удалось приблизиться и к решению вопроса о происхождении вавилонской шестидесятичной системы и позиционного написания. В весовых системах различных вавилонских городов употреблялись, кроме единиц мер, их половины и трети. При покорении более слабых городов более сильными и при расширении торгового оборота возникла потребность в упрощении расчетов. До этого времени в разных городах существовали различные системы мер, причем отношения между единицами мер разных государств (или различных групп мер в одном и том же государстве) выражались неокругленными числами (смешанными дробями с большим знаменателем). Наиболее простым оказалось отношение 1 : 6, так как при этом отношении наиболее удобно укладываются в объединенную систему половины и трети высшей меры (они равны 3 и 2 низшим мерам). В соединении с существовавшей в житейском обиходе с древнейших времен десятичной системой получаем новое отношение 1 : 60.

Далее, единица высшего разряда, как мы видим из наиболее древних табличек, первоначально обозначалась тем же знаком, что и низшая, только большей величины.

с приложением статьи К. Фогеля—«Кубические уравнения у вавилонян». Перевод с предисловием и примечаниями. М., ОНТИ.

Ввиду того, что единицы высшей меры обычно писались перед единицами низшей, это различие в величине стало излишним и уступило место чисто позиционному написанию.

Шестидесятичная система, представляя ряд вычислительных удобств (особенно при делении), тем не менее оказывается громоздкой и трудно обозримой при устном счете. Это делало необходимым широкое пользование математическими таблицами. И действительно, до нас дошли самые различные таблицы: 1) таблицы умножения, 2) таблицы обратных величин $\frac{1}{n}$ —эти таблицы служили для деления: если требовалось разделить a на b, то сперва находили по таблице обратных величин $\frac{1}{b}$, а затем по таблицам умножения $a \times \frac{1}{b}$, например $36 : 12 = 36 \times 5$[1]; 3) таблицы квадратов и целых квадратных корней, 4) таблицы кубов, 5) таблицы функций x^3+x^2, применявшиеся, как мы увидим, для решения кубичных уравнений, 6) таблицы последовательных степеней одного и того же числа и т. д. Вавилонянам были известны и способы приближенного нахождения иррациональных квадратных корней, но эти значения не табулировались.

Перейдем теперь к собственно-математическим текстам. К сожалению, тексты содержат только готовые рецепты решения задач без каких бы то ни было доказательств или методических указаний. Тем не менее, сами задачи, разрешавшиеся вавилонянами, настолько трудны, что применение систематизированных процедур и доказательств, хотя бы упрощенного типа, не подлежит никакому сомнению.

Несколько задач вавилонских текстов (см. статью «Два учебника стереометрии», выше, стр. 194) показывают, что вавилонянам была хорошо известна теорема Пифагора: они без труда вычисляют катет по гипотенузе и другому катету—и приближенно и точно. И вообще, наряду с приближенными формулами (например для вычисления площади кругового сегмента по длине дуги и хорде, когда неизвестен радиус), мы имеем ряд точных формул,—например, для площади треугольника, для трапеции, для нахождения одной из трех величин—стрелки кругового сегмента, хорды и радиуса—по двум другим, для нахождения объема усеченного конуса и усеченной правильной четырехугольной пирамиды, причем формула—та же, что применялась позже и греками[2]:

$$v = h\left[\left(\frac{a+b}{2}\right)^2 + \frac{1}{3}\left(\frac{a-b}{2}\right)^2\right].$$

Нет сомнения, что вавилонянам был известен и объем конуса и пирамиды.

Таким образом, и в области геометрии древние вавилоняне не уступали древним египтянам. Но, конечно, основное историческое значение вавилонской математики не здесь, а в области алгебры. Мы уже видели, что вавилоняне фактически имели символическое обозначение не только для алгебраических действий (например «площадь» для произведения и т. п.), но и для неизвестных («длина», «ширина» в смысле x и y). Символический характер этих обозначений виден из того, что в вавилонских задачах площади без всяких оговорок складываются с длиной и шириной. В клинописных текстах содержатся решения всевозможных задач на уравнения первой и второй степени (с одним и двумя неизвестными) и нескольких задач на кубические уравнения (типа $ax^3 + bx^2 = c$)..

---

[1] Здесь 5 это $\frac{5}{60}$; у вавилонян всегда $36 \times 5 = 3$, так как $180 = 3$ шестидесяткам, а разряд в письме не обозначался.

[2] Египтяне применяли более простую и симметрическую формулу, принятую и теперь:

$$v = \frac{h}{3}(a^2 + ab + b^2).$$

Как я уже говорил, тексты содержат лишь голые рецепты решения без всяких пояснений и доказательств. Ввиду того, что некоторые решенные в этих текстах задачи довольно сложны, Нейгебауэр полагал, что вавилоняне, поскольку речь идет об уравнениях первых двух степеней, свободно владели всеми известными нам алгебраическими преобразованиями, даже таким искусственным приемом, как нахождение полусуммы и полуразности корней при решении уравнений первой степени. С. Я. Лурье показал[1], что весь ход действий в клинописных текстах становится проще и понятнее, если предположить, что для решения задач, сводящихся к системе двух уравнений первой степени, вавилоняне применяли чисто арифметический прием ложного предположения. Что же касается задач на квадратное уравнение, то полученные раз навсегда формулы применялись уже почти алгебраически, без апелляции к геометрическим представлениям; однако я, тем не менее, думаю, что сами эти формулы были выведены и получены геометрическим путем. Характерно, например, что вавилоняне не имели представления о том, что квадратное уравнение может иметь два решения, не говоря уже об отрицательных или мнимых. Недоразумением является также открытие биквадратных уравнений у вавилонян: приводимое Нейгебауэром уравнение

$$m^2(x-y)^2 = x^2$$

путем извлечения корня из обеих сторон сразу же превращается в уравнение первой степени

$$m(x-y) = x$$

(отрицательные корни вавилонянам не были известны).

При решении систем уравнений с двумя неизвестными, из которых одно или оба квадратные, широко применялся, как показал М. Я. Выгодский, метод вспомогательного неизвестного; в частности для решения систем вида $x \pm y = a$; $xy = b$ или $x^2 + y^2 = a$; $x \pm y = a$ или $xy = b$ применялась подстановка

$$x = \frac{a}{2} + z; \quad y = \frac{a}{2} - z \quad \text{или} \quad y = z - \frac{a}{2}.$$

Решение кубического уравнения состояло в приведении вида

$$ax^3 + bx^2 = c$$

к виду

$$\xi^3 + \xi^2 = a',$$

а все значения функции $\xi^3 + \xi^2$ были табулированы и находились из таблиц.

Далее, вавилоняне без труда решали задачи на арифметическую прогрессию (чисто арифметическим путем). Значительно интереснее то, что вавилоняне умели находить сумму последовательных квадратов членов натурального ряда

$$1^2 + 2^2 + 3^2 + \ldots n^2.$$

Попытка Нейгебауэра восстановить вавилонский вывод этой формулы алгебраическим путем привела к крайне сложным выкладкам, совершенно искажающим перспективу исторического развития вавилонской математики. Между тем, если осмыслить формулу геометрически, видя в ряде

$$1 \cdot 1^2 + 1 \cdot 2^2 + 1 \cdot 3^2 + \ldots + 1 \cdot n^2$$

ступенчатую пирамиду, состоящую из ряда параллелепипедов с высотой, равной 1, и квадратными основаниями со сторонами 1, 2, 3 и т. д., а затем сложить между собой три такие пирамиды, то, как показал С. Я. Лурье, сразу же без всяких выкладок получается результат, данный в вавилонской задаче. Поэтому есть все основания думать, что вавилоняне пришли к этой формуле именно таким геометрическим путем.

[1] В примечаниях к русскому переводу Нейгебауэра.

Таким образом, если даже отбросить все преувеличения Нейгебауэра, достижения вавилонян все же остаются огромными. Как мы видим, в целом ряде областей греки никогда не достигали таких результатов, как вавилоняне. Есть основание думать, что независимо от греков вавилонская математика повлияла на индийскую, а индийская, в свою очередь,—на арабскую; поэтому работа вавилонян в области алгебры не осталась бесплодной, а повлияла на нынешнюю математику.

Проф. С. Лурье

Древняя история России в освещении Ключевского и Преснякова

В самое последнее время, после разоблачения концепции М. Н. Покровского и его «школы», у нас заметно усилился интерес к начальному периоду истории России,—так называемой Киевской Руси. Этому в значительной мере содействовали последние изыскания в данной области акад. Б. Д. Грекова. Поэтому выход в свет «Лекций по русской истории» покойного проф. А. Е. Преснякова (Москва, 1938, VI+279 стр.) следует приветствовать, как явление вполне своевременное. Если принять во внимание, что в 1937 г. переиздан первый том «Курса русской истории» В. О. Ключевского (Москва, 1937, XVIII+395 стр.), посвященный той же эпохе, то можно признать естественным стремление сопоставить эти два издания, эти два курса по истории Киевской Руси.

Конечно, оба автора—представители буржуазной историографии, но в наше время, когда, по директивам партии и правительства, идет большая работа по созданию марксистского курса истории СССР, эти два курса дают немало ценного фактического материала, который должен быть учтен при марксистской реконструкции истории Киевской Руси.

Между обоими курсами есть связь,—оба автора принадлежат по существу к историко-юридической школе историков. Но между ними есть и значительная разница. В то время как курс Ключевского блещет оригинальностью своего построения, говорит свое слово, имевшее большое значение в ту эпоху, когда оно раздавалось,—курс Преснякова делает лишь к нему свои поправки и дополнения и использует научную литературу начала XX в., незнакомую Ключевскому.

Точка зрения В. О. Ключевского в основном хорошо известна историкам, и потому долго на ней мы не будем останавливаться. Это—теория городовой, или торговой Руси, придающая значение главного фактора в истории Киевской Руси—иноземной торговле. Торговля заезжих людей втянула славян в «торговое движение», связавши их с иностранными рынками, и создала торговые города и вокруг них городовые области (стр. 118—122). В связи с этим появились варяжские княжества, в которых вооруженные иноземные торговцы превратились во властителей (стр. 134 сл.). Наконец, «из соединения варяжских княжеств и сохранивших самостоятельность городовых областей вышла третья политическая форма, завязавшаяся на Руси» (стр. 140)—образовалось Киевское государство. В нем князья—военные сторожа, охранители торговых путей, организаторы обороны против «злой степи». Князья со своими дружинами—это «перелетные птицы русской земли» (стр. 200). Киев имел значение «сборного пункта русской торговли» и «центральной вывозной фактории» ее (стр. 140, 143). Пала торговля—пал и Киев, и население с Днепра потянулось на северо-восток, где создаются затем новые условия государственности. К этому нужно прибавить теорию «очередного порядка» наследования княжих столов—«точное соответствие ступеней двух лествиц, генеалогической и территориальной, лествицы лиц и лествицы областей» (стр. 174), а также отрицание феодализма в истории Киевской Руси—«отсутствие феодального момента» (стр. 375).

Таковы основные пункты построения истории Киевской Руси у Ключевского. Как видим, точка зрения Ключевского далека от марксистского освещения истории этой эпохи. Он не дает развития производственных отношений в эту эпоху, а придает главное значение внешнему толчку, сильно им преувеличенному.

Что же нового дает в своем курсе Пресняков по сравнению с Ключевским? Пресняков критикует и теорию торгового происхождения городовых областей и очередной порядок княжеского наследования. Но ближе ли он к марксизму, чем Ключевский? Для ответа на этот вопрос нужно прежде всего взять отношение Преснякова к проблеме феодализма в древней Руси. Несмотря на то, что ему была известна работа Н. П. Павлова-Сильванского—«Феодализм в древней Руси», Пресняков решительно никак не реагирует на эту книгу,—по крайней мере в этом томе, хотя вскользь и цитирует ее (стр. 188). В этом отношении он отстает от Ключевского, который все же находит в Киевской Руси—«немало черт, сходных с феодальными отношениями», «отношения, напоминающие феодальные порядки Западной Европы» (стр. 375, 377). У Преснякова на первом плане—«княжая защита», «княжое право» (стр. 185 сл.). Он—юрист прежде всего и больше Ключевского. Боярского землевладения он касается вскользь и отрицает возможность иммунитета в XII в.—начале XIII в. (стр. 195, 229—230).

Какая главная сила строила Киевское государство? На это у Преснякова ясный и определенный ответ—варяжские князья и их дружина. Можно сказать, что ни у одного историка вера в силу норманизма не выявлена так ярко, как у Преснякова.

Чтобы подтвердить, что таково основное положение курса А. Е. Преснякова, приведу ряд более характерных выдержек: «Варяжский элемент получает руководящее значение в судьбах Восточной Европы» (стр. 37); «древнейшие выходцы из Скандинавии сохранили имя Русь на юге» (стр. 38); «скандинаво-русская государственность» (стр. 39—40); «те события, которые относятся к так называемому происхождению русского государства, только одна из страниц, хотя и важнейшая, в истории деятельности варягов в Восточной Европе» (стр. 41); «проблема образования Киевского государства сводится к вопросу, когда и как пришли в политическую связь юг и север... установление этой связи дело варягов» (стр. 47); «следы прошлого были под корень сметены новыми формами организации и городского быта, какие принесли с собой в среду восточных славян выходцы из далекой Скандинавии» (стр. 59); «земли-волости и сами сложились и стали служить торговому движению между Русью и Византией вследствие своего подчинения власти, засевшей в городах» (стр. 65), т. е. скандинавов (стр. 64); «торговое движение в Восточноевропейской Руси выступает, как мотив энергичного стремления варягов, точнее скандинавов, которых в славянской среде называли то русью, то варягами, к поволжским, прикаспийским и черноморским рынкам; умалять значение скандинавского элемента в судьбах Восточноевропейской равнины не приходится» (стр. 66); «не вижу оснований отделять вопрос об образовании городских областей от вопроса о появлении в восточнославянской среде варяжских княжеств» (стр. 67); «сквозь беглые наброски Константина Багрянородного видно страну замиренную, торговую, с преобладающим значением городов, а в них—варяжской руси» (стр. 73); «переход от племенного быта к строю городских волостей» нельзя «отделять от водворения среди восточных славян варяжской княжеской власти» (стр. 74) и т. п.

По поводу этих высказываний Преснякова стоит вспомнить фразу покойного академика Ф. И. Успенского, вскользь брошенную им в одной из работ[1]: «Если все это сделали норманские князья со своей скандинавской дружиной, то они похожи на чародеев, о которых рассказывается в сказках».

Связанная с этим построением критика Пресняковым городовой теории Ключев-

[1] «Русь и Византия», Одесса, 1888, стр. 14.

ского теряет свою цену. Говоря о политическом значении Новгорода и Киева и «варяго-греческого пути» и «опорных пунктов» на нем (стр. 80 и др.), Пресняков (как и Ключевский—с точки зрения внешней торговли, стр. 123) упускает из виду, что большинство самых старых городов Руси было расположено не на этом пути, таковы: Пересечен, Искоростень, Волынь, Чернигов, Туров, Полоцк, Изборск, Ростов, Муром, Тмуторокань; не учитывается и то, что Киев и Новгород—не первичные города, а сравнительно «новые», возникшие в связи с изменением строя—падением родо-племенного уклада и созданием новой государственной организации.

Представление о том, что норманские конунги со своей дружиной «произвели коренной перелом» в жизни восточного славянства и создали «строй городских волостей», вытекает из игнорирования и непонимания внутренних закономерностей в развитии Руси и по существу мало чем отличается от построения Ключевского. Ведь «государство никоим образом не представляет из себя силы, извне навязанной обществу», «государство есть продукт общества на известной ступени развития»[1].

Нельзя сказать, чтобы Пресняков не приводил иногда данных, противоречащих его норманистскому построению. Таковы, например, вскользь брошенные им фразы: «славянская культура оказалась в X в. сильнее варяжской» (стр. 78); «Святослава летопись изображает скорее степным наездником; это—не викинг» (стр. 83); «более тщательное изучение, несомненно, не изменит общего характера наших представлений о киевской культуре, как выросшей по существу на усвоении и переработке элементов византийской культуры» (стр. 149) и др.

Однако эти фразы не побуждают автора задуматься и критически отнестись к чрезмерному увлечению норманизмом. Характерной для него является фраза: «Попытки построить некоторые представления о черноморской руси по арабским свидетельствам ничего надежного не дают... и кому охота разбираться в этих попытках, тот пусть исходит из критических этюдов Вестберга» (стр. 44). Доводов антинорманистов он не опровергает, а лишь со снисходительным пренебрежением обвиняет их в «псевдо-патриотических тенденциях» (стр. 66—67).

Несомненным достоинством курса Преснякова является его живой отклик на новую научную литературу. Можно сказать, что в первых главах он целиком зависит от построений, во-первых, А. А. Шахматова, затем—С. М. Середонина, М. Д. Приселкова.

Однако использование работ Шахматова нельзя признать вполне совершенным. У А. А. Шахматова был гениальный размах, непрестанное и острое искание научной истины— и в связи с этим множество временных, скоропреходящих рабочих гипотез. А. Е. Пресняков стремится ввести Шахматова в определенные рамки, зафиксировать отдельные моменты его рабочих построений, закаталогизировать вскользь брошенные блестки его остроумных предположений. Отсюда следование за Шахматовым иногда приводит Преснякова к «отчаянию» (стр. 72), порою «Шахматовская оценка исторического смысла» эпохи «не совсем понятна» ему (стр. 105).

С другой стороны, нельзя, например, признать удачным широкое использование Пресняковым высказанной в 1908 г. Шахматовым догадки о том, что «в VIII—IX вв. среди приднепровских славян появляются полчища скандинавов»[2] (стр. 38, 43). Между тем, Пресняковым не принято к сведению такое, например, важное наблюдение Шахматова: «Государственность, складывавшаяся понемногу на юге, начинает зарождаться и на севере... Ясно, что государственность покоилась на юге на более прочных основаниях. Соревнование между русским и варяжским началами оканчивается полным тор-

[1] Ф. Энгельс—Происхождение семьи, частной собственности и государства, изд. 1937 г., стр. 224.

[2] «Разыскания о древнейших русских летописных сводах», СПБ, 1908, стр. 326.

жеством начала русского: Новгород попадает под зависимость киевского князя»[1]. У Преснякова же мы читаем наоборот: «Центр больше в Новгороде, чем в Киеве... Основы гражданской и правительственной организации, сложившиеся в Новгороде, перенесены на юг» (стр. 135, ср. 80, 123). Вряд ли с этим можно согласиться.

Использование критических изысканий Шахматова об эпохе первых князей (стр. 67—73) можно признать сравнительно удачным, хотя с некоторыми оговорками; укажу одну, главную. Допущение Пресняковым того, что Олег мог быть «воеводою» Игоря (стр. 72), не приемлемо по следующим соображениям: 1) Шахматов признает «воеводство» Олега комбинацией летописного сводчика[2]; 2) хронология Новгородской первой летописи младшего извода за эту эпоху висит в воздухе; 3) еврейский документ называет Олега—«Хальгу»—«царем Руссии», действующим самостоятельно.

Опубликование критических замечаний Шахматова и Преснякова об эпохе первых князей надо признать своевременным, ибо в работах наших ученых чувствуется иногда догматическое преклонение пред летописным текстом и встречаются некритические высказывания о том, что Рюрик и Олег «вели систематически» «повседневную политическую работу», что они являлись «полномочными представителями своей страны» и т. п.[3]

Слабее обстоит дело у Преснякова с эпохой Святослава и Владимира. Он мало учитывает наличие некоторых легендарно комбинированных элементов в летописи за это время. Борьба между сыновьями Святослава не вызывает его на критические замечания. Обилие легенд о Владимире не будит его историческую мысль. Бориса и Глеба без колебаний он принимает сидящими в Ростове и Муроме (стр. 97). Из спокойного равновесия не выводит его мысль даже тот факт, что по летописи—«остальные Владимировичи неведомо как сошли с исторической сцены» (стр. 94, 138 и др.).

В дальнейшем следует отметить удачное разрешение Пресняковым вопроса о пресловутом 1169 г.; он верно указывает, что тогда «перенесения политического центра на север не произошло» (стр. 238); затем в основном он дает верную, хотя и не вполне точную и очень краткую, характеристику момента второй половины XII—начала XIII в. (стр. 238—239), но при этом, конечно, упорно избегает говорить о феодализме, даже хотя бы в тонах Ключевского.

К числу положительных сторон лекций Преснякова нужно отнести его критику расовых теорий (в главе I) и выяснение вопроса о семейной общине (в главе V). Но в то же время он всецело стоит на позициях индоевропейской теории и славянской прародины (главным образом в главе II).

Конечно, есть еще ряд вопросов, вызывающих недоумения и возражения, но на них останавливаться не будем. Следует лишь отметить несколько фактических недоразумений и неточностей. Так, на стр. 37 говорится, что радимичи были «данниками» Хазарского царства «до времен Святослава», между тем, как летопись первое подчинение радимичей Киеву относит к эпохе Олега, а затем новое покорение их приписывает Владимиру; тут, очевидно, радимичи взяты заодно с вятичами. Неоднократная ссылка на то, что у Константина Багрянородного Святослав назван «братом Игоря» (стр. 73, 74, 79, 123), основана на неверном переводе Г. Ласкина. На стр. 130 история борьбы Ярослава со Святополком оканчивается, согласно новгородской версии летописи, рассказом о бегстве Святополка «в печенеги», а о последующих событиях—по киевской версии летописи—ничего не сказано. На стр. 134 говорится о «победе Ярослава при Листвене» между тем, как летописи определенно говорят о победе при Листвене Мстислава над Ярославом. На стр. 98 нужно обратить внимание редакции на фразу: «Для нас *осуществлен* рассказ Яхьи Ибн-Саида о событиях 986—989 гг.».

---

[1] «Разыскания», стр. 327.

[2] «Разыскания», стр. 318—319 сл.

[3] «Историк-марксист», 1937, № 5—6, стр. 58—59, также 55 сл. (в статье Грекова).

Необходимо предостеречь читателей от неправильной, антимарксистской, «норманской» теории происхождения Русского государства. Известная ценность лекций Пресняковав том, что они дополняют лекции Ключевского, ставят ряд интересных вопросов и пробуждают интерес к высоконаучным изысканиям в области летописей акад. А. А. Шахматова, незаслуженно забытого в последнее время в наших исторических работах.

Проф. В. Пархоменко

АРИСТОТЕЛЬ—О частях животных. Перевод с греческого. Вступительная статья и примечания В. П. Карпова. Государственное издательство биологической и медицинской литературы. 1938. 219 стр. Цена (в переплете) 3 р. 50 к.

Маркс называл Аристотеля «Александром Македонским философии», и это сравнение поразительно по своей меткости и глубокому смыслу. Философские победы Аристотеля оказались гораздо прочнее, чем плоды военных успехов его ученика. Давно рассыпалась монархия Александра, а учение Аристотеля все продолжало распространяться, захватив области, о существовании которых Александр и не думал. Через полторы тысячи лет еще Данте называл Аристотеля «учителем всех ученых»,—слова, которые нашел нужным повторить Гегель. По словам Гамильтона, «все науки несут его печать, и его мысли непосредственно или посредственно определяют соображения всех позднейших мыслителей».

Естественно, что интерес к Аристотелю, затухавший лишь в XVIII в., продолжает чувствоваться и теперь. По мнению Гегеля, Аристотель больше других древних философов заслуживает внимательного изучения, а в «Философских тетрадях» Ленина ряд страниц посвящен ему специально. Издание его сочинений на русском языке можно лишь всячески приветствовать.

В последние годы Соцэкгизом были изданы «Метафизика», «Афинская полития» и «Физика» Аристотеля, а Биомедгиз намерен «осуществить впервые на русском языке издание всех трех основных биологических произведений Аристотеля», как мы узнаем из приложенного к рецензируемой книге извещения «От издательства». Исполнение этого обещания началось с издания сравнительно небольшого сочинения Аристотеля «О частях животных». Так как Биомедгиз «осуществляет» свои намерения с большой медлительностью, то последовательность выпуска в свет томов «Классиков биологии» (так называется серия, в которую входят сочинения Аристотеля) имеет существенное значение. Логически и хронологически первым из дошедших до нас более крупных зоологических трактатов Аристотеля надо считать «Историю животных». Однако ее-то Биомедгиз предполагает выпустить в последнюю очередь, руководясь таким странным мотивом: «Издание «Истории животных» Биомедгиз сознательно отодвигает на последнее место, ввиду значительно больших объемов (?) этого произведения» (стр. 6). Неужели внутренняя связь и логическая последовательность произведений перевешивается в глазах Биомедгиза таким случайным признаком, как «бо́льшие» или меньшие «объемы» (?) книги.

Все это, конечно, не мешает нам признать, что Биомедгиз взялся за большое и нужное дело, начав издавать зоологические работы Аристотеля. Эти работы, несомненно, стоят выше остальных его естественно-научных произведений. Не раз высказывалось мнение, что если бы от Аристотеля остались т о л ь к о его труды по зоологии, он нашел бы место среди наиболее выдающихся представителей античной науки. Этой областью естествознания он стал заниматься, вероятно, с ранней юности, постепенно

собрав колоссальный фактический материал. По свидетельству Плиния, им было написано 50 книг по зоологии. Из них лишь незначительная часть дошла до нас.

Зоологические работы Аристотеля в основном содержании базируются на лично им собранном и исследованном материале. В этом отношении они разнятся от его других естественно-научных сочинений. Трактуя вопросы астрономии или метеорологии (в своих книгах «О небе» или «Метеорология»), Аристотель часто ссылается на мнения «знатоков», тогда как в зоологических работах подобных ссылок почти не встречается, зато упоминаются «вскрытия» животных и другие формы личного знакомства с материалом.

Поразителен исследовательский охват бесчисленных фактов и глубина их трактовки у Аристотеля. Это было возможно, очевидно, лишь при наличии трех условий: широкой государственной помощи, оказанной ему Александром Македонским, строгой организованности и плановости исследовательских работ в Ликее (который в этом отношении резко отличался от платоновской «Академии») и необыкновенной трудоспособности самого автора, сочетавшейся с гениальным даром наблюдательности. В подтверждение последнего, быть может, будет достаточно напомнить слова Кювье, что, например, сделанное Аристотелем описание слона значительно превосходит то, которое дает профессор Д'Обантон (современный Кювье зоолог). Ряд блестящих зоологических открытий Аристотеля был подвергнут сомнению в XVII и XVIII вв., но в XIX в. они были подтверждены выдающимися зоологами.

Несколько грубых фактических ошибок, допущенных Аристотелем, преимущественно в области физиологии (главным образом, ему ставят в вину непонимание роли мозга), не могут умалить колоссального значения проделанной им работы. Ведь было бы нелепо подходить к Аристотелю с теми требованиями, какие мы предъявляем к современному студенту-биологу. Аристотель действительно без критики отнесся к некоторым анекдотическим сообщениям о привычках животных. Так неужели ему, жившему за 2300 лет до нас, будет это поставлено в вину больше, чем некоторым из ныне здравствующих наших виднейших зоологов их легковерное отношение к сказкам о «мыслящих лошадях», будто бы решающих уравнения? А ведь в защиту этих сказок они горячо выступали в печати незадолго до революции. Не ошибками определяется ценность исследований Аристотеля. Его работы чрезвычайно поучительны для современных биологов и философов (и для всех интересующихся философскими и историческими вопросами) уже потому, что Аристотель касается принципиальных вопросов, о которых и теперь ведутся жаркие споры.

Вышедшая в свет книга «О частях животных» привлекала сравнительно мало внимания и меньше других переводилась на новые языки. Однако это пренебрежительное отношение к ней нельзя признать сколько-нибудь справедливым. Подобно огромному большинству дошедших до нас сочинений Аристотеля и этот его трактат представляет собой или черновой набросок или, в лучшем случае, конспект учебника, предназначавшегося для употребления в Ликее. Не исключена даже возможность, что некоторые из сочинений Аристотеля представляют собой записи его учеников, лишь просмотренные учителем. Наконец, переписчики и редакторы рукописей внесли в них немало посторонних вставок, переделок и добавлений. При таких условиях немудрено, что имеющийся у нас текст нередко бывает неясен, иногда обнаруживает бесспорные следы порчи, во многих местах темен и труден для понимания. Язык, которым написаны почти все дошедшие до нас сочинения Аристотеля, отличается сухостью, сжатостью, часто небрежен и неряшлив. Как он непохож на тот стиль Аристотеля, которым восхищался Цицерон и некоторые другие античные писатели! Не блестяще изложение и зоологических работ, в частности трактата «О частях животных». Книга, несомненно, представляет трудности для читателя, в преодолении которых немалую помощь оказывает толковый комментарий, данный переводчиком, а также краткое изложение отдельных глав, позволяющее с удобством следить за ходом мыслей автора.

Работа переводчика Аристотеля, конечно, очень велика и ответственна. Она ни в коем случае не может быть поставлена на одну доску с наиболее точным и художественным переводом кого-либо из писателей нового времени. Добросовестный перевод Аристотеля—это научный труд, требующий применения приемов исследовательской работы. Этот труд с честью выполнен В. П. Карповым, снабдившим издаваемую книгу краткой биографией и сжатым очерком философского значения Аристотеля.

В этом очерке автор сопоставляет Аристотеля с его учителем Платоном, отмечая, что от платоновского дуализма Аристотелю целиком не удалось освободиться. Следовало бы прибавить, что это освобождение по мере философского роста Аристотеля делало все бо́льшие успехи и что зависимость от учителя особенно чувствуется в ранних его работах, тогда как в позднейших он оказывается в большей мере материалистом. Ленин в «Философских тетрадях», неоднократно отмечая колебания Аристотеля между идеализмом и материализмом, вместе с тем возмущался трактовкой Аристотеля, как идеалиста, данной Гегелем. В биологических сочинениях (включая сюда, вопреки Биомедгизу, и трактат «О душе») Аристотель в значительной степени выявляет свои материалистические тенденции. Частично это отмечает и автор вступительного очерка. Думается, что на этом вопросе ему следовало бы остановиться подробнее, не отсылая читателей к книжке Дынника.

Главное значение книги «О частях животных» заключается в том, что в ней Аристотель создает основу сравнительной анатомии. Эта наука отличается, по взгляду Аристотеля, от простого описания животных тем, что устанавливает п р и ч и н ы анатомических фактов. Под этим углом зрения очень последовательно подан Аристотелем весь научный материал книги. Для объяснения анатомических структур Аристотель обращается к причинам двоякого рода: одни объясняют, к а к возникла структура, другие показывают, д л я ч е г о данная структура служит в организме. Нет сомнения, что Аристотель здесь дает не только каузальное, но и телеологическое толкование явлений. Однако его телеология (по отношению к анатомическим явлениям), по справедливому замечанию В. П. Карпова, всегда имманентна, «т. е. говорит о цели и значении того или другого органа для жизни даннаго животного» (стр. 26). В этом отношении методология биологических работ Аристотеля сильно отличается от трактовки им астрономических и т. п. явлений. В книге «О частях животных» Аристотель вплотную подошел к вопросу о соотношении организма и его частей, как к морфофизиологической проблеме, которая и сейчас ставится в порядок дня ведущей биологической мыслью. «Прирожденная диалектика» Аристотеля сказывается в способе рассмотрения отдельных органов в связи с целым и в связи с другими органами; целый же организм рассматривается как в связи со средой, так и в отношениях к его отдельным частям. Этот широкий метод тотчас себя оправдывает, приводя Аристотеля к установлению корреляций между развитием органов, как к одному из основных принципов формообразования организмов. Как известно, дальнейший шаг в развитии этого плодотворного принципа сделал Кювье; коррелятивным связям придавали большое значение Дарвин и Энгельс («Роль труда в процессе очеловечения обезьяны»), а современные биологи все больше и больше начинают ими заниматься. В подтверждение этих слов приведу свидетельство акад. Шмальгаузена. Охарактеризовав взгляд А. Н. Северцова на проблему корреляций, акад. Шмальгаузен продолжает: «Эта весьма правильная и до сих пор еще не вполне оцененная мысль дает впервые совершенно ясное материалистическое разрешение проблемы взаимного приспособления органов..., которую Г. Спенсер не без успеха выдвинул, как возражение против дарвиновской теории. Это возражение было, несомненно, самым серьезным и до сих пор не вполне отпарированным ударом по теории естественного отбора. Н а ш е й з а д а ч е й я в л я е т с я п о э т о м у д а л ь н е й ш а я р а з р а б о т к а у к а з а н н о й т е о р и и к о р р е л я ц и й (подчеркнуто автором, стр. 10. И. И. Ш м а л ь г а у з е н—

Организм, как целое, в индивидуальном и историческом развитии. Изд. Академии наук, 1938).

Аристотелем дан целый ряд конкретных примеров коррелятивных зависимостей органов у высших животных,—примеров, вызвавших восхищение Кювье. Мы, конечно, отдавая должное Аристотелю, не должны забывать, что ему была чужда идея эволюционного развития. Но в возникновении эволюционных идей (у предшественников Дарвина) немалую роль сыграл установленный Аристотелем же принцип постепенного повышения организации (позднейшей «лестницы существ»). Ряд других выдающихся идей Аристотеля внимательный биолог почерпнет из его зоологических работ.

Биомедгиз, как видно, приложил старание к тому, чтобы облегчить чтение изданной работы Аристотеля и пользование ею. Кроме вводной статьи, мы находим здесь список важнейшей доступной литературы об Аристотеле и специально о его биологических трудах. Более 30 страниц занимают тщательно составленные примечания к тексту. В виде приложения дана (по Мейеру) сводная таблица систематических подразделений животного мира, как их устанавливает Аристотель, и, наконец, терминологический указатель, облегчающий пользование книгой. К числу недостатков надо отнести многочисленные ошибки в греческой транскрипции (особенно в надстрочных знаках), от которых Биомедгиз никак не может освободиться. С внешней стороны книжка издана неплохо. В заключение надо пожелать, чтобы она встретила то внимание читателей, какого вполне заслуживает.

Проф. М. Гремяцкий

КАТОН, ВАРРОН, КОЛУМЕЛЛА, ПЛИНИЙ.—О сельском хозяйстве. Под редакцией и с вводной статьей проф. М. И. Бурского. Издание Института истории науки и техники Академии наук СССР. Огиз—Сельхозгиз. 1937, 302 стр., 6 рисунков в тексте, 2 карты и 1 фототипия-вкладка. Цена (в переплете) 6 руб. 50 коп.

В серии «Классики естествознания» Государственное издательство колхозной и совхозной литературы выпустило в 1937 г. хорошо оформленную книгу, содержащую в русском переводе отдельные части трактатов римских писателей о сельском хозяйстве конца республики—начала империи. «При отборе материала,—пишут редакторы (общая редакция—проф. В. С. Сергеева, деловая—проф. М. И. Бурского),—для настоящего сборника мы стремились дать представление читателю об общем характере данного источника, поэтому вместо набора «избранных» отрывков мы предпочитали печатать книги или главы целиком, не сокращая произвольно тех мест, которые могут показаться тому или другому читателю мало интересными» (стр. 5).

Указание на печатание целиком «глав» относится к трактату Катона о сельском хозяйстве, из которого переведены 48 глав при общем их количестве 162; целиком «книги» (в античном понимании этого слова, где подразделение на «книги»—libri—обозначало скорее деление на большие главы, чем законченные отдельные книги в нашем смысле) даны из сочинений Варрона, Колумеллы и Плиния. Из варроновых rerum rusticarum libri tres избрана для настоящего издания вторая «книга» о животноводстве; из 12 «книг» Колумеллы de re rustica полностью переведены, кроме предисловия, книги I и III, в которых говорится о наиболее рациональном выборе и устройстве имения (виллы) и о виноградарстве соответственно. Из большой энциклопедии Плиния Секунда Старшего, охватывающей 37 книг, также целиком даны книги XVII и XVIII о полеводстве и садоводстве в Италии. Большая часть переводов—из Катона, Варрона, Колумеллы и части XVIII книги Пли-

ния — сделана М. Е. Сергеенко, XVII книга Плиния переведена Я. М. Боровским, а вторым переводчиком XVIII книги Плиния указана В. М. Кремкова. Учитывая трудность для любого переводчика точно передавать значение каждого специально агрономического термина или название специфических для древности растений или рецептов, в целом переводы надо признать удовлетворительными. Можно дискутировать с редакцией, является ли ocinum Катона смесью кормовых трав, как указано в примечании на стр. 97, или это однородное растение (род клевера или базилика, поскольку некоторые специалисты считают, что ocinum в текстах Катона и Варрона то же, что ocinum у Плиния). В главе 54 о кормлении скота этим растением Катон говорит: «Когда ocinum будет готов, прежде всего давай его. Рви его руками, он отрастает; то, что срежешь серпом, не отрастает»; это несовместимо с объяснением ocinum, как смеси кормовых трав; придется признать более правильным стремление М. Е. Сергеенко оставить это название совсем без перевода и пожалеть о неудачном примечании редакции, соблазнившем, видимо, и переводчика согласиться с этим толкованием в главе 53 катонова трактата (стр. 102). Можно сожалеть, что переводчик оставил без перевода греческие слова: ὀπός—сок из деревьев, особенно из смоковницы, или δάκρυον—всякое вещество, капли которого напоминают слезу, в частности смола (стр. 134). Это тем более непонятно, что на стр. 221 редакция сочла нужным пояснить греческий термин ampelodesmos.

Что касается самого выбора «книг» или глав, то его можно признать более или менее удачным. Редакция выбрала те книги и по тем вопросам, в которых автор проявляет наибольшую осведомленность по сравнению с другими античными писателями.

Поскольку советский читатель впервые знакомится из этого сборника с трактатами древнеримских писателей по сельскому хозяйству (scriptores rerum rusticarum), очень важное значение приобретает для правильного понимания текста вводная статья проф. М. И. Бурского, которая, по словам редакции, «построена так, чтобы одновременно служить и комментарием к творчеству античных агрономических писателей (стр. 5).

Редактор-комментатор в этой статье, обнимающей около пяти печатных листов, ставит своей задачей по-новому подойти к интересующему его материалу, «исследовать работы античных агрономов в тесной связи и взаимозависимости со сложным клубком противоречий антагонистическаго рабовладельческого общества», «вскрыть своеобразное отражение этих противоречий в агрономической литературе древнего Рима».

Античные агрономы «имели свое лицо, свое агрономическое credo, свою агрономическую программу и отражали определенные социальные и политические воззрения. А взгляды эти и программы были разными у каждого из агрономических писателей, в зависимости от тех условий, в которых они действовали, в зависимости от того, какими социальными интересами они руководились, в зависимости от уровня агрономической науки и практики, влиянию каких научных школ они подвергались и в каких естественно-исторических условиях—почвенных, климатических и других—формировался их практический опыт» (стр. 8).

В дальнейшем на примерах дошедших до нас сочинений Катона, Варрона, Колумеллы и Плиния Старшего автор пытается показать конкретное развитие этих агрономических школ и взглядов, «привлекая для большей убедительности своих выводов еще одного «агронома»—автора «Георгик»—поэта Вергилия. Хотя стихи Вергилия на сельскохозяйственные темы—«Буколики» и «Георгики»—не вошли в основное содержание сборника, но М. И. Бурский счел нужным уделить Вергилию 11 страниц своего «Введения», чтобы вывести в его лице идеолога мелкого и среднего землевладения. Надо сказать прямо, что нашему автору это плохо удалось. Он сам чувствует, что привлечь Вергилия в ряды scriptores rerum rusticarum—

задача мало благодарная. «Фигура Вергилия так резко выделяется из ряда античных агрономических писателей, что невольно возникает вопрос,—признает сам М. И. Бурский,—что общего было между прожженным дельцом и эксплоататором Катоном, любителем археологии и животноводства Варроном, образцовым практиком с твердой хозяйственной рукой Колумеллой и поэтом Вергилием, самим «божественным Вергилием» (стр. 35). Этот вопрос остается без ответа, ибо общим у всех названных античных писателей было то, что противоречит тезису проф. М. И. Бурского о Вергилии, как представителе мелкого землевладения: принадлежность Вергилия к кругу идеологов и представителей верхушки рабовладельческого класса. И проф. М. И. Бурский вынужден написать: «Вряд ли сам Вергилий имел в виду написать практическое руководство типа сочинений Катона, Сазерны. Создавая свои художественные образы на сельскохозяйственном материале, он поддерживал тезис о «прелестях сельской жизни», пропагандировал основные идеи сельскохозяйственной политики Августа,«которыми никак не хотели проникнуться бросавшие свои земли опутанные долгами земледельцы» (стр. 43). И далее он совершенно правильно признает, что стихи Вергилия не доходили до тех, кому они, по мнению М. И. Бурского, предназначались: до мелких собственников и ветеранов, получавших наделы от триумвиров. «Зато Вергилия читали горожане. Читали, декламировали, восхищались, соглашались и... оставались в городе» (стр. 43). А в таком случае не лучше ли было бы оставить Вергилия в ряду поэтов, как таковых, и не делать из этого продолжателя на римской почве греческой «буколической» поэзии пропагандиста каких-то новых агрономических программ. Вергилий в художественных образах воспевал «простоту» деревенской жизни, звал «назад», на лоно природы, римских политиканов-рабовладельцев, уставших от потрясений гражданских войн,—и только. Отсюда и пессимистический вывод проф. М. И. Бурского: «Как бы то ни было, вряд ли Вергилий имел особый успех среди тех слоев, которым его агросоветы были адресованы» (стр. 45).

Давая подробную характеристику собственно-агрономических трактатов различных авторов, проф. М. И. Бурский везде старается более или менее осветить ту эпоху в истории Рима, когда жил и творил тот или иной писатель. В кратком введении это представляет весьма трудную задачу, при решении которой иногда можно уклониться в сторону упрощения исторического процесса, некоторых недомолвок или голословных утверждений. И кое-где автор «Введения» не избежал этих опасностей. Так, на стр. 9, при описании развития римского землевладения в период ранней республики, упоминается сначала о «наследственной собственности отдельных патрицианских хозяйств», а затем говорится о выводе колоний, «где беднота получала в собственность мелкие участки». Без указания на процесс борьбы патрициев с плебеями, требовавшими для себя права на землю в течение всего V и IV веков до н. э., может остаться впечатление, что эта «беднота» тоже была патрицианской, что было бы в корне неверно. На стр. 10 захват богачами-рабовладельцами agri publici рисуется так, что можно подумать об обработке всего agri publici силами мелких землевладельцев. «Расхватывается ager publicus всякими правдами,—пишет М. И. Бурский,—а больше неправдами, то-есть попросту силой сгоняется с этой общественной земли мелкий землевладелец». Картина явно неверная, искажающая историческую перспективу и навеянная буржуазными историографами Рима, на которых делает ссылки автор. Наличие закона Лициния Секстия de modo agri от 367 г. показывает, что уже в IV веке до н. э. в Риме существовало именно на ager publicus крупное земледельческое хозяйство, а во II в. до н. э. крестьян лишали не столько agri publici, сколько их наследственных участков, которыми они владели—optimo iuri.

Характеристику эпохи гражданских войн М. И. Бурский почему-то счел более целесообразным приурочить к «агрономическому» выступлению Вергилия. Здесь (стр. 35—37) подробно описывается процесс изменений в римском сельском хозяйстве. Но и здесь дело не обходится без путаницы. Попробуйте, например, разобраться в следую-

щем тезисе: «Бегство из деревни в город все усиливалось. Земельный участок опутанного долгами мелкого и среднего хозяина переходил к крупному рабовладельцу. Бросали сельское хозяйство и крестьяне, давно оторванные от производства походами, разоренные военными грабежами и сражениями. Наконец, мелких и средних землевладельцев вытесняли с земли постоянные ее конфискации. Ветеранов-победителей надо было вознаграждать, и им отдавали участки плодороднейшей земли, гоняя прежних владельцев, исконных опытных земледельцев. Происходит небывалая мобилизация земельных фондов для наделения землей ветеранов Мария, Суллы, Помпея, Триумвиров (почему-то с большой буквы.—*Г. С.*) и, наконец, Цезаря и Августа (стр. 37). Если крестьяне были «давно оторваны от производства походами», то они были уже не крестьянами, а ветеранами. Если же «ветеранам-победителям» «отдавали участки плодороднейшей земли», то те же крестьяне возвращались обратно на землю; или, может быть, эти ветераны вербовались за счет иных категорий граждан—италиков? И если «происходит небывалая мобилизация земельных фондов для наделения ветеранов» загадочных «Триумвиров», указываемых отдельно от ветеранов Цезаря и Августа, то этим путем возрождается как раз мелкая и, по крайней мере, средняя земельная собственность.

Ограничимся этими примерами, чтобы показать, как стремление к сжатости изложения или ненужному риторизму вредно для правильной обрисовки исторического процесса.

Что касается основной мысли автора «Введения», что в дошедших до нас сочинениях античноримских агрономов можно найти у каждого «свое лицо, свое агрономическое credo, свою агрономическую программу» (стр. 8), то и здесь М. И. Бурскому удалось подтвердить это положение разве только на примерах Варрона и Колумеллы. Катон, которого проф. М. И. Бурский, под влиянием буржуазных модернизаторов, именует то крестьянином кулацкого типа в соответствии с моммзеновским der derbe sabinische Bauer, то «капиталистом», хотя бы и в кавычках (30 лет тому назад проф. Р. Виппер пустил в оборот эту характеристику Катона без кавычек, см. «Очерки по истории Римской империи»), оказывается неспособным удовлетворить запросы к агрономическим знаниям своих современников. «Потребность в науке об организации именно такого (рабовладельческого средней руки, типа «виллы» II в.—*Г. С.*) хозяйства, в изучении опыта его ведения сказывалась все острее. Катоновский же трактат этой потребности не удовлетворяет» (стр. 22). Это заключение плохо вяжется с утверждением автора, что «Катон в своих агрономических указаниях поддерживает результаты сельскохозяйственной практики предшествовавших поколений, исходит из некоторых основных положений, представлявших собой сгусток сельскохозяйственного опыта Италии II века до нашей эры» (стр. 15). Проф. М. И. Бурский совершенно правильно определяет в дальнейшем место Катона в социальных группировках римского общества II в., но от этого трактат Катона, построенный на голом эмпиризме, не может стать известным этапом в развитии италийской агрономической мысли, тем более отражением «влияния научных школ». Проф. Бурского соблазняет, как и многих исследователей до него, выражение Катона: patrem familias vendacem, non emacem esse oportet (C a t o, II, 7), и он видит в Катоне проводника каких-то новых веяний в организации сельскохозяйственного производства. Но в контексте это место не дает повода для выводов, какие делает М. И. Бурский. Катон пишет: «Он должен произвести продажу: продать масло, если оно в цене, вино, продать излишки хлеба, увечный скот, увечных овец (шерсть, шкуры, старую телегу, старые железные орудия), пожилого раба, болезненного раба и вообще продать, что есть лишнее. Хозяин должен прилежать к продаже, не к покупке» (цитирую по переводу М. Я. Сергеенко, стр. 90. В издании Катона под ред. Г. Кейля 1895 г. нет скобок в подлиннике, вставленных в переводе.—*Г. С.*). Здесь ни о каких «капиталистических» тенденциях нет и речи: основой Катона является хозяйство натурально-потребляющее, а не производящее на рынок. Подсказывать

Катону мысли, которых он не имел, как это делается нашим автором на стр. 21, нет надобности.

Приходится признать, что в отношении Катона проф. М. И. Бурский только поставил проблему, но не разрешил ее.

Больше оснований видеть отражение борьбы научных школ античной агрономии в творениях Варрона и Колумеллы. Проф. М. И. Бурский прав, указывая, что «Варрон составлял не просто сборник практических указаний катоновского типа, а систематический трактат по сельскому хозяйству. Он дает, скорее, некоторые общие основы сельскохозяйственных знаний, чем советы, рецепты по их практическому применению в хозяйстве определенного типа» (стр. 27). Именно потому, что Варрон был больше кабинетным ученым, чем хозяином-практиком, его трактат имеет известный налет науки. Но Варрона приходится рассматривать не как самостоятельного мыслителя и борца за свои взгляды, а скорее как холодного регистратора известных ему явлений хозяйственной жизни Италии I в. до н. э. Сам. М. И. Бурский пишет: «Колумелла первый выступает на поприще агрономической литературы с цельной агрономической программой как боевым знаменем крепнувшего и развивающегося, полнокровного рабовладельческого хозяйства» (стр. 51).

Правда, этот лестный для Колумеллы отзыв несколько стушевывается гораздо более скромным выводом из разбора его трактата. Автор «Введения» в итоге вынужден признать, что у Колумеллы есть ценнейший опыт, толкающий вперед мысль, есть практика, потребности которой рождают науку, рождают первые попытки научных объяснений и обобщений агрономического опыта. Нет еще агрономической науки в современном смысле этого слова, как нет и ученых агрономов, хотя «Колумелла присваивает себе этот титул не без основания» (стр. 66).

Если таков конечный вывод в отношении корифея агрономов античности—Колумеллы, то не приходится много говорить о последнем авторе разбираемого сборника—Плинии. «Плиний, как правило, не выступает с какими-либо новыми агрономическими идеями, которых мы не встретили бы у его предшественников. Но в этом обилии различных данных и фактов, заимствованных у многочисленных писателей от Катона до Колумеллы, относящихся к агрономической практике хозяйств различных социальных типов и различных эпох, и кроется основная ценность его труда» (стр. 82). Эта характеристика великого энциклопедиста верно отражает содержание его «агрономических» познаний, данных в переводе в разбираемой книге.

Что же в итоге можно сказать о «Введении» проф. М. И. Бурского в целом? Оно действительно является введением не столько к трактатам античных писателей о сельском хозяйстве, сколько к будущим серьезным исследованиям, которых мы вправе ожидать от автора. Это—только первый шаг к настоящему глубокому комментарию к переводам Катона, Варрона и других, так же, как первым шагом являются и публикуемые в рассматриваемом сборнике частичные переводы. Хотя даны и не «отрывки», а целые «главы» и «книги», все же, за исключением разве Плиния, они не дают полного представления о богатстве мысли древних авторов, которых проф. М. И. Бурский желает «пригласить на временную работу для социалистического земледелия» (стр. 84). Надо надеяться, Академия наук СССР не остановится на проделанной частичной работе, а выпустит в ближайшем будущем полные комментированные переводы трактатов Катона, Варрона и Колумеллы по сельскому хозяйству. Наш читатель настолько вырос, что не удовлетворяется хрестоматиями, а требует полного знакомства с памятниками литературы прошлых веков.

Приложенные к разбираемому изданию карты древней и современной Италии составлены довольно небрежно и даны в столь малом масштабе, что в них трудно разбираться. Из грубых ошибок на карте древней Италии особенно бросается в глаза остров Коркира вместо «Коссура»—теперешняя Пантеллерия, а также выражение «границы

провинций» для обозначения границ италийских областей, которые никогда не были «провинциями» в римском смысле слова. Названия городов не выдержаны в одной транскрипции; одни показаны с латинскими окончаниями, как Ариминум, Аррециум, другие—в руссифицированной форме—Брундизий, Клузий и т. п. Опечатки превратили «Вейи» в «Вейн», «Генуа» в «Гениа», «Эолийские» острова стали «Эолнискими», «Фрегеллы» (на врезке)—«Фрегодлами» и т. д.

Данный в приложениях «Указатель имен, названий и терминов» составлен весьма скупо, хотя и в расчете на малоподготовленного читателя. Принцип составления пояснений—невыдержанный: в одних случаях, например, указаны точно годы рождения и смерти того или иного деятеля (Сулла, Феофраст, Энний, Эратосфен, Марий и др.), в других случаях показан только век (Аристотель, Александр Македонский, Аттал III, Софокл и т. д.), иногда же не дано ни того, ни другого (Ганнибал, Гракхи, Дикеарх и пр.).

В таблице мер дана загадка для ребят школьного возраста: 1 скрипул равен 100 кв. футов, а 144 скрипула—3 600 кв. футов, дальше скрипул опять увеличивается до нормы—в югере и гередии. Также и фунт (почему-то livia вместо libra) оказывается равен 2 унциям, хотя соотношение фунта и унции в граммах указано правильно. Грубая опечатка неправильно указывает дату рождения Вергилия—78 г. вместо 70 г. Подобные ошибки, которые редакция легко могла предотвратить, портят эту в общем хорошо составленную и оформленную книгу.

Проф. Г. Сергиевский

«*HUDŪD AL ʿĀLAM*» «*The Region of the World*». A Persian Geography 372 a. h.—982 a. d. Translated and explained by *V. MINORSKY*. With the Preface by *V. V. BARTHOLD*. Translated from the Russian. London. 1937. XXI + 524 pp. 8° («E. J. W. Gibb Memorial», New Series XI).

По собственному признанию В. В. Бартольда, главной причиной, побудившей его отказаться от попытки дать полный перевод персидской рукописи «Худуд ал-Алем» неизвестного автора X в., было «большое число географических названий, произношение которых остается неизвестным». По этой, вероятно, причине издатель ограничился фотографическим воспроизведением текста, введением, содержащим весьма ценный материал, и указателем имен собственных, личных и географических, встречающихся в рукописи[1]. Работа, проделанная Бартольдом, разумеется, облегчила задачу, стоящую перед английским переводчиком и комментатором. При чтении рукописи, вероятно, некоторую пользу оказало переводчику тегеранское издание «Худуд ал-Алем», приложенное Сейид Джелал-эддином Техрани к его календарю на 1314 персидский год (= 1353—4 г. х. = 1935 г. н. э.), Тегеран, 1352 г. (ср., например, Минорский, стр. XIV, прим. 5). Отдавая должное «Введению» Бартольда, переводчик, однако, указывает, что в нем далеко не исчерпаны «проблемы, порожденные текстом». Поэтому он решает не только дать полный перевод всего персидского оригинала и «Введения» Бартольда, но и снабдить его собственными комментариями. Отмечается, что в таком деле неизбежны лакуны и неясности, но только путем полного перевода можно выделить то, что ясно, от того, что остается сомнительным. Автор надеется, что его

[1] «Худуд ал-Алем». Рукопись Туманского. С введением и указателем В. Бартольда. Ленинград. Изд. Академии наук СССР. 1930, 45 стр. +78 таблиц.

труд побудит специалистов к дальнейшему исследованию соответствующих глав рукописи (стр. XII).

Указанный в заголовке труд Минорского содержит следующие части: 1) предисловие переводчика (стр. VII—XX); 2) перевод «Введения» Бартольда к изданному им тексту рукописи (стр. 3—44); 3) полный перевод персидского оригинала (стр. 47—166) и 4) комментарии переводчика, расположенные в порядке глав текста (стр. 169—477). В двух приложениях (стр. 479—482) даны примечания к заметкам, которые имеются на полях рукописи, и некоторые выдержки из мешхедской рукописи географического труда Ибн-ал-Факиха и из рукописей из коллекции А. З. Валиди и другие дополнения. Помимо указателей географических названий, личных имен и списка авторов, источников и пособий, в конце книги помещен составленный по данным рукописи индекс местных продуктов и предметов промышленности и торговли, вывозившихся из различных мест, а также глоссарий некоторых слов и выражений. Эти ценные указатели значительно облегчают пользование книгой Минорского. Другим достоинством труда являются составленные автором схематические карты, приложенные в качестве иллюстрации к некоторым главам комментария, и сравнительные таблицы для наглядного сопоставления известий разных писателей по одному и тому же вопросу.

Центральное место в книге занимают перевод текста и комментарии к нему. В своей работе над переводом автор точно и буквально следует персидскому оригиналу. В единственной рукописи, являющейся одним из самых ранних прозаических произведений персидской литературы, каждое слово и оборот речи представляют несомненный интерес, а поэтому весьма часто рядом с английским переводом даются латинизированные цитаты из текста с целью либо объяснить трудное или сомнительное чтение, либо показать, как понимает данное слово или выражение сам переводчик. Перевод почти не вызывает замечаний. Мы сличили те места рукописи, которые посвящены тюркским народам (лл. 16б—19а), и нашли только один существенный пропуск в переводе начала главы о джикилях (ср. л. $18a_{15}$ и Минорский, стр. 98—99), искажающий смысл подлинника. Этот пропуск отразился и на комментарии Минорского по поводу данного места текста (стр. 297). Что касается передачи имен личных и географических, то они обычно транскрибируются так, как указано в рукописи; нередко в скобках переводчик дает свое толкование имени; явно искаженные известные названия передаются в исправленном виде, но в скобках отмечается их чтение по рукописи. Таким образом, даже лица, не имеющие возможности обратиться непосредственно к оригиналу, могут свободно ориентироваться в географических названиях в их латинской передаче. Все главы рукописи перенумерованы, а в самой главе каждое название, обозначенное в рукописи красными чернилами (в факсимиле им соответствуют светлые места), также имеет свой порядковый номер. Эта система представляет большое удобство для ссылок и справок.

Обширные комментарии, по словам автора, преследуют две цели: во-первых, объяснить текст путем сопоставления географических названий, встречающихся в рукописи, с современными данными и, во-вторых, установить источники «Худуд ал-Алем». Комментарии к главам: «Синд», «Керман», «Фарс», «Хузистан», «Джибаль», «Ирак» и «Джезира»—очень кратки (стр. 371—384 и 392—393). Автор сличает географические названия, определяет их местоположение и приводит непосредственные параллели из других источников. Последнее показывает, что главным источником при составлении указанных глав был труд географа Истахри (середина X в.), у которого, однако, даны более подробные сведения, чем в нашей рукописи. Там же, где текст содержит какие-либо новые сведения, автор для разъяснения привлекает весь доступный ему материал, предпочитая при этом источники, современные нашей рукописи или старше ее. Из источников сравнительно более молодых в книге Минорского постоянно встречаются ссылки на Гардизи (середина XI в.), у которого имеется много параллелей с «Худуд ал-Алем». В связи с этим автор попутно рассматривает известия Гардизи. Эти места труда Ми-

норского являются, по нашему мнению, хорошим комментарием к изданному Бартольдом тексту Гардизи о тюркских племенах[1] и дают новые данные для критики известий Гардизи (Минорский, стр. 296—298, 305—308, 319—322, 441—442). Из других авторов XI в. широко использованы словарь Махмуда Кашгари и труды Бируни (в особенности его «ал-Канун ал-Мас'уди» по рукописи Британского музея, Or. 1997). Автор отмечает, что он испытывал порою большие трудности в поисках объяснения названий и фактов, относящихся к самым различным территориям, о которых говорится в рукописи. Поэтому, в интересах читателя, он не ограничивается простыми ссылками на сомнительные места в источниках и на малодоступные труды, но в начале каждой главы своих комментариев дает библиографический обзор всех доступных источников и литературу предмета (с указанием страниц), излагает современное состояние вопроса, включая сюда пробные гипотезы и сомнительные точки зрения, и делает свои собственные выводы, дополняющие или видоизменяющие взгляды его предшественников. Что касается полноты привлекаемого автором материала (специальные источники и современные исследования), то тут едва ли можно сделать какие-либо замечания. В противоположность большинству западноевропейских ученых, для которых rossica non leguntur, проф. Минорский широко использовал русскую и советскую востоковедную литературу и даже газетные сообщения (см., например, стр. 326, где по газетным сведениям изложены результаты археологических раскопок к юго-востоку от Багира, в Туркмении). По тому громадному фактическому материалу, который использован автором, комментарии Минорского можно сопоставить с обширными примечаниями Raverty к изданному им переводу «Табакат-и Насири» Джузджани. Комментарии Минорского носят несколько мозаичный характер, представляя ряд отдельных небольших монографий, в которых если не все, то некоторые из предложенных автором определений и выводов настолько обоснованы, что спорить с ним не представляется возможным и им, повидимому, суждено сохранить непреходящее научное значение.

В книге уделено большое внимание вопросу об источниках нашей рукописи, автор которой, очевидно, был «кабинетным ученым», а не путешественником. Только в описании Гузганана (л. 20 $б_3$ след.) и, может быть, Гиляна (л. 30 $б_{14}$, след.) текст отражает некоторый личный опыт нашего анонима. По мнению Бартольда, едва ли автор рукописи сам посетил Прикаспийские области; очевидно, он располагал в этом случае хорошим источником[2]. Минорский же допускает, что наш аноним мог проживать в области Гиляна или, может быть, был ее уроженцем (стр. 384). В остальном сведения, очевидно, заимствованы из источников, которые, как показывает текст, были двоякого рода: 1) «книги предшественников» (л. $2а_1$ и $13б_3$) или просто «книги» (л. $4а_{19}$ и $9а_9$; ср. $11б_{18}$: «книги и сообщения»), т. е. литературные источники и 2) «воспоминания ученых» (л. $2а_2$: *йадкирд-и хакиман*; такое же чтение принято в тегеранском издании рукописи, Минорский, стр. XIV, прим. 5; ср. л. $33б_9$, где ясно читается *йадкирд*; у Бартольда—Введение, стр. 22: *ендер гидр-и хакиман*, что не совсем ясно), «сообщения» (ср. л. $13б_3$) или просто «упоминание» (л. $12а_2$). В нескольких местах (лл. $5б_{11}$, $8б_{10}$, $25б_{13}$, $33б_{16}$, $37а_{15}$) наш аноним упоминает о географической карте, приготовленной им самим, которая, очевидно, была не только иллюстрацией текста. Об этом свидетельствуют слова самого автора рукописи. Так, он говорит, что на ней были показаны стоянки между Рухудом и Мульманом (л. $25б_{13}$), которые в тексте не названы. Далее на карте были отмечены места расселения различных арабских племен, которые в тексте только перечислены (л. $33б_{16}$). Наконец, на карте были обозначены все провинции Византии, ее города и селения, между тем, как в тексте только перечислены названия провинций (л. $37а_{15}$). Несмотря на наличие у нашего анонима, повидимому, очень по-

[1] Бартольд—Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893—1894 гг. стр. 80—103.

[2] «Изв. Кавказ. истор.-арх. института», 1927, т. VI, стр. 64.

дробной карты (в нашей рукописи ее нет), мы, по справедливому замечанию Минорского, в нескольких местах текста наблюдаем несколько странный порядок перечисления местностей, часто без какого-либо отношения к естественному или административному делению территории (см., например, порядок перечисления владений раджи Канауджа, лл. 15а$_{13}$ след.; 15б$_{7-8}$, 16а$_{13-16}$; порядок перечисления местностей в Тохаристане, л. 21б; в Фарсе, л. 27б; на л. 32б после перечисления городов Азербайджана автор переходит к городам Армении, в числе коих упоминаются города, которые обычно относят к Азербайджану). В некоторых же местах порядок перечисления городов вполне совпадает с маршрутами, указанными у Гардизи (см., например, лл. 13б—14а: города Китая; перечень дан, однако, в обратном порядке; л. 16б$_{13-15}$: города Тибета, у Гардизи они даны в рассказе о Китае). Нельзя не согласиться с выводом Минорского, когда он говорит, что географическая карта, очевидно, была составлена раньше текста. Если это так, то карта должна считаться одним из важных источников для автора. Бартольд высказал предположение, что географический труд Балхи, возможно, был только объяснением к географическим картам астронома Абу-Джа'фара ал-Хазина, но не самые карты («Введение», стр. 32, прим. к стр. 13). Возможно, что и этот материал мог быть использован нашим анонимом.

Как показывает заглавие рукописи—«Пределы мира от востока к западу», ее автор придавал большое значение установлению точных географических границ и резюмировал свои выводы по этому вопросу в описании каждой отдельной страны и народа. Однако, приноравливая расположение народов и областей к своей схеме, он устанавливает их географическое положение произвольно (см. лл. 12а$_{13}$, 16б$_{20}$, 17б$_{16}$, 18а$_{20}$, 19а$_{13}$, 22б$_{8}$). Несмотря на неясные ссылки на «книги», «сообщения» и пр., число оригинальных источников в распоряжении нашего анонима не было значительным. У нас нет прямых оснований утверждать, что автор был непосредственно знаком с сочинениями Аристотеля и Птолемея, имена которых он называет (лл. 2а$_{23}$, 4а$_{20}$, 5а$_{2}$). Как полагает Минорский, более очевидными источниками для нашего анонима служили труды следующих авторов:

1) Ибн-Хордадбех (середина IX в.). Пользование этим источником, может быть, не непосредственное, усматривается в описании островов Индийского океана л. 4б$_5$ след., ср. Ибн-Хорд. 64—66), Хузистана (л. 28б$_{8-11}$, ср. Ибн-Хорд. 43, 170), Византийской империи (например л. 37а$_6$ след., ср. Ибн-Хорд. 105), Нубии (л. 39а-б, ср. Ибн-Хорд. 17), Забаджа (л. 39а$_{9-10}$, ср. Ибн-Хорд. 16, 65) и Судана (л. 39б$_6$, ср. Ибн-Хорд. 89). Минорский высказал предположение, что вся глава о Судане, а может быть, и другие подробности об Африке заимствованы из более полного текста Ибн-Хордадбеха (стр. 476), который до нас не дошел. Однако, по словам Макдиси[1], труд Ибн-Хордадбеха иногда смешивали с трудом Джейхани; в таком случае, может быть, сведения из Ибн-Хордадбеха могли проникнуть в «Худуд ал-Алем» косвенно через Джейхани?

2) Джейхани (начало X в.). По вопросу о зависимости нашего анонима от Джейхани, сочинение котораго, повидимому, исчезло бесследно, Бартольд высказался в очень осторожных выражениях («Введение», стр. 18). Есть сведение (BGA, III, 4), что географический труд Джейхани состоял из семи томов; из этого громадного произведения позднейшие авторы могли выбрать различные подробности (см., например, слова ан-Недима, Фихрист, 154, о заимствованиях Ибн-ал-Факихом из книги Джейхани (ср. об этом мнение de Goeje, BGA, V, p. XI). Однако текст Ибн-ал-Факиха в издании de Goeje почти бесполезен для объяснения «Худуд ал-Алем». Может быть, мешхедская рукопись Ибн-ал-Факиха[2] в этом отношении дает новые материалы?). Этим, может быть, объясняется факт, что

[1] Бартольд—Туркестан, II, стр. 13.
[2] О ней см., ИРАН, 1924, стр. 237—247; ср. Минорский, стр. 481.

народы венендеры (?) и мирваты упоминаются только в нашей рукописи и у Гардизи. Приведенные у географа Ибн-Русте (начало X в.) сведения об Индии (со слов Абу Абдаллаха Мухаммеда ибн Исхака, BGA, VII, 132), о Византийской империи и Балканах (со слов Харуна ибн Йахийа, ibid., 119—132), по мнению Минорского (стр. XVII, 235 и 419), может быть, первоначально были собраны Джейхани. Некоторые отголоски ал-Хорезми и Сулеймана купца (IX в.), спорадически встречающиеся в нашем тексте (ср., например, л. $9б_{9-10}$; описание Нила л. $11б_8$; главы об Африке, ср. Минорский, стр. 471)[1], могли быть переданы через того же Джейхани. Некоторые из письменных источников Джейхани, может быть, ответственны за те подробности о Китае, которые относятся ко времени до середины IX в. Из отзыва Макдиси о труде Джейхани мы можем заключить, что Джейхани писал свое сочинение на основании лично им собранных справок. По мнению Минорского (стр. XVII—XVIII), возможно, что многие сведения Джейхани о Дальнем Востоке и о тюркских племенах вошли в нашу рукопись. Однако, не зная самого труда Джейхани, едва ли было бы целесообразно вдаваться в критику высказываемых Минорским предположений о степени зависимости нашего анонима от труда Джейхани.

3) Балхи-Истахри (начало X в.). Этот источник, без сомнения, является наиболее систематически использованным в нашей рукописи. Главы, посвященные странам между Индом и Средиземным морем, фактически являются простым извлечением из труда Истахри, иногда с дословным переводом подробностей (об этом см. Бартольд—Введение, стр. 15—16). Минорский указывает, что для своего комментария он прежде всего сравнил текст нашей рукописи с текстом Истахри в издании de Goeje и в случаях совпадения не делает дальнейших ссылок на параллельные тексты. Далее Минорский говорит, что так как названия местностей в иранских и кавказских областях имеют точно иранизированную форму, то отсюда можно заключить, что труд Истахри был использован нашим автором в персидском переводе (стр. XVIII). Казалось бы, что для такого утверждения было бы необходимо, в интересах читателя, произвести сопоставление арабского оригинала Истахри с его персидским переводом по изданию Ouseley и в случаях расхождения привести оба варианта. Однако следов использования персидского перевода Истахри мы у Минорского не находим. Из его книги мы лишь узнаем, к сожалению, без соответствующих ссылок, о стремлении нашего анонима иранизировать названия только для областей Хорасана (стр. 325) и Белучистана (стр. 373). Подробно об этом говорится только при рассмотрении некоторых городов провинции Истахр в Фарсе (л. $28а_{16}$, ср. BGA, I, 101b.; Минорский, стр. 380). Определенных указаний об иранских формах в нашей рукописи для местностей Кавказа мы в комментариях найти не могли. По нашему мнению, Минорскому не удалось доказать тезис о том, что наш аноним пользовался персидским переводом Истахри. В нашей рукописи встречаются места, которых нет в изданном de Goeje тексте Истахри, но они встречаются в тексте Ибн-Хаукаля (вторая половина X в.; об этом см. Бартольд—Введение, стр. 15—16. Некоторые черты сходства мы находим еще в описании «горного хребта земли», л. $6а_{20}$—$7а_9$ и Ибн-Хаукаль, 109—111; ср. Минорский, стр. 196—201 и его же статью в GJ, v. XC, № 3, September, 1937, p. 264, и Крачковский, «Изв. Гос. геогр. общества», 1937, № 5, стр. 761. См. еще о термине Хабир: л. $12б_{12}$ и Ибн-Хаукаль, 30, 104). Из этого еще нельзя делать вывода, что наш аноним пользовался трудом Ибн-Хаукаля, так как иначе, по справедливому замечанию Минорского, мы нашли бы в нашей рукописи следы оригинальных сведений Ибн-Хаукаля об Африке и Испании (стр. 416—417). Следовательно, вероятнее всего наш аноним пользовался более полным текстом Истахри, чем тот, что положен в основу издания de Goeje (ср. Бартольд—Введение,

[1] P. Pelliot подвергает сомнению достоверность путешествия Сулеймана. T'oung Pao 1922, p. 401; ср. ibid., 1913, p. 116.

стр. 16, прим. 7). В нашем тексте имеются и такие места, параллели для которых мы находим только у Макдиси (конец X в. См., например, л. 26б: об избиении Адуд-ад-дауле белучей; ср. Макдиси, стр. 489; в главе о Хорасане многие подробности имеют параллели у Макдиси, Минорский, стр. 325; некоторые названия местностей в областях за Сыр-Дарьей находятся только у Макдиси и в нашей рукописи, Минорский, стр. 351). Однако даже самая ранняя дата в книге Макдиси исключает возможность использования ее нашим анонимом. Следовательно, в случаях совпадения сведений можно предположить, что Макдиси пользовался трудом Балхи-Истахри, который, как уже сказано, был хорошо известен нашему анониму.

4) Более чем проблематично влияние Мас'уди (середина X в.) на нашего автора. Не считая сомнительного случая о двух реках Артуш (ср. л. $10б_{7-10}$ и Мас'уди—Мурудж аз-захаб, I, 213; по Marquart'у Мас'уди имел в виду Яик и Эмбу; Минорский, стр. 215—16), заметный параллелизм находится в главах о Ширване (см., например, л. 33а и Мурудж, II, 69; ср. Минорский, стр. 394, 406—407), Дагестане и Северном Кавказе (л. $38а_{18}$, Мурудж, II, 45; л. $38б_{1}$, Мурудж, II, 42; ср. Минорский, стр. 446, 448). В то же время наш аноним сообщает некоторые подробности, которых нет в других источниках (см., например, описание города Ахара в Азербайджане, л. 32б—33а; ср. Минорский, стр. 395—397; упоминание курдов в Джаббуле (в бассейне Тигра), л. $31а_{18}$; о других подробностях см. Бартольд—Введение, стр. 20—21). По мнению Минорского, скорее можно допустить, что аноним использовал источник, которым Мас'уди владел только в извлечении. Возможно, что отсюда же взяты интересные подробности о Гиляне (см. выше).

5) В главе об Аравии (лл.33б—34б) происхождение некоторых деталей не могло быть прослежено (Минорский, стр. 411). Исследователь рукописи высказывает предположение, что некоторые сведения об Аравии могли быть заимствованы из труда Хамдани (первая половина X в.). Может быть, данные для Аравии, как и некоторые подробности об африканских странах (см. выше), были почерпнуты из более полного труда Ибн-Хордадбеха или из какой-нибудь неизвестной «книги чудес» (Минорский, стр. XIX, ср. стр. 415).

Одной из главных задач комментария Минорского было установить источники нашей рукописи. Этому же вопросу большое внимание уделил Бартольд в своем «Введении» к изданному им тексту «Худуд ал-Алем». Это побудило нас более подробно остановиться на этой проблеме и резюмировать выводы двух исследователей. Ближайшее ознакомление с книгой Минорского показывает, что автор очень внимательно отнесся к своей задаче и путем тщательного критического анализа доступных материалов выяснил, насколько это возможно, вопрос об общем характере нашего памятника и его источниках. Что касается второй задачи: объяснить текст путем отождествления географических названий и имен, встречающихся в рукописи, с современными данными,—то и она разрешена Минорским вполне удовлетворительно. В этом отношении он далеко вышел из рамок, определяемых его задачей: объясняя текст, автор попутно затрагивает и выясняет ряд других вопросов. Следует отметить, что в вопросах, для разрешения которых автор, повидимому, не считал себя достаточно компетентным, он запрашивал мнения соответствующих специалистов, тут же им излагаемые (см., например, комментарии к главе о Тибете, стр. 254 след.).

В книге Минорского, в качестве ее первой части, помещен английский перевод «Введения» Бартольда к изданной им рукописи Туманского; при этом переводчиком сделаны некоторые дополнения и разъяснения. Считаем целесообразным на некоторых из них остановить внимание читателя. На страницах 5_{33-34} у Бартольда сказано: «Очень вероятно, что Джафар ибн-Сахль способствовал появлению труда нашего автора». У Минорского (стр. 7) мы читаем: «Очень вероятно, что Джафар ибн-Сахль способствовал труду Ибн-Хаукаля». Едва ли Бартольд под словами «нашего автора» имел в виду

труд Ибн-Хаукаля. На странице 13 Бартольд, со слов Якута, передает, что географ Балхи и его везир получали жалованье в дирхемах (дирхем—около франка по довоенному курсу), а у Минорского (стр. 17)—в динарах (динар—около 20 франков по довоенному курсу). По справке, любезно данной нам И. Ю. Крачковским, у Якута (GMS, VI, I, 147) определенно говорится о дирхемах, а не о динарах. Известно, что деньгами в X в. в государстве Саманидов считались исключительно серебряные монеты, а золото принималось только как товар, т. е. на вес.

Название анонимного сочинения «Ничтожность земного мира» является странным для географического трактата, и Минорский (стр. 24, прим. 4) полагает, что книга носила название «Раб ад-дунийа», т. е. «Обитаемая часть мира» (об этом варианте см. Гардизи в изд. М. Назима, Берлин, 1928, стр. 4).

К странице 19, в связи с чтением термина *бер муыззи* (такое чтение предложено Бартольдом, ср. л. $15a_{20}$); Минорский (стр. 89, № 32) всю фразу переводит так: «Правитель (султан) его (т. е. Мультана)—корейшит из потомков Сама. Он живет в лагере, в полфарсаха (от Мультана) и читает хутбу на имя одного жителя запада (бер магриби)». Употребив термин *магриби*, наш автор хотел этим сказать, что хутба в Мультане читалась на имя фатимидского халифа; это подтверждает и Макдиси (BGA, III, 485). Термин *магриби* находится в константинопольской рукописи Макдиси (л. 195б), где о Крите сказано, что фатимидский халиф (ал-магриби) освободил Крит от византийцев (Минорский, стр. 246).

К странице 19—20; Минорский отождествляет Бончул (-Пенчул) с нынешним Аксу, а Удж—с Уч-Турфаном (стр. 294—297). Озеро Туз-куль сопоставляется с Шуркулем (приблизительно в 140 км к северо-востоку от Кашгара, Минорский, стр. 184).

К странице 21; Минорский предполагает, что упоминание афганцев как народа встречается уже у Мас'уди (Минорский, стр. 349, прим. 2), а у Ибн-ал-Асира (XIII в.) они упомянуты под 366=976—977 гг. (стр. 252).

К странице 23, прим. 3; в полном тексте армянской географии, изд. A. Soukry, упоминаются гарши, которых Marquart, Streifzüge, 171, отождествил с кашаками или черкесами (стр. 446).

На странице 27 у Бартольда сказано: «Небольшой город Басенд в Чаганиане находился на пути в Бухару и Самарканд» (л. 23а). Область Чаганиана была «местом бедняков, хотя и со многими богатствами...» В английском переводе (стр. 38—39) мы читаем: «The small town Bāsand in Chaghāniyān was «the place of paupers, though with abundant riches...» Таким образом, пропуск в переводе искажает смысл подлинника. Подробный обзор и объяснение данных, приведенных Бартольдом на страницах 28—32, см. в соответствующих главах комментария Минорского.

На мелких замечаниях переводчика мы здесь останавливаться не будем. В книге Минорского остались неисправленными некоторые опечатки; из них особенно досадны опечатки и недоразумения в цифрах в тексте и в примечаниях (см., например, стр. XI, строчка 6: вместо «1931» надо «1930»; на стр. 8, прим. 4: вместо «the seventh century» надо «the eighth century», как в действительности сказано у Sarton'a и др.).

Выпуская в свет рукопись «Худуд ал-Алем», издатель Бартольд писал, что «настоящим изданием выполняется долг, давно лежавший на русской науке: сделать доступным для ученого мира драгоценный памятник мусульманской географической литературы, открытый в 1892 г. в Бухаре стараниями русского ученого... Туманского». Теперь, с появлением давно ожидавшегося вполне удовлетворительного английского перевода этой рукописи с обширными комментариями проф. Минорского, замечательный памятник X в. стал доступным для более широкого круга читателей. Можно с уверенностью сказать, что появление такого труда, как книга Минорского, для составления которой им затрачено много кропотливого труда и времени (из одного места книги,

стр. VIII, прим. 3, можно заключить, что автор начал свою работу над рукописью в 1921 г., когда она находилась в Париже в его распоряжении), будет встречено специалистами с большим интересом.

И. Умняков

М. И. АРТАМОНОВ—Очерки древнейшей истории хазар. Соцэкгиз—ГАИМК им. Н. Я. Марра, 1937, 136 стр. Цена 5 руб.

Одним из наиболее темных периодов в истории Восточной Европы является эпоха I тысячелетия н. э.

Для истории племен значительной территории мы не имеем даже письменных сведений, которые могли бы достаточно полно обрисовать исторический процесс. В несколько лучшем положении оказались южные степи Восточной Европы, о которых дошли свидетельства, правда, отрывочные и часто противоречивые, принадлежавшие перу византийских, армянских и арабских писателей.

Вместе с тем, эта эпоха—одна из наиболее интересных, так как в это время происходит формирование государств, получивших дальнейшее развитие во II тысячелетии н. э.

Хазарская держава, сыгравшая крупную роль в жизни Восточной Европы, является одним из наименее изученных государств. Особенно темным периодом является время, предшествующее ее возникновению. Поэтому появление книги М. И. Артамонова «Очерки по истории хазар», охватывающей период от гуннов до возникновения хазарского каганата, надо признать фактом весьма ценным.

Книга состоит из авторского предисловия и трех глав: первая: «В-н-н-т-р'ы письма кагана Иосифа»; вторая—«Хазары и турки» и третья—«Происхождение хазар». К книге приложены хронологический указатель и карта.

В предисловии автор дает краткую суммарную оценку историографии XIX в. о хазарах и отмечает причины слабой изученности этого вопроса, объясняя это национализмом русской дворянско-буржуазной историографии.

Автор, правильно отмечая громадную территорию Хазарии, дает неверную характеристику ее по сравнению с Киевом. «Как было русскому шовинизму,—пишет он,—примириться с политическим и культурным преобладанием Хазарии, выступающей в качестве почти равного по силе и по политическому значению Византии и арабскому халифату, в то время, как Русь еще только выходила на историческую арену, и то в роли вассала Византийской империи» (стр. V). Едва ли можно говорить о Руси в роли вассала Византии применительно к Киеву X в. Во всяком случае ни один источник об этом не говорит. Основываться же в решении этого вопроса на титуле русских князей, носивших византийское придворное звание, явно недостаточно. Этот «вассалитет» был номинальным, шел по линии теократического подчинения и не отражал действительных отношений.

Несколько преждевременно говорить и о культурном превосходстве Хазарии, так как археологически Юго-восток Европы изучен весьма слабо, а могильники типа Салтовского, характеризующие аланов, входивших в состав Хазарии, никак не могут говорить о культурном превосходстве этого государства.

Характеризуя источники по истории хазар, автор прав, говоря о большом значении для этого вопроса археологических данных; несомненно, что окончательная проверка и уточнение письменных свидетельств будут возможны только после накопления вещественных памятников.

Первая глава посвящена доказательству положения, что В-н-н-т-р письма царя Иосифа—болгарская орда, унногундуры византийских историков, после разгрома хазарами отступившая за Дунай. Для доказательства своего положения автор привлек многочисленные письменные свидетельства и путем взаимой проверки фактов доказал свое положение. Эта глава местами производит несколько сумбурное впечатление благодаря чрезмерному обилию привлеченного материала, который, не имея прямого отношения к затронутому вопросу, без всякого ущерба мог быть опущен.

Так, можно было бы несколько сократить часть, касающуюся отношений болгарских орд с Закавказьем и Византией.

Убедительны положения автора, приведенные в подтверждение подлинности письма Иосифа, основного документа в работе, хотя и не все они доказаны. Так, в частности, касаясь вопроса о ранней дате Мангупа, автор полемизирует с Н. И. Репниковым, относящим город на плане Мангуп-кале к XI—XII вв., но ничем не доказывает своего положения, ограничиваясь заявлением, что «его аргументация совершенно неубедительна», и ссылкой на открытие ранней базилики, которую Репников относит к X в.

К слову, эта базилика не одним только Репниковым относится к X в. И лучше было бы брать не ее для доказательства ранней даты города, а другой материал, тем более, что на городище, кроме Юстиниановской надписи, имеются ранние находки, в частности октогон—VII—начала VIII в.

Вторая глава касается отношения великого турецкого каганата к хазарам. Эта часть написана значительно лучше первой.

Убедительны положения автора о вхождении Юго-востока Европы в состав турецкого каганата.

В этой главе нужно отметить чрезмерную переоценку роли Византии в политической жизни Восточной Европы. «Туркам пришлось примириться с новой,—пишет он,—созданной Византией—политической ситуацией в Восточной Европе и отчасти, может быть, потому, что здесь им теперь противостояли уже не раздробленные гунно-болгарские племена, а большая Болгарская держава, отчасти же вследствие того, что силы их были отвлечены борьбой с Персией».

Несомненно, что Византия внимательно следила за политической жизнью Юго-востока Европы, в своих интересах натравливала одни племена на другие. Но безусловно возникновение и распад племенных союзов были обусловлены причинами, лежавшими вне византийской политики.

Третья глава посвящена вопросу происхождения хазар. Автор относит их к группе гунно-болгарских племен, воспринявших турецкие элементы в период турецкого завоевания.

В этой части встречаются малоубедительные, а иногда и противоречивые положения. Необосновано отождествление Семендера и Беленджера, бывших, по свидетельству ряда авторов, разными городами.

При определении местоположения Семендера автор впал в противоречие с самим собой. На основании арабских и армянских данных автор утверждает (стр. 96): «Выходит, что наиболее вероятным местом Семендера было побережье возле современного города Махач-Кала, где высокий берег близко подходит к морю, и где, как в прежние времена, так и ныне, имеются прекрасные условия для садоводства». На следующей же странице (стр. 97) мы читаем: «Если это так, то название современного аула Андреево или Ендери, находящегося недалеко от Хасав-юрта на речке Ак-таш, можно принять за единственный пока реальный остаток древней хазарской столицы Семендера—Семендери, образовавшееся тем же путем, каким название Сам-кру превратилось в Керчь. Однако старый аул Ендери находится не на морском берегу и не может быть назван приморским городом». На приложенной к книге карте Семендер помечен на месте Ендери.

Нельзя признать убедительным утверждение автора о местоположении племени Берсула, упоминаемого Ибн-Русте.

Нельзя не отметить и некритического отношения автора к свидетельствам византийских историков о Готском царстве Германариха, которое безусловно не охватывало столь большую территорию, как это представляют византийцы.

В общем, работа М. И. Артамонова содержит ряд интересных гипотез, хотя и не всегда убедительных и доказанных. Работа не разрешает всех вопросов ранней истории хазар. Автор не разрешил всех противоречий, и это прежде всего объясняется запутанностью и противоречивостью самих письменных свидетельств.

Напрасно автор мало считается с данными арабских писателей. Их сведения помогли бы ему распутать некоторые противоречия источников. Так, например, в вопросе определения местоположения Семендера данные Ал-Истахри и Ибн-Хаукаля дают твердое основание помещать Семендер на берегу моря, а не искать его около Ендери.

Высказав во вступлении мысль о необходимости привлечения археологического материала, автор не использовал хотя и небольшой, но все же ценный материал,— могильники типа Салтовского, связанные генетически с сарматской культурой, подтвердили бы положения автора, выставленные им в третьей главе работы.

Несмотря на все эти недостатки, книга М. И. Артамонова представляет серьезный труд, значительно продвинувший вперед вопросы ранней истории хазар.

А. Смирнов

И. Л. СНЕГИРЕВ, Ю. П. ФРАНЦОВ—Древний Египет. (Исторический очерк). Огиз, Л., 1938, 300 стр.

По своему заданию «дать широкому кругу читателей картину исторического развития одного из великих народов далекого прошлого—древних египтян» («От авторов», стр. 3) рецензируемую книгу можно только приветствовать. Книга неплохо оформлена, обильно иллюстрирована и снабжена картой[1].

Книга делится на ряд глав. В первой главе дан, хотя и краткий, но достаточно содержательный обзор истории науки.

Две следующие главы охватывают доклассовый Египет. Этот раздел достаточно содержателен, хотя и не лишен серьезных недостатков, каковыми, в частности, являются сильное преувеличение размеров и размаха обмена в доклассовом Египте, а также включение периода первых трех династий, т. е. времени, когда существовал уже государственный аппарат, управлявший всем Египтом, в этот раздел. Автор в данном случае, видимо по инерции, последовал за буржуазными учеными, не делающими никакой разницы между доклассовым и классовым обществом.

Следующие три главы посвящены Древнему, Среднему и Новому царствам и Позднему Египту.

Из этих глав безусловно лучшими являются две последние[2] и в них хочется особо отметить разделы, посвященные египетской религии и литературе. В разделе литературы имеется ряд новых выводов, основанных на углубленном изучении вопроса.

---

[1] Непонятно, правда, почему в легендах карты вместо русского слова «пороги» понадобилось применить немецкое «катаракт», и в чем выражается авторство И. Л. Снегирева, имя которого, как составителя, значится на карте.

[2] Надо, однако, отметить, что Поздний Египет освещен крайне скупо, а трактовка эль-Амарнского периода сомнительна.

Однако книга в целом имеет целый ряд больших недостатков[1].

Несмотря на обилие фактического материала, книга не дает ответа на основной вопрос, неизменно возникающий у читателя, знакомящегося с историей Египта: в чем причины того, что периоды расцвета страны (Древнее, Среднее и Новое царства) сменяются периодами упадка; в чем причины того, что в конце своего самостоятельного существования Египет, являвшийся прежде грозным противником для своих врагов, становится легкой добычей для ряда завоевателей?

Это, разумеется, достаточно сложные вопросы, но все же попытаться ответить на них авторы должны были, тем более, что имеющийся материал дает для этого возможности. В рецензируемой же работе этот вопрос даже не везде, где это нужно, ставится, а если и ставится, ему не дается конкретного и ясного ответа. Вот, например, как объясняется падение Среднего царства. Сначала указывается, что период XIII династии наполнен смутами: «По временам выдвигаются узурпаторы—отдельные провинциальные властители или военачальники, соперничающие с властью фараона» (стр. 184). Затем (стр. 184—186) вкратце излагается смена фараонов XIII—XIV династий, после чего столь же кратко пересказываются пророчества Ипувера (причем, хотя они и названы «Восстание рабов и общинников», общинники упомянуты только в заголовке) и Неферреху (стр. 185—186); объяснением этого восстания служит фраза: «Глубокие классовые противоречия, которые мы видели в памятниках Среднего царства, в период XIII династии обострились, массы пришли в движение. То там, то здесь в стране вспыхивали восстания» (стр. 186). Совершенно очевидно, что все это является лишь изложением событий и не может служить объяснением причин упадка Египта в конце Среднего царства.

Не многим лучше и то объяснение, которое дается падению Древнего царства (стр. 155—156). Падение же Нового царства, непрочность подъема Египта при Саисской династии и гибель Египта, как самостоятельного государства, по сути дела не объясняются вовсе.

Причина того, что эти важнейшие вопросы остаются в разбираемой работе неосвещенными, состоит, как мне кажется, в том, что при рассмотрении древнеегипетского общества авторы допустили крупнейшие ошибки.

Первая состоит в том, что они не придали должного значения роли общины. Авторы не только не использовали для показа ее фактический материал, дошедший от разных периодов древнего Египта, но, наоборот, излагая исторические события, предшествовавшие образованию Среднего царства, сочли возможным констатировать «разложение общинных порядков» (стр. 159). Насколько позиция авторов по этому вопросу далека от истины, лучше всего показывает тот факт, что даже в эллинистическом Египте существовала община. Облик этой общины, судя по сохранившемуся архиву деревни Керкосирис, как это показал в одном из своих докладов акад. Струве, полностью совпадает с описанием индийской общины у К. Маркса.

Другой крупной ошибкой авторов является то, что они обошли полным молчанием сословное членение древнеегипетского общества, то членение, которое столь ярко выражено в ряде египетских памятников. А ведь, в своих высказываниях по этому вопросу и говоря о кастах[2] в древнем Египте, Маркс и Энгельс совершенно очевидно имели в виду именно это сословное членение общества.

---

[1] Я сознательно устраняю из рецензии дискуссионные вопросы, по которым не согласен с авторами, в частности о датировке крестьянских и рабских восстаний, описываемых в поучениях Ипувера и Неферреху, временем после Среднего царства, а не после Древнего, как мне казалось бы правильным.

[2] См., например, К. Маркс и Ф. Энгельс—Немецкая идеология. Собр. соч., т. IV, стр. 30; К. Маркс—Монтескье, VI. Собр. соч., т. VII, стр. 154; К. Маркс—Капитал, т. I. Собр. соч., т. XVII, стр. 374 и прим. 29.

Игнорирование этих двух важнейших особенностей древнеегипетского общества помешало авторам понять и показать читателю своеобразие исторического развития древнего Египта, а следовательно, и объяснить причины смены периодов расцвета страны периодами упадка.

Это, несомненно, крупнейший недостаток разбираемой книги.

Весьма существенным упущением авторов является то, что они уделили совершенно недостаточное внимание рассмотрению нерабских форм труда.

Для того, чтобы закончить общие замечания, отмечу и то обстоятельство, что в работе не учтены некоторые новейшие открытия. В частности, не учтена находка клада под фундаментом храма в Тоде[1]. А ведь этот клад, состоящий из различных месопотамских предметов: лапис-лазули, бус и цилиндров с клинообразными надписями и 143 серебряных сосудов с эгейскими орнаментами, имеет исключительное значение для характеристики торговли Египта во времена Среднего царства.

Помимо указанных недостатков работы необходимо отметить, что в ней имеется значительное количество более или менее крупных фактических ошибок. Отмечу некоторые из них.

На стр. 134 из рассказа вельможи (кстати, его имя теперь читается Хуефхор, а не Хирхуф, как у автора) делаются весьма ответственные выводы: поскольку, в своем письме к вельможе, фараон интересуется, главным образом, получением карлика, очевидно остальная добыча к нему и не должна поступить; следовательно, военные экспедиции, во главе которых отправляются вельможи во времена VI династии в Нубию, в противоположность временам IV династии, осуществляются теперь в интересах этих вельмож. Автор пишет: «Характерно, что для того, чтобы заполучить от Хирхуфа желаемое, фараон не просто отдает ему приказ явиться ко двору, а обставляет его дорогу в резиденцию всеми удобствами—отдает специальные приказы о предоставлении ему без задержек продовольствия во всех пунктах следования». Если бы автор учел, что фараон, который действительно проявляет к привезенному Хуефхором карлику повышенный интерес, имел в то время от роду 8 лет, то вряд ли он стал бы делать такие выводы, которые противоречат не только данному тексту, но и другим аналогичным.

Кремневые орудия применяются после середины Среднего царства не только для бальзамирования, как пишет автор на стр. 136, но и для всех ритуальных обрядов (обрезание, заклания жертвенного скота и т. п.). Кроме того, есть основания полагать, что кремневые орудия применяются и после этого времени в некоторых ремеслах (например при обработке кожи).

Автор ошибается, полагая, что в египетских росписях голубой или черный цвета обозначают только железо (стр. 136): этими цветами (помимо других материалов) передаются разные металлы. Поэтому вряд ли правильно говорить о том, что на росписях Древнего царства изображены железные предметы. Этого тем более не следует делать, что в числе обнаруженных до настоящего времени железных изделий, датируемых периодами, предшествовавшими Новому царству, обнаружены лишь маленькие амулеты и украшения (см., например, работу Wainwright—Iron in Egypt, JEA, v. XVIII, 3 f.).

Для иллюстрации положения, что художник не связан каноном при изображении лиц, не относящихся к привилегированным слоям населения, автор привлек совершенно не подходящие примеры: так называемую статую деревенского старосты и «Луврского писца» (стр. 145). Дело в том, что «деревенским старостой» обычно называется теперь статуя, хранящаяся в Каирском музее, потому что рабочие, обнаружившие ее во время раскопок Мариетта, будучи поражены сходством статуи со старостой своей деревни,

[1] «Ill. London News», 1936. Apr. 18, 622 f.; «American Journ. of Semitic Languages», 52, 263 f.; «Chronique d'Egypte», 11, 377; «La Nature», 1936, Nov. 15, 433 s.; «Archiv für Orientsforschung», 9, 180 f.

воскликнули: «Да ведь это наш деревенский староста». На самом же деле статуя изображает жреца-херихеба по имени Каапера и была найдена в его собственной гробнице в Саккара (см., например, M a r i e t t e—Mastabas, p. 129). Что же касается статуи «Луврского писца», то и она изображает знатного человека: как установил еще в 1921 г. Капар, этот человек был *саб адж мер* [судья (?) нома], по имени Каи, сын «царской знакомой» Месхет (JEA, v. VII, 189 f.).

То, что автор привлек для иллюстрации реализма, проявляемого художниками в изображениях низших слоев населения, столь неудачные примеры, лучше всего показывает, что он достаточно плохо разбирается в египетском искусстве. Это проявилось не только в данном примере, но и во всех разделах, посвященных египетскому искусству: автор не понимает разницы между реализмом и натурализмом (см., например, стр. 196) и не учитывает того, что нельзя безоговорочно говорить о реализме в применении к весьма условному искусству древнего Египта.

Статуя фараона Пепи I не бронзовая, как полагает автор (стр. 146), а медная.

Дома не только в Древнем царстве, как думает автор (стр. 137), но и позднее никогда не строились целиком из камня.

Храм XI династии в Деир-эль-Бахари принадлежит фараону Ментухотепу III, а не Ментухотепу II, как пишет автор (стр. 193—194).

Папирус Туринского музея, сообщающий о забастовке, вопреки утверждению книги (стр. 255), не является судебным протоколом—это дневник некропольского чиновника.

Указание о том, что Амазис был незнатного рода (стр. 265), повидимому, ошибочно. Еще акад. Тураев указал [«История древнего Востока», т. II (1935 г.), стр. 106], что мать Амазиса принадлежала к царской семье.

Вряд ли правильно толковать введение культа Атона, как попытку установить единобожие (стр. 235—236 и 296). Ведь действия Эхнатона были направлены против фиванских богов, а не всех вообще богов страны.

Наряду с многочисленными ошибками (которых я отнюдь не исчерпал) в книге есть целый ряд небрежностей. Прежде всего, необходимо отметить, что автор не счел нужным сверить перевод цитат из писем Маркса и Энгельса, помещенных на стр. 99, 101 и 106, с переводами этих же писем, данными в XXI т. Собр. соч. Маркса и Энгельса. А необходимость в этом имеется, ибо в издании Института Маркса—Энгельса—Ленина даны более точные и полные переводы (в особенности это касается письма от 14 июня 1853 г.).

Ряд небрежностей проявлен при подборе рисунков. Так, например, для иллюстрации техники обработки камня в доклассовом Египте на стр. 69 дан рисунок, датируемый временем VI династии. Обработка земли и виноградарство Древнего царства (рис. на стр. 87 и 93) иллюстрируются рисунками Нового царства. Изображение погребальной процессии Нового царства помещено в Среднем (стр. 207). Реконструкция подъема камня с помощью «качалки», предложенная Н. А. Шолпо (рис. на стр. 122), снабжена подписью: «Подъемная машина-качалка, употреблявшаяся при постройке пирамид». Между тем, статья Н. А. Шолпо «Подъем тяжестей в строительной технике древнего Египта» («Труды Института истории науки и техники Акад. наук СССР», серия 1, вып. 8) относит появление «качалки» к Новому царству (стр. 152). Реконструкция крепости в Семнэ, помещенная на стр. 192, весьма сильно устарела и т. д.

Небрежно составлены и подписи под рисунками: например, «Красотка с зеркалом», (стр. 280), «Скульптура молодого царя саисской эпохи», (стр. 282). «Голова Тахарки» табл. VIII, и т. п.

Совершенно понятно, что все эти недостатки (а их много больше, чем отмечено в настоящей рецензии) в очень сильной степени обесценивают книгу.

И. Лурье

Л. М. СЛАВІН — Ольвія. Видавництво Академіі наук УРСР, Київ, 1938, 88 стр. с 77 рис.

Всем занимающимся античными колониями юга СССР известна крайняя скудость какой бы то ни было, доступной не только специалистам, литературы об этих поселениях. Между тем, потребность в такой литературе остро чувствуется. В последние годы мы наблюдаем несомненное повышение интереса к прошлому нашего Союза, проявляющееся у обширных групп учащихся, педагогов, посетителей музеев; особенно выражено оно у населения тех районов, где производятся раскопки древних поселений. И удовлетворить этот интерес мы не можем: в ответ на частые вопросы о литературе мы вынуждены называть составленные много лет назад и в значительной степени устаревшие публикации, к тому же совершенно отсутствующие на книжном рынке и представляющие большую редкость даже в библиотеках.

С этой точки зрения приходится считать настоящим событием появление книги Л. М. Славина об Ольвии, рассчитанной как раз не на специалистов, а на широкие круги читателей, интересующихся прошлым нашей родины. В соответствии с намеченными автором во вступлении задачами книга содержит сводку всего самого существенного, что нам известно об Ольвии. В форме, вполне доступной и малоподготовленному читателю, здесь излагаются основные моменты истории Ольвии, особенности ее экономики в различные периоды ее государственного устройства, быта, духовной жизни; наличие специальной главы «Ольвия и скифы» дает некоторое представление и о тех взаимоотношениях, которые устанавливаются между Ольвией и туземным населением ее района; большое количество иллюстраций знакомит читателя с главнейшими открытыми в Ольвии памятниками. Изложение построено на широком использовании всех видов источников—известий древних авторов, эпиграфических памятников и обширного археологического материала, накопленного за многие годы раскопок Ольвии. Тщательно использованы также и все касающиеся Ольвии специальные исследования; в книге Л. М. Славина мы найдем все главные наблюдения, сделанные специалистами на основе изучения языка, письменных и археологических источников.

Следует особо отметить включение в книгу результатов новейших раскопок. Автор—участник, а в последние годы и руководитель ряда экспедиций по раскопкам Ольвии, что дает ему возможность вводить в свой очерк также и неопубликованные материалы. Из числа таких новейших материалов заслуживают внимания строительные комплексы, открытые экспедициями 1935—1936 гг., ряд ценных вещественных находок тех же годов; для представления об ольвийском хозяйстве интересны данные о домашних животных, также полученные на основании обработки материала последних экспедиций.

Все сказанное свидетельствует о проделанной автором громадной работе по сводке всего обширного материала, рассеянного по различным публикациям и вовсе неопубликованного. В результате книга Л. М. Славина должна быть признана весьма полезной не только для широких кругов неподготовленных читателей Украины, для которых она, главным образом, предназначается: несомненно, ею будут широко пользоваться и в вузах и даже в среде специалистов-археологов.

При всем том книга не лишена недочетов, устранение которых, несомненно, повысило бы ее ценность. Задача автора—дать в доступной форме сводку всех важнейших данных об одном из наиболее интересных городов Северного Причерноморья—безусловно заслуживает всяческого сочувствия. Но такая сводка ни в коем случае не должна быть механической; основные, наиболее характерные черты города должны выпукло выступать на фоне рассматриваемого материала. Между тем, элементы механического объединения, несомненно, налицо в книге Славина. Мы находим в ней массу интересных данных, но Ольвия, как целое, Ольвия, как единый и своеобразный организм, не выступает перед читателем этой книги. Указанный характер изложения

почувствуется особенно ясно, если мы подойдем к рассматриваемой книге с точки зрения вопроса, вокруг которого в последнее время ведутся особенно оживленные дебаты,—вопроса о соотношении в колониях Северного Причерноморья элементов античных и местных. Прежние исследователи видели в причерноморских колониях только античные города, игнорируя все местное, «варварское». В противоположность этому, внимание советских историков и археологов, интересующихся прежде всего историей народов СССР, направлено больше на элементы местные: даже те археологи, которые более других продолжают держаться взгляда на колонии, как античные города, не отрицают глубокого и интересного своеобразия этой античности на северном побережье Черного моря. Освещение этого своеобразия, несомненно, повысило бы интерес издания такого типа, как рассматриваемая нами книга; между тем, этого в ней нет. Мы читаем здесь немало о наличии тех или иных греческих или местных черт, но в итоге не получаем представления о том, привела ли эта комбинация античного и местного к созданию чего-то действительно своеобразного, или Ольвия осталась типичным греческим городом, хотя в ней и жили скифы, хотя она и была, вероятно, основана на месте прежнего туземного поселения. Возможно, что автор считает этот вопрос недостаточно выясненным, чтобы вводить его в популярную книгу. Но даже и в этом случае могли бы быть показаны хотя бы отдельные явления, не внушающие никаких сомнений и вместе с тем свидетельствующие о своеобразии данного поселения. Сошлемся для примера на бесспорный факт выделки в Ольвии металлических изделий в типичном скифском «зверином» стиле. Автор даже не упоминает об этом, и его указание на производство металлических изделий, часть из которых вывозилась в Скифию, не сопровождается никакой характеристикой этих вывозимых изделий; с другой стороны, на рисунке 52 изображено одно из таких изделий, но без указаний на его местное производство.

Хотелось бы вообще большей яркости, более широких обобщений в характеристике ольвийских находок. Перечисление групп найденного материала можно было бы сделать много интереснее, если бы больше группировать материал и вводить меньше описаний, не всегда доступных неподготовленному читателю.

Необходимо, далее, остановиться на иллюстрациях. Несомненным достоинством, особенно существенным для популярной книжки, является большое количество иллюстраций. В их число входят две карты и значительное количество изображений как раскопанных комплексов, так и вещественных находок. В общем, подобран интересный и показательный материал, хотя в отдельных случаях выбор иллюстраций нельзя признать удачным; в частности, следовало бы исключить предметы, ольвийское происхождение которых более чем сомнительно (как коринфский сосуд на рис. 39). Но качество большинства иллюстраций, к сожалению, весьма невысоко, а часто и прямо неудовлетворительно. Сошлюсь для примера на декрет в честь Протогена на рисунке 5, предметы из погребения на рисунке 47, реставрацию эллинистического дома на рисунке 15 и многие другие. Такое качество рисунков совершенно недопустимо, особенно для популярного издания: неподготовленный читатель во многих случаях просто не поймет интересного и достаточно показательного комплекса, воспроизведенного неотчетливо, смазанно. Надо надеяться, что в новых изданиях книги Славина качество рисунков будет существенно улучшено. Недопустимы также опечатки, многие из которых могут ввести в заблуждение читателя: укажу на «червонофігурна» вместо «чернофігурна» на стр. 61 (о вазе на рис. 42), или на ошибку в перечне литературы, где вместо выпуска XXXIII ИАК указан выпуск XXIII.

Все сказанное не лишает книгу ее значения, охарактеризованного в вводных словах нашей заметки. Хотелось бы, чтобы за «Ольвией» Славина последовали аналогичные очерки, посвященные другим поселениям, из которых многие не менее интересны.

Т. Книпович

«Помпеянские росписи», вступительная статья А. Починкова. Государственное издательство «Искусство», 1937.

Мысль издать альбом стенных росписей, которые сохранились в Помпеях и других городах древней Италии, нельзя не признать достойной всяческого одобрения. Эти памятники, дающие яркое представление об античной декоративной живописи, мало освещались в нашей литературе, а выпущенный издательством «Искусство» специальный альбом является в данном отношении первым опытом. К сожалению, в изданной книге допущен целый ряд существенных оплошностей.

Одно из главных требований, предъявляемых к художественному альбому,—надлежащее качество репродукций, между тем, в «Помпеянских росписях» мы находим далеко не удовлетворительные таблицы. Особенно странное впечатление производят рисунок на обложке и таблица в начале книги; издатели «по техническим причинам» (см. стр. 28) сочли возможным дать их в зеркальном отражении. Такое свободное оперирование с произведениями искусства совершенно недопустимо.

Замысел, который был положен в основу альбома, трудно уловить. Создается впечатление отсутствия стержня в работе и полной случайности в подборе иллюстраций. Если считать, что в основу альбома положены типичные или лучшие образцы, то против этого говорят существенные пробелы (например роспись виллы Item) при наличии ряда повторений.

Далее, нельзя не отметить, что помпеянские и другие росписи в альбоме представлены лишь в виде отдельных картин. Таблицы совершенно не использованы для показа того, как эти картины вкомпановывались в художественное целое декоративной росписи стены, и тем самым представление, даваемое альбомом, несколько одностороннее.

Правда, в тексте мы находим разбор четырех помпеянских стилей, снабженный малочисленными рисунками, воспроизводящими образцы этих стилей. Но этот разбор ведется совершенно независимо от таблиц альбома, в силу чего отмеченная нами односторонность оказывается неустраненной.

Пояснительный текст также не лишен существенных погрешностей.

Прежде всего нельзя признать вполне удачной общую композицию текста: сначала идет введение «От издательства» (стр. 3—4), в основном излагающее те же сведения, которые мы находим ниже, у автора комментария. Затем следует статья «Античная стенная живопись» (стр. 5—16), заключающая общие сведения о Помпеях, технике стенописи и четырех помпеянских стилях, а также о некоторых произведениях античной живописи, найденных в Италии; далее, мы читаем заметку «Краткие сведения о Помпеях и Геркулануме» (стр. 17—18), в значительной мере повторяющую то, что было сказано раньше, и, наконец, следуют «аннотации к таблицам», в которых более или менее подробно описаны сюжеты картин.

Во всех частях текста анализу стенных росписей, как произведений искусства, уделено самое незначительное внимание; между тем, естественно было бы этот вопрос подробно осветить. Далее, комментарий носит по преимуществу описательный характер и не основывается на сущности тех явлений, о которых идет речь; так, на стр. 14—15 автор отмечает, что помпеянские фрески представляют собой копии с греческих оригиналов, переработанных копиистом; однако он не только не разрешает, но даже и не делает попытки разрешить вопрос о том, что в этих картинах восходит к греческим оригиналам и что является привнесением копииста.

Помимо отмеченных нами общих недостатков в тексте, нельзя обойти молчанием целый ряд отдельных оплошностей. Приведем примеры. Так, на стр. 5, автор говорит о помпеянских и геркуланских фресках, как почти единственных известных нам образцах античной живописи. Значение этих фресок весьма велико, но с упомянутой постановкой вопроса согласиться никак нельзя. Ведь произведения античной декоративной живописи найдены в целом ряде центров, и в том числе на территории СССР. О по-

следнем обстоятельстве, весьма немаловажном для нашего читателя, упоминания в альбоме мы не нашли.

На стр. 22 лев и орел названы постоянными спутниками Геракла, что не соответствует действительности.

Есть случаи, когда описание не отвечает тому, что мы видим на таблицах; так, на стр. 23 мы читаем, что Медея собирается нанести своим детям «смертельный удар огромным мечом, который она держит спрятанным в одежде», между тем, как на соответствующей таблице (VII) Медея представлена с небольшим мечом, который она держит открыто, а не скрывает под одеждой.

Изображенная на таблице XI лира названа в описании на стр. 25 арфой и т. д.

В заключение следует отметить, что пояснительные замечания читаются легко; простой и понятный язык их не может вызвать нареканий. Этого, к сожалению, нельзя сказать о вступлении «От издательства», где встречаются выражения весьма неудачные в стилевом и смысловом отношении, как, например: «архитектурно-скульптурный комплект (sic!) Акрополя с классическим Парфеноном в центре» (sic!)»

Будем надеяться, что за вполне своевременной первой попыткой опубликованного альбома античной декоративной живописи последует другая работа, в которой не будет отмеченных дефектов.

В. Блаватский

В. Д. БЛАВАТСКИЙ — Архитектура древнего Рима. Издание Всесоюзной Академии архитектуры. 1938.

Книга В. Д. Блаватского является вполне своевременной. Почти полное отсутствие книг по римской архитектуре на русском языке затрудняло и ее изучение и ее преподавание.

Книга представляет собою альбом памятников архитектуры Рима и текст к нему.

Альбом включает, кроме изображений крупнейших римских зданий, малоизвестный дополнительный материал: римские изображения планов зданий, как, например портика Октавии, форума Траяна; изображения не сохранившихся римских сооружений на монетах, как гавань в Остии, арка Траяна, арка Нерона; воспроизведение римского города в районе Фуцинского озера на рельефе из Авеццано. Кроме того, имеются изображения очень редко воспроизводившихся и вместе с тем очень характерных римских сооружений: фонтан в Помпеях, мавзолей Августа, арка Аргентариев, арка Януса, Палатинский стадий, храм Антонина и Фаустины, Пойкиле Адриана, гавань в Остии и др.

Наиболее важные римские здания выделены особо; им посвящено наибольшее количество иллюстраций (Колизею—9, Пантеону—11), воспроизведены их внешний вид с различных сторон, внутренний вид, разрезы, реконструкции и детали.

Очень ценно, что при наличии изображений различных зданий и их воспроизведений в римском искусстве всегда имеются планы.

Текст представляет собою исторически последовательное изложение этапов развития римской архитектуры с указанием известных нам архитекторов (Витрувия, Аполлодора Дамасского, Рабирия и др.), их характеристики; главное место занимает конкретное описание памятников, основанное на новейших данных.

Детальный анализ стиля зданий соединяется с указанием их материала, техники, сохранности, размеров и реконструкций, что приятно выделяет текст от узко искусствоведческих работ, ограничивающихся формальным анализом и не дающих читателю подлинных знаний. Описание оживлено характеристиками римской архи-

тектуры у древних римских писателей—Плиния, Сенеки, Аммиана Марцеллина и других. Текст, однако, слишком краток, ряд характеристик следовало бы развернуть. Так, во вступлении, при сопоставлении римской архитектуры с греческой, нужно было указать на связь римской архитектуры с архитектурой эллинизма, где впервые разрешаются задачи правильной планировки городов, сооружения больших архитектурных комплексов, гражданских зданий, которые легли в основу римских палестр, базилик, а также частного дома и виллы; в описаниях это указано, но следовало бы ввести в общую характеристику. Нужно было указать во введении на изменение в римской архитектуре греческих ордеров, смешение их форм, господство коринфского ордера и его развитие в Риме, а также на существование местного тосканскаго ордера.

При описании базилики Юлии (стр. 7) нужно было объяснить ее назначение, как здания для суда и торговых сделок; развернуть стилистический анализ базилики, конкретно указавши, каким образом создается организация отдельных пространств в единое целое.

При описании театра Марцелла (стр. 10—11) следовало уделить внимание анализу плана и здесь указать на отличие от плана греческого театра, именно, на меньшие размеры оркестры (в связи с исчезновением хора), бо́льшие размеры сцены, а также на строго-математический расчет, геометрическую схему, лежащую в основе построения плана театра, вполне соответствующую трезвому рационализму римской архитектуры, в отличие от свежей непосредственности греческой архитектуры, где наблюдаются очень часто нарочитые неточности, отсутствие геометрически правильных прямых (энтазис) и т. п.

При описании Стабийских терм (стр. 12) следовало бы дать описание женских терм, план которых в общем повторяет план мужских терм.

К анализу Колизея (стр. 15), который очень детален, можно было бы добавить описание сводчатых помещений под ареной, предназначенных для гладиаторов, зверей и машин. Нехватает стилистического анализа изображений триумфа на арке Тита (стр. 17). Было бы важно отметить пространственное построение сцен триумфа и богатую игру светотени, характерную для скульптуры Флавиев; рельефы расширяли пространство прохода арки и вместе с тем создавали красочный декоративный эффект.

Следовало подробнее описать форум Веспасиана (стр. 17) и указать в его плане влияние эллинистической планировки площади—храм находился не в глубине площади, как это имело место, например, на форуме Августа, а посередине ее. Это явление весьма характерно для периода Флавиев, когда происходит новый наплыв эллинистических форм искусства с Востока. Мало внимания уделено термам Каракаллы, характеристика слишком сжата, нет детального описания перекрытий, особенностей коринфского ордера, перегруженного изваяниями человеческих фигур, и внутреннего убранства.

Недостаточно подробно описана стена Аврелиана; ее техника характерна для III в., когда крепостные сооружения ввиду военной опасности воздвигались с необычайной быстротой: стена имела массивный цоколь, толщиной в 4 м, сложенный из больших блоков камня разрушенных старых зданий и обломков скульптур и облицованный кирпичем. Самая стена состояла из внешней стены, толщиной в 1 м, и прилегающих к ней сводчатых комнат, образующих контрофорсы. К стене примыкали четырехугольные трехэтажные башни.

Техническим недостатком является отсутствие номеров в альбоме воспроизведений и в тексте; это — недостаток всей серии изданий Академии архитектуры.

Наиболее интересной частью текста является характеристика крупнейшего архитектора древнего Рима—Аполлодора Дамасского и анализ форума Траяна, являющаяся результатом большой предварительной исследовательской работы автора. Вполне убедительным является сопоставление Пантеона и форума Траяна, в корне опровер-

гающее мнение некоторых исследователей о связи Пантеона с пещерными восточными храмами.

Чрезвычайно важным является подробное описание частного дома на via Giulia Romana, дающее представление о доходных домах древнего Рима.

М. Кобылина

Вопросы древней истории на страницах «Известий Академии наук СССР»

«*Известия Академии наук СССР*». Отделение общественных наук. № 1, 2—3, 4, 5 за 1937 г. № 1—2 за 1938 г. Тираж 4 000 экз. Цена отдельного номера 8 руб.

Академия наук Советского Союза, как ни одно подобное учреждение в капиталистических странах, располагает разветвленной сетью своих печатных органов. Многосторонняя научная деятельность обширных исследовательских учреждений Академии наук СССР и проводимая в них научная работа находят свое отражение в регулярных и эпизодических изданиях отделений и институтов АН СССР. Так, Отделение общественных наук Академии издало в 1937 г. четыре объемистых книги (всего 1 300 страниц), содержание которых до известной степени как бы резюмирует работы советских ученых в области гуманитарных наук. Ряд работ в «Известиях АН СССР» посвящены вопросам древней истории.

№ 1 «Известий Отделения общественных наук АН СССР» целиком посвящен такой важной для мировой науки дате, как 225-летие со дня рождения великого русского ученого Михаила Васильевича Ломоносова. В этом номере опубликован, наряду с другими материалами, доклад академика Б. Д. Грекова «Деятельность Ломоносова в Академии» (кн. I, стр. 175—200). В разделе IV этого доклада «Ломоносов и историческая наука» приводятся весьма любопытные для историков древности и малоизвестные факты о деятельности Ломоносова, как историка и, главным образом, историка древней России. Живо интересуясь историей прошлого своего народа, Ломоносов написал работу «Древняя российская история от начала российского народа до кончины в. кн. Ярослава I, или до 1054 г.». Акад. Греков приводит такой ценный исторический факт, как разоблачение Ломоносовым фальсификатора истории прошлого России—Мюллера. Давая оценку взглядам Мюллера, пытавшегося извратить историю русского народа, Ломоносов писал: «Сие так чудно, что если бы г. Мюллер умел изобразить живым штилем, то бы он Россию сделал столь бедным народом, каким еще ни один и самый подлый народ ни от какого писателя не представлен» (кн. I, стр. 196).

Как показывает в своем докладе Б. Д. Греков, Ломоносов энергично разоблачал мнение того же Мюллера, позднее подхваченное некоторыми представителями русской буржуазной историографии, о том, будто термин «Русь» возникает со времени варягов. Ломоносов доказывает, что термин «Русь» значительно древнее Рюрика, и наличие этого термина в Причерноморье и Приазовье ни в какой связи с варягами не стоит. Здесь уместно отметить, что историкам, которые изучение России начинали и связывали с приходом варягов, оставляя темным пятном все богатое прошлое нашего народа, не мешало бы знать эту точку зрения Ломоносова и поучиться у него. Б. Д. Греков приводит очень ценные замечания Ломоносова и по другим вопросам древней истории России, например—толкование им договора с греками Олега и Игоря, объяснение термина «варяг», характеристику Новгорода Великого и т. д.

В № 4 отмечается другая, не менее важная для мировой науки дата—60-летие со дня выхода в свет книги американского ученого Льюиса Г. Моргана «Древнее общество». В связи с этой датой в номере помещены неопубликованные оригинальные работы Моргана. На страницах «Известий АН СССР» впервые опубликована рукопись Моргана под названием «Взгляды на генезис человеческого развития в глубокой древности». Эта рукопись представляет собой первоначальный набросок I главы «Древнее общество». В статье И. В. Винникова «Первый вариант первой главы книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество» (кн. 4, стр. 707—752) дается комментарий к рукописи Моргана. Автор комментария устанавливает дату написания Морганом своей книги «Древнее общество»—1872 г. В публикуемой сейчас первоначальной редакции I главы «Древнего общества» Морган все свое внимание сосредоточивал на вопросе об эволюции общества в связи с высказываниями по этому вопросу у древних авторов. Публикуемая рукопись предполагавшейся I главы, помеченная Морганом «первоначальный набросок», напечатана в «Известиях» на английском и русском языках и состоит из следующих разделов: I. Дикость. II. Варварство. III. Цивилизация. В конце рукописи написано: «Генезис человеческого развития». Содержание рукописи свидетельствует об огромном влиянии на Моргана Лукреция, гениального философа-материалиста I в. до н. э.

В этом же номере «Известий» помещена статья И. П. Петрушевского «Хамдаллах Казвини, как источник по социально-экономической истории Восточного Закавказья» (кн. 4, стр. 873—920). Хамдаллах Мустуфи Казвинский, персидский историк и географ, в своих основных трудах: «Избранная история»—освещает экономические и социальные вопросы Ирана и Восточного Закавказья периода монгольского владычества.

Статья А. Якубовского «Сельджукское движение и туркмены в XI в.» (кн. 4, стр. 921—946) представляет переработанную главу из его «Очерков по истории Туркмении VIII—XV вв.» Статья освещает исторические события в период сельджукского движения, оказавшего большое влияние на жизнь Передней Азии, Кавказа, Египта и Византии.

О важном археологическом открытии XX в., произведенном советской экспедицией в 1924 г. под руководством П. К. Козлова, говорится в статье А.Н. Бернштама «Гуннский могильник Ноин-Ула и его историко-археологическое значение» (кн. 4, стр. 947—968). Инвентарь могильника относится к первому десятилетию нашей эры. В статье дается попытка установления точной хронологии найденных вещей.

Пятая книга «Известий Отделения общественных наук АН СССР» целиком посвящена подведению итогов и достижений советской науки по общественным дисциплинам к 20-летию Великой пролетарской революции. В этой книге наряду с важнейшими публикациями, как доклады: президента АН СССР В. Л. Комарова—«Наука Сталинской эпохи», Минца—«Ленин и Сталин в Октябрьские дни 1917 г.», А. Я. Вышинского—«Диктатура пролетариата и Сталинская Конституция», акад. Г. М. Кржижановского—«Наука и социализм», и др., значительное место отведено материалам, подытоживающим научную деятельность советских ученых в области изучения древней истории народов СССР и истории античности.

В докладе акад. Б. Д. Грекова—«Итоги изучения истории СССР за двадцать лет» (кн. 5, стр. 1101—1113)—характеризуется состояние изучения истории народов СССР. По мнению акад. Б. Д. Грекова, важнейшими вопросами в изучении древней истории СССР, которыми занимались в послеоктябрьский период советские историки, являлись такие проблемы, как проблема этногенеза в Восточной Европе, проблема образования классового строя и государства у восточных славян, проблема дофеодального и феодального периода в истории нашей страны, роль рабства в древней Руси, история русского крестьянства, история народов, входящих в наш Союз. Советская историческая наука за истекший период, по оценке акад. Грекова, сумела найти пути более глубокого изу-

чения да лекого прошлого. Особенно велика в этом деле роль покойного академика Н. Я. Марра, впервые начавшего широко привлекать все виды исторических источников: язык, археологические и этнографические памятники и т. д. В докладе подводятся итоги разработки советскими учеными древнейших летописных сводов, а также итоги изучения истории тех народов СССР, у которых до Великой социалистической революции не было писаной истории. Перед советскими учеными акад. Греков ставит боевую задачу—дать в ближайшее время большой обобщающий труд по древней истории народов СССР.

Итогам изучения античности советскими учеными посвящена статья акад. С. А. Жебелева—«Итоги изучения античности в СССР за двадцать лет» (кн. 5, стр. 1115—1124). Античность на территории СССР, по определению С. А. Жебелева, занимала примерно пространство от Одессы до Перекопа, весь Крым до Керчи, Таманский полуостров, спускалась на восточный берег Черного моря до Новороссийска и заканчивалась Колхидой. Как подчеркивает автор статьи, археологические исследования советских ученых на этой территории дали возможность советской исторической науке по античности продвинуться значительно вперед. Раскопки милетской колонии Ольвии в Херсонесе, на Керченском полуострове в пределах бывшего Боспорского государства, а также раскопки в Краснодарском крае и Западной Грузии значительно обогатили мировую науку по античности. Советскими учеными проделана большая исследовательская работа и в накоплении новых источников. Обработка 215 греческих и латинских папирусов, найденных на территории СССР и относящихся ко времени между II в. до н. э. и VIII в. н. э., составила вклад в историческую науку. Исследовательские работы советских ученых—С. Я. Лурье, С. А. Жебелева, А. И. Тюменева, Р. В. Шмидт, А. В. Мишулина, М. И. Максимовой, М. А. Шангина и ряда других воочию показывают большие достижения советской исторической науки по античности.

Статья акад. В. В. Струве «Итоги работ по истории древнего Востока в СССР за двадцать лет» (кн. 5, стр. 1125—1132) говорит о состоянии советской науки в области изучения древнего Востока. По утверждению В. В. Струве, первый этап работы советских ученых сводится к освоению и критической переработке на основе марксистской методологии материалов, собранных буржуазными специалистами, а также к приведению в порядок и изучению наследства русских ученых (Т у р а е в а и др.). В статье дается перечень и краткая характеристика работ советских ученых в области самостоятельного изучения проблем истории древнего Востока. Особое внимание советских ученых, по мнению акад. В. В. Струве, привлекает изучение способа производства на Древнем Востоке.

Акад. А. С. Орлов в статье «Итоги изучения русской литературы древнего периода за двадцать лет» (стр. 1105—1208) останавливается на методологическом отставании литературоведов, которые не могли подняться выше уровня изучения и систематизации источников. Лишь послеоктябрьский период создал необходимые условия для изучения и развития литературы древней России на основе марксистско-ленинской теории. Иллюстрацией этого является, по мнению А. С. Орлова, изучение лучшего памятника древности—«Слова о полку Игореве». Далее акад. Орлов анализирует древних авторов-церковников, авторов повестей, переводные памятники и публицистику.

Акад. И. И. Мещанинов в статье «Итоги изучения общего языковедения в СССР за двадцать лет» (стр. 1220—1232) дает картину состояния советской науки по языкознанию и особенно в части изучения многонациональных языков СССР. Здесь особую роль акад. Мещанинов отводит величайшему советскому лингвисту акад. Н. Я. Марру и его значению в изучении живой речи Закавказья и Северного Кавказа, а также древних языков—шумерийского, халдского, хеттского и ассирийского. Рассматривая ряд этапов в развитии советского языкознания, акад. Мещанинов устанавливает, что дей-

ствительного расцвета советская лингвистика достигла в результате применения материалистического метода исследования. Только на базе марксистско-ленинской теории советские ученые добились создания нескольких десятков словарей и грамматик для языков народов, бывших в дореволюционное время бесписьменными.

Проф. К. Д. Дондуа своей статьей «Итоги изучения кавказских языков в СССР за двадцать лет» (стр. 1246—1254) тесно примыкает к статье акад. Мещанинова. В ней оцениваются роль акад. Марра и достижения советской науки в изучении южной группы яфетических языков Кавказа.

В статье акад. И. Ю. Крачковского «Итоги изучения арабистики в СССР за двадцать лет»(стр. 1255—1279) подводятся итоги детельности советской арабистики в изучении арабских стран и арабских материалов в их прошлом и настоящем.

Как устанавливает акад. Крачковский, особенного развития у нас достигла арабистика, как особая область науки, в послеоктябрьский период, когда благодаря особым заботам советского правительства расширилась сеть научно-исследовательских учреждений и обществ, увеличилась научная и учебная продукция по арабистике.

Первая книжка «Известий ООН АН СССР» за 1938 г. вышла в свет лишь в мае. Но и при таком запоздании номер вышел сдвоенным (№ 1—2). Из материалов по древней истории в этом номере прежде всего необходимо отметить публикуемую для обсуждения «Схему пятитомника по истории СССР» (стр. 181—218), составленную Институтом истории АН СССР.

Проект схемы дает представление о характере предполагаемого издания. Первый том пятитомника, озаглавленный по схеме «Народы СССР с древнейших времен до IX в.», посвящается истории доклассового общества и подготавливается преимущественно Институтом истории материальной культуры. Первая часть этого тома включает первобытную историю: палеолит, мезолит, неолит и бронзовый век. Вторая часть должна показать древнейшие государства на территории СССР. Предполагаемые главы этой части следующие: 1. Передняя Азия и Закавказье в начале I тысячелетия до н.э.2.Империя Ахеменидов. 3. Греки и скифы Причерноморья в VII—IV вв. до н. э. 4. Завоевания Александра и эллинистические государства на территории СССР. 5. Рим, Парфия, Кушанское царство. 6. Север СССР в I тысячелетии до н. э. и в начале нашей эры. Третья часть посвящается странам СССР во II—VII вв. н. э. и состоит из глав: 1. Падение Римской империи и Иран. 2. Народы Закавказья во II—VII вв. н. э. 3. Государственные образования Восточной Европы и Средней Азии в V—VII вв. н. э. Четвертая часть под названием—«Племена Восточной Европы и Средней Азии в VII—X вв.» — состоит из разделов: 1. Возникновение арабского халифата и его завоевания. 2. Грузия, Армения и Азербайджан в VIII—X вв. 3. Государства Восточной Европы в VIII—X вв. 4. Племена Севера СССР в I тысячелетии.

Во втором томе пятитомника по истории СССР, обнимающем дофеодальный период, первый и второй разделы посвящены Киевской Руси. Содержанием этих двух разделов являются вопросы: экономика Приднепровья и Приильменья до начала XI в., образование империи Рюриковичей, расцвет державы Рюриковичей и начало ее упадка, Киевская Русь от середины XI в. до середины XIII в., Ростово-Суздальское княжество до середины XIII в., Новгородская земля, Галицко-Волынское княжество, культура Киевской Руси. Раздел третий второго тома посвящен народам Кавказа и Средней Азии. Раздел четвертый—народам СССР в эпоху монгольского владычества и раздел пятый—немецко-шведской агрессии в XII—XIII вв. на северо-западе.

Из других материалов по древней истории помещен в этом номере доклад А. Я. Борисова «Авиценна, как врач и философ» (стр. 51—73), в котором автор отмечает девятисотлетие со дня смерти Авиценны, или Абу-Али ал-Хуссейн ибн-Сина, энциклопедиста и яркого представителя арабской культуры. А. Я. Борисов обрисовывает научное

и культурное значение Авиценны и дает характеристику его медицинских и философских трудов.

В статье Е. Э. Бертельс «Авиценна и персидская литература» (стр. 75—94) освещается творчество Авиценны, как проводника эллинистических учений в персидскую литературу. Влияние Авиценны охватывало всю исмаилитскую литературу, а также суфийскую поэзию.

Статья М. Н. Мартынова «Разложение родового строя на территории Верхнего Поволжья»(стр. 161—180) рассматривает проблемы образования государственной власти в Верхнем Поволжье, где впоследствии зародилось Московское государство. На основании найденных памятников материальной культуры Верхнего Поволжья М. Н. Мартынов опровергает утверждение В. О. Ключевского о Верхнем Поволжье, как о «финском захолустье». Верхнее Поволжье уже в III—VIII вв. было не захудалым и диким краем, а поднялось уже тогда на более высокую стадию исторического развития, на стадию «варварства», на стадию разложения родового строя.

В библиографии помещена информационная заметка о предполагаемом издании книги арабского писателя X в. н. э. Ахмеда ибн- Фадлана—«Путешествие на Волгу».

Журнал оставляет желать много лучшего со стороны издательской. Редакция совершенно не борется за такое оформление журнала, которое достойно было бы такого высокого учреждения, каким в Советском Союзе является Академия наук. А выходит журнал безвкусно и очень далеко отстоит от «академического» уровня. Редакция не борется и за своевременный выход журнала. Иначе, чем объяснить такое позорное явление, как подписание к печати номера, посвященного 20-летию Великой пролетарской революции, лишь 22 марта 1938 г.?

К. Костко

История древности в «Советской этнографии»

«*Советская этнография*». Журнал Академии наук СССР и Народного комиссариата просвещения РСФСР, № 1, 2—3, 4 за 1937 г. Тираж 2500 экз. Цена отдельного номера 4 руб.

В журнале «Советская этнография» освещается ряд вопросов, имеющих прямое отношение к изучению древней истории.

В № 1 журнала за 1937 г. Е. Г. Кагаров в статье «Этнографические мотивы в поэзии А. С. Пушкина» (стр. 51—67) делает попытку показать в творчестве Пушкина влияние народных обрядов и поверий, в которые составным элементов входила и античная мифология.

Статья Е. М. Залкинда «Древние народы китайских хроник и эвенки, хун-ну, дун-ху, сень-би, ши-вэй» (стр. 68—79) представляет собой попытку критического рассмотрения этнографических теорий, авторы которых сближают древние народы Восточной Азии хун-ну, дун-ху, сень-би, ши-вэй с эвенками (тунгусами). Рассматривая этническую принадлежность этих народностей и разбирая гипотетические высказывания буржуазных ученых (Дегиня, Иностранцева, Сиратори, Тория и др.), Е. М. Залкинд разбивает расистские теоретические выводы ученых лакеев японского империализма, которые в целях грабительской политики пытаются антинаучным путем доказать родственность японцев тем народностям, которые должны стать жертвой японской экспансии.

Акад. Н. С. Державин в статье «О наименовании и этнической принадлежности гагаузов» (стр. 80—87) рассматривает любопытный для науки вопрос об этнической

принадлежности одной народности, именуемой гагаузами, живущими и сейчас в УССР на Мелитопольщине (по переписи 1926 г. по СССР гагаузов было: мужчин—446 и женщин 402, итого—848 человек). Приводя мнения отдельных ученых (проф. Иричека, считающего гагаузов остатком старотюркского племени, проф. Г. Залетова, видящего в гагаузах остаток неславянских, т. е. аспаруховых, болгар, и мнения других ученых), акад. Державин сам, однако, решения вопроса не дает.

В заметке В. К. Алымова «Что такое «Сампо»?» о прообразе «Сампо», о значении слова, о месте возникновения некоторых рун «Калевалы» (стр. 155—159) дается объяснение «Сампо». Автор заметки приходит к выводу на основании исследования древней саамской культуры, что «Сампо»—шаманский бубен. Название же «Сампо» вошло в «Калевалу» из восточных диалектов саамского языка.

В обзоре этнографических работ по Советскому Союзу (стр. 172—183) приводятся сведения о работе центральных, областных и местных краеведческих и других музеев, собравших большое количество материалов, значительная часть которых относится к изучению древней истории народов СССР.

В этом же номере помещена рецензия А. М. Золотарева на книгу А. Ф. Анисимова—«Родовое общество эвенков (тунгусов)» (издание Научно-исследовательской ассоциации Института народов Севера при ЦИК СССР им. П. Г. Смидовича. «Труды по этнографии», т. I, Л., 1936. Тираж 2 000 экз., 194 стр., цена 4 р. 80 к.).

В № 2—3 журнала «Советская этнография» А. А. Рыдзевская в статье «О пережитках матриархата у скандинавов по данным древнесеверной литературы» (стр. 15—44) подвергает подробному разбору фальсификации фашистских «ученых» по вопросу о матриархате. Е. А. Рыдзевская опровергает рассуждения фашистских «ученых», извращающих доисторическое прошлое человечества, считающих, что матриархат, т. е. господствующее положение женщины на определенном этапе исторического развития—являлся институтом «низших» рас, а такой «высшей» расе, как германская, этот институт будто бы не был известен. Приводя высказывания классиков марксизма по этому вопросу, Е. А. Рыдзевская делает вывод, что матриархат был универсальной стадией в развитии всего человечества, а не относился лишь к отдельным племенам. Рассматривая первоисточники древних скандинавов, как, например, «Эдду», письменные и устные саги, где большое место занимала женщина, как глава рода, автор статьи разрушает фашистскую легенду об особенностях строя и быта скандинавского древнего общества. Автор разбирает метронимические обозначения, систему родства, связь детей с материнским родом, матрилокальный брак, а также показывает женщину, как воительницу (Валькирия), женщину, как участницу боев и покровительницу героев, умеющую браться за оружие. Е. А. Рыдзевская вскрывает политическую подоплеку похода фашистов против матриархата. Фальсификацией прошлого фашистские мракобесы хотят оправдать свое глубоко-реакционное отношение к современной женщине, которую они низводят к роли домашней рабыни и бесправного существа.

В хронике № 2—3 журнала дана информация о работе Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР по проблемам древней истории. В институте были проведены доклады: 1) Л. И. Лаврова на тему «Земельные отношения у балкарцев в прошлом», начиная с I и II вв. н. э.; 2) Н. Н. Волкова—«Исторический очерк саамского народа до XV в.», в котором докладчик делает предположения, что саамы уже за 1500—2000 лет до н. э. жили на современной территории; 3) М. Д. Торен на тему—«Пережитки тотемизма в поверьях восточных славян о летучем змее».

В разделе «Критика и библиография» в № 2—3 помещена рецензия М. Альтмана «К вопросу о родовых пережитках у саяно-алтайцев» (о книге С. А. Токарева—«Докапиталистические пережитки в Ойротии», Л., 1936).

В № 4 за 1937 г. журнала помещена статья Д. К. Зеленина «Проблема первобытной религии» (стр. 3—16). Автор статьи ставит своей задачей дать анализ форм первобытной

религии—фетишизма, тотемизма, анимизма, преанимизма, мана и магии, с тем, чтобы вооружить воинствующих безбожников для активной борьбы с религией.

В статье Н. П. Дыренковой «Пережитки материнского рода у алтайских тюрков» (стр. 18—45) подвергается рассмотрению институт, получивший в этнографической литературе название авункулата. Анализируя пережитки авункулата у народностей Алтая, автор доказывает, что институт авункулата является осколком существовавшего в далеком прошлом этих народностей материнского строя.

В статье Е. Г. Кагарова «Общественный строй древних греков гомеровской эпохи» (стр. 46—60) дается экономическая, социальная и идеологическая характеристика эпохи разложения греческого рода; автор подкрепляет эту характеристику археологическим и этнографическим материалом.

В отделе «Критика и библиография» помещен библиографический обзор И. Н. Винникова и Ю. В. Фридлендера—«Этнография изучения андаманцев», где дается отзыв на сто тридцать иностранных работ о коренном населении Андаманских островов, которое по уровню технического и общественного развития относится к наиболее примитивным племенам земного шара.

Помещена в данном номере также рецензия В. К. Стешенко-Куертина—«Древнейшие музыкальные основы грузинской народной музыки». I. Флейта Пана. Тбилиси, 1936.

В рецензии Е. Кагарова в № 4 журнала дается отзыв на XVI том, часть 1, сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса под ред. В. Адоратского (Партиздат ЦК ВКП(б), М., 1936, 560 стр., цена 3 р. 50 к.). В этом томе произведений помещены работы Энгельса: «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «К истории древних германцев», «О франкском диалекте» и др. Собранные в XVI томе труды Энгельса представляют выдающийся интерес, особенно для историков, изучающих древний мир. Поэтому редакция «Советской этнографии» поступила неправильно, ограничившись библиографической статьей Кагарова и отведя отзыву об этом томе классиков марксизма слишком скромное место.

В заключение надо подчеркнуть ничем не оправдываемое запаздывание журнала с выходом в свет. Так, № 1 за 1937 г. подписан к печати лишь 22 июля 1937 г., № 2—3—сдвоенный, но по объему меньше ординарного (причем, редакция журнала свалила вину на «технические соображения»), подписан к печати 24 января 1938 г. № 4 подписан к печати 8 марта 1938 г. Таким образом в 1937 г. фактически вышел лишь один номер журнала.

Неотложной обязанностью президиума Академии наук СССР является наведение порядка в своем журнальном и издательском деле.

К.

Х Р О Н И К А

К 50-летнему юбилею научной деятельности проф. В. А. Городцова

24 мая сего года исполнилось 50 лет научно-исследовательской деятельности выдающегося советского ученого, профессора, доктора археологии Василия Алексеевича Городцова.

Родился В. А. Городцов 11 марта 1860 г., в селе Дубровичах, Рязанского района, на р. Оке.

Имя В. А. Городцова, учителя нескольких поколений русских археологов,—самое популярное в историко-археологических и музейных кругах нашей страны и за границей.

Выходец из «разночинцев», В. А. Городцов, благодаря своим личным качествам—талантливости и неиссякаемой энергии, в условиях старого строя сумел пробиться на научную работу. Впервые выступив на научном поприще в 80-х годах прошлого столетия, на заре развития археологических знаний в старой России, в период, когда материал только накапливался, Василий Алексеевич вскоре же проявил себя человеком, стоящим на твердой научной основе. Об этом говорят его ранние работы, посвященные изучению памятников эпохи неолита, «Русская доисторическая керамика» и др.

В ряде случаев В. А. Городцовым впервые была открыта, изучена и определена целая серия доисторических культур, поныне составляющих прочную рабочую шкалу по ранним периодам истории Европейской части СССР. Такие обобщающие работы по ранним периодам истории нашей родины, как разработка материалов бронзовой эпохи южной полосы и «культуры бронзовой эпохи в Средней России» (где автором особенно подчеркнута значимость археологических материалов, как первоклассных исторических источников), были чрезвычайно ценны для своего времени и не потеряли своего значения до наших дней.

Общие университетские курсы по эпохам камня и металла, написанные В. А. Городцовым («Первобытная археология», «Бытовая археология», «Археология.—Каменный период»), на которых воспитывались поколения археологов, и до сих пор являются единственными сводными курсами древностей СССР.

Центральные и южные края и области РСФСР, Поволжье, Украина, Крым, Северный Кавказ, Закавказье, Сибирь—вот широкое поле исследовательской деятельности этого ветерана русской археологии.

На основе своего богатейшего полевого опыта В. А. Городцовым создана методика полевых исследований археологических памятников.

Им впервые на территории СССР были открыты и исследованы землянки—жилища палеолитического человека (Тимоновская стоянка 1928 г.) и выработаны приемы исследования неолитических жилищ.

В. А. Городцов до сих пор является неустанным пропагандистом типологического метода в археологии.

Палеолитические стоянки, жилища неолита, могильники эпохи ранней бронзы, культуры I тысячелетия до н. э., киммерийская проблема, скифские курганы, сарматские городища, остатки алано-хазарской культуры, курганы и городища славянских племен, памятники кочевников и, наконец, города эпохи Золотой Орды—вот диапазон глубоких знаний, огромного опыта и интересов юбиляра.

В. А. Городцов

Его перу принадлежит более 200 научных работ по самым различным вопросам, связанных с изучением далекого прошлого человечества, показавших широту кругозора и эрудицию автора. Своими исследованиями В. А. Городцов оставил неизгладимый след в изучении ранних периодов истории нашей родины.

С именем В. А. Городцова связаны расширение и коренная перестройка экспозиции археологических отделов Государственного Исторического музея, где Василий Алексеевич около 30 лет являлся одним из руководящих работников. Огромные, разобщенные коллекции археологических материалов были им обработаны, приведены в научную систему и выставлены в залах музея. При его непосредственном участии были изданы «Путеводители» по Гос. Историческому музею (1921—1923 гг.).

В. А. Городцов начал работу в высших учебных заведениях еще до революции; но только в послеоктябрьский период опыт, знания и исключительный педагогический талант В. А. получают полное признание. В 1918 г. В. А. получает звание профессора, становится во главе подготовки новых кадров советских археологов в I МГУ. Не каждому дано уметь так заражать своим отношением к любимому делу, как это умеет Василий Алексеевич. Это—педагог-энтузиаст.

За все время своей педагогической деятельности В. А. Городцовым был подготовлен целый ряд крупных специалистов, ныне руководящих работников музеев и научных историко-археологических учреждений центра и периферии.

Несколько лет подряд В. А. Городцов руководил археологическим отделом Главнауки Наркомпроса РСФСР.

До последних лет В. А. непосредственно руководит полевыми экспедиционными работами (на Елизаветинском городище, Ильской стоянке и др.), являясь одним из самых активных основных сотрудников Института истории материальной культуры Академии наук.

Нельзя не остановиться на другой стороне облика В. А. Городцова, как ученого. Он не замыкается в «скорлупу жрецов науки». Наоборот, за время своих многочисленных

археологических экспедиций он всегда и всюду выступал с публичными лекциями перед рабочей и крестьянской аудиторией, неся свои знания в широкие народные массы.

«Ему бы хотелось,—как сказал о нем один ученый,—чтобы его любимая археология стала всенародным достоянием. Каждой полевой работой он пользуется для того, чтобы заинтересовать тех, кто веками был обречен на неведение».

О широкой популярности юбиляра в различных кругах нашей общественности можно судить по целому потоку приветствий, полученных юбиляром в день 50-летия своей научной деятельности как от маститых академиков и профессоров, так и молодых научно-растущих краеведов.

Имя В. А. Городцова прочно вошло в список лучших представителей археологической науки в СССР.

Пожелаем же 78-летнему ученому еще много лет столь же плодотворной деятельности на любимом поприще во славу советской исторической науки, во славу нашей родины.

Е. Крупнов

Новая херсонесская мозаика

При раскопках в Херсонесе 1936—1937 гг., возле IX поперечной улицы, были открыты остатки большого дома эллинистического периода. Стены дома возведены на скале и отличаются монументальностью сооружения: толщина их равна 0,80 м; кладка некоторых частей стен выполнена из крупных тесаных плит; связующим веществом служит глина. Под одним из помещений дома находится прямоугольная яма, вырубленная в скале, служившая погребом для хранения продуктов. Плана дома полностью установить не удалось, так как некоторые стены его были разобраны при постройке другого огромного здания, относящегося к I—IV вв.

Вне основного плана дома, с южной его стороны, внутри квартала, находятся цистерна и небольшое помещение с мозаичным полом. Цистерна имеет грушевидную форму, диаметр ее вверху 0,60 м, внизу—2,25 м, глубина—3,25 м. Стены цистерны внутри тщательно оштукатурены раствором, состоящим из извести, песка и небольшого количества мелко толченой керамики. Цистерна служила для хранения дождевой воды. Две трети ее вырублены в скале; верхняя часть, высотой в 1 м, сложена из камней на глине.

Помещение с мозаичным полом примыкает к южному углу дома, вход в помещение шел со стороны цистерны, в северо-западной стене. Размеры помещения небольшие: длина по юго-западной стене 3,20 м, сохранившаяся длина северо-западной стены —около 3 м. Северо-восточная стена не сохранилась: она была разрушена в раннесредневековый период. Кладка стен состоит из небольших камней на глине; внутри стены обмазаны толстым слоем чистой глины желтого цвета, а поверх глины оштукатурены известью с песком. На кусках штукатурки сохранилась окраска красного цвета; повидимому, стены были покрыты росписью.

Пол в помещении мозаичный. Мозаика выполнена из мелкой морской гальки различного цвета: белого, желтого, красного и темносинего. Камушки мозаичной вымостки положены на раствор из извести и песка (раствор лежит непосредственно на скале). В нескольких местах мозаика еще в древности была разрушена: не сохранилась северо-восточная часть; большая лакуна имеется в юго-западной части, и мелкие повреждения встречаются в других местах.

Центральная часть пола представляет прямоугольник, обведенный рамой из камушков темносинего цвета. Ширина средней части, между северо-западным и юго-восточным полем, 2 м. Боковые части имеют различную ширину: северо-западное поле—

0,90 м, юго-восточное—0,70 м, юго-западное—1,15 м (северо-восточное поле не сохранилось).

Среднюю часть мозаичной вымостки (рис. 1) занимают изображения двух женских стоящих фигур (головы и концы ног не сохранились). Обе фигуры изображены обнаженными и обращенными en face. Тяжесть тела левой (от зрителя) фигуры покоится на правой ноге, левая нога слегка согнута и отставлена назад. Торс имеет большой наклон вправо. Опорой для тела также служит круглая ваза, стоящая между фигурами: обе фигуры слегка опираются на нее. Руки левой фигуры согнуты в локтях и подняты

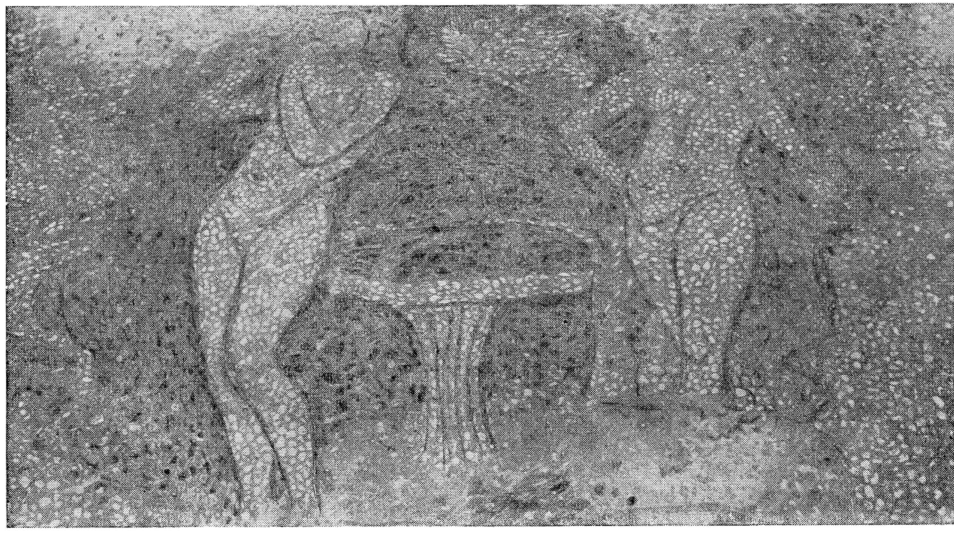


Рис. 1

вверх, к голове; положение рук дает возможность предполагать, что руками женщина поправляла на голове волосы.

Правая фигура, в отличие от левой, всей тяжестью тела стоит на левой ноге, правая же далеко отставлена назад и в сторону (ноги перекрещиваются). Положение рук второй фигуры иное, чем у первой: правая ее рука согнута в локте и опирается на бедро, левая вытянута вниз, в сторону, опирается, повидимому, на ствол. С плеч, сзади фигуры, спускается плащ желтого цвета, хорошо видимый по сторонам ниже бедер. Складки плаща справа расположены в форме ласточкина хвоста; они показаны черными камушками, поставленными на ребро.

Линии торса и низ живота у обеих фигур ограничены свинцовыми пластинками. Контуры рук, ног, груди и коленных чашек очерчены темносиними камушками, поставленными на ребро. Тело той и другой фигуры выполнено из белых камушков, положенных плоскими сторонами (среди них встречаются камушки желтоватого цвета; на рисунке они выглядят более темными, чем белые). Соски грудей обозначены каждый красным камушком, пуп—двумя камушками: вверху—синий, внизу—красный.

Левая фигура изображена на синем фоне; плащ второй фигуры создает для нее желтый тон. Очевидно, художник стремился избежать однообразия как в отношении композиции фигур, так и в живописном их исполнении. Следует также отметить, что позы фигур свободны и естественны, изображения же их в целом отличаются реализмом.

Между фигурами стоит круглая ваза лутерий; ножка и края ее выполнены из белых камней, середина—из темносиних (диаметр вазы—0,60 м, сохранившаяся высота

ножки—0,40 м). Ствол ножки украшен канеллюрами; их грани и закругления вверху обозначены черными камушками. Фон между фигурами и вазой выполнен из темно-синих камней.

На вазе сидит птица (повидимому, голубь) вправо; голова ее обращена назад—влево. Тело птицы из желтых камней, клюв и лапки—из красных. Вверху, над вазой, на уровне плеч фигур, изображена другая птица, обращенная влево. Она выполнена из белых камушков, клюв и лапки—из красных. Крылья птицы распластаны в стороны; длинный хвост опущен вниз. Над вазой, между женскими фигурами, видно изображение, выполненное из темносиних камней, поставленных

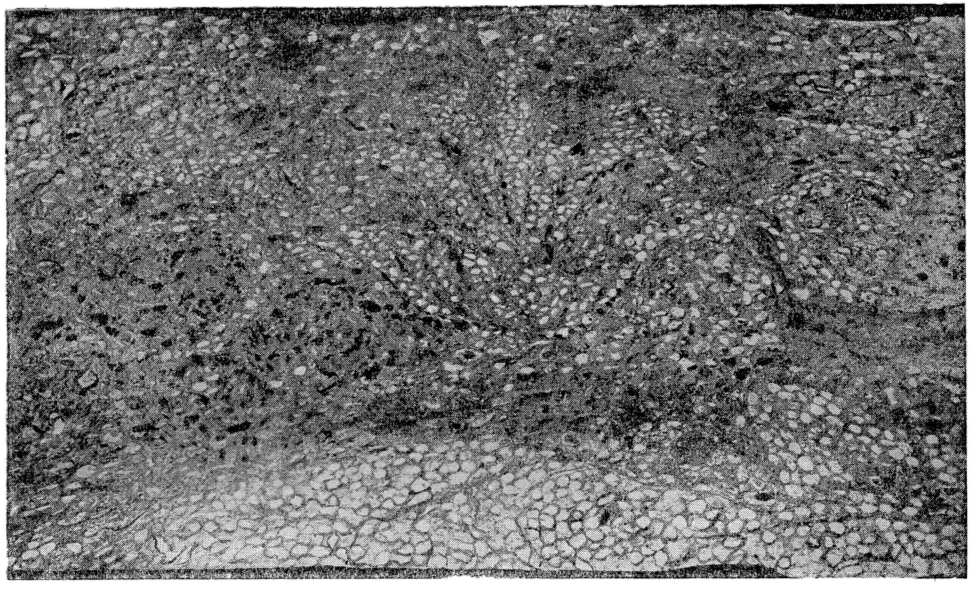


Рис. 2

на ребро, каких-то неясных предметов в виде дуги (?), на которую опираются обе фигуры; выше ее какая-то неясная масса: на ней сидит верхняя птица.

Северо-западное (левое от зрителя) поле мозаичного пола украшено растительным орнаментом (рис. 2). В середине изображена пальметка, выполненная из белых камушков; фон между лепестками желтый; контуры пальметки и других частей орнамента состоят из темносиних камней. Слева от пальметки трехлепестковый цветок желтого цвета, обращенный вниз. Повреждения мозаики в нескольких местах, справа и слева от пальметки, не позволяют восстановить полностью орнамент в этой части пола.

В юго-восточном и юго-западном полях вымостка простая, без орнамента, но состоит также из камней различного цвета. Камни юго-восточного поля покрыты тонким налетом извести (при вспрыскивании водой камни просвечивают). В юго-западном поле мозаика сохранилась лишь непосредственно возле стены.

В западном углу помещения, на расстоянии 0,35 м от северо-западной стены, в полу находится углубление, вырубленное в скале (рис. 3). Сверху в него вставлен венчик пифоса (от венчика сохранилось немного более половины); диаметр его 0,50 м, глубина ямы 0,30 м. Мозаичная вымостка сделана с небольшим напуском на венчик; это указывает на то, что углубление одновременно с помещением и связано с ним в своем назначении. Это подтверждается и тем, что мозаичный пол имеет наклон к углублению: повидимому, оно служило для стока воды.

Таким образом, помещение с мозаичным полом, несомненно, служило для омовения. Вряд ли это помещение составляло часть терм; скорее всего это была всего лишь одна комната при частном доме, где совершались омовения горячей и холодной водой. Небольшие размеры помещения и отсутствие каких-либо остатков, которые указывали бы на существование обширных терм, склоняют к тому предположению, что в помещении с мозаичным полом следует видеть скорее частную баню. Правда, как уже отмечено выше, от эллинистического здания сохранилось мало остатков; но то обстоятельство, что помещение с мозаикой расположено вне основного плана дома,

Рис. 3

находится во дворе его, построено к последнему впритык, и вход в него был со двора, а не из внутренних помещений дома, решает вопрос в пользу того, что баня состояла лишь из одного помещения с мозаичным полом и что она была частной баней.

Выше было дано описание цистерны, находившейся во дворе дома, на расстоянии 2 м от помещения с мозаикой. Вряд ли это случайно, как не случайно и то, что вход в баню находится в северо-западной ее стене, напротив цистерны: удобно и близко было брать и носить воду из цистерны в баню.

При таком назначении помещения получает смысл и самый мозаичный пол. Мозаичный пол сверкал своими красками; разноцветные камушки изображения и весь орнамент были яркими и хорошо видными только при обливании их водой или под водой; без воды сухие камушки сереют, орнамент становится бледным и маловыразительным. Вспомним, что мозаичная вымостка, открытая в Ольвии, находилась во дворе, под открытым небом, и подвергалась действию дождя[1].

Какой был сюжет мозаики: мифологический или бытовой? Связан ли он с назначением помещения или нет? Кого представляют обнаженные женские фигуры? Эти и некоторые другие вопросы пока приходится решать предположительно.

[1] ИАК, вып. 13, 1906, стр. 39—48, рис. 22—25.

Изображение обнаженных женщин возле лутерия—не редкий сюжет в краснофигурной живописи и на других памятниках античной эпохи. Чаще всего около лутерия изображается Афродита, совершающая свой туалет в обществе граций. Но встречаются и просто бытовые сцены, взятые из реальной жизни: молодые женщины при помощи служанок-рабынь совершают омовение в лутерии, натираются маслом, делают прически и т. п.

Несомненно, что и на херсонесской мозаике изображена сцена омовения и совершения туалета двух молодых женщин, находящихся в бане. На это указывают наличие лутерия, наиболее частым назначением которого было служить вместилищем для воды, и позы самих женщин. Таким образом, сюжет мозаичного пола тесно связан с назначением помещения: сцена омовения была изображена в бане.

К какому времени относится мозаика? Материал для решения вопроса имеется и теперь достаточный. При раскопках помещения, где открыта была мозаика, найдена эллинистическая керамика III—II вв. до н. э.: фрагменты чернолаковой посуды, блюда, миски и массивные лутерии (последние, с широкими носиками, могли употребляться в бане при омовении), амфоры, черепицы (калиптеры и солены), большей частью синопские. На полу найдены, кроме того, железные и медные гвозди; бронзовые монеты, из них две херсонесские, относятся к митридатовой эпохе, к концу II—началу I в. до н. э. В насыпи цистерны были найдены: амфорные родосские ручки с клеймами; кувшины с орнаментами в виде полос белого, коричневого и красного цвета; фрагменты чернолаковой посуды; фигурный сосуд в виде лежащего быка, горло его с ситечком, покрыт черным лаком; фрагменты чернофигурного и краснофигурных сосудов и др. Насыпь в цистерне найденными в ней предметами датируется, таким образом, III—II вв. до н. э. Предметов позднее II в. до н. э. ни в цистерне, ни в помещении с мозаикой не найдено. Перечисленные предметы и монеты свидетельствуют, что помещение, цистерна и весь дом в целом перестали существовать в конце II—начале I в. до н. э.

Таким образом, возникновение дома (как и других зданий в раскопанном квартале) относится ко времени не ранее середины IV в., скорее всего к концу IV—началу III в. до н. э. Возможно, что помещение с мозаичной вымосткой было построено несколько позднее основного здания, так что мозаичный пол может относиться к III—II вв. до н. э. По сравнению с ольвийской мозаикой, которую Б. В. Фармаковский относил к первой половине II в. до н. э., херсонесскую мозаику возможно отнести к тому же времени.

Установление более точной даты, а также разрешение стилистических особенностей, выяснение ближайших аналогичных памятников, к кругу которых относится херсонесская мозаика, и другие вопросы, с нею связанные, должны найти свое место и разрешение в специальном исследовании.

Настоящая заметка имела целью познакомить читателя «Вестника древней истории» с замечательным, а для античного Херсонеса уникальным открытием. Оно, конечно, порадует всех интересующихся далеким прошлым Крыма.

Г. Белов

Обзор археологических работ в 1937 г. [1]

Полевые археологические исследования, широко развернувшиеся в нашей стране в послереволюционное время, в 1937 г. охватили громадную территорию от Баренцова моря до Грузии и от Смоленска до Байкала. Имея одну общую цель—изучение на месте

[1] Обзор археологических работ московских археологов см. «Вестник древней истории» № 1(2).

древних памятников, являющихся неисчерпаемым источником для познания древней истории нашей родины и народов, ее населяющих, археологические работы организуются не всегда по одним и тем же причинам. В одних случаях они вызываются необходимостью получения новых материалов, без которых нельзя достаточно полно и правильно осветить тот или иной исторический период, т. е. вызываются требованиями научной проблематики, в других—археологическое изучение ставится в целях охраны памятников. На всех наших крупных новостройках, как Днепрострой, Москва-Волга канал, метро, Большая Волга, Манычстрой и т. п., производились и производятся археологические работы, дающие часто материалы исключительной научной ценности.

Какие бы, однако, причины ни вызывали полевые археологические работы, ими вводятся в научный оборот каждый год все новые и новые данные, все больше приближающие нас к тому времени, когда мы с полной уверенностью приступим к написанию подлинной истории тех древних периодов в жизни СССР, для которых вещественные памятники являются часто единственным источником.

Наш обзор археологических работ, произведенных в 1937 г., не является исчерпывающим, во-первых, потому, что по значительному числу работ обзор дан ранее, и, во-вторых, потому что по разным причинам мы лишены возможности дать сведения о некоторых произведенных работах. Объединив оба обзора и учтя, что в них не нашли своего отражения такие крупные раскопки, как, например, производившиеся в Термезе (Узбекской ССР), Ниссе (Туркменской ССР), Колхиде (Грузинской ССР) и некоторые другие, можно убедиться в том громадном размахе, который получили полевые археологические работы в нашей стране.

Хотя было бы целесообразнее, быть может, расположить сведения, помещаемые в обзоре, по хронологическим признакам, но ввиду того, что многие из произведенных работ имели своими объектами разновременные памятники, часто все же между собою связанные, мы систематизируем их по территориальным признакам, т. е. сначала помещаем сведения о работах, произведенных на севере Европейской части Союза, затем в центральной части, далее на юге, на Кавказе, в Крыму и т. д.

В северной части Кольского полуострова, на Рыбачьем полуострове, были проведены под руководством Б. Ф. Землякова работы по изучению памятников каменного периода, главным образом так наз. арктического палеолита. На поверхности галечных пляжей и береговых валов было обнаружено и обследовано 9 стоянок. Собранный материал является характерным для этих древнейших памятников Крайнего Севера, известных по работам норвежских исследователей. Среди находок преобладают крупные орудия из кварца архаической техники, как массивные ручные рубила, скребла, остроконечники и др. Кроме них, имеются мелкие орудия: различных типов резцы, скребки, проколки, пластины с подправленным краем, наконечники стрел, выработанные из кремня, роговика, молочного кварца и горного хрусталя.

Исследователь датирует эти памятники по геохронологической шкале Де-Геера VIII—VI тысячелетием до н. э. и считает их древнейшими следами человека на севере СССР.

Кроме памятников арктического палеолита, на Рыбачьем полуострове были открыты неолитические стоянки и сооружения из валунов типа Беломорских лабиринтов.

В 1937 г. были продолжены под руководством В. И. Равдоникаса раскопки неолитического могильника на Южном Оленьем острове на Онежском озере, начатые в предыдущем году. На могильнике было вскрыто свыше ста погребений с обильным и интересным инвентарем. Костяки лежали в неглубоких ямах и были густо покрыты красной краской—охрой. Они сопровождались орудиями из кремня, сланца, песчаника, кости и рога. В большом количестве находимы были при костяках украшения из зубов животных—клыки медведя, резцы лося и бобра. Кроме того, в некоторых погребениях были обнаружены скульптурные изображения, как, например, головки лося, человеческие

фигурки и т. п. Могильник на Оленьем острове является памятником исключительного значения и богатым источником для изучения истории первобытного общества нашего Севера.

В Новгороде, кроме продолжения систематических раскопок на Славне, в 1937 г. были начаты исследования на площади Ярославова дворища, имеющего особое значение, так как здесь собиралось обычно вече. Двумя раскопами, общий размер которых равнялся 150 кв. м, был обнаружен ряд разновременных культурных наслоений. На различных глубинах были открыты пять деревянных настилов дорог, из которых два нижние относились к XII—началу XIII в. На глубине 1 м был открыт слой, включающий огромное количество (собрано до 5 тонн) костей животных, почти исключительно челюстей коров, редко свиней. Можно предположить намеренное сосредоточение в данном месте костей с целью замощения площади.

Интересен факт нахождения остатков сгоревшего здания, под развалинами которого погиб человек (найден был полуобгоревший костяк). Сохранилась подземная часть постройки в виде сруба размером 3 м × 3 м, состоящего из 12 венцов. Внутрь этого подполья обвалились камни и кирпичи печи и некоторые предметы, находившиеся в надземной части строения. Внутри сруба были найдены два деревянных маслобойных жома, несколько десятков глиняных сосудов особой формы с закрытым верхом, с небольшим отверстием, затыкающимся деревянной пробкой, вероятно, служивших для хранения масла, конопляное семя, корзины, плетенные из лыка, остатки кожаной обуви и пр. Постройка датируется XVI в. Особый интерес представляют остатки погребений—трупосожжений, открытых ниже культурного слоя. Судя по характеру сопровождавшей их керамики они относятся к X в. Обряд погребения через трупосожжение свидетельствует об их дохристианском характере.

П. Н. Третьяковым в Верхнем Поволжье были проведены большие работы как разведочного, так и раскопочного характера в районе р. Нерли—г. Калязина—г. Углича. У д. Синятино было произведено исследование стоянки, находящейся на дюнных всхолмлениях, расположенных между Волгой и Нерлью. Стратиграфическое изучение дюн убедило в их весьма древнем возрасте и дало возможность датировать в пределах относительной хронологии культурные остатки, залегающие в дюнных образованиях. Находки, сделанные на этом памятнике, выражаются исключительно в кремневых изделиях и остатках их выработки—нуклеусах и отщепах. Среди орудий—наконечники стрел, резцы, скребки и др. Формы орудий, в особенности кремневых наконечников стрел, изготовленных из ножевидных пластин, подправленных ретушью, свидетельствуют об эпипалеолитическом возрасте стоянки.

Затем было обследовано несколько городищ Дьякова типа: в устье р. Нерли у д. Синятино, на берегу р. Нерли в 2,5 км выше ее устья и в д. Старое Городище, на левом берегу Волги, в 3 км ниже устья ее притока р. Медведицы. Из них на последнем были поставлены раскопки, позволившие установить наличие на городище двух культурных напластований; нижний слой датируется серединой I тысячелетия до н. э. и верхний—концом I тысячелетия до н. э. и первыми веками н. э. В нижнем слое были найдены многочисленные поделки из кости: острия, иглы, ножи, наконечники стрел, гарпуны, составная острога, а также ряд грубых кремневых орудий, преимущественно скребков; кроме того, небольшие ручные зернотерки, песты, точильные камни и много обломков богато орнаментированных глиняных сосудов. Металлических предметов почти нет—найдены лишь маленькое бронзовое кольцо и обломок железного стержня. В верхнем слое находки имели иной характер: железные изделия и шлаки, бронзовые украшения, льячки, а также предметы из кости—рукоятки ножей, кочедыки, наконечники стрел и пр. Среди костей животных, как обычно на городищах этого типа, на первом месте стоят кости лошади, затем в количественном отношении идет свинья, бык и овца; среди костей диких животных преобладают кости пушных зверей—бобра, куницы и т. п.

В 5 км выше г. Углича, на правом берегу Волги при впадении в нее Грехова ручья, в ранее известной группе курганов было раскопано 15 курганов, давших погребения XI—XII вв., сопровождавшиеся железными ножами, пряжками, бусами, височными кольцами, браслетами, перстнями, иногда глиняными сосудами.

В г. Калинине под руководством М. П. Петровой и при участии Н. П. Милонова были проведены в порядке охраны памятников на новостройках археологические обследования на месте Загородного и Заволжского посадов б. Тверского кремля. На месте Отроча монастыря (строительство речного вокзала и Дома советов) были обследованы остатки каменных зданий, в частности подземная камера, где по преданию был заключен и умерщвлен митрополит Филипп. Камера представляет из себя помещение площадью 30 м × 15 м, крытое коробовым сводом. В стене, обращенной к Тверце, была обнаружена арочка, которая определена, как окно подземелья, выходившее в особый приямок, позже засыпанный землей. Изучение строительных частей и материалов убедило в принадлежности этого здания к началу XVI в. На месте б. Ильинской церкви, у алтарных абсид, был обнаружен склеп, содержавший два погребения в колодах, относящихся к XVI в.; за пределами склепа были открыты еще два погребения, также в колодах. На местах строительства был сделан ряд находок, относящихся преимущественно к XVIII в. На месте б. Скорбященской церкви был найден клад медных и серебряных монет XVIII в.

В другом древнерусском феодальном центре—во Владимире—были продолжены начатые в 1936 г. раскопки под руководством Н. Н. Воронина, имевшие целью изучение остатков стен и ворот детинца, а также его двора. За два года была вскрыта площадь в 400 кв. м. Фундаменты ворот детинца залегали на глубине 3,5 м от уровня современной почвы, от него сохранилось несколько рядов камня. Примыкающая к воротам стена толщиной 0,90—1,20 м в своей восточной части была сложена из белого камня, а в западной—из ноздреватого туфа. Найдены многочисленные обломки декоративных деталей надвратной церкви: резные камни, части фриза, поливные плитки полов, кубики мозаики и др.

Раскопка части двора детинца вскрыла культурный слой XII—XIV вв. В нижнем горизонте было обнаружено подполье сгоревшей еще до постройки детинца избы, где были найдены остатки воска, проса, льняного семени и многочисленные кости диких и домашних животных. Кроме того, были найдены ручные жернова, коса-горбуша, эмалевый крест и часть таких же накладок, замки, ключи, стеклянные цветные перстни и значительное число резной кости. Среди обломков глиняной посуды многие несут на себе разнообразные клейма.

Кроме работ в г. Владимире, была произведена разведка Осовецкого городища, находящегося на левом берегу р. Клязьмы, близ с. Погост, Собинского района, Ивановской области. Городище относится к XII в. и имеет слабо насыщенный культурный слой.

В той же области, на территории древнего кремля г. Суздаля, были произведены раскопки под руководством А. Ф. Дубынина, продолжавшего свои работы, начатые в 1936 г. Стратиграфическое изучение культурных напластований в кремле позволило выделить в них три разновременных культурных горизонта: нижний, мощностью 0,30—0,40 м, датируется X—XIV вв., средний—также около 0,40 м, относится к XIV—XVII вв. и верхний, около 0,70 м,—к XVII—XIX вв. В 1936 г. было открыто в кремле древнее жилище земляночного типа, исследование его было закончено в 1937 г. Землянка состоит из двух частей: одной—квадратной, размером 6 м × 6 м, и примыкающей к ней второй—полукруглой формы, размером 2,50 м ×4 м. В первую часть землянки ведет вход и в ней же в центре находится подполье, во второй, полукруглой части был очаг. Землянка углублена в грунт на 1 м, глубина подполья—1,30 м от пола землянки. Находки, сделанные в жилище, позволяют отнести его к концу X—началу XI в. Рядом с этой

землянкой была открыта вторая, размером 4,60 м ×4,85 м с очагом посередине, с входом с южной стороны. В этой землянке были обнаружены нары с деревянным настилом, возвышающиеся над полом на 0,50 м. Около нар найдены остатки плетня, шедшего, повидимому, вдоль стен, а в углах—столбы, которые поддерживали перекрытия. Датируется вторая землянка более поздним временем, чем первая, концом—XI началом XII в. Кроме землянок, на той же площади удалось установить несколько жилых комплексов в виде остатков срубных домов и других построек, относящихся к более позднему времени.

Тем же исследователем были произведены раскопки курганов у с. Михайлова Сторона, Суздальского района, и у с. Зиново, Тейковского района, Ивановской области. В каждом из этих пунктов было вскрыто по одному кургану из находящихся здесь групп. В обоих случаях были открыты женские погребения, сопровождавшиеся украшениями: височными кольцами и перстнем. Погребения характерны для владимиро-суздальских курганов и могут быть датированы XII в.

В Воронежской области на Дону продолжала свои многолетние работы палеолитическая экспедиция под общим руководством П. П. Ефименко. Ею был открыт и изучен ряд палеолитических стоянок в районе Костенки-Боршево. В 1937 г. под руководством А. Н. Рогачева были проведены работы на двух памятниках—в колхозе им. Тельмана и Костенки IV. На тельмановской стоянке было вскрыто около 80 кв. м. В раскопке были обнаружены остатки жилища в виде полуземлянки округлой формы, 5,5 м в диаметре, углубленной на 0,70 м. Яма была заполнена культурными остатками, часть которых, как, например, крупные кости мамонта, повидимому, попала в яму с перекрытия жилища. Посередине его была открыта очажная яма 0,80 м в диаметре. Как в заполнении жилой ямы, так и в окружающем ее культурном слое собрано значительное количество кремневых и костяных орудий; из последних обычными являются лощила и проколки. Что касается кремневого инвентаря, то наиболее интересными представляются лавролистные наконечники копий, изготовленные с помощью характерной солютрейской ретуши; кроме того, в состав инвентаря входят орудия на широких пластинах и отщепах, близкие по форме к мустьерским остроконечникам и скреблам. Эта стоянка определяется, как наиболее древний памятник верхнего палеолита среди костенко-боршевских стоянок.

На стоянке Костенки IV, относящейся к раннемадленскому времени, была вскрыта площадь до 400 кв. м. В слое лёссовидного суглинка на глубине 1,50 м были обнаружены следы крупного жилого комплекса, состоящего из трех отдельных жилищ. Их остатки имеют вид неглубоких, овальной формы ям, которые, будучи вытянуты почти по прямой линии с запада на восток, прикасаются концами одна к другой. Западная яма имеет длину в 14—15 м при ширине 5—6 м, средняя и восточная—длиной 9 м, при той же ширине. В этих остатках жилищ обнаружено 10 очажных ям округлой формы, 0,60—0,70 м в диаметре, заполненных массой черного углистого цвета. В культурном слое стоянки собрано большое число кремневых орудий—пластинок с притупленным краем и пластинок с притеской концов, а также скребков, резцов и других форм, обычных для стоянок этого типа.

На Урале, в районе Кама—Чусовая, продолжала свои работы экспедиция под руководством Н. А. Прокошева. Начиная с 1932 г. здесь непрерывно велось изучение памятников на территории строительства Камской ГЭС. В 1937 г. были закончены исследования ряда памятников, имеющих большое научное значение. Так, закончены раскопки расположенного близ устья р. Чусовой Конецгорского селища, относящегося к концу ананьинской эпохи. Здесь исследованы остатки древнего жилища типа длинного дома, а также собран большой вещественный материал, характеризующий хозяйство древних обитателей селища. Интересны небольшие глиняные антропоморфные статуэтки.

Также у устья Чусовой на берегу озера Грязного было продолжено изучение позднеонеолитической стоянки, где была вскрыта площадь в 480 кв. м. Были исследованы остатки четырех жилищ—полуземлянок, четырехугольной формы, пол которых находился на глубине 1,30—1,40 м от уровня современной почвы. На полу жилищ были обнаружены очаги, вокруг которых были найдены каменные молоты и кирки, кремневые наконечники стрел, скребки и ножи.

На берегу р. Чусовой были произведены раскопки двух пещер. Одна из них—Камня Бычки—служила в VII—VIII вв. н. э. жильем охотников, на что указывает большое количество костей лося, косули, северного оленя и др. В культурном слое пещеры, кроме костей, были найдены две литейные формы, серебряные и бронзовые украшения, иглы и пр. Особый интерес представляет другая пещера—Камня Дыроватого, определяемая, как особого рода жертвенное место. В ней найдено свыше 4 000 наконечников стрел из камня, кости, меди и железа. Ввиду исключительно трудного доступа к пещере исследователь считает возможным утверждать, что стрелы могли в нее попадать в результате выстрела снизу, с берега р. Чусовой, и что это свидетельствует об известном обряде, существовавшем долгое время в среде местного охотничьего населения.

Последним из изучавшихся памятников было Роданово городище на Верхней Каме. На нем удалось установить наличие двух культурных слоев—нижнего, IX в., и верхнего—XI—XII вв. Были открыты остатки жилищ с глинобитными печами и ямами для хранения запасов. Многочисленный вещественный материал позволяет реконструировать быт древних насельников этого городища. Из отдельных находок следует отметить костяные резные ложки с ручками, украшенными головками животных, и литейные формочки, среди которых имеются служившие для отливки подражаний диргему.

В более южной части Урала, в Челябинской области, были произведены археологические работы под руководством К. В. Сальникова. На берегу озера Кысы-Куль, в Миасском районе, исследовалось древнее поселение, на площади которого было вскрыто 244 кв. м. Культурный слой залегал на глубине 0,25—0,40 м и содержал предметы, характерные для времени, переходного от неолита к бронзовой эпохе. Керамика представлена круглодонными сосудами с примесью талька, орнаментированными гребенчатым чеканом и резными и ямочными узорами. Среди орудий труда преобладают каменные грубообитые рубила, ножевидные пластины, листовидные наконечники стрел, скребки разных форм, резцы, отбойники; другие поделки из камня—песты, куранты, шлифовальные камни, рыболовные грузила. Металлические изделия представлены лишь одним медным ланцетовидным ножом. Совокупность этих находок позволяет автору датировать стоянку первой половиной II тысячелетия до н. э. Памятники этого рода до настоящего времени были неизвестны в области Южного Урала.

Не менее интересный памятник—городище «Чудаки»—был обследован той же экспедицией близ с. Горохова, Юргамышского района. Городище имеет овальную форму и защищено двойной линией валов со рвом между ними. На городище ведут «ворота» в 6 м шириной. Вся площадь городища достигает 7 500 кв. м. К этому основному укреплению примыкают три площади, также ограниченные валами и рвами, что составляет вместе с основным городищем сложное укрепление с общей площадью до 20 000 кв. м. Культурный слой имеет небольшую мощность—около 0,20 м—и насыщен остатками, среди которых преобладают кости животных, преимущественно домашних—лошади, крупного и мелкого рогатого скота. Среди остатков сосудов устанавливаются формы с округлым дном и высокой горловиной, реже сосуды баночной формы и блюдца. Орнаментированы сосуды редко, обычно по венчику и плечикам. Из остальных находок можно отметить бронзовые трехгранные наконечники стрел, ручные жернова, точильные плиты, каменные грузила, глиняные пряслица, костяные тупики и другие поделки.

На площади городища обнаружены были остатки жилищ в виде полуземлянок, площадью около 35 кв. м, с выходом, обращенным к центру поселения; на дне жилищ открыты очаги и следы столбов, поддерживавших крышу. Сопоставляя материалы, полученные из раскопок городища, с таковыми же, известными из курганов этого района, исследователь склонен относить это поселение к последним векам до нашей эры и связывать его с сарматской культурой.

Тем же исследователем были произведены раскопки в западной части Оренбургской области. В курганной группе, расположенной близ с. Погромного, были исследованы два кургана. Оба они дали погребения бронзовой эпохи; в одном кургане (№ 4) было обнаружено семь погребений, в другом (№ 5)—одно. В большинстве случаев костяки находились в грунтовых ямах, покрытых накатниками из бревен. Погребения сопровождались костями животных—коровы, овцы—и глиняными сосудами; при одном из костяков были найдены бронзовые спиральные височные кольца, одно из которых было обложено золотом. Костяки, как правило, лежали на левом боку в скорченном положении, с руками у лица; в некоторых случаях наблюдалось присутствие красной краски и мела. Как исключение, рядом с погребениями-трупоположениями, было встречено одно, совершенное через трупосожжение,—факт хотя известный для данного времени, но редко встречающийся в этом районе. Интерес этих раскопок заключается в том, что как в обряде погребения, так и в могильном инвентаре устанавливаются черты, общие для погребений так наз. хвалынского типа с таковым же андроновского, что определяет Оренбургские степи, как место стыка этих двух культур.

В Сталинградской области, по нижнему течению р. Иловли, были проведены под руководством И. В. Синицына работы по выявлению и исследованию памятников этого малоизвестного в археологическом отношении района. Кроме общего обследования, были произведены раскопки 14 курганов близ ст. Иловлинской и хутора Авиловского. В курганах было вскрыто и изучено 23 погребения, относящиеся к разным эпохам. Больше половины общего числа исследованных погребений относится к бронзовой эпохе. Из них два погребения в глубоких грунтовых ямах относятся к более раннему времени, чем остальные, находившиеся в насыпях и на горизонте. Костяки этих погребений лежали в скорченном положении и сопровождались обычным небогатым могильным инвентарем, среди которого преобладали глиняные сосуды баночной формы. Погребения этого типа являются весьма характерными для поздней бронзы наших юго-восточных степей.

Следующая группа погребений относится к сарматскому времени и датируется I—III вв. н. э. Они были находимы иногда в могильных ямах прямоугольной формы, иногда в могилах с подбоями. Для некоторых погребений этого типа были использованы более ранние курганы—бронзовой эпохи. Черепа костяков в некоторых случаях носят следы деформации. В состав могильного инвентаря входили: глиняные сосуды в виде горшков, кувшинов и мисок, иногда лощеных, железные короткие мечи с прямым перекрестием и кольцевидным навершием, железные мелкие трехгранные черенковые наконечники стрел, ножи, бронзовые фибулы, зеркала, бусы. Погребения сопровождались обычно костями овцы.

К более позднему времени (VII—IX вв.) относится кочевническое погребение, костяк которого находился в гробу-колоде, поставленном в подбое, за пределами которого, во входной яме, были положены голова и ноги коня. При костяке были остатки сложного лука 1,45 м длины, от которого сохранились костяные обкладки, колчан из бересты с 14 железными наконечниками стрел, железные и бронзовые пряжки, обоймы, кольца, костяные пряжки.

Наиболее поздним из исследованных памятников было погребение золотоордынской эпохи XIII—XIV вв.

Далее на юг, в долине р. Маныча, работала экспедиция под руководством Г. В. Подгаецкого. Экспедиция продолжила работы, начатые в предшествовавшие годы, по изучению памятников на территории строительства Манычского канала. Плотина, преграждающая течение р. Маныча у хутора Веселого (того же района), своим южным концом должна была разрушить курганную группу, состоящую из трех насыпей. Эти три кургана и были раскопаны в 1937 г. Один из них имел значительную высоту—4 м, остальные были меньших размеров. Всего в этих курганах было вскрыто 24 погребения. Основные из них относились к эпохе бронзы. Они помещались в большом кургане—в грунтовой яме, а в малых—в катакомбах. Костяки находились в скорченном положении и сопровождались сосудами, в небольшом количестве—украшениями и костями животных. Следует отметить факт деформации черепа одного из костяков. Деформация черепов хорошо известна в памятниках более позднего времени и лишь за последние годы была установлена в погребениях бронзовой эпохи. Данный случай является третьим по счету, причем все они наблюдались в долине р. Маныча. Остальные погребения относятся к скифо-сарматскому времени. Одно из них заслуживает внимания по своему могильному инвентарю. Оно было впущено в насыпь кургана, содержавшего погребение эпохи бронзы. Костяк лежал в вытянутом положении и сопровождался двумя сосудами, из которых один был чернолаковый, железными кинжалом и ножом, бронзовой поясной ажурной бляхой с изображением верблюда, круглой железной пряжкой и оселком. Датируется погребение III—II вв. до н. э.

В Краснодарском крае в 1937 г. был проведен ряд археологических работ. М. А. Миллером произведена была разведка на Тонком мысу близ Геленджика. Здесь было обследовано шесть курганных групп, повидимому, однокультурных. Один из курганных могильников (№ 1) состоит из близко одна к другой расположенных насыпей высотой 0,70—1,20 м, общее число которых достигает сотни. Основания насыпей обычно окружены каменными плитами, поставленными на ребро; иногда плиты, также образующие круг, помещены горизонтально. Посредине такого круга, на небольшой глубине 0,20—0,50 м. находится гробница—ящик из каменных плит, содержащий погребение. В этой курганной группе было вскрыто 5 гробниц, содержащих остатки 9 костяков. Установлена разновременность погребений, т. е. использование старых гробниц для более поздних погребений. Костяки сопровождались глиняными сосудами, обычно формы кувшина или амфоры, железными ножами, огнивами, наконечниками стрел, кольцами, пряжками, бусами и др.; при одном погребении были обнаружены остатки железного шлема. Исследователь определяет погребения, как принадлежащие черкесскому племени натухайцев, и датирует их промежутком времени XII—XVII вв.

Значительные работы как разведочного, так и раскопочного характера были проведены в Краснодарском крае под руководством Н. В. Анфимова. Раскопки производились на ранее открытом могильнике № 2 ст. Усть-Лабинской.

На вскрытой площади в 195 кв. м было обнаружено 47 погребений, которые исследователь делит на три хронологические группы: 1 (VI—V вв. до н. э., 2) IV—II вв. до н. э. и 3) I—II вв. н. э., отличающиеся друг от друга как ритуальными особенностями, так и характером могильного инвентаря. Группа первая, включающая в себя небольшое число могил, представлена погребениями чаще в вытянутом, реже в скорченном положении, ориентированными преимущественно на юг. Инвентарь состоит из лепных сосудов, чашек, мисок, кувшинов и горшков, железного наконечника копья, бронзовых проволочных браслетов, бронзовых серег и пр.

Преобладающей по численности является вторая группа, в которую входят 25 погребений. Они сопровождались сосудами, из которых лишь горшки были лепными, остальные сделаны на гончарном кругу; к ним относятся кувшины разных форм и величины, канфары, трехручные чаши, скифосы, миски, иногда с крышками, и др. Из остальных предметов инвентаря надо отметить железные дротики, наконечники копий

и стрел, ножи, удила, а также предметы украшения, как бусы, височные кольца, браслеты, кольца, бляшки от поясов и зеркала. Особенностью этой группы погребений были сопровождающие некоторых из них остовы лошадей; в одном случае были обнаружены в могиле вместе с человеческим костяком четыре конских скелета, в другом—один.

Третья группа представлена небольшим числом погребений, инвентарь которых близок к инвентарю погребений второй группы, давая лишь некоторые хронологические отличия, позволяющие датировать эти погребения более поздним временем.

Небольшие пробные раскопки были поставлены на городище № 3 ст. Усть-Лабинской. Раскопом была выяснена стратиграфия городища, культурный слой которого достигает мощности в 3 м. По структуре и характеру находок он расчленяется на три наслоения: нижнее—относящееся к скифскому времени, среднее—к эллинистическому периоду и верхнее—к римскому.

Следующей работой этой же экспедиции было обследование низовьев р. Кубани.

Первым объектом работ здесь было городище, расположенное в 10 км от ст. Варениковской, близ Семибратных курганов. Было обнаружено, что разрушению подвергалось здание четырехугольной формы, стены которого были сложены из массивных рустованных плит ракушечнаго известняка. На городище был собран подъемный материал. Исследователь не имел возможности без постановки больших раскопок определить все время существования древнего города, но все же устанавливает для него дату—вторая половина V в. до н. э. Затем было обследовано городище в хуторе Батарейном, Греческого района. В окрестностях городища была установлена целая система валов и рвов, составляющая вместе с ним сложный комплекс укреплений. Подъемный материал с центральной части городища относится к разным периодам: к эллинистическому времени, римскому времени и средневековью. Кроме этих двух городищ, в низовьях Кубани было обнаружено несколько селищ, относящихся к эпохе средневековья.

Большая экспедиция под руководством М. И. Артамонова была проведена в Чечено-Ингушской АССР и Дагестанской АССР. Экспедиция спланирована на несколько лет. В 1937 г. она провела рекогносцировочную работу по маршруту: Грозный-Ведено, Харачой, Анди, Ботли, Хунзах, Гуниб, Ходжал-Махи, также были обследованы окрестности г. Буйнакска. Открыто было и частично исследовано значительное число памятников, относящихся к разным эпохам. Наиболее интересным из них был могильник бронзовой эпохи у с. Харачой, где было вскрыто 22 погребения; костяки в скорченном положении находились в каменных ящиках и сопровождались глиняными сосудами, медными браслетами и височными кольцами, бусами и другими украшениями. Датируется могильник началом I тысячелетия до н. э.

Другой могильник, расположенный близ сел. Исти-Су, относится к более позднему времени и датируется серединой I тысячелетия до н. э. Костяки лежали в грунтовых ямах, иногда в скорченном, иногда в вытянутом положении. При них были глиняные сосуды разных форм, железные наконечники копий, ножи и различные украшения, среди которых интересна бляха с гравированным изображением собаки, найденная вместе с медными фибулами кобанского типа. Многие черты этого памятника связывают его, с одной стороны, со скифскими погребениями степной полосы, и с другой—с могильниками горного Кавказа.

Ко времени последнего могильника, вероятно, относится святилище в местности Кулатль у с. Карата. Здесь на вершине горы, еще до приезда экспедиции, были сделаны случайные находки: фигурка козла и фигурка человека,—обе из бронзы. В раскопе, заложенном экспедицией, была найдена еще одна аналогичная фигурка человека и навершие в виде железного трезубца. Еще одна бронзовая статуэтка (женщины) была найдена на вершине горы близ с. Согратль, где также предполагается наличие древнего святилища.

На берегу р. Сунжи у с. Алхан-Кала в обширной курганной группе было вскрыто 5 насыпей, под которыми обнаружены были сложные могильные сооружения в виде больших подземных камер, в которые вели узкие входные ямы в 5 м глубиной. Погребения, находившиеся в камерах, были разграблены еще в древности и о культуре памятника можно было судить лишь по случайно уцелевшим после ограбления отдельным предметам могильного инвентаря. Были найдены глиняные сосуды, бронзовые фибулы, мелкие золотые нашивные бляшки, золотые подвески со вставками из цветных камней, египетский скарабей и др. Эти вещи датируются II—III вв. н. э.

У с. Каранай были вскрыты три каменных подземных склепа, содержавших погребения, при одном из которых были найдены два полных конских остова. Склепы датируются V—VI вв. н. э.

Последним исследованным памятником был могильник у с. Дуба-Юрт на р. Аргуни, где было раскопано 8 катакомб с богатыми погребениями IX—X вв. Катакомбы захоронивались разновременно и некоторые из них содержали до шести костяков. При погребенных были найдены железные топоры, ножи, глиняные сосуды и большое число личных украшений, как-то: бус, браслетов, перстней, подвесок, а также зеркал и богатых поясных наборов.

Кроме перечисленных, экспедицией было открыто и обследовано большое количество памятников, относящихся ко времени домусульманского средневековья: поселения и связанные с ними грунтовые могильники, а также памятники христианскаго культа.

На территории Грузинской ССР в причерноморской части Абхазии С. Н. Замятиным продолжались работы по изучению палеолита. В 1937 г. исследовалась пещера близ с. Ахштырь. Раскоп в 60 кв. м был заложен на второй площадке пещеры. Мощность наслоений, содержавших культурные остатки, достигала местами 5 м.

Нижние слои относятся к мустьерскому времени и содержали кремни соответствующих форм и кости животных, среди которых отмечается пещерный медведь. Вышерасположенные культурные слои относятся к верхнепалеолитическому времени, позднему неолиту, первым векам нашей эры и средневековью.

В Абхазии же Б. А. Куфтиным производились исследования долменов в Кюр-Дере, Эшерскаго сельсовета. Удалось установить, что долмены служили для погребений в три последовательных периода: в древнейший период, в инвентарь которого входили из металлических вещей исключительно медные, затем в раннекобанское время и, наконец, в античную эпоху.

На территории Крымской АССР и в прилежащей к ней части Украины были произведены раскопки на месте древних античных городов на Керченском полуострове, в Херсонесе и в Ольвии.

Керченская экспедиция под руководством В. Ф. Гайдукевича продолжала начатые в предшествовавшие годы работы в двух пунктах: в 11 км от г. Керчи на месте древнего города Тиритаки и в 4 км от Керчи—на городище Мирмекия.

Раскопками 1937 г. в Тиритаке в слоях римского времени были открыты 14 цементированных ванн, в которых производилась засолка рыбы. Таких ванн в предшествующие годы было вскрыто около 30 шт. Это служит указанием на то, что Тиритака была крупным рыбопромышленным центром. На ее торговое значение указывает находка, сделанная экспедицией в этом же году: был найден закопанный в землю глиняный кувшин, содержавший 2 000 монет, относящихся преимущественно ко времени царя Рескупорида V. Клад этот, как можно предположить, обязан своим происхождением имевшим место в жизни города этого времени вторжениям варваров. К античной же эпохе относятся две интересные находки из раскопок экспедиции: мраморный торс Диониса со шкурой барса позднеэллинистического времени и обломок мрамора с высеченной на нем надписью I в. н. э. В юго-восточной части городища были открыты остатки—фунда-

мент и части стен трехнефной базилики VI в. н.э. При раскопках этого сооружения были найдены его архитектурные части—капители, на одной из которых имеется изображение креста, мраморные колонны, многочисленные обломки мраморных облицовочных плиток.

На территории древнего Мирмекия раскопками была вскрыта крепостная стена VI в. до н.э., имевшая толщину 2,40 м. Стена была снабжена башнями, одна из которых была исследована. Вдоль стены обнаружена улица, выложенная щебнем, с проходящим вдоль нее водосточным каналом. Затем были открыты жилые помещения, среди которых одно, судя по печи, жерновам и т. п., было пекарней. Найдено значительное количество домашней утвари, художественных терракот, а также обломок мраморной плиты с частью стихотворной надписи IV в. до н. э.

Систематические раскопки в Херсонесе ведутся с 1931 г. Г. Д. Беловым. Работы 1937 г. производились в квартале, находящемся между двумя поперечными улицами: *IX*—с востока и *X*—с запада. Всего было вскрыто 1 500 кв. м. К классическому периоду относится некрополь, в котором вскрыто было 20 погребений, из которых 10 взрослых и 10—детских, последние в амфорах. Погребения сопровождались небогатым инвентарем и датируются V—половиной IV в. до н. э.

В слое эллинистического периода (IV—I вв. до н. э.) были открыты остатки нескольких зданий. Одно из них было, судя по монументальности постройки, мозаичному полу и остаткам штукатурки с росписью, богатым домом. Среди находок в засыпи этих зданий преобладает керамика; наиболее обычной является местного производства, но имеется и привозная из Синопы, Гераклеи, Родоса, Фасоса. Среди нескольких десятков найденных монет немногие относятся к IV в., а большинство—к III—II вв. до н. э. Между временем существования этих зданий и временем застройки этого места в римскую эпоху прошел значительный срок, на что указывает разделяющий их толстый аморфный слой. Открытые здесь постройки римского периода характеризуются особой монументальностью, большими размерами и благоустройством. Среди них открыты здания, связанные с виноделием и рыбным промыслом. Время постройки этих сооружений относится к I—II вв., перестали они существовать в IV—V вв.

Кроме памятников античности, на территории Херсонеса открыты значительные следы жизни средневековья более раннего периода—VI—X вв. и более позднего—XII—XV вв. К более раннему периоду относятся остатки нескольких домов, в одном из которых было открыто подвальное помещение, служившее кладовой. На полу кладовой было обнаружено огромное количество глиняной посуды—пифосы, амфоры, особенно много кувшинов, а также найдены в большом числе обломки белоглиняной поливной посуды, блюда, миски, тарелки. Такое количество посуды, сосредоточенной в одном помещении, по предположению исследователя, определяет назначение этого помещения, как кладовой для хранения посуды, предназначенной для продажи. К позднесредневековому периоду относится также несколько домов, из которых один выделяется и своими крупными размерами и богатством инвентаря. В его состав входили несколько помещений, кладовая с запасами продуктов питания—остатки ячменя, пшеницы, рыбы, а также баня. От последней сохранились части стен, пол, печь и отопительная система, что дает возможность хорошо изучить сооружения этого типа. К этому же периоду относится открытая раскопками небольшая часовня с двумя гробницами, расположенными внутри нее. За стенами часовни также находились связанные с нею погребения, причем в одной могиле иногда находилось по нескольку костяков.

Раскопки в Ольвии, производившиеся под руководством Л. М. Славина в 1937 г., были развернуты на двух участках: в северо-восточной части верхнего города и в южной части нижнего, и явились продолжением работ, начатых в предшествовавшие годы. В верхнем городе исследовался некрополь, существовавший с середины VI—до конца V в. до н.э. Здесь были вскрыты 11 погребений, давшие некоторые особенности, харак-

терные для местных скифских погребений. В могильном инвентаре наиболее интересными являются расписные сосуды архаических стилей, происходящие с Родоса и Самоса. В этой же части города были вскрыты здания, относящиеся к IV в. до н. э. Одно из них состоит из 11 помещений, связанных тремя мощеными двориками. Общий характер этого строительного комплекса, находки алтариков из известняка и терракот культового значения позволяют предположить, что здание играло роль общественного места.

В южной части города было закончено изучение большого здания пекарни I—III вв. н. э. В нем было 12 отдельных помещений, в семи из которых находились печи большого размера; в других помещениях были найдены крупные пифосы и амфоры, служившие для хранения зерна и муки. На этом же участке была открыта часть оборонительной стены с пристроенными к ней жилыми помещениями. При раскопках найдено свыше 2 000 предметов, среди них 350 монет, изделия из железа и бронзы, керамика с клеймами, терракоты, сосуды и др.

Изучение памятников средневековья в Крыму производилось близ Черкес-Кермена и близ Инкермана. В первом из этих мест продолжались раскопки Эски-Керменского городища, где был вскрыт участок около 600 кв. м в восточной части города. Здесь были обнаружены нижние части стен двух зданий с подвалами, которые были вырублены в скале. Здания эти, как и вскрытые в 1936 г., погибли катастрофически, о чем свидетельствуют не только их остатки, но и факт нахождения в подвальном помещении скелетов, повидимому, обитателей дома, погибших во время пожара. Были найдены костяки мужчины, женщины и двух детей, при них золотой перстень и монеты: одна золотая византийская и три серебряных восточных. Эта находка аналогична сделанной при раскопках 1936 г., когда также в подвале найдены были скелеты мужчины, женщины и ребенка, на черепах которых были следы сабельных ударов. Монеты и другие вещественные памятники датируют время гибели домов второй половиной XIII в. и это позволяет связать разрушение города с нашествием эмира Ногая, разгромившего в 1299 г. ряд крымских городов. Кроме раскопки этих домов, в Эски-Кермене было начато исследование оборонительных сооружений города. Зачищены были постель крепостной стены и часть башен, вырубленных в скале, освобождены от завалов камней малые южные ворота и вскрыты остатки гарнизонных зернохранилищ. Крепостные сооружения Эски-Кермена возникли в V—VI вв. и позже неоднократно перестраивались и ремонтировались.

В районе Инкермана были произведены археологические работы в связи с намеченным разрушением скал Монастырской и Загайтанской, которые дали трещины и грозили обрушиться на проходящий под ними железнодорожный путь. Эти скалы заключали в себе многочисленные пещерные сооружения, а бровки скал были перекрыты культурными отложениями бывшего здесь города Каламиты. Было зачищено, обмерено и описано 140 пещерных сооружений различного назначения—жилых домов, храмов, хозяйственных сооружений. В пещерных храмах было установлено под побелкой наличие хорошо сохранившейся фресковой росписи конца XII в. Общая дата этих сооружений—XIII в. На Монастырской скале были вскрыты основания построек г. Каламиты, начало которого может быть отнесено к VII—VIII вв.

В Азиатской части СССР, как в Сибири, так и в Союзных республиках Средней Азии, также произведен ряд археологических исследований,.

В Восточной Сибири А. П. Окладниковым продолжались работы, начатые в 1936 г., по археологическому обследованию долины р. Ангары. В 1937 г. был сделан маршрут по нижнему течению Ангары от г. Братска до с. Стрелки (место впадения Ангары в Енисей). В результате было открыто одно палеолитическое местонахождение у д. Мозговой (Верхняя Колыма), 85 неолитических стоянок, между которыми одна, расположенная на о. Каменном, дала неолитическую мастерскую—место выработки каменных

и костяных орудий, а также свыше 50 неолитических и энеолитических погребений. Погребения представляют особый интерес, главным образом, в отношении богатства и своеобразия могильного инвентаря. Эти погребения были открываемы на протяжении всего маршрута. Обычно они прикрыты каменными кладками и дают иногда трупосожжения, иногда трупоположения. В состав инвентаря входят каменные орудия: нефритовые долота, топоры из сланца, наконечники копий и стрел, парные лощила (для обработки древков стрел); костяные остроги и пластины от лука усиленного типа, различные украшения из нефрита, как подвески, кольца, украшения головного убора и т. п.; сравнительно редкие поделки из меди—листовидный кинжал, игла в костяном игольнике, пластинки. Среди находок следует отметить скульптурное изображение лося из рога, близкое по своей реалистической трактовке к подобному же известному изображению, происходящему из Базаихи на Енисее.

К более позднему времени относятся погребения, открытые близ Сосноваго Быка, ниже Мурскаго порога. Они сопровождались бронзовыми трехперыми и костяными наконечниками стрел, медным кинжалом без рукоятки, гарпунами и глиняными круглодонными сосудами с тонкими налепными поясками. С этими погребениями связаны и места поселений, где вместе с керамикой, аналогичной находимой в погребениях, были открыты следы примитивной выплавки железной руды. Совокупность этих признаков позволяет относить весь комплекс этих памятников к особой таежной культуре раннего железа.

Писаницы, открытые во время обследования, дают разнообразные и разновременные изображения.

Другим районом работ были окрестности с. Н. Буреть, где в предыдущем году была открыта верхнепалеолитическая стоянка. Здесь была произведена шурфовка, выяснено распространение культурного слоя на площади около 500 кв. м, обнаружены были остатки трех жилищных комплексов, сопровождавшихся костями мамонта, севернаго оленя и лошади.

В 1937 г. продолжались М. М. Герасимовым проводившиеся в течение последних лет раскопки известной палеолитической стоянки у с. Мальта на р. Белой близ г. Иркутска. Помимо вскрытия площади в 80 кв. м, на которой были обнаружены остатки большого жилища в виде полуземлянки и были обнаружены обычные для этой стоянки кремневые орудия и изображение летящей птицы, сделанное из кости, была проведена разведка на распространение культурного слоя этой стоянки к югу и северу от места раскопок. Было выяснено, что культурные остатки, характеризующие стоянку, имеют распространение вверх по реке к северо-западу от места прежних раскопок; общая площадь, занятая культурными остатками, равняется 500 кв. м.

Кроме работ на Мальтинской стоянке, была произведена разведка на нижнем течении р. Белой на стоянке Усть-Белая, где имеется несколько разновременных культурных напластований. Наиболее интересным представляется нижний слой, содержащий остатки поздней так наз. Бадайской стадии сибирского палеолита. Раскоп площадью в 70 кв. м обнаружил в этом слое семь кострищ с сосредоточенными вокруг них кремнями и костями животных. Найдены крупные скребки, нуклеусы, мелкие скребки, костяные плоские гарпуны; кости принадлежат благородному оленю, косуле, волку и бобру.

В предгорьях Северо-западного Алтая А. П. Марковым было проведено обследование по маршруту г. Бийск—с. Смоленское и далее по течению р. Песчаной до с. Солоновки. На протяжении этого маршрута был зарегистрирован ряд памятников, главным образом, курганов. В курганной группе близ с. Солоновки было раскопано шесть курганов, из которых два, давшие нетронутые погребения, следует отметить. В кургане № 1 этой группы было обнаружено погребение через трупосожжение, которое сопровождалось комплектом предметов вооружения; в него входили железные меч, топор, наконечники стрел и удила. Погребение датируется VIII—X вв. н. э. Курган № 4

содержал женское погребение с конем, сопровождавшееся костяными втульчатыми наконечниками стрел, глиняным сосудом и бронзовой пряжкой. Умершая, повидимому, была завернута в покрывало, от которого сохранились 179 тонких золотых нашивных бляшек в форме квадратиков и прямоугольников. Дата погребения II—I вв. до н. э.

В Казахской ССР, в Калбинских и Нарымских горах (Восточно-Казахстанская обл.), были проведены А. А. Иессеном и С. С. Черниковым работы по изучению памятников древнего горного дела и металлургии. Эти работы служили продолжением начатых в 1935 г. Обследован был район, расположенный по Иртышу, ниже Усть-Каменогорска, затем южная часть Калбинских гор и далее правый берег Иртыша в районе Нарыма. Был открыт и изучен ряд месторождений оловянного камня, разрабатывавшегося в древности, изучалась техника проходки горных выработок. Работы этого года, так же, как и 1935 г., не обнаружили мест выплавки металла, что заставляет предположить о доставке олова в руде в районы добычи меди, где производилась совместная плавка медной и оловянной руд. Наблюдения, произведенные во время работ, позволяют датировать калбо-нарымскую древнюю добычу олова I тысячелетием до н. э.

Кроме работ по древнему горному делу, в пройденных районах был произведен учет и обследование ряда других памятников, среди которых представляют большой интерес некоторые из писаниц.

В пределах Узбекской ССР были произведены Г. В. Григорьевым раскопки древних поселений разного времени; у г. Ташкента работы проводились на городище Коунчи-Тепа, где было установлено два культурных слоя. Верхний слой, мощность которого достигала 4 м, относится ко времени раннего железа, т. е. к середине I тысячелетия до н. э. В нем были открыты в большом количестве обожженные зерна пшеницы и ячменя, кости козы, овцы, лошади, коровы, свиньи, верблюда и собаки, глиняные сосуды, носящие на себе изображения животных, чаще всего барана, а также наконечники стрел и дротиков, каменные молотки и др. Нижний слой относится к эпохе бронзы; среди поделок преобладают сделанные из рога благородного оленя: мотыги, наконечники стрел и копий, рукоятки орудий. Кости животных принадлежат корове, лошади и овце. Керамика—с отпечатками ткани на внутренней стороне сосудов. Сравнительно с верхним слоем нижний занимает меньшую площадь и значительно уступает ему в мощности.

Другим исследованным памятником было городище Тыла-Боргу близ г. Самарканда, представляющее из себя многослойное поселение, существовавшее с VI в. до н. э. до VIII в. н. э. Наиболее древние слои по своему содержимому связываются, с одной стороны, с материалами верхнего слоя Коунчи-Тепа и, с другой,—со слоями бронзовой эпохи городища Анау. Вышерасположенный слой характеризуется эллинистическими чертами: терракотовые статуэтки, энохея и др. Выше лежат слои, относящиеся к первым векам нашей эры. Слои VI—VII вв. н. э. дают керамику, которая повторяет своими формами и орнаментацией сасанидские серебряные сосуды. Самые верхние слои датируются монетами с согдийскими письменами. Каждому из этих наслоений соответствуют особые архитектурные комплексы, состоящие из глинобитных сооружений.

В. Гольмстен

Изучение древней истории в Институте востоковедения Академии наук СССР

Институт востоковедения в течение ряда лет ведет научно-исследовательскую работу в области изучения древней истории стран народов советского и зарубежного Востока. Образованием исторического сектора институт объединил работу востоковедов-историков и подчеркнул ее актуальное значение. Во всех кабинетах института ис-

следования сосредоточены на темах исторического характера, связанных с изучением Ближнего и Дальнего Востока. Помимо того, в своем составе институт имеет специальный кабинет по истории древнего Востока, возглавляемый акад. В. В. Струве. Благодаря этому в план 1938 г. и в план третьей пятилетки институт имел возможность включить ряд тем и по древней истории.

В течение 1937 г. институт начал, а в 1938 г. продолжил работы на востоковедческие темы для многотомного издания по всеобщей истории, подготовляемого Академией наук, и для пятитомника «История СССР с древних времен до Сталинской Конституции».

Известно, что ряд тем и разделов для «Всеобщей истории» требует большой предварительной работы и монографических исследований, на основе которых и вырастает соответствующая глава более общего содержания. Поэтому ряд тем, имеющих особо принципиальное и актуальное значение, разрабатываются научными сотрудниками института в виде капитальных монографий.

Акад. В. В. Струве работает над обширным трудом—«Древнейшая история Египта и Вавилона (IV—III тысячелетия)», размером в 30 печ. листов, который будет закончен к 1942 г. Помимо того, акад. В. В. Струве на основе памятников материальной культуры и клинописных источников пишет работу: «Свободный и несвободный труд в эпоху Хаммураби».

Старший научный сотрудник П. В. Ернштедт подготовил к печати коптские тексты, хранящиеся в Московских собраниях. Им описано и прочитано свыше ста текстов, из которых часть написана на папирусе (42 документа), часть—на черепках. Тексты представляют собой частноправовой материал и частную переписку, могущие дать ценные данные и для историка. В 1938 г. П. В. Ернштедт продолжит работу по подбору и переводу основных категорий коптских документов, имеющих большое значение для изучения экономики Египта в X—XI вв. н. э.

Старший научный сотрудник Ю. А. Солодухо подготовил несколько разделов исследования «История еврейского общества Ирака в II—VI вв.» Вполне закончены и сданы им в печать разделы «Рабство» и «Земледелие». В текущем году он продолжит разработку следующих частей, уделяя особое внимание восстанию еврейского населения Ирака в связи с маздакистским народным движением.

Старший научный сотрудник И. Г. Бендер подготовил к печати свою диссертацию «Азария де Росси, как исследователь древней истории евреев», имеющую историографический интерес. В настоящее время он работает над темой: «История евреев с древнейших времен до завоевания Палестины Вавилоном».

Старший научный сотрудник Н. В. Пигулевская подготовила исследование: «Сирийские источники об Иране и Византии VIII в.», размером в 17 печ. листов, и продолжает в текущем году разработку этой темы. В центре исследования стоят вопросы социально-экономического характера и политическая история византийской и персидской Месопотамии. Кроме того, ею сдана для печатания «Историческая сирийская анонимная хроника по истории эпохи Сасанидов VI—VII вв.» и начата работа по теме «Сирийские источники по древней истории народов СССР» (IV—VII вв.).

Вкладом в изучение древней истории народов Среднего Востока будет издание перевода древнеиндийского политико-экономическаго трактата «Артха-шастра», осуществляемого научным сотрудником В. И. Кальяновым под руководством акад. Ф. И. Щербатского.

Старший научный сотрудник А. Н. Бернштам подготовил к печати работу «Орхоно-енисейские тюрки VI—VIII вв.» В текущем году он работает над частью своего большого исследования— «Древний период истории тюркско-татарских племен и народов».

Старший научный сотрудник Л. И. Думан подготовил «Лекции по древней истории Китая (XII в. до н. э.—I в. н. э.)», изданные литографским способом в б. Ленинградском Восточном институте.

Общими силами китайского кабинета к печати подготовляется многотомный неопубликованный перевод Иакинфа Бичурина (начало XIX в.) китайского исторического сочинения Тун Цзянь ган му. Первые томы этого перевода относятся к древнему периоду истории Китая.

Помимо того, сотрудники Института востоковедения участвуют в издании пятитомной «Истории СССР» и многотомной «Всемирной истории».

Старшие научные сотрудники В. К. Дондуа и С. Т. Еремян для I тома «Истории СССР» по разделу «Культурные народы Закавказья и Средней Азии во II—VII вв. н. э.» пишут главы по истории древней Грузии и Армении. Их работа охватывает историю Армении в эпоху Аршакидов, а затем историю Грузии, Армении и юго-западной части Средней Азии под властью Сасанидов.

А. Н. Бернштам совместно с научными сотрудниками ИИМК работает над главой I тома «Степи Восточной Европы и Сибири в первой половине I тысячелетия н. э. (аланы и гунны)», которая даст представление о народах, кочевавших в древности по необозримым степям нашей родины. Им написана также глава о тюркском каганате.

Для «Всемирной истории» те же темы развиваются несколько шире, насколько это позволяют размеры издания.

Главу «Гуннская проблема. Хунну и гунны. Гунны по китайским источникам и нашествие гуннов» пишет А. Н. Бернштам.

Старший научный сотрудник Д. А. Сулейкин работает над главой «Империя Гупта в Индии». Главу «История Китая в первых столетиях н. э.» пишет Л. И. Думан.

Для II тома «Всемирной истории» В. К. Дондуа и С. Т. Еремян представят главу «Грузия и Армения до IX в. н. э.».

Наряду с изучением истории древнего мира, следует отметить изучение истории древней философии в стенах Института востоковедения. Продолжает свои работы над историей философии древней Индии акад. Ф. И. Щербатской.

Старший научный сотрудник А. А. Петров работает над большой темой: «Из истории материалистических идей в древнем Китае». Отдельные части этого труда, как «Ван-Чун и его философское учение (I в. н. э.)» и «Учение Ян Чжу», уже подготовлены им к печати. Последующие главы: «Проблема бытия и небытия у Пэй-Вэя (анализ фрагмента философского трактата III в. н. э.)», «Фань-Чжэнь, китайский философ V—VI вв. н. э.» будут закончены в 1939 г.

Даже этот краткий обзор дает возможность видеть, что Институт востоковедения теперь стал лучше откликаться на требования, предъявляемые советской исторической науке вообще и изучению древней истории в частности.

Институт начал ныне серьезно и последовательно выращивать и молодые кадры, среди которых растут историки, специализирующиеся не только по истории средних веков и нового времени, но и по древнему периоду. Конечно, еще далеко не все отрасли древней истории Востока представлены в институте.

В Институте антропологии МГУ

Научно-исследовательский институт антропологии Московского Государственного университета ведет свою работу по трем основным разделам: морфологии и генетике человека, антропогенезу, расоведению. Тематика разделов антропогенеза и расоведения в большой степени связана с археологическими исследованиями, которые Институт антропологии проводит в течение ряда лет. В связи с поисками костных остатков ископаемого человека институтом ведутся разведки и раскопки палеолитических и эпипалеолитических стоянок в Крыму и Причерноморье (руководитель работ—сотрудник института О. Н. Бадер).

План экспедиции 1938 г. включает разведки на палеолит в восточных предгорьях Крыма и раскопки двух мустьерских гротов (Чагорак-Коба и Волчий грот Мережковского). Институт примет также участие в раскопках гротов близ города Мелитополя, Днепропетровской области, где в 1936 г. О. Н. Бадером были обнаружены, повидимому, древнейшие в СССР изображения, высеченные на потолках гротов. Контрольные раскопки предположено произвести в г. Пятигорске, в том месте, где в 1918 г. была найдена известная Подкумская черепная крышка (первая у нас в Союзе находка костных остатков ископаемого человека, относимая к так называемому неандерталоидному типу). Эти раскопки имеют целью уточнить стратиграфические условия находки, вызвавшие, как известно, большую дискуссию.

Значительное место в тематике института занимают палеантропологические работы, непосредственно увязанные с вопросами древней истории народов СССР. Сотрудником института Г. Ф. Дебецом подготовлена к печати обширная монография по палеоантропологии СССР, где прослеживается смена расовых типов на нашей территории, начиная с эпохи палеолита.

Из лабораторных тем в план 1938 г. включены: антропологическое изучение гипсовидных масок из древних погребений Таштыкской культуры (по материалам Гос. музея антропологии, Исторического музея в Москве, Государственного этнографического музея и Эрмитажа в Ленинграде, Минусинского музея). В антропологическом отношении эти маски совершенно не изучены и могут в значительной степени пополнить наши знания об антропологическом типе населения раннежелезного века Минусинского края.

Второй темой является обработка костного материала из Балановского могильника Чувашии и неолитического могильника с Оленьего острова на Онежском озере.

МАТЕРИАЛЫ

к обсуждению схемы издания

«ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА»

АН СССР

Г. П. ПОЛЯКОВ

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ в «Histoire Générale» Г. ГЛОЦА

(Обзор издания)

Histoire Générale, publiée sous la direction de Gustave Glotz, membre de l'Institut

INTRODUCTION

Prèhistoi

B r e u i l, professeur au Collége de Francê
L a n t i e r, conservateur du Musée des Antiquités nationales

1. HISTOIRE ANCIENN

Première Partie: Histoire de l'Orient

A l e x a n d r e M o r e t, membre de l'Institut, professeur au Collége de France.
T o m e I—Prèhistoire. IV et III millénaires. Egypte, Elam, Sumer et Akkad, Babylone.
T o m e II—II et I millénaires. Les Empires. Rivalité des Egyptiens, Sémites, Indo-Européens.

Deuxième Partie: Histoire Grecque

T o m e I—Des Origines aux Guerres médiques.—G u s t a v e G l o z t, membre de l'Institut, professeur à la Sorbonne, avec la collaboration de R o b e r t C o h e n, professeur au Lycée Henri IV.
T o m e II—La Grèce au V-e siècle. Par les mêmes auteurs.
T o m e III—Le IV-e siècle. La Lutte pour l'hégémonie. Par les mêmes auteurs.
T o m e IV—Alexandre et l'Hellénisation du Monde antique. I-re p a r t i e: Alexandre et les Conséquences de la Conquête.—G u s t a v e G l o t z, P i e r r e R o u s s e l, professeur à la Sorbonne, et R o b e r t C o h e n.
2-e p a r t i e: Les États gréco-macédoniens.—Sous la direction de P. R o u s s e l, par A. A y m a r d, maître de conférence à l'Université de Toulouse, E. B i c k e r m a n n, chargé de cours à l'Ecole des Hautes Etudes, P. C o l l a r t, professeur à la Sorbonne.

Troisiéme Partie: Histoire Romaine

T o m e I—Des Origines à l'achévement de la Conquête (133 avant I.-C.).—E t t o r e P a i s, sénateur du Royaume d'Italie, professeur à l'Université de Rome.
T o m e II—La République romaine de 133 à 44 avant I.-C.
P r e m i é r e s e c t i o n: Des Gracques à Sulla.—G u s t a v e B l o c h, professeur à la Sorbonne, M. J é r ô m e C a r c o p i n o, membre de l'Institut, professeur à la Sorbonne.
D e u x i é m e s e c t i o u: César,—J é r ô m e C a r c o p i n o.
T o m e III—Le Haut-Empire.—L é o n H o m o, professeur à la Faculté des Lettres de Lyon.
T o m e IV—Le Bas- Empire jusqu'en 395.
1-re p a r t i e: La fin de l'Empire paien.—M a u r i c e B e s n i e r, professeur à la Faculté des Lettres de Caen.
2-e p a r t i e: L'Empire chrétien.—A n d r é P i g a n i o l, professeur à ia Sorbonne.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ

Часть первая: «История Востока»—Александр Морэ.

Т. I—Доисторические времена: IV и III тысячелетия, Египет, Элам, Сумер и Аккад, Вавилон.
Т. II—II и I тысячелетия. Восточные монархии. Антагонизм египтян, семитов и индоевропейцев.

Часть вторая: «История Греции».

Т. I—От начала до Персидских войн—Г. Глоц в сотрудничестве с Роб. Когеном.
Т. II—Греция в V в.—Те же авторы.
Т. III—Греция в IV в. Борьба за гегемонию.—Те же авторы.
Т. IV—Александр и эллинизация античного мира.
Часть 1-я—Александр и последствия его завоеваний. Авторы: Г. Глоц, П. Руссель и Роб. Коген.
Часть 2-я —Греко-македонские государства.—Под ред. П. Русселя. Авторы: Эмар, Э. Бикерман и П. Коллар.

Часть третья: «История Рима».

Т. I—От начала до завершения завоеваний (133 г. до н. э.). Автор—Гектор Паис.
Т. II—Римская республика от 133 до 44 г. до н. э. Раздел 1-й—От Гракхов до Суллы. Авторы: Г. Блок и Ж. Каркопино. Раздел 2-й—Цезарь. Автор—Ж. Каркопино.
Т. III—Ранняя империя. Автор—Леон Омо.
Т. IV—Поздняя империя до 395 г. Раздел 1-й—Конец языческой империи. Автор М. Бенье. Раздел 2-й—Христианская империя. Автор—Андре Пиганиоль.

Серия по истории древнего мира из «Всеобщей истории» под ред. Глоца еще не закончена изданием. Первый, вступительный, давно предположенный к выпуску том, озаглавленный «Введение» (Introduction), еще не вышел; заключительный, четвертый том истории Греции и Рима также еще не вышел полностью из печати. Вышел только первый полутом Бенье, с измененным против предположенного заглавием: «Римская империя от воцарения Северов до Никейского собора». Но в общем характер и физиономия этого грандиозного издания достаточно рельефно выявились. Данная работа является типичной для французской историографии, которая вообще славится своим искусством синтезировать в изящной, привлекательной форме достижения кропотливых, узкоспециальных детальных исследований. Положение французской буржуазной историографии всегда было в этом смысле несравненно выгоднее и выигрышнее, чем положение немецкой. Старая немецкая наука поставляла, главным образом, специальные детальные исследования (Einzelforschungen).

Попытками охватить популярно-научными сериями историю человечества был богат во Франции особенно послевоенный период. Но такие серии, как «l'Evolution de l'Humanité» или «Peuples et Civilisations», представляя из себя серии трудов весьма многочисленных авторов, и не претендовали на какую-нибудь органическую цельность. Иное дело—«Всеобщая история» Глоца: она с самого начала была задумана как строго цельная и последовательно проведенная от начала до конца концепция. Образцом и прототипом историографа в значительной мере был для данного издания Фюстель де-Куланж. В основе же построения здесь всего отдела древней истории служили ранее выпущенные капитальные работы двух авторов истории Греции и Рима—Г. Глоца и Г. Блока. И теперь, когда уже

этих первоначальных авторов нет в живых, их труды в прилагаемой к истории библиографии рекомендуются, как основные. После очень длинного перечисления всевозможных исторических трудов на всех языках в заключение говорится: «Ни один из этих трудов не может заменить собою или освободить от необходимости обращаться к труду Г. Блока—«La République romaine». Общая историческая концепция автора этого труда многое нам объясняет при изучении и того построения «Истории древнего мира», которое является предметом нашего обозрения. В предисловии к своему, названному выше, труду Г. Блок давал такую общую концепцию истории человечества: «Можно сказать, что в центре всеобщей истории стоит римская история. Она одной своей стороной погружена в глубины примитивных цивилизаций, а с другого своего конца являет образ обширного государства, организованного на новейший лад, с административным укладом, принципы которого не слишком разнятся от наших, с юридическим правом, которое лежит в основе наших юридических концепций...». И далее, в сущности, рисуются проспект и общие контуры как раз того плана, который проводится в общих чертах, несмотря на крупные отступления, и в рассматриваемой нами «Всеобщей истории». В своем обзоре литературы по римской истории за 1930—1935 гг. в журнале «Revue historique» обозреватель André Piganiol, он же будущий предполагаемый автор заключительного полутома всей «Древней истории» Глоца, выделяет из своего обзора последние по Риму выпуски «Всеобщей истории» Глоца, как заслуживающие особого детального разбора, который должен еще появиться в будущем. Несомненно, что эти томы являются наиболее яркими и становятся в центр всей «Всеобщей истории», в полном согласии с вышеприведенной концепцией покойного Г. Блока. Но со времени этой концепции многое изменилось. Во вступлении к своему обзору античной историографии André Piganiol дает ей такую общую характеристику для текущего момента. Он говорит: «L'histoire ancienne est entrée dans l'âge des manuels et des repertoires. De la science historique elle tend sans doute à devenir la partie la plus rationalisée» («Древняя история вступила в фазу капитальных руководств и фундаментальных справочников. В области исторической науки она готова стать отраслью наиболее, сравнительно с другими, разработанной»). И действительно, законченная только недавно первая часть отдела древней истории—«История Востока», написанная известным французским египтологом А. Морэ, представляет собою объемистый компендиум в двух томах с общей пагинацией в 894 страницы. На первом плане у автора, как у египтолога, разумеется, стоит Египет, затем страны, входящие в состав так называемого «классического Востока»; остальной Восток остается вне поля его зрения. При таком ограниченном горизонте Морэ пытается охватить всю историю входящих в этот кругозор древневосточных стран, от самых далеких доисторических времен до завоевания их Александром Македонским. После попыток Франсуа Ленормана («Manuel d'Histoire Ancienne des peuples de l'Orient», 2-e ed., 1881—1887) и Масперо («Histoire Ancienne des peuples de l'Orient classique», 1895—1899, в трех роскошно иллюстрированных томах) Морэ делает третью аналогичную попытку изобразить в одной цельной картине всю историю классического Востока. В то время как труд Ленормана представляет интерес лишь для истории восточной историографии, труд Масперо, составивший в свое время эпоху, вот уже почти 40 лет как служит весьма авторитетным и полезным справочником. Но и он, ввиду массы важных археологических открытий со времени его выхода, тоже в значительной мере

устарел; поэтому главное значение нового труда Морэ заключается именно в том, что он сумел суммировать все новейшие археологические данные, связывая их в одном живом, последовательном, четко продуманном историческом повествовании, не настаивая на каких-либо рискованных гипотезах, субъективных толкованиях фактов и слишком произвольных, прямолинейных решениях массы возникающих загадок и проблем. Некоторая неравномерность распределения материала все же дает себя чувствовать: некоторые страны и периоды трактуются очень суммарно. На это указывает и французская критика, отмечающая, что, например, на историю Израиля от ее начала до падения Самарии отводится всего 30 страниц и затем на всю еврейскую историю периода персидского владычества—менее 10 страниц.

И это не случайно. Морэ вообще относится крайне отрицательно к традиционной тенденции выдвигать вперед на историческую авансцену «избранные» народы, евреев и греков, и считать базой «избранной» европейской цивилизации Гомера и Библию. Он призывает во имя исторической объективности стать на точку зрения современников «избранных» народов: «В глазах современных им восточных народов,—говорит он,—греки VI в. сами являлись не более и не менее, как «варварами», а израильтяне даже времен Соломона занимали очень скромное место наряду с прочими народами» (стр. 824). Отсюда Морэ делает такой категорический вывод: «Греки и евреи должны быть убраны с исторической авансцены, заполненной их фигурантами, искусственно принявшими исполинские размеры: они должны уступить свое место египтянам, месопотамцам и хананеям, культуры которых были несравненно более древни и, неоспоримо, оригинальны». Вот это, по мнению Морэ, уже «избранные» самой природой народы и страны, чтобы служить колыбелью общечеловеческой цивилизации. Им Морэ и посвящает свою историю Востока, которую он именно так и определяет в первой главе своего труда, озаглавленной «Введение в историю Востока»—«Introduction à l'histoire de l'Orient»: «По обе стороны миниатюрного перешейка, смыкающего наподобие крошечного шарнира два огромных континента Азии и Африки, природа на благодатной почве в близком соседстве взрастила Египет, Сирию и Месопотамию... Население их не было древнейшим в истории рода человеческого, но оно выделило впервые «исторические» народы, именно те, к истории которых без нарушения преемственности восходит наша современная... Там, на этом «Востоке» впервые выработалась культура, из местной превратившаяся в универсальную... И вот она-то, оттуда с Востока распространившись на Западную Европу, образует и по сие время основу нашей цивилизации» (там же). Таким образом, Морэ считает, что своей «Историей Востока» он подводит базу под историю западноевропейской цивилизации.

Но, кроме того, с первых же глав он озабочен подведением под свою «Историю Востока» солидной доисторической базы, и в этом отношении он считает, что его «История Востока» (в узком смысле, как она им понимается) находится в выигрышном положении сравнительно с историей прочих стран: «Во всех прочих частях средиземноморского мира,—говорит он (стр. 800),—пропасть отделяет доисторию от документированной истории: кланы, расы, орудия резко разнятся от эпохи к эпохе, в особенности от палеолита к неолиту. Льды тысячелетиями покрывают Европу, Малую Азию и Центральную Азию, прерывая развитие рас и техники, которые развиваются лишь в промежутках между ледниковыми периодами. Только Египет, Месопотамия и Сирия (кроме некоторых вершин Ливана) спасаются от обледенения, и человек там быстро проходит этапы между

палеолитом и неолитом». Глава II озаглавлена «Доистория Востока» и охватывает период до 3500 г., т. е. «период, предшествующий появлению фигуративных, а затем и письменных памятников». Глава III трактует о предистории (protohistoire) Египта и Месопотамии (3500—3200 гг.). Под этой предисторией Морэ разумеет переходный период от доисторических цивилизаций к эпохе I и II династий в Египте. Глава IV описывает «Египет под властью этих двух династий» (3115—2895 гг.), эпоху «возникновения централизованной монархии». Глава V посвящена эпохе Древнего царства, начиная с III и до VIII династии (2895—2360 гг.), эпохе «апогея и упадка абсолютной монархии». Глава VI озаглавлена: «Появление первых семитов в Западной Азии». Это своего рода переломный пункт в «Истории Востока» Морэ. Он резко противополагает египетских фараонов, царящих над мирными оседлыми массами (sédantaires, pacifiques), царям Вавилонии и Ассирии, которые постоянно приходят в соприкосновение с кочевниками, поглощают целые массы их, растворяющиеся в населении их царств, и сами сплошь да рядом ведут происхождение от номадов. Египетские фараоны, возглавлявшие «уравновешенную» египетскую расу, неизменно являются в изображении Морэ блюстителями порядка и политического равновесия не только в Египте, но и в Азии, поскольку на нее распространялась сфера египетского влияния. В главах VII—IX (стр. 305—425) сообщаются беглые краткие сведения о Месопотамии (гл. VII), о сумерах и аккадах и их соперничестве (гл. VIII), об аморитах, Вавилоне времен Хаммураби и, наконец, о переселениях арийцев, хеттов и касситов. Глава X возвращается к истории Египта, описывает переход от Древнего царства к Среднему (IX—X династии, 2360—2160 гг.), расцвет Среднего царства (XI—XII династии, 2160—1788 гг.), сношения с Азией в эту эпоху, нашествие гиксосов на Мемфис и касситов на Вавилон, конец Среднего царства (XIII династия, 1788—1660 гг.). Главы XI и XII трактуют о Новом царстве (1580—1085 гг.) и о «политическом равновесии» на всем Востоке, водворяемом египетскими фараонами XVIII, XIX и XX династий в союзе с более других «уравновешенными» азиатскими народами. Во время этого «кондоминиума» Египет достигает, по выражению Морэ, своей полной зрелости. Но уже начинает чувствоваться к концу периода некоторая усталость, и когда кондоминиум Египта с хеттами рушится, исчезает и «полное политическое равновесие» на всем Востоке. Глава XIII представляет своего рода интермедию, описывает хозяйничанье «мелких народов» в Азии—сирийцев, финикиян, израильтян, их историю с XII по VII в. до н. э. Глава XIV рисует судьбу Египта, его дробление, а также судьбу Ассирии и Вавилона (1100—612 гг.). Глава XV выводит на историческую сцену Персию и озаглавлена «Персидское царство и Египет». Заключительные слова этой главы (стр. 799) говорят о том, что престиж Египта остался, и после его падения, в веках нерушимым. «В IV веке тысячелетняя традиция, пред которой преклонились даже греки, именно в Египте утвердила трон господства над Востоком».

В заключительной части всего своего труда Морэ так характеризует тот же момент (стр. 822): «Грекам нехватало для управления Востоком «социальной доктрины» (doctrine sociale). И вот, народ Нила, самый стойкий из всех живших на свете, снабжает новых владык Востока политическим и психологическим опытом монархии, основанной на божественном праве, опытом испытанных учреждений и кодексом социальной морали как для администрируемых, так и для воспитания администраторов». «И в конце первого тысячелетия,—заключает Морэ,—опять древний Восток,

творец метафизики и религии, одержал моральную победу над своими победителями—греками и римлянами».

Такова концепция Морэ. При всей кажущейся или афишируемой им объективности ярко выступает его субъективизм и в смысле узкоевропейской ориентации, и в смысле классовой окраски его социально-политических тенденций, и в смысле его личных приспособлений, как специалиста-египтолога. Но как бы то ни было, его «История Востока» отличается несравненно более строгим единством принципов и построений, нежели следующие за нею «Истории» Греции и Рима, принадлежащие перу не одного, а нескольких авторов, не говоря уже о том, что эти авторы ни в коей мере не склонны к чрезмерной идеализации древнего Востока и специально Египта.

Переходя ко второй части отдела древней истории, к истории Греции, которая, как видно из заголовка, рассчитана на 4 тома (из них вышло только три), следует сказать, что такого органического единства, как в истории Востока, порученной одному автору, не чувствуется. Возглавлявшие первоначально все издание Г. Глоц и Г. Блок так поделили между собою роли, что Глоц брал для себя, так сказать, генезис античной культуры, а Блок—ее развитие до мировых, всеобъемлющих масштабов. Но на первых же порах выяснилось, что без сотрудников они обойтись не могут, и ближайшие их сотрудники—Роб. Коген, сотрудник Глоца, и Жером Каркопино, сотрудник Блока, оказались, в конце концов, их преемниками, еще при их жизни уже значительно влиявшими на видоизменение общей физиономии и концепции всего коллективного труда. Роберт Коген выпустил «Историю Греции», помимо рецензируемой «Древней истории», еще в виде руководства или учебника для студентов, как пособие к университетскому курсу, а также в виде популярного издания в общедоступном изложении. Уже из заглавия его университетского курса греческой истории явствует его основная точка зрения. Он озаглавил его «Эллинизация античного мира» («Hellénisation du monde antique»)». Таким образом, в то время как для Глоца, верного последователя и ученика Фюстель де-Куланжа, на первом плане были начала (les origines) органического развития всего исторического процесса, для его сотрудника и преемника Когена эти «начала» представляют второстепенный интерес и трактуются в виде ретроспективного обзора по отношению к центральным, капитальным историческим фактам. Таким центральным фактом всей древней истории Коген считает «эллинизацию античного мира». Эта концепция уже несомненно входит в конфликт с той концепцией, которую, как мы выше указали, исповедывал Блок, ставивший Рим в центре не только античной, но и всей всеобщей истории.

Первоначальная концепция редактора всей серии Глоца изложена в предисловии к тому I «Греческой истории», обнимающему период от «истоков истории» до Персидских войн. Глоц пишет в мае 1925 г., что свою «Греческую историю», как и все другие части издаваемой им «Всеобщей истории», он предназначает для «широкой образованной публики», а не для «замкнутых академических кругов», студентов и профессоров. Под образованной публикой он разумеет «всех образованных людей, мыслящих и стремящихся к знанию». Это—люди, которые хотят быть в курсе результатов неустанной работы ученых всех стран и добытых ими знаний. Именно «благодаря этой неустанной работе и непрерывному накоплению знаний, самые солидные, казалось бы,—вечные, построения исторической науки оказываются быстро обветшавшими, распадаются и обнаруживают в своем

плане, когда-то стройном, существенные пробелы и провалы». «Требуется новая их перестройка из старых или новых материалов по плану, более отвечающему требованиям современности». По мнению Глоца, именно наступил такой момент, когда нужно, уступая справедливому требованию со всех сторон, коллективным усилием всех историков отрешиться от узкой специализации и превратить «хаос мелких фактов» в более верные концепции, на место устарелых. Это касается одинаково историографов всех периодов жизни человечества, но особенно, по замечанию Глоца, историков античности и средневековья. Документация этих более далеких от нашего времени периодов носит, сравнительно с более близкими к нам временами, отрывочный характер, а потому всякие новые открытия, хотя бы касающиеся частных, отдельных вопросов, способны сильно и резко влиять на изменение общей концепции. «Особенно приток археологических находок, надписей и папирусов совершенно изменил концепцию истории Востока и Греции эллинистического периода». Итак, «Всеобщая история», по мнению Глоца, прежде всего должна дать своим читателям возможность контроля предлагаемой концепции и пополнения вглубь и вширь сообщаемых в категорической форме сведений.

Поэтому сам Глоц снабжает свою «Историю Греции» подробной библиографией, охватывающей как источники литературные, эпиграфические, нумизматические и археологические, так и общие работы по политической истории, истории учреждений и общественной жизни, по истории экономики, литературы, философии и всех искусств, а также по развитию спорта и форм частной жизни. В заключение этой, образующей как бы преддверие ко всему труду, библиографии дается обзор периодики. А списки литературы, касающейся специальных вопросов, предпосылаются каждой главе, независимо от сопровождающих весь текст подстрочных ссылок на источники и научную литературу.

Второе требование, которое ставит Глоц к возглавляемой им «Всеобщей истории» и ко всем ее сотрудникам, заключается в том, что должна быть выработана и проведена через весь коллективный труд ясная историческая перспектива, «ибо невозможно правильно оценивать современную цивилизацию и предвидеть пути, на которые она вступает, без знания ее самых отдаленных начальных стадий». «Чтобы отдать себе отчет в настоящем и по мере возможности угадывать будущее, нужно прежде всего осмыслить все прошлое в целом, во избежание извращений исторической перспективы, смысла исторических фактов и характера развития общественных учреждений, наиболее верно отражающих, как в зеркале, жизнь и физиономию человеческих обществ».

Третье требование Глоца направлено против схематизма, против тенденции «вставлять историю исчезнувших обществ в созданные априорно произвольные рамки». Так получаются лишь «субъективные решения односторонних проблем». Глоц противопоставляет им, как он выражается, «интегральную историю»—историю изменений человеческих отношений, изменений, «называемых, смотря по степени их интенсивности, эволюцией или революцией». Но, выставляя последнее требование, Глоц в то же время не предполагает, повидимому, возможности сразу охватить все стороны исторического процесса и потому рекомендует делать как бы паузы после каждого из важных исторических периодов для описания каждый раз «цивилизации данного периода, ее зарождения и роста в условиях, предварительно нарисованных перед глазами читателя».

Таковы принципы, положенные в основу «Всеобщей истории» Глоца. Посмотрим, как они реализованы в его собственном труде. Историю Греции Глоц намеревался написать целиком сам и притом закончить ее в трех томах. Роль его сотрудника, Роберта Когена, первоначально ограничивалась только доставлением материала. Но Глоц успел написать только два тома: том I, обнимающий период до Персидских войн, и том II, посвященный V в. Третий том должен был, по его первоначальному проекту, охватывать события от конца Пелопоннесской войны до римского завоевания, быть прелюдией к «Римской истории», как она была задумана Блоком. Совершенно так же в серии «Peuples et Civilisations» (т. II, 1923) охватывается в одном томе период «истории Греции и Востока от Персидских войн вплоть до римского завоевания» (P. R o u s s e l—La Grèce et l'Orient des guerres médiques à la conquête romaine).

Теперь эту задачу смычки истории Греции с историей римской предполагается передать под общее руководство (sous la direction) автору вышеупомянутой монографии, проф. Сорбонны Пьеру Русселю (P. R o u s s e l). Предполагается поделить этот, еще не вышедший, четвертый том на две части: I—«Александр и последствия его завоеваний» и II—«Греко-македонские государства». Общее заглавие всему тому предполагается дать следующее: «Александр и эллинизация античного мира». Таким образом, ясна тенденция выдвинуть фигуру Александра в центр или, так сказать, в фокус не только истории Греции, но и истории всего древнего мира; точно так же в отделе «Римской истории» заметна тенденция Каркопино поставить в центр и фокус истории не только Рима, но и всего древнего мира,—Цезаря. Итак, налицо явное смещение основных точек зрения издателей «Всеобщей истории»—Глоца и Блока—их бывшими сотрудниками, а теперь руководителями их издания Когеном и Каркопино. Поэтому в целом все издание в значительной мере теряет ту цельность и единство исторической перспективы, которые Глоц провозгласил, как один из основных принципов задуманного им первоначально издания. В значительной мере отдельные томы «Древней истории» Глоца превращаются в такие же замкнутые монографии, как томы серий «L'Evolution de l'Humanité» и «Peuples et Civilisations». Да и большинство авторов «Истории» Глоца, как и сам Глоц, участвуют в названных сериях. Так, в основу первых глав «Истории Греции» положена Глоцом его монография, входящая в серию «L'Evolution de l'Humanité» (v. IX) под заглавием «La civilisation Egéenne», а в дальнейших главах в значительной мере костяком или каркасом служит другая монография Глоца из той же серии (v. XIV)—«La cité grecque. Le développement des institutions».

Что касается конкретного построения «История Греции», то оно сводится в основном к следующему.

Как это делается обычно, Глоц начинает свою «Историю Греции» географическим обзором (гл. I). Глава II посвящена доэллинскому Криту; в ней суммируются результаты раскопок со всей их проблематичной хронологией в обычной французской манере легкого, изящного, поверхностного синтеза. Глава III посвящена «великим миграциям» (les grandes migrations. Achéens et Doriens). Предварительно предупредив, что история Греции до VIII в. в сущности покрыта мраком неизвестности (obscurité de l'histoire grecque avant le VIII-e siècle), Глоц на основании опять-таки шатких археологических данных набрасывает целый ряд, целую панораму картин: глава I—«Греция до греков»; глава II—«Ахейский мир»; глава III—«Дорийское нашествие и рассеяние ахеян». Глава IV озаглавлена:

«Гомеровский период». Тут уже Глоц не ограничивается писанием картин, но по системе Фюстель де-Куланжа старается изобразить и «социальную, политическую и экономическую эволюцию» (l'évolution sociale, politique et économique dans la cité, стр. 131—150), причем утилизирует и вкрапливает тезисы и результаты своих этюдов по истории греческой семьи и правовых отношений. Глава кончается картинным изображением «Греции к концу гомеровских времен» («La Grèce à la fin des temps homériques»). Глава V посвящена колонизации, повествует о ее причинах, делении на восточную, западную и южную, и о ее последствиях. Главным следствием колонизационной экспансии Глоц признает зарождение чувства «морального единства» греков в силу противопоставления себя «варварам». «Колонизация,—говорит Глоц (стр. 216),—сделала осязательной для потомков Геллена (т. е. эллинов, греков) таинственные узы расы, языка и религии, объединявшие их помимо их сознания». Дельфы, обязанные своим ростом и обогащением колонизации, славятся как «моральный центр (la capitale morale) эллинизованного мира» (d'un monde hellénisé). Вот это «моральное единство» полумистического-полуэтнического характера и служит лейтмотивом всей «Истории Греции» в частях, главным образом, написанных Глоцем. Главы VI, VII и VIII посвящены трансформациям Греции за период от VIII до конца VI в. (стр. 217—335) и описанию «кризиса экономического, социального и политического» (стр. 217), из которого Греция выходит преобразованной (transformée).

После этого суммарного обзора всех греческих мирков Глоц переходит к специальному выделению Афин и Спарты, как показателей двух антагонистических тенденций греческой истории: «верности традиции» (la fidelité à la tradition) и «движения вперед» (la marche en avant). Спарте до Персидских войн отводится всего одна IX глава (стр. 335—375). Глоц говорит о троякой идеализации Спарты, разбивает иллюзии, как он выражается, «трех о ней романов»; опираясь на результаты новейших раскопок (стр. 339), он утверждает, что Спарта сравнительно поздно установила режим, не похожий на режим других греческих общин. Но когда он переходит к попытке реконструировать историю Спарты до Персидских войн, он предупреждает, что эта история является сплошь да рядом лишь аггломератом шатких гипотез «на основании недостаточных и даже противоречивых документальных данных» (стр. 339). И все-таки он решается «разгадать загадку, рассеять мрак» (et pourtant il faut bien essayer de dechiffrer l'enigme, de percer les tenèbres). Но если текст, рисующий картины истории и жизни Спарты, подкупает своей живостью, ясностью и простотой, то подстрочные примечания, вскрывающие резкие разногласия как свидетельств древности, так и их толкований новейшими историками, взрывают цельность и убедительность рисуемых картин и заставляют поминутно вспоминать о предварительных добросовестных предупреждениях самого автора. Так, вопрос об илотах и периэках, несмотря на картинное изображение их быта и даже «моральных их состояний», остается, в конце концов, совершенно темным и запутанным. После двух глав, X и XI, трактующих об Афинах при аристократическом режиме (гл. X), и об Афинах, вступивших на путь демократических завоеваний от Солона до Клисфена (гл. XI), следует ряд заключительных глав, развивающих вышеупомянутый лейтмотив «Истории Греции» Глоца—«моральное единство Греции» (unité moral de la Grèce). Это единство представляется продуктом «персидской угрозы». «Смертельная опасность (стр. 485) открыла глаза грекам на тот факт, что они явля-

ются членами одной семьи, и что у них есть общее наследие (patrimoine), которое нужно защищать» (гл. XII трактует специально о «религиозном наследии», гл. XIII—о «наследии литературном» и, наконец, гл. XIV—о «наследии эстетическом» из области архитектуры, скульптуры и живописи, а также керамики и ювелирно-чеканного искусства).

В виде общего заключения всего I тома Глоц поднимает вопрос о трагическом конфликте двух принципов греческой истории—принципа автономии разбросанных греческих мирков и их морального единства. «Инстинкт самосохранения сотворил чудо: Греция была готова образоваться, и она образовалась» (l'instinct de conservation opera un miracle... la Grèce était dans le devenir, elle fut). Афины возглавили это движение. Глоц вынужден признать, что политическое объединение не было единодушным и не пережило породившей его опасности. Но это его не смущает, и он опять возвращается к своему излюбленному лейтмотиву и заключает свой I том фразой: «Это ничего не значит. Все-таки моральное единство Греции проявилось во всем блеске, и оно существовало, пока существовала сама Греция» (стр. 603). Конец I тома, таким образом, дает такую концепцию, которая служит прелюдией ко II тому, почти целиком посвященному Афинам.

Второй том начинается с описания греко-персидских войн (гл. I и II), организации Делосского союза (гл. III), затем «демократического преобразования Афин» (гл. IV); главы V и VI посвящены «империализму» Афин. При этом Глоц различает два вида афинского «империализма: «вооруженный империализм» (imperialisme armé) и «империализм мирный» (imperialisme pacifique), связанный с именем Перикла. Далее следует вереница глав (VII—XVIII, стр. 166—602), посвященных описанию афинской демократии и всех сторон жизни перикловых Афин. Сравнительно коротко в трех следующих последних главах описываются перипетии Пелопоннесской войны вплоть до «падения Афинской державы». Заключительным аккордом всего тома является итог под заглавием: «Великий век истории Афин» (Le grand siècle d'Athène, стр. 706—719). Глоц бросает прощальный взгляд на Афины V в. и опять возвращается к своему излюбленному лейтмотиву о «моральном единстве» греков, которое, казалось бы, под эгидой Афин могло бы привести к единству политическому, «если бы не помешали политические промахи и грехи Афин».

Такова концепция «Истории Греции» у Глоца в принадлежащих ему всецело первых двух ее томах. В III томе он предполагал ее совсем закончить. Он первоначально озаглавливал III том так: «Греция с IV в. до римского завоевания». Таким образом, он не думал особенно развивать в подробностях историю промежуточного эллинистического периода, которому как-раз особенное значение придал его сотрудник, а затем преемник—Коген. Последний еще при жизни Глоца добился некоторого изменения плана «Истории Греции», и уже сам Глоц при сотрудничестве Когена решил ограничить III том периодом от конца Пелопоннесской войны до смерти Александра. По смерти Глоца, Коген, на правах хозяина, внес дальнейшие изменения в план издания, решив ограничить III том еще меньшим периодом. Этот том, вышедший в 1936 г., обнимает лишь историю Греции IV в. до 336 г. Понятно, что Коген, придавая огромное значение эпохе эллинизма, когда, по его выражению, произошел грандиозный всемирно-исторический факт «слияния Востока и Запада», выделил в особый самостоятельный том подготовительный к эллинизму период, период лихо-

радочной борьбы греческих свободных государств за преобладание, «гегемонию» (404—336 гг.). Эта борьба кончается утратой независимости Греции. В заключительной части под заглавием: «Греческие общины и Македония» Коген стремится переключить читателя с точки зрения Глоца, для которого в центре стояли Афины, на свою точку зрения, причем он, соблюдая пиэтет, пользуется ссылками на самого Глоца, на его работу— «Греческий полис» («La cité grecque»). Глоц в своем культе Афин, как мы видели, шел на компромисс, признавал грехи Афин. Так, в конце III тома Глоц—Коген ставят вопрос: «Если победа Филиппа означает победу силы, то что означала бы в конечном итоге победа Афин?» и отвечают: «На наш взгляд это была бы победа права. Но так ли это было бы на взгляд эллинов?—Конечно, нет. Победа Афин была бы для них тоже победой силы». «Ведь это они в предыдущем веке напрягали целых 30 лет все свои усилия для того, чтобы сделать эту победу невозможной». «Итак, греческая свободная община умерла, но греческий дух жив и остается живым навсегда». Этим пока кончается «История Греции» в серии Глоца. В перспективе— IV том, в котором окончательно будет проведена точка зрения бывшего сотрудника Глоца—Когена.

Из данного обзора «Истории Греции» Глоца видно, что Глоц всячески старался практически осуществить те принципы построения всеобщей истории, которые он коротко и ясно изложил в предисловии к I тому своей «Истории Греции». Безусловно он осуществил первое свое требование относительно снабжения текста истории исчерпывающей библиографией. Но как-раз эта исчерпывающая библиография и разрушает иллюзию синтетического изложения истории Греции, «histoire ihtégrale», по выражению Глоца. Точно так же и историческая перспектива, долженствующая, по мысли Глоца, выявить отношение прошлого к настоящему, нарушается заметными разногласиями соавторов относительно общей исторической концепции. И если перейти к третьему разделу «Древней истории» Глоца—«Истории Рима», то там неувязка будет еще более значительной.

Первый том «Истории Рима», обнимающий период от начала до завершения завоеваний (133 г. до н. э.), пришлось поручить итальянскому историку Гектору Паису, известному своими исследованиями специально царского периода римской истории и эпохи Пунических войн. Присланная им итальянская рукопись была переведена известным французским историком Жаном Байе и выходила выпусками с 1926 по 1929 г. Этот объемистый том (свыше 600 страниц) начинается с библиографии по римской истории, за которой следует введение, посвящающее в источники римской истории и в вопросы о ее достоверности, причем характерно замечание о немецкой историографии вообще и о Моммзене, в частности, как о бесспорном ее корифее. По мнению Паиса, все немцы, не исключая самого Моммзена, легко впадают в крайности то конструктивного, то деструктивного свойства. О французских историографах он умалчивает. Но, разумеется, подход у него к римской истории сравнительно с подходом Блока совершенно отличный, поскольку у Блока центр тяжести лежит на внутренней эволюции Рима, а у Паиса—на внешней его экспансии, как показывает и само заглавие I тома. Блок в своей монографии («La République romaine») прямо начинает с того, что отказывается от определения социального и политического строя древнейшего Рима, как ускользающего от прямого наблюдения, и переходит сразу к «заре исторических времен» для косвенных заключений о периодах более древних. Паис, напротив, посвящает объемистую (стр. 29—82) главу I описанию доримской Италии

и Рима царской эпохи. Глава II (стр. 82—131) обнимает период от учреждения республики до «изгнания галлов». После этого поворотного пункта начинается систематическое описание римской экспансии. Глава III (стр. 134—185) уже трактует о Самнитских войнах и о завоевании Южной Италии, причем Паис не упускает случая подчеркнуть «моральное превосходство римской цивилизации». Глава IV трактует о Карфагене и о прелюдиях к Пунической войне, причем, как «истый потомок римлян», Паис рисует самыми непривлекательными чертами римских врагов—карфагенян. Главы V, VI, VII, VIII, IX (стр. 220—453) посвящены первым двум Пуническим войнам, из которых вторая выдвигается в центр внимания во всем томе. Описав вторую Македонскую войну (гл. X), «войну против Антиоха Сирийского» (гл. XI), ряд «войн на Западе, веденных за 201—154 годы» (гл. XII), Паис переходит к описанию «третьей Македонской войны» (гл. XIII), завершившейся превращением Македонии в римскую провинцию и окончательным «закреплением позиции Рима на Востоке» (гл. XIV). Глава XV трактует об окончательном утверждении Римом своих позиций на Западе в результате третьей Пунической войны и Испанских войн, веденных с 154 по 133 г. В заключение Паис бросает ретроспективный взгляд на развернутую им картину экспансии Рима во II в. и подчеркивает охлаждение военного пыла и падение военной дисциплины к концу охваченного им периода. Объясняет он это, между прочим, «зловредной мятежной агитацией». Таким образом, с внешней стороны, как будто, I том «Истории Рима» вплотную подходит ко II тому, который начинается как-раз с описания событий 133 г. и обнимает бурный период от выступления Гракхов до смерти Юлия Цезаря.

Том II под заглавием «Римская республика с 133 до 44 г. н. э.» был выпущен в два приема: в 1929 г. вышел 1-й полутом (с предисловием бывшего еще тогда в живых Глоца), который кончается описанием диктатуры Суллы. Глоц пишет в предисловии, что весь этот том должен был выйти целиком из-под пера Г. Блока, но в действительности почти целиком написан Каркопино, который явился не только продолжателем труда Блока, но и фактическим его составителем. Каркопино в основу своего изложения положил известные свои этюды о Гракхах и о Сулле для 1-го полутома и свои этюды—«Points de vue»—о римском «империализме»—«sur l'imperialisme romain»—для 2-го полутома под заглавием «Цезарь», вышедшего в 1935—1936 гг.

Главное внимание всех критиков сосредоточивается на этой второй части II тома «Истории Рима». Эта часть представляет своего рода монографию, целиком направленную против известной монографии Эд. Мейера—«Монархия Цезаря и принципат Помпея». Каркопино признает, что, несмотря на то, что он является противником основного положения этой монографии, которая представляется ему весьма неуклюжей и по своей композиции, и по стилю, он, тем не менее, стоит на базе собранных Эд. Мейером в его монографии данных, фактов и материалов. И, в сущности говоря, действительно монография Каркопино является не столько историческим исследованием, как монография Эд. Мейера, сколько основанным на ее материале драматическим этюдом, где на первом плане стоит психология исторических лиц и развития событий. Так именно характеризует эту монографию в своей статье «L'agonie de la République romaine» известный французский историк Байе (B a y é) в «Journal des savants» (1936, № 4, pp. 163—173). Он говорит: «Невозможно резюмировать содержание этой монографии. Нужно ее целиком прочитать. В ней драмы непрерывно сме-

няются драмами; персонажи всех видов появляются, вырастают среди этих драм, эволюционируют; всевозможные интриги взаимно переплетаются. Чтобы в них не запутаться, нужно не упускать из виду зигзаги мысли самого автора». Затем Байе выражает сожаление, что смерть не дала написать эту часть римской истории Блоку «с его трезвостью и ясностью, всем известными» (avec la sobriteté et la clarté qu'on lui connaît). Байе хвалит те уцелевшие еще наброски, которые сделал приступивший было к труду перед смертью Блок, и находит, что они очень хорошо увязывались с предшествовавшим томом «Истории Рима», написанным Паисом, и вместе с тем указывает, что трудно увязать творение Каркопино с последующим томом «Истории Рима», написанным известным историком Л. Омо—«Ранняя империя». В сущности III том «Истории Рима», написанный Омо для «Всеобщей истории» Глоца, является продолжением двух его монографий, выпущенных в серии «L'Evolution de l'Humanité»—«L'Italie primitive et les débuts de l'imperialisme romain» (vol. XVI) и «Les institutions politiques romaines. De la cité à l'État» (vol. XVIII). Главный момент «политической программы» принципата, истории которого посвящен III том «Истории Рима» в издании Глоца, и определяется у Омо именно как переход от городского уклада к государственному—«de la cité à l'État». Омо пишет в своем резюме содержания III тома о принципате—«L'oeuvre du principat» (стр. 602): «Город Рим, который завоевал мир, не сумел его организовать. Эту задачу республика при своем исчезновении завещала принципату». На странице 616, подводя итоги того, чего достиг принципат, Омо характеризует достигнутые результаты, как «неполноценные, неустойчивые и не представляющие собой чего-либо определенного и завершенного» (incomplets, instables, non définitifs). В центр Омо ставит фигуру Августа—«fondateur du régime». Глава I озаглавлена «Vers l'Empire!»; Август, «завоеватель власти», выступает идеальным олицетворением принципата. Ему посвящена первая часть драматической трилогии принципата. Вторая часть трилогии озаглавлена «От принципата к военному деспотизму» и, наконец, третья часть трилогии озаглавлена—«Либеральная империя II в. от Нервы до Коммода» (96—192 гг. н. э.). Она дает, как плод высочайшей мудрости, следующую формулу принципата, созданного Августом. Эта формула, по определению Омо, оказывается, сводилась к «сосуществованию реальной военщины с фиктивным мишурным фасадом гражданственности» (coexistance d'une réalité militaire et d'une façade civile, стр. 603). «Август и те из его преемников, которые оставались верными этой формуле принципата, обеспечили его существование на протяжении двух веков с лишком, до того момента, когда Коммод решительно повернул в сторону военной тирании и восточного деспотизма, чем и похоронил навеки принципат». Таким образом, Омо, в конце концов, всю сущность и тайну успеха принципата сводит к иезуитскому так называемому «благочестивому обману» (pia fraus), к спасительной лжи.

Переходим к последнему, вышедшему в 1937 г., выпуску «Истории» Глоца: М. Бенье—«Римская империя от воцарения Северов до Никейского собора» (193—326 гг.). Прежде, в прежних проспектах, этот отдел носил название «Языческая империя» или «Конец языческой империи», в соответствии с заглавием объявленного, но еще не вышедшего заключительного полутома IV тома—«Христианская империя» А. Пигانيоля.

Бенье начинает без всяких предисловий и введений, прямо с того момента, которым обрывается «Ранняя империя» Омо,—гибели импера-

тора Коммода. Глава I посвящена борьбе за престол и царствованию императора Септимия Севера (193—211 гг.); глава II—его преемникам и, главным образом, Александру Северу (222—235 гг.). Глава III описывает состояние империи в эпоху Северов. Глава IV рисует анархическое господство военщины (L'anarchie militaire) (235—268 гг.). Глава V обозревает состояние Римской империи после 268 г., причем отдельно от остальной империи рассматриваются обособившаяся Галльская империя и царство Пальмиры. Глава VI трактует об «императорах-иллирийцах», уроженцах иллирийских, или придунайских, провинций (les empereurs illyriens) (268—288 гг.), которые пытаются водворить порядок и в известном смысле подготовляют почву для выступления государей-реформаторов—Диоклетиана и Константина. Им и посвящаются последние заключительные две главы, VII и VIII, которая кончается описанием Никейского собора, как моментом окончательного закрепления союза государства и церкви и христианизации Римской империи. Таким образом, полутом Бенье вплотную примыкает к готовящемуся заключительному полутому всей «Древней истории» Глоца—«Христианской империи» Пиганиоля. Надо заметить, что Бенье находится в полном контакте с Пиганиолем, который отредактировал его часть и как бы расписался под ней. С другой стороны, оба, Бенье и Пиганиоль, отлично гармонируют с Морэ и установками его «Истории Востока». Конец «Древней истории» Глоца находится в полном согласии с ее началом, чего никак нельзя сказать о середине, в которой имеются, как уже было показано, серьезные неувязки между авторами и их концепциями. Нельзя сказать, чтобы эта середина абсолютно гармонировала с началом и концом. Несомненно, в этом разнобое сказался кризис традиционных установок французской историографии, воздействие на них новых «либеральных», иногда диаметрально противоположных старым либеральным установкам, веяний.

Французская историография имеет свои прочные традиции, но в данной серии «Древней истории» Глоца они не проводятся последовательно. Во всяком случае, буржуазная позиция старофранцузской науки, которая здесь афишируется, уклоняется то в сторону клерикальной, то в сторону фашистской итальянской историографии, хотя с нею и полемизирует. Известно, что есть много связей как у фашистской, так и у клерикальной историографии с историографией либеральной, буржуазной. Уже в «Истории Востока» Морэ чувствуется этот клерикальный душок. В сущности, Морэ дал в «Истории» Глоца лишь развернутую несколько шире концепцию, которую он уже раньше сформулировал в своей монографии, написанной для серии «L'Evolution de l'Humanité» (vol. VI)—«Des Clans aux Empires» (L'Organisation sociale chez les primitifs et dans l'Orient ancien). Там Морэ в заключение, подводя итоги истории Востока, говорит: «Мистическая концепция, которая оживотворяла клан, одухотворяет, животворит и колоссальные объединения людей в Древневосточной империи» (стр. 412—413). «Александр Великий, Птолемей и Цезари в свою очередь, как фараоны, будут насаждать культ властелина вовсе не из какого-нибудь пустого тщеславия, но с определенной политической целью консолидировать моральное единство масс» (consolider l'unité morale). Разнородные массы, оказывается, можно объединить только «мистической связью» общего культа царя (монархизм) или царя-жреца (цезарепапизм) или жреца—наместника самого бога (папизм).

Точно так же и в «Истории Греции» самого Глоца есть пассажи, которые тоже отдают несколько иезуитским душком, например идеализация жре-

ческих Дельф или иезуитская постановка вопроса о праве и насилии в спорах о том, чья победа в культурном отношении была бы желательна: демократических Афин или Македонской монархии. Как известно, этот вопрос в первое время после мировой войны резко разделял на два враждующих лагеря немецких и французских историографов. Сам так называемый «тигр» Клемансо, воображая себя французским Демосфеном, спасителем Франции, как новых демократических Афин, от посягательств новоявленной Македонии, т. е. пруссаческой Германии, выпустил тогда в роскошном издании монографию о Демосфене. С жаром доказывали французы (Hatzfeld и др.), что в IV в. были все данные для возможности демократического объединения Греции и спасения ее независимости. Теперь же, в 1936 г., в «Истории Греции» Глоца—Когена мы имеем такой двусмысленный ответ на тогдашний спорный вопрос: «Победа Афин являлась бы, с нашей точки зрения, победой права, но, с точки зрения греков, это была бы победа насилия».

При всех этих недостатках серия древней истории Глоца не перестает оставаться типичным изданием истории древности, отображающим старые либеральные установки буржуазной исторической науки во Франции. Стремление собрать большой материал, синтетически объять его, дать общее построение и отобразить в нем некую политическую идею роста государственности, линию культурного развития древности, идеализация античности,—вот характерные черты этого большого издания Глоца. Из других иностранных серий такое издание, наряду с Кембриджской серией, является последним словом науки капиталистического Запада.

Если говорить о положительных пособиях по древности среди этих различных серий, то, несомненно, после Кембриджской истории древности издание Глоца может быть поставлено на второе место.

Характер изложения должен быть признан популярным и живым, чуждым тому гелертерскому тону современных немецких изданий, где господствует жреческий заумный язык фальсификаторов истории.

Для написания нашей советской «Истории древнего мира» серия Глоца дает одновременно и примеры того, как нельзя писать и строить архитектонически (в особенности по Востоку) наше советское издание, так и те примеры положительного порядка, которые говорят о попытках охвата большого материала в единое стройное целое (как это сделано по Греции).

Что же касается взглядов авторов и противоречий в их концепциях, то наша марксистская «Всемирная история» должна дать обстоятельную критику всех антимарксистских построений древней истории в современной буржуазной исторической литературе.

Л. А. ЕЛЬНИЦКИЙ

«КЕМБРИДЖСКАЯ ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ»

(Обзор издания)

The Cambridge Ancient History, Vol. I²—XI (1928—1938). Ed. by J. B. BURY, S. A. COOK, F. E. ADCOCK, M. P. CHARLESWORTH. Vol. I²—Egypt and Babylonia to 1580 b. c.; v. II—The Egyptian and Hittite Empires to c. 1000 b. c.; v. III—The Assyrian Empire; v. IV—The Persian Empire and the West; v. V—Athens 478—401 b. c.; v. VI—Macedon 401—301 b. c.; v. VII—The Hellenistic Monarchies and the Rise of Rome; v. VIII—Rome and the Mediterranean 218—133 b. c.: v. IX—The Roman Republic 133—44 b. c.; v. X—The Augustan Empire 44 b. c.—a. d. 70; v. XI—The Imperial Peace a. d. 70—192.

Буржуазная историческая наука Запада уже много десятилетий пребывает в состоянии, характеризующемся чрезвычайным распылением исследовательской мысли по отдельным, более или менее частным вопросам исторического знания. Накоплен огромный документальный (исторический и археологический) материал. Приемы формальной критики, филологический анализ, проблемы абсолютной и сравнительной хронологии и других так наз. вспомогательных дисциплин (в том числе методика археологии) разработаны в иных случаях до мельчайших подробностей и самой скрупулезной точности. Необычайно продуктивные археологические исследования последних десятилетий расширили рамки «исторического» периода в развитии человечества до шести тысячелетий. Тем разительней на фоне этого колоссального и все умножающегося материала бедность и пустота, царящие в области синтеза исторических знаний. Несмотря на большое количество изданий общего или сводного характера, исторические обобщения, как мы это видим у большинства буржуазных историков, не идут дальше того, на чем историческая наука остановилась уже около сотни лет назад. А фашистские «ученые» деградируют к откровенной фальсификации и мракобесию средневековья. Абсолютный застой синтетической мысли ощущают, несомненно, и сами представители буржуазной историографии. Не может быть игнорируем также большой интерес, существующий у широких кругов послевоенной интеллигенции, к осмыслению прошлого в свете тех перемен, которые принесла с собой эпоха империалистической войны и революции. В стремлении удовлетворить этот интерес следует видеть причину возрождения оставленной было традиции «всеобщих историй», излагающих на протяжении большего или меньшего числа томов

всю историю человечества. Такова, прежде всего, из числа самых больших и серьезных, «Кембриджская всеобщая история европейских народов», подразделяющаяся на многотомные «Cambridge Ancient History», «Medieval History», «Modern History», и «Histoire générale»», начавшаяся изданием во Франции несколько лет тому назад под редакцией Glotz'a.

В настоящее время задача составления такого труда даже хотя бы для одного из трех главных периодов всемирной истории не может быть выполнена силами одного человека,—настолько диференцировалась и разрослась наука в области частных проблем. Доказательство этому—гигантский труд одного из самых крупных и работоспособных историков современности—«История древности» Э. Мейера, начатая еще в 80-х годах прошлого века, неоднократно в отдельных частях перерабатывавшаяся, но так и не доведенная до конца.

Поэтому все современные попытки создания «Всеобщей историй» являются сводом более или менее разнородных работ большого количества авторов, объединенных в сущности лишь титулом издания. Такова упомянутая выше «Histoire générale», представляющая собой коллекцию сводных работ, написанных крупнейшими специалистами по истории древнего Востока (М о р э), Греции (Г л о ц), Рима (П а и с, К а р к о п и н о) и т. д., но которая не отвечает существу своей задачи прежде всего потому, что ее составные части не объединены какой бы то ни было связующей идеей, позволяющей охватить изложенный в них материал со всемирно-исторической точки зрения. В этом смысле новая французская «Всеобщая история» ничем не отличается от старой немецкой коллекции Онкена, в состав которой вошли многие ценные в свое время работы, но которая, тем не менее, не оставила никакого следа в историографии «всеобщей истории».

Мало чем отличается от подобных изданий и «Кембриджская древняя история». Хотя составляющие ее работы подчинены, в смысле объема материала, некоему выработанному редакцией плану, все же они далеко не однородны ни по качеству, ни по научным принципам, положенным в их основу, не говоря уже об общеисторических идеях, которые в ней в равной мере отсутствуют. «Кембриджская история» по структуре ближе всего напоминает известную «Историю XIX века» Лависса и Рамбо, выходящую у нас в настоящее время вторым изданием, перед которой у нее, однако, имеется целый ряд преимуществ как общего, так и частного порядка, проистекающих из прогресса исторических и археологических исследований, имевшего место за последние десятилетия.

Ввиду значительного объема «Кембриджской древней истории», нижеследующее изложение имеет в виду лишь предварительное и общее ознакомление русских читателей с ее содержанием (главным образом, с точки зрения структуры и взаимного отношения составляющих ее разделов и тем). Хронологическим термином «Кембриджской древней истории» является эпоха Константина I (в XI томе изложение доведено до эпохи Антонинов включительно). Географическая рамка заключает в себе Средиземноморье, Северо-западную Европу и Переднюю Азию, т. е., примерно, территорию, заключавшуюся в границах Римской империи. Нельзя не отметить, таким образом, того, что древняя история Китая и Индии, интерес к которой в последнее время все более растет, благодаря весьма важным археологическим открытиям, имевшим место в Северном Китае и в бассейне р. Инда, не нашла себе места на страницах «Кембриджской истории». Редакция как бы оговаривает

(I, p. V) этот факт тем, что ограничивает свою задачу историей европейских народов; как бы то ни было, этим только подчеркивается европоцентрический принцип, положенный в основу издания. И это лишь один из недостатков, обнаруживаемых при первом ознакомлении с содержанием «Кембриджской истории»; другой, по нашему мнению, заключается в том, что шесть из одиннадцати наличных томов посвящены истории Греции и Рима V в. до н. э.—II в. н. э., в то время как огромному хронологическому периоду евразийской доистории, всей древней истории восточных народов и архаическому периоду истории средиземноморских народов отведены лишь первые четыре тома. Диспропорция эта, очевидно, объясняется тем, что редакция «Кембриджской истории» не стремилась к сохранению правильной исторической перспективы, а шла по линии наименьшего сопротивления, определяющейся количеством и степенью изученности материала.

«Кембриджская древняя история» построена по синхронистическому принципу. Таким образом, история отдельных народов распадается на ряд очерков, расположенных в соответствующих исторических горизонтах. Так, I том доводит историю древности до 1580 г. до н. э. (конец эпохи гиксосов), том II—до начала I тысячелетия до н. э., том III и IV посвящены времени от 1000 до 478 г. до н. э. и т. д. Этот принцип имеет одно достоинство и ряд недостатков. Он обеспечивает изложению непрерывную хронологическую последовательность и создает видимость некоей его внутренней организации и последовательности. Но в данном случае это именно лишь видимость: главы, посвященные истории отдельных народов и расположенные в определенном хронологическом горизонте в данном томе, между собой не связаны, но лишь продолжают рассказ, прерванный на соответствующей странице одного из предшествующих томов. Так что «Кембриджскую историю», несмотря на строгое соблюдение хронологической последовательности, трудно было бы читать подряд страницу за страницей, в поисках цельного впечатления, необходимого при историческом повествовании, как и при всяком другом.

Формально это тот же принцип, который был положен Э. Мейером в основание его «Истории древности». Но то труд одного человека, осмысливающий излагаемый материал во всем его объеме, постоянно воссоздающий реальную или искусственную общую перспективу, тогда как здесь перед нами ряд очерков, написанных различными людьми, об этой перспективе не заботящимися, к тому же не связанных между собой строгой научной методологией.

Вообще, несомненно, редакция «Кембриджской древней истории» заимствовала у Мейера не только синхронистический принцип изложения. Целый ряд черт, характерных для внутренней композиции «Истории древности», перенесены в «Кембриджскую историю». Дальше Э. Мейера по пути более широкого привлечения новых исторических данных составители ее пошли в том отношении, что ввели большие и важные разделы, составленные на основании лишь археологических данных. Э. Мейер имел возможность предложить своим читателям только небольшой антропологосоциологический очерк, содержащий выводы из данных первобытной археологии и предваряющий его изложение, построенное почти исключительно на изучении памятников письменности. В этом отношении «Кембриджская древняя история» стала на путь осуществления давно назревшей задачи объединения на равных правах этих двух главнейших источников исторического знания.

I том «Кембриджской истории» открывается двумя главами, составленными J. L. Myres'ом и посвященными обзору доисторических культур Средиземноморья с древнейших времен до эпохи Гальштатта. Первая из них содержит историко-геологические данные относительно стран, омываемых Средиземным морем в доледниковую (третичную) и ледниковую эпохи, антропологический очерк древнейшей истории человека и, наконец, обзор палеолитических и эпипалеолитических культур Южной Европы, Северной Африки и Ближнего Востока. Вторая глава посвящена неолитическим и древнебронзовым культурам [Альпийский неолит, бассейн Дуная и Юго-восточной Европы (Трипольская культура), Анау и Суза, культура окрашенной керамики Ближнего Востока и т. д.].

Третья глава (R. A. S. Macalister) посвящена истории археологических открытий в Средиземноморском бассейне и истории дешифровки египетской, вавилонской и хеттской письменности.

Следующий раздел (S. A. Cook, H. R. Hall, A. J. B. Wall) содержит обзор основных проблем хронологии древнейших периодов истории Месопотамии, Египта, Палестины, Крита и материковой Греции. При этом учитываются данные археологической классификации, являющейся для эгейской и элладийской культур основным ориентиром. К этим четырем главам, подводящим читателя к началу исторического периода и имеющим вспомогательное значение, может быть отнесена также и следующая, V глава, содержащая общие сведения о семитической расе (S. A. Cook), которая по замыслу редакции открывает изложение истории древнего Востока.

К такого же рода вводным очеркам принадлежат главы I и II второго тома (P. Giles), из которых одна посвящена антрополого-лингвистической характеристике древнейшего населения Малой Азии, а другая рассматривает вопросы, связанные с антропологией и этнографией древнейших народов Европы.

Привлечение обширного археологического и лингвистического материала, обычно остававшегося за пределами ведения буржуазной исторической науки, несомненно, должно способствовать читателю в выработке более правильной исторической концепции. Это обстоятельство выгодно отличает «Кембриджскую историю» от прежних изданий подобного рода. Правда, нельзя не заметить, что введение, в таком составе, не может не представляться односторонним и недостаточным. Вместо главы, посвященной семитам, хотелось бы видеть антрополого-лингвистический очерк, посвященный всему этническому кругу Восточного Средиземноморья и Передней Азии, а глава об археологических открытиях должна была бы сопровождаться общим историографическим очерком антиковедения и археологии, что помогло бы читателю отнестись критически к основному изложению, которое в общем довольно догматично и имеет минимальный документационный аппарат. В этом отношении опять-таки приходится отдать предпочтение «Истории древности» Э. Мейера, в которой каждый абзац сопровождается обзором и критикой источников и литературы.

Дальнейший обзор глав «Кембриджской истории» нам придется по необходимости производить не по томам, но соответственно принадлежности отдельных глав к изложению истории того или другого народа.

Древнейшей истории Египта посвящены VI, VII и VIII главы I тома. Первая из них (T. E. Peet) представляет обзор археологических данных, касающихся додинастического Египта (древнейшие некрополи, керамика и каменная посуда, антропологические данные, данные о языке и духовной

культуре). Следующие две главы (H. R. H a l l) трактуют историю Древнего и Среднего царства до эпохи гиксосов включительно. Их изложение, помимо фактов политической истории, содержит характеристику социального строя Египта III—II тысячелетий и перемежается экскурсами в области искусства, религии и материальной культуры. Следует отметить, что H a l l отступает несколько от общепринятой хронологии, в соответствии с которой конец XII династии приходится на 1788 г. до н. э., и отодвигает эту дату более чем на два столетия назад.

Специально вопросам истории религии, письменности, литературы и культурного развития Египта от архаической эпохи до конца Древнего царства посвящена IX глава I тома (T. E. P e e t).

История Египта эпохи Нового царства изложена в шести главах II тома (гл. III—VIII), принадлежащих перу покойного B r e a s t e d ' a (его двухтомная «История Египта» переведена на русский язык). Их дополняет очерк T. E. P e e t 'a, посвященный религиозной реформе Эхнатона и истории культуры (науки и литературы) эпохи Нового царства. Заключительному периоду истории Египта (до персидского завоевания включительно) посвящены четыре главы III тома (гл. XII—XV), написанные H. R. H a l l'ем. Первая из них трактует события эпохи XXI—XXIII династий, вторая обнимает время эфиопского владычества и ассирийского вторжения, третья—саисский период, проникновение в Египет греков и персидское завоевание. Последняя глава посвящена синкретическим явлениям в восточном искусстве саисского периода.

Параллельно с историей Египта идет изложение истории древнего Вавилона. Ему посвящены шесть глав I тома (гл. X—XV). Из них первые три, написанные L a n g d o n'ом, подробно рассматривают вопросы, связанные с происхождением древнесумерийской цивилизации на основании данных раскопок Анау и Сузы; изложение истории древнего Лагаша сопровождается детальным обзором археологических находок в Телло и других пунктах, содержащих остатки древнесумерийской культуры. Изложение доведено до Хаммураби и касситского завоевания включительно, при этом последние три главы, посвященные семитической Вавилонии, ее «золотому веку»—эпохе Хаммураби и концу I вавилонской династии, написаны T h o m p s o n'ом. Специальная глава (XIV) посвящена экономической, политической и культурной жизни Вавилона эпохи Хаммураби. Дополнением к ней и в качестве звена, связующего культуру вавилонскую с древнеегипетской, служит глава XVI, написанная H a l l'ем. Она трактует вопросы техники и стиля в искусстве и художественных ремеслах того и другого народа. Истории возвышения Ассирии, борьбе с сиро-хеттскими народностями при Салманасаре, Набукаднецаре I и Тиглат-Пиласаре I посвящена X глава II тома (C. T h o m p s o n), причем к изложению привлечены новые материалы, добытые при раскопках некоторых касситских поселений, проливающие свет на международные отношения этой малоизученной эпохи.

Времени могущества и упадка Ассирийской империи посвящены пять глав III тома (I—V), написанные S m i t h'ом, уделяющим много внимания вопросам внутренней социально-экономической истории Междуречья при Асаргаддоне и Асурбанипале и его борьбе с северо-западными соседями, в частности с Ванским царством (Урарту).

Краткий период существования Нововавилонского (Халдейского) царства изложен C. T h o m p s o n'ом в X главе III тома, до персидского завоевания включительно. Этот же автор заключает историю Междуречья

главой (XI) о науке, религии и мифологии древнего Вавилона и их влиянии на культуру соседних народов древности и на новую европейскую культуру.

Государству и культуре народа Урарту посвящена, кроме того, отдельная (VIII) глава III тома, принадлежащая перу A. H. S a y c e'a, в которой изложена топография халдских надписей, история их дешифровки и дан краткий обзор политической истории и духовной культуры Урарту. Северные народы, игравшие роль в истории древнего Востока, рассмотрены также в особой (IX) главе того же тома, написанной хорошо известным у нас E. H. M i n n s'ом, представляющей собой краткую сводку южнорусского археологического материала периода киммерийцев и скифов.

История малоазийских и сирийских хеттов изложена D. G. H o g a r t h'ом в трех главах, на страницах II (глава XI) и III (главы VI и VII) томов. Первая из них сообщает историю дешифровки хеттских текстов, касается вопросов происхождения и исторической географии каппадокийских хеттов, проникновения их в Сирию, характера политических и культурных сношений хеттов с Ассирией и Египтом. Поздней истории северосирийских хеттов, их борьбе с ассирийской экспансией специально посвящена вторая из этих глав, третья же рассматривает вопросы хеттской религии и искусства на всей территории и для всего периода существования народа.

Древнейшей культуре Ханаана, Палестины и области Восточной Сирии посвящены две главы II тома (XII и XIII; H. R. H a l l и S. A. C o o k), сообщающие о народах кефтиу, пулесати, митанни, филистимлянах и т. д. в свете египетских и ассирийских данных. Главы эти, в особенности вторая из них, нуждаются в значительных дополнениях за счет весьма важного материала, добытого за самые последние годы раскопками древнего Угарита и Мари и проливающего совершенно новый свет на многие вопросы древнейшей истории Ханаана и Восточной Сирии. Обе эти главы являются некоторым дополнением к изложению истории Египта, останавливаясь более подробно на истории его борьбы за обладание Сирийским побережьем, и в то же время служат введением к пяти главам—II (XIV) и III (XVII—XX) томов, посвященным истории древнего Израиля, написанным S. A. C o o k'ом.

Первая из них содержит краткое введение в критику библейской традиции исхода и завоевания евреями Ханаана; характеристику политического и культурно-экономического состояния Иудеи и Израиля при первых царях, их взаимоотношений с прибрежными и восточносирийскими народами и заканчивается рассмотрением вопроса о египетском влиянии на древнейшие религиозные представления Израиля. Следующие две главы трактуют историю Израиля в эпоху царей до разрушения храма, в аспекте борьбы ассирийской и египетской политики. Они дополняются двумя главами, посвященными истории израильской религии древнейшего периода и политической и религиозной роли пророков. Особняком стоит XVI глава III тома, принадлежащая перу R. A. S. M a c a l i s t e r'a, посвященная исторической топографии Иерусалима с древнейших времен до I в. до н. э.

В дальнейшем мы уже не находим изложения событий истории еврейского народа во всей их последовательности: эпоха персидского владычества представлена в VII главе VI тома (S. A. C o o k), содержание которой, касаясь и политических вопросов, концентрируется, главным образом, вокруг проблемы Пятикнижия и утверждения иудаизма в эпоху Неемии и Эзры. Эпохе Маккавеев посвящена XVI глава VIII тома (E. R.

Bevan), которая излагает также историю Сирии при Селевке IV, Антиохе и Деметрии Сотере.

Наконец, в IX и X томах мы находим еще две главы (IX и XI), принадлежащие Bevan'y и Momigliano, в которых изложены события от Аристобула I до обращения Иудеи в римскую провинцию, при этом вторая глава целиком, а первая частично, посвящена эпохе Ирода.

И поскольку история ахеменидской Персии излагается лишь в тесной связи с событиями эпохи греко-персидских войн и завоеваний Александра Македонского, нами собственно исчерпан весь материал, относящийся к истории древнего Востока в эпоху его независимости от западных стран.

В итоге мы видим, что изложение истории древнего Востока на страницах Кембриджской коллекции, при всех достоинствах в отношении полноты охвата культурно-исторического материала, учета всего нового, что привнесли археологические исследования послевоенного периода и освещения некоторых весьма интересных проблем генетики и взаимодействия древнейших культур Восточного Средиземноморья,—страдает весьма существенными недостатками. Нет сколько-нибудь отчетливой картины социальных отношений, складывавшихся в странах древних рабовладельческих цивилизаций, не говоря уже о том, что вопросы возникновения классового общества, на основе применения рабского труда, вопросы классовой борьбы и ее отображения в памятниках политической и религиозной литературы Египта, Междуречья и Малой Азии даже не затронуты, равно как не суммированы данные, позволяющие выяснить причины упадка и гибели этих цивилизаций. Вообще, характеристика государственного и социального строя древневосточных стран и эволюция социальных отношений показаны весьма нечетко. Изложение немало страдает от чересполосицы и прерывания его на том или другом событии иногда по признакам чисто внешнего характера, что опять-таки не может не причинить ущерба правильному пониманию хода исторического процесса в определенных конкретных условиях. В особенности разбросана и местами даже бессвязно представлена история народов Сирии, в том числе и древнего Израиля. Мы уже указывали, кроме того, на искусственность географических рамок, в пределах которых излагается история Востока: редакция «Кембриджской истории», помещая обзор культуры северных народностей, так или иначе входивших в круг событий ассирийской истории, дает тем самым несколько больше того, что обычно сообщается о европейских народах при изложении истории Ассирии, и это конечно плюс, но в то же время почти совершенно умалчивается о народах Центральной Азии, судьбы которых неразрывно связаны с историческим развитием народов Передней Азии. Можно было бы привести и еще несколько примеров подобной однобокости и неравномерности изложения в вопросах уже не столь общего характера, но ввиду того, что наша цель ограничивается установлением лишь некоторых общих тенденций, наложивших печать на внутреннюю композицию «Кембриджской истории», мы не будем сейчас на этом останавливаться.

Мы переходим теперь к обзору изложения истории тех народов, которые стоят в самом центре внимания редакции «Кембриджской древней истории».

В I томе (глава XVII, A. J. B. Wace) мы находим сводку археологических данных о древне- и среднеминойской стадиях эгейской культуры на Крите, древнекикладской культуре, о древнем и среднем периоде элладийской цивилизации, о трех периодах доисторической фессалийской культуры и культуры первых двух слоев Гиссарлика (Трои). Непосред-

ственным продолжением этого очерка служит XVI глава II тома, принадлежащая перу того же автора и излагающая историю позднеминойского Крита и микенской культуры в Греции. История древней Греции несколько необычно для нашего времени, в целях борьбы с гиперкритицизмом, по словам редакции, но скорее в угоду консерватизму, начинается двумя главами II тома (главы XVII и XVIII, J. B. Bury), излагающими мифологическую традицию об ахейцах и Троянской войне, с очерком ахейской государственности по Гомеру, и, наконец, характеризующими состав самого гомеровского эпоса, его новейшую критику и документальное значение. При этом делается всемерный упор на поднятие исторического кредита мифологической традиции.

Две следующие главы (XIX и XX, H. T. Wade-Gery и D. G. Hogarth) излагают выводы лингвистических и археологических данных о культуре древних дорийцев, традицию дорического завоевания и географию дорического расселения. За этим следует сводка данных о древнейшей ионийско-эолийской культурной области на Малоазийском побережье и излагаются древнейшие этапы ионийской колонизации. Этот, как мы видим, далеко не полный обзор исторических данных о Греции догомеровского и гомеровского периода заключается очерком древнейшей религии и мифологии гомеровской эпохи и религиозных пережитков более раннего времени.

Построение раздела, излагающего древнейший период греческой истории, нельзя назвать удачным прежде всего именно потому, что художественная традиция в значительной мере заменяет в нем те сведения, которыми наука располагает в отношении материальной и духовной культуры Эллады эпохи геометрического стиля и которые традиция призвана лишь в какой-то степени иллюстрировать и оживлять. При этом читатель сначала узнает о гомеровских поэмах и гомеровской культуре и лишь затем получает сведения о культуре Малоазийского побережья в эпоху, частично предшествующую Гомеру.

Истории Греции, на грани перехода от «героического» к историческому веку, посвящены четыре главы III тома (главы XXII—XXV). Первая из них (H. T. Wade-Gery) посвящена росту дорических государств и дает историко-географический обзор Пелопоннеса эпохи тиранов, вторая посвящена древнейшей истории и топографии Афин (A. Gardner и M. Cary) эпохи синойкизма, с привлечением археологических данных и характеристикой дипилонского стиля. В следующей главе M. Cary распространяет этот обзор на Среднюю и Северную Грецию, останавливаясь в конце главы на возникновении дельфийского культа Аполлона и на происхождении религиозного и политического влияния Дельф. Непосредственно за этим и, стало быть, предшествуя изложению событий политико-экономической эволюции Греции в VII—VI вв., следует глава (J. L. Myres) о колониальной экспансии в области Восточного Средиземноморья—Эгейского моря, Понта Эвксинского и Адриатики, составленная в виде обзора всех важнейших колоний. Пяти вышеуказанным главам предшествует (а не заключает, как это было бы уместнее) очерк истории Лидии и ионийских городов (глава XXI, Hogarth) до персидского завоевания включительно. Этим самым редакция «Кембриджской истории» нарушает в данном случае установленный ею принцип синхронного изложения событий, что, однако, не служит на пользу его внутренней последовательности.

Введением в обозрение дальнейшего этапа истории Греции, занимаю-

щего значительную часть следующих (IV и V) томов, служит заключительная XVI глава III тома, где обсуждается проблема происхождения греческого полиса, суммируются вместе с тем данные, изложенные в предшествующих главах, свидетельствующие о росте городов и укреплении земельной и торговой аристократии.

История Афин излагается в дальнейшем последовательно от килоновой смуты до греко-персидских войн включительно, в II, III, VI и X главах IV тома. Первая из них (F. E. A d c o c k) останавливается, главным образом, на конституционно-политических следствиях преобразований Солона, чему предпослано краткое упоминание о предшествующих им годах экономического и политического кризиса. Следующая, написанная тем же автором, глава посвящена времени Писистрата и Писистратидов; при этом излагается, главным образом, внутренняя политическая история. Одновременные события в Пелопоннесе упоминаются лишь в связи с кратким изложением истории образования Пелопоннесского союза. Следующая глава, посвященная в основном обзору реформ Клисфена, освещает события эпохи несколько шире, чем предыдущая, останавливаясь подробно на вопросах афинской международной политики и на пелопоннесских делах в связи со спартанско-аргосской войной.

Перечисленные только что главы дополняются обзором (глава IV, P. N. U r e) политических событий, имевших место на рубеже VI—V вв., в малоазийских центрах, североионийских городах, в Великой Греции и на Африканском побережье. Обзор этот отчасти повторяет уже упомянутую ранее XXI главу III тома. Далее, ко всему периоду греческой истории до греко-персидских войн относится несколько глав, посвященных экономике и духовной культуре названного периода. Таковы: очерк происхождения греческой монеты и монетных систем VI в. (глава V. G. F. H i l l); очерк истории греческой литературы от Гомеридов до Вакхилида (глава XIV, J. B. B u r y); религиозные движения (происхождение мистерий, орфические учения) и философия досократовского периода (глава XV, F. M. C o r n f o r d) и, наконец, обзор истории архаического искусства (глава XVI, J. D. B e a z l e y).

Изложению истории греко-персидских войн посвящены три главы IV тома. Им предпосланы главы I и VII того же тома, обнимающие историю Персидского царства до похода Мардония. Первая из них (G. B. G r a y) повествует о возникновении и распространении персидского могущества на востоке от Кира до Дария и о политике центральной персидской администрации в отношении завоеванных стран. Вторая (G. B. G r a y и M. C a r y) представляет собой весьма подробный обзор событий эпохи Дария и имеет разделы, характеризующие государственное управление, культуру, искусство и религиозные культы Персидского царства. Заключительная часть этой главы является введением в историю первого похода в Грецию и излагает весьма подробно причины и ход событий ионийского восстания. Перипетии войны (до битвы при Микале и взятия Сеста) изложены со всеми подробностями в трех главах (VIII, IX и X) того же IV тома, принадлежащих перу J. A. R. M u n r o. В них содержатся, кроме того, экскурсы в область истории военной техники, состава армий и дипломатии греков и персов.

В связи с событиями греко-персидских войн читатель впервые получает сведения о Карфагене и финикийской колонизации, а также о сицилийских греческих городах, от их возникновения до битвы при Гимере (глава XI, J. H a c k f o r t h).

Общая концепция эпохи греко-персидских войн, поскольку она резюмирована в редакционном предисловии (v. V, p. V), столь же тривиальна, сколь и последовательна в духе общих установок издания. Это, разумеется, все та же старая идея победы европейской цивилизации над восточным варварством.

Том V «Кембриджской древней истории» целиком посвящен эпохе могущества афинской демократии в эпоху Фемистокла, Кимона и Перикла, Пелопоннесской войны и крушения Афинской державы.

Открывается он обзором (M. N. Tod) экономического положения Греции в V в., дающим сжатую характеристику состояния важнейших отраслей хозяйства, торговой и финансовой политики применительно, главным образом, к Афинам. Поскольку историко-экономические данные в такой связи преподносятся впервые, и в то же время без подведения итогов хозяйственного развития VII—VI вв., возникновения крупного рабовладельческого хозяйства, образования международного рынка и т. д.,— обзор этот оказывается весьма узким и статическим, тем более, что он не пытается заглянуть немного вперед и указать на причины политического кризиса конца V—начала IV вв. Далее, главы II, III, IV (E. M. Walker) излагают политические события 70—40-х годов V в., сосредотачивая внимание, главным образом, на истории Делосского союза, первой Пелопоннесской войны, египетской экспедиции и внутренней истории Афин в эпоху широких демократических реформ.

Эти главы сопровождаются приложением, помещенным в конце тома, где рассматриваются спорные вопросы хронологии «пятидесятилетия» и Пелопоннесской войны до 406 г. Изложению событий Пелопоннесской войны предшествует глава VII (F. E. Adcock), посвященная афинской политике и противоречиям между Афинами и Спартой. Следующая (VIII) глава (F. E. Adcock) содержит подробный обзор политических событий и военных действий за десятилетний период Архидамовой войны (до Никиева мира включительно). Заключительному этапу Пелопоннесской войны посвящены главы IX—XII, написанные W. S. Ferguson'ом. Первая из них обнимает события спартано-аргосской войны и военных действий Алкивиада в Пелопоннесе. Следующая—посвящена афинским экспедициям в Сицилию. Этой главе предпослан очерк (глава VI, R. Hackforth) политических событий в Сицилии в середине V в., с характеристикой экономического и культурного подъема греческих городов, в особенности Сиракуз.

Последние две главы излагают военные события у берегов Малой Азии, эпизоды гражданской войны на Хиосе, Самосе и в Афинах, с подробной характеристикой олигархического движения—вплоть до падения Тридцати и восстановления афинской демократии в 403 г.

Изложение политической истории дополняют главы, посвященные культурным явлениям эпохи. Глава XIV (R. W. Macan) посвящена развитию греческой историографии греко-персидской и Пелопоннесской войны (до Ксенофонта), глава V (C. T. Sheppard) содержит подробный обзор греческой трагедии и древней аттической комедии, с акцентом на ее политическом значении и, наконец, глава XV (J. D. Beazley и D. S. Robertson) весьма обстоятельно излагает историю классического периода греческого искусства, главным образом, в области архитектуры и монументальной пластики.

Несмотря на столь детальное изложение и обилие привлекаемого материала, нельзя не обратить внимания на некоторые существенные пробелы.

Уже было указано на то, что вопросы греческой экономики V в. очерчены весьма недостаточно. То же нужно сказать и в отношении общих явлений общественно-культурного порядка. Ряд фактов, разбросанных по различным главам, не позволяют читателю составить цельное представление о социально-историческом значении афинской демократии. Вопросы материальной культуры и условий городской жизни V в. остались совершенно незатронутыми. «Кембриджская история» имеет в себе главу о топографии Иерусалима, но ничего не говорит о топографии Афин V в.

Изложение истории эллинистической Греции IV в. группируется вокруг VIII, IX, XII, XV глав VI тома, содержащих обзор истории Македонии и македонского завоевания. Им предпосланы главы II—IV, посвященные событиям, имевшим место в Греции первой половины IV в. (M. C a r y). Первая из этих глав касается Спарты, ее преобладания в Греции, ее политики при Лисандре и Агесилае, спартанско-персидского союза и Коринфской войны. Две другие главы излагают борьбу возродившегося Афинского союза и возвысившихся при Эпаминонде Фив со спартанским могуществом. Изложение доводится до 360 г. и заканчивается характеристикой общего политического состояния Греции, как состояния разброда и упадка. Главы VIII и IX (A. W. P i c k a r d-C a m b r i d g e) излагают историю царствований Филиппа III, участие и роль Македонии в священной войне, соперничество афинян и Македонии в Халкидике. Главы XII—XIII (W. W. T a r n) обнимают годы царствования Александра, кратко сообщая историю его европейских и азиатских завоеваний. Изложение заканчивается характеристикой личности и системы государственного управления Александра.

Глава XIV характеризует положение Греции в годы восточных войн Александра, политику Антипатра в отношении союза греческих государств и заканчивается изложением событий ламийской войны и ее прямых последствий.

Следует упомянуть еще две главы VI тома: 1) «Персия от Ксеркса до Александра Македонского» (глава I, W. W. T a r n), излагающая историю Кира Младшего, поход Десяти тысяч и восстания сатрапов при Артаксерксах II и III, 2) «Египет ко времени Александра» (глава VI, H. R. H a l l), где прослежены судьбы Египта в эпоху Геродота, в последний период его независимости, и в эпоху окончательного подчинения Персидскому царству. Заключительная часть главы бросает ретроспективный взгляд на эпоху упадка Египта, декаданс египетской литературы и религии. Обе эти главы предваряют изложение истории войн Александра в Азии, приведших к созданию великой восточной империи.

Культурные итоги IV в. сведены в несколько глав, содержащих характеристику политических идей Ксенофонта и Исократа, Платона и Аристотеля в свете политической и философской борьбы эпохи кризиса и гибели греческого полиса (глава XVI, E. B a r k e r), систематический обзор философских учений Сократа, Платона и Аристотеля в связи с развитием точных и естественных наук (глава XI, F. M. C o r n f o r d), наконец, обзор истории изобразительных искусств и архитектуры в эпоху раннего эллинизма (глава XVII, J. D. B e a z l e y и D. S. R o b e r t s o n).

Введением в историю распада империи Александра и образования на ее развалинах эллинистических монархий должна служить I глава VII тома (W. S. F e r g u s o n), посвященная характеристике основных черт эллинистической идеологии эпохи диадохов, в которой прослеживается идея большой централизованной монархии, нашедшая поддержку

в новых формах религии—культе царей и все более широко распространяющемся религиозном синкретизме, в характерном для массовой психологии этого времени космополитизме, и породившая, в качестве реакции на все это, стоические и индивидуалистические учения.

Изложению политических событий, имевших место в Греции и на Востоке в период времени от смерти Александра и до первого столкновения Македонии с Римом, посвящены XV глава VI тома и III—VI, XXII—XXIII главы VII тома.

В первой из упомянутых глав (W. W. T a r n) рассматриваются отношения преемников Александра до битв при Ипсе (301 г.) в свете борьбы Антигона и Деметрия Полиоркета с коалицией Селевка, Птолемея, Кассандра и Лисимаха. События, последовавшие непосредственно за этой датой—борьба Деметрия и Лисимаха с Селевком, проникновение галатов в Малую Азию и захват Македонии Антигоном Гонатом—сыном Деметрия, изложены в III главе VII тома, принадлежащей тому же T a r n'у.

Характеристике трех государств, возникших на развалинах империи Александра: птолемеевского Египта, сирийско-азиатского царства Селевкидов и Македонии с Грецией посвящены следующие три главы. Из них первые две написаны R o s t o v t z e f f'ым и содержат детальный обзор экономики, политической и финансовой администрации, а также политической и экономической географии Египта и царства Селевкидов. Большие разделы этих глав посвящены условиям развития греческой культуры на египетской и сирийской почве. Третья же глава (W. W. T a r n) останавливается, главным образом, лишь на внутренней политике Македонии в эпоху Антигона Гоната и на событиях политической жизни Греции в эпоху Этолийского союза. Она дополняется главой VII того же тома (C. F. A g n u s), посвященной вопросам культуры, литературы и философии в Афинах. Содержание ее в основном сводится к истории новоаттической комедии и изложению физических и этических учений Зенона и Эпикура.

Продолжение этого изложения для времени Ахейского союза и борьбы Македонии с греческими коалициями при Деметрии II, Антигоне Дозоне и Филиппе III мы находим в главе XXIII (W. W. T a r n). Глава XXII того же автора излагает историю войн, связанных с борьбой между Селевкидами и Птолемеями за обладание Сирией.

Наконец, элементы эллинистической культуры суммированы в двух главах: IX (H. S. J o n e s и T. L. H e a t h)—о прогрессе точных наук в эпоху эллинизма, и VIII (E. A. B a r b e r)—об александрийской литературе и научных исследованиях в области истории и географии.

На этом мы покидаем историю эллинистической Греции и Востока. В дальнейшем они попадают в орбиту Рима, в связи с историей которого мы и будем в соответствующем месте рассматривать посвященные им страницы «Кембриджской истории».

В заключение обзора глав, посвященных эллинистическим монархиям, хочется сказать, что, несмотря на сравнительное обилие материала и полноту изложения, здесь, как и раньше, дают себя чувствовать некоторые пробелы. Несомненно, что наиболее значительным явлением этого времени было быстрое распространение греческого языка, греческой духовной и материальной культуры, вплоть до весьма глубинных пунктов восточной цивилизации; «Кембриджская история» не дает нам специального обзора успехов греческой культуры в странах Востока, равно как не фиксирует в достаточной степени внимания и на встречном культурном потоке

с Востока на Запад, что нашло свое отражение в религии, искусстве и в быту греков. Эллинистическая промышленность и торговля, для истории которых имеется очень большой, с каждым днем все пополняющийся эпиграфический материал,—не привлекла к себе внимания «Кембриджской истории». Наконец, совершенно опущены сведения, касающиеся восточных сатрапий империи Александра; хотя последние и освободились довольно быстро из-под власти Селевкидов, но продолжали развиваться под влиянием эллинистической культуры и поэтому должны были найти свое место в изложении истории эпохи эллинизма.

Нам остается сделать несколько замечаний общего характера относительно построения всего раздела, посвященного эгейской и греческой цивилизации. Многое из того, что было сказано по поводу композиции раздела древнего Востока, остается в силе и здесь. История эгейской культуры представлена весьма сжато и замкнуто. Приходится указать на отсутствие специальной главы, которая суммировала бы данные о культурных связях эгейской цивилизации с восточным побережьем Средиземного моря. Материал для подобного очерка, весьма важного с общеисторической точки зрения, за последнее время сильно умножился.

Неотчетливо и разбросанно дана история архаической Греции (расселение племен и древнейшая колонизация). Если рассмотренный раздел «Кембриджской истории» содержит ряд весьма ценных очерков, посвященных вопросам духовной культуры и искусства древней Греции, то нельзя не пожалеть о том, что социальная и экономическая сторона исторического процесса показана весьма отрывочно и затронута лишь поверхностно. Это относится ко всему разделу, в особенности же к изложению истории эллинистического периода.

С историей древней Италии читатель сталкивается впервые на страницах IV тома, в котором XII и XIII главы (R. S. C o m w a y и S. C a s s o n) посвящены этрусскому вопросу и италийским племенам в эпоху этрусского могущества.

Первая из них касается истории этрускологии и ее методов, географии этрусских племен, хронологии этрусской истории и археологических данных. Весьма обстоятельно суммированы итоги новых исследований этрусского языка и письменности, религии и искусства. В следующей главе сведены лингвистические данные о других племенах Италии, дополненные краткой характеристикой культуры террамар. К изложению истории Рима, с отступлением от синхронистического принципа, «Кембриджская история» обращается лишь на страницах VII тома, где мы находим пятнадцать глав, содержащих римскую историю от основания города до II Пунической войны.

Изложение открывает глава X (H. S. J o n e s), посвященная обозрению древнейших памятников латинской письменности, источниковедения, анналистики и древней историографии. Две следующие главы (XI, XII, H. S. J o n e s) посвящены географии Лация, топографии древнейшего Рима, пересказу и критике легенд об основании города и изложению истории Рима в период царей. Этот раздел заключается очерком (глава XIII, H. S. J o n e s) древнейших политических и религиозных учреждений Рима до и в результате реформы Сервия Туллия. Он находит прямое продолжение в главе XIV (H. S. J o n e s и H. L a s t), содержащей обзор древнейших республиканских учреждений и их эволюцию до децемвирата, оформления законов двенадцати таблиц и законов Валерия и Горация. В этой главе, подробнее всего останавливающейся на времени децем-

виров, речь идет также о древнейшей римской колонизации и об аграрных отношениях. Следующая, XV глава (H. L a s t) посвящена отношениям латинян с соседями и доводит изложение до завоевания Вей и Южной Этрурии. Далее (глава XVI, H. S. J o n e s и H. L a s t) излагается внутренняя политическая борьба второй половины V века из-за курульных магистратур, образование нобилитета и характеризуются функции новых магистратов. Две следующие главы (XVII—L. H o m o и XVIII—F. E. A d c o c k) посвящены галльской катастрофе, организации римской обороны на северной границе (глава XVII включает в себя небольшой очерк галльско-кельтической культуры и взаимоотношений этрусков и кельтов) и самнитским войнам в свете других событий, сопровождавших утверждение Рима в Центральной Италии.

Несколько особняком стоит глава XIX (M. C a r y), имеющая вспомогательное значение при изложении событий эпохи войн с Пирром и Карфагеном. Она посвящена истории Сицилии в конце IV в. до н. э., повествует, главным образом, об Агафокле, его внутренней политике и о войнах в Африке и Южной Италии.

Глава, охватывающая события эпохи войн Рима в Южной Италии (глава XX, T. F r a n k) и завершение процесса объединения италийских народов под властью Рима, акцентирует внимание на походе и войнах Пирра в Италии и Сицилии. Заключительная часть главы содержит характеристику Италийской федерации, ее принципов и системы управления.

Перу того же автора принадлежат также главы (XXI и XXV), посвященные истории Карфагена накануне Пунических войн, сицилийским делам при Гиероне, событиям I Пунической войны и, наконец, политическому положению Италии и Сицилии по окончании этой войны. Вторая из названных глав излагает, кроме того, перемены, имевшие место между I и II Пуническими войнами в государственной администрации Рима.

Специальные обзоры посвящены иллирийским войнам и римской дипломатии в отношении Македонии (глава XXV, T. F r a n k), а также пунической экспансии в Испании при Гамилькаре и Ганнибале (глава XXIV, A. S c h u l t e n) между I и II Пуническими войнами. Последняя глава дает, кроме того, небольшой археолого-этнографический обзор древней Иберии.

В приложении к VII тому помещены специальные экскурсы в область некоторых хронологических проблем, в том числе—о дате первого договора между Римом и Карфагеном.

События II Пунической войны изложены в трех (II, III, IV) главах VIII тома, принадлежащих перу B. L. H a l l w a r d'a. Первая из них излагает причины войны, стратегический план Ганнибала, его поход через Альпы и ход военных действий до битвы при Каннах. Следующая касается, главным образом, похода Сципиона в Испанию и Сицилийской войны. Наконец, третья посвящена заключительному этапу войны до битвы при Заме, условиям мирного договора и последствиям войны для римской экономики и политики.

События III Пунической войны нашли свое место в главе XV (B. L. H a l l w a r d и M. P. C h a r l e s w o r t h), обрисовывающей политическое и экономическое положение Карфагена накануне войны, его борьбу с Масиниссой, ход войны и разрушение города и заканчивающейся общим очерком культурного и исторического значения Карфагена в древности.

Главы V, VI, VII и VIII (автор первых трех глав—M. H o l l e a u x,

последней — P. V. M. B e n e c k e) посвящены событиям первой половины II в. на эллинистическом Востоке и истории войн и дипломатических отношений Рима с Филиппом III, Персеем и Антиохом. Первая глава концентрирует внимание на антиримской политике Филиппа, его союзе с Карфагеном, римском союзе с Этолией и первом этапе войны в Греции; следующая излагает, главным образом, события войны до битвы при Киноскафалах; далее рассматриваются войны Антиоха в Малой Азии и Греции до мира в Апамее и, наконец, в последней из этих глав речь идет о заключительном этапе борьбы Рима с Македонией и ее союзниками до битвы при Пидне. Дополнением к этому большому обзору восточных войн Рима служит глава IX (P. V. M. B e n e c k e), характеризующая общие вопросы римской восточной дипломатии и результаты политики Рима по отношению к греческим и малоазийским государствам.

Внутренняя политика Рима, экономические и социальные сдвиги в римском обществе за рассмотренный период, муниципальная жизнь Рима, а также мероприятия на севере Италии против бойев, инсубров и лигуров изложены в главах XI и XII (T. F r a n k).

Специальная глава (X,—A. S c h u l t e n) посвящена организации провинциального управления в Испании, восстаниям, кельтиберийской войне, с подробным описанием осады и взятия Нуманции Сципионом.

Упомянем еще главы, посвященные странам, уже вошедшим или долженствовавшим в скором времени войти в орбиту римского влияния. Таковы: очерк (глава XIX,—M. R o s t o v t z e f f), посвященный политической организации, экономике и культуре Пергамского царства, этнографический и историко-культурный обзор фракийских народностей (G. T. K a z a r o w); очерк истории Боспорского царства в его связях со скифо-сарматской степью и его торгово-политических отношениях с государствами Греции и Малой Азии (M. R o s t o v t z e f f).

Заключением к этим очеркам политико-экономической истории эллинистического Востока, в эпоху выступления на мировую арену Рима, служит обзор средиземноморской торговли, концентрирующей внимание на ее главнейших центрах: островах Родосе и Делосе (глава XX, M. R o s t o v t z e f f).

Первые плоды римской духовной культуры подытожены в двух очерках (глава XIII—J. W. D u f f и глава XIV—C. B a i l e y), посвященных истокам латинской литературы, образованности и религии, концентрирующих внимание на эпосе, драме, комедии, на основных чертах домашнего и государственного культа и на моментах прямого влияния этрусской и греческой культуры на римскую.

Особая глава (I—T. R. G l o v e r) посвящена Полибию, как крупнейшему историку эпохи.

Том IX «Кембриджской истории» посвящен событиям последнего столетия республики от Гракхов до смерти Цезаря.

Глава I (H. L a s t) излагает сущность аграрного кризиса, подробно останавливается на причинах и ходе первого сицилийского восстания рабов, переходя затем к аграрному закону Т. Гракха и последовавшим за ним событиям до убийства Гракха и торжества реакции. Глава II начинается с обзора и характеристики союзнических восстаний, переходит к трибунату Гая Гракха, останавливаясь подробно на каждом из введенных им законов и политической борьбе вокруг них. Рассказ о падении Гая Гракха заключается обзором земельных отношений в Италии после реформ Гракхов.

Социальной борьбе в Италии от эпохи Гракхов до первого триумвирата посвящены три главы (IV, V, VI—H. Last и R. Gardner), из которых первая сосредоточивает внимание на трибунате Сатурнина и Друза, союзнической войне, Сульпициевых законах и первом консульстве Суллы.

Следующая глава излагает борьбу Мария и Цинны с Суллой, диктатуру последнего, с подробной характеристикой его реакционных мероприятий. Изложение доведено до смерти Суллы. Последняя из этих глав начинается обзором политической ситуации в Риме по смерти Суллы, переходит затем к Серториевой войне, первому консулату Помпея и Красса, до экспедиции Помпея в Азию. В той же главе три страницы посвящены спартаковскому восстанию.

Внешние события и войны Рима на Западе и Востоке за эти годы изложены также в трех главах (III—H. Last; V—M. Rostovtzeff и H. A. Ormerod; VIII—H. A. Ormerod и M. Cary), из которых первая кратко касается восстаний рабов в Азии и Сицилии (война с Аристоником и подавление второго сицилийского восстания) и подробно излагает этапы Югуртинской войны, военные действия на севере Италии и военно-реорганизационные мероприятия Мария в борьбе с кимврами и тевтонами. Следующие главы посвящены войнам с Митридатом (с предварительным очерком истории Понтийского царства и династии Митридата), борьбе с пиратами на Средиземном море, кампании Помпея в Сирии и политике Рима по отношению к Парфянскому царству и Египту.

Рост территории республики, превращение ее в огромную империю подытожены в главе X (G. H. Stevenson), посвященной обзору территориальных приобретений, организации военной и гражданской провинциальной администрации и экономическим взаимоотношениям Италии и провинций.

Заключительный этап политического кризиса Римской республики изложен в четырех главах (XI, XII—M. Cary, XV, XVI—F. E. Adcock) того же тома; первая из них касается, главным образом, заговора Катилины и политической позиции Цезаря. Следующие две посвящены событиям эпохи первого триумвирата и политике Помпея от конференции в Луке до окончательного разрыва с Цезарем в 51 г. до н. э. Здесь же кратко сообщается о походе и гибели Красса в Месопотамии [поход Красса, история Парфянского царства и парфяно-римские отношения времени республики изложены особо в главе XIV (W.W. Tarn), подобно тому, как история Галлии, ее отношения с Римом до времени Цезаря и самая история ее завоевания Цезарем изложены в главе XIII, написанной C. Hignett'ом].

Последняя из перечисленных выше глав подробно излагает события, последовавшие за вступлением Цезаря в Италию, борьбу с Помпеем и его приверженцами, войну в Египте и войну с Фарнаком. Изложение политической истории эпохи падения республики заканчивается обзором административных мероприятий Цезаря в области государственного и муниципального строя и хозяйства Италии и провинций, его внешней политики и, наконец, взаимоотношений Цезаря с республиканскими учреждениями. Последние страницы главы посвящены мартовским идам.

Гражданственность, культура и искусство позднеевропейской эпохи нашли себе место в очерках, посвященных сословному строю, семейным установлениям и социальным отношениям в Риме эпохи Цицерона (глава XIX—J. W. Duff), в очерке литературы цицероновской эпохи, где речь идет, главным образом, о поэзии Лукреция и Катулла, литературной и ора-

торской деятельности Цицерона, об исторических трудах Цезаря, Саллюстия и Непота; в очерке истории римского искусства эпохи республики, с установлением моментов влияния и взаимодействия этрусского и осско-кампанского стилей в римской живописи и скульптуре, заканчивающемся рассмотрением гражданской и культовой архитектуры Рима и других италийских городов.

История республиканского Рима, занявшая два тома «Кембриджской истории», изложена с большой обстоятельностью, полнотой, неизменной даже и там, где, в угоду традиции, рассказывается легендарная история города эпохи царей и первого века республики.

Необходимо указать лишь на то, что революция рабов на протяжении последнего века республики, равно как и отдельные эпизоды крупнейших рабских восстаний в Италии, Сицилии и Малой Азии привлекли к себе совершенно недостаточное внимание со стороны редакции «Кембриджской истории». Этот материал, изложенный весьма сжато и разбросанный по нескольким главам, оттеснен с переднего плана изложения далеко вглубь и не служит поэтому для правильного понимания причин падения республиканских учреждений древнего Рима.

Эпохе второго триумвирата посвящены первые четыре главы X тома (M. P. Charlesworth и W. W. Tarn). Первая излагает события до триумвирата в момент преобладания Антония в Риме, появление на политической арене Октавиана, провозглашение триумвирата и смерть Цицерона, наконец, войну триумвиров с Брутом и Кассием. Следующие две главы останавливаются, главным образом, на восточной эпопее Антония, его союзе с Клеопатрой. парфянской экспансии на запад, борьбе Октавиана с Секстом Помпеем и на заключительной фазе борьбы Антония и Октавиана.

Важнейшим политическим событиям эпохи принципата Октавиана Августа и реорганизации внутреннего центрального и провинциального управления и армии, определению функций республиканских учреждений, равно как вопросам внешней политики и урегулирования отношений с соседними союзными и враждебными государствами посвящены главы IV (W. W. Tarn и M. P. Charlesworth) и V (H. S. Jones). Вторая из этих глав касается также вопросов династической политики Августа, оформления и укрепления власти принцепса и его ближайших помощников (Агриппа, Тиберий, Друз).

Вопросы конституции и фактической компетенции сената в области юрисдикции, внутреннего управления и в области внешних сношений, а также социальный состав августовского сената рассмотрены в главе VI (H. S. Jones). Аналогичные подробные обзоры организации центральной, муниципальной и провинциальной администрации, местного самоуправления, финансовых реформ и организации фиска, а также состава и расквартирования сухопутных военных сил и морских и речных флотов мы находим в главах VII и VIII (G. H. Stevenson).

Организации и укреплению восточного и северного limes'a империи посвящены два детальных очерка (глава IX—J. G. C. Anderson и глава XII—R. Syme), из которых первый останавливается на вопросах оккупации и охраны границ и путей Египта, взаимоотношений с Парфянским царством, Арменией и Боспорским царством и на создании римской оборонительной линии на Ефрате. Второй излагает мероприятия по подчинению и умиротворению иберийских и альпийских народов, войны Тиберия и Друза в северных провинциях, наконец, войны с даками

и германцами (Марбод и Арминий). Специальная глава посвящена организации провинциального управления и мероприятиям по поднятию хозяйства и торговли Египта (глава X—H. R. Bell).

Большой обзор (глава XIII—F. Oertel) состояния промышленности и торговли Римской империи в эпоху Августа, останавливающийся на производственной продукции, торговых путях и мерах для подъема и обеспечения процветания промышленности и торговли, заключает перечисленные выше главы, посвященные политической и экономической жизни августовской империи.

Нам остается еще упомянуть о главе XIV (H. Last), излагающей мероприятия Августа, направленные к укреплению сословного строя, брака и семьи, и о двух главах, посвященных литературе и искусству «золотого века» (глава XVI—T. R. Glover и глава XVII—E. Strong). Вторая из них посвящена, главным образом, портретной скульптуре эпохи Августа и его ближайших преемников и архитектуре Рима эпохи Августа, Тиберия и Клавдия.

Введением к изложению истории эпохи императоров Юлиево-Флавиева дома служит глава XVIII (F. E. Adcock), посвященная выяснению происхождения монархических идей, связанных с идеологией эпохи принципата, личности Августа, как монарха, династическим вопросам и социальному эффекту принципата.

Ход политических событий в Римской империи от Тиберия до Веспасиана изложен в главах XIX—XX (M. P. Charlesworth), XXI (A. Momigliano), XXIV (G. H. Stevenson). Первая из них посвящена царствованию Тиберия и останавливается, главным образом, на взаимоотношениях императора с сенатом, политической карьере Друза, Германика и Сеяна и на вопросах провинциального управления. Далее (глава XX), речь идет о личности императора Калигулы, его тирании, о германских и иудейских делах. Вторая часть этой главы посвящена времени Клавдия, содержит характеристику его, как политического деятеля, прослеживает изменения, произведенные им в администрации империи и законодательстве, провинциальных делах и отношениях Рима с вассалами-союзниками. Следующая глава обнимает годы царствования Нерона, останавливается подробно на интригах Агриппины и Поппеи, на политической роли Сенеки, Бурра и Тигеллина, пожаре Рима и Пизоновом заговоре. Глава XXIV, заключающая изложение истории царствования Нерона и указывающая причины его падения, подробно останавливается на эпизодах гражданской войны в борьбе Гальбы, Отона, Вителлия и Веспасиана и на причинах победы последнего. Две главы (XXII—J. G. C. Anderson и XXIII—R. Syme и R. G. Collingwood) обозревают положение на восточной и северной границах империи в эпоху от смерти Августа до победы Веспасиана. Первая из них останавливается, главным образом, на парфянских и армянских делах Рима в эпоху Тиберия и Нерона и заканчивается рассказом о проникновении последнего на северный берег Черного моря. Вторая упоминает о дипломатических отношениях Тиберия с германцами, характеризует с политической и военной стороны германские племена близ рейнской границы, подробнее же всего останавливается на завоевании Британии и Фракии. Специальная глава (XXV—G. H. Stevenson и A. Momigliano) посвящена изложению тесно связанных с социальной борьбой в римском обществе восстаний в Галлии и Иудее. Она заканчивается рассказом о иудейской войне Веспасиана, осаде и падении Иерусалима.

Этим мы исчерпали содержание X тома «Кембриджской истории». Нам остается упомянуть лишь еще о главе XV (A. D. Nock), посвященной вопросам религии и философии в эпоху от падения республики до смерти Нерона. Содержание ее касается, главным образом, религиозной политики Августа, возникновения культа императоров и этических учений Сенеки и Корнута.

Политической истории Рима в эпоху императоров из дома Флавиев посвящены две главы XI тома (I—M. P. Charlesworth и IV—R. Syme). Они, однако, уделяют мало внимания событиям внешнего характера. Первая сосредоточивает внимание, главным образом, на мероприятиях по реорганизации и укреплению центральной администрации, провинциального управления и государственных финансов, предпринятых Веспасианом и Домицианом, а вторая посвящена вопросам обороны границ империи, в особенности на Востоке, реорганизации армии и войнам Домициана в Британии, Германии и Дакии. Для последней из этих глав вспомогательное значение получают два очерка (глава II—G. Ekholm и A. Alföldi, глава II—M. Rostovtzeff), один из которых посвящен этнографии и археологии древнегерманских племен между Рейном и Дунаем; другой вначале характеризует происхождение и распространение сарматских племен, а затем дает детальный обзор истории социально-экономического быта и духовной культуры Парфянского царства. Эпохе императоров Нервы, Траяна и Адриана отведены главы V, VI (R. P. Longden) и VIII (W. Weber). Первая посвящена по преимуществу мероприятиям Траяна в области внутренней политики, восстановления государственного хозяйства и финансов, вторая излагает ход и результаты войны в Дакии и на Востоке (Аравии, Армении, Месопотамии). Третья характеризует стабилизацию империи при Адриане, очерчивает его индивидуальные качества, кратко останавливается на мероприятиях общеполитического и общекультурного порядка и, наконец, на оборонных и военных делах. Глава IX (W. Weber) посвящена политическим событиям эпохи Антонинов и, главным образом, годам царствования Марка Аврелия. Наиболее детально излагаются столкновения с Парфянским царством, германскими племенами, вопросы внутренней политики и культурные мероприятия Марка Аврелия. Заключительная часть главы посвящена царствованию Коммода, его индивидуальной характеристике и нарастающим признакам упадка антониновского Рима.

Изложение XI тома заканчивается эпохой Антонинов. Перечисленные выше главы, содержанием которых была, главным образом, политическая история Рима эпохи Флавиев и Антонинов, дополняются в заключение несколькими общими обзорами, призванными охватить в целом, за указанный период времени, отдельные стороны политической и культурной истории Рима. Так, две главы (главы X, XI—H. Last) посвящены конституционным и династическим проблемам принципата, системе центрального управления, взаимоотношениям республиканских и императорских учреждений, сословному строю, как опоре императорского режима. Вторая из этих глав останавливается, главным образом, на роли императорской власти в процессе унификации и романизации подчиненных Римской империи стран, на происхождении и развитии в императорскую эпоху идеи всемирной монархии, культа императоров и т. д. Упомянутые обзоры— это как-раз то, чего недостает, как было отмечено выше, изложению истории эпохи эллинизма, и без которых элементы социальной и общекультурной эволюции тонут в обилии и разрозненности фактов. Отдельный очерк

посвящен социальной структуре римского общества и основным экономическим факторам эпохи. В нем сообщаются сведения о классовом и сословном составе общества, об общем уровне промышленности, сельского хозяйства и торговли, наконец, о материальном быте, массовой морали и религиозности.

Отдельная глава (VII—B. H. S t r e e t e r) посвящена началу христианства. На сей раз здесь нет пересказа канонической мифологической традиции, но вопросы происхождения христианского культа также не поставлены, а прослежены лишь первые шаги христианской общины, главным образом, на сирийской почве.

Пять глав (XII—XVI) дают подробный обзор экономической и культурной жизни провинций за полтора века империи. Первая из них (E. A l b e r t i n i) подробно описывает народонаселение, хозяйство, пути сообщения и города Африки, Испании и Галлии; вторая (B. G. C o l l i n g w o o d и A. A l f ö l d i) сообщает те же сведения относительно Британии, Римской Германии, Реции и дунайских провинций, третья (I. R e i l)—Греции и западной части Малой Азии; четвертая (F. C u m o n)—Каппадокии, Сирии и Аравии, с подробным очерком сирийской культуры, литературы и религии; пятая (H. I. B e l l и P R o m a n e l l i)—Египта, Крита и Киренаики.

И, наконец, последние пять глав XI тома посвящены литературе, науке и искусству этого времени. Глава XVII (F. H. S a n d b a c h) касается греческой образованности на римской почве, следующая глава (E. E. S i k e s)—латинской литературе «серебряного века», глава XXI (W. W. B u c k l a n d)—классическому римскому праву и истории римской юриспруденции, глава XX (G. R o d e n w a l d t)—истории архитектуры и скульптуры в Риме, Греции и на Сирийском и Египетском Востоке в эпоху от Нерона до Антонинов.

Этим исчерпывается содержание XI тома «Кембриджской древней истории».

В заключение обзора томов, посвященных истории Римской республики и раннего периода империи, хочется сказать о том, что этот раздел является, повидимому, самым полным и самым удачным в смысле распределения материала и взаимного отношения отдельных его частей, освещающих различные стороны исторического развития древнего Рима. В особенности это относится к изложению истории императорской эпохи, где наряду с подробными и широкими обзорами политических событий, имевших место на протяжении всей территории империи, мы находим весьма обстоятельное, преподанное с привлечением огромного нового эпиграфического и археологического материала, отображение экономического строя и материальной культуры империи. Моментом отрицательного порядка является то, что получаемая картина не лишена значительной доли статичности, в особенности там, где изложение построено по принципу обзора экономики отдельных частей империи для значительной территории и за продолжительный отрезок времени. Мы уже отмечали ранее и считаем нужным повторить здесь опять, что социальный кризис II—I вв. до н. э., породивший громадную волну рабских восстаний в различных областях римских владений, нашедших отклик и в других странах Средиземноморья—кризис, приведший к крушению Римской республики и подорвавший всю рабовладельческую систему хозяйства в целом, совершенно не раскрыт на страницах «Кембриджской истории». А поскольку движения общественных низов, в частности рабские восстания, не привлекли к себе необходимого внимания

редакции «Кембриджской истории» и изложены весьма суммарно и спорадически, читатель лишен возможности самостоятельно реконструировать истинный ход исторического процесса, что было бы значительно легче при более обстоятельном объективном изложении фактов в соответствующих разделах.

Мы, таким образом, подошли к концу нашего обзора. Необходимо отметить, что, несмотря на указанные выше многочисленные пробелы в изложении и недочеты методологического характера, несмотря на неизбежные, при принятой системе, повторения и разбросанность материала, нарушающие нередко внутреннюю связь изложения и смазывающие общеисторическую перспективу,—перед нами громадный труд, во многих частях являющийся последним словом буржуазной исторической науки. Он исполнен, главным образом, силами английских ученых. Но для изложения тех областей древней истории, которые не представлены в Англии собственными крупными специалистами, привлечены ученые различных стран Европы и Америки. Благодаря этому «Кембриджская древняя история», в известной степени, является плодом интернациональных научных усилий. Достоинство этого издания заключается также в его универсальности: оно стремится представить всю сумму знаний о древности, осветить все стороны деятельности человека античной эпохи, охватив, таким образом, исторический процесс в максимальном объеме. И если это далеко не всегда удается, то причины этого кроются, как уже было отмечено вначале, в органических изъянах буржуазной историографии, в частности, в неумении работать коллективно, в подлинном смысле этого понятия.

Нам необходимо сказать еще несколько слов о вспомогательном аппарате «Кембриджской истории». Каждый из перечисленных томов снабжен картами, планами, хронологическими и генеалогическими таблицами, подробной библиографией и указателями.

Библиография указывает литературу к каждой главе, при этом она систематизирована следующим образом: 1) указания на источники и их издания; 2) общие труды; 3) исследования, сгруппированные по затронутым в главе вопросам.

Карты иллюстрируют все наиболее важные разделы «Кембриджской истории». На каждый из томов приходится от 10 до 15 карт. Однако они редко имеют самостоятельное значение и в большинстве случаев их историческая нагрузка ограничивается одной лишь номенклатурой, т. е. на них большей частью отсутствуют политические границы, обозначения территориальных приобретений и изменений, торговых путей, военных маршрутов и т. д. Поэтому из всей серии карт мы можем отметить, как действительно оригинальные и интересные, лишь карту распространения неолитических и бронзовых культур в Средиземноморье (том I), экономическую карту Средиземноморья для V века до н. э. (том V) и карту Парфянского царства к 51 г. н. э. (том X). Из маршрутных карт, иллюстрирующих большие военные переходы, могут быть названы лишь карты Анабасиса и походов Александра Македонского. Ни греко-персидские войны, ни Пунические, ни галльские походы Цезаря не имеют подобных карт. Для удобства пользования все карты «Кембриджской истории» снабжены алфавитными указателями содержащейся в них номенклатуры, связанными с делениями географической сетки.

«Кембриджская история» иллюстрирована планами крупнейших городов древности, расположения войск в важнейших сражениях, некоторых сооружений, храмов и т. п. Почти каждый том имеет синхронистическую

таблицу изложенных в нем событий. Кроме того, даны подробные хронологические таблицы для различных периодов времени в рамках истории отдельных периодов, династические и генеалогические таблицы и т. п.

Указатели к каждому из томов «Кембриджской истории» разделяются на подробные предметные указатели, перечни ссылок на библейские тексты, тексты древних авторов, папирологические и эпиграфические издания.

Заметки по темным или спорным вопросам хронологии, топографии, критики текстов и по другим частным вопросам имеют характер небольших исследований и содержат дополнительные сведения на различные темы, по своему значению или по состоянию изученности вопроса оставленные за рамками основного текста.

*

В своей речи на I Всесоюзном совещании работников высшей школы товарищ В. М. Молотов следующим образом сформулировал те требования, которые предъявляют наши учащиеся и педагоги к новому советскому учебнику: «Нам нужен учебник, отвечающий современным требованиям. Он должен быть на уровне современной науки и вполне доступен учащимся по своему языку. Он должен дать необходимый объем знаний и вместе с тем подготовить учащегося к его будущей практической деятельности. Он должен широко использовать прежние наши учебники и иностранные учебники, где очень много ценного для учебы, и вместе с тем он должен в необходимой мере отвечать задачам идейно-политического воспитания молодежи» («Партийное строительство», № 11, 1938, стр. 8).

Эти слова, несомненно, имеют прямое отношение и ко всем тем изданиям общего и сводного характера, к которым учащийся наших вузов обращается для расширения почерпнутых из учебника знаний и которые призваны вводить его в весь круг вопросов и в специальную литературу избранной им дисциплины.

В области исторической науки такими изданиями являются большие коллективные труды сводного характера, обнимающие большие исторические периоды и рассчитанные на учащихся высших учебных заведений, педагогов и широкие круги советской интеллигенции. Над такими изданиями, в частности в области древней истории, уже работают советские историки и антиковеды. И при их осуществлении должно быть использовано все то ценное, что создала старая русская и зарубежная буржуазная наука в области древней истории. Кембриджская коллекция является одним из самых солидных и серьезных трудов этого рода. Содержащийся в ней большой опыт систематизации огромного, весьма разнородного по своему характеру и по приемам его изучения, материала должен быть безусловно использован, наряду с ее вспомогательным аппаратом, системой библиографических и систематических указателей, дополнительных кратких экскурсов по специальным вопросам и т. д. Но надо вместе с тем совершенно ясно представить себе и ее недостатки как общеметодологического, композиционного, так и частного характера. Из этого издания можно извлечь немалую пользу при осуществлении наших трудов по всеобщей истории, если к этой ответственной задаче подойти с подлинно-научной, марксистско-ленинской точки зрения.

С. И. ПРОТАСОВА

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА В ПОСТРОЕНИИ ЭД. МЕЙЕРА

Первый том «Истории древнего мира» («Geschichte des Altertums») Эд. Мейера появился в 1884 г.; только в 1893 г. последовал второй том, охватывающий историю Греции с древнейших времен до эпохи греко-персидских войн; этому II тому в качестве добавления предпосылался I том «Forschungen zur alten Geschichte» («Исследования по древней истории»), Halle, 1892[1], в котором автор как бы вводит читателя в лабораторию предварительных штудий по наиболее спорным вопросам древнейшего периода истории Греции, требовавшим специальной критической переработки источников. В этом томе автор подробно аргументирует свою точку зрения на вопрос о «пеласгах»—древнейшем слое населения на Балканском полуострове, о происхождении ионян, дает очерк греческой хронографии и историографии[2]; разбирает наиболее спорные вопросы истории Спарты[3] и анализирует содержание трех локрийских законов, очень важных для понимания взаимоотношений греческих полисов древней Греции[4]. Такой же порядок опубликования специальных исследований по целому ряду отдельных вопросов вводил[5] читателя в материал III и IV томов, в которых история Греции доведена до конца V в. до н. э. Если I том предварительных исследований составлял 300 страниц, то II том занял уже 548 страниц; по содержанию он представляет собою ряд монографий по актуальным вопросам истории Греции, вернее Афин, в период расцвета их культуры: биография Кимона анализирует источники, рисующие политические и социальные отношения в Афинах этого времени. По вопросам финансов, населения и земледелия в Аттике—два специальных исследования этого тома[6]; в статьях «Herodots Geschi-

[1] Die in diesem Bande vereinigten Aufsätze bilden eine Ergänzung zum zweiten Bande meiner «Geschichte des Altertums». «Forschungen zur alten Geschichte» (Zur älteren griechischen Geschichte). Halle, 1892. Vorwort, S. II.

[2] «Forschungen zur alten Geschichte», Bd. I, S. 151—210. Herodots Chronologie der griechischen Sagengeschichte. Mit Excursen zur Geschichte der griechischen Chronographie und Historiograhpie.

[3] 1. c., S. 211—286.

[4] 1. c., S. 287—316.

[5] «Forschungen zur alten Geschichte», т. II, появились в 1899 г. а III и IV томы «Истории древнего мира»—в 1900—1901 гг.

[6] «Zur Geschichte der attischen Finanzen im fünften Jahrhundert«, 1. c., S. 88—148. «Wirtschaft Bevölkerungszahl und Bodenkultur Attikas», 1. c.

chtswerk» («Исторический труд Геродота») и «Thucydides» («Фукидид») дается анализ исторических трудов Геродота и Фукидида и оценка их с точки зрения источниковедения; тщательному разбору подвергнуты вопросы летосчисления древних и вытекающие отсюда проблемы античной хронологии[1]; наконец, седьмой и последний экскурс этого тома является дополнением к предшествующему II тому «Истории древнего мира»; в нем автор развивает свою теорию «средневековья» в древнем мире. Кроме того, самый текст «Истории древнего мира», разбитый по параграфам, сопровождается зачастую целыми страницами мелким шрифтом набранных примечаний, ориентирующих читателя в источниках и литературе по всем затронутым в тексте вопросам. Все это мы привели здесь для того, чтобы показать, каков фундамент, на котором автор строит свой обзор истории древнего мира, какой длительный период собирания и критической разработки фактического материала предшествовал выходу из печати интересующей нас «Истории древнего мира». В задачу настоящего очерка не входит критический разбор и всесторонняя оценка этого богатого содержанием многотомного труда Эд. Мейера, одного из крупнейших историков западноевропейской буржуазной науки. Мы ставим себе задачу более скромную—раскрыть перед читателем построение этого многотомного сочинения.

«История древнего мира» Эд. Мейера («Geschichte des Altertums», Bd. I—V) первым изданием выходила в течение 1884—1902 гг. Вслед затем с 1907 г. последовало 2-е издание, потребовавшее от автора полнейшей переработки, в особенности первых томов, так как за длительный промежуток, со времени выхода из печати I тома, материалы по истории древнего мира, непрерывно возрастая, заставляли заново пересмотреть старые вопросы и ставили перед исследователем новые проблемы[2]. Это заново переработанное 2-е издание доведено самим автором только до 1-й части II тома (1928 г.); 2-я часть этого тома была подготовлена к печати также самим автором, но вышла посмертным изданием в 1931 г.; наконец, в 1937 г. вышел III том, но о нем мы будем говорить ниже, когда речь пойдет о вопросах его композиции.

Прежде чем приступить к анализу построения «Истории древнего мира», нам придется несколько остановиться на разборе вводной части этого труда, которая озаглавлена автором «Elemente der Anthropologie» («Начала антропологии»), так как некоторые формулировки введения помогут нам разобраться в самом построении «Истории древнего мира». Во введении автор в сжатой форме излагает свое историческое «credo»; оно не исчерпывает всех установок исторической концепции Эд. Мейера, и, как было сказано выше, разбор последней не составляет прямой задачи настоящего очерка. Нас будут интересовать, главным образом, те положения, которые наложили наиболее яркий отпечаток на композицию всего труда.

Введение распадается на три главы: 1) «Die staatliche und sociale Entwicklung» («Государственное и социальное развитие»); 2) «Die geistige Entwicklung» («Духовное развитие»); 3) «Geschichte und die Geschichtswissenschaft» («История и историческая наука»).

---

[1] «Chronologische Untersuchungen. Die Regierungszeiten der persischen und der spartanischen Könige», 1. c., S. 437—511.

[2] «Geschichte des Altertums», Bd. I, 1, 3-e unveränderte Aufl., Stuttg.—Berl., 1910. Vorwort zur zweiten Auflage, S. VII—VIII.

Из содержания I главы ясно, что государство, по мнению автора, играет первенствующую роль в истории человеческого общества, но отнюдь не его хозяйственная структура. Раскрытие понятия государства и элементов, из которых оно слагается, поставлено автором на первом плане[1] и развито несравненно полнее, чем поставленное только на втором месте рассмотрение различных ступеней хозяйственной жизни и их влияния на культурное развитие человечества[2]. Еще полнее и определеннее высказана эта мысль о доминирующем значении государства и политических отношений в истории в последней главе введения, где раскрываются сущность и внутреннее содержание истории, как науки; при изложении исторического процесса, говорит автор, историк должен осветить обе стороны явления: как историю культуры, так и историю политическую, но из двух этих сторон процесса политическая занимает первое место, так как личность прежде всего зависит от государства, от его структуры и от его судьбы[3]. Таково первое положение автора. Важно также отметить, какова его позиция по отношению к «расовой теории», на которой базирует свои построения современная фашистская историография. Эд. Мейер высказывается вообще против ходячего деления рода человеческого на основные расы, хотя и допускает возможность возникновения различных физических типов на заре появления человека. Если и было такое разделение, говорит он, то все же совершенно ясно, что человеческие расы непрерывно смешиваются в процессе исторического развития, что резкое разграничение по физическим признакам провести не удается, да оно просто и невозможно, типичным примером чего служит население долины р. Нила. Он указывает далее на то, что языковые группы отнюдь не совпадают с физическими группами, что внутри одной и той же расы могут быть различные языковые группы, и обратно: один и тот же язык может распространяться среди совершенно различного по физическому типу населения. Все эти рассуждения заканчиваются словами: «... Многие до абсурда доведенные теории приписали расовому фактору значение, которое ему никогда не принадлежало и которое резко противоречит всему историческому опыту»[4]. Но все это так резко и определенно высказанное суждение против «расовой теории» касается только понятия физической расы; для истории, по Мейеру, совершенно безразличны чисто физические особенности, но очень важны особенности духовного склада, которые, как вытекает из всего контекста автора, выражаются в языке, а потому история имеет полное право попрежнему крепко держаться за подразделение на языковые группы, каковыми являются в истории индогерманцы, семиты и пр.[5]. Это положение также, как мы увидим ниже, наложило отпечаток на расположение материала в «Истории древнего мира».

Третьим положением, которое мы выделяем из всего содержания введения, поскольку оно важно для понимания композиции Эд. Мейера, является изложенное им во введении понятие «культурного комплекса», как результата более или менее длительного процесса взаимного влияния

[1] «Geschichte des Altertums», Bd. I, 1. Stuttg.—Berl., 3-e Aufl. (1910), S. 3—63.
[2] 1. c., S. 463—470.
[3] 1. c., S. 197.
[4] «... und manche ins Absurde überspannte Theorien haben dem Rassenfaktor eine Bedeutung zugeschrieben, die ihm niemals zugekommen ist und aller geschichtlichen Erfahrung ins Gesicht schlägt», 1. c., S. 77.
[5] 1. c., S. 76.

и взаимоотношений между народами в области материальной и духовной культуры. В последней главе введения автор подробно раскрывает содержание этого понятия и устанавливает три таких культурных комплекса: первый—восточный и эллинский комплекс, который перерастает позднее в римско-эллинский; второй комплекс—христианских стран и ислама в средние века и новое время; третий крупный исторический комплекс—восточноазиатский, в который входит история Индии и Китая[1]. Признавая, что этот последний все время находится в контакте с двумя первыми со времени проникновения арийцев в Индию и в эпоху персидского господства, и в эпоху Александра Македонского, затем в период эллинских монархий, в период господства Сасанидов и далее вплоть до нового времени,—он все же выделяет историю Китая и Индии из поля своего зрения, мотивируя это тем, что только в последние столетия нашего времени сношения с государствами этого комплекса привели к слиянию его с историей Западной Европы в одно историческое целое[2]. Наконец, в последней, заключительной главе введения подробно раскрыто содержание того культурного комплекса, который охватывает историю древнего мира—это комплекс стран и народов Средиземноморского бассейна[3].

Сам автор говорит следующее: история древнего мира, как всякая история отдельного культурного комплекса, составляет лишь часть целого, но она и сама по себе представляет нечто цельное, связанное внутренним единством. «Правда, история эта начинается возникновением отдельных государств и отдельных культур, но они врастают одна в другую и взаимно влияют одна на другую все интенсивнее и интенсивнее, до тех пор, пока, наконец, по крайней мере большинство из них не сливается в едином великом государстве и в единую великую культуру. Изложить это развитие составляет самую главную, самую насущную задачу истории древнего мира». Далее автор указывает на неизбежность синхронистического изложения материала для осуществления столь грандиозной задачи, но, разумеется, не механического синхронизма в духе Диодора, а такого, при котором хронологическая последовательность составляла бы основу для выявления взаимной связи и взаимного влияния исторических событий. «Nach diesem Grundgedanken ist das vorliegende Werk angeordnet»[4].

Как известно, Эд. Мейер исключает изучение закономерности исторических явлений из задач истории[5]; по его концепции, задача историка—дать всестороннее освещение индивидуального, своеобразного, а не общего; выявление и характеристика общих закономерностей не составляет

[1] l. c., S. 199 f.

[2] l. c., S. 248. Любопытно отметить, что на стр. 248 эти три комплекса определены несколько иначе, чем на стр. 199; здесь названы не «восточный и эллинский комплекс», как там, а «восточный и греко-европейский». Такой вариант едва ли случаен. Как выделение Индии и Китая из культурного круга истории древнего мира, так и это понятие «греко-европейского» комплекса говорит за то, что автор всю историю древнего мира рассматривает под углом зрения европейца, как колыбель западноевропейской капиталистической культуры.

[3] «Die beiden anderen (подраз. der orientalische und griechisch-europäischer Komplexe) sind zu einer historischen Einheit verschmolzen, die wir mit einem wenigstens annährend zutreffenden Ausdruck als den Kulturkreis der Mittelmeervölker bezeichnen können», l. c., S. 248.

[4] l. c., S. 249.

[5] См. его статьи «Zur Theorie und Methodik der Geschichte», 1902, (теперь перепечатана в «Kleine Schriften», Bd. I, 2-te Aufl. 1924); «Humanistische und geschichtliche Bildung». Vereinigung der Freunde des humanistischen Gymnasiums, Berlin, 1906, и «Geschichte des Altertums», Bd. I, 1, 3-te Aufl., S. 82 f., 173 f.; в особенности S. 186 f.

предмета истории: «Историк имеет дело с действительно существовавшими, конкретными явлениями, а не с теоретическими абстракциями[1]». Такая точка зрения на задачи и предмет истории не могла не отразиться и на композиции его исторического труда. Наконец, последнее положение автора, которое необходимо иметь в виду при анализе конструкции «Истории древнего мира»,—это те страницы его введения, где он разбирает значение религии в истории культуры, отмечая ее реакционную роль как для развития культуры в целом, так и для развития личности[2]. Он отмечает также связь религии с государством и государственной властью, но не касается ее роли в истории классовой борьбы.

Все эти установки Эд. Мейера необходимо иметь в виду при анализе и оценке композиции его труда. Задача эта трудна. В самом деле, мы должны вскрыть построение исторического труда, который начал выходить с 1884 г. и подвергался неоднократной переработке. В течение этих 50 лет историческая наука прошла огромный путь. Достаточно было бы здесь только перечислить заголовки многочисленных специальных исследований, отдельных монографий по самым разнообразным темам истории древнего мира, выпущенных за это время самим автором, не говоря уже о громадном накоплении нового материала и новых исследований как в истории древнего Востока, так и других областей древнего мира, чтобы показать, что композиция этого труда не могла оставаться одной и той же; к этому еще надо добавить, что последнее переработанное автором издание Bd. I, 2 относится к 1913 г.[3], а примыкающий к нему по содержанию том II, только в первой своей части доведенный автором до конца, вышел только в 1928 г.; промежуток в 15 лет, конечно, не мог не отразиться на расположении материала в этих двух томах; наконец, вторая часть II тома вышла уже посмертным изданием и не была доведена до конца по задуманному автором плану; композиция III тома изд. 1937 г. принадлежит уже не Эд. Мейеру, а его редактору-издателю Э. Штиру, старающемуся фашизировать старого Мейера. В настоящее время к этой заново переработанной части примыкают три тома первого издания, которые вышли в начале девятисотых годов и затем переиздавались без изменений в 1913—1915 гг. При таком положении дел невольно возникает вопрос: имеем ли мы право в таком случае говорить о единой композиции этого многотомного и незаконченного автором исторического труда? И если мы отвечаем на этот вопрос положительно, то это потому, что основные положения, формулированные автором еще во втором издании его «Введения»[4], остались без изменения. Материал разросся до грандиозных размеров, но принцип построения остался тот же.

*

Вся история древнего мира в построении Эд. Мейера распадается на три составные части: первая часть—это история стран и народов древнего Востока со времени зарождения культуры в долинах Нила, Тигра и Евфрата до XVI в. до н. э.; вторая часть—с XVI по VI в. до н. э. и третья

[1] 1. c., S. 187.
[2] 1. c., S. 137 f.
[3] «Geschichte des Altertums», Bd. I, 2, 4-te Aufl., 1921, перепечатка 3-го издания 1913 г. без изменений.
[4] »Geschichte des Alertums«, Bd. I, 1, 2-te Aufl., 1907.

часть, начиная с VI в. до н. э. по 355 г. до н. э. (вторая часть, в свою очередь, подразделяется на период с XVI в. по XII в. до н. э. и с XII в. по VI в. до н. э.)[1]. Уже в этом схематическом делении материала по хронологическим периодам совершенно определенно сказалось то положение автора, по которому доминирующая роль в историческом процессе приписывается государству и политическим отношениям между народами; хронологические грани, разделяющие все изложение на три части с указанным подразделением второй части, соответствуют всякий раз тому или иному значительному политическому сдвигу в истории этих народов: нашествием гиксосов и движением других кочевых племен на рубеже XVI столетия заканчивается первая часть; великое движение народов XII в., которое потрясло и совершенно перестроило на новый лад весь комплекс средиземноморской культуры, служит рубежом между первой и второй частью II тома. Шестой век—возвышение Персидской державы и нарождение новой политической силы на Балканском полуострове в лице греческих государств—служит началом третьей и последней части всего труда. Его завершением служит дата потери политического могущества Греции на Западе в IV в. Если мы после рассмотрения этой хронологической схемы перейдем к рассмотрению, как располагается материал внутри каждой из этих частей, то и здесь доминирующая роль политических отношений сразу же бросается в глаза. Наряду с этим на распределение всего материала и на построение исторического процесса повлияло и другое положение, выдвинутое автором в его «Введении». Автор не просто излагает последовательность политических событий на определенной территории и в определенных хронологических рамках, — он рисует всю сложность исторического процесса, составляющего, по мысли автора, средиземноморский культурно-исторический комплекс; пожалуй, ни в чем другом не сказалось так определенно мастерство автора, как именно в этом последовательном проведении основного положения, выдвинутого и формулированного автором в его «Введении». От первой до последней части всего многотомного труда оба принципа проводятся последовательно и неуклонно, определяя собою основные формы всей композиции. Наиболее последовательно и стройно удается автору построить историю этого комплекса в первом томе его «Истории древнего мира» (Bd. I, 2). Здесь все построение концентрируется вокруг истории Египта, вокруг зарождения и образования государства в эпоху Древнего царства; переходная эпоха от Древнего к Среднему царству и эпоха Среднего царства составляют главную тему всего изложения; вся история Египта до XVII династии изложена в первой книге этого тома (202 стр.); во второй книге (304 стр.) излагается история народов Междуречья от зарождения культуры Шумера

[1] Первая часть в этом построении соответствует первому тому, второй его части (Bd. I, 2); о его содержании автор говорит в предисловии ко второму изданию (1909 г.): «Первая часть моей истории древнего мира... доводит развитие всех исторически известных народов средиземноморского культурного комплекса до XVI в. дохристианской эры».

Вторая часть должна была, по плану автора, во II томе, 1—2, довести историю народов Востока с XVI в. до VI в. и затем синхронистически добавить к этому в III томе историю Запада, т. е. древний период истории Греции XII—VI вв. до н. э.; эта последняя часть, следовательно, соответствовала бы II тому издания. См. предисловие Э. Штира ко II тому, 2 (1931), и III тому (1937). Третья часть, по словам самого автора в предисловии к 1-му изданию III тома (1900), должна была охватить историю Запада от эпохи греко-персидских войн до потери политического значения Греции (355 г. до н. э.) и соответствует II, IV и V томам, как они вышли в 1-м издании (последующие издания этих томов выходили без изменений).

и Аккада, включая историю Вавилона в эпоху Хаммураби; здесь же излагаются начальные стадии развития прилегающих к Вавилону областей—Ассирии и хеттов, вплоть до появления касситов. Таким образом, согласно основному положению о доминирующей роли политических отношений, автор дает историю двух крупнейших политических центров древнего Востока, а в следующей, третьей книге этого тома весьма искусно строятся переходные звенья к будущим новым центрам истории народов средиземноморского культурного комплекса; вводится история древнейшего населения Малоазийского полуострова: Троя, Кипр, островная культура, эгейско-критская культура; таким образом, уже в I томе история восточной части Средиземноморского бассейна входит в круг исторического построения. В этом же томе автор рассматривает проблемы родины и распространения индогерманцев; в особой главе он излагает историю отделения арийцев и заселения ими Иранского плоскогорья; таким образом, изложив в первых двух книгах историю двух крупнейших центров культуры в долине рек Нила, Тигра и Евфрата, автор затем дает очерк зарождения культуры в тех областях, которые в следующей стадии развития войдут, как составные части, в общий комплекс истории культуры Средиземноморского бассейна. Таково построение в I томе «Истории древнего мира» Эд. Мейера, в котором, как мы видели, полностью осуществлены оба основных положения, данных во «Введении»,—доминирующее значение политических форм в истории народов и освещение истории стран древнего Востока, как составной части единой истории культуры народов Средиземноморского бассейна.

Мы рассмотрели схему построения «Истории древнего мира» в целом, затем построение и распределение материала по отдельным книгам внутри I тома истории; если мы теперь посмотрим, как распределяется материал в отдельных книгах I тома по главам, то здесь мы должны будем отметить, что наряду с проведением основного принципа доминирующей роли государства, автор последовательно проводит и другие свои положения, отмеченные нами выше; в силу поставленной им себе задачи рассматривать каждое историческое явление во всей сложной и разносторонней его индивидуальности автор не ограничивается в изложении исторического процесса одной только политической его стороной, но последовательно излагает хозяйственную структуру, развитие земледелия и ремесла, искусства, литературы и религии. Однако, если бы мы захотели проследить, в каком соотношении стоят параграфы, посвященные вопросам организации государства и хозяйственной структуры, то для истории Египта, например, в период Древнего царства, теме о государстве посвящены специальные параграфы и главы: главы I, II и III, и только в IV главе мы встречаем специальный параграф, озаглавленный «Staat und Wirtschaft des alten Reichs» (§ 241—248), а в следующих главах опять речь идет о государстве и политических отношениях. Характерно в этом отношении также распределение материала в параграфах, посвященных Хаммураби и его царству; из семи параграфов, занимающих 17 страниц кодексу Хаммураби отведено $3^1/_2$ страницы. Эти примеры можно было бы значительно умножить, но и приведенных достаточно, чтобы показать, как основная концепция автора и здесь отразилась на композиции «Истории древнего мира», от ее крупных до самых мелких подразделений. Остается еще отметить немногое. Своеобразное отношение к расовой теории, отмеченное нами выше, сказалось в построении I тома в том, что семиты, индогерманцы и арийцы выделены в самостоятельные темы, согласно

теории, по которой языковые группы являются показателем особой индивидуальной одаренности и способности к созданию самостоятельной высокой культуры[1], тогда как о неграх Эд. Мейер замечает мимоходом: «Здесь негры обнаружили свою неспособность использовать предоставленные им природой возможности»[2]. При изложении религии народов древнего Востока, играющей такую выдающуюся роль в истории культуры этого периода, автор не развивает своего положения, высказанного им во «Введении» о реакционной роли религии.

Вторая часть, соответствующая, по замыслу автора, двум частям II тома[3], должна была охватить историю средиземноморских стран за период с XVI в. до н. э. по XII в. в первой части (Bd. II, 1) и с XII—VI вв. до н. э.—во второй части (Bd. II, 2)[4]. Место второй части в общей хронологической схеме всего построения «Истории древнего мира» мы уже определили и возвращаться к этому не будем; нам следует только рассмотреть внутреннюю композицию этого тома в его первой и второй частях. И здесь мы можем быть кратки: принципы построения и расположения материала остаются те же, что и для I тома. Также в расположении материала автор руководствуется своей задачей дать не просто историю народов древнего Востока, а поставить их в связь с дальнейшим развитием культуры Средиземноморского бассейна. Так же, как и в первом томе, политические отношения занимают первенствующее положение во всем изложении, но при этом так же, как и в первом томе, весь исторический процесс рассматривается в его целом; но, не ограничиваясь только вопросами политической истории, автор уделяет большое внимание также и другим сторонам истории культуры, в особенности искусству. Соответственно этому располагается материал первого полутома; основным стержнем, вокруг которого группируется весь остальной материал, так же как и в I томе, служит история Египта; это следует и из расположения материала по главам, об этом же говорит и подзаголовок первой части II тома—«Die Zeit der ägyptischen Grossmacht» («Период господства великой Египетской державы»). Вокруг этого основного стержня, как сказано, группируется остальной материал. В главе III (стр. 79—162), излагающей утверждение мировой державы Египта при XVIII династии, дан обзор завоеваний и политических сношений Египта с соседями в эту эпоху; сюда входит весь комплекс стран, с которыми так или иначе связана история Египта в эту эпоху (Нубия, Ливия, Сирия и Палестина, Крит и «Кефтью», Вавилония, Ассирия, Митанни, Хеттское царство). Криту и критской культуре этого времени, греческому материку и микенской культуре посвящены две отдельные главы (глава IV, стр. 162—220; глава V, стр. 221—302); специальная глава посвящена очерку культуры и религии Египта при XVIII династии

[1] «Geschichte des Altertums», Bd. I, 2, последняя, VI глава 3-й книги.

[2] Bd. I, 2, S. 52.

[3] «Geschichte des Altertums», Bd. II, 1 (1928), 2 (1931), 2-te Aufl.

[4] Фактически Эд. Мейер довел вторую часть этого тома только до 745 г.; следующие главы, в основном, подготовленные еще самим автором, все же не могли быть включены во II том (1931), а вышли в 1937 г. в составе III тома. См. предисловие к этому тому редактора-издателя Э. Штира. Мы считаем себя вправе рассматривать композицию этой части так, как она была задумана самим автором, т. е. включая в состав второй части I и III главы III тома посмертного издания («Das assyrische Weltreich» и «Die Restaurationszeit und die Begründung des Perserreichs». Главу II «Die Religion Zoroasters» мы сюда не включаем, так как глава эта дана не по рукописи «Истории древнего мира», а вставлена здесь редактором-издателем из большой монографии Эд. Мейера «Ursprung und Anfänge des Christentums» (Stuttgart—Berlin, 1921).

(стр. 303—333); по этому же плану построена история следующего периода, в центре которого попрежнему Египет, но не рост его политической мощи, а постепенный упадок (главы VII—XI, стр. 334—543); так же, как и во всем изложении, наряду с политической историей уделено специально внимание и истории культуры[1]. Главой XII, тему которой составляют великие переселения, конец микенской эпохи, падение царства хеттов и падение Египта, заканчивается эта часть. Композицию ее мы рассмотрели; мы видели, что принципы построения и расположения материала остались здесь те же, какие были положены в основу I тома; но та стройность и цельность, которые мы отмечали по поводу анализа построения I тома, здесь уже нарушены; сказались результаты той «истории» самой книги, о которой было упомянуто выше: между обработкой первой части II тома (1928) и появлением первого тома (Bd. I, 2, 1915) прошло 13 лет; накопившийся за это время богатый новый материал заставил автора снова вернуться к некоторым темам I тома и включить их повторно в материал II тома, в главу I (стр. 3—46)[2] под заголовком «Восток до начала XVI в.»; здесь снова трактуются темы истории и культуры населения Малоазийского полуострова: индогерманские хетты и возникновение Хеттского царства; царство Митанни; арийские племена Передней Азии и родина индогерманцев; опять повторяется тема о гиксосах и значении их господства в Египте; только со II главы (стр. 47—78), «Die Wiedererhebung Aegyptens und die Gründung des Neuen Reichs» («Вторичное возвышение Египта и основание Нового царства»), начинается продолжение того исторического процесса, который составлял содержание I тома.

Вторая часть II тома, по плану автора, должна была охватить материал XII—VI вв. до н. э. Композиция этой части несколько иная, чем это мы отмечали в предшествующих томах; в ней мы не найдем того основного стержня, которым служит история Египта для I тома и для первой части II тома; определяется это общей концепцией исторического процесса, как ее изложил сам автор в сжатом обзоре на страницах 3—4[3]. Все построение тесно примыкает к последней главе предшествующей части (Bd. II, 1), в которой излагались потрясения, вызванные великим движением народов на рубеже XII—XI столетий; они послужили рубежом всего дальнейшего политического и культурного развития средиземноморского исторического комплекса; все крупные державы предшествующей эпохи потерпели крах: крито-микенская культура, Хеттская держава, царство фараонов. Вавилон и Ассирия потеряли свое могущество, свою ведущую роль крупных политических и культурных центров, и именно потому, говорит автор[4], что крупные державы пришли в упадок, на историческую арену выступили небольшие государства второстепенного значения: Финикия, арамеи в Сирии и Месопотамии, израильтяне в Палестине; выступают в эту эпоху и греки. История всех этих народностей (за исключением греков, историю которых автор считает более удобным изложить особо) и составляет содержание второй части II тома; в восьми главах этого тома

[1] Глава VIII—«Попытка проведения солярного монотеизма и реставрация ортодоксии» (стр. 380—426); глава X—«Культура эпохи Рамсесидов».

[2] Об этом говорит сам автор в предисловии ко второму тому «Geschichte des Altertums», Bd. II, 1 (1928), Vorwort, S. V.

[3] «Geschichte des Altertums», Bd. II, 2 (1931), S. 3—4.

[4] «Wohl aber ist, eben durch die Ohnmacht der grösseren Mächte, kleineren Volkstümren und Staatenbildungen der Spielraum zu freier Entwicklung und individueller Gestaltung gegeben». Bd. II, 2, S. 4.

материал располагается таким образом, что одна глава отведена истории Египта в период упадка (глава I); две главы посвящены Финикии и ее культуре; в эти же главы входит религия и культура других народностей Сирии; история Израиля до VIII в. до н. э., включая историю культуры, литературы и религии, а также экскурс в область источниковедения Израиля, занимает четыре главы этого тома. Глава VIII посвящена истории хеттов этой эпохи, арамеев и Ассирии до 745 г.; в этот же том, по плану автора, должны были войти и главы о возвышении Ассирии и об основании Персидской державы; таким образом, вторая часть в целом (Bd. II, 1—2) доводила историю Востока до зарождения и возвышения новой политической великой державы на Востоке после периода упадка старых политических центров в долине р. Нила и Месопотамии. Процессу переформирования и создания новых политических центров и посвящена эта вторая, заключительная часть II тома. Нет надобности доказывать, что и здесь все построение вытекает из тех основных положений, которые даны были автором в его «Введении». Основу изложения составляют политические отношения данной эпохи; все они рассматриваются под углом зрения истории всего комплекса Средиземноморского бассейна; наряду с историей политических отношений продолжается и рассмотрение культуры, искусства и религии соответствующих народов.

Все содержание этой второй части хронологической схемы (с XVI по VI в. до н. э.) построено таким образом: старые политические центры в бассейне Средиземного моря падают, новые возвышаются, но наряду с новой державой, Персидским царством на Востоке, на Западе также зарождаются новые политические образования—проходит процесс политических объединений и образование греческих городов-государств на Балканском полуострове. Сюда, следовательно, должен относиться и весь тот материал, который был изложен во II томе 1-го издания (1893)[1], озаглавленный: «История Запада до эпохи греко-персидских войн»—«Geschichte des Abendlandes bis auf die Perserkriege»; теперь этот материал вошел в III том посмертного издания 1937 г.; однако расположение материала в этом томе принадлежит не самому Эд. Мейеру, а его редактору-издателю Эриху Штиру; все мастерство и стройность композиции здесь явно нарушены, в угоду фашистской редакции; идеи самого Мейера получают здесь искаженное отражение. Мы поэтому будем рассматривать структуру II тома в той ее форме, какая дана самим автором в издании 1893 г. Так как, наряду с этим, содержание II тома (1893) в основном посвящено истории Греции, то будет более правильным, как нам кажется, не упуская из виду плана самого автора, по которому II том составляет вторую часть хронологической схемы всего труда, все же рассматривать его в связи с анализом построения третьей части хронологической схемы, охватывающей историю средиземноморского культурного комплекса с VI по IV в. до н. э. и соответствующей III, IV и V томам 1-го и 2-го изданий, где история Греции играет главенствующую роль и где все построение принадлежит самому автору, хотя бы и в непереработанном им заново виде. После этой оговорки посмотрим, как был расположен материал автором в 1-м издании II тома. И по заголовку этого тома и по его содержанию совершенно ясно, что исторический период, изложенный автором в этом томе, рассматривается им, как переходный период от упадка политических и куль-

[1] «Geschichte des Altertums», Bd. II, «Geschichte des Abendlandes bis auf die Perserkriege» («История Запада до греко-персидских войн); Stuttg.—Berl., 1893.

турных центров древнего Востока к возвышению новых исторических центров на Западе, т. е. принадлежит не к третьей, а ко второй части общей хронологической схемы всего построения. Композиция этого тома, несмотря на то, что он и по содержанию и по включенному в него автором материалу является после выхода 2-го издания II тома (Bd. II, 1—2; 1928—1931) уже несколько устарелым, все же заслуживает того, чтобы с ней ознакомиться. Весь том распадается на три книги; заголовок первой книги «Griechenland unter dem Einfluss des Orients» («Греция под влиянием Востока») сразу раскрывает перед нами замысел автора в его построении: в культурно-историческом комплексе Средиземноморского бассейна зарождается новая политическая сила—Греция, но первые страницы ее истории связаны с историей и культурой древнего Востока. Поэтому после обзора источников и новейшей литературы по истории Греции следует глава: «Orient und Occident» («Восток и Запад»), в которой автор излагает свою концепцию поступательного движения истории культуры от центров древнего Востока к другим областям Средиземноморского бассейна: «Zuerst die Griechen, dann die Italiker, dann die Völker des Westens und Nordens» («Сначала греки, потом италики, затем народы Запада и Севера»)[1]. Дальнейшее содержание этой первой книги II тома мы рассматривать не будем; большая часть затронутых в ней вопросов вошла теперь по композиции новой переработки в I и II томы (Bd. I, 2, 1913; II, 1—2, 1928—1931). Вторая книга озаглавлена «Das griechische Mittelalter» («Греческое средневековье»); ее содержание опять построено таким образом, чтобы подчеркнуть развитие исторического процесса не только в центре истории Греции, на Балканском полуострове, но и по всей периферии бассейна Средиземного моря; так, в связи с колонизацией VIII в. рассматривается зарождение исторического развития в Италии; это—новое звено в той цепи развития, которое автор рассматривает, как единое целое. История Греции доведена в этой книге до VIII в. до н. э. Темой третьей книги является «Der Ausgang des Mittelalters, Begründung des karthagischen und der persischen Macht» («Исход средневековья. Основание карфагенского и персидского могущества»); по содержанию эта книга излагает историю Греции в VII и VI вв., как она развивалась на территории Балканского полуострова в политическом и культурном взаимодействии с окружающими ее государствами и народами; на востоке—с Лидийским царством, Египтом и Персидской державой; на западе—с Карфагеном и этрусками; на севере—с народами Черноморского побережья. Две последние главы этой книги построены так, что одна из них рисует соотношение политических сил накануне греко-персидских войн на востоке[2] (конец VI в.), другая—на западе[3]. В заключение можно сказать, что вся композиция этого тома сводится к тому, чтобы показать, как и какими путями в историческом комплексе Средиземноморского бассейна вырастает новая сила—Греция и ее конкуренты: на востоке—Персия, на западе—Карфаген и этруски, и тем самым определить и весь план построения последующих томов[4].

[1] «Geschichte des Altertums», Bd. II (1893), S. 33.

[2] «Geschichte des Altertums», Bd. II (1893), V. «Die Begründung des Perserreichs. Sparta, die Pisistratiden und Kleisthenes» («Основание Персидского царства. Спарта, Писистратиды и Клисфен»), S. 763—805.

[3] l. c.,VI. «Der Westen bis auf die Perserkriege» («Запад до эпохи греко-персидских войн»), S. 806—827.

[4] Напомним, что по хронологической схеме построения все три следующих тома (III, IV и V) задуманы автором, как одно целое, и составляют третью часть труда, см.

Переходим теперь к рассмотрению композиции третьей, последней части «Истории древнего мира». Она, как мы знаем, охватывает III, IV и V томы и объединена одним общим заглавием «Das Perserreich und die Griechen» («Персидская держава и греки») Отметим прежде всего: то общее, что проходит красной нитью во всем построении «Истории древнего мира», наблюдается и в этой части. Как в изложении истории Востока основным стержнем всего изложения служит история Египта, как наиболее значительной политической силы, так и теперь центром всего построения является Греция. Правда, общий всем трем томам заголовок наряду с Грецией выдвигает и Персидскую державу, даже ставит «Das Perserreich» на первое место, однако расположение материала внутри этих томов не оставляет сомнения в том, что главной движущей силой во всем историческом процессе этого периода, по мысли автора, является Греция и ее культура. Только первая из всех четырех книг этой части отведена истории народов Востока; она охватывает структуру Персидской державы при Ахеменидах, включает очерк истории и культуры входящих в состав Персидской державы народов Востока и специальную главу, в которой излагается история и культура иудейства до VIII в. до н. э. Все остальные книги этой части посвящены истории Греции; вся вторая книга[1] излагает историю борьбы греков с персами; вводная глава к этой книге дает обзор источников для истории Греции, начиная с эпохи греко-персидских войн и до Филиппа Македонского, чем опять подчеркивается как единство плана, так и единство темы во всех трех томах этой части «Истории древнего мира». Самое расположение материала во всех трех томах построено согласно обычному приему Эд. Мейера: в III томе изложение истории греко-персидских войн построено таким образом, что из всех государств Греции, принимавших участие в этой борьбе, постепенно выдвигаются две силы, развитие и конкуренция которых в будущем будет служить основной темой всего изложения,—это Афины и Спарта. Заканчивается III том очерком политических отношений и истории культуры на Западе в эпоху греко-персидских войн—Сицилия, Италия и Карфаген после битвы при Гимере (480 г.). Вся третья книга (IV том) посвящена истории Афин второй половины V в. до н. э.; афинская демократия в эпоху Перикла, культура эпохи Перикла занимают центральное место в этом томе. Здесь же изложена Пелопоннесская война, ее исход—поражение и капитуляция Афин в 404 г. до н. э. Насколько во всех этих томах, несмотря на их заголовок («Персидская держава и греки»), преобладает история Греции, можно судить и по числу страниц, отведенных на каждую из вышеуказанных тем: первая книга III тома—«Восток под властью персов»—занимает 234 страницы; вторая книга этого же тома—«Эпоха греко-персидских войн»—составляет 454 страницы; третья книга (IV том)—«Афины со времени 446 г. до капитуляции в 404 г.»—663 страницы. Книга четвертая (V том), продолжая историю Греции после Пелопоннесской войны, рисует положение греков в их внутренней борьбе между собой и в их столкновениях с соседними государствами как на

«Geschichte des Altertums», Bd. III (1915). Vorwort zur ersten Auflage, S. VIII. Bd. V, Vorwort, S. V—VI. Материал в них подразделяется на три книги (книги 1-я и 2-я составляют III том, книга 3-я—IV том; книга 4-я—V том), параграфы с III тома по V том имеют одну общую, последовательную нумерацию. Все три тома имеют один общий указатель.

[1] За III главой 2-й книги, излагающей последствия победы греков над персами, идут главы, посвященные возникновению и организации Афинского морского союза, росту демократических течений в Афинах и разрыву со Спартой, затем исходу греко-персидских войн (448 г. до н. э.) и первой войне афинян против Пелопоннеса.

Востоке, так и на Западе, заканчивая весь период 355 годом, годом падения греческой политической мощи в Сицилии. Таким образом, мы видим, что в композиции этой части хотя попрежнему сказывается влияние тех основных положений, которыми руководствовался автор в построении своего труда, однако самый материал той эпохи, в которой центром изложения становится Греция, заставляет внести изменения и в расположение материала: третья часть (томы III, IV, V), вопреки планам и намерениям самого автора[1], формулированным им в предисловии ко II тому, вылилась в его изложении в историю Греции. Те главы, которые в этой части посвящены Италии и Риму, будущему гегемону в бассейне Средиземного моря, совершенно пропадают в бурном потоке развития истории греческой культуры, быстром росте и катастрофическом падении ее политической мощи[2]. Можно высказать здесь с известной долей вероятности только одно предположение: нельзя забывать, что мы анализировали построение третьей части (томы III, IV, V) в ее непереработанном виде, тогда как часть первая и вторая совершенно переработаны автором в последние годы его жизни. В каком направлении последовала бы эта переработка для третьей части, мы можем судить по формулировкам, данным автором во «Введении» к его труду, когда он говорит о составных частях средиземноморского культурно-исторического комплекса: всякий раз наряду с кругом восточной и эллинской культуры он указывет на Рим и эллинистически-римскую культуру[2], как на завершающую процесс исторического развития древнего мира. О проведении этой именно установки и для третьей части говорят те работы, которые вышли из-под пера Эд. Мейера в последние годы его жизни: «Ursprung und Anfänge des Christentums», Bd. I—III, где большое внимание уделено истории и культуре царства Селевкидов; большая работа посвящена эпохе зарождения принципата в Риме—«Caesars Monarchie und das Principat des Pompeius», 2-te Aufl., Berl., 1922, и ряд статей, вошедших во второе издание его «Kleine Schriften», I—II (1924). Таким образом, построение «Истории древнего мира» у Э. Мейера является последним словом буржуазной науки, с ее классической установкой на построение истории древности в обычных рамках цикличности исторического процесса, прослеживаемой на истории Востока, Греции и на отдельных вопросах римской жизни.

Мы видели, в какой мере основные положения его исторической концепции определили и всю конструкцию «Истории древнего мира». С этой точки зрения любопытно было бы в дополнение ко всему изложенному сопоставить композицию Эд. Мейера с композицией одной из тех буржуазных серий, которые стали выходить на Западе после мировой войны. Это сопоставление можно сделать, разумеется, с некоторыми оговорками: прежде всего, надо принять во внимание, что ни одна из этих новейших серий не может быть полностью сравнима с «Историей древнего мира» Эд. Мейера по своему построению, потому что построение «Истории древнего мира» принадлежит одному лицу,—им задумано, им и выполнено, тогда как все три серии «Histoire générale» Glotz'a, «Peuples et Civilisations»

[1] «In der That ist die übliche Zerreissung der alten Geschichte in griechische und römische Geschichte—der Orient und die hellenistische Zeit mögen stehen wo sie bleiben—und die erst in unserem Jahrhundert aufgekommene völlige Vernachlässigung der synchronistischen Behandlung eben so unberechtigt wie verhängnissvoll», «Geschichte des Altertums», Bd. II (1893), Vorwrt, S. VI.

[2] Напомним, что на всю третью часть (томы III, IV, V) падает хронологический период с конца VI до середины IV в. до н. э., тогда как две первые части охватывают период с зарождения культуры в Средиземноморском бассейне (VI тысячелетие до н. э.) по VI в. до н. э.

Halphen'a и Sagnac'a и «Cambridge Ancient History» представляют собою труд коллективный, где отдельные части написаны различными авторами, хотя целое и задумано по одному общему плану, это, во-первых; во-вторых, все три серии имеют в виду издание всемирной истории, где история древнего мира составляет лишь часть. Эд. Мейер, конечно, рассматривал историю древнего мира также лишь как звено единой исторической цепи, но план его построения касался только древнего мира.

При сопоставлении «Истории древнего мира» Э. Мейера с тем, что дает четырехтомная серия Альфана и Саньяка[1], обращает на себя внимание выставленное во «Введении» к серии положение, что мировая война показала такую тесную связь стран между собою в различных частях света, что надо отказаться от прежних исторических построений, которые излагали историю одной страны за тот или иной отдельный период. Наша эпоха требует связной всемирной истории. Исходя из этого основного положения и строится историческое повествование этой серии.

История древнего мира в 4 томах этой серии распадается на четыре части: «Древнейшие цивилизации»—под этим заголовком изложена история древнего Востока с древнейших времен до V в. до н. э. Материал в этом томе расположен синхронистически: для каждого хронологического периода дается история тех географических центров, которые были намечены во «Введении», как арена действий древнейших цивилизаций[2]; согласно этой установке в этот том входит история Шумера и Аккада, Вавилонии, Ассирии, хеттов за этот же период; эгейско-критская культура, образование Персидской державы, ее организация при Ахеменидах; в этом же томе в порядке синхронистического изложения читатель найдет историю Греции, доведенную до эпохи, непосредственно предшествующей греко-персидским войнам. В отличие от построения Эд. Мейера следует указать на большое внимание, которое для каждого района уделяется периоду праистории—эпохам каменного века и ранним периодам металла; в самом построении нет того приема, который так характерен для Эд. Мейера—выделение основного исторического стержня, который группирует вокруг себя историю менее значительных политических центров. В серии Альфана и Саньяка материал излагается эмпирически, равномерно; история Египта начинает все изложение; история народов в области Тигра и Евфрата, хронологически выступающая несколько позже,—ставится на втором месте. Преобладают в изложении государство и политические отношения, которые стоят на первом плане, затем систематически, подробно излагается религия в истории каждого народа; совершенно недостаточно внимания уделяется отношениям социальным и еще менее—вопросам хозяйственного развития. В смысле полноты фактического материала этот большой отдел истории Востока, включая и большой отдел из истории Греции, занял в данной серии 479 страниц, тогда как в «Истории древнего мира» Эд. Мейера только I том, доводящий историю до XVI в., занимает около 1 000 страниц.

II том, озаглавленный «La Grèce et l'Orient dès guerres médiques à la conquête romaine», целиком посвящен истории Греции, начиная с эпохи греко-персидских войн и до конца II в. до н. э., т. е. включая сюда и период

[1] «Peuples et Civilisations». Histoire générale, publ. sous la direction de L. Halphen et Ph. Sagnac. G. Fougère—Les premières civilisations. Avant-propos, p. V—VII.

[2] «Geschichte des Altertums», Bd. I, 2 (1913).

эллинизма, который в изложении Эд. Мейера отсутствовал. Хотя историю Греции излагает другой автор, но принцип в выборе материала остается тот же, со всеми вытекающими отсюда последствиями: государство и его структура занимают первое место, наряду с этим большое место отводится религии и истории культуры и весьма мало места уделено вопросам экономики; проблема рабства, рабского способа производства, выступлений рабов и социальной борьбы не затрагивается вовсе, тогда как для рассматриваемой эпохи в истории Греции эти вопросы наиболее актуальны.

III и IV томы посвящены истории Рима; в III томе «La conquête romaine» A. Piganiol стремится показать, как и в силу каких условий Рим осуществил задачу политического объединения стран Средиземноморья, чего не могла сделать до него ни одна из крупных держав, на это претендовавших.

Истории империи вплоть до V в. н. э. посвящен IV том серии Альфана и Саньяка; автор этого тома E. Albertini, излагая историю империи и императоров, уделяет много внимания вопросам управления и истории провинций; поскольку в труде Эд. Мейера эта часть истории древнего мира не была еще им введена, едва ли целесообразно подробно разбирать эту последнюю часть серии для сравнения с построением Эд. Мейера. Любопытно только отметить следующее: хотя во «Введении» ко всей серии было высказано положение о необходимости построения истории не обособленного «комплекса», как строил Эд. Мейер, а всего исторического процесса в целом, однако мы видим, что Индия и Китай и здесь не вошли в историю древнего мира, хотя Albertini во «Введении» к IV тому оговаривается, что ни Индия, ни Китай не были бесплодны в истории культуры. Аналогичную оговорку делает и P. Roussel во «Введении» ко II тому, но Рим все же доминирует над всеми другими темами: «Его учреждения, его право, его язык, его литература и его искусство имели громадное значение и во времени и в пространстве. Гегемония, сохраненная до наших дней Европой над остальным миром во всех областях мысли и деятельности, есть дело и наследие Римской империи»[1]. Как мы видим, в этом коллективном труде еще более, чем в индивидуальном труде Эд. Мейера, сквозит точка зрения представителей западноевропейской буржуазии; перефразируя слова Полибия, можно сказать, что для историков этого направления задача истории сводится к тому, чтобы показать, «как и каким образом капиталистическая Европа сделалась гегемоном всего мира».

Если у Э. Мейера эта установка проводится более осторожно, без крайних формулировок, то Альбертини идет дальше и римскую историю превращает в идола современной цивилизации. Нечего говорить, что при современной ситуации автор такой концепции льет воду на мельницу фашистской историографии.

Подведем теперь итоги. Что дает нам рассмотрение приемов построения «Истории древнего мира» Эд. Мейера? Мы видели, что перед нами не механическое нагромождение фактов, а продуманное буржуазное изложение исторического процесса древнего мира; мы имели возможность убедиться, что основные положения, развитые и формулированные автором в его «Введении», положены в основу всего труда от первой до последней его части; мы видели, как, несмотря на громадность охваченного автором материала, построение его сохраняет стройность и цельность. Все это так, все это положительные стороны, если сравнивать только с эмпирическим

[1] E. A l b e r t i n i—Empire romain, Paris, 1936, p. 1.

построением Альфана и Саньяка. Но известная порочность исторической концепции Э. Мейера, данная в формулировках его «Введения», обусловила крупные промахи и всего построения. Некоторые из них мы уже наметили: циклизм, построение исторического комплекса с точки зрения эгоцентризма западноевропейской культуры эпохи капитализма—Китай и Индия не включены в историю древнего мира, история народов Закавказья (халды) и северного побережья Черного моря упоминается только мимоходом. Доминирующее значение политических форм и игнорирование изучения социально-экономических факторов в историческом процессе приводят к естественной для буржуазного историка односторонности всего изложения. Самая периодизация всего построения приобретает циклический и, вместе с тем, искусственный характер, совпадая, как правило, с эпохами разрушения очагов культуры под ударами варваров.

Но эти пороки построения «Истории древнего мира» Э. Мейера не умаляют значения того колоссального материала, который привлекает автор, демонстрируя исключительное знание его по различным вопросам истории древности. В этом отношении Э. Мейер сближается с Моммзеном, к которому за материалом не раз обращается советский читатель.

«История древности» Эд. Мейера является как бы заключительным трудом буржуазной науки конца XIX и начала XX в. Несмотря на всяческие попытки в современной Германии приспособить Мейера к фашистской «науке» путем его переделок, старый труд этого маститого немецкого ученого должен быть учтен в нашей работе и обращен против фальсификаторов истории.

Акад. Н. М. НИКОЛЬСКИЙ

О ПОСТРОЕНИИ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА[1]

По плану «Всемирной истории» Академии наук СССР два полутома этого издания посвящаются истории древнего Востока, со включением Индии, Китая и древней Америки. Советская наука, советские историки и советское студенчество вправе ожидать, что в этих двух полутомах будет дано систематическое и подлинно-марксистское изображение истории древнего Востока. В связи с этим совершенно необходимо подвергнуть широкому обсуждению вопрос о подлинно-марксистских основах построения истории древнего Востока. Только таким путем может быть обеспечена возможность правильного составления рабочего плана тома по истории древнего Востока и правильная его реализация.

Первой предпосылкой успешного разрешения указанной задачи является преодоление буржуазных концепций древневосточной истории. Вторая предпосылка заключается в преодолении довольно распространенного, но в корне неправильного мнения, будто Маркс и Энгельс дали только общие социологические установки по отношению к древневосточной истории. На самом деле Маркс и Энгельс изучали историю древнего Востока так же тщательно, как изучали историю античного мира, феодализма и капиталистической эпохи. Поэтому методологические основы для построения истории древнего Востока заключаются не только в общих социологических положениях Маркса и Энгельса, но также и в тех конкретных выводах, к которым Маркс и Энгельс пришли в результате изучения истории отдельных восточных стран. Другими словами, кроме критического преодоления концепций древневосточной истории, выдвинутых буржуазными учеными, необходимо усвоение итогов изучения древневосточной истории в трудах основоположников марксизма.

Когда мы говорим о преодолении буржуазных концепций в области древневосточной истории, мы, конечно, вовсе этим не отрицаем огромных заслуг буржуазной ориенталистики. История открытий древневосточных памятников, дешифрирование восточных систем письма, воссоздание языков и наречий, издание и первичная обработка документов—все это входит в состав огромного актива буржуазной ориенталистики. И совершенно правильно, что как прежде, так и теперь этому активу отводится

[1] Своей статьей Н. М. Никольский пошел навстречу пожеланиям редакции поставить для изучения вопросы истории общины в рабовладельческих государствах древнего Востока. Следующая статья акад. Никольского будет посвящена вавилонской общине.—*Ред.*

почетное место во всяком курсе истории древнего Востока. Говоря о преодолении буржуазных концепций, мы имеем в виду основные точки зрения буржуазных ориенталистов на общественно-политический строй и ход истории народов стран древнего Востока. Эти общие точки проводятся не только в исторических работах, но также оказывают свое отрицательное влияние и в области источниковедения древнего Востока.

В вышедших до сих пор советских работах по истории древнего Востока обычно указывается на необходимость преодоления буржуазных концепций, но по существу последовательной борьбы с последними не ведется. Огонь направляется только против положения о существовании на древнем Востоке восточной формы феодализма. Между тем, центр тяжести буржуазных концепций древневосточной истории лежит вовсе не в этом положении. Основным стержнем буржуазных концепций древневосточной истории являются положения о господстве на древнем Востоке права частной собственности на землю, о господстве там частного хозяйства, о появлении зародышей капитализма в результате развития древневосточных стран на частнохозяйственной основе, наконец, о якобы имевшей место в некоторых странах древнего Востока массовой пролетаризации крестьянского населения, в результате которой община разложилась, а крестьянство раскололось на крепких единоличников, с одной стороны, и массу наемников и рабов-должников—с другой стороны[1]. Эта концепция капиталистического развития древневосточного мира не получила никакого отпора в I томе «Истории древнего мира» ГАИМК (акад. Струве). Однако совершенно ясно, что подобная концепция древневосточной истории является органической частью теории извечности капитализма и связанной с нею так называемой циклической теории и поэтому для марксизма совершенно неприемлема. Историки-марксисты должны разоблачать ее, показать ее искусственность, ее противоречие данным первоисточников. Это разоблачение является первой основой построения марксистской истории древнего Востока. Поэтому историографию древнего Востока нельзя сводить к краткому заключению раздела об истории науки, как это делается в схеме академического издания, но необходимо посвятить ей самостоятельную обширную главу.

Для построения самой истории древнего Востока руководящими установками должны быть те выводы, к которым пришли Маркс и Энгельс в итоге своего изучения истории древнего Востока как в целом, так и по отношению к отдельным странам. Сначала надо определить пространственное понятие Востока. Географически под Востоком разумеются страны, находящиеся на восток и юго-восток от Западной Европы, частью в Северной Африке, а, главным образом, в южной половине Азии (на юг от Сибири). Эти страны раскинулись на огромном пространстве, на западном краю которого находится Египет, а на восточном—Китай и Япония. История первых классовых обществ в этих странах и является историей древнего Востока. Однако совершенно ясно, что изучение истории этих стран в древности должно быть диференцировано, так как в силу природных условий они разделяются на два, а может быть, и на три комплекса, историческая судьба которых была неодинакова. Такую диференциацию проводит уже Маркс. Он различает комплекс стран, которые существовали в одинаковых условиях на пространствах «пустыни, тянувшейся от Сахары

[1] Кроме Эд. Мейера, Мейсснера, Швенцнера и других ассириологов, эту концепцию проводил также Каутский по отношению к израильско-иудейской истории, договорившись даже до существования в Израиле латифундий наподобие римских. Ср. «Ursprung des Christentums», стр. 219—221.

через Аравию, Персию, Индию и Татарию до возвышенностей Азиатского плоскогория», и в которых сложился «застойный общинный строй», от Китая, в котором первобытная сельская община была только «первоначальной формой»[1]. С другой стороны, из первого комплекса Маркс и Энгельс выделяют группу стран Средиземноморского Востока, от Египта до Персии, которые были завоеваны Римской империей и, таким образом, уже в древности прекратили свое самостоятельное политическое существование[2]. Благодаря этому обстоятельству, т. е. конечному соединению со странами античного мира, установилась известная культурная преемственность между странами древнего Средиземноморского Востока и странами средневековой Европы, преемственность, на которую также имеются указания Маркса и Энгельса. Рассмотрение истории древнего Востока должно производиться по этим комплексам, причем к Китаю должна быть присоединена также Япония, а к Индии—центральноазиатские страны и страны современного Индокитая.

Так как основное место в истории древнего Востока будет уделяться именно странам Средиземноморского Востока и так как спорные вопросы касаются, главным образом, этих стран, то в дальнейшем мы будем иметь в виду средиземноморский комплекс древнего Востока.

По отношению к странам Средиземноморского Востока, а также Индии, составители должны руководиться совершенно точными и недвусмысленными положениями Маркса и Энгельса о специфических условиях экономики и производственных отношений на Востоке. По этому вопросу было немало споров, которые нельзя считать исчерпанными еще и в настоящее время. Однако есть пункты, которые должны быть для всякого историка-марксиста совершенно бесспорными. Основной пункт заключается в том, что Маркс отмечал сцецифичность способа производства на древнем Востоке как наиболее древнюю и наименее прогрессивную ступень «экономической формации общества»[3]. Отсюда одинаково ошибочно видеть в «азиатском способе производства» либо восточную форму феодализма, либо простой вариант античной рабовладельческой формации. Относительно неправильности последнего толкования, т. е. отождествления древневосточных обществ с античным, имеется целый ряд совершенно категорических предупреждений Маркса и Энгельса, основанных на тщательном изучении конкретного исторического материала. Эти предупреждения общеизвестны: противопоставление античной системы рабства и домашнего восточного рабства[4], противопоставление эксплоатируемого непосредственного производителя-общинника непосредственному производителю-рабу[5], подчеркивание коренного различия социально-политического развития Востока и античного мира вследствие коренного различия в судьбе общины и рабства на древнем Востоке и в античном мире[6].

В связи с указанными принципиальными разногласиями советские историки древнего Востока при изложении истории последнего по-разному определяли и то основное общественное звено, за которое надо ухватиться, чтобы вытянуть всю цепь. До сих пор советские историки древнего Вос-

[1] Маркс—Британское владычество в Индии, Соч. М. и Э., т. IX, стр. 347—349; «Капитал», т. III, изд. 8-е, стр. 233—234.

[2] См. об этом у Энгельса—Происхождение семьи..., Соч. М. и Э., т. XVI, ч. 1, стр. 124—125, также «Бруно Бауер», там же, т. XV, стр. 605—608.

[3] «К критике политической экономии», 1935, стр. 39.

[4] «Диалектика природы», изд. 6-е, стр. 49.

[5] «Капитал», т. III, изд. 8-е, стр. 569—570.

[6] «Анти-Дюринг», изд. 8-е, стр. 129, 272 и сл.

тока в огромном большинстве решали и этот вопрос схематически и потому неправильно, подчиняясь при этом влиянию буржуазных концепций и игнорируя совершенно ясные указания Маркса и Энгельса по этому вопросу. Сначала, исходя из предположения о существовании какого-то восточного варианта феодализма, советские историки искали основное звено в зачатках феодальной формы собственности и крепостнических отношений, несомненно существовавших на древнем Востоке, и принимали эту часть за целое. Другие советские историки, исходя из ленинского положения, что первое классовое общество было рабовладельческим обществом, упустили при этом из виду специфику Востока и стали изображать древний Восток по схеме общественно-политической истории античного мира. У одних выпало из поля зрения рабство и оказались преувеличенными элементы феодализации; другие, не уразумев сознательного характера игнорирования общины на древнем Востоке в трудах большинства буржуазных историков, приняли без всякой проверки положение последних о якобы отсутствии известий о существовании общины, вычеркнули общину из истории древнего Востока и постулировали положение о массовом характере восточного рабства. Такое слепое следование за буржуазными «борцами» против общины некоторые советские историки проводили, несмотря на известное предупреждение Маркса, что, «читая истории первобытных общин, написанные буржуазными авторами, нужно быть настороже—они не останавливаются даже перед подлогами»[1]. Игнорирование общины продолжалось и тогда, когда даже среди буржуазных ученых оказались такие, которые признают существование общины на древнем Востоке[2]; скептическое отношение к вопросу о существовании общины на древнем Востоке попрежнему выявляется также и в схеме академического издания.

Между тем, основное звено — «ключ к восточному небу», «ключ к пониманию всего Востока», «корень и политической и религиозной истории»,—указано Марксом и Энгельсом с категорической определенностью. Маркс и Энгельс находят этот ключ именно в том, что «на Востоке не дошли до частной собственности на землю, даже феодальной», и что на пространстве от Египта до Индии основной производственной ячейкой с незапамятных времен неизменно была первобытная сельская община, что в этих странах государство было «верховным собственником земли», и потому там «не существовало никакой частной земельной собственности, хотя существовало как частное, так и общинное владение землей»[3].

Марксистское построение истории древнего Средиземноморского Востока должно исходить именно из этого положения Маркса и Энгельса, являющегося «ключом к пониманию всего Востока». Совершенно неправильно думать, что это положение якобы относится только к Индии и к средневековому Востоку и не относится к древнему Востоку. Не говоря уже о совершенно ясном смысле статьи Маркса «Британское владычество в Индии», следует напомнить известное высказывание Энгельса в «Анти-

[1] Соч. М. и Э., т. XXVII, стр. 679.

[2] В их числе надо указать французского ассириолога Кюка, доказавшего существование общинного землевладения в касситскую эпоху, в эпоху Хаммураби и в эпоху царей Аккада, а также немецких историков вавилонского права, Кошакера и Лаутнера; интересно, что эти последние были вынуждены эмигрировать из фашистской Германии.

[3] Соч. М. и Э., т. XXI, стр. 490—493, 501; т. IX, стр. 519—521; «Капитал», т. I, стр. 406—407; т. III, стр. 570 и др.

Дюринге», что «восточный деспотизм и сменяющееся господство кочующих завоевателей в течение целых тысячелетий не могли уничтожить древнего общинного быта»[1], и замечание Энгельса, что община уцелела в провинциях Римской империи, несмотря на разрушительное влияние римского завоевания[2]. Это положение Маркса и Энгельса основано на тщательном изучении фактического материала. Азиатскую общину Маркс усиленно изучал в процессе подготовки «Капитала», памятником которой является его работа «Теории прибавочной стоимости»; в III томе этой работы мы встречаем как конкретную характеристику азиатской общины, так и ее оценку (стр. 324, 329, 348 по 4-му изд.). Конкретные черты древнеазиатской общины Маркс привлекает для освещения структуры шотландского клана[3].

Общеизвестно, какое огромное внимание Маркс, а также и Энгельс уделяли конкретному изучению «азиатского общинного владения», «азиатской общины» в связи с изучением истории разложения греческой и римской общины и в связи с изучением русской общины[4]. Наконец, Энгельс подчеркивает неизменное существование семитской патриархальной семьи со времен «пятикнижия Моисея», вплоть до конца XIX в., а это мыслимо только при существовании общины[5].

Маркс совершенно точно поясняет, в каком смысле факты отсутствия частной собственности на землю и господства общинного сельского хозяйства являются моментами, дающими «ключ к пониманию всего Востока». Он говорит: «Простота производственного механизма этих самодовлеющих общин, которые постоянно воспроизводят себя в одной и той же форме и, будучи случайно разрушены, возникают снова в том же самом месте, под тем же самым именем, объясняет (liefert den Schlüssel—«дает ключ») тайну неизменности азиатских обществ, находящейся в таком резком контрасте с постоянным разрушением и новообразованием азиатских государств и непрестанной сменой их династий»[6]. Несомненно, что именно черту неизменности, застойности восточных обществ имел в виду Маркс, ставя «азиатский» способ производства в отношении прогрессивности на самую нижнюю ступень в своей формуле во введении «К критике политической экономии». В другом месте Маркс отмечает, что первобытная сельская община является «детской формой», непригодной для того, чтобы «развить труд, как общественный труд, и производительность общественного труда», и что возможность прогресса открывается только тогда, когда разрывается «первоначальное единство между рабочим и средствами производства»[7], т. е. когда в древности появляется рабство, дающее возможность усиления и развития производства[8]. Застойный характер восточных и, в частности, древнево-

[1] «Анти-Дюринг», стр. 115, 129.
[2] Соч. М. и Э., т. XV, стр. 607.
[3] Там же, т. IX, стр. 82.
[4] Высказывания Маркса в этой области общеизвестны; у Энгельса, кроме известного места в «Анти-Дюринге» (стр. 129), см. также Соч. М. и Э., т. XV, стр. 259—260; т. XVI, ч. 2, стр. 382, 391.
[5] «Происхождение семьи», Соч. М. и Э., т. XVI, ч. 1, стр. 44; т. XVI, ч. 2, стр. 118.
[6] «Капитал», т. I, Партиздат, стр. 406; нем. ориг. т. I, стр. 376, ср. также замечания Маркса и Энгельса о том, что общинный быт составлял неизменную основу для застойного восточного деспотизма, Соч., т. XXI, стр. 501 (Маркс), т. XV, стр. 260 и «Анти-Дюринг», изд. 6-е, стр. 129 (Энгельс).
[7] «Теории прибавочной стоимости», ч. 3, изд. 4-е, стр. 308.
[8] «Анти-Дюринг», изд. 6-е, стр. 129.

сточных обществ правильно уловили еще буржуазные экономисты и мыслители на заре развития и в эпоху расцвета капитализма. Так, еще Бернье, которого весьма ценили Маркс и Энгельс, верно замечает, что тирания, рабство и варварство восточных царств имеют своим первоисточником отсутствие там частной собственности на землю[1]. Гегель называет историю древнего Востока «неисторической историей», характеризует государства древнего Востока, как неизменные «в себе или в принципе», не обнаруживающие «никакого прогресса» и изменяющиеся только во взаимоотношениях друг с другом в силу беспрестанных столкновений между ними[2]. Гегель объясняет эту неизменность, конечно, «детскими свойствами восточного духа», но это не помешало ему дать меткое диалектическое определение характера восточной истории, как «неисторической истории». На закате капитализма буржуазные и фашистские «историки» закрыли глаза на эту основную, давно установленную характерную черту восточной и древневосточной истории и взамен выдвинули фальсификаторскую концепцию развития древневосточных обществ на основе господства права частной собственности и по направлению к капитализму.

Лучшим доказательством правильности марксистского понимания древневосточного исторического процесса и фальшивости новой буржуазно-фашистской концепции является хотя бы тот факт, что правовые нормы кодекса Хаммураби остались в Вавилонии неизменными вплоть до конца Халдейского царства. Это вынужден признать даже один из крупнейших защитников «капиталистической» концепции древневосточных обществ Мейсснер. Он отмечает, что в халдейскую эпоху была сделана попытка «модернизации» кодекса Хаммураби, но сводит эту модернизацию только к изложению кодекса на понятном для халдейского общества языке и к некоторому видоизменению брачного права, заключающемуся в том, что остатки обычая покупки жены в проекте нового кодекса свелись к чисто формальным постановлениям[3]. Ряд других данных также показывает, что определение Гегеля «неисторическая история» основано на фактах.

Однако историки-марксисты совершили бы огромную ошибку, если бы по примеру старых буржуазных ориенталистов успокоились на признании застойности восточных обществ и сосредоточили свое внимание на изложении только внешнеполитической и военной истории древнего Востока. Была и внутренняя общественно-политическая история стран древнего Востока. Именно она и должна составить основное содержание марксистской истории древнего Востока.

Древневосточные общества не сразу и не без борьбы достигают того уровня развития, на котором последнее останавливается, а по достижении этого уровня их бытие не является бытием стоячего болота. Напротив, достигнутый ими уровень не раз возмущается бурями, иногда разрушительными ураганами, поднимающими мощные волны, подобные волнам разбушевавшегося моря. Таким образом, есть и должна быть показана внутренняя общественно-политическая история стран древнего Востока. Она протекала различно в различных странах, и потому показ ее должен даваться раздельно, по странам, с учетом естественных и производственных условий каждой страны. Но рядом с делением по странам должно быть также про-

[1] Бернье—История последних политических переворотов в государстве Великого Могола, стр. 211.

[2] Гегель, Соч., т. VIII («Философия истории»), стр. 100—101.

[3] Meissner—Ein Entwurf zu einem neubabylonischen Gesetzbuch, 1918, SPAW, S. 281, 295—297.

ведено и деление по эпохам, определяемое образованиями на древнем Востоке крупных военно-грабительских держав. Другими словами, изложение истории Египта, Двуречья и малых стран должно чередоваться в зависимости от тех международных соотношений, какие в тот или иной момент складывались на исторической территории древнего Востока.

Каково же должно быть содержание внутренней общественно-политической истории стран древнего Востока? Из всего сказанного очевидно, что основной проблемой этой истории должна быть история сельской общины в каждой стране древнего Востока. Маркс поставил перед историками важнейшую задачу—написать «историю разложения первобытных общин»[1]. Эта задача является стержневой задачей для историков древнего Востока, ибо там первобытная община в процессе своего преобразования дала азиатскую сельскую общину, а эта последняя оказалась той ступенью развития, перейти которую восточная община не смогла.

В этом вопросе составителям академической истории древнего Востока прежде всего придется преодолеть указанный выше скептицизм по отношению к общине на древнем Востоке, который установился, с одной стороны, под влиянием буржуазной фальсификаторской историографии, с другой стороны—в силу механистического отождествления древневосточных общественных отношений с античными общественными отношениями. В результате такого отождествления стиралась и стирается вся специфика восточных обществ, категорически подчеркнутая Марксом и Энгельсом и очевидная для всякого непредубежденного историка. Совершенно ясно, что задача такой перестройки—нелегкая. Для ее разрешения придется сойти с линии наименьшего сопротивления, оставить ссылки на якобы отсутствие документальных данных о древневосточной общине и провести предварительно большую исследовательскую работу для систематизации имеющихся и разыскания новых материалов об общине. Эта задача представляет значительные трудности, главным образом, по отношению к общине в Двуречье, тогда как материал для истории египетской и палестинской общины уже и сейчас имеется достаточный[2]. Но и по отношению к общине Двуречья имеются опорные пункты, установленные, как было указано выше, буржуазными учеными и удостоверяющие существование общины, общинного хозяйства и общинного права на всем протяжении истории стран Двуречья[3].

История общины в каждой стране древнего Востока должна быть рассмотрена прежде всего со стороны борьбы общинников за сохранение общины. Не следует забывать, что древневосточные общинники, сумевшие отстоять свою юридическую свободу, были основной массой непосредственных производителей и основными строителями и хранителями той системы ирригации, которая обеспечивала и в Египте и в Двуречье жизнь и благосостояние народной массы и той кучки паразитов, которая сидела на шее трудящихся. Модное утверждение, будто бы первые ирригационные сооружения были построены трудами рабов, противоречит народной традиции, противоречит и исторической действительности, которая знает

[1] В первом наброске письма к Вере Засулич, Соч. М. и Э., т. XXVII, стр. 679.

[2] Об израильско-иудейской общине см. в книге А. Рановича—Очерки истории древнееврейской религии, стр. LII—LXXII (моя вступительная статья и стр. 150—158—общий очерк истории царской эпохи). Следует отметить, что книга А. Рановича является первым опытом действительно марксистского изложения истории одной из стран древнего Востока. Существование общины в Египте признается и акад. Струве, но почему-то только в эпоху Древнего и Среднего царства.

[3] Ср. Lautner—Altbabylonische Personenmiete und Erntearbeiter verträge, 1936, S. 20—26, 174.

право общинного пользования водой и обязанность общины поддерживать общинные каналы и водоемы, которая знает о существовании, наряду с общинными каналами и водоемами, царских каналов и водоемов, построенных уже после образования деспотических государств и служивших орудием эксплоатации общинников. Свободные общины Египта и Двуречья уже в III тысячелетии до н. э. подверглись наступлению со стороны жреческой и сановной рабовладельческой верхушки. Уже в III тысячелетии до н. э. эта верхушка выкачивала в свою пользу из общинников прибавочный продукт в виде ренты-налога и прибавочный труд в виде принудительных работ на царя и на храмы. Уже в III тысячелетии был создан в Египте и Двуречье тот аппарат «для грабежа собственного населения», о котором не раз упоминают Маркс и Энгельс как об одном из трех основных ведомств всякого восточного правительства, существующих «с незапамятных времен»[1]. Но если с точки зрения древневосточного деспота или сатрапа крестьянин-общинник «существовал для того, чтобы его эксплоатировали»[2], то сам восточный крестьянин-общинник держался другого мнения. Он подчинялся эксплоатации, поскольку она была в тогдашних производственных условиях неизбежным явлением, но он хотел сохранить и свою юридическую свободу и свою общинную организацию. Поэтому всякие попытки закрепощения, путем ли чрезмерного завинчивания налогового и барщинного пресса, путем ли введения и распространения долговой кабалы, и всякие попытки насильственного разрушения общины посредством расхищения общинных земель встречали со стороны общинников решительный отпор вплоть до восстаний и вооруженной борьбы против угнетателей. Такие попытки и сопровождавшая их вооруженная борьба имеют место в Египте и Двуречье уже в III тысячелетии и не раз повторяются и в последующие века. Результат этих попыток и этой борьбы резюмирован в общеизвестном замечании Энгельса: «Восточный деспотизм и сменяющееся господство кочующих завоевателей в течение целых тысячелетий не могли уничтожить древнего общинного быта»[3]. История этих попыток разрушения общины, история борьбы общинников и ее конечный результат должны быть показаны отдельно для каждой страны древнего Востока.

История попыток наступления на общину и борьба общинников против угнетателей тесно связана с историей эксплоатации общинников при посредстве ренты-налога и принудительных работ. Марксистская история стран древнего Востока должна выяснить не только внешнюю историю этой эксплоатации—эпоху ее окончательного установления, моменты особенно жестокого проведения этой эксплоатации, случаи и периоды борьбы общинников,—но также и материальную и юридическую сторону дела. Общинники были поставщиками основной массы прибавочного продукта в качестве основной массы непосредственных производителей. Отсюда необходимо рассмотрение истории общины как основной производственной ячейки—общинного хозяйства в области производства и его техники, землепользования, пользования ирригацией, домашнего ремесла, распределения продукции и т. д., а также административного аппарата общины. Образец такого рассмотрения дан Марксом по отношению к индийской общине; по отношению к общине древневосточных стран уже приведенный в известность материал содержит ряд интересных данных по всем указанным вопросам. Что касается до общинного тягла, то рассмотрение

[1] Маркс, Соч. М. и Э., т. IX, стр. 347, Энгельс, т. XXI, стр. 494.
[2] Соч. М. и Э., т. XXVII, стр. 234, письмо Энгельса к Бернштейну.
[3] «Анти-Дюринг», изд. 6-е, стр. 115.

его не должно ограничиваться описанием царского и храмового аппаратов для выколачивания ренты-налога и для организации принудительных работ, но должно осветить также и содержание обеих форм тягла со стороны количественной и материальной и проследить историю всех изменений тягла в каждой отдельной стране. Тут, в частности, необходимо будет выяснить отличие дани от ренты-налога, а также условия, в силу которых система принудительных работ получила особое развитие в Двуречье. Только тогда термины вроде «жестокая эксплоатация», «невыносимый гнет» и др. получат необходимое конкретное оправдание и содержание.

Другую категорию эксплоатируемой рабочей силы на древнем Востоке составляли рабы. При рассмотрении вопроса о рабовладельцах и рабах марксистская история древнего Востока также должна исходить из указаний Маркса и Энгельса. К сожалению, до сих пор в общих курсах истории древнего Востока редакторы и составители учитывали только одно общее попутное замечание Энгельса о том, что в азиатской древности рабство было преобладающей формой эксплоатации[1], но игнорировали все прочие замечания Маркса и Энгельса о различных формах и ступенях рабовладельческого хозяйства[2] и о специфике восточного рабства, как рабства по преимуществу домашнего. Факты показывают, что как община была унаследована древним Востоком от патриархального периода доклассового общества, так и рабство на Востоке было следующей ступенью развития патриархального рабства. Командующая верхушка древневосточных обществ—царь, его сановники, жрецы—это обычно рабовладельцы патриархального типа. Домашнее восточное рабство, по определению Энгельса, не составляло прямым образом основы производства, но было связано в основном с патриархальной семьей, переходя в нее «незаметным образом», особенно через рабынь гарема. Определение Энгельса блестяще подтверждается всем тем древневосточным документальным материалом, в котором рабы и рабыни называются бесспорными терминами, обозначающими эти категории. Оно подтверждается также и древневосточным литературным материалом, поскольку в последнем имеются упоминания о рабстве. В свете определения Энгельса и материала первоисточников и должно рассматриваться древневосточное рабство.

При изучении древневосточного рабства мы наталкиваемся на то же самое положение, на ту же самую «неисторическую историю», как и по отношению к общине, только в противоположном направлении. Если община на протяжении истории древнего Востока подвергалась неоднократно опасности разрушения, то рабство на том же протяжении не раз проявляло тенденцию к расширению за пределы домашнего хозяйства. Результат этих колебаний в роли рабства был также отрицательный—восточное рабство не переросло в систему рабства античного типа. Этому противодействовало как существование общины, так и отсутствие тех постоянных и огромных резервов рабской силы, какими располагали греческие и римские рабовладельческие государства. Случаи крупного притока рабской силы в Египте и Двуречье были спорадическими, связанными с военными грабительскими походами; едва такие походы прекращались, как и рабство возвращалось к своему прежнему уровню. Но несомненно, что периоды расширения рабства за пределы домашней формы сопровождались также расширением частного и храмового хозяйства с применением рабского

[1] Соч. М. и Э., т. XVI, ч. 1, стр. 287.

[2] «Капитал» т. III, изд. 8-е, стр. 579; «Анти-Дюринг», изд. 6-е, стр. 114—115, 129; «Происхождение семьи...», Соч. М. и Э., т. XVI, ч. 1, стр. 133 и др.

труда и известным ослаблением общинных позиций. Эту сторону дела также необходимо иметь в виду при построении общественной истории древневосточных стран и дать конкретную историю колебаний рабства в древневосточных странах—спорадических случаев его усиления, количественного и качественного, и последующих моментов его снижения до специфической восточной нормы[1].

С рабством на древнем Востоке в собственном смысле слова, «прямым рабством», по выражению Маркса[2], нередко смешивается так называемое долговое рабство, или долговая кабала. Встречается тенденция изобразить тип восточного раба-должника в виде пролетаризованного общинника, который, попав в неоплатные долги, отрывается от средств производства и от общины, вынужден отдавать свой надел кредитору и работать на кредитора на положении раба. Как уже указывалось выше, эту концепцию в буржуазной историографии пустил в ход Каутский, применив ее по отношению к общественно-политической истории Израиля и Иуды[3]. К сожалению, эта концепция повторялась, с распространением ее также на Египет и на Двуречье, в «Истории древнего мира», изд. ГАИМК, и сохраняется в основном также и в схеме академического издания. Однако она противоречит как установкам Маркса, так и исторической действительности. Маркс, отмечая разрушительную и революционную роль ростовщика при докапиталистических способах производства, оговаривается, что «при азиатских формах ростовщичество может существовать очень долго, не вызывая ничего иного, кроме экономического упадка и политической коррупции»[4]. Изучение источников показывает, что эта оговорка Маркса сделана им на основе тщательного изучения исторических фактов. В Египте долговое рабство вообще было слабо распространено, а в Двуречье и в израильской Палестине долговая кабала ограничивалась коротким сроком, причем должник не был обязан отбывать ее лично, но мог вместо себя «продать в рабство» любого члена своей семьи. Поэтому попытки «открытия» в Двуречье латифундий, обрабатываемых массами рабов-должников, столь же несостоятельны, как и аналогичная попытка Каутского «открыть» подобные латифундии в Израиле и Иуде. Отвергая эту каутскианскую концепцию, историки-марксисты, конечно, должны признать, что долговое право и связанные с ним кабальные отношения являлись одной из форм эксплоатации древневосточного общинника, были для последнего жестоким бичом. Гнет долгового права особенно обострялся в периоды опустошительных нашествий кочующих завоевателей, а также в периоды завоевательных походов местных царей, которые сгоняли общинников в ряды завоевательных армий, лишая семьи общинников основных работников и толкая оставшихся членов семьи в цепкие лапы сановных и жреческих ростовщиков. Однако и по отношению к долговому праву следует отметить, что новейшие исследования вскрывают ту огромную поддержку, которую должна была оказывать и оказывала община своим членам, впавшим в долг. До сих пор подобное обязательство было известно только из израильско-иудейского общинного права; но теперь установлено, что аналогичное обязательство существовало и в вавилонском общинном праве[5].

[1] Для Египта, например, эпоха Тутмосидов; для Сумера и Аккада эпоха III династии Ура, когда был временно подчинен Элам; затем эпохи великой Ассирийской державы и Халдейского царства.

[2] «Теории прибавочной стоимости», т. III, стр. 290.

[3] «Ursprung des Christentums», стр. 219—220.

[4] «Капитал», т. III, изд. 8-е, стр. 428.

[5] Lautner, цит. соч., стр. 174, прим. 516.

Таким образом, выясняется основное руководящее значение древневосточной общины также в истории и древневосточного рабства, прямого и долгового. Общинный быт и рабство, прямое и долговое, диалектически были связаны между собой, и их взаимоотношение в условиях каждого данного момента давало такую равнодействующую силу, при которой община, в конце концов, отстаивает свои позиции, а рабство возвращается в свою нормальную для Востока форму домашнего рабства. Но, конечно, в различных странах древнего Востока этот волнообразный колебательный процесс протекал в различных степенях напряжения и в различных формах. В частности, как будет указано ниже, в Двуречье рабство в силу некоторых специфических условий получило более широкое развитие, чем в Египте.

Как община, так и рабство на древнем Востоке были последующим этапом развития в рамках классового общества соответствующих составных элементов патриархального этапа развития родового общества. Сельская община, или марка, развилась из «патриархальной большой семьи с совместным владением землей и совместной обработкой»[1]. Домашнее рабство на древнем Востоке было также, как мы уже говорили, последующей ступенью развития патриархального рабства. Отсюда при построении марксистской истории древнего Востока необходимо обратить внимание на общий характер древневосточного быта и права. И быт и право проникнуты патриархальными чертами, которые сохраняются также неизменно в быте и в праве восточных народов средневековья и нового времени. В древневосточной общине, как и во всякой другой, домохозяйство каждого члена сельской общины и отношения между членами семьи и домочадцами строились на патриархальном начале. Поэтому Маркс называет в одном месте индийские общины «семейными общинами», а одним из основных признаков русской сельской общины считает ее «патриархальность»[2].

Командующий класс восточных обществ также выступает перед нами как организация патриархального типа. Лишь немногие из представителей этого класса являются землевладельцами[3]; в огромном своем большинстве они прежде всего рабовладельцы патриархального типа. Уже Энгельс отмечал, что патриархальный характер семитской семьи сохраняется «еще в настоящее время по всему Востоку; многоженство является привилегией богатых и знатных, и жены достаются, главным образом, покупкой рабынь»[4]. Через этих «рабынь гарема» связываются с семьей восточного сановника и жреца его прочие рабы, обслуживающие его домашнее хозяйство, его личный сад и огород, его представительство и даже иной раз его охрану, пасущие его стада. В связи с этим в марксистской истории древнего Востока необходимо будет отметить, что древневосточные кодексы, составлявшиеся, конечно, прежде всего для регулирования правовых отношений внутри командующей верхушки и для охраны ее собственности (общины жили по неписанному обычному праву), являются кодексами именно патриархального права. Они уделяют огромное внимание укреплению отцов-

---

[1] Энгельс—Происхождение семьи..., Соч. М. и Э., т. XVI, ч. 1, стр. 43.

[2] Соч. М. и Э., т. IX, стр. 351 и 200.

[3] По данным вавилонских документов размеры участков земли, находившиеся во владении частных лиц на «отцовском праве», обычно колебались в Вавилонии от 5—6 ган до 20—30 ган; участки бо́льших размеров (90 ган, 161 ган) встречались единицами. Сады и поля во владениях частных лиц обычно обрабатывались крестьянами из доли урожая или, чаще, за фиксированное количество урожая.

[4] Соч. М. и Э., т. XVI, ч. 1, стр. 44.

ского права в области брачных, семейных и имущественных отношений[1]. Специальные статьи регулируют взаимоотношения и наследственные права свободных жен и жен-рабынь, сыновей от тех и других и права дочерей. Патриархальная власть отца и мужа особенно ярко выражается в том, что он один имеет право давать развод, признавать или не признавать детей, отказывать от дому взрослым сыновьям, усыновлять и, наконец, продавать жену и детей в рабство. Охраняя и развивая отцовское право, древневосточные кодексы в области охраны права собственности также в первую очередь охраняют те объекты собственности, которые возникли именно внутри патриархальной большой семьи—право собственности на сокровища, скот и домашних рабов. Но при этом в области охраны земельной собственности те же кодексы особенно строго охраняют верховное право царя как суверенного собственника земли, как это видно из целого ряда детализованных статей о праве пользования землями, пожалованными военным людям.

Следующим очень важным вопросом, в котором до сих пор еще сказывается сильное влияние буржуазных концепций, является вопрос об общем характере хозяйства древневосточных стран и о торговом обмене. Тут даже в схеме истории древнего Востока, составленной Академией наук СССР, все еще встречаются такие термины, как мировой рынок, торгово-ростовщические банки, денежное хозяйство. Все эти термины целиком заимствованы из работ буржуазных ориенталистов и отражают указанную выше тенденцию последних доказать капиталистическое развитие древнего мира. Между тем, точка зрения основоположников марксизма совершенно иная. Как хорошо известно, Маркс считает, что на основе всяких систем зависимости докапиталистических обществ «преобладающим является натуральное хозяйство». Маркс добавляет, что последнее является преобладающим «в еще большей мере на основе более или менее примитивных общин, безразлично, связаны ли последние с отношениями зависимости и рабства или нет»[2]. Эта оговорка Маркса имеет в виду, конечно, и общества древнего Востока. Мало этого, Маркс, признавая, что денежный капитал, затрачиваемый при системе рабства на покупку рабочей силы, играет роль денежной формы основного капитала, оговаривается, что «система рабства, существовавшая в развитых государствах Греции и Рима, сохраняет элемент натурального хозяйства», так как способ пополнения рабочей силы посредством войны и морского разбоя «обходится без посредства процесса обращения, представляя натуральное присвоение чужой рабочей силы посредством прямого физического принуждения». Наконец, Маркс подчеркивает, что при этом простые домашние рабы совершенно не принимаются во внимание[3].

Подобный натуральный характер хозяйства при докапиталистических способах производства обусловливается тем, что владельцами прибавочного продукта, а следовательно и продавцами его, являются «рабовладелец, феодал, взимающее дань государство»[4]. Эти владельцы прибавочного

---

[1] Из 14 дошедших до нас статей сумерийских законов посвящены патриархальному праву 7, из кодекса Хаммураби—66, ассирийские законы—почти целиком; из 10 дошедших статей проекта нововавилонского кодекса—7 (ср. текст Gressmann, AOTB, изд. 2-е, т. 1, стр. 422—432), из хеттского кодекса уцелело 17, но было значительно больше.

[2] «Капитал», т. II, стр. 349—350.

[3] Там же.

[4] «Капитал», т. III, стр. 227—228.

продукта «являются представителями потребляющего богатства», которые «и не думали о превращении прибавочного продукта в капитал.., значительную часть прибавочного продукта они употребляли на непроизводительные затраты, не заботясь о развитии производительных материальных сил, а остальная часть прибавочного продукта лежала у них без употребления»[1]. Такая натурально-хозяйственная основа определила собою и характер торговли при докапиталистических способах производства. Купец, по образном выражению Маркса, «расставляет сети потребляющему богатству». Подобно охотнику, купец вылавливает у владельцев прибавочного продукта ту часть последнего, которая лежит у них без употребления, вылавливает на приманку разного рода—рабов, драгоценностей, редких вещей, благовоний и т. д. Эти приманки, как подчеркивает Маркс, купцы добывают чаще всего посредством насильнического грабежа, морского разбоя, порабощения колоний и так далее[2]. Говоря о «чистых» торговых народах древнего мира, в том числе и о финикиянах, Маркс подчеркивает, что существование подобных народов было «дано как раз преобладанием земледельческих народов», для которых торговые народы древности играли роль посредников[3].

Все эти высказывания Маркса, целиком относящиеся и к древнему Востоку, не нашли отражения в схеме истории Востока Академии наук. Между тем, они должны быть руководящими для всякого марксистского историка древнего Востока. Совершенно ясно, что при том характере древневосточного хозяйства и древневосточной торговли, как последний выяснен у Маркса, нельзя говорить ни о мировом рынке, ни о денежном хозяйстве, ни о банках. Документальные данные о характере торговли и ссудных операций на древнем Востоке рисуют картину, вполне соответствующую концепции Маркса. Основными владельцами потребляющего богатства были цари и храмы; это определило своего рода «монополию внешней торговли» в руках царей не только в странах древнего Востока, но даже и в эллинистическом Египте. Все то, что мы знаем из Геродота и других древних источников о характере финикийской торговли, целиком подтверждает характеристику Маркса, а последние открытия в Рас-Шамре подчеркивают то огромное значение для возможности существования финикийских торговых городов, какое имел земледельческий «хинтерланд» последних. На такой основе не везде на древнем Востоке мог сложиться сколько-нибудь значительный профессиональный класс купцов. Появление и усиление купеческого класса было облегчено в Южном Двуречье, где уже в конце III тысячелетия до н. э. установился внутренний торговый обмен на основе известного разделения труда между Севером и Югом, а впоследствии также между Ассирией и Вавилонией. Напротив, в Египте, где подобного разделения труда не было, местный класс купцов был очень слабым, в Палестине для обозначения купцов применялись названия «сидоняне» или «хананеи», т. е. финикияне. Что касается до торгово-ростовщического капитала, то представителями последнего в Двуречье были по преимуществу царские и храмовые торговые агенты и храмы, а в Египте вообще вряд ли можно говорить о местном торгово-ростовщическом капитале. Специально ростовщический капитал, получивший наибольшее развитие в Вавилонии и Ассирии, судя по документальным данным, даже в персидскую эпоху сохранял

[1] «Капитал», т. III, стр. 231, 232; «Теории прибавочной стоимости», т. II, ч. 2, изд. 4-е, стр. 204.

[2] «Капитал», т. III, стр. 231—232.

[3] «К критике политической экономии», 1935, стр. 30; «Капитал», т. III, стр. 321.

черты простого грабительства[1] и ни в какой мере не выполнял банковских функций общественного кредита. В заключение следует отметить весьма характерный факт, совершенно несовместимый с понятием денежного хозяйства, именно, что ни в одной из древневосточных стран до персидского владычества не было монетной системы, да и в самой Персии чеканка дариков была введена, как полагают, главным образом, для оплаты греческих наемников.

В связи с указанной неравномерностью развития торговли и торгового капитала в различных странах древнего Востока необходимо отметить значение этого момента для развития рабства. Тут сохраняет свою силу известное замечание Маркса, что торговый капитал оказывает ускоряющее влияние на развитие рабского хозяйства. И мы видим, что в Вавилонии, где торговый и ростовщический капитал получил более широкое и прочное развитие, чем в других странах древнего Востока, рабство также получило известное качественное развитие, выходящее за пределы домашнего рабства. Это развитие выразилось не только в существовании в Вавилонии торговых приказчиков и агентов из рабов, но также и в особенности в случаях перевода на самостоятельное производство рабов, обученных ремеслу, и перевода сельских рабов на работу за определенную долю доходов (так наз. мандатту); это практиковалось в халдейскую и персидскую эпоху. При этом следует отметить, что в сельском хозяйстве такие рабы заключали договор с господином не как оброчные люди, а как хозяева-арендаторы предоставлявшихся им доходных угодий. Эти категории рабов могли переходить сами в ряды представителей торгового капитала, в особенности при выходе на волю. К сожалению, у нас нет документальных данных, которые характеризовали бы влияние торгового капитала на развитие рабства в Финикии. Опубликованные недавно три документа из Рас-Шамры говорят только об обычном домашнем рабстве[2].

Таковы были в основных чертах производственные основы древневосточных обществ. Эти основы определяют собою политическую и культурную надстройку последних. Политическая надстройка на древнем Востоке сложилась в форме восточного деспотизма.

Древневосточная деспотия, при всех ее общих чертах, в каждой отдельной стране выработалась в форме определенного местного варианта. В зависимости от реальных условий существования, специфических для каждой данной страны, в функционировании местной деспотии выдвигались на первый план те или иные из трех выше названных ведомств; при этом гипертрофированное расширение военного ведомства могло иметь и имело в некоторых странах только временный характер. Надо сказать прямо, что ни в буржуазной, ни в советской историографии еще не было попытки систематически рассмотреть историю этих трех ведомств восточных деспотических правительств в ее диалектической связи с историей общины, рабства и грабительских походов. Между тем, такое рассмотрение воочию показало бы, что древневосточные мировые державы, которые буржуазные ориенталисты любят сближать с современными империалистическими державами, на самом деле были только расширенными организациями ведомства по ограблению чужих народов, и что это ограбление было не формой колониальной эксплоатации, а простейшим традиционным спосо-

[1] Ср. K o h l e r—U n g n a d—Hundert ausgewählte Rechtsurkunden aus Spätzeit, № 65—66.

[2] «Syria», 1937 г. № 3, статья Т ю р о-Д а н ж е н а—Trois contrâts de Ras-Shamra.

бом приобретения того же самого потребляющего богатства, какое добывалось его владельцами также посредством грабежа своего собственного народа и посредством торгового обмена. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить приводимое Марксом описание военного быта в государстве Великого Могола[1] с описанием походов египетских фараонов и ассирийских царей в их надписях или прочитать, не мудрствуя лукаво, любой список военной добычи или дани, захваченной любым фараоном Нового царства или ассирийским царем, и посмотреть, кому эти награбленные богатства доставались. Окажется, что эти богатства заключались в тех же стадах скота, партиях рабов, грудах золота, серебра, меди и железа, партиях благовоний, драгоценного дерева, слоновой кости и других предметов, которые цари, их сановники и жрецы в мирное время выменивали через посредство купцов на излишки прибавочного продукта из своих кладовых, и что военная добыча шла прежде всего в кладовые царя и храмов[2]. В связи с определенной местной формой деспотии и ее функционирования наблюдаются также и известные различия в идеологическом оправдании деспотии, в особенности оправдании верховного права собственности царя на землю и его ничем не ограниченной власти над жизнью и смертью подданных. Тут в первую очередь стоит вопрос о теории божественности царей, которая в разных странах и в разное время получала различное освещение и оформление. В этом отношении марксистская история древнего Востока должна проделать свою собственную самостоятельную работу, так как в буржуазной историографии процесс развития идеологии божественности царской власти обычно отрывается от социально-политической и внешнеполитической истории.

Если по отношению к политической надстройке историк-марксист может все-таки до некоторой степени опереться на факты, собранные буржуазной историографией, то по отношению к истории культуры древневосточных стран марксистским историкам придется разрешать ряд новых самостоятельных задач. Формально-идеалистический подход буржуазных историков к изучению древневосточной культуры породил два варианта изображения последней: или в виде простого формально-стилистического описания культурных памятников, или в виде попыток построения концепций единой древневосточной культуры, так называемого панвавилонизма и панегиптизма. Последние концепции являются чисто-механистическими построениями, фальсифицирующими факты, и должны быть соответствующим образом разобраны и опровергнуты в курсе истории древнего Востока. Для историка-марксиста в области изучения древневосточных культур руководящими должны быть замечания Энгельса о том разобщении, какое существовало между древними восточными народами и поддерживалось в особенности системой религиозных запретов,—разобщении, которое, по словам Энгельса, было одной из основных причин гибели древнего Востока[3]. Конечно, это разобщение не было абсолютным, в известной степени обмен культурными приобретениями имел место, например, в си-

[1] Соч. М. и Э., т. XXI, стр. 489.

[2] Ср. одно из самых красочных мест в этом смысле в надписи Гудеи: «В kirmach было (ссыпано) зерно гуггаль и сигаль. В qirpana были быки для пищи, бараны для пищи... В доме для пряностей было, как Тигр в полную воду. В сокровищнице были драгоценные камни, драгоценные металлы, свинец. Дом для колесниц был, как гора, стоящая на поверхности земли». Надпись передает, что эти сокровища составились из военной добычи, из товаров, добытых домкарами, и из подати подданных.

[3] Соч. М. и Э., т. XV, стр. 608—609.

стеме письма, в технике искусства и ремесла, в фактах литературных заимствований. Но ни о какой единой древневосточной культуре говорить безусловно нельзя.

Что же касается вопроса о самом содержании культуры отдельных восточных стран, то историк-марксист должен подходить к культурным явлениям прежде всего как к явлениям определенного социального происхождения. На древнем Востоке, как указывал еще Маркс, инициаторами создания и обладателями важнейших культурных ценностей, в особенности памятников архитектуры и изобразительного искусства и художественных предметов домашнего обхода, были представители командующей верхушки рабовладельцев, которые затрачивали на сооружение, изготовление этих культурных ценностей значительную часть прибавочного продукта и огромное количество даровой крестьянской и рабской рабочей силы, находившейся в их распоряжении[1]. С этой точки зрения можно было бы охарактеризовать древневосточную культуру как культуру господствующего класса. Однако такое определение было бы односторонним и неправильным, ибо тогда были бы упущены из виду фактические создатели целого ряда культурных ценностей. Крестьяне-общинники и ремесленники вносили в создание культурных ценностей не только свой физический труд, но и свое мастерство и свою технику. Это мастерство и эта техника восходят к тому мастерству и к той технике, замечательные образцы которых мы имеем еще из эпохи доклассовых первобытно-коммунистических общин. Художники, расписывавшие стены дворцов и храмов, применяли краски и приемы своих далеких предков, еще, может быть, каменной эпохи. То же самое надо сказать о скульпторах, высекавших статуи, о литейщиках и кузнецах и оружейниках, изготовлявших украшения и изящные предметы домашнего обихода и оружие, о ювелирах и парфюмерах, о мастерах-музыкантах, о мастерах, изготовлявших крепкие напитки и т. д. Отсюда проистекает и национальный характер культуры отдельных древневосточных стран, ибо в каждой стране мастера ремесла и искусства тамошнего народа выработали и технические приемы, и художественную форму, и содержание культурных ценностей в соответствии с природными и производственными условиями данной страны.

То же самое надо сказать и о памятниках литературы. До нас дошла почти исключительно только литература, создававшаяся для сановно-жреческой верхушки древневосточных обществ. Но исследование содержания этой литературы с особенной ясностью подтверждает аксиому Максима Горького: «начало искусства слова—в фольклоре». Вопреки фашистской «теории» происхождения фольклора путем «импорта сверху», на самом деле имело место другое явление: литература господствующих классов на первых шагах своего развития питалась «импортом снизу». С этой точки зрения необходимо произвести также и исследование памятников древневосточных литератур. Эти памятники создавались по заказу и по вкусам господствующих классов, но те «камни», из которых они были сложены, в весьма значительной части являются обработанными, иногда лишь слегка, произведениями народного творчества. Таким образом, восточный общинник во многих случаях выступает перед нами не только как создатель материальных и художественных ценностей, но и как своего рода соавтор произве-

[1] «Теории прибавочной стоимости», т. II, ч. 2, стр. 204; «Капитал», т. I, стр. 379—380.

дений древневосточных литератур. При таком рассмотрении древневосточных литератур является также возможность выделить из литературных памятников все фольклорные сюжеты и прямые заимствования из фольклора и таким путем до известной степени реконструировать фольклор древневосточных народов. Тут необходимо заметить, что особенно много заимствований из фольклора имеется в религиозной литературе—в официальных магических формулах, мифологических текстах и отчасти даже в молитвенных формулах. Раздел фольклора должен быть неотъемлемой частью курса древнего Востока.

Чрезвычайно важной областью древневосточной культуры является религия. Изучению последней буржуазная ориенталистика уделяла особенно много внимания и труда и достигла в этой области, в особенности в сфере сравнительного изучения, некоторых весьма значительных успехов. Однако все же нельзя сказать, чтобы в результате работы буржуазных ориенталистов наука получила хотя бы основы действительной, подлинной истории древневосточных религий, так как изучение религиозных явлений производилось под углом зрения различных идеалистических концепций религии и религиозной истории. В особенности это надо отметить по отношению к буржуазному «критическому» изучению израильско-иудейской религии, в котором до сих пор еще сохраняют руководящее значение такие антинаучные полубогословские установки, как положение об изначальном еврейском монотеизме, об универсально-этическом монотеизме пророков и др. Эти положения, к сожалению, настойчиво повторялись и у нас в выходивших за последние годы книгах по общей истории древнего Востока; в академической схеме истории древнего Востока эти положения, правда, не повторяются, но зато там вообще отсутствует даже самая рубрика израильско-иудейской религии. Сейчас советская историческая наука имеет опыт марксистского изложения истории древнееврейской религии в упомянутой уже книге тов. А. Рановича, которая дает базу для правильного изложения указанной проблемы в будущем академическом издании. В последнем изложение как общей, так и религиозной истории Израиля и Иуды должно базироваться на критическом очерке истории библейской критики,—область, которою вышедшие в последние годы советские книги по общей истории Востока совершенно пренебрегали. Между тем, проблемы библейской критики являются одной из самых важных областей науки о Востоке вообще для всякого историка Востока, не только для специалиста по библеистике[1].

По отношению к истории религии других древневосточных народов составители марксистской истории древнего Востока должны воспользоваться огромным материалом источников религиозной истории, пущенным в оборот буржуазными ориенталистами, но должны обработать этот материал, опираясь на общеизвестные марксистско-ленинские установки о сущности религии и истории религии. Для историка особенно важно положение Маркса и Энгельса, согласно которому религия как один из видов идеологии не имеет своей собственной самостоятельной истории, но создается людьми, которые, развивая «свое материальное производство и свое материальное общение, изменяют вместе с данной действительностью также свое мышление и продукты своего мышления»... «Человек создает религию, религия не создает человека.... Человек—это мир человека, государство, общество. Это государство, это общество соз-

[1] См. об этом мою статью в № 1 (2) «Вестника древней истории».

дают религию, превратное миросознание, ибо сами они превратный мир»[1]. В восточных религиях, как и в других древних религиях, основу составляло «доисторическое содержание» религии, унаследованное от доклассового общества[2]. На эту основу наслоились новообразования исторического периода, созданные людьми в разных странах и в разное время в связи с условиями и требованиями социально-политической обстановки[3]. Восточные религии приобрели в процессе этих изменений основную черту, характеризующую религию всякого классового общества: они стали и в древневосточных странах орудием классового угнетения и властвования, «опиумом для народа», усыпляющим волю последнего к классовой борьбе. С этой стороны древневосточные религии, за исключением древнеизраильской религии, не подвергались изучению советской исторической науки, хотя указанный характер чрезвычайно выпукло выступает и в древневосточных мифологиях, и в древневосточных культах. Из всего сказанного следует, что в плане марксистской истории древнего Востока религия каждого народа должна рассматриваться в движении, и потому материал по религиозной истории не должен сосредоточиваться в одном разделе, но должен распределяться по разным главам, сообразно с общим планом периодизации истории данного народа.

Переходя к вопросу о периодизации истории древнего Востока, надо сказать, что периодизация истории каждой древневосточной страны должна проводиться с учетом истории общины в каждой стране. В настоящее время в связи с тем, что работа по изучению истории общины на древнем Востоке еще только начата, нельзя еще определить точные вехи периодизации истории всех стран древнего Востока. Яснее всего этот вопрос стоит по отношению к израильско-иудейской истории; тут в основном периодизация намечена в книге тов. Рановича. Далее, имеются более или менее твердые точки опоры для периодизации египетской истории, которую в рамках династической эпохи в основном следует делить на два крупных периода. Первый период должен обнимать собою Древнее и Среднее царство, когда велось наступление на общинный строй, и второй период, начинающийся с эпохи великой крестьянской войны. Что касается до периода самой крестьянской войны, то он должен быть выделен в особый раздел в качестве переходного звена между этими периодами. Конечно, эта схема периодизации египетской истории сугубо ориентировочна и нуждается в обсуждении и уточнении. Что касается до периодизации истории стран Двуречья, то сейчас еще очень трудно наметить даже самые главные вехи последней. Дело затрудняется не только тем обстоятельством, что история общины в Двуречье игнорировалась и буржуазными и советскими ориенталистами, но также и тем фактом, что именно в истории Двуречья огромную роль играл фактор «сменяющегося господства кочующих завоевателей». Каждое нашествие, каждая смена властителей должны были играть и играли огромную роль для судьбы общины; именно в такие периоды происходили катастрофы, «способные обезлюдить страну на целые столетия и лишить ее всякой цивилизации», «довести до необходимости начинать все сначала»[4].

---

[1] «Немецкая идеология», стр. 17, 592; ст. «Людвиг Фейербах», изд. 2-е, стр. 77—78.

[2] Энгельс,—Письмо к Конраду Шмидту от 27 октября 1890 г., см. «Маркс и Энгельс о религии и о борьбе с нею», т. II, стр. 519.

[3] «Людвиг Фейербах», изд. 2-е, стр. 77—78.

[4] Соч. М. и Э., т. IX, стр. 520; «Немецкая идеология», стр. 44—45; «Капитал», т. I, стр. 406.

Во всех случаях подобных нашествий и смен властителей происходило также уничтожение старых общин и насаждение новых общин из рядов завоевателей. Вследствие этого история общины в Двуречье была подвержена особенно частым и резким колебаниям и поэтому при составлении схемы периодизации истории стран Двуречья необходимо принимать во внимание не только действие внутренних социально-политических факторов, но и указанного внешнеполитического фактора. Необходимо подробно рассмотреть вопрос о периодизации истории стран Двуречья в особой статье.

Изложению исторических периодов каждой страны древнего Востока должны предшествовать введения, излагающие историю доклассового общества на территории данной страны. Эти введения должны углубляться в доисторическое прошлое настолько, насколько позволит для каждой страны археологический, а также фольклорно-этнографический материал, как древний, так и современный. Последний в некоторых случаях (например для Сирии, Аравии, Палестины) содержит большие фонды пережиточного характера. В этих введениях должны быть также освещены и по возможности разрешены весьма трудные этнические проблемы.

Само собой разумеется, что марксистское изложение хода истории древневосточных стран, исходя из указанных методологических установок, не должно превращаться в социологизированный очерк, хотя бы крупных размеров, но должно быть конкретным, насыщенным фактами, динамикой классовой борьбы, динамикой внешнеполитических отношений и конфликтов, должно дать также яркие характеристики исторических деятелей древнего Востока. Методологические установки должны руководить составителями в их работе над конкретным материалом, но они не являются самоцелью, они — только то драгоценное орудие, которое основоположники марксизма дали нам, историкам-марксистам, и с помощью которого мы можем и должны реконструировать и воскрешать историю древних и древневосточных стран во всей ее красочной, пестрой и своеобразной конкретности и полноте.

Таковы мои общие соображения об основах построения марксистской истории древнего Востока. Желательно и необходимо, чтобы эти соображения были подвергнуты самому широкому обсуждению историков-марксистов.

Проф. Г. В. СЕРГИЕВСКИЙ

О ПОСТРОЕНИИ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ В «ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА» АН СССР

Подготовка издания марксистской «Всемирной истории»—очень ответственная задача. Подлинно-научная «Всемирная история» не только должна подытожить всю массу накопленных знаний по истории человечества; она должна быть боевым оружием в борьбе против идеалистических исторических концепций, за марксистско-ленинскую историческую науку.

В отличие от появляющихся в последние годы буржуазных трудов по всемирной истории, издание Академии наук должно охватить исторический процесс в целом, от базиса до настроек, и дать ясное представление о закономерностях исторического развития человечества к последней фазе общества—коммунизму.

Другая особенность нашей «Всемирной истории» в том, что она, в отличие от европоцентризма и ограниченности буржуазных публикаций, должна стать подлинно-всемирной, уделяя внимание всем народам, а не лишь той или иной избранной группе народов.

Осуществление задачи, поставленной перед нашими историками, требует мобилизации всех кадров и постоянной помощи и контроля со стороны нашей научной общественности. Поэтому надо приветствовать опубликование в «Историке-марксисте» предварительных схем «Историй народов СССР» и «Истории древнего мира».

Руководство Института истории исходило при установлении периодизации «Всемирной истории» из необходимости сочетания хронологического и синхронистического принципов с принципом смены социально-экономических формаций—первобытно-общинного (доклассового) общества, рабовладельческого общества, феодализма, капитализма, коммунизма.

И в соответствии с этим принципом история древнего мира, охватывающая страны древнего Востока, Грецию и Рим, должна составлять особый раздел издания. В этом разделе на древний Восток отведен один том, на историю Греции (в собственном смысле слова)—один том, на эллинизм—один том и на историю Рима—два тома.

В схематическом плане тома по истории Греции предположены четыре раздела: введение, начальный и архаический период, классическая эпоха, кризис. Все эти четыре раздела охватывают историю греческих племен и полисов от «этногенеза и вопроса о древнейшей миграции» до Александра Македонского (включительно).

На долю введения приходятся следующие основные вопросы:

Источники. Историография. Географический очерк. Этногенез. Вопрос о древнейшей миграции.

В плане нет никаких указаний на то, как будут трактоваться поставленные вопросы.

Между тем, даже такой, казалось бы, бесспорный вопрос, как источниковедение или историография, может быть дан весьма различно, в зависимости от характера издания. В трудах покойного акад. В. П. Бузескула под скромным названием «Введение в историю Греции» обзор источников и очерк историографии занимает целый том размером свыше 500 страниц. В томе, посвященном истории эллинизма в разбираемом нами проспекте «Шеститомника», уже по-иному расположен материал аналогичного введения: здесь глава I отведена для истории науки и историографии, а в главе II более подробно указаны источники, к которым вполне резонно отнесены и данные археологических раскопок. Можно только догадываться, что и в томе «Древняя Греция» история археологических раскопок будет отнесена к «источникам».

В связи с вопросом об источниках мы считаем своевременным поставить на обсуждение предложение: выделить разделы источниковедения и историографии по каждому из основных разделов «Истории древнего мира» в особые выпуски; в основных же томах истории ограничиться помещением более или менее полного библиографического аппарата с критическими замечаниями в конце или в начале каждого раздела. Дело в том, что в советской литературе по вопросам источниковедения или историографии древнего мира нет ни одной общей работы, кроме журнальных статей, трудно доступных массовому читателю. Интересующимся этими вопросами приходится обращаться к немарксистским дореволюционным произведениям В. П. Бузескула или И. В. Нетушила (по римской историографии), но и их получить, особенно в провинции, хотя бы для справок— крайне трудно. Между тем, круг читателей даже для этого специального раздела у нас достаточно широк и не только среди преподавателей и студентов вузов: этими вопросами интересуются и широкие круги учителей-историков, и пропагандисты, и передовые комсомольцы, и многие другие.

Вернемся, однако, к программе издания. За «историей науки» следует «географический очерк». Спрашивается: чего и когда? Должен ли здесь быть дан очерк только материковой Греции, или островов также, или всей греческой «ойкумены»? И к какому тысячелетию или столетию надо отнести данные, например, о полезных ископаемых? При составлении такого, рассчитанного на все времена и пространства, географического очерка авторы всегда рискуют впасть в крайность. Так, в вышедших за последние годы учебных курсах по истории древней Греции у проф. В. С. Сергеева (издание 1934 г.)—«естественными богатствами в общем Греция небогата»[1]. другие же, наоборот, говорят о естественных богатствах Греции. Это противоречие происходит оттого, что проф. Сергеев не включает Македонию и Фракию в географическое понятие Греции. Во избежание подобных недоразумений, не пора ли отойти от традиционного для старых учебников географического очерка той или иной страны в начале книги и давать краткие географические характеристики отдельных областей той же Греции, но на своем месте, т. е. перед рассказом о конкретных событиях гражданской истории той или иной самостоятельной области. Такой прин-

[1] В. С. Сергеев—История древней Греции, 1934, стр. 5.

цип применен в «Греческой истории» Г. Глоца. Географическая характеристика той или иной местности, втягиваемой во всемирно-исторический процесс развития, значительно выигрывает от большей конкретизации данных, ярче запечатлевается в памяти читателя, способствует выявлению причин прогресса или отсталости изучаемого племени или народа. Но такой принцип, по нашему мнению, не исключает возможности давать в начале большого раздела мировой истории, например истории Востока или той же Греции, общий очерк историко-географической среды, окружавшей Грецию во II или I тысячелетии до н. э., и выяснить для читателя географические особенности всего Средиземноморья, в пределах которого развивается в дальнейшем история Греции. Сопоставляя опять проспект тома «Греции» с таковым по разделу «Эллинизм», мы не находим в последнем указаний на общую географическую характеристику районов распространения эллинизма, зато в каждой главе, в отличие от плана изложения собственно-греческой истории, мы найдем географические обзоры отдельных государств или провинций, выделявшихся постепенно в самостоятельные государства из бывшей мировой монархии Александра Македонского. Составители этой части плана шеститомника древней истории полностью стояли на позициях, принятых по этому вопросу у Г. Глоца.

Совершеннейшей загадкой остаются параграфы о «древнейшем населении» и о «межплеменных передвижениях в свете античной традиции». В каком направлении составители плана хотели бы дать разрешение этих сложных для Греции проблем,—указаний нет. А между тем, именно в таких вопросах ярче всего должна сказаться боевая установка нашего издания, направленного против человеконенавистнического извращения истории фашистскими фальсификаторами. Фашистская историография нигде не напустила так много туману, как именно в вопросах образования племен и рас, причем история древней Греции издавна служила для буржуазной науки излюбленным местом для упражнений по «арийскому» вопросу, что можно проследить едва ли не со времени Н. К. Мюллера, выпустившего еще в 1824 г. двухтомное исследование о дорянах. Следовало бы даже и в «схематическом плане» дать представление об отношении авторов плана к этому актуальному вопросу греческой истории, от решения которого зависит объяснение «греческого чуда», открытого Э. Ренаном и развенчиваемого советским академиком Н. Я. Марром и его школой.

Таковы вопросы, вызываемые формулировками введения к разбираемому нами тому.

Когда мы обращаемся к основному содержанию тома, бросается в глаза крайняя неравномерность в разработке плана отдельных глав и нечеткость некоторых определений.

Крайне «схематический» план главы I первого отдела совершенно не раскрывает содержания этой главы. Поскольку в схеме речь идет об «истории родовых обществ в материковой и островной Греции», крито-микенское общество трактуется с точки зрения проф. Богаевского, достаточно известной по его главе о крито-микенской эпохе в «Истории древнего мира» ГАИМК[1]. Поскольку эта точка зрения не получила признания советской научной общественности, необходимо предварительно подвергнуть вопрос о крито-микенской культуре широкому обсуждению, прежде чем приступить к составлению данной главы. Такой подход единственно возможен для успешного разрешения ряда проблем, стоящих перед совет-

[1] «Историк-марксист», 1937, № 3, стр. 21.

ской историографией, и хотя издание «Всемирной истории» рассчитано более чем на пятилетку и параллельный изданию рост кадров историков, однако, чем скорее Институт истории Академии наук организует соответствующие дискуссии, тем полезнее будет для советской, молодой еще по существу, исторической науки.

К числу таких дискуссионных вопросов относится и самая периодизация истории древней Греции. Предлагаемая схема определяет «классическую эпоху (расцвет рабовладельческого общества)», занимающую весь отдел второй данного тома, временем от греко-персидских войн до Пелопоннесской войны, т. е. всего примерно 65—70 годами V в. до н. э. До этого «расцвета» Греция переживает более тысячелетия «становление рабовладельческого общества» и после «расцвета»,—кризис и разложение в течение двух с половиной веков. И в каком отношении находится этот кризис к македонско-эллинистическому периоду, также мало понятно из разработанного институтом плана.

Неверно было бы огулом относить Спарту, которой отведено скромное место в главе VI наряду с Критом, Фессалией и Беотией, к группе отсталых земледельческих областей. Если в VI или V вв. Спарта действительно отстала от перегнавших ее передовых торгово-промышленных полисов, то в свое время, в начале становления рабовладельческого общества в Греции, Спарта является едва ли не одной из наиболее передовых общин. Отсталость—понятие относительное, и берется оно здесь авторами плана опять-таки под углом зрения «греческого чуда», без попытки дать конкретный анализ гражданской истории каждой области Греции; достаточно напомнить, что назвать Спарту исключительно отсталой в период ее гегемонии в IV в. до н. э. вряд ли было бы правильно.

Так же слабо, как положение «отсталых областей Греции», разработаны в плане вопросы об истории греческой колониальной периферии, как западной, так и восточной. В этом отношении «схематический план» тома о Греции значительно уступает более детально разработанному плану тома об эллинизме. По существу в плане содержатся: сравнительно подробное изложение истории государства афинского в VII—IV вв., внешнеполитические отношения, в которых те же Афины играют известную роль, и «обзоры истории техники, науки, литературы и искусства» по каждому большому разделу. Такую всестороннюю характеристику идеологических надстроек, конечно, можно только приветствовать, но при условии, если экскурсы в область истории литературы, искусства или философии не отодвинут на второй план собственно «гражданскую историю» древнегреческих городов-государств во всем ее конкретном многообразии.

В плане тома о Греции не нашел своего отражения принцип строгой синхронности изложения истории различных человеческих обществ. При самом внимательном просмотре нам не удалось обнаружить в схематическом плане истории древней Греции никаких следов внимания авторов плана к окружавшим Грецию «человеческим обществам». «Отец истории»—Геродот в этом отношении был, пожалуй, более любознательным, чем составители этого плана; он считал нужным познакомить своих современников со многими окружавшими Грецию народами: египтянами, лидийцами, скифами, ливийцами и др. В истории же, претендующей на наименование «всемирной», составители схемы не нашли места ни для ранней истории Македонии, ни Скифии, ни малоазийских соседей греков, если ограничиться только ближайшей к Греции «варварской» периферией. Авторы плана не учли замечаний товарищей Сталина, Жданова и Кирова от 8 авгу-

ста 1934 г. по поводу «конспекта учебника по истории СССР», который представлял собою «конспект русской истории, а не истории СССР, т. е. истории Руси, но без истории народов, которые вошли в состав СССР». Применительно к древней истории это замечание требует от нас изучения и разработки не только истории древней Греции, а внутри ее—не только истории Афин, но и истории народов, входивших в среду греческого влияния и составивших с течением времени часть эллинистического мира или развившихся самостоятельно, но усвоивших элементы греческой культуры в широком смысле этого слова. В этом отношении далеко впереди авторов разбираемого нами плана ушли составители буржуазной «Всеобщей истории», выпускаемой во Франции под заглавием: «Peuples et Civilisations» («Histoire générale» publiée sous la direction de L. Halphen et Ph. Sagnac).

Там все же содержится попытка, хотя и с неверным освещением, дать понятие о всех разнородных «peuples», с которыми приходилось встречаться ведущим народам античного мира—грекам и римлянам.

В настоящем своем виде схематический план истории древней Греции представляет собой изложение вузовской программы по истории Греции. Отдельные заголовки мало связаны между собой. Возьмем, например, начало главы IX: «Дальнейшее развитие рабской промышленности. Метэки». С чем связывается это «дальнейшее»? Начинаем искать и обнаруживаем в главе IV—«Время разложения родовых отношений—развитие ремесла и рабской промышленности», т. е. в совершенно другом контексте указание на роль рабов в промышленности, резко отличную от таковой в V в.

Конечно, схема не может и не должна заменить конспекта, а потому многое неизбежно остается в ней неясным. Более подробные планы, которые будут разработаны авторами, привлеченными к составлению отдельных глав истории Греции, должны будут полнее раскрыть конкретное содержание тома. Было бы хорошо, если бы и эти планы могли стать достоянием гласности, так, чтобы все наши историки античности могли оказать авторам тома товарищескую помощь в этом ответственном деле.

К. К. ЗЕЛЬИН

О ПОСТРОЕНИИ ИСТОРИИ ЭЛЛИНИЗМА В «ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА» АН СССР

Осуществление плана издания «Всемирной истории» явится важным моментом в развитии советской историографии. Перед советскими историками стоят ответственнейшие задачи как в смысле овладения фактическим материалом, так и в отношении методов его разработки. Правильное разрешение этих задач требует объединения и дружной работы всех советских исследователей, изучающих источники по истории самых различных стран и эпох. Только при условии такой дружной работы можно надеяться на процветание той науки, «которая умеет создавать новые традиции, новые нормы, новые установки» (Сталин).

В области древней истории много было сделано у нас за последние 20 лет, но в дальнейшем предстоит еще более настойчивая, систематическая работа над трудными, сложными и важными проблемами истории древнего мира. В прежних работах нередко давалась слишком схематическая и поверхностная характеристика отдельных моментов истории древних обществ; действительно научное решение проблем заменялось категорическими, но не всегда убедительными высказываниями; некоторые вопросы вовсе не затрагивались. В этом отношении работа над соответствующими отделами «Всемирной истории», несомненно, должна привести к более углубленной постановке и более правильному решению вопросов истории древнего Востока, Греции и Рима.

В общем изложении истории древней Греции эпоха эллинизма занимает важное место. Это место обусловливается ее историческим значением. Эллинистическая эпоха представляет чрезвычайно сложную картину развития, характеризующегося обострением классовой борьбы, быстрой сменой событий, бурными политическими и военными столкновениями, появлением своеобразных учений, важными техническими изобретениями и т. д. Македонское завоевание создало новые условия для развития стран Востока и самой Греции. Высочайший внутренний расцвет Греции, по выражению Маркса, совпадает с эпохой Перикла, высочайший внешний расцвет—с эпохой Александра[1]. Множество новых греческих городов возникло на территории Малой Азии, Сирии, Междуречья, на пустынных пространствах Средней Азии. Эта колоссальная экспансия греков и греческой культуры в страны Востока приводит к явлениям некоторого хозяй-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, 1928, стр. 194.

ственного и культурного прогресса в отдельных областях эллинистического мира, но не может задержать греческое рабовладельческое общество от дальнейшего падения: через какие-нибудь полтораста лет после возникновения «мировой державы» Александра Македонского эллинистические государства приходят в упадок, выдвинулась и получила уже преобладание новая могучая сила в Средиземноморье—Рим.

Необычайно сложны и интересны экономические, политические и культурные связи эллинистического мира. Они идут далеко на восток, к Индии и Китаю; изучение их начала и предпосылок уводит нас в глубь веков, в мир древних государств Востока: Египта, Вавилона, Ассирии и др. С другой стороны, развитие эллинистической эпохи имело великое значение для истории Рима, беспощадно эксплоатировавшего население покоренных им стран и широко воспользовавшегося их богатым культурным наследием. Если прибавить к этому, что по истории эллинизма мы располагаем такими источниками, которые отсутствуют для предшествующих периодов,—папирусами; что здесь мы имеем возможность познакомиться иногда в мельчайших деталях с формами эксплоатации широких масс населения, с характером классовой борьбы, с административной практикой, религиозными понятиями, литературными вкусами и пр.; что сохранились целые архивы, содержащие сотни документов по социально-экономической истории Египта этого времени, то делается понятным тот интерес, который возбуждает изучение этой эпохи. Это изучение дало уже богатейшие результаты для понимания хода исторического развития античного мира и должно дать еще больше в будущем.

Прежде всего возникает вопрос о рамках изложения в пространстве и во времени. Новейшие исследования показали, как был велик размах греческой колонизации Востока и какое важное значение имели отдельные страны эллинистической эпохи с их своеобразными особенностями. Поэтому было бы неправильным ограничивать изложение рамками одной какой-либо из стран, хотя бы и наилучшим образом нам известной, как поступил, например, в свое время Jouguet в своей книге «Македонский империализм и эллинизация Востока». Он дал в ней, помимо общего очерка завоеваний Александра Македонского, войн диадохов и внешней политики эллинистических государств в III в. и в начале II в. до н. э., в сущности лишь более или менее подробную характеристику строя эллинистического Египта (4-я часть). Jouguet мотивировал это тем, что «историк зависит прежде всего от своих источников, а Египет является страной, которая сохранила самые богатые и точные документы о своем прошлом». Но эти соображения, по существу правильные, не должны приводить к указанному ограничению рамок исследования. Это исследование должно охватить весь эллинистический мир. Поэтому вполне правильно в схеме Института истории Академии наук намечаются в широком масштабе основные линии развития в с е х эллинистических стран. Такие рамки редко можно встретить в существующих работах. Даже в таком широко задуманном труде, как «Cambridge Ancient History», не дается полной и цельной картины развития эллинистической эпохи. Некоторые важные моменты в истории этого времени (например эллинское влияние в Индии) почти не затрагиваются, а главное—история эллинистических государств излагается параллельно с историей Рима ab urbe condita, что и мешает до известной степени цельности впечатления. Конечно, спорной является последовательность в изложении при переходе от одной страны к другой. Так, например, нам кажется, что историю Сирии

в эллинистический период лучше рассматривать в связи с историей царства Селевкидов, так как эти области были тесно связаны друг с другом. Для характеристики эллинистического общества, его экономики и культурных связей большое значение имеют памятники Причерноморья и северных областей Балканского полуострова. Значение этой части эллинистического мира сознают и авторы некоторых новейших руководств по истории эллинистической эпохи, например Cary («A History of the Greek world from 323 to 146 b. c.»), который посвятил особую главу (VII—«Russia and the Balkan lands») области Понта. Однако, Cary дает очень беглый обзор. Археологические, эпиграфические и литературные данные, характеризующие состояние Северного Причерноморья в эллинистическую эпоху и представляющие большой интерес, использованы им недостаточно. В томе по истории эллинизма во «Всемирной истории» эти данные могут и должны быть разработаны с большой полнотой.

Если принципиально правильными являются возможно более широкие географические рамки истории эллинизма, то надо признать, что в этом размахе таится и некоторая опасность, которая должна быть преодолена: экстенсивность изложения в известных случаях может привести к недостаточно углубленному освещению исторических фактов, к изложению, главным образом, военно-политической истории ввиду преобладания именно этого материала по некоторым странам. Этого дефекта, надо думать, не будет в советской «Всемирной истории», которой должно быть присуще глубокое понимание процесса развития общества, рассмотрение внешней политики, военных столкновений и пр. на основе анализа главных моментов социально-экономического развития. И с этой точки зрения, хотя в истории эллинизма необходимо избежать «панегиптизма», преувеличения значения Египта в III—II вв. до н. э., все же историю его возможно и следует осветить более подробно, чем историю других стран эллинистической эпохи, не потому, что Египет играл главную роль в течение всей этой эпохи, а потому, что состояние источников по Египту позволяет глубже затронуть многие вопросы, важные и характерные для всего эллинистического мира. Более простым представляется вопрос о хронологических рамках эллинистической эпохи. Конечно, грани в этом отношении могут быть лишь очень условны, но все же они необходимы. Такой гранью здесь является македонское завоевание и крушение Персидской державы, а не случайный факт смерти Александра в 323 г. до н. э. Уже в процессе завоевания Востока проявляются те социальные силы, действие которых полностью обнаруживается в последующие десятилетия. Доведено должно быть изложение, согласно схеме Академии наук, до римского завоевания включительно. Действительно, terminus ad quem здесь—захват Египта Октавианом в 30 г. до н. э. Нельзя считать решающей датой 146 г. до н. э., как это делают некоторые авторы (например Cary. См. также Cohen—La Gréce et l' Hellénisation du monde antique, 1934, p. 407), так как многие, и притом характерные, явления социально-экономической и политической жизни эпохи упадка эллинизма мы наблюдаем в конце II в. и в I в. до н. э. , и 146 год до н. э. представляется гранью лишь в истории Македонии и Греции, но не стран эллинистического Востока.

По возможности всесторонне должен быть освещен вопрос о причинах и движущих силах завоеваний Александра, о чем нельзя говорить попутно, при изложении походов Александра; этому вопросу должна быть отведена особая глава. Поход Александра против Персии представляется одним из результатов истории IV в., и притом не только Македонии, но

и Греции. Движение к завоеванию Азии было подготовлено всем ходом социальной истории Греции после Пелопоннесской войны. Решающую роль здесь сыграли не усилия отдельных личностей, не хитроумные планы Филиппа II или отвага Александра, но общее положение в Греции, взаимодействие греческих полисов и Македонии, состояние Персидского государства. По этому вопросу все еще приходится встречаться с преувеличениями[1].

Обострение классовой борьбы в Греции обусловило образование громадной резервной армии. Недостаток земли, обеднение широких масс толкали на помыслы о захвате богатого Востока. Экономическое развитие IV в. создавало силу торговых и военных элементов, искавших поля деятельности на Востоке. В Греции возникали обширные завоевательные планы, длительная подготовка захвата Азии велась в современной публицистике. Несомненно, греко-македонское завоевание явилось громадным сдвигом, но в направлении, уже намеченном предшествующим развитием. В этом отношении IV век до н. э., имеющий характер переходной эпохи, позволяет проследить в отдельных областях жизни греческого общества условия, которые привели к этому сдвигу. Четвертый век—не только заключительный аккорд классической эпохи, но и предистория эллинизма, и с этой стороны заслуживает подробного изучения. Если даже история IV в. будет рассматриваться в иной связи в предшествующих отделах шеститомника по истории древнего мира, то в начале тома, посвященного эллинизму, следует выяснить итоги этой истории как переходного времени между классической и эллинистической эпохами, как периода подготовки эллинизма. Этот вопрос связан с общим пониманием эллинизма. Обыкновенно эллинизм определялся довольно обще, как слияние восточных и эллинских элементов. Так понимали, например, его в свое время Judeich[2], один из первых пытавшийся проследить «предисторию эллинизма» в Малой Азии, Пельман в своем «Очерке греческой истории» и многие другие.

Tarn в новой работе об эллинистической культуре («The Hellenistic Civilization») дает еще более общее определение: «Эллинизм это только удобное обозначение для цивилизации трех веков, в продолжение которых греческая культура распространялась далеко за пределы родины» (стр. 2). Но такое определение представляется недостаточным. Необходимо в него внести бóльшую четкость, что может быть достигнуто только выяснением реальных основ эллинистической культуры, социально-экономических условий возникновения и развития эллинистического общества. Переход от эллинской к эллинистической эпохе не был лишь сменой господствующих национальностей или процессом «слияния рас» («the fusion of races», CAH, v. VII, preface), но являлся перестановкой в социальных отношениях и изменением хозяйственной жизни. Необходима общая характеристика основных моментов социально-экономического развития эпохи эллинизма. Совершенно невозможно начинать изложение ex abrupto, как делают авторы упомянутых уже трудов, например Cary, начинающий изложение следующими словами: «Внезапная смерть Александра в июне 323 г. поставила его сотоварищей перед положением, которое не было совершенно предусмотрено». Или Jouguet (ук. соч., стр. 1): «Удар кинжалом, который в конце 336 г. пора-

[1] См., например, С. А. Жебелев—Древняя Греция, ч. II. Эллинизм, П. 1922, стр. 91: «То, чего всей греческой нации, даже в ее совокупности, вряд ли удалось бы сделать, совершил один человек—Александр Македонский».

[2] См. его книгу «Kleinasiatische Studien».

зил Филиппа Македонского, казалось, мог потрясти могущество царства и уничтожить планы войны в Азии», и т. д.

В рамках общей характеристики эпохи или в отдельной главе необходимо остановиться на предпосылках македонского завоевания и, следовательно, на итогах политического развития IV в. до н. э. С другой стороны, успехи греков непонятны без выяснения характерных черт Персидского государства в период, непосредственно предшествующий установлению господства македонян.

Эпоха эллинизма заканчивается римским завоеванием. Рим как важный фактор в истории Восточного Средиземья выступает уже в III в. до н. э.

В некоторых изложениях истории древнего мира включают в историю эллинистического периода рассказ о судьбах Рима и характеристику римского общества этого времени. Так, в «Cambridge Ancient History» (т. VII) дается в связи с историей эллинизма история Рима до 217 г. до н. э. (так же, как для эллинистических государств). Эта грань является искусственной. В сущности, ничего не произошло в 217 г., что бы оправдывало выбор этой грани. Битва при Рафии имела важное значение для взаимоотношений между царствами Птолемеев и Селевкидов, но не для всего мира Средиземья. Если учитывать влияние Рима, то скорее можно было бы взять за предел несколько более позднее время, около 200 г.— начало решительного выступления Рима на Востоке как преобладающей силы. Однако и это преобладание было окончательно установлено в результате ожесточенной борьбы в течение II в. до н. э. При включении римской истории в VII том CAH совершенно не выдерживаются хронологические рамки: глава XI говорит об основании города Рима, глава XII—о царском периоде и т. д. Все это объединено чисто внешним образом с остальным содержанием тома. В VIII томе история Рима еще более преобладает. Изложение доводится до 133 г. до н. э., т. е. до реформы Т. Гракха и образования провинции Азии. Но для эллинистического мира и эта дата не является решающей. Однако, с другой стороны, нельзя ограничиться только изложением истории отдельных стран; необходимы общие обзоры положения во всем эллинистическом мире. Таких обзоров следовало бы дать 2—3. Один из них дается обыкновенно в рассказе о войнах диадохов. Небесполезен был бы обзор эллинистических стран для середины III в. до н. э., и, конечно, очень нужна была бы такая общая характеристика для II—I вв.—периода римской экспансии на Восток и решающего влияния Рима на политику и судьбы эллинистических государств. Нельзя ограничиться указанием в конце каждой главы на успех Рима. Необходимо подвести общие итоги римской политики на Востоке. Это тем более желательно, что имеются новые специальные работы по этому вопросу (Homolle, Otto и др.). Таким образом сохранилась бы и цельность содержания тома, обусловленная социологическим единством изучаемых явлений, и в то же время не было бы изолированного рассмотрения истории отдельных государств, а был бы общий обзор всемирной истории на определенном отрезке ее. Сводная глава на тему о римском завоевании подытоживала бы содержание глав об отдельных эллинистических государствах во II—I вв. до н. э. и их падении.

Понятно, что советская «Всемирная история» не может являться обзором военно-политической истории, что авторы ее должны дать более или менее подробную картину социально-экономического развития эпохи. Ведь недостаточно наметить главные черты этого развития в общей характеристике эллинизма; социально-экономические моменты в истории

этой эпохи должны быть выдвинуты, по мере возможности, в главах, разрабатывающих конкретный материал. Именно для эллинистического мира, ввиду состояния источников, углубленное изучение социально-экономических явлений более возможно, чем для других периодов в истории греческого общества, но это, конечно, трудная задача, требующая большой предварительной работы и хорошо продуманной программы. Здесь нельзя ограничиться заголовком «Социально-экономический очерк» или «Экономика», а необходимо заранее наметить вопросы, доступные для разработки. Между тем, многие основные проблемы социальной истории эпохи эллинизма не разрешены и нуждаются в дальнейшем исследовании.

Нелегко выявить отдельные характерные черты социальных отношений и быта, рассеянные в многочисленных эпиграфических памятниках, отрывочных папирологических текстах или в сообщениях позднейших писателей, передающих нередко в искаженном виде известия более древних авторов; нелегко собрать эти детали так, чтобы получилось стройное целое. Особенно трудно это сделать для рассматриваемой эпохи в жизни древнего общества, столь многообразной в ее проявлениях. Но какой иногда яркий свет на это общество, на борьбу, которая происходила в нем, проливает краткая надпись или даже отдельное выражение.

В истории эпохи эллинизма громадное значение имела колонизация. Часто излагают отдельные моменты ее лишь в истории того или иного государства (например, государства Селевкидов), но этого недостаточно. Необходимо дать общий обзор процесса основания новых городов на Востоке и на Балканском полуострове. Передвижение греческого населения в конце IV в. до н. э. было прежде всего движением военных элементов, но вместе с ними и под их защитой двигались торговцы, ремесленники, дельцы всякого рода, авантюристы. Все эти разнообразные социальные элементы оседали по пути в том или ином городе или составляли кадры для заселения новых городов. Основание городов—результат и в то же время основа эллинизации Востока. Структура греческих поселений эллинистического времени должна быть освещена достаточно глубоко, а распространение—достаточно полно. В общих работах по истории эллинизма (хотя очерк «Städtegründungen» был уже в «Истории эллинизма» Дройзена) этот вопрос обыкновенно разрабатывался недостаточно. В специальной работе Черикавера на эту тему («Die hellenistischen Städtegründungen») собран добросовестно материал об основании городов, но освещение этого материала и характеристика социальной структуры эллинистического города схематичны, неярки; автор не рассматривает своей темы в широком историческом аспекте, не устанавливает тесной связи вопроса о колонизации с основными тенденциями социально-экономического развития эпохи.

Следует остановиться и на другом моменте. Авторы руководств по истории эллинизма обыкновенно давали общую характеристику государства и общества в Египте или в государстве Селевкидов, а иногда и вообще в эллинистическом мире. Эти характеристики охватывают все века существования эллинистических государств. Так же нередко поступали и авторы специальных работ. Нам кажется, что и для Египта и для других государств следовало бы сильнее выдвинуть мысль о различии периодов расцвета III в. и постепенного падения—II—I вв. до н. э. Если мы попытаемся рассмотреть историю птолемеевского Египта как единое целое, оставляя без внимания различные моменты в его эволюции, то утеряем правильную историческую перспективу в оценке отдельных явлений. Несомненно, что Египет III в. до н. э. и Египет II—I вв. до н. э. обнаруживают большие

различия в социальном и политическом отношениях, конечно, не такие значительные, как различия греческого и римского Египта, но все же достаточно существенные. Необходимо считаться не только со сложностью социальной терминологии, но и с возможностью ее изменения с течением времени.

Годы борьбы и падения когда-то могущественных государств эллинистического Востока представляют захватывающий интерес. Во II и I вв. до н. э. все сильнее поднимаются волны социального протеста, грозящие династиям, имущим классам, даже самому Риму. Восстания рабов происходят в разных областях эллинистического мира: на о. Делосе, в Аттике, в Пергаме, в Сицилии. В Египте усиливается социальное движение, в котором принимают участие царские земледельцы (βασιλικοὶ γεωργοί), ремесленники, воины, бедняки. Оно приводит к бурным взрывам (восстание Дионисия Петосараписа 165 г.), к ожесточенной борьбе с «эллинами»—представителями имущего и образованного класса населения. Это развитие социального движения требует внимательного изучения, от понимания сущности его зависит понимание истории всей эпохи. А что здесь мы встречаемся с грубыми извращениями, об этом свидетельствуют и некоторые авторы новых работ по эллинизму.

Помимо того, что источники эллинистической эпохи освещают многие моменты социальной и политической истории, они содержат громадный материал по культурной истории. Богата и своеобразна культура этого времени. Возникают и развиваются различные школы и направления в литературе, изобразительных искусствах и философии, оживают в новой форме и широко распространяются старинные религиозные верования, появляются новые культы. Изучение сложного материала по культурной истории эпохи эллинизма ведется давно, и в этом отношении «Всемирная история» не может оказаться позади произведений западной историографии. Названная выше работа Tarn'a, сравнительно небольшая по объему, дает довольно полную, хотя и очень сжатую, характеристику отдельных сторон развития культуры на основе разнообразных источников эллинистической эпохи. Но дело, конечно, не в одной полноте обзора, но и в методах решения вопросов культурной истории. В книге Cary все изложение разделено на две части: первая дает обзор политической истории, вторая—характеристику строя эллинистических монархий, экономической жизни, искусства, науки, религии. С таким механическим делением и суммарным, охватывающим все эллинистические государства, описанием культурной жизни согласиться нельзя. Необходимо охарактеризовать отдельные культурные области эллинистического мира, показать их специфические черты. Материал очень обширен, и его нельзя, нам кажется, разработать в пределах одной главы, охватывающей и технику, и науку, и религию, и искусство, литературу и философию, язык и право (см. схему). Следовало бы наметить, по крайней мере, четыре раздела: 1) по истории материальной культуры, техники, 2) религии, 3) науки, 4) искусства, не предрешая этим вопроса о числе глав. И в области культурной истории необходимо учесть две фазы развития, на которые указывалось выше.

История эллинизма представляет громадный интерес и обширное поле для изучения. Правильное понимание этого нового и сложного периода в жизни античного общества должно способствовать дальнейшему развитию исторической науки, той науки, которая «готова служить народу, готова передать народу все завоевания науки, которая обслуживает народ не по принуждению, а добровольно, с охотой» (Сталин).

ПРОФ. В. С. СЕРГЕЕВ и Н. А. МАШКИН

О ПОСТРОЕНИИ ИСТОРИИ РИМА В «ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА» АН СССР

Академия наук СССР включила в свой план издание «Всемирной истории». Задача эта поставлена своевременно. За истекшее двадцатилетие советская наука внесла немало нового и ценного в изучение всемирной истории. Задача советских историков заключается в том, чтобы сделать эти достижения достоянием масс. Это является одним из условий того, чтобы наша советская историческая наука стала действительно передовой наукой, «люди которой, понимая силу и значение установившихся в науке традиций и умело используя их в интересах науки, все же не хотят быть рабами этих традиций» (Сталин).

Рост благосостояния и подъем культуры в нашей стране способствовал усилению интереса широких слоев трудящихся к прошлому человечества, а постановления Центрального Комитета ВКП(б) и Совета народных комиссаров СССР содействовали не только правильной постановке работы по истории в средней школе, но и тому, что конкретная, живая история стала у нас одной из самых популярных отраслей человеческого знания. Наступило время дать обобщающий труд по всемирной истории, который позволил бы подготовленному читателю—не только специалисту—ознакомиться с различными периодами развития человеческого общества. Задача эта, повторяем, поставлена своевременно; в то же время она трудна и ответственна.

Мы считаем своим долгом высказать некоторые пожелания тем авторам, какие будут работать по истории Рима. По предварительному плану, истории древнего Рима должно быть посвящено два тома (всего 80 печатных листов). Таким образом, размеры работы позволят дать систематическую историю Рима, начиная с древнейших времен и кончая последними веками Римской империи. В этих томах должен быть обобщен опыт нашей советской науки, использованы те памятники, какие даны археологическими открытиями последнего времени, учтено то объективно ценное, что дано буржуазной историографией, и вместе с тем дан ответ на фальсификацию римской истории в писаниях фашистских и фашиствующих «историков». Соединение четкой марксистско-ленинской постановки вопросов римской истории с глубоким и всесторонним изучением материала—вот то, чего ждет читатель от авторов этих томов.

Авторы не должны забывать того, что каждая часть книги есть отдел всемирной истории. Поэтому история Рима должна быть написана, как

часть всемирной истории. В большинстве случаев составителей общих трудов по римской истории интересовали лишь события в самом Риме. Лишь отдельные экскурсы знакомили с общественным строем Карфагена или историей Понтийского царства при Митридате VI. От такого плана изложения следует отрешиться. Римская история может быть понятна лишь тогда, когда события ее будут излагаться в тесной связи с событиями мировой истории того времени. Конечно, нет необходимости излагать параллельно в одном томе историю, скажем, учреждения трибуната в Риме (традиционная дата—494 г.) и разрушения Милета персами (тоже 494 г.). Эти события не связаны взаимно. Последовательный синхронизм, как, например, в «Истории древнего мира» Эд. Мейера, не достигает цели, поскольку излагаются события таких стран, какие в определенное время совсем не имели соприкосновения. С другой стороны, при таком изложении теряется значимость истории той или иной страны, как наиболее важной для данной эпохи. Но история Рима не должна быть изолирована от всемирной истории. До эпохи вступления Рима на путь морских завоеваний история Рима должна рассматриваться в связи с историей других городов, народов и племен Италии, но после 264 г., и особенно 146 г., римская история должна излагаться в связи с событиями в других государствах Средиземноморья (Карфаген, Македония, Сирия, Египет). Наконец, завоевание Римом той или иной области еще не есть прекращение истории этой области, поэтому история провинций должна иметься в виду при изложении всех событий, ибо восстание рабов в Сицилии не может быть объяснено до конца без истории Сицилии, реформа Гракхов—без истории Испании во II в., успехи Помпея на Востоке—без истории восточных стран во II и I вв. Вполне возможно, что в отдельных случаях будет повторяться то, что изложено в томе, посвященном эллинизму, но это не следует считать недостатком, так как каждый том будет представлять самостоятельное целое, и изложение событий, относящихся к эллинистическим державам, в томах по римской истории будет короче и иметь иную установку.

Мы считаем, что необходимо использовать опыт расположения материала в книгах: A. P i g a n i o l—La conquête romaine в серии «Peuples et Civilisations» под ред. Halphen и Sagnac; E. C a v a i g n a c—Histoire de l'Antiquité, Paris, 1914.

Изложение конкретной истории Рима не должно вылиться в простой пересказ фактов; читатель ждет освещения целого ряда общих проблем. Конечно, многое в римской истории разработано с достаточной полнотой и ясностью, и подобающее место на страницах «Всемирной истории» должно занять то, что составляет железный инвентарь науки. Но нам хочется обратить внимание на те вопросы, которые прежде всего нуждаются в освещении.

При разработке первых веков римской истории среди исследователей возникло немало вопросов, которые остаются актуальными в исторической науке и до наших дней. Назовем этрусскую проблему. Отметим, что для историка она не может быть сведена только к вопросу о происхождении этрусков и этрусского языка. Не менее важно изучение социального строя этрусков, характера рабовладения, тех условий, какие способствовали развитию этрусской культуры; изучение влияния самой этрусской культуры на соседние италийские племена. Особенно важно охарактеризовать роль этрусского влияния в первые века римской истории. Важно определить характер так называемой Этрусской державы в VII и VI вв. до н. э.

Известия античных писателей о ранних веках римской истории вызвали немало споров в историографии. Недостаточно в вводной главе дать соображения о возникновении римской летописи и о ранних анналистах. Необходимо выразить определенное отношение к данным римской традиции.

В изложении событий ранней республики нередко внутренняя история раскрывается в отрыве от внешней, отдельно говорится о социальных отношениях и особые главы говорят о развитии права. Это мы найдем в «Истории Рима» Моммзена, в истории Пиганиоля и в других работах. Нельзя признать правильным такой метод распределения материала. Борьба патрициев и плебеев непонятна без изучения истории завоевания Италии, с другой стороны—и войны, какие вел Рим с соседними племенами, не могут быть объяснены, если не исходить из тех внутренних политических отношений, какие складывались в Риме. В главах, посвященных этому периоду, должна быть дана отчетливая характеристика социальных отношений: в какой мере сохранялись и сказывались пережитки родового строя, как развивалась частная собственность и в чем сохранялись пережитки собственности коллективной, какой характер носило рабство, какова была социальная значимость таких явлений, как патронат и клиентела, как складывался нобилитет и т. д. Многие стороны этих отношений нашли отражение в старинном римском праве. Поэтому вопрос о происхождении права и о тех нормах, какие были известны в раннюю эпоху, должен излагаться не в особых главах, посвященных римской культуре, а в связи с социальной историей первого периода Римской республики. Такие понятия, как частная собственность, пережитки коллективной собственности, должны разбираться не на основе априорных рассуждений, а на основании данных истории римского права.

Заметим, что авторы истории Рима должны будут обратить внимание на некоторые институты, которые специфичны для римской истории и которые, сохраняясь в течение многих веков, имели различную социальную значимость. Укажем хотя бы на роль отдельных родов (патрицианских и плебейских) и родственных связей, на роль клиентелы и патроната в различные эпохи. Было бы интересно дать характеристику отдельных родов и их представителей в разные периоды республиканской эпохи (Корнелии, Клавдии, Метеллы, Валерии).

В нашей советской историографии подробно изучен вопрос относительно восстаний рабов (работы А. В. Мишулина, С. А. Жебелева и др.). Выводы этих работ должны найти отражение на страницах «Всемирной истории». Но ряд вопросов, касающихся рабства и движений рабов, остался еще невыясненным. Нередко, например, рабство характеризуется как некая категория, неизменная, если не на протяжении всей античной истории, то во всяком случае во всей истории Рима. Мы уже указывали на необходимость более определенной характеристики рабства в первые века Римской республики. Изменения, какие происходили в положении рабов, в использовании силы рабов в различных отраслях хозяйства—все это должно быть учтено при изложении социальной истории Рима. В частности, следует обратить внимание на характер рабства во времена Римской империи. Ко II в. н. э. большую роль приобретают рабы, родившиеся в доме господина, изменяется взгляд на рабов, появляются законы, до известной степени ограничивающие произвол господина по отношению к рабу и т. д. По этому вопросу необходимо, во-первых, использовать в с е имеющиеся источники (не только литературные, но и юридические памятники, данные

эпиграфики, папирологии) и, во-вторых, не ограничиваться лишь констатацией фактов, но связать это с определенными этапами классовой борьбы.

Движения рабов не должны рассматриваться в отрыве от иных событий внутренней истории. Положение это не вызывает сомнений у наших исследователей, но, вместе с тем, оно недостаточно еще конкретизировано. Так, например, недостаточно еще разобран вопрос о связи движений рабов с политической борьбой во второй половине I в., в частности, не установлена связь между подавлением революции рабов и утверждением военной диктатуры в форме принципата.

Недостаточно обращалось у нас внимания на такие массовые движения, в которых несомненно участие рабов и вольноотпущенников (например, хотя бы движение Целия Руфа и Долабеллы).

Наконец, до сих пор остается еще неразработанной конкретная история последнего этапа революции рабов, ликвидировавшей рабовладельцев и отменившей рабовладельческую форму эксплоатации. Этот вопрос должен стоять в центре изложения истории Римской империи.

Отметим необходимость более четкой, чем делалось это до сих пор, социальной характеристики принципата. Больше внимания нужно обратить на социальные движения времен империи; не говоря уже о таких движениях, как Иудейская война или восстание Цивилиса, следует заняться городскими движениями; необходимо показать, что от внутренних волнений отнюдь не были свободны такие эпохи, как время Антонинов, которое нередко именуется золотым веком, периодом стабилизации и т. д. Данные таких источников, как речи Диона Хрисостома, показывают, что в эту эпоху во многих городах происходили волнения.

История империи тем трудна для изложения, что главные литературные памятники говорят по преимуществу о событиях в Риме, и все внимание историков императорского периода—даже таких, как Тацит,—в конце концов сосредоточено на жизни императора и его двора. Все же имеется огромное количество памятников, которые дают возможность проникнуть в жизнь отдельных областей Римской империи. В исторической науке немало сделано для освещения отдельных вопросов хозяйства, политического строя, социальных отношений, истории учреждений, быта и культуры. Но в большинстве случаев эти частные исследования не находят должного отражения в общих работах по истории империи. С этой «традицией» следует покончить. История Римской империи должна освещать не только то, что происходило в Риме, но должна стать историей народов, населявших Римскую империю. Поэтому история провинций должна занять должное место в томе, посвященном императорской эпохе. Как же расположить этот отдел? Иногда история провинций обособляется в специальную часть, мало связанную с общими вопросами истории империи (А л ь б е р т и н и, Р о с т о в ц е в), иногда авторы несколько раз возвращаются к истории провинций после обзора событий в правление той или иной династии. Так расположен материал в XI томе «Кембриджской древней истории». Мы считаем, что роль провинций должна учитываться при изложении всех периодов империи, особый же очерк следует дать после изложения событий II в. Должно быть учтено, что в существующих общих работах по истории Римской империи эти очерки написаны в большинстве случаев поверхностно; они не отражают очень часто тех результатов, какие дали частные исследования истории провинций во времена империи, и ограничиваются изложением событий внешней истории, связанной с той или иной провинцией, историей управления этой провинцией, пере-

числением важных центров, указанием на то, что из данной провинции вышли те или иные политические деятели, писатели, ораторы или юристы. Мы считаем, что очерки провинций должны осветить ряд принципиальных вопросов. Не отрицая необходимости дать краткую историю провинциального управления, нужно обратить внимание на социальные отношения в каждой провинции и выделить то, что является общим для всех провинций, характерно для ряда провинций (западных или восточных) и что составляет специфику данной области. С этой точки зрения следует разобрать соотношение крупного и мелкого землевладения в провинциях, роль рабовладения, время возникновения и характер колонатных отношений, роль города, степень развития обмена; роль, характер, формы и методы романизации. Не все провинции развиваются одновременно. Вот эта неравномерность развития провинций должна быть подчеркнута и объяснена. Наконец, общие очерки провинций нередко проникнуты мыслью о благодетельности римской колонизации; нередко описание провинциальной жизни состоит из ряда мирных идиллических картин. В противоположность таким очеркам в центре внимания должна быть классовая борьба, ее формы и методы. Конечно, не по всем провинциям мы располагаем таким материалом, который дал бы ответы на все эти вопросы, но в отношении ряда провинций многие из этих явлений мы можем проследить с достаточной ясностью (Египет, Сирия, Галлия, Африка).

В общих пособиях по истории Рима не существует единообразия в отношении того, до какого времени следует доводить изложение истории Рима, другими словами, где следует провести грань между древней историей и историей средних веков. Изложение доводится иногда до реформ Диоклетиана или же заканчивается правлением Константина; иногда историки останавливаются на 395 годе—дата окончательного разделения Римской империи на Восточную и Западную, чаще—на 476 годе. Мы считаем целесообразным предложить закончить изложением событий первой трети VI в. Традиционная дата падения Западной Римской империи—476 год. Это—непосредственный результат революции рабов и нашествия варваров, но Восточная империя продолжала существовать, и в ней сохранялись еще те черты, какие характерны для античного мира. Чтобы подвести читателя к пониманию средневековья, лучше завершить изложение античного мира правлением Юстиниана, когда была сделана попытка вернуть прежние владения Римской империи на западе, подведен итог систематизации и разработке римского права и, вместе с тем, закрытие Академии в Афинах знаменовало окончательное падение античной философии и науки.

Мы отнюдь не хотели дать исчерпывающий перечень тех проблем, какие следует осветить в томах «Всемирной истории», посвященных Риму, но старались остановиться на тех, какие являются актуальными в настоящее время. Следует ли вводить читателя в историю разработки отдельных проблем, давать мнения различных исследователей? Мы считаем, что, как правило, «Всемирная история» должна давать вполне определенные выводы, однако для некоторых вопросов нужно сделать исключение. Так, желательно, чтобы были указаны различные теории, касающиеся возникновения Рима, объясняющие причины перехода от республики к империи и определяющие характер власти первых императоров; различные мнения о причинах возникновения колоната и, наконец, различные точки зрения на причины гибели античного мира. Само собой понятно, что эти историографические очерки не достигнут своей цели, если превратятся в каталог различных мнений. Автор должен систематизировать эти мнения

и охарактеризовать главные направления в разрешении указанных выше вопросов.

Не приходится говорить о том, что от авторов «Всемирной истории» требуется, чтобы они дали живое, интересное изложение, чтобы книги по всемирной истории могли читать не только специалисты. В этой связи хочется напомнить о том, на что указано в постановлении ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР, а именно, что история должна показывать живых людей. У историка Рима немало возможностей, чтобы охарактеризовать деятелей различных эпох. Можно выделить образы руководителей рабов—Спартак, Евн, Афинион; деятелей демократического движения—Фламиний, Гракхи, Сатурнин, Ливий Друз Младший; полководцев и политических деятелей первых периодов республики—Манлий, Курий Дентат, Катон Старший, Сципионы; деятелей I в. до н. э.—Марий, Сулла, Цезарь, Помпей, Красс, Катилина, Клодий, Антоний; деятелей императорского Рима—Август, Веспасиан, Адриан, Марк Аврелий, Септимий Север, Константин, Феодосий, Сенека, Плиний Старший, Иосиф Флавий и др.

«Всемирная история» не должна быть учебником для вузов, точно отражающим программу. Задача составления учебника по истории Рима не снимается, но она должна разрешаться особо. Поэтому перед автором не стоит задача точно отобрать факты, какие следует запомнить; перед ним другая цель—дать яркое представление о той или иной эпохе, о той или другой стороне римской жизни. Не все вопросы могут быть облечены сразу же в готовую форму отдельной главы того или иного тома. Некоторые темы нуждаются еще в предварительном исследовании и освещении. Мы считаем желательным, чтобы такие иследования по наиболее актуальным вопросам обсуждались в прессе и на страницах «Всемирной истории», были бы даны результаты коллективной работы, а не частные мнения отдельных авторов в виде «материала для дискуссии».

«Всемирная история» должна быть авторитетным изданием, на которое может положиться советский историк и всякий советский читатель, интересующийся историей. И это должно касаться не только общих вопросов. Обратим внимание, что следует, например, продумать вопрос об историко-географической терминологии: как лучше писать—Лациум или Лаций, Лаодикея или Лаодикия, Британия или Британния и т. д.

Вокруг издания «Всемирной истории» должны объединиться все, кто ведет исследовательскую работу, кто стремится к тому, чтобы советская всемирная история стала действительно передовой исторической наукой. Необходимо использовать опыт различных изданий по всемирной истории, «понимая силу и значение установившихся в науке традиций и умело используя их в интересах науки». Но нужно иметь «смелость, решимость ломать старые традиции, нормы, установки, когда они превращаются в тормоз для движения вперед... и создавать новые традиции, новые нормы, новые установки» (Сталин).

Все мы должны приложить усилия к тому, чтобы создать труд, достойный Сталинской эпохи.

Выход «Краткого курса по истории ВКП(б)», представляющего собой ценный вклад в марксистскую историческую науку, дает в руки историков те новые указания, руководствуясь которыми, исследование проблем древнеримской истории будет поднято на соответствующую марксистско-ленинскую высоту.

А. РАНОВИЧ

РЕЛИГИЯ И АТЕИЗМ В «ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА» АН СССР

Во «Всемирной истории» Академии наук большое место занимает история культуры. Литературе, искусству, философии, науке и ее противоположности—религии—отводится ряд глав во всех разделах. Это—совершенно правильно. Величайшие достижения человеческой мысли древности представляют для нас интерес не только исторический: они продолжают жить вполне реально с нами. Произведения древнего искусства продолжают доставлять нам художественное наслаждение. Многие проблемы, занимавшие древних мыслителей, не утратили своей остроты и теперь. «Могла ли устареть за две тысячи лет развития философии борьба идеализма и материализма? Тенденции или линии Платона и Демокрита в философии? Борьба религии и науки?» (Л е н и н—Материализм и эмпириокритицизм, Соч., т. XIII, стр. 106).

Наша современная наука неразрывно связана с наукой древности. Архимед и Евклид, Гален и Гиппократ, Герон и Аристрах, Витрувий и Эратосфен—в известном смысле наши современники. «Магабарата», «Илиада», Софокл, Еврипид, Алкей, Сафо, Ювенал, Лукреций и многие другие волнуют нас и теперь.

Но наряду с великими, неувядаемыми творениями человеческого гения до нас дошли и продолжают жить также ошибки и пороки прошлого—искаженные представления о природе и обществе, идеалистическая философия, религиозные системы, классово-эксплоататорские этические заповеди и правовые нормы. Облекшись в новую форму, наполнившись новым содержанием, а иной раз и в полной неприкосновенности, эти пережитки далекого прошлого продолжают отравлять сознание людей, мешают трудящимся в их борьбе за победу коммунизма во всем мире.

Задача историка-марксиста—не только дать материалистическое объяснение идеологиям древности, но и вооружить нашего читателя для борьбы против чуждых ему, вредных, идеалистических извращений действительности. «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его». Этот тезис Маркса (11-й тезис о Фейербахе) постоянно должен иметь в виду учёный-марксист. Наука, в том числе история, партийна. И если классовый интерес буржуазии заставляет ее ученых идеалистически искажать историю, то марксизм-ленинизм дает единственно правильное, подлинно-научное понимание исторических

закономерностей, прививает диалектико-материалистическое мировоззрение, помогающее не только правильно объяснить, но и изменить мир.

Боевая, воинствующая марксистская «Всемирная история» должна уделить серьезное внимание также истории религии и атеизма, воспитать в читателях марксистско-ленинское атеистическое мировоззрение, помочь преодолению пережитков капитализма в сознании трудящихся.

Схема «шеститомника» по истории древнего мира Академии наук содержит немало параграфов, посвященных истории религии.

В этом отношении она выгодно отличается от ряда вышедших у нас в последние годы книг по истории древности. В книге А. И. Тюменева «История античных рабовладельческих обществ» нет ни слова о религии. В «Истории древней Греции» В. С. Сергеева есть полторы страницы, посвященные религии эллинизма, и только.

В схеме «Всемирной истории» материал о религии распределен более или менее равномерно, но схема составлена скупо, содержание отведенных религии параграфов не раскрыто, а история атеизма и вовсе не отражена в схеме.

Между тем, древняя история дает богатый материал, который вооружает для борьбы с религией. «Мы должны бороться с религией. Это—азбука всего материализма и, следовательно, марксизма—писал Ленин.— Но марксизм не есть материализм, остановившийся на азбуке: марксизм идет дальше. Он говорит: надо уметь бороться с религией, а для этого надо материалистически объяснить источник веры и религии у масс» («Об отношении рабочей партии к религии», Соч., т. XIV, стр. 70).

К сожалению, несмотря на это указание Ленина, несмотря на то, что в произведениях основоположников марксизма-ленинизма дано достаточно руководящих положений и конкретных исследований о религии и борьбе с ней, нашими историками, в частности историками религии, сделано до сих пор чрезвычайно мало. Древняя история охватывает множество религий, отражающих различные этапы истории человечества—от зарождения религии в первобытном обществе и политеизма эпохи варварства до христианства, остающегося доныне одной из самых распространенных религий на земле. Но если для истории раннего христианства и иудаизма кое-что сделано у нас, то в отношении прочих религий древности специальных марксистских трудов наши историки не дали; лица, интересующиеся религиями древности, и пропагандисты-антирелигиозники вынуждены обращаться к Шантепи де ля Соссею и другим подобным авторам, идеалистически извращающим историю религии. В истории атеизма опять-таки приходится пользоваться работами Маутнера, Дж. Робертсона и т. п.

Таким образом, перед авторами «шеститомника» стоит серьезная задача: руководствуясь указаниями основоположников марксизма, дать правильную трактовку древних религий. До сих пор в работах по древней истории религия, поскольку она вообще не игнорируется, либо просто описывается, либо, в лучшем случае, ей дают схематическое социологическое объяснение. Но Маркс писал: «Конечно, много легче посредством анализа найти земное ядро причудливых религиозных представлений, чем, наоборот, из данных отношений реальной жизни вывести соответствующие им религиозные формы. Последний метод есть единственно материалистический, а следовательно научный метод» («Капитал», т. I, стр. 281, изд. 8-е). О том же писал Энгельс: «Надо исследовать в деталях условия существования различных общественных образований, прежде чем пытаться вывести из них соответ-

ствующие им политические, частноправовые, эстетические, философские, религиозные и т. п. воззрения» (Письмо к Конраду Шмидту 5 августа 1890 г.).

В этом отношении наши историки находятся в благоприятном положении: ведь они как раз и исследуют «условия существования различных общественных образований» и поэтому могут и должны правильно, материалистически объяснить явления идеологические, в частности—показать, что религия—опиум народа, что «идея бога в с е г д а усыпляла и притупляла «социальные чувства», подменяя живое мертвечиной, будучи всегда идеей рабства, худшего, безысходного рабства» (Л е н и н—Письмо к Горькому), что религия—порождение бессилия в борьбе с природой, а в классовом обществе—бессилия эксплоатируемых в борьбе с эксплоататорами.

По схеме Института истории трудно, конечно, судить, в какой мере авторы с этой задачей справятся. Необходимо, однако, отметить, что не во всех томах и разделах антирелигиозной пропаганде отведено подобающее место.

Так, в I томе—«История доклассового общества», рассчитанном на 30 печ. листов, мы находим лишь совершенно случайные упоминания о религии. В главе VIII «возникновение религиозных представлений» дается лишь в связи с мустьерскими погребениями, религиозный характер которых к тому же вызывает серьезные сомнения. В главе IX упоминаются «магия и тотемизм» в связи с пещерной живописью. В главе XV мы находим одно слово об «идеологии» эпохи неолита и почему-то только в лесной полосе Восточноевропейской части СССР. Наконец, в конце тома отводится 2 печ. листа идеологии «родовой эпохи», мышлению, языку и искусству. Контекст, в котором подаются случайные упоминания о религии, вызывает опасения, что авторы недооценивают важность проблемы происхождения религии для практики антирелигиозной пропаганды и не ставят перед собой задачу показать корни религии—бессилие дикаря в борьбе с природой, «отрицательно-экономическое»—показать реакционную роль религии в доклассовом обществе.

Составители схемы I тома, очевидно, старались держаться строго в рамках истории, избегая прямого использования этнографического материала, хотя в трактовке таких вопросов, как матриархат, экзогамия, магия и т. п., они фактически, конечно, исходят из э т н о г р а ф и ч е с к и х параллелей, без которых привлекаемый археологический материал остается немым. При таком подходе к теме есть опасность скатиться к позитивистскому объяснению или просто о п и с а н и ю первобытных форм религии. Мало того, недостаточное внимание к религии, занимающей огромное место в жизни первобытного общества, может в известной мере затемнить картину движения этого общества, где обратное воздействие идеологии на экономическую основу сказывается довольно сильно. «Низкое экономическое развитие доисторического периода имело в качестве своего дополнения, а порой даже в качестве условия и даже в качестве причины, ложные представления о природе» (Э н г е л ь с—Письмо к Конраду Шмидту от 27 октября 1890 г.).

Недостаточность разработки вопроса о происхождении религии и ее начальных форм тем более досадна, что в дальнейших томах, занимающихся историей уже классовых обществ, уделяется мало внимания пережиткам дикарских религиозных представлений, бытующим еще и в наше время. Поэтому пробелы в I томе особенно ощутительны. В частности, возникновение политеизма (в родовом обществе) нигде не показано, и переход от

«магии и тотемизма» к религиям классовых обществ останется невыясненным.

В схеме истории древнего Востока религии отведено больше места, чем в схеме I тома, хотя приходится с удивлением отметить, что древнееврейская религия в главе XXV («Израиль и Иуда») вовсе отсутствует; а ведь эта религия в модифицированной форме существует и теперь и поэтому заслуживает особого внимания и разоблачения. Столь же поразительно отсутствие упоминания о религиях Китая, изучение которых совершенно необходимо для освобождения китайского народа от духовного гнета религии. В основном в томе «Древний Восток», судя по схеме, анализируются религии Вавилона и Египта, причем они выводятся, повидимому, «из данных отношений реальной жизни». Необходимо будет, однако, всякий раз отмечать то н о в о е, что характеризует ту или иную религию на определенном этапе исторического развития.

«...Религия всегда сохраняет известный запас представлений, унаследованный от прежних времен, так как во всех вообще областях идеологии предание является великой консервативной силой. Но изменения, происходящие в этом запасе представлений, определяются классовыми, т. е. экономическими отношениями людей, делающих эти изменения» (Э н г е л ь с —Людвиг Фейербах, Соч., т. XIV, стр. 676). Поэтому, например, нельзя говорить прямо о тотемизме в Египте. Тотемизм характерен для начальной стадии развития родового общества. В классовом обществе возможны лишь его пережитки, деформированные и видоизмененные, включенные в новую систему верований и подчиненные ей. Культ животных в Египте в такой же малой степени является тотемизмом, как и современный культ православной иконы св. Христофора с собачьей головой или св. Зосимы в виде пчелиного улья, или agnus dei и святой осел в католической религии. В классовом обществе корни религии, главным образом, социальные; это должно быть отражено в трактовке истории религии. На примере египетской и вавилонской религий историку удобнее всего показать, как «фантастические образы, в которых вначале отражались только таинственные силы природы... приобретают общественные атрибуты и становятся представителями исторических сил» (Э н г е л ь с—Анти-Дюринг, Соч., т. XIV, стр. 322). Вавилонские магические заклинания переплетаются с молитвенными формулами, в которых появляется возникающая в классовом обществе идея греха. Божество растительности—Озирис превращается в богаспасителя. Вырабатывается новое представление о загробном суде и воздаянии. Классовая структура общества получает божественную санкцию, идея бога все больше связывает угнетенных верой в божественность угнетателей. Конечно, «Всемирная история», в том числе и ее серия «История древнего мира», не может вдаваться в детали—это дело специальных исследований по истории религий. Но на том материале, который может быть включен в «шеститомник», социальные корни и классовая сущность религий должны быть показаны.

В томах, посвященных античным обществам, религии отведено достаточно места, за исключением тома об эллинизме, где религии в главе XXIV, занимающей всего $1^1/_2$—2 печ. листа, может быть посвящено всего 2—3 страницы. А ведь эллинистические религии представляют исключительный интерес для понимания происхождения монотеизма и, особенно, христианства. Что касается Греции и Рима, то было бы, пожалуй, целесообразнее не дробить изложения по отдельным главам. Ведь идеологии вообще, а тем более такая консервативная, как религия, не поспевают

за изменениями в экономическом базисе, и механическое, искусственное распределение истории религии по главам гражданской истории неизбежно приведет к схематизму и—главное—не даст широкой, яркой и полной картины. Для Греции было бы правильно дать анализ гомеровской религии и религии эпохи расцвета—V в.; для Рима надо показать религию II—I вв. до н. э. и синкретические религии I—II вв. н. э., включая императорский культ; особенно важен последний раздел не только для понимания причин победы христианства, но и—косвенно—для анализа того совершенно нового явления, каким была Римская мировая империя, «сводившая все к одному уровню» и создавшая предпосылки для возникновения новой общественно-экономической формации—феодализма. Поэтому отсутствие всякого упоминания о религии в томе V (за исключением специальной главы о христианстве)—досадный пробел.

В схеме тома по истории Греции вызывает недоумение пункт об «упадке мира олимпийских богов» в VII—VI вв. Здесь, повидимому, какая-то неясность в формулировке. Олимпийцы—Афина, Зевс, Аполлон и др.—не только в VII в., но и в V в. вовсе не пришли в упадок. Они лишь приобрели новые, общественные атрибуты. Гомеровские боги отражают в своих фантастических образах родовой строй, который, применяя слова К. Маркса, покоится «на незрелости индивидуального человека, еще не оторвавшегося от пуповины естественно-родовых связей с другими людьми» («Капитал», т. I, стр. 43). С возникновением классового общества родовые боги частью превращаются в героев, пользующихся почитанием лишь в местных и семейных культах, частью становятся «представителями исторических сил». Культ природы и стихий принимает опять-таки новый вид; боги природы отрываются от природы, становятся над нею, ее распорядителями; вместе с тем они приобретают общественные функции, становятся источниками классовой морали, вершителями судеб человеческого общества, идеологическим утверждением и освящением нового общественного строя. Поэтому нельзя говорить об упадке олимпийских богов в VII—VI вв. Когда старые боги действительно пришли в упадок, их сменило христианство.

Примерно та же мысль об упадке олимпийских богов выражена в III томе «Истории древнего мира» ГАИМК. Здесь религии Греции посвящена отдельная глава (XVIII), написанная проф. Е. Кагаровым. Глава написана беспорядочно. В специальном параграфе описана религия гомеровской эпохи; но какой вид эта религия со всеми олимпийцами приняла в классическую эпоху, об этом ничего не сказано. Статически показаны мистерии VI—V вв., их генезис не объяснен. А для VI—V вв. вместо религии дается «кризис религиозного сознания Греции», причем в это «религиозное сознание» включаются вперемежку богословские идеи Эсхила и атеизм. Да и самый термин «религиозное сознание» дан здесь с идеалистическим душком.

В схеме «шеститомника» поражает отсутствие упоминания об атеизме. Даже самое имя наиболее яркого представителя атеизма древности—Эпикура—не упоминается в схеме, хотя в ней нашлось место для элеатов. Надо полагать, что история борьбы религии и атеизма, идеализма и материализма будет дана в соответствующих разделах по истории философии. Но и философские разделы, поскольку они в схеме не раскрыты (особенно в томе по истории Рима), вселяют некоторые опасения насчет характера трактовки философских тем. В большинстве случаев в схеме дается просто перечисление имен: «Эмпедокл. Анаксагор. Старшие софисты» и т. п.,

а в томе по истории Рима в соответствующих разделах три раза упоминается «философия», без дальнейших пояснений. Конечно, во «Всемирной истории» должны быть даны яркие, живые характеристики отдельных философов, а не схематические образы с механически приклеенным к ним социологическим ярлычком. Но главная задача в том, чтобы показать б о р ь б у основных мировоззрений—идеалистического и материалистического, «линии Платона и Демокрита», показать развитие материализма и диалектики в борьбе против поповщины и метафизики. С этой точки зрения представляется неудачной формулировка: «философия Демокрита—завершение натурфилософии». Что Демокрит хронологически завершает натурфилософию,—верно. Но главное то, что он н а ч а л новую линию, «линию Демокрита», что он был, по выражению Маркса, «первым энциклопедистом».

Самый выбор тем в разделах философских должен быть тщательно продуман. «Новейшая философия так же партийна, как и две тысячи лет тому назад»,—писал Ленин («Материализм и эмпириокритицизм», Соч., т. XIII, стр. 292). Историки философии в течение веков тенденциозно выдвигали на первый план идеалистов и всячески замалчивали и искажали материалистов. Эта традиция идет уже от древности. «Болтовня Цицерона и Плутарха» исказила учения и самые образы материалистов и атеистов. Не случайно, что от Платона сохранилось гораздо больше того, что он действительно написал (из 42 его диалогов 15 безусловно подложны), тогда как от Демокрита дошли до нас лишь отрывки, а многие материалисты древности известны нам лишь по имени или по редким случайным упоминаниям. В своем конспекте лекций Гегеля по истории философии Ленин замечает: «Подробно размазывает Гегель «натурфилософию» Платона, архивздорную мистику идей, вроде того, что «сущность чувственных вещей есть треугольник» (265) и т. п. мистический вздор. Это прехарактерно! Мистик-идеалист-спиритуалист Гегель (как и вся казенная, поповски-идеалистическая философия нашего времени) превозносит, жует мистику-идеализм в истории философии, игнорируя и небрежно третируя материализм. Ср. Гегель о Демокрите—ничего!! О Платоне тьма размазни мистической» (XII Ленинский сборник, стр. 231—233).

К сожалению, это пренебрежение к материалистам и преувеличенное почтение к идеалистам перешло из буржуазной традиции и в нашу литературу. В. С. Сергеев в «Истории Греции» пренебрежительно называет эпикурейство «одной из многочисленных разновидностей стоицизма» и отрицает за автором «Каноники» оригинальность «в своих гносеологических воззрениях».

Зато, говоря о Платоне, В. С. Сергеев вежливо отмечает лишь «ахиллесову пяту» его философии—у него, видите ли, «неясное определение материи и природы того идеального мира, бледным отражением которого является реальный мир чувств и рефлексов». Не думает же В. С. Сергеев, что если внести ясность в этот вопрос, объективный идеализм Платона освободится от единственного уязвимого места и станет совершенной философией?

В нашей «Всемирной истории» материалистическая философия должна занять то место, которое принадлежит ей по праву. Не только Демокрит и (непонятным образом пропущенный) Эпикур, но и Диагор, и Феодор, и Филодем, и Диоген из Тарса, и Диоген из Эноанды, и Лукреций, и другие представители античного материализма и атеизма должны быть в марксистской «Всемирной истории» показаны с наивозможной полнотой. Образ Сократа, мужественно отстаивавшего свои философские и политические

взгляды перед лицом смерти, имеет право на соответствующее место в нашем «шеститомнике». Но не меньшее место должны занять гонимые за свои материалистические и атеистические убеждения Протагор, Диагор, Эпикур. Разве костер, на котором сожгли сочинения Протагора, не ярче освещает идейную и политическую борьбу в Афинах, чем цикута Сократа? А кампания лжи и клеветы, которую вели против Эпикура при жизни и после смерти, не заслуживает внимания историков? А «сумасшествие» и самоубийство Лукреция не наводит ли на мысль о клевете и гонениях на этого гениального поэта и философа-материалиста? Конечно, и Парменид, и Платон, и Зенон, и Сенека, и Посидоний, и Плотин должны быть охарактеризованы во «Всемирной истории», но п р о п о р ц и и должны быть взяты правильные, традиции буржуазной истории философии должны быть отставлены раз навсегда.

Очень жаль, что «шеститомник» ограничивается изложением одной лишь античной философии. Между тем, мы имеем известную аналогию наивному материализму милетской школы натурфилософов в индийской Lokāyata; атомистика вайсешика заслуживает внимания в нашей «Всемирной истории». С другой стороны, специального рассмотрения требует буддийское богословие, поскольку существует распространенный предрассудок, будто буддизм—не религиозное учение, основанное на вере в сверхъестественное, а некая философия, чуть ли не материалистическая. Эта вредная точка зрения, в значительной мере мешающая борьбе с буддизмом (ламаизмом), как одной из «мировых» религий, должна быть авторитетным образом разоблачена.

«Всемирная история» Академии наук носит по форме характер научно-популярный, но она должна подытожить научно-исследовательскую работу историков-марксистов. Очевидно, и по вопросам идеологии потребуется ряд предварительных углубленных научно-исследовательских работ. Товарищеское обсуждение их, коллективная помощь авторам в порядке деловой самокритики должны обеспечить высокий научный уровень «Всемирной истории» и вместе с тем большевистскую непримиримость ко всякого рода идеалистическим вывертам, ту непримиримость, которой учат нас Маркс—Энгельс—Ленин—Сталин.

«Краткий курс истории ВКП(б)» обращает внимание марксистской исторической науки на изучение роли идей в общественном развитии, в развитии науки и человеческого познания. Без правильного понимания исторической роли общественных идей и теорий невозможно и правильное понимание марксизма, как нового, революционного учения, возникшего, «как прямое и непосредственное продолжение учения величайших представителей философии, политической экономии и социализма» (Л е н и н, Соч., т. XVI, стр. 349). Глубокое, правдивое, марксистско-ленинское изучение истории борьбы между материализмом и идеализмом, наукой и религией вооружает для борьбы против идеализма и поповщины, против вражеской фальсификации истории человеческого общества.

Список сокращений, встречающихся в № 3(4) ВДИ

ABAW—«Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften»
AHR—«American Historical Review»
AOF—«Archiv für Orientforschung»
AOTB—H. Gressman—Altorientalische Bilder und Texte zum Alten Testament
AP—«Archiv für Papyrusforschung»
BGA—Bibliotheca Geographorum Arabicorum
BGU—«Ägyptische Urkunden von den Königlichen Museen zu Berlin. Griechische urkunden»
CAH—«Cambridge Ancient History»
CE—«Chronique d'Egypte»
CIG—Corpus Inscriptionum Graecarum
CSCO—Corpus scriptorum christianorum orientalium
GJ—«The Geographical Journal»
GMS—Gibbs Memorial Series
JEA—«Journal of Aegyptian Archaeology»
ЖМНП—«Журнал министерства народного просвещения»
ЗОО—«Записки Одесского общества истории и древности»
ИАК—«Известия Археологической комиссии»
IG—Inscriptiones Graecae
ИГАИМК—«Известия Государственной Академии истории материальной культуры»
IPE (*IosPE*)—Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini
ИРАН—«Известия Российской Академии наук»
OAK—«Отчеты Археологической комиссии»
OGIS—W. Dittenberger—Orientis Graeci Inscriptiones Selectae
RAs—«Revue d'Assyriologie»
RE—Pauly—Wissowa—Kroll—Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft
REG—«Revue des études grecques»
RH—«Revue historique»
SEG—Supplementum Epigraphicum Graecum
SHA—Scriptores Historiae Augustae
SPAW—«Sitzberichtungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften»
Syll—W. Dittenberger—Sylloge Inscriptionum Graecarum
ВДИ—«Вестник древней истории»
WZKM—«Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes»
ZfN—«Zeitschrift für Numismatik»
ZSSt—«Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte»

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)». Постановление ЦК ВКП(б) 3
Неоценимый вклад в марксистскую историческую науку.—*А. Мишулин* . . . 17
Проф. А. Мишулин—О наследстве русской науки по древней истории 25
Проф. Дитлеф Нильсен (Копенгаген)—О древнеарабской культуре и религии . 36
Акад. С. А. Жебелев—Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре . 49
М. А. Шангин—Некоторые надписи Херсонесского музея 72
Проф. С. Я. Лурье—Новое папирусное свидетельство о борьбе за Сигей . . . 88
Проф. А. В. Мишулин—Утопический план аграрной Магнезии 92
Проф. В. С. Сергеев—Разложение рабовладельческой системы и начало колоната в Римской империи 117
З. Мишина—Выступление Максимина и позиция сената 133
Проф. А. А. Фрейман—К имени согдийского ихшида Гурека 147
Н. В. Пигулевская—К истории социальных и экономических отношений в Месопотамии VI в. 149
М. В. Воеводский и *М. П. Грязнов*—У-суньские могильники на территории Киргизской ССР (К истории у-суней) 162

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Н. А. Машкин—Эдикты Августа из Киренаики 180
Проф. С. Лурье—Из истории математики в древности 193
Проф. В. Пархоменко—Древняя история России в освещении Ключевского и Преснякова 199
Проф. М. Гремяцкий—Аристотель—О частях животных 203
Проф. Г. Сергиевский—Катон, Варрон, Колумелла, Плиний—О сельском хозяйстве 206
И. Умняков—Hudud al Alam 211
А. Смирнов—М. И. Артамонов—Очерки древнейшей истории хазар . . . 218
И. Лурье—И. Л. Снегирев, Ю. П. Францов—Древний Египет 220
Т. Книпович—Л. М. Славін—Ольвія 224
В. Блаватский—Помпеянские росписи 226
М. Кобылина—В. Д. Блаватский—Архитектура древнего Рима 227
К. Костко—Вопросы древней истории на страницах «Известий Академии наук СССР» 229
К.—История древности в «Советской этнографии» 233

ХРОНИКА

Е. Крупнов—К 50-летнему юбилею научной деятельности проф. В. А. Городцова 236
Г. Белов—Новая херсонесская мозаика 238
В. Гольмстен—Обзор археологических работ в 1937 г. 242
Изучение древней истории в Институте востоковедения Академии наук СССР 255
В Институте антропологии МГУ 257

МАТЕРИАЛЫ К ОБСУЖДЕНИЮ СХЕМЫ ИЗДАНИЯ «ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА» АН СССР

Г. П. Поляков—Древняя история в «Histoire Générale» Г. Глоца 261
Л. А. Ельницкий—«Кембриджская древняя история» 276
С. И. Протасова—История древнего мира в построении Эд. Мейера 298
Акад. Н. М. Никольский—О построении истории древнего Востока 314
Проф. Г. Сергиевский—О построении истории древней Греции в «Истории древнего мира» АН СССР 333
К. К. Зельин—О построении истории эллинизма в «Истории древнего мира» АН СССР 338
Проф. В. С. Сергеев и *Н. А. Машкин*—О построении истории Рима в «Истории древнего мира» АН СССР 345
А. Ранович—Религия и атеизм в «Истории древнего мира» АН СССР . . . 351
Сокращения 358

SOMMAIRE

Pages

Résolution du Comité Centrale du Parti Communiste (bolchévik) de l'URSS sur l'organisation de la propagande du Parti en rapport avec la publication du «Cours abrégé de l'histoire du Parti Communiste (bolchévik) de l'URSS» 3

A. Michoulin—Une contribution inestimable, à la science historique-marxiste (éditoral) 17

Prof. A. Michoulin—Succession de la science russe en histoire ancienne . . . 25

Prof. Ditlef Nielsen (Copenhague)—La culture et la religion des arabes anciens 36

S. A. Gebeleff, de l'Académie des Sciences de l'URSS—Le dernier Pairisades et la révolte scythienne en Bospor 49

M. A. Changuin—Quelques inscriptions de Chersonèse inédites 72

Prof. S. J. Lourié—Un témoignage nouveau papyrologique de la lutte pour Sigeion 88

Prof. A. V. Michoulin—Le plan utopique agraire de Magnesie 92

Prof. V. S. Sergueeff—La décadence du système d'esclavage et l'origine du colonat dans l'Empire Romain 117

Z. Michina—Le rôle politique du Maximin et la position du Sénat 133

Prof. A. A. Freyman—Le nom d'Ikshid sogdien Gourek 147

N. V. Pigoulevskaya—Quelques remarques des relations sociales et économiques dans Mésopotamie au VI siècle 149

M. V. Voevodsky et M. P. Grjaznoff—Les sépulcres d'Ou-Sun sur la territoire de l'RSS de Kirghizie 162

CRITIQUE ET BIBLIOGRAPHIE

N. A. Machkin—Les édits d'August de la Cyrénaique 180

Prof. S. Lourié—De l'histoire de la mathématique en antiquité 193

Prof. V. Parkhomenko—Kljoutschevsky et Presnjakoff sur l'histoire ancienne de la Russie 199

Prof. M. Gremjatzky—«De partibus animalium» d'Aristôte 203

Prof. G. Serguievsky—Caton, Varron, Columella, Pline —De l'agriculture 206

I. Oumnjakoff—Hudud-al'Alam 211

A. Smirnoff—M. I. Artamonoff—Etudes de l'histoire ancienne des khazars 218

I. Lourié—I. L. Sneguireff et J. P. Frantzoff—L'Egypte ancienne. . . 220

T. Knipovitsch—L. M. Slavin—Olvia 224

V. Blavatsky—Les fresques pompéennes 226

M. Kobylina—V. D. Blavatsky—L'architécture dans la Rome ancienne . . 227

K. Kostko—Les problèmes de l'histoire ancienne dans le «Bulletin de l'Académie des Sciences de l'URSS» 229

K.—L'histoire d'antiquité dans «Ethnographie Soviétique» 233

CHRONIQUE

E. Kroupnoff—Cinquantaine de l'activité scientifique du prof. V. A. Gorodzoff 236

G. Beloff—Mosaïque nouvelle de Chersonèse 238

V. Golmsten—Aperçu sur les travaux archéologiques en 1937 242

L'histoire ancienne dans l'Institut des études orientales de l'Académie des Sciences de l'URSS 255

Dans l'Institut d'anthropologie MGU 257

CONTRIBUTIONS À LA CRITIQUE DU SCHÉME DE «L'HISTOIRE ANCIENNE» EN ÉDITION DE L'ACADÉMIE DES SCIENCES DE L'URSS

G. P. Poljakoff—«L'Histoire Générale» sous la direction de G. Glotz 261

L. A. Elnitzky—Cambridge Ancient History 276

S. I. Protazova—«L'histoire d'antiquité», par Ed. Meyer 298

N. M. Nikolsky, de l'Académie des Sciences—La construction de l'histoire ancienne de l'Orient 314

Prof. G. V. Serguievsky—Le plan de l'histoire de la Grèce ancienne dans «L'histoire ancienne» de l'Académie des Sciences de l'URSS 333

K. K. Zeljin—Le plan de l'histoire d'hellénisme dans «L'histoire ancienne» de l'Académie des Sciences de l'URSS 338

Prof. U. S. Sergueeff et N. A. Machkin—Le plan de l'histoire romaine 345

A. Ranovitch—La religion et l'athéisme dans «L'histoire ancienne» de l'Académie des Sciences de l'URSS 351

Abreviations 358

Цена 10 руб.

Henker